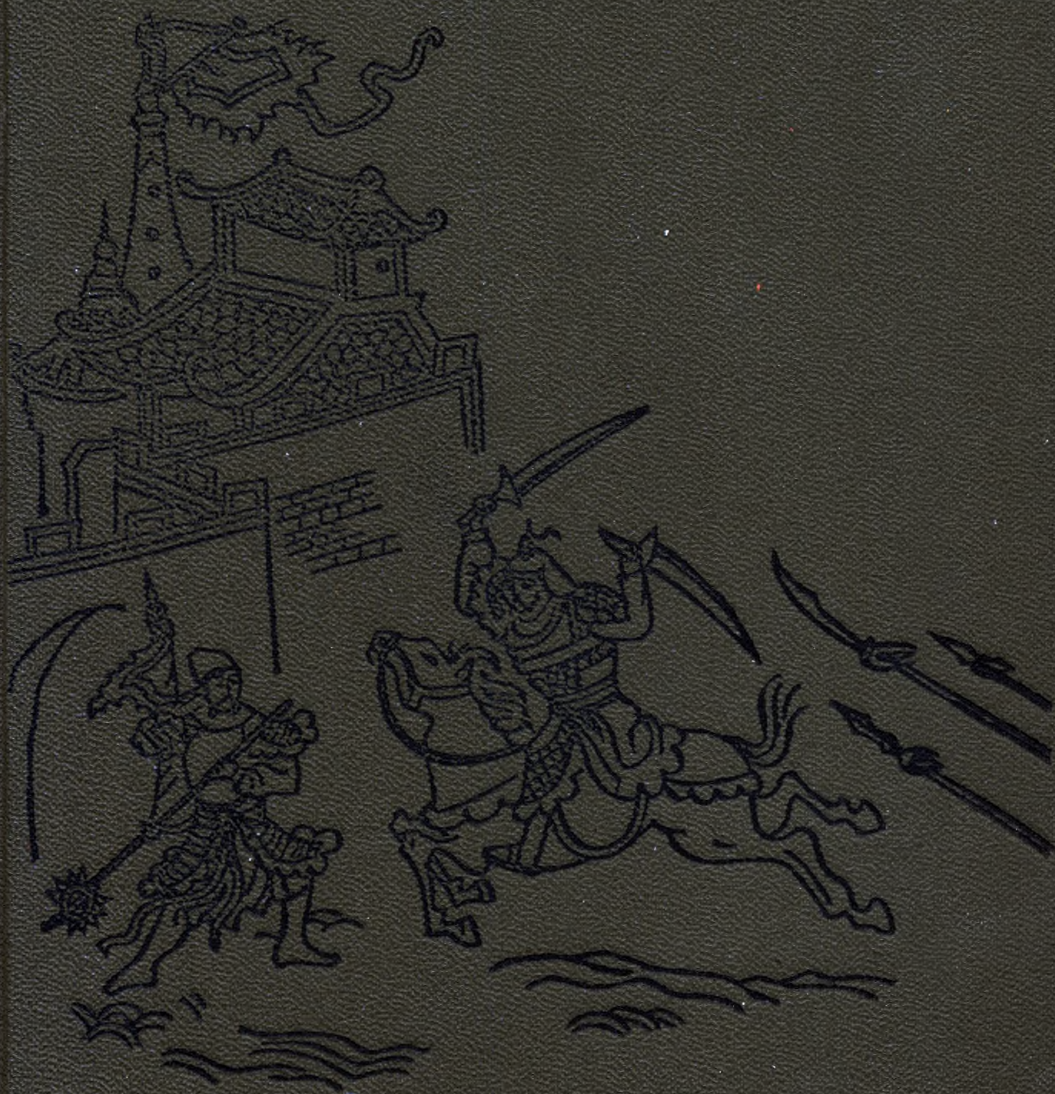


А. А. РЯБИНИН

РОЖДЕСТВО ИМПЕРИИ НГУЕНОВ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.Л. РЯБИНИН

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ НГУЕНОВ



социально-политическая
история Вьетнама
в начале XIX в.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

Ответственный редактор

Д. В. ДЕОПИК

Рецензенты

О. В. НОВАКОВА, П. В. ПОЗНЕР

Книга посвящена переломному периоду новой истории Вьетнама. Военная победа над крестьянской династией Тай-шонов исторически перспективной части феодального класса, связанной с городскими слоями, сделала начало XIX в. временем наиболее динамичного развития вьетнамского общества на стадии позднего феодализма. Эта же победа породила и массу противоречий: острые социальные конфликты, вызывавшие противоборство враждебных группировок, столкновение политических программ и методов их реализации.

Р 0506000000-055 КБ-54-4-1987
013(02)-88

☉ Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ВВЕДЕНИЕ

Задачи, которые ставили основоположники марксизма-ленинизма перед исторической наукой, предполагали, в частности, необходимость создания хорошо документированных детальных описаний истории различных стран на всех этапах их развития [16, с. 350—351]. Написание совокупности исследований — описаний истории каждого общества естественно начинать с ключевых этапов, уже выделенных нашей наукой.

Почему мы выбрали предметом пристального изучения историю Вьетнама начала XIX в.? Дело в том, что если вьетнамская история второй половины XVIII в. — это признанный в науке период кризиса [70, с. 115], ярчайшим проявлением которого явилось беспрецедентное по масштабам, накалу классовой борьбы, воздействию на экономические, социальные, политические и идеологические структуры крестьянское восстание тайшонов, то начало XIX в. — это период преодоления и выхода из кризиса, это период послекризисного развития, во время которого социально-экономические характеристики позднефеодального вьетнамского общества не только усилились, но и в определенной мере получили юридическое и институциональное оформление.

Впервые в истории Вьетнама была создана мощная позднефеодальная империя (несмотря на относительную моноэтничность страны, правомерность наименования воссозданного из двух княжеств государства империей определяется тем, что в 1806 г. вьетнамский правитель присвоил себе тот же титул, который носил китайский император — кит. хуанди, вьет. хоанг де), власти которой поначалу опирались на прогрессивные для того времени социальные слои — частных землевладельцев, купечество и предпринимателей. Опора на эти слои была как условием прочного объединения страны, так и залогом дальнейшего прогрессивного развития вьетнамского общества. На протяжении первых двух десятилетий XIX в. имперские власти в общем и целом (на последнем этапе — со значительными отклонениями) придерживались именно такой практики, поощряя позднефеодальные и предкапиталистические слои, которые вследствие этого получали возможность дальнейшего развития. Однако следующие почти четыре десятилетия вплоть до начала французского вторжения в 1858 г. были периодом значитель-

ного ослабления прогрессивных социально-экономических и социально-политических тенденций в развитии позднефеодального вьетнамского общества. Это ослабление было вызвано сначала активным и решительным обратным воздействием сложившейся в 10-х годах XIX в. государственной надстройки на базисные социально-экономические и структурные социально-политические процессы, а именно жестким и последовательным наступлением на «частника» во всех сферах производства, обмена и управления, затем — усталостью и депрессией, с одной стороны, феодальных властей, осознавших не только тщетность, но и пагубность подобной борьбы, поставившей страну на грань катастрофы (восстания 30-х годов), с другой — помещиков, торговцев и предпринимателей, экономическое и социальное могущество которых было в значительной степени подорвано в результате длительных и настойчивых гонений, и, наконец, — отсутствием времени (его не дала иностранная агрессия), вследствие чего определенный подъем в развитии исторически перспективных общественных слоев, имевший место в 50-х годах XIX в., не достиг уровня начала века.

Таким образом, исследование социально-политической истории Вьетнама начала XIX в. (первых двух десятилетий) есть одновременно и изучение тех максимальных достижений в общественной сфере, которые дал мировой истории опыт самостоятельного и естественного развития (французское вторжение 1858 г. прервало процесс естественного развития Вьетнама) позднефеодального вьетнамского общества. Наиболее существенным из этого опыта представляется уяснение положения, статуса и соотношения различных социальных слоев (помещиков-землевладельцев и феодального чиновничества, купечества и государственных торговых агентов, частных предпринимателей и экономических чиновников, общинного и частновладельческого крестьянства и т. д.), структуры управления (с помощью государственных чиновников, сельского помещичьего и городского торгово-ремесленного самоуправления), формы власти (восточная деспотия или власть, эволюционирующая в сторону «не деспотии», сословной и абсолютистской монархии). Знание всего этого совершенно необходимо как для определения места вьетнамского позднего феодализма в ряду других восточноазиатских обществ, так и для создания общей типологии азиатского феодализма.

Кроме того, сопоставление положения и роли различных общественных слоев, являвшихся социальной опорой власти в начале XIX в. и впоследствии может, на наш взгляд, не только объяснить причины кризиса 30—40-х годов, но и указать дополнительные внутренние факторы, способствовавшие потере Вьетнамом независимости.

Наконец, специальное систематическое и подробное исследование социально-политической истории такого важного периода, которым были первые два десятилетия в развитии вьетнам-

ского общества, представляется целесообразным вследствие отсутствия такового в исторической литературе.

История становления позднефеодального вьетнамского государства, где власть сочетала интересы новых слоев (помещиков и купцов) с интересами слоев старых (прежде всего феодального чиновничества), и является основным объектом исследования предлагаемой книги.

В первой главе впервые как отдельный исторический период рассматривается история войн Нгуен Фук Аня с тайшонами, заканчивающаяся поражением последних и гибелью тайшонского государства со столицей сначала в Фусуане, а затем — в Тханглаунге.

Остальные главы работы посвящены собственно социально-политической истории Вьетнама с начала мирного периода (1802 г.) и до конца 10-х годов XIX в., т. е. вплоть до резкого изменения внутриполитического курса, проводимого верховной властью.

Внутреннюю политику центрального правительства в этот период можно считать эталоном благоприятствования прогрессивным социально-экономическим тенденциям развития позднефеодального вьетнамского общества. Пожалуй, еще большее усиление прогрессивности в государственной политической линии грозило мотивированным восстанием консервативных элементов, которых было немало на севере страны, а это было небезопасно для новой династии.

«Эталонный» характер (в указанном смысле) внутриполитической государственной деятельности фусуанских властей в годы правления под девизом Зялаунг (1802—1819) требует ее дальнейшего изучения. Такое изучение представляется необходимым, во-первых, для сопоставления данной внутренней политики с аналогичной деятельностью государства в последующие периоды вьетнамской истории и выявления ее общих закономерностей и специфики на различных этапах позднего феодализма во Вьетнаме; во-вторых, для сравнения с внутриполитической деятельностью периодов наибольшего благоприятствования прогрессивным социально-экономическим тенденциям в странах Восточной и Юго-Восточной Азии в период позднего феодализма, что также может определить общие закономерности региональной политики и специфику ее в отдельных странах; общим итогом такой работы могла бы быть типология внутриполитических стандартов периода позднего феодализма в странах Юго-Восточной и Восточной Азии.

В результате столь нечастой в истории стран Юго-Восточной Азии активной и целенаправленной деятельности правительства, показавшего, сколь эффективна может быть внутригосударственная политика феодальных властей при условии опоры на исторически перспективную социальную базу и учет насущных потребностей составляющих эту базу социальных слоев — частных землевладельцев, торговцев и предпринимателей,

Вьетнам во второй половине 10-х годов XIX в. полностью преодолел последствия кризиса второй половины XVIII в. и превратился в одно из наиболее мощных государств Юго-Восточной Азии, сильное в военном отношении и внутренне стабильное.

Все это дает возможность рассматривать период вьетнамской истории начала XIX в. (вплоть до конца 10-х годов) как период общего подъема в социальном развитии вьетнамского общества.

Этот период подразделяется на четыре этапа, характеризующие исторически обусловленной различной направленностью, степенью интенсивности и территориальными рамками социально-политической деятельности феодальных вьетнамских властей: I этап — 1802—1806 гг.; II этап — 1806—1812 гг.; III этап — 1812—1817 гг.; IV этап — 1817—1819 гг. Изложение социально-политической истории Вьетнама в 1802—1819 гг. производится в этой части работы по указанным выше этапам с выделением соответствующих районов: Север (Бактхань и Нгеан-Тханьхоа), старые районы бывшего южновьетнамского княжества Дангчаунг (от Нгеана до Зядини) и Крайний Юг (Зядинь).

При анализе социальных и политических процессов первых 20 лет XIX в. мы отказались от доставшегося в наследство от французской историографии представления об истории Вьетнама первой половины XIX в. как об однообразном, малодинамичном, стагнирующем отрезке времени «перед французами», в котором нецелесообразно выделение периодов, этапов и тенденций развития.

В данной работе выделяются специфические социорегиональные особенности развития вьетнамского общества. Ибо социальная региональность, столь очевидная в годы войны с восставшими крестьянами в 1771—1802 гг., существовала и раньше, в XVIII в., и, что наиболее важно, впоследствии в течение всего XIX в. Без учета этой социальной региональности невозможно понимание экономического, социального и политического развития Вьетнама как в первой половине XIX в., так и в ходе войны с Францией.

Основным источником для написания данной работы послужила хроника «Дай Нам тхык люк. Тьинь биен» — «Правдивые записи о Дай Наме. Основной свод», кюены (книги) с 10 по 40 [19; 20; 21]. Эти книги составлялись в течение 27 лет (с 1821 по 1847 г.) комиссией придворных историографов, во главе которой стояли Чыонг Данг Кюэ и Ву Суан Кан — виднейшие политические деятели своего времени, и были ксилографированы в 1848 г., т. е. в 1-й год правления под девизом Тыдык [19, с. 11—16].

Оба сановника были лидерами победившего при императоре Тхань то, правившего под девизом Миньманг, «традиционалистского» направления в государственной политике, бравшего за

образец «идеальные» нормы древности и враждебного «реалистическому» курсу, преобладавшему в первые два десятилетия XIX в. Однако в силу самого «жанра» источника это почти не повлияло на тенденциозность изложения в нем материала, хотя и не спасло от соответствующих комментариев, которые тоже представляют интерес для исследователя, но в другом плане.

Хроника хранилась в императорском книгохранилище и предназначалась для «просветления образцовых гражданских и доблестных военных чиновников Дай Нама» [19, с. 7]. Характер источника предполагал совершенно определенный элитарный круг читателей. Само чтение текста требовало значительной подготовки. За редким исключением изложенный фактический материал не сопровождался ни комментариями, ни обобщениями, ни выводами, не носил пропагандистского характера (за исключением текстов указов, обращенных к народу). Такова была устойчивая многовековая традиция издания официального историописания. «Дай Нам тхык люк» за изучаемый период базировалась на документах, хорошо известных большинству читателей (во всяком случае в годы ее выхода в свет). Круг этих читателей, как мы уже отмечали, был довольно узок, их трудно было ввести в заблуждение, да это и не было целью книги. Кроме того, исключительная подробность описания давала возможность читателем выявить противоречия, связанные с попытками фальсификации. Чтобы ложь не стала очевидной, обычно требовалось либо фальсифицировать огромные куски текста, либо вводить объяснения. Но первое было чрезвычайно затруднительно, ибо определенная часть текста состояла из речей императора (в них не допускались изменения ни одного иероглифа), а также из фактов, так или иначе связанных с его «деяниями» (эти факты также нельзя было искажать). Средства «поправок» фактов были уже упоминавшиеся малочисленные выводы, комментарии и объяснения тех или иных событий, сообщение о которых было явно неприятно историографам «традиционалистам», но не приводить которых они не могли. Такого рода выводы, комментарии и т. д. всегда резко выделяются в тексте и легко отличимы от основной массы материала, содержащего факты.

Чрезвычайно важным для данной работы является сочинение Фан Зыонг Хао (писавшего под псевдонимом Фан Тхук Чык) «Куок ши зи биен» (Записи, переданные государственной историей) [29]. Фан Зыонг Хао родился в Нгеане, в семье потомственных чиновников династии Ле в 1808 г. и прожил 44 года. В 17 лет он стал лауреатом провинциального конкурса пров. Нгеан, а в 39 лет — третьим лауреатом дворцового конкурса (тхам хоа). В первом томе своих «записей» Фан Тхук Чык описывает историю правления Тхе то (1802—1819). В этой неофициальной истории, написанной потомственным чиновником — северянином с позиций «традиционалистов», не только по-иному освещаются уже известные события, но и при-

водятся факты, отсутствующие в «Дай Нам тхык люк. Тьинь биен».

Считаю своим долгом поблагодарить сотрудников сектора древней и средневековой истории Вьетнама Института истории КОН СРВ, особенно Ле Ван Лана и Фам Ван Киня, а также профессора исторического факультета Ханойского университета Фан Хюи Ле, которые оказали мне большую помощь своими консультациями, а также предоставили в мое распоряжение ценнейшие неопубликованные источники. Я очень благодарен также сотрудникам сектора Вьетнама Отдела социалистических стран Азии Института востоковедения АН СССР и всем товарищам, принявшим участие в обсуждении рукописи данной работы.

ОБРАЗОВАНИЕ ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ
НГУЕНОВ

Сезонные войны Нгуен Фук Аня с тайшонами

В конце XVIII — начале XIX в. Вьетнам был охвачен гражданской войной. Эта гражданская война состояла из серии сезонных военных кампаний и последнего заключительного этапа войны — так называемой «непрерывной» кампании, длившейся с 1800 по 1802 г.

Сезонными войнами следует считать шесть последовательных военных кампаний, которые вел правитель вьетнамского Крайнего Юга (Зядини) Нгуен Фук Ань против образовавшегося в результате победы крестьянского восстания государства Тайшонов в 1792, 1793, 1794, 1795, 1797 и 1799 гг.

После неудачи, постигшей в 1790 г. генеральное наступление зядиньских войск, Нгуен Фук Ань в начале 1792 г. следующим образом сформулировал стратегию и тактику сезонных войн: «В настоящее время силы врага велики, а наша армия только что сформирована и еще не может уничтожить войска противника... Если в этом году не нападём, в следующем году не атакуем, дадим врагу передышку, то это будет плохая стратегия. Не лучше ли использовать все возможные способы, чтобы обмануть его и быстро нанести удар, дабы утомить. Ежегодно с наступлением сезона попутного ветра наш военный флот, пройдя по морю, атакует незащищенные места (в обороне противника. — *А. Р.*). Наши пехотные войска будут постепенно продвигаться вперед и, захватывая тяу (горный уезд), строить крепость в этом тяу, захватывая хюен (долинный уезд), будут возводить форт в этом хюене, создавая заслон для Зядини и заставляя врага разделять свои силы и ослаблять свою мощь. Только так можно будет завоевать Поднебесную» [19, с. 153]. Впоследствии правитель Зядини твердо придерживался выработанного плана ведения военных действий.

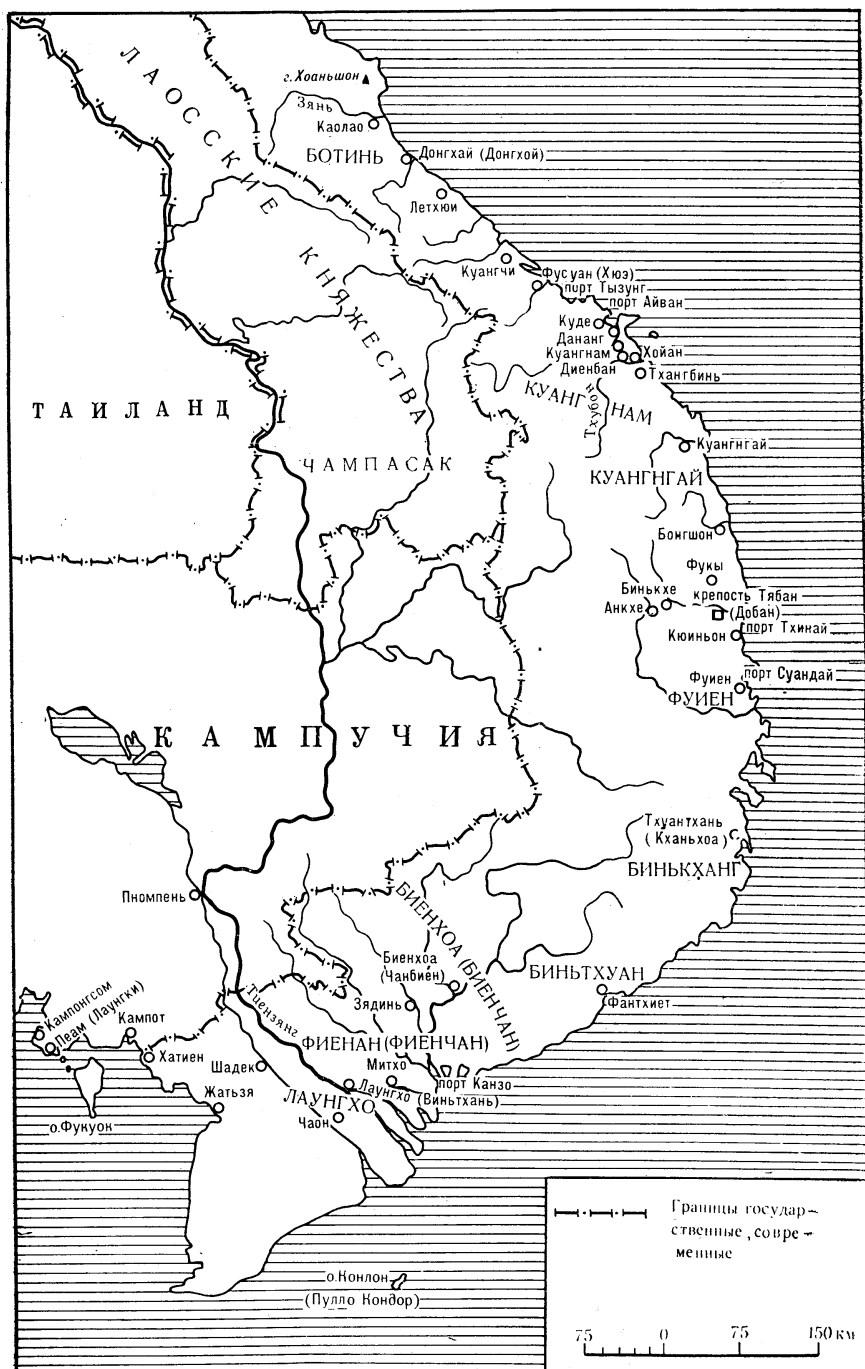
В течение сезонных войн шесть раз с началом южных муссонов выходил из сайгонского порта Канзо военный флот. Пять раз начинала движение на север зядиньская сухопутная армия, сначала — из Биньтхуана, затем — из той точки южной части Центрального Вьетнама, где ей удавалось закрепиться в предыдущую кампанию, либо оттуда, куда ее последовательно отгоняли периодические контрнаступления тайшонских войск, предпринимавшиеся после отхода на юг зядиньского флота

(первая военная кампания 1792 г. была проведена силами одного флота без участия пехоты). И всякий раз, снабженная европейским оружием, имеющая полевую артиллерию и кремневые ружья последней модели, пехота, а также мощный флот, часть которого состояла из построенных по западному образцу кораблей, управляемых капитанами-европейцами, вынуждены были прекращать военные действия и переходить к обороне либо отступать, иногда на очень значительные расстояния, уступая силе сопротивления мужественно обороняющихся тайшонов.

Об ожесточенности борьбы свидетельствует сама хроника военных действий. В 1792 г. морская экспедиция Нгуен Фук Аня в Кюиньон ограничилась десятидневным сроком и захватом порта Тхинай [19, с. 158—159]. В 1793 г. зядиньские войска предприняли последовательный захват всех территорий, отделяющих Крайний Юг от первой тайшонской столицы — Кюиньона. Пехота во взаимодействии с флотом овладела Биньтхуаном, Зиенкханью, Бинькхангом и Фуиеном, после длительных боев подчинила себе почти всю территорию провинции Кюиньон и окружила ее административный центр город-крепость Тябан, а затем прошла севернее, вторглась в Куангнгай и заняла боевые позиции на реке Чакхук. Уже во время этой кампании тайшоны наглядно показали, что они будут насмерть биться за Кюиньон. Десятитысячный гарнизон кюиньонской столицы выдержал длительную осаду и ядра европейской полевой артиллерии, впервые использованной Нгуен Фук Анем против тайшонских крепостей. Когда же по просьбе первого вожда тайшонского движения и правителя Кюиньона Нгуен Ван Няка его племянник император Нгуен Куанг Тоан выслал из Фусуана 17-тысячную армию, 80 боевых слонов и 30 кораблей, которые разгромили зядиньские войска на реке Чакхук, Нгуен Фук Ань приказал своей армии очистить захваченные районы и, оставив гарнизон в Фуиене, отбыл с основными силами на Крайний Юг [19, с. 168—178].

Вскоре в государстве Тайшонов было ликвидировано опасное территориальное размежевание (с 1786 г. землями к югу от границы Куангнама и Куангнгай управлял Нгуен Ван Няк, а к северу — его младший брат Нгуен Ван Хюэ, после смерти которого в 1792 г. власть досталась сыну Хюэ — Нгуен Куанг Тоану) и его объединенные вооруженные силы предприняли попытку отвоевать захваченные в 1793 г. зядиньскими областями. Это стало возможным в результате того, что присланные на помощь Няку из Фусуана военачальники Фам Ван Хынг и Нгуен Ван Хуан после отхода зядиньцев в конце 1793 г. захватили крепость Тябан, заставили первого тайшонского правителя отречься от власти, а после его смерти по приказу Нгуен Куанг Тоана выделили его сыну «в удел» лишь один уезд Фули [19, с. 179; 17, с. 67; 134, с. 278].

В начале 1794 г. тайшонские военачальники Фам Ван Хынг и Чан Куанг Зиеу захватили Фуиен, Бинькханг и осадили зя-



Юг Вьетнама в конце XVIII — начале XIX в.

диньский гарнизон в городе-крепости Зиенкхань. Однако после начала Нгуен Фук Анем очередной военной кампании тайшоны сняли осаду Зиенкхани: пехота отступила в Фуиен, а флот ушел в Кюиньон. Вскоре тайшоны оставили Фуиен и вновь начались ожесточенные военные действия в Кюиньоне, длившиеся несколько месяцев. Не помог зядиньцам и захват куангнгайского порта Дайколюй: попытка отрезать Кюиньон с севера окончилась неудачей. В итоге Нгуен Фук Ань вновь увел войска в Зядинь, оставив гарнизоны в Фуиене, Бинькханге и Зиенкхане [19, с. 191—196; 17, с. 183—185].

И вновь после отступления основных сил южан Чан Куанг Зиеу и Ле Чунг в конце 1794 г. последовательно захватили Фуиен, Бинькханг и осадили крепость Зиенкхань. Однако тайшоны не остановились на этом, как в предшествующую кампанию, а, окружив крепость, вторглись в Биньтхуан, где также начались военные действия. Создавалась реальная угроза Зядини, и Нгуен Фук Ань начал очередную военную кампанию 1795 г. приблизительно на месяц раньше обычного срока.

Военные действия велись на двух боевых плацдармах. Усиленная новыми подкреплениями сухопутная армия южан атаковала Ле Чунга в Биньтхуане, а морской флот во главе с самим Нгуен Фук Анем высадил десант в Зиенкхане и попытался снять осаду с крепости. Борьба была очень упорной, тайшоны не сдавали позиций ни в Биньтхуане, ни в Зиенкхане и лишь жестокие распри их вождей, имевшие своим непосредственным результатом смену правительства и раскол лидеров на две группировки, помогли зядиньцам частично отвоевать потерянные провинции.

В результате государственного переворота, осуществленного при поддержке группы высших гражданских чиновников военачальником Во Ван Зунгом, был отстранен от власти и убит фактический правитель Фусуана «регент» Буй Дак Туиен, дядя со стороны матери малолетнего императора Нгуен Куанг Тоана. На Севере, в Бактхани, по «фальшивому» императорскому указу был схвачен, а затем доставлен в столицу и умерщвлен сторонник Туиена видный полководец Нго Ван Шо. В Кюиньон Во Ван Зунг послал Нгуен Ван Хуана, которому было поручено захватить и отправить в Фусуан сына Туиена — Буй Дак Чу. Новому правительству оставалось еще убрать двух видных военачальников: Ле Чунга, являвшегося активным сторонником свергнутого «регента», и Чан Куанг Зиеу, который был мужем знаменитой военачальницы Буй Тхи Суан, родственницы Туиена. Против них на помощь Нгуен Ван Хуану из Фусуана был выслан военачальник Фам Ван Хынг.

Узнав о событиях в Фусуане, Нгуен Фук Ань усилил натиск на позиции Чан Куанг Зиеу. Тот вызвал из Биньтхуана Ле Чунга, которому, несмотря на преследование зядиньцев и засады на перевалах, удалось пробраться в Зиенкхань, административный центр которой упорно оборонял гарнизон южан, и соединиться

с Зиеу. Измена, отдавшая в руки зядинцев 12 зиенкханьских фортов, а также угроза потери Кюиньона, в котором уже находился Нгуен Ван Хуан и к которому приближался Фам Ван Хынг, заставили Зиеу бросить Зиенкхань и спешно пробираться в старую тайшонскую столицу — Кюиньон. По прибытии туда он узнал, что Хуану не удалось склонить на свою сторону кюиньонские войска. (По сведениям одних источников, осознав свою неудачу, Хуан не стал дожидаться встречи с Зиеу и заблаговременно вернулся в Фусуан, по сообщениям других, лично встретил Зиеу, «поклонился ему и получил прощение».) Не дожидаясь следующей «карательной» экспедиции из Фусуана, Зиеу встал во главе верной ему армии, стремительным маршем пошел в столичную провинцию Тхуанхоа и расположил войска перед Фусуаном, на южном берегу Ароматной реки. Во Ван Зунг тоже вывел свои полки и приготовил их к бою на северном берегу Ароматной реки. Не решаясь начать братоубийственное сражение, оба военачальника направили взаимные обвинения императору Нгуен Куанг Тоану. После длительных переговоров, сопровождавшихся упреками, угрозами и отказом распустить войска, соглашение наконец было достигнуто. В результате этого соглашения власть была передана «четырем столпам»: Во Ван Зунгу, Чан Куанг Зиеу, Нгуен Ван Хуану и назначенному вместо вскоре умершего Фам Ван Хынга военачальнику Нгуен Ван Заню.

Поначалу Чан Куанг Зиеу удалось упрочить свои позиции. Он смог добиться отзыва Нгуен Ван Хуана из Кюиньона и передачи управления этой провинцией Ле Чунгу. Однако вскоре, опасаясь усиления полководца, которого так безоговорочно поддержала кюиньонская армия, фусуанское правительство лишило Зиеу военной власти. Тогда он перестал являться на императорские аудиенции и окружил себя стражей. Это грозило новым военным конфликтом, и, помня о все тех же кюиньонских войсках — опоре Зиеу, император Нгуен Куанг Тоан и фусуанское правительство вынуждены были вернуть ему свое расположение.

Таким образом, и после соглашения «четырех столпов» борьба группировок в Фусуане продолжалась, что серьезно ослабляло силы тайшонов, мешало им успешно сопротивляться зядинским армиям.

Борьба группировок непосредственно сказалась на результатах военной кампании 1795 г. После спешного ухода Зиеу из Зиенкханя и последующего броска кюиньонской армии к Фусуану Нгуен Фук Аню удалось захватить и Зиенкхань и Бинькханг, где были сразу же отменены и сокращены налоги. Однако, помня о том, с какой легкостью после отхода основных сил на Крайний Юг теряется Фуиен, Ань даже не попытался захватить эту провинцию. В 8-м месяце 1795 г. основные силы южан вернулись домой, и военные действия прекратились почти на два года [19, с. 199—221; 17, с. 185—191; 134, с. 281—287].

В кампании 1797 г., как и в 1793—1794 гг., Нгуен Фук Ань снова попытался «окружить» Кюиньон, отрезать его с севера от Фусуана. Однако на этот раз он нанес основной удар не по Куангнгаю, а севернее — по провинции Куангнам. Двойное поражение в Куангнгае наглядно показало Нгуен Фук Аню, что тайшоны будут стоять за эту провинцию почти так же, как и за Кюиньон. В связи с этим командование южан решило испытать оборону противника еще севернее. Часть войска была оставлена в Фуиене, часть — безуспешно штурмовала побережье Кюиньона, а сам Нгуен Фук Ань высадил десант со 100 кораблей рядом с главным куангнамским портом Дананг, из которого он так и не смог выбить тайшонский гарнизон. И тут его армия добилась больших успехов. После ряда победных сражений войска южан заняли местность от Куде до перевала Хайван, расположенного на границе с Тхуанхоа. Это создавало непосредственную угрозу официальной тайшонской столице — Фусуану. Кроме того, наследный принц Кань захватил торговые центры Донган и Хойан, а затем осадил провинциальный центр Тиэмзинь. Военачальник Во Тань в это время взял порт Дайтьем.

Победам южан способствовала близорукая политика фусуанского правительства и борьба столичных группировок. Напуганные последствиями поддержки, оказанной кюиньонской армией Чан Куанг Зиеу, члены правящей военно-гражданской группировки в Фусуане боялись предоставить войска в распоряжение этого талантливейшего военачальника. Поэтому, когда в начале 1796 г. из столицы были направлены полки и полководцы в Куангнам, Куангнгай и Кюиньон, Зиеу был оставлен в Фусуане, а при угрозе Тхуанхоа со стороны занятого южанами перевала Хайван он получил лишь приказ оборонять столичный порт Эо. В Куангнам же был отправлен другой военачальник, которого зядиньцы вскоре разбили и заставили отступить. Эта победа избавила войска южан в Куангнаме от угрозы с севера и дала им возможность выиграть еще несколько сражений, захватить Фучием и сжечь часть тайшонского флота.

Поражение заставило остатки куангнамской тайшонской армии просить поддержки не у беспомощного Фусуана, а из Кюиньона. Там Ле Чунг твердо контролировал положение. Более того, ему удалось очистить от зядиньцев Фуиен и заставить противника отступить в Бинькханг.

Как показывал опыт, власть тайшонов прочнее всего продолжала держаться в Кюиньоне, Куангнгае и Фуиене. Однако попытка кюиньонцев изгнать южан из Куангнама оказалась неудачной: их двухтысячное войско было разбито, 40 боевых слонов истреблено. Со своей стороны, Нгуен Фук Ань даже не помышлял о захвате Куангнгая, и когда два его военачальника после ряда одержанных ими побед предложили вторгнуться в эту провинцию и захватить рисовые склады на реке Чакхук, он решительно отверг этот план, предпочитая продолжать борьбу

за Фуиен. Только после взятия этой провинции правитель Зядини считал возможным начинать военные действия в Куангнгае. В итоге Фуиен так и не был до конца отвоеван, а куангнгайская граница не была пересечена. У южан кончилось продовольствие, и Нгуен Фук Ань вынужден был вернуть армию на Крайний Юг [19, с. 260—268; 17, с. 191; 134, с. 302—304].

В 1798 г. военных действий против тайшонов не велось, ибо в Зядини готовилась большая военно-морская операция для помощи союзнику Нгуен Фук Аня сиамскому королю Раме I, воевавшему с бирманским королем Бодопаей. И хотя помощь в итоге не понадобилась, ибо бирманские войска были быстро разбиты, время для похода на Кюиньон было упущено [19, с. 280].

Однако в 1798 г. на территории тайшонского государства все же шли бои, которые вели между собой сами тайшоны. Центром военных действий продолжал оставаться все тот же Кюиньон. Борьбой противоборствующих тайшонских группировок воспользовался сын Нгуен Ван Няка и «законный наследник» Кюиньона Нгуен Ван Бао, которого Нгуен Фук Ань еще в 1797 г. убеждал собрать «старую армию», убить Ле Чунга и открыть ворота первой тайшонской столицы наступающим зядиньским войскам. Против Ле Чунга выступить Бао не посмел, но когда тот, узнав о конфликте Чан Куанг Зиеу с правящей группировкой в Фусуане, двинулся по направлению к Тхуанхоа, Нгуен Ван Бао внезапно захватил Кюиньон, по одним сведениям, изгнав, по другим, заключив в тюрьму оставленного Ле Чунгом военачальника [19, с. 292; 17, с. 171]. У Бао был выбор: договориться с оппозиционной фусуанскому правительству группировкой Чан Куанг Зиеу—Ле Чунга или перейти на сторону Зядини. По-видимому, более всего он рассчитывал на «коренных» кюиньонцев — первых сторонников своего отца. О том, каковы были намерения принца, свидетельствует то, что Бао не торопился налаживать контакт с Ле Чунгом, расположившимся с войсками рядом, на куангнгайской реке Чакхук, зато послал двух военачальников в фуиенский Хойан, где те вступили в переговоры с зядиньским полководцем Нгуен Ван Тханем и предложили ему от имени своего вождя «покорность». Пока гонцы мчались в Зядинь и обратно за одобрением Нгуен Фук Аня, молодой тайшонский император Нгуен Куанг Тоан, почувствовав смертельную угрозу своему государству, лично возглавил экспедицию и вскоре очутился у стен Кюиньона. Надежды Бао были обмануты: кюиньонское население не оказало ему никакой поддержки. Город был осажден и быстро взят штурмом, а Бао убит. По-видимому, он был дискредитирован в глазах кюиньонцев своими заигрываниями с их смертельным врагом — Нгуен Фук Анем. Кроме того, ни сам Бао, ни его отец в последние годы жизни не пользовались популярностью, ибо не смогли перед лицом опасности с юга защитить прежние завоевания (см. ход военной кампании 1793 г.).

В событиях 1798 г. обращает на себя внимание одно обстоятельство: в начавшихся после убийства Бао репрессиях в числе видных военачальников, будто бы состоящих в сговоре с сыном Нгуен Ван Няка, были затронуты многие лица, но совершенно не пострадал Чан Куанг Зиеу. Прежде всего, по требованию близкого к молодому императору чиновника Ле Ван Ынга был вызван в столицу и обвинен в участии в сговоре Ле Чунг. Когда его вина была официально признана «первым» гражданским чиновником тайшонского государства Чан Ван Ки и по императорскому указу Ле Чунга казнили, следующим должен был быть наказан Зиеу, ибо его тесные и близкие связи с Ле Чунгом были широко известны. Однако этого не произошло. Вместо Чан Куанг Зиеу по обвинению управляющего ведомством финансов Хо Конг Зиеу был казнен другой военачальник из числа «четырех столпов» — Нгуен Ван Хуан. После его смерти в живых остались лишь трое из первоначального «квартета», причем Нгуен Ван Зань более источниками ни разу не упоминался: по-видимому, он не играл никакой роли ни в военных событиях, ни в государственной политике.

Таким образом, после восстания Нгуен Ван Бао и последовавших за этим восстанием репрессий высшая военная власть в тайшонском государстве сосредоточилась в руках Во Ван Зунга и Чан Куанг Зиеу. Можно предположить, что именно они оказали решительную поддержку своему императору в момент острого внутреннего кризиса. Более того, следствием указанных событий было, во-первых, значительное усиление позиций Зиеу в иерархии высших правительственных чиновников, во-вторых, и это самое важное, установление союза между бывшими врагами: Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунгом. Об этом прямо свидетельствует тот факт, что на важнейшую должность управляющего Кюиньном (по существу, второй и, как оказалось впоследствии, наиболее «прочной» столицы тайшонского государства) после смерти Нгуен Ван Бао и Ле Чунга император Тоан вынужден был назначить общего ставленника Зиеу и Зунга — военачальника Ле Ван Тханя [19, с. 266, 292—293; 17, с. 171, 193; 134, с. 304, 311—312].

Сближение Зиеу и Зунга после 1798 г. вполне объяснимо. Осознав смертельную опасность, которая грозит их государству в случае продолжения внутренних распрей между обладающими реальной властью и влиянием в армии военачальниками, поняв беспомощность столичных гражданских чиновников и уяснив вред, который наносится делу защиты южных территорий вмешательством фусуанского правительства, оба полководца решили если не совершенно забыть, то хотя бы на время ослабить былые раздоры. Они договорились не только взять командование войсками в Кюиньоне в свои руки, но и отстранить столичных гражданских чиновников от управления южной частью тайшонского государства.

Одновременно Зиеу и Зунг решили физически уничтожить

своих наиболее опасных противников из числа столичных чиновников, имевших существенное влияние на Нгуен Куанг Тоана. Но это снова привело к внутренним распрям, которые на этот раз в силу сложившихся обстоятельств имели чрезвычайно серьезные последствия и привели к такому катастрофическому результату, как потеря Кюиньона, впоследствии полностью так никогда и не отвоеванного тайшонами.

В связи с назначением управляющим Кюиньоном своего сторонника Ле Ван Тханя оба полководца стали рассматривать эту местность как полностью подвластную им территорию и надежную базу, где они могут без труда расправиться со своими политическими противниками. Одним из таких врагов Чан Куанг Зиеу имел все основания считать Ле Ван Ынга, на котором лежала большая часть вины за смерть Ле Чунга, старого друга и соратника Зиеу. Устранение Ынга рассматривалось обоими полководцами в качестве задачи первостепенной важности потому, что его влияние на молодого императора и соответственно авторитет и политический вес в фусуанском правительстве день ото дня росли. В связи с этим Зиеу и Зунг убедили Нгуен Куанг Тоана в том, что именно в Кюиньоне должен находиться такой влиятельный и близкий к императору чиновник, как Ле Ван Ынг. Вскоре Ынг был отправлен на юг. Одновременно Зиеу и Зунг разработали и сообщили Ле Ван Тханю план, в соответствии с которым Ынгу устраивалась ловушка.

По этому плану оба полководца, доказав Нгуен Куанг Тоану необходимость их личного присутствия в Кюиньоне во главе военно-морских сил, способных оказать противодействие очередному нашествию Нгуен Фук Аня, должны были ввести корабли в порт Тхинай и сигналом из условленного числа пушечных выстрелов дать знать Тханю о своем прибытии. Тхань же должен был сначала убедить Ынга в том, что это вторжение зядиньцев, а затем заставить его вывести войска навстречу мнимым «южанам», вместо которых появлялась армия Зиеу и Зунга. Итог ясен: Ынг терпел поражение, в случае его бегства путь ему преграждал Тхань.

Время осуществления этого плана действительно совпадало с началом очередной кампании Нгуен Фук Аня, намеченной, как обычно, на начало лета 1799 г.

К этому моменту экономическое положение в Зядини значительно улучшилось, что способствовало усилению военного потенциала южан.

Европейские посредники закупили в Сингапуре большое количество оружия [19, с. 290], досрочно были собраны налоги за 1799 г. [19, с. 290], с зядиньского населения были взяты дополнительные денежные суммы для строительства военных кораблей [19, с. 290]. Во всех портах провинций Биньтхуан и Бинькханг были построены маяки [19, с. 291], на которые должен был ориентироваться флот во время продвижения к Кюиньону.

Извлечены были уроки из неудачи прошлой сезонной войны 1797 г., когда Нгуен Ань вынужден был отвести армию в Зядинь из-за того, что с юга вовремя не подошли транспорты с продовольствием. Теперь в порту Кухуан были построены три «временных» промежуточных склада, куда из Зядини загодя перевезли невиданные для того времени запасы очищенного риса — 169 тыс. фыонгов (53 194 т) [19, с. 295, 287]. Если даже мы будем считать, что офицерам выдавалось больше риса, чем солдатам, и примем среднюю ежегодную норму расходования риса на человека равной не 280 кг, а трети тонны в год, то получится, что этими запасами можно было кормить в течение года около 13 500 человек и соответственно в течение полугода — 27 тыс. человек. Для сравнения можно отметить, что в 1796 г. было перевезено всего 12,8 тыс. фыонгов (332,8 т) очищенного риса. А на протяжении пятой сезонной войны 1797 г. использовалось лишь 25 тыс. фыонгов (650 т) очищенного риса, 30 тыс. куанов денег и 500 фыонгов (13 т) соли [19, с. 237—238, 260].

Большие урожаи в помещичьих хозяйствах, давшие возможность государству не только изымать зерно в виде налога, но и закупать его по дешевой цене на рынке, создали условия для обеспечения войск провиантом в течение длительного времени. Ведение боевых действий теперь могло определяться чисто боевыми задачами и не зависело от урожая. Устранялся сам принцип сезонности, недаром шестая сезонная война оказалась последней сезонной кампаний.

В такой обстановке начинал Нгуен Ань свою шестую сезонную войну. Чем больше он видел распри и анархии в лагере своих противников, тем настойчивее укреплял дисциплину в собственных войсках. Когда армия южан выступила в поход, в войсках были введены в действие 32 основных и 4 дополнительных пункта военного устава.

В конце 3-го месяца 1799 г. Нгуен Ань, приняв командование над морским флотом, вышел в море и двинулся на северо-восток. Последняя сезонная война началась.

Удар по Кюиньону, как и в кампании 1797 г., был задуман комбинированными действиями пехотной армии Нгуен Ван Тханя с юга и флота под командованием Нгуен Аня с востока. По-видимому, правитель Зядини имел своих шпионов в числе наиболее доверенных лиц Зиеу и Зунга, ибо ему стали заранее известны детали придуманного обоими полководцами плана разгрома Ле Ван Ынга. Как бы там ни было, но, введя свой флот в порт Тхинай, Нгуен Фук Ань дал три условленных залпа. Тхань, уверенный в том, что это корабли Зиеу и Зунга, не приняв никаких мер предосторожности, даже не думая готовиться к обороне (укреплять стены, запастись провиант), убедил Ынга выступить навстречу «противнику». Ынг вывел войска, но колебался и не двигался вперед, по-видимому, обеспокоенный какими-то подозрениями. За это время войска Нгуен

Фук Аня, не встречая никакого сопротивления, заняли значительную часть округа (фу) Кюиньон. Это был первый и единственный раз, когда тайшонские войска не дали зядиньцам достойного отпора в Кюиньоне. Причину этого можно с полным основанием видеть лишь в междоусобных конфликтах высших военных.

Когда Ле Ван Тхань осознал свою жестокую ошибку, было уже поздно. Объединив своих солдат с войсками Ынга, он в итоге не сумел создать надежной линии обороны: в сражении при Тхиза (Кайкай) тайшоны были разбиты и бежали. В руки южан попала богатая военная добыча, в том числе 13 боевых слонов [19, с. 310]. После этого сражения на сторону зядиньцев и перешел Ле Тят, сыгравший большую военную и политическую роль как в последний период войны, так и вообще в первой четверти XIX в. Важно отметить, что измена Ле Тята тайшонам была тесно связана именно с политической борьбой группировок в их лагере. Ле Тят был человеком Ле Чунга, и хотя после убийства последнего он сумел завоевать доверие Ле Ван Тханя, но, постоянно опасаясь обвинений в связях с заговорщиками, решил не искушать судьбу и перейти в лагерь противника. Ле Тят был кюиньонцем, уроженцем уезда Фули и его знание местности очень помогло южанам.

Единственным спасением Ынга и переставшего с ним бороться Ле Ван Тханя мог быть подход с севера к Кюиньону армий Зиеу и Зунга. Узнав, что Ынг и Тхань уже в Куангнаме, Нгуен Ань приказал Ле Ван Зюету занять перевалы. С моря побережье защищал от тайшонов флот Нгуен Ван Чьонга, который патрулировал также и берег провинции Куангнгай. На юге двигавшийся из Зядини по суше Нгуен Ван Тхань захватил Фуиен, где южанам сдался в плен местный лидер Фам Ван Дием. Кольцо вокруг Кюиньона сжималось. Разуверившиеся в дееспособности своего командования, в плен южанам в массовом порядке стали сдаваться многие кюиньонцы, среди которых были и талантливые военачальники. Надо сказать, что ранее сдача в плен тайшонов была чрезвычайно редким явлением.

В 5-м месяце 1799 г. войска Нгуен Фук Аня, нанеся тайшонам серию поражений, подступили к цитадели старой тайшонской столицы — крепости Тябан. Одновременно во все три кюиньонских уезда были направлены чиновники для сбора поземельных налогов, а в Фуиене образовалась провинциальная управа.

Тайшоны упорно сопротивлялись, но надежда на помощь постепенно угасала. Наконец она исчезла совсем, когда в 6-м месяце полководец Нгуен Аня Тонг Виет Фыок разгромил войско Во Ван Зунга.

Феодалная историография связывает этот разгром с курьезным эпизодом: когда войска Зунга ночью, рассчитывая нанести внезапный удар, бесшумно переходили вброд горную реч-

ку, из леса выскочил олень. Идущий впереди солдат, увидев красивое животное, не выдержал и закричал: «Олень» (по-вьетнамски — «най»). Но точно так же называли и южан: «Най» (Донгнай — старое название Зядини). Решив, что они окружены врагами, солдаты Зунга в панике заметались, пытаясь бежать и падая в горные ущелья. Тонг Виет Фьюку, имевшему всего несколько сот человек, лишь оставалось добить их. Захваченных в плен солдат Зунга показали осажденным кюиньонцам, и те совсем пали духом. Напуганный разгромом Зунга, отвел свои войска в Тханьхао и Чан Куанг Зиеу [19, с. 315]. Надежды кюиньонцев на помощь Зиеу и Зунга исчезли окончательно. Как раз в это время у тайшонов в крепости Тябан стало кончаться продовольствие, и Ле Ван Ынг решился на отчаянный шаг — в поисках провианта для голодающего гарнизона он вывел из крепости 6 тыс. солдат и 50 боевых слонов (по завышенным оценкам миссионеров, всего в крепости было 40 тыс. солдат и 120 боевых слонов), решив прорваться в Верхний Тайшон, где сочувствующее тайшонам население заготовило для них рис. Следует отметить, что в трудные моменты тайшоны искали и находили поддержку именно в этом районе, где зарождалось и набирало силы восстание 1771—1773 гг. Однако на этот раз они не дошли до своей старой базы. Смелчаки были встречены в Кадао войсками Во Тая и Нгуен Ван Тхяня, вместе с которыми совершенно полноправно действовал и только что сдавшийся южанам Ле Тят. Сам Ле Ван Ынг сумел скрыться, но его солдаты и боевые слоны были захвачены. За эту боевую операцию Нгуен Ань дал своим войскам 10 тыс. куанов [19, с. 316].

Сразу же после этого Ле Ван Тхань, у которого кончалось продовольствие, начал переговоры о сдаче. Нгуен Ань принял капитуляцию, и 10 300 жителей Кюиньона, предводительствуемые военным и гражданским чиновничеством, с веревками на шее коленопреклоненно встретили вступающих в город победителей. Нгуен Ань приказал раздать сдавшимся 5 тыс. куанов и переименовал округ в Биньдинь (Умиротворенный) [19, с. 317].

Первый раз за семь лет сезонных войн Кюиньон в результате соперничества группировок высших тайшонских чиновников оказался в руках Нгуен Фук Аня. В столице заволновался Нгуен Куанг Тоан и в 7-м месяце 1799 г. лично двинул войска брать реванш. Не только стратегические соображения, но и честь требовали, чтобы первая тайшонская столица, родина династии Тайшонов, была отвоевана. Основная часть армии разместилась в округе Куангнгай (на реке Чакхук), а Ле Ван Лой с тысячей солдат и 20 боевыми слонами атаковал крепость Манкхе и попытался изгнать южан хотя бы из Куангнгай. Три дня зядинцы непрерывно отбивали яростный штурм тайшонов, с помощью артиллерии нанося наступающим тяжелый урон, но те не прекращали своих усилий. Ночью тайшоны решили ввести в порт Шахюинь 100 военных кораблей, чтобы нанести осаж-

денным удар с тыла. Однако им не повезло: буря разметала корабли по морю, многие из них затонули, остальные укрылись в порту Колюй. Отступила и сухопутная тайшонская армия [19, с. 321]. Неудачи сломили тайшонского императора Нгуен Куанг Тоана. Вскоре Чан Виет Кет заявил, что ветер переменился и флот не может наступать. Поддавшись на уговоры своих военачальников (особенно Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунга, которым присутствие императора явно связывало руки), он покинул армию и вернулся в Фусуан. Вскоре Зиеу и Зунг также отвели войска из Куангнгай в Куангнам [19, с. 323]. На реке Чакхук был оставлен лишь небольшой заслон.

Отступление тайшонов привело некоторых военачальников-южан к мысли о необходимости немедленного нападения на Тхуанхоа, но Нгуен Фук Ань, считая, что армия утомлена и не обеспечена продовольствием, вскоре отдал приказ возвращаться в Зядинь. В Кюиньоне была создана провинциальная управа, в крепости Тябан оставлен гарнизон во главе с Во Танем. Костяк этого гарнизона состоял из регулярных зядиньских частей, укомплектованных вьетнамцами, которым были приданы 10 тыс. кхмеров. Кроме того, в подчинении Во Таня находилась набранная из числа кюиньонцев армия Нгы лам (Охрана государя) [19, с. 317—329; 17, с. 195—197; 134, с. 315—317].

Перед отъездом правителя на юг в только что захваченном Биньдине умер епископ Адранский Пинье де Беэн [19, с. 331], сопровождавший Нгуен Аня в период шестой сезонной войны при походе на Кюиньон. Смерть главы миссионеров Крайнего Юга Вьетнама, личного друга и боевого соратника зядиньского правителя, представлявшего его интересы при французском дворе во время заключения Версальского договора и вербовавшего для его армии иностранные офицерские и инженерные кадры [70, с. 170—175], подвела черту периоду наиболее интенсивного европейского присутствия при дворе Нгуен Аня. Конечно, это присутствие нельзя объяснить одним лишь личным воздействием на Нгуен Аня со стороны самого Пинье де Беэна (хотя, по-видимому, епископ был личностью выдающейся, ибо после его смерти никто из европейцев не пользовался таким доверием правителя, завоеванным еще в те времена, когда он был особенно необходим принцу-изгнаннику). Нгуен Аню нужны были во время войны европейские инженеры и военные специалисты, пушки и военные корабли. Но война шла к концу и скоро необходимость во всем этом должна была значительно снизиться. Европейское присутствие делалось излишним, и скоро от толпы иностранцев при дворе практически никого не осталось. Следует специально отметить, что Нгуен Ань стал заметно ограничивать влияние Пинье де Беэна при дворе (прежде всего лишив его должности воспитателя наследника — принца Каня) задолго до 1799 г. Так что смерть политическая уже близилась, когда наступила физическая смерть епископа.

В конце 8-го месяца 1799 г., взяв с собой Нгуен Ван Тханя

[19, с. 330], Нгуен Ань во главе армии выехал из порта Тхинай и в начале 10-го месяца прибыл в Зядинь. По приезде армия была отпущена на отдых [19, с. 331].

Сразу же по возвращении на Крайний Юг Нгуен Ань начал подготовку следующей военной кампании.

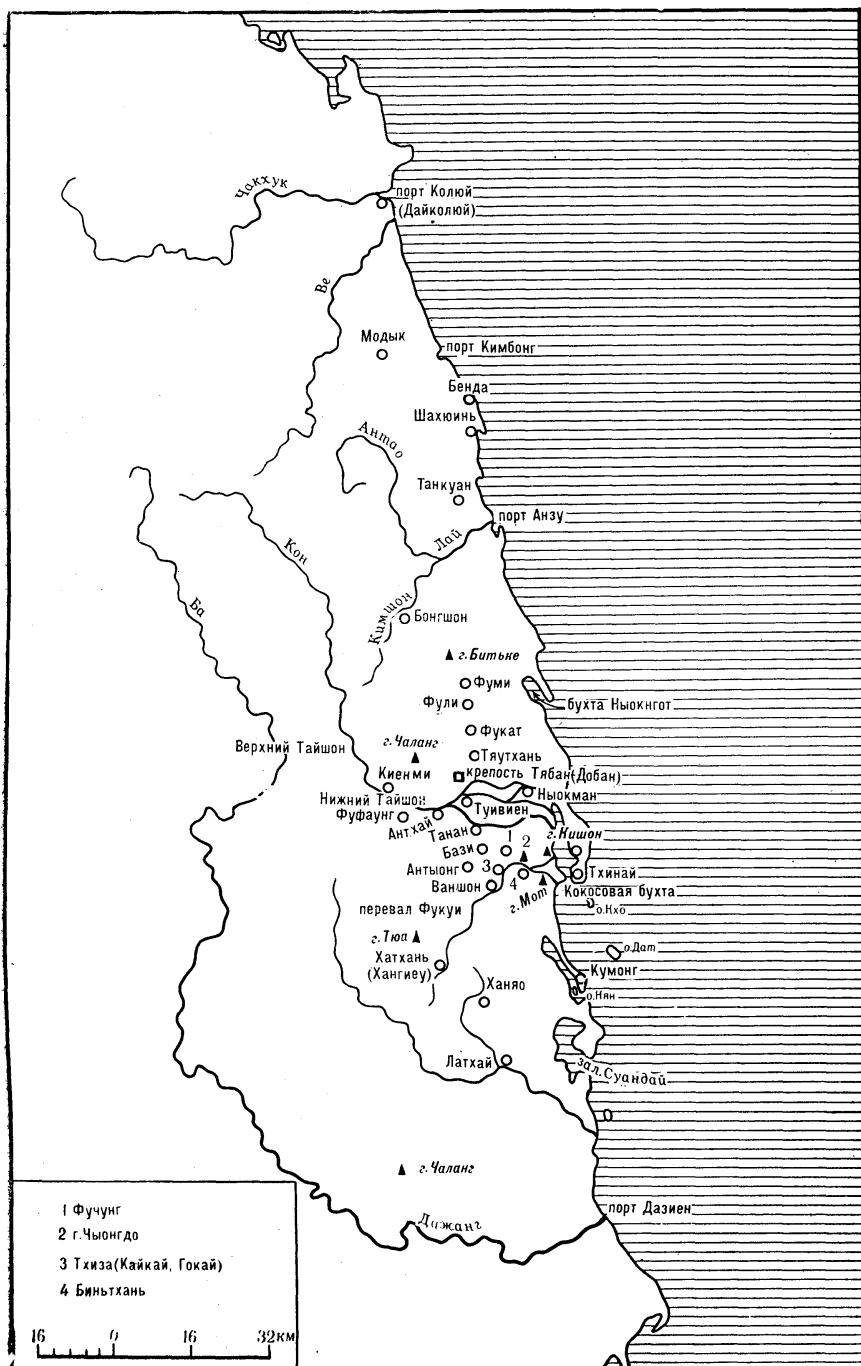
Переход к непрерывной войне. Начало битвы за Кюиньон (вторая половина 1800 — первая половина 1801 г.)

В 10-м месяце 1800 г. было построено 100 боевых кораблей [19, с. 332], строительные материалы для которых правительство обязало поставлять различные категории солдат и государственных зависимых: каждые 50 человек обеспечивали дерево для строительства одного корабля. Французские офицеры Шенье, Ванье и де Форсан, нанятые Нгуен Анем для передачи вьетнамскому боевому флоту последних достижений тактики ведения морского боя, получили в свое распоряжение три новых мощных боевых корабля, построенных по европейскому образцу. Ими была усилена Средняя армия [19, с. 332]. Вооруженные европейские купеческие корабли также должны были принять участие в походе [19, с. 345]. Продолжалось и дальнейшее строительство кораблей; во 2-м месяце 1800 г. было построено еще 6 боевых судов и 100 военных кораблей меньших размеров. Дерево для строительства поставляли как солдаты, так и специализированный цех лесорубов. [19, с. 346]. Кроме того, из Фуиена, Бинькханга и Биньтхуана в Зядинь в 10-м месяце 1799 г. были направлены мастера-оружейники для изготовления пушек, ружей и холодного оружия [19, с. 332].

Обеспечив свои войска провиантом, Нгуен Ань в течение конца 1799 — начала 1800 г. переформировал привилегированную армию Тхан шать и доукомплектовал армию боевых слонов [19, с. 332, 334], назначив новое командование и включив в его состав часть бывших тайшонских офицеров [19, с. 322—334, 337, 344], пополнил армию Авангарда [19, с. 32] и Среднюю Армию [19, с. 345], усилил биньдиньскую армию Нгы лам, мобилизовал еще 5 тыс. кхмерских солдат [19, с. 344—345]. Статус солдат армии Нгы лам, бывших тайшонов, был очень высок. Они занимали второе после солдат армии Тхан шать место в армейской иерархии.

Следовало спешить с началом новой кампании, ибо военная ситуация в Биньдине (Кюиньоне) складывалась неблагоприятно для южан. В конце 1799 г. в Зядини стало известно о событиях в Фусуане и последовавшем за ними наступлении тайшонской армии на Биньдинь.

Дело было в том, что в тайшонском государстве снова произошли события, существенно изменившие расстановку и соотношение политических сил, входящих в состав противоборствующих группировок высших военных и гражданских чиновников.



Провинция Кюнньон

После понесенного в Куангнгае поражения Во Ван Зунг стал опасаться наказания со стороны императора Нгуен Куанг Тоана и своих недавних сообщников — высшего столичного чиновничества. Это еще более сблизило его с Чан Куанг Зиеу, которого Зунг просил скрыть от правительства подробности куангнгайского «сражения», ибо настоящим сражением назвать случившееся было нельзя: армия Зунга обратилась в бегство, не вступая в бой, и войска Тонг Виет Фыока перебили потерявших боевой порядок спасающихся тайшонов. Чан Куанг Зиеу, со своей стороны, пошел на сближение и укрепил союз «клятвой в дружбе на жизнь и на смерть», ибо у него, как сподвижника Буй Дак Туиена, Нго Ван Шо и Ле Чунга, также были основания опасаться мести Фусуана. Личные опасения стали фундаментом «боевого союза», а ненависть «боевых генералов» к прогнившей клике фусуанских гражданских чиновников сделала этот союз неколебимым. Выступление обоих полководцев против двора ускорили сами придворные. Желая кого-то «наказать» за потерю Кюиньона, в Фусуане решили, что лучше всего выбрать для этой цели Чан Куанг Зиеу. Решив покончить с талантливейшим тайшонским военачальником, столичные чиновники не нашли ничего лучшего, как обратиться к самому Во Ван Зунгу с предложением уничтожить Зиеу.

В 11-м месяце 1799 г. фактический глава правительства «регент» Чан Ван Ки и управляющий финансами Хо Конг Зиеу послали в Куангнам к Во Ван Зунгу военачальника Чан Виет Кета с императорским указом, в котором ответственность за потерю Кюиньона целиком и полностью возлагалась на Чан Куанг Зиеу, не вступившего в бой с противником после разгрома Зунга. В связи с этим Зунгу предлагалось схватить и убить Зиеу. Предложение, сделанное двором Во Ван Зунгу, стало серьезным испытанием союза двух военачальников.

Надо отметить, что Зунг не проявил никаких колебаний. Он тут же показал указ Зиеу, и оба полководца, встав во главе своих армий, двинулись к Фусуану. Подойдя к столице, они построили укрепления на южном берегу Ароматной реки и окружили городскую стену. При этом военачальники угрожали самому императору, так как указ был написан от его имени. Испуганный Тоан готов был выдать своих друзей и советников. Однако «регенту» Чан Ван Ки удалось свалить вину на Чан Виет Кета, но Кет бежал, и только Хо Конг Зиеу был передан в руки полководцев, которые его «строго наказали». В итоге «наказание» понесли немногие: большая часть сумела оправдаться или заблаговременно скрыться.

Чувствуя себя хозяевами в «покоренной» столице, Зиеу и Зунг, которые не собирались долго задерживаться в Фусуане, легко получили от императора официальное разрешение на командование: первый — сухопутной армией, второй — морским флотом. Отныне в тылу у них находилось послушное их воле и практически беззащитное без их поддержки правительство

У Зиеу и Зунга не было намерений захватывать Фусуан. Поэтому, «наказав» гражданское правительство и показав, что оно полностью находится во власти их армий, Во Ван Зунг и Чан Куанг Зиеу решили использовать удобный момент и овладеть Кюиньоном, который в то время защищался небольшим войском Во Таня.

В 11-м месяце 1799 г. хорошо поставленная шпионская сеть Нгуен Аня сообщила, что выход армий из Фусуана намечен на 12-й месяц [19, с. 339]. Над Кюиньоном нависла серьезная опасность.

Не рассчитывая на то, что войска Во Таня смогут длительное время удерживать всю провинцию, и надеясь лишь на сопротивление гарнизона административного центра — крепости Тябан до подхода основных сил из Зядини, Нгуен Ань отдал приказ укреплять г. Зиенкхань, предполагая именно его, а не Биньдинь (Кюиньон) превратить в тот заслон, который не допустит дальнейшего продвижения тайшонов на юг. Флоту Нгуен Ван Чьонга был отдан приказ покинуть Тхитай и защищать порт Кухуан. Во Тань получил распоряжение отрядить часть биньдиньской армии Нгы лам под командованием Ле Тята и Ты Ван Тьеу на юг, через горы, в Фуиен для поддержания коммуникаций между Кюиньоном и Зиенкханем. Однако вскоре Нгуен Ань, начавший опасаться уже за безопасность самой Зядини, отвел войска Ле Тята и Ты Ван Тьеу еще южнее — в Чанбиен [19, с. 339]. Именно туда, на границу Зядини и Центра, стали перебрасываться вскоре запасы риса и деньги для закупки продовольствия [19, с. 340]. Одиноким Во Тань был брошен вместе со своей немногочисленной армией в Кюиньоне.

Этим не преминули воспользоваться тайшоны. В самом конце 1799 г. сухопутное войско во главе с Чан Куанг Зиеу и морской флот под командованием Во Ван Зунга подошли к границам провинции Биньдинь. По сообщению феодальных историков, тайшонская армия насчитывала «несколько десятков тысяч человек». В сообщениях из Биньдиня от Во Таня не было мольбы о спасении, но само бесстрашие старого полководца содержало горький упрек Нгуен Аню, дышало призывом о помощи. Правитель же ограничился замечанием о том, что продовольственных запасов в Биньдине хватит на год, и обещал весной 1800 г. с попутным муссоном двинуть на север «армию спасения», заверяя своих полководцев в том, что и «тогда еще не будет поздно» [19, с. 341].

Но тут Нгуен Ань просчитался. В начале 1800 г. пехотная армия Чан Куанг Зиеу напала на Тхатътан и гарнизон этой с таким трудом отвоеванной у тайшонов местности вынужден был отойти к биньдиньской цитадели. Одновременно морской флот Во Ван Зунга беспрепятственно вошел в брошенный на произвол судьбы Нгуен Ван Чьонгом порт Тхитай и спокойно высадил десант. Тайшоны почти мгновенно, не встречая никакого сопротивления, заняли всю провинцию Биньдинь и вплотную

подступили к стенам провинциального центра. Одной из весьма существенных причин столь быстрого захвата тайшонами Биньдиня была, по-видимому, та поддержка, которую оказало вторгшейся армии местное население, ибо, с одной стороны, около половины его состояло из бывших солдат тайшонской армии, с другой — правитель Зядини не смог своей социальной политикой завоевать расположение «новых подданных». Во-первых, несмотря на предложения компетентных советников (Данг Дык Шиеу) и свои собственные обещания не собирать хотя бы в течение года подушные налоги с кюиньонцев, Нгуен Фук Ань все-таки заставил их платить очень высокие подати, от которых они были освобождены тайшонами в течение 23 лет. Во-вторых, несмотря на сбор подушных налогов, в Кюиньоне был произведен грандиозный набор в солдаты. При этом статус вновь набранных подразделений, составивших армию Нгы лам, был очень высок и уступал лишь статусу армии Тхан шать. От военной службы освобождались лишь раненые. Специальные списки составлялись для офицеров, которым не всегда доверяли. Все военнообязанные должны были быть приписаны к своим деревням. За нарушение этого правила полагалось наказание. Последнее вело к установлению жесткого административного контроля за всеми военнообязанными кюиньонцами. В-третьих, еще в то время, когда в провинции шли боевые действия, во все три уезда были посланы чиновники для сбора поземельных налогов, причем эти налоги взимались «по старым ставкам», значительно превышавшим, например, налоговые ставки в Зядини. В-четвертых, все кюиньонцы должны были выдать властям тайшонских солдат — уроженцев Куангнгай, Куангнама, Тхуанхоа и Бакха. В противном случае укрыватели наказывались.

Усиление налогового тягла, тяжелая воинская повинность и жесткий административно-политический контроль, введенные Нгуен Фук Анем, не только не могли «привлечь сердца» кюиньонцев к новой власти, но и не являлись, по нашему мнению, «искусной политикой собирания обязанностей», как считает Та Тыи Дай Чыонг [134, с. 316]. Даже суровые наказания (в отдельных случаях вплоть до смертной казни) зядиньских солдат и военачальников за насилия над мирными жителями Кюиньона не смогли примирить последних с властью феодалов Крайнего Юга. Следует отметить, что уже в это время террор носил социальный характер: грабеж и насилия раньше всего начали совершаться в Тайшоне — местности, где зародилось крестьянское восстание.

Кюиньонцы смирились перед силой. Но как только обстоятельства изменились, они сбросили с себя это смирение точно так же, как отказались от нового названия, данного Нгуен Фук Анем их провинции — Биньдинь (Умиротворенная).

Распределив имеющиеся в его распоряжении войска для защиты крепости, Во Тань решил отсидеться до прихода основ-

ных сил и, сколько тайшоны ни старались выманить южан из укреплений, те не принимали их вызова. Укрепленные ворота постоянно оставались закрытыми. Не отваживаясь на решительный штурм крепости, тайшоны вынуждены были перейти к длительной осаде: вокруг биньдиньской цитадели стали расти окружные насыпи и укрепления, отрезавшие осажденных от внешнего мира [19, с. 342]. Периметр стен составлял 4 340 чыонгов, или 13 888 м [134, с. 319].

Одновременно с Кюиньсоном Нгуен Фук Ань потерял и Фуиен, где недавно перешедший на сторону южан и получивший офицерскую должность местный лидер Фам Ван Диём с группой своих сторонников, также бывших тайшонских офицеров, «поднял мятеж» и захватил командование войсками. Лишь немногим военным и гражданским чиновникам, следовавшим в арьергарде боевых колонн зядинцев, удалось бежать на юг.

Поддержка фуиенцами тайшонов особенно усилилась после того, как они основательно «прочувствовали» новый режим, установленный феодалами Крайнего Юга. А такой режим был фактически введен в Фуиене только в 1799 г., когда там было приказано впервые организовать провинциальную управу, обеспечивающую взимание высоких налогов и суровый административно-политический контроль.

Вскоре Зиеу и Зунг назначили Диёма губернатором Фуиена, на защиту которого поднялась значительная часть населения провинции, все крестьяне были зачислены в солдаты и сразу же начали строительство фортов и укреплений, которые должны были преградить путь продвижению сухопутной армии южан из Зиенкханя [19, с. 343]. Последняя задача была выполнена им с блеском: в короткий срок в Фуиене было возведено около сотни фортов [19, с. 350—351; 134, с. 319].

Но зиенкханьские чиновники и не думали о наступлении. Они решили перейти к глухой обороне и добились разрешения правителя сосредоточить значительную часть провинциального гарнизона на трех пограничных с Фуиеном горных перевалах. Нгуен Ван Чыонг, который прежде всего был обеспокоен защитой от морского десанта, лично возглавил оборону порта Кухуан [19, с. 343].

Нгуен Ань и сам опасался морского десанта тайшонов, и не только в южной части Центра, но и в Зядини. В связи с этим он приказал Нгуен Ван Тханю разместить войска Левого дна — одного из пяти подразделений армии Нгы лам в Чанбие-не, другим частям поручил занять Митхо, а военному флоту дал приказ оборонять порт Канзо [19, с. 344]. Все северо-восточное и восточное побережье Зядини было надежно укреплено, но на защиту более северной береговой линии сил уже не хватало. Тогда было приказано перевести из Биньтхуана на юг, в Зядинь, все имеющиеся запасы денег и продовольствия [19, с. 343—344].

Однако страхи Нгуен Аня были напрасны. Тайшоны не толь-

ко не напали на Зядинь и Биньтхуан, но не пытались атаковать даже Зиенкхань, так как все их силы были скованы защищавшими кюиньонскую крепость войсками Во Таня. Поэтому во 2-м месяце напряжение в Зядини стало спадать, основная часть войска была отозвана с побережья [19, с. 344].

Лишь мелкие горские восстания ненадолго нарушали спокойствие на контролируемой южанами территории в Тхуантхане (пристанище последних тямских королей) и в Чанбиене [19, с. 345, 343], но с ними зядиньцы справлялись местными силами, без привлечения регулярной армии [19, с. 350].

Из Кюиньона поступали все более и более тревожные сведения. В начале лета курьер из Зиенкханя привез сообщение о том, что два бывших тайшонских офицера, служивших в войсках Во Таня, чуть не сдали Биньдинь. Подняв свои части, укомплектованные бывшими тайшонскими солдатами, они переправили часть южан и открыли северные ворота крепости, рассчитывая впустить армию Чан Куанг Зиеу. Лишь решительные и быстрые действия не растерявшегося Во Таня предотвратили захват города тайшонами. Он немедленно приказал верному офицеру занять северные ворота и не допустить ни проникновения неприятеля внутрь укреплений, ни выхода мятежников из города. В итоге тайшоны не сумели воспользоваться помощью своих бывших сторонников и пробраться в Кюиньон. 400 «бунтовщиков» вырвались из города и присоединились к тайшонскому войску, всех остальных Во Тань немедленно казнил. В связи с тем что большинство бывших тайшонских солдат либо бежало к противнику, либо погибло (некоторые исследователи считают, что все бывшие тайшоны были казнены [134, с. 320]), гарнизон Биньдиня после неудачного восстания состоял уже преимущественно из южан, и защита крепости стала более надежной. Южане понимали, что в случае капитуляции многим из них не уцелеть, и предпочитали стоять насмерть, ожидая подхода основных войск.

Мятеж заставил Нгуен Аня поторопиться, тем более что он и так уже в течение месяца непосредственно готовился к выступлению, засылая даже в Нгеан и Тханьхоа своих агентов для организации вооруженных выступлений в глубоком тылу противника [19, с. 346], проводя боевые смотры армии на поле маневров Тапчап [19, с. 347]. По получении известий о военном «бунте» в Кюиньоне было немедленно объявлено о выступлении «великой армии». Управлять Зядинью в отсутствие правителя было поручено принцу Каню вместе с двумя чиновниками (военным и гражданским) [19, с. 350].

Этот поход не может считаться очередной сезонной войной, ибо с наступлением осени 1800 г. основная часть армии не вернулась в Зядинь, а осталась в провинции Кюиньон. Период с 4-го месяца 1800 г., т. е. с момента выхода армии из Зядини, до захвата Фусуана в 5-м месяце 1801 г. следует выделить в особый этап войны — этап непрерывных боевых действий, увен-

чавшийся взятием тайшонской столицы и установлением власти Нгуен Аня в бывшем государстве Нгуенов — Дангчаунге.

Положение в Кюиньоне и Фуиене практически не изменилось, когда в конце 4-го месяца 1800 г. Нгуен Ань вместе со своим четвертым сыном принцем Хиеу (будущим императором Гхань то) возглавил военно-морской флот, вышедший из Вунг-тау и взявший курс на Кухуан. В составе флота были и европейцы: Шень и де Форсан командовали 26-пушечными фрегатами, Ванье — 32-пушечным. К выходу в море во главе военной флотилии готовился де Баризи. Нгуен Дык Суиен во главе пехоты и боевых слонов двинулся в Зиенкхань по суше [19, с. 350]. Перед походом во время смотра войск на поле Тапчап правитель обещал после победы наградить отличившихся, в случае же робости, колебания и страха перед противником грозил применением военных законов [19, с. 347].

С первых дней соприкосновения с противником южане убедились в том, что тайшоны хорошо подготовились к встрече с ними. Когда пехота прибыла в Зиенкхань, разведчики сообщили о том, что тайшоны превратили весь Фуиен в укрепленную крепость, построив более 90 фортов. Испуганный Нгуен Дык Суиен не только не решился атаковать Фуиен, но стал просить Нгуен Аня разрешить ему отвести войска в Фанри, где сухопутная армия могла бы дожидаться морского флота, и далее двигаться на север под его защитой. Не одобрав малодушия Суиена, правитель приказал ему остаться в Зиенкхани, а после того как флот пришел в порт Кухуан, отдал Суиену распоряжение начать наступление пехотной армии и армии боевых слонов на Фуиен. Авангард флота, как всегда, повел Нгуен Ван Чьюнг, часть войск двинулась по горным районам [19, с. 351]. Управлять Зиенкханью был оставлен второй сын Нгуен Аня — принц Хи [19, с. 351].

Перед началом наступления на Фуиен Нгуен Ань объявил специальные награды за головы Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунга: командующие армиями, захватившие главных тайшонских военачальников в плен, получали титул конга, их заместители — титул ступенью ниже, т. е. хау; военачальники более низкого ранга — более низкий титул и т. д. Кроме того, всем выплачивалась огромная денежная сумма в размере 10 тыс. куанов. За других тайшонских военачальников платили меньше. О размере ставок за убитых тайшонских лидеров буднично сообщалось — «по правилам» [19, с. 351].

Тайшоны тоже стали готовиться к битве за Фуиен. Зиеу и Зунг послали на помощь Фам Ван Диему двух военачальников, которые укрепили своими войсками две крепости — Хойан и Латхай.

С самого начала этой последней кампании в боевых действиях обеих противоборствующих сторон обнаружилась та степень ожесточенности, которой не было в предшествующих битвах. Народные массы и Фуиена и Кюиньона уже успели по-

чувствовать новый режим, установленный в 1799 г. феодалами Крайнего Юга, и решительно вступили с ними в борьбу. Однако фуиенцам не удалось сдержать мощь зядиньских армий.

Нгуен Ань, доехав до Фуиена, приказал Нгуен Ван Тханю высадить в порту Суандай Переднюю армию, части Лево́й армии и Лево́й дон бывшей тайшонской армии Нгы лам во главе с Ле Тят. Поручив Тханю принять на себя командование всеми этими силами, а также подчинив ему наступающие с юга войска Нгуен Дык Суиена, правитель отдал приказ о наступлении [19, с. 352].

Вскоре высадившаяся в Суандае армия Тханя двинулась вперед тремя колоннами и одержала две победы. Когда была взята крепость Хойан, Фам Ван Дием отступил и укрепился в горах. В это время с юга подошли войска Нгуен Дык Суиена, и получивший подкрепление Тхань снова приказал наступать. Тайшоны еще раз проиграли сражение и отступили в крепость Латхай. Тхань разделил свои войска на две группы и, пройдя кратчайшими дорогами, ведущими через горные перевалы, зашел в тыл тайшонам, а затем неожиданно атаковал Латхай. Тайшоны бросили крепость, но их вождю Фам Ван Диему удалось бежать. Войска Тханя взяли много пленных, захватили большие трофеи, за что Нгуен Ань их щедро наградил. В сражениях отличился бывший тайшон Ле Тят, который, получив ранение, продолжал командовать войсками. Восстановил свою репутацию и Нгуен Дык Суиен, в мужестве которого Нгуен Ань стал сомневаться. Но наибольшей похвалы за победы в трех сражениях и взятие двух крепостей удостоился Нгуен Ван Тхань.

В то же время Нгуен Ань предостерегал Тханя от недооценки противника, считая, что вскоре тайшоны попытаются взять реванш за поражение в Фуиене. Стремясь лишить тайшонов поддержки со стороны местных жителей, правитель строго запрещал терроризировать фуиенцев. В недавней «измене» обвинялся один лишь Фам Ван Дием, а местным жителям, напротив, ставилось в заслугу то, что в самом начале восстания тайшонов они дважды поддержали полководца Нгуен Аня Тю Ван Тиэпа, который сделал Фуиен базой антитайшонского движения и даже захватил, опираясь на фуиенцев, на некоторое время Зядинь [19, с. 42—43]. По отношению к взятым в плен тайшонам запрещались проявления жестокости. Всех пленных солдат и офицеров противника приказывалось доставлять в ставку правителя «для помилования» [19, с. 353]. Однако ненависть южан к противникам росла, и они часто нарушали приказ брать пленных живыми, кроме того, много пленных умирало «от болезни» [19, с. 353].

После фуиенских побед значительно повысился престиж и статус Нгуен Ван Тханя. Так как Во Тань был осажден в Биньдине, то именно Тхань стал главнокомандующим всей сухопутной армией. Нгуен Ань поддерживал с ним постоянную связь,

получая периодический отчет раз в 3 дня, а в случае чрезвычайных событий — немедленно [19, с. 354].

После «измены» Фам Ван Диема резко усилились нападки на бывших тайшонов, поднятых Нгуен Анем до высших командных должностей. Особую ненависть у части старых зядиньских военачальников вызывал талантливый и энергичный Ле Тят, уже проявивший себя в фуиенских боях. Ле Тят «стал беспокоиться», так как основания у его врагов для обвинений были: из его Левого дона армии Нгы лам, так же как и из всех частей, укомплектованных бывшими тайшонами, шло массовое бегство солдат. По-видимому, возвышение Нгуен Ван Тханя еще более усилило нападки на Ле Тятя. Однако Нгуен Ань взял его под свою защиту, возлагая на бывшего тайшона большие надежды.

Успехи южан в Фуиене воодушевили осажденные в Кюиньоне войска Во Таня. Воспользовавшись ослаблением бдительности тайшонов, которые решили, что после недавнего мятежа дни осажденных сочтены, Во Тань лично вывел свой гарнизон через южные ворота и, атаковав позиции противника на горе Тамтхап, сжег и разрушил находившиеся там форты и крепости. Бои длились весь день и только в сумерки Во Тань увел своих воинов назад в город [19, с. 355]. Эта вылазка послужила тайшонам хорошим уроком. После нее осада стала вестись особенно тщательно. Более того, осаждающие приняли необходимые меры предосторожности для того, чтобы прервать всякую связь осажденных с внешним миром. Сознывая сложность военной обстановки, Чан Куанг Зиеу приложил все силы к тому, чтобы остановить зядиньцев на юге Кюиньона, и в результате героического сопротивления тайшонов продвижение войск Нгуен Фук Аня было сначала задержано, а затем и совсем прекращено.

Почти весь Фуиен был захвачен сравнительно легко, но после того, как командующий Правым доном армии Нгы лам Ты Ван Тьеу получил приказ подойти к северной границе этой провинции и перейти через гору Кумонг, начались трудности, которые вначале казались временными, а в итоге стали непреодолимыми.

Наступление из Фуиена на Кюиньон могло вестись по двум дорогам. Первая, восточная, шла вдоль побережья, через перевал Кумонг, затем по долине реки Фухюэ, откуда можно было добраться до равнины Биньтхань, дойти до Фучунга и выйти сзади Тхиня к дороге, ведущей в крепость Тябан, где укрепился Во Тань. Вторая дорога, пролегающая в более западных районах, шла по долинам рек Латхай (текущей на юго-восток) и Хатхань (текущей на северо-восток). Здесь множество горных ручьев образовало реку Кило, ведущую к горе Тю (Тюшон) в долину Тхиза. На обеих этих дорогах южане сразу же столкнулись с очень серьезными препятствиями.

Напрасно Нгуен Ань посылал в Кумонг командующего Пра-

вой армией Нгуен Хоанг Дыка [19, с. 355]. Через некоторое время его пришлось отозвать и заменить Ле Ван Зюетом [19, с. 355], но и Зюет не смог добиться многого. Тут между ним и Нгуен Ван Тханем разгорелся богатый последствиями конфликт, сущность которого была в следующем.

В конце 5-го месяца Нгуен Ван Тхань предпринял наступление в труднопроходимых горных районах южной части Кюинь-она по более западному пути и подошел к Ханя: он стремился выйти на кюиньонскую территорию через местность, защищаемую тайшонской крепостью Тюшон. Тайшоны укрепились в Хангиеу на горе Лаохыонг [19, с. 355]. В распоряжении Нгуен Ван Тханя была армия боевых слонов, которой командовал Нгуен Дык Суиен. Было решено атаковать тайшонов по всем правилам военного искусства. Два военачальника, среди которых был Ле Тят, зашли с флангов, третий ударил во фронт, а Суиен всей мощью армии боевых слонов оказал им поддержку. Понеся поражение, тайшоны отступили в крепость Тюшон, но там уже закрепились прочно и надолго, усилив гарнизон новыми войсками. Напрасно Нгуен Ван Тхань, разместив войска в долине Тхиза и расположив их в боевом порядке перед крепостью, одновременным ударом с шести сторон пытался выбить противника из Тюшона. Тайшоны отвечали ураганным огнем и после шести часов непрерывного штурма Тханю так и не удалось взять крепость. Напротив, отойдя в долину Тхиза, он вынужден был сам начать строить оборонительные укрепления и форты в Лаохыонге и Ханя, еле отбиваясь от наступающих тайшонов, которые тут же попытались зайти южанам в тыл.

В войске непривычных к горному климату южан начались болезни, солдаты армии Нгы лам, бывшие тайшоны, целыми группами перебежали на сторону противника, выдавая военные планы и рассказывая о боевой диспозиции. Не этого ожидал Нгуен Ван Тхань, закончив покорение Фуиена. Сильный удар был нанесен самолюбию этого полководца в 6-м месяце 1800 г., когда Нгуен Ань решил забрать у него половину боевых слонов и вместе с Нгуен Дык Суиеном передать их армии Ле Ван Зюета, который получил приказ наступать на другом направлении — по дороге, ведущей от Зынгуена к Ваншону и Фучунгу.

Целесообразность этой передачи объяснялась тем, что в горной местности Тхиза применение боевых слонов было очень ограничено, в то время как восточная дорога Ваншон—Фучунг была ровной и удобной для действия этого вида боевых сил южан. Казалось бы, приказ правителя был очень логичен и не мог вызвать серьезных возражений, но Нгуен Ван Тхань «стал в позу». Подозревая Нгуен Аня в том, что он хочет умалить его роль как главнокомандующего всей сухопутной армией, не желая, чтобы зона главного удара переходила из Тхиза в Кунг (так как победа именно в этой зоне была решающей и влекла за собой самые крупные почести, отличия и награды),

честолюбивый Тхань подал правителю доклад, в котором помимо многочисленных жалоб на тяжелые условия ведения военных действий в горах настаивал на том, что разделение армии боевых слонов надвое очень ослабит его силы. Тхань ссылался на то, что предпринимать наступление пехоты без прикрытия боевыми слонами в сложившейся ситуации просто невозможно. Причиной же этого, по его мнению, явилось присутствие в его войсках бывших тайшонов Левого донна армии Нгы лам, которым нельзя было доверять, ибо они могли изменить в любую минуту. Это был снова удар по Ле Тяту. И нанес его не один только Тхань. Одновременно с его докладом правителю поступила просьба Нгуен Дык Суиена оставить его в армии Тханя вместе со всеми боевыми слонами и отозвать Левый дон во главе с Ле Тятом в ставку, «дабы избавиться от беспокойства в будущем» [19, с. 357]. Это была уже коллективная демонстрация не только против «засилья тайшонов-изменников», но и против тех, кто этих изменников защищает, т. е. против Ле Ван Зюета, благосклонное отношение которого к Ле Тяту было хорошо известно.

Так, в кругу близких к Нгуен Аню высших военных чиновников шло оформление двух враждебных группировок, причем отношение к присутствию в армии бывших тайшонов было отнюдь не основным в их противоречиях, хотя в тот период проблема принятия или непринятия новых высших военных кадров в свою среду была для военачальников-южан наиболее острой и актуальной, ибо эти новые кадры заставляли их существенно потесниться. Корни различия двух группировок лежали значительно глубже. Одна из них, состоящая из старых заслуженных военных чиновников, была в принципе ориентирована на «традиционализм» (пока что «традиционализм» Крайнего Юга, но впоследствии разновидность этого «традиционализма» могла меняться в зависимости от того, в каком географическом месте Вьетнама функционировал представитель данной группировки: у Нгуен Ван Няна, например, «традиционализм» стал фусуанским, у Нгуен Ван Тханя и таких близких к нему людей, как Данг Чан Тхыонг, — бактханьским). С точки зрения зядиньского «традиционализма» бывшие тайшоны в армии и руководстве армией были такой новацией, которая не имела права на существование. Вторая группировка состояла из людей, добившихся высокого положения в военной иерархии позднее прочих и исключительно благодаря незаурядным личным качествам (Ле Ван Зюет, например, в 6-м месяце 1794 г. был еще только младшим офицером [19, с. 171], лишь недавно поменявшим должность придворного евнуха на место низшего военного чиновника (в это время Нгуен Ван Тхань уже являлся командующим армией Авангарда и носил громкое звание военачальника — покровителя Запада) [19, с. 167]). Мироззрение этих людей было ориентировано на учет реальной обстановки в обществе и поскольку само общество в тот период интенсивно

менялось, то и учитывать им приходилось главным образом эти изменения. С точки зрения этих людей, появление в среде высшего военного чиновничества бывших тайшонов было реальностью, а потому и необходимостью. Поэтому они их приняли в свою среду. Но, повторяем, вопрос о бывших тайсонах был лишь частным случаем глубинного расхождения двух мировоззрений, непримиримо столкнувшихся по принципиальным вопросам несколько позднее — в период мира.

В этой ситуации было очень важно, на чью сторону встанет Нгуен Ань. Его отношение к требованиям «традиционалистов» должно было проявиться в реакции на доклады Нгуен Ван Тхана и Нгуен Дык Суена. Правитель Зядини пошел в данном случае (что он делал далеко не всегда) на компромисс, приказав выделить из армии Нгуен Дык Суена часть боевых слонов и передать их в подчинение Ле Ван Зюету. Что же касается бывших тайшонов под командованием Ле Тята, то их решено было отозвать из армии Тхана после прибытия на фронт 5 тыс. кхмерских солдат во главе с их собственным военачальником [19, с. 352, 367—368].

Таким образом, Нгуен Ань лишь частично удалось добиться выполнения своих требований. И это несмотря на то, что он пошел на удовлетворение всех «престижных» домогательств «традиционалистов»: Нгуен Дык Суен не перешел в «позорное» подчинение к евноху Ле Ван Зюету и остался в армии Тхана, а «изменники-тайшоны» должны были вскоре ее покинуть. Правителю Зядини удалось перебросить на кумонгский плацдарм, который он решил сделать зоной главного удара и на который возлагал свои основные надежды, всего лишь 100 боевых слонов, что было явно недостаточно для решительного наступления. На таких и подобных компромиссах в значительной степени строилась и дальнейшая политика Нгуен Аня: даже будучи (порой это очевидно) «всею душой» с «реалистами», он вынужден был идти на уступки, и притом весьма существенные, «традиционалистам», признавая их былые заслуги и считаясь с тем командным положением, которое те заняли в армии (в молодости у Нгуен Аня был печальный опыт конфликтов с высшими военными лидерами: после казни правителем Крайнего Юга полководца До Тхань Няна в 1781 г. им была потеряна вся Зядинь) [19, с. 35, 39]. Правда, с течением времени, уже в мирный период, эти уступки носили все более и более формальный характер: доклады «традиционалистов» одобрялись, но не претворялись в жизнь, а если и реализовывались, то только в определенных сферах: ритуал, культ, церемонии. Однако до того как это произошло, «традиционалистам» удалось осуществить некоторые мероприятия, шедшие вразрез с требованиями времени, как это было и в 6-м месяце 1800 г., когда правителю Крайнего Юга пришлось удовлетворить амбициозные домогательства высшего военного консервативного чиновничества.

Нгуен Ань, не предъявляя больше претензий к Тханю и Суи-ену, но и не оставляя своего намерения нанести главный удар из Кумонга через Зынгуен, решил усилить позиции Ле Ван Зюета другими силами [19, с. 358]. Боевая обстановка в Кумонге складывалась очень благоприятно для южан. Части, состоящие из бывших тайшонов, сражались рядом с зядиньцами, воины Ты Ван Тьеу выполняли самые сложные и ответственные поручения, за что получили награды и отличия [19, с. 358].

В это время Нгуен Ван Тхань, в войска которого вместо отозванных частей Ле Тята были включены 5 тыс. кхмеров [19, с. 358], безуспешно атаковал крепость Тюшон, уже несколько разрушенную взрывом пороха, заложенного в подкоп, подведенный под стены [19, с. 358—359]. Южане в Тхиза несли все новые и новые жертвы [19, с. 359]. Неудачи Тханя заставили Нгуен Аня еще энергичнее сосредоточивать войска в зоне действий Ле Ван Зюета. Приехав в порт Кумонг, он лично поручил Нгуен Хоанг Дыку и трем другим военачальникам защищать силами флота побережье и гавань, а двум офицерам приказал разместить морскую пехоту и часть сухопутных войск в прибрежных фортах [19, с. 359]. Вся мощь этой армии должна была устремиться в прорыв обороны противника, проделанный стремительным наступлением Ле Ван Зюета.

В конце лета Нгуен Ань приехал на фронт и тут же поручил Ле Ван Зюету атаковать противника в районе Хоаан—Хоалок. Зюет выполнил этот приказ, нанеся тайшонам поражение и захватив в плен множество вражеских солдат. На занятой территории были срочно построены укрепленные военные лагеря и форты [19, с. 359]. Казалось, что сопротивление тайшонов сломлено и достаточно еще одного усилия, чтобы обратить противника в бегство, превратив локальную победу в полный разгром. Однако совершенно неожиданное событие нарушило все планы командования южан и поставило их войска в очень тяжелое положение.

В самом начале осени 1800 г. на сторону противника перешел Ты Ван Тьеу, бывший тайшонский военачальник, назначенный Нгуен Анем командующим Правым доном армии Нгылам и находящийся в подчинении у Ле Ван Зюета [19, с. 359]. Измена Тьеу была большим ударом для южан. И не только потому, что вместе с ним на сторону противника перешли полтысячи солдат и младших офицеров. Ты Ван Тьеу был военачальником высокого ранга, и ему были хорошо известны планы и секреты высшего командования, в том числе и стратегической важности. На это указывал в секретных посланиях высшим военным чиновникам сам Нгуен Ань, адресуясь к командующим основных воинских группировок; Нгуен Ван Тханю — под Тюшоном, Нгуен Хоанг Дыку — на побережье, Нгуен Ван Чыонгу — на море: «...им (тайшоном. — *А. Р.*) раскрылись наши стратегические планы и если мы заранее не примем меры

предосторожности, то, несомненно, трудно будет справиться с ними» [19, с. 359]. Наибольшую опасность представляло то, что Ты Ван Тьеу хорошо знал самое важное и нужное в тот момент для тайшонов, т. е., что основное наступление готовится в районе Хоаан—Хоалок, а не у крепости Тюшон. Это давало возможность тайшонам сконцентрировать основные силы именно в зоне наступления Ле Ван Зюета, а не на участке Нгуен Ван Тханя. Такая концентрация войск тайшонов означала провал наступления Зюета. Это хорошо понимало высшее командование южан, в том числе и Нгуен Ань. Недаром сразу же после бегства Тьеу он покинул передовые позиции Ле Ван Зюета и выехал из Лыкуана в Кумонг.

Военные планы должны были быть пересмотрены. Было совершенно ясно, что неудача наступательной операции заставит южан перейти к длительной обороне. А это требовало обеспечить войска провиантом. Уже с середины лета в Фуиене создавались склады с запасами продовольствия, местное население было обязано перевозить рис во временный склад Суандая [19, с. 354], туда же перебрасывался провиант из Кухуана [19, с. 355]. После измены Ты Ван Тьеу, понимая, что военная кампания затягивается, правитель решил создать новые склады в двух крепостях Фуиена — в Хойане и Латхае. После совещаний с наиболее доверенными людьми Нгуен Ань решился даже на то, чтобы собрать в Фуиене поземельный налог по ставкам 1798 г., хотя из опыта 1799 г. в Кюиньоне было ясно, как встречает население налогообложение в разоренной войной провинции Центра. Решение о переходе к обороне было трудным, но окончательным и, как показали дальнейшие события, совершенно верным.

В политическом плане измена Ты Ван Тьеу заставила Нгуен Аня в определенной мере признать правильность предостережений Нгуен Ван Тханя и Нгуен Дык Суиена о недоверии к бывшим тайшонским военачальникам. А поскольку Тханю и Суиену были важны не сами по себе санкции против «изменников», а дискредитация того, кто их защищал, т. е. Ле Ван Зюета, то переход Тьеу на сторону врага прежде всего ударил по его непосредственному начальнику на фронте. Высшие военные чиновники «традиционалисты» стали бы враждебны Нгуен Аню, если бы он оставил Ле Ван Зюета командовать фронтом. Измены бывших тайшонов следовали одна за другой, успехов на фронте не было, и в этой обстановке ссора с «традиционалистами» была очень опасна.

Что же касается бывших тайшонов, то на отношении к ним правителя бегство Тьеу отразилось мало: к ним правитель был даже милостив. Узнав, например, что 150 больных солдат Левого дона армии Нгы лам, оставленных в крепости Хойан, ночью бежали во главе со своим офицером, Нгуен Ань не стал никого наказывать (в том числе и их командующего Ле Тята), а отдал приказ всех больных как из Левого, так и из Право-

го дон а армии Нгы лам распустить по домам [19, с. 360]. На зядиньцев этот приказ не распространялся.

В напряженной обстановке массового дезертирства и всеобщих подозрений шпионы донесли Нгуен Аню о том, что тайшонские полководцы Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунг решили собрать в единый кулак пехоту, моряков, боевых слонов и обрушить всю эту силу разом на Хоаан. Это решение неприятельских военачальников осведомители Нгуен Аня объяснили, во-первых, недавним вторжением (в середине лета 1800 г.) лаосской армии, сопровождаемой небольшим отрядом южан, через пограничные горные районы Вьетнама в Нгеан, и последовавшим затем двойным поражением тайшонских войск в Нгеане; во-вторых, антитайшонскими восстаниями горских князей в Тханьхоа и Хынгхоа; в-третьих, массовыми волнениями во всем Бакха [19, с. 356]. Только сокрушив силы южан в Хоаане, сообщали разведчики, тайшоны смогут спокойно «спасти основу», т. е. завершить осаду Кюиньона и навести порядок на Севере.

Получив это известие, для проверки которого не оставалось времени, Нгуен Ань немедленно отозвал в свою ставку всю армию боевых слонов во главе с Нгуен Дык Суиеном, намереваясь послать ее для поддержки Ле Ван Зюета в Хоаан. В ставку Нгуен Аня был окончательно отозван также Левый дон армии Нгы лам под командованием Ле Тята. Вместо отобранных у Нгуен Ван Тханя боевых слонов и бывших «изменников-тайшонов» правитель приказал Тханю использовать для защиты крепостей кхмерские части. Но как только Нгуен Дык Суиен со своими войсками отошел и тайшоны начали ожесточенные атаки крепостей, кхмерский военачальник начал вести секретные переговоры с противником. Когда Нгуен Ван Тхань тайно сообщил об этом Нгуен Аню, то Нгуен Дык Суиен вместе со всеми солдатами и боевыми слонами немедленно был возвращен назад и снова поступил в распоряжение Нгуен Ван Тханя. Что же касается кхмерских солдат, то их срочно отвели подальше от линии фронта в Кумонг, где передали под начало Нгуен Хоанг Дыка [19, с. 360—361].

Бесконечные и неэффективные переброски войск, попытки ликвидации одних уязвимых мест в обороне, влекущие за собой немедленное образование других слабых точек, неспособность военного руководства, доверие к непроверенным разведывательным данным и прямой дезинформации, общая атмосфера подозрительности и измен вызвали массовое бегство солдат с фронта и распространение разведывательной сети тайшонов в Фуиене в такой мере, что заставило верховное командование южан выставить на трех пограничных с Зиенкханью перевалах мощные заслоны, препятствующие проникновению дезертиров и разведчиков в более южные районы [19, с. 361].

В середине осени южане не предпринимали никаких наступательных операций на фронтах. Нгуен Ван Тхань прекратил штурм крепости Тюшон, так как предполагалось, что в связи

со скорым наступлением тайшонов на Хоаан потребуются перебросить туда часть его армии. Война тайшонов в Кюиньоне против армии феодалов Крайнего Юга постепенно принимала всенародный характер. Вследствие этого войска Нгуен Фук Аня почти полгода «топтались» на юге провинции.

В это время Нгуен Ань совершил тот шаг, которого от него давно ждали «традиционалисты» и который был неизбежен после измены Ты Ван Тьиеу: Ле Ван Зюет был лишен руководства фронтом и отозван в ставку правителя. Вместо Зюета командование было передано Нгуен Хоанг Дыку, близкому к кругу «традиционалистов» [19, с. 363]. В распоряжение Дыка была передана и 5-тысячная кхмерская армия, которую, правда, разместили подальше от боевых позиций [19, с. 363].

С отъездом Ле Ван Зюета из Хоаана на этом фронте совершенно прекратились наступательные операции южан. Нгуен Хоанг Дык к этому времени не обладал уже боевой инициативой, да ее от него никто и не ждал. Ждали наступления мощной армии Зиеу и Зунга, а его все не было. До сих пор не ясно, планировалось ли оно вообще. Но южане, продолжая оборону, опять начали готовить наступление, теперь уже цель была одна — захват крепости Тюшон.

В середине осени одной из наиболее актуальных проблем для южан стала продовольственная. Впервые вся армия осталась в центре зимовать и несмотря на то, что транспорты с продовольствием шли из Зядини непрерывным потоком, риса все-таки не хватало. Поэтому Нгуен Ань в это время лично возглавил морскую экспедицию и, блокировав с моря порт Тхинай, поручил Нгуен Ван Чыонгу напасть на тайшонский транспорт с продовольствием, везущий в Кюиньон рис из Бакха, Тхуанхоа и Куангнама. Южане атаковали 150 кораблей и захватили 30 тыс. фыонгов (780 т) очищенного риса. Кроме того, были взяты пленные и много оружия, 70 кораблей были сочтены пригодными для использования, остальные — сожжены [19, с. 361].

Не дождавшись тайшонского наступления, Нгуен Ань организовал штурм порта Тхинай в Кюиньоне. Задача эта была трудна тем, что тайшоны расположили свой флот в глубине порта, надежно защищая побережье от высадки южан. В связи с этим Нгуен Ань несколько раз выходил со своими судами в море, останавливал основную часть флота на некотором расстоянии от Тхиная и поручал передовому отряду увлечь за собой противника. Это надо было южанам для того, чтобы их построенные по европейскому образцу суда, превосходившие в боевом отношении корабли тайшонов, смогли разгромить противника в открытом море. Тайшоны же опасались выходить из порта, так как, воспользовавшись отсутствием их флота, южане имели возможность войти в Тхинай и высадить десант, на что и рассчитывал Нгуен Ань. Однажды в конце осени он получил от своих разведчиков сообщение о том, что тайшоны сня-

ли с судов половину моряков и отправили их на сухопутный фронт. Нгуен Ань тут же приказал взять Тхинай ночным штурмом. Выйдя в море, флот южан прошел уже половину пути к порту, но дальнейшему продвижению помешала непогода. Остановленный бурей, он вынужден был вернуться назад.

Наученный горьким опытом, Нгуен Ань решил не спорить со стихией осенне-зимних муссонов, бурь и тайфунов. Идея морской экспедиции была оставлена вплоть до наступления благоприятных погодных условий.

Военные неудачи на суше и на море породили среди военачальников Нгуен Аня серьезные сомнения относительно целесообразности продолжения активной военной кампании в 1800 г. Одним из таких сомневающихся был единомышленник Нгуен Ван Тханя, его ближайший друг, Нгуен Дык Суиен, который в поданном правителю в конце осени докладе высказывал мнение о том, что время стремительных атак в связи с началом встречных муссонов и непогоды на море уже прошло, что начиная с середины осени пытаться вступать с противником в большие сражения и стремиться снять осаду с Кюиньона бессмысленно, ибо после этого все равно нельзя из-за погодных условий направлять флот для захвата Фусуана — конечной цели всего похода.

Суиен считал даже, что следует подождать со снятием осады с Кюиньона, ибо стены цитадели крепки и продовольствия у осажденных хватает, а пока Во Тань сковывает армию Зиеу и Зунга, войска Нгуен Аня могут нанести удар в другом, менее защищенном месте. Здесь ясно слышался намек на то, что можно захватить Фусуан до снятия осады с Кюиньона. Суиен предлагал также отправить «хилых и слабых» солдат и всех сдавшихся тайшонов, доверять которым опасно, в Зядинь, чтобы сократить расходы провианта.

Далее он советовал произвести дополнительный воинский набор в Зядини, поголовно включить в армию всех боеспособных в Фуиене, усилить состав морской пехоты и весной 1801 г. с первым попутным ветром нанести удар по противнику на суше и на море. Суиен заверил, что одним выигранным боем можно будет одержать полную победу. И это тоже был намек на Фусуан, ибо взятие Тхинай отнюдь еще не означало захвата Кюиньона, а столицу бывшего Дангчаунга сразу же можно было взять штурмом с Ароматной реки.

В конце доклада Суиен мотивировал бессмысленность продолжения военных действий в осенне-зимний период дождей и наводнений: тайшоны хорошо знают местность и дороги, по которым можно продвигаться в этот период (ибо отнюдь не все дороги в период дождей и наводнений проходимы), во всех удобных местах ими поставлены форты и крепости, и если южане берут одну из них, то у противника всегда есть следующая, которую они защищают насмерть. В отношении Тхиная Суиен был твердо уверен, что тайшоны ни за что не поддадутся на

хитрость и не выведут корабли из этого порта [19, с. 364—365].

Доклад Нгуен Дык Суиена был вполне логичен и убедителен. В нем все было правдой, кроме одного: у осажденных в кюиньонской крепости южан уже не хватало продовольствия и долго ждать помощи они не могли. Более того, предлагая не прерывать блокады Кюиньона до нанесения удара в другом месте (т. е. в Фусуане), Суиен сознательно предлагал принести в жертву войска Во Таня и его самого. Открыто принять этот план Нгуен Ань не мог, ибо он не мог не помнить собственного высказывания, сделанного в самом конце 1799 г., после получения известия о начале наступления Зиеу и Зунга на Биньдинь: «Продовольствия в крепости Биньдинь хватит на употребление в течение одного года» [19, с. 341]. Этот год истекал через три месяца, а Суиен предлагал начать наступление через 6—7 месяцев, когда осажденные биньдиньцы должны были уже, по предварительным расчетам самого Нгуен Аня, умереть с голоду. Правитель Зядини считал себя обязанным сделать все возможное для того, чтобы снять осаду с Кюиньона до начала 1801 г. Это было делом его чести.

По-видимому, мнение Суиена было также и мнением Нгуен Ван Тханя, который использовал своего друга и соратника в качестве проводника собственных идей. Поэтому, оставив доклад Суиена без ответа, Нгуен Ань формально отверг его предложение. Более того, заставляя армию Нгуен Ван Тханя предпринимать наступление в тяжелых зимних условиях, он возбуждал против себя недовольство не только солдат, но и высших военачальников. Впоследствии практика показала, что они были во многом правы, и в итоге Кюиньон был взят позже Фусуана.

В начале зимы 1800 г. осажденным наконец-то удалось установить двустороннюю связь с командованием «армии спасения». Посланец Во Таня, пробравшись через тайшонские кордоны, явился в ставку правителя и рассказал о положении в Кюиньоне. Желая проверить полученные сведения, Нгуен Ань послал в крепость своих людей, которые по возвращении также подали правителю отчет. Мнения и тех и других совпадали: «Все преисполнено энтузиазма и хотят стоять насмерть» [19, с. 366].

У Нгуен Аня вновь появилась надежда на успех. Однако, несмотря на отказ правителя одобрить временное прекращение наступательных операций, боевые действия велись так, как будто бы предложение Нгуен Дык Суиена было принято: Нгуен Ван Тхань время от времени вяло и безуспешно предпринимал нападения на Тюшон, а Нгуен Хоанг Дык вообще бездействовал.

Причина явного снижения наступательной активности южан заключалась не только в исключительной стойкости тайшонов, героически защищавших каждую пядь кюиньонской земли, но

и в климатических и природных условиях, вызывавших массовые болезни у южан, непривычных к холодному в зимнее время горному климату. Определенную роль в переходе к позиционной войне в этот период играла пассивность военного руководства в обеих армиях южан. Сами военачальники на обоих фронтах считали наступление бесперспективным и явно снижали требования к своим войскам. Начала падать дисциплина. Разозленные стойким сопротивлением тайшонов, приведенные в отчаяние массовыми болезнями, южане вымещали злобу на местных жителях. Ширились грабежи и насилия, а военачальники не делали ничего, чтобы этому воспрепятствовать. Дело дошло до того, что Нгуен Аню пришлось лично указать на необходимость усиления дисциплины и принятия ряда мер против террора солдат в отношении гражданского населения Кюиньона. Нарушители должны были быть казнены [19, с. 366].

Утомление, апатия и пассивность в военном руководстве наблюдались и со стороны командующего армией в Тхиза Нгуен Ван Тханя, на участке которого должно было разворачиваться основное наступление. Армия топталась перед крепостью Тюшон, а Тхань не предпринимал решительного штурма, ибо был уверен, что если он возьмет эту крепость, то тайшоны тут же возведут другую. Дисциплина в войсках упала, бдительность была потеряна. Разведчики тайшонов на этом фронте легко проникали в тыл южан, и Нгуен Аню самому пришлось поручить поставить посты, ведущие борьбу со шпионажем.

В середине зимы Нгуен Ван Тхань сообщил правителю, что атаками в лоб крепость Тюшон взять невозможно, и предложил кратчайшими дорогами, показанными местными горцами, зайти с юго-запада и нанести неожиданный удар в тыл противнику. Но для этой операции он запросил большое подкрепление. Нгуен Ань дал Тханю большую часть армии Тхан шать под командованием умного Ле Ван Зюета и храброго Тонг Виет Фьюка, а также армию Авангарда во главе с Нгуен Ван Танем. На фронте в Кумонге остался лишь Нгуен Хоанг Дык. Ле Тята после измены Ты Ван Тьеу правитель держал в основном в тылу [19, с. 368].

После подхода подкреплений Тхань поручил Ле Ван Зюету атаковать крепость с фронта (т. е. сделать то, чем он сам безуспешно занимался в течение пяти месяцев), а сам ночью, кратчайшими горными дорогами под прикрытием непрерывно льющего дождя зашел в тыл противнику и поджег укрепления из деревянного частокола. Не ожидавшие этого нападения тайшоны спешно перестроили свою оборону и начали отражать атаки южан. Но тут с фронта крепость начал штурмовать Ле Ван Зюет. Крепость Тюшон подверглась жестокому оружейному обстрелу. Со стороны южан действовали батарея дальнобойной артиллерии, а также 20 пушек, стрелявших на близкое расстояние. Тайшоны не выдержали двойного удара и яростного оружейного огня и отошли. Однако зядиныцы настигли их и отбро-

сили дальше, нанося большой урон. Л. Баризи оценивает число участвующих в битве тайшонов в 223 тыс. человек [155, с. 374]. Это, конечно, преувеличение, однако сама цифра говорит о ярости сопротивления тайшонов, которые сражались столь самоотверженно, что удваивались и утраивались в глазах француза. Все же они были сломлены превосходством южан в искусстве ведения современного боя и в артиллерии. Вероятно, тайшонов ожидало бы полное истребление, если бы «изменнику» Ты Ван Тьеу не удалось остановить бегущих и организовать сопротивление, в результате которого авангард южан даже несколько отступил. Тут подоспели Нгуен Ван Тхань и Ле Ван Зюет с основной массой войск и боевыми слонами. Мощным артиллерийским огнем они dokonчили разгром тайшонов, Тьеу все же удалось бежать.

В результате этой победы зядиньцы захватили множество боевых слонов, лошадей, огнестрельного и холодного оружия. Много тайшонов было убито и ранено, некоторые сдались в плен. Среди сдавшихся был и Нгуен Дык Тху, младший брат Нгуен Дык Суиена, постоянно твердившего Нгуен Аню о том, что пленным тайшонам нельзя доверять, что их опасно держать в армии и следует отослать всех в Зядинь. Правитель направил Тху в подчинение его брата Суиена и вскоре тот стал кадровым офицером. Кстати, даже после этого Суиен так и не оставил свои инвективы против бывших тайшонов [19, с. 404].

Нгуен Ань щедро наградил победителей: войску было роздано 5 тыс. куанов денег, 200 серебряных «западных» монет (очевидно, мексиканских долларов).

Казалось, что после взятия крепости Тюшон в ходе зимней кампании 1800 г. произошел решительный перелом. Нгуен Ван Тхань занял со своими войсками укрепленную позицию и поручил Тонг Виет Фьюку атаковать тайшонов, захвативших горный рубеж. Наступление Фьюка было очень удачным, он взял четыре крепости. Затем, разгромив противника, южане захватили еще две крепости и вышли, наконец, на соединение с группой войск, расквартированных в Хоаан—Хоалок. Почувствовав себя зажатыми между двумя армиями, тайшоны бросили все форты и крепости, расположенные на промежуточной территории, и ночью отступили. Последовало соединение двух армий — «прибрежной» и «внутренней», южане захватили довольно значительную территорию, заняв надежные и выгодные позиции на территории от Лапкуана до Ваншона [19, с. 370], и существенно продвинулись по направлению к крепости Тябан. Чтобы удержать за собой эту гористую и покрытую джунглями местность, зядиньцы вынуждены были усеять ее крепостями и фортами.

Соединение двух армий Нгуен Ван Тханя и Нгуен Хоанг Дыка (который, впрочем, принимал участие в боевых действиях только на последнем этапе, когда тайшоны уже обратились в бегство) должно было иметь большое значение для будущего

наступления. Теперь его можно было вести на широком фронте. Кроме того, была ликвидирована значительная воинская группировка противника и силы его в Кюиньоне заметно уменьшились.

На радостях Нгуен Ань помиловал взятых в плен тайшонских офицеров, изменивших южанам вместе с Ты Ван Тьеу [19, с. 370]. Нгуен Ван Тханю и его военачальникам было приказано не допускать избиения мирных жителей Кюиньона солдатами армии южан, которые, захватив обширную территорию, уже начали вершить на ней суд и расправу. Запрещено было также жечь и разрушать дома. Нарушителям грозило наказание по военным законам — смертная казнь [19, с. 370—371]. Кюиньонцев пытались убедить, что мстить «за измену» им не будут.

Снова Нгуен Ань стал оказывать доверие бывшим тайшонским военачальникам, даже отмечать их. Один из них поступил в распоряжение Ле Ван Зюета, а Ле Тят, как наиболее верный из «бывших», хотя он и не принимал никакого участия в победных боях и все время просидел в удаленной от фронта крепости, удостоился посещения личного посланца правителя. Заботам и попечению зядиньской администрации были представлены и родители Ле Тята, которые в это время находились на юге, хотя сами были жителями Кюиньона (очевидно, семьи бывших тайшонских военачальников отсылали в Зядинь в качестве заложников).

По всему этому можно судить, что после взятия Тюшона отношение к «бывшим тайшоном» стало таким же, каким оно было до «измены» Ты Ван Тьеу.

После взятия крепости Тюшон и соединения обеих армий чрезвычайно возрос престиж Нгуен Ван Тханя, хотя победа в значительной степени была добыта не им, а умом и талантом Ле Ван Зюета и мужеством Тонг Виет Фьюка. Но Тхань был командующим и лавры достались ему. В то же время упал авторитет Нгуен Хоанг Дыка, который почти все время бездействовал, ожидая пока войска Тханя возьмут крепости и форты тайшонов. Не лучше вел себя Дык и после соединения фронтов. Он настолько распустил находящиеся в его подчинении войска, состоящие как из южновьетнамских, так и из кхмерских частей, что те устроили массовый грабеж мирных жителей Кюиньона. Это привело к тому, что местное население там стало «неспокойно», что совсем не входило в планы Нгуен Аня, и в самом конце 1800 г. он отдал Дыку строгий приказ: «Тех, кто будет нарушать правила, наказывать по военным законам...» [19, с. 372]. Однако, по-видимому, это не помогло и вскоре войска Дыка, как южновьетнамские, так и кхмерские, были отозваны в удаленную от фронта крепость, где им поручили строить мост для подвоза продовольствия [19, с. 373].

В итоге в начале 1801 г. главнокомандующим всеми сухопутными войсками объединившихся фронтов стал Нгуен Ван Тхань.

В послании к Тханю правитель наделил его единоличным правом командования всеми 4 зинями армии Тхан шать, лишив Тонг Виет Фыока тех полномочий, которые были ему переданы при отправке на фронт под Тюшон (Ле Ван Зюет к этому времени уже получил приказ отбыть в Тхинай). Упразднялось также автономное командование фронта в Кумонге — «дао Кумонг».

Осознав, какую угрозу представляет для них объединение двух фронтов и соединений армий южан в Ваншоне, тайшоны героическими усилиями сдержали напор зядинцев, остановили продвижение войск и даже стали контратаковать.

В конце 1800 г. они сначала напали на форт одного из подразделений Левой армии, а затем атаковали крепость Правого зиня армии Тхан шать. Только комбинированным ударом пехоты во фронт и боевых слонов в тыл противника в первом случае и решительным наступлением войск южан во втором случае солдатам Тханя удалось отразить оба штурма тайшонов и даже одержать некоторые победы [19, с. 373]. Но вперед они не продвинулись, ибо тайшоны стояли насмерть.

Победа в Тхиза (взятие крепости Тюшон) была последней победой южан в 1800 г. Дальше Чан Куанг Зиеу их не пустил. И тогда зядинцы начали вымещать вспыхнувшую от бессилия злобу на гражданском населении захваченных территорий.

По-видимому, армия феодалов Крайнего Юга была решительно настроена истреблять всех кюиньонцев, ибо видела в них либо реальных, либо потенциальных своих противников. Это является серьезным аргументом в пользу утверждения об усилении народного характера войны, которую вели тайшоны в Кюиньоне. Другим доказательством этого положения может также служить начавшийся еще в кампанию 1799 г. и особенно усилившийся после поражения тайшонов в Тхиза переход на сторону южан части тайшонских военачальников и высших чиновников, тогда как рядовые пленные и взятые в зядинскую армию тайшоны, как уже отмечалось, напротив, бежали в обратном направлении. Происходила поляризация социальных сил в обеих армиях: к южанам шло военное чиновничество, то есть служилые феодалы, в то время как на стороне тайшонов накапливалась сила народных масс.

Следует отметить, что реалистически мыслящая часть зядинского руководства с особой силой привлекала в это время на свою сторону именно тайшонское чиновничество. Его представителям предоставлялись помилование, разрешение вернуться в родную деревню и не служить, а в случае честной и верной службы — почести, причем не только им самим, но и их родителям. Несмотря на то что сам Нгуен Фук Ань, поддерживаемый частью чиновников, декларировал милостивое отношение к рядовым пленным тайшонам, перебежчикам и гражданскому населению Кюиньона, на практике, как уже отмечалось, по отношению к ним часто проводилась политика террора. Та-

ким образом, реальное отношение южан к двум социальным слоям явилось существенным фактором, способствующим поляризации социальных сил в обеих армиях и превращению сопротивления тайшонов в Кюиньоне в народную войну.

В конце 1800 г. пришло время срочно решать, как быть с осажденными в Кюиньоне войсками Во Тая, ибо именно в этот период у них, по предварительным подсчетам Нгуен Аня, должны были кончиться все запасы продовольствия.

Сама «великая армия» в период зимней кампании испытывала серьезные проблемы с продовольственным снабжением.

Перебои с доставкой продовольствия в армии Нгуен Аня не шли, конечно, ни в какое сравнение с той угрозой голода, которая нависла над защитниками кюиньонской крепости. Зная об этом, тайшоны еще жестче блокировали город, окружив его несколькими кольцами осады и прервав всякую связь с внешним миром. Даже посланцам к правителю редко удавалось пробраться сквозь плотные кордоны (за 6 месяцев, с 11-го 1800 г. по 4-й 1801 г., лишь одному такому посланцу удалось проникнуть в ставку правителя перед самой сдачей города).

Надежды на быстрое продвижение к осажденному Кюиньону войск Нгуен Ван Тханя еще в конце 1800 г. рухнули. Порт Тхинай защищался с моря кораблями, а на суше тайшонами были построены крепости, снабженные береговой артиллерией. Выманить из порта корабли южанам никак не удавалось, и Нгуен Аню оставалось лишь сетовать: «Разве Небу еще не угодно уничтожить врагов — тайшонов! Почему же оно все еще держит нашего искуснейшего военачальника в опасности!» [19, с. 373].

В самом конце 1800 г., в связи с тем что флот тайшонов выманить из порта так и не удалось, было решено провести «огненную атаку» на Тхинай по образцу нападения, описанного в «Троецарствии». Для осуществления этой рискованной операции 20 маленьких кораблей были наполнены пропитанным смолой хворостом, а в носы им были вбиты железные стержни с шипами. Во время морского сражения эти брандеры должны были ворваться в гущу вражеских судов, сцепиться, а затем и сгореть вместе с ними. Естественно, смертельная опасность грозила не только вражеским судам, но и экипажам брандеров, тем матросам, которые должны были подвести корабли к флоту противника и сцепить их с вражескими судами. По существу, это были смертники.

Во время подготовки «огненной атаки» встал вопрос о том, кому можно доверить командование в этом сложном деле. После того как Нгуен Ань прямо спросил об этом своих военачальников, по сообщению феодальных историков, командовать вызвался Тонг Виет Фюк, за которым в армии уже укрепилась слава смельчака. Правитель одобрил эту кандидатуру и уже приказал Нгуен Ван Тханю ночью построить всю пехотную армию в боевые порядки, дабы отвлечь внимание тайшонов от

Тхиная. Тхань немедленно передал это известие Нгуен Дык Суиену, который в связи с болезнью не был на военном совете. Воспользовавшись посещением офицера дворцовой стражи, передававшего ему от Нгуен Аня лекарственный женьшень, Суиен изложил через этого офицера правителю свое мнение о наиболее подходящем человеке для командования во время штурма Тхиная. Суиен считал, что «Фюок хотя и смелый, но опрометчивый, Ле Ван Зюет и смелый, и хитрый, если поручить это Зюету, то наверняка будет победа» [19, с. 374]. Вернувшись в ставку, офицер передал Нгуен Аню точку зрения Суиена, она понравилась, и, вызвав к себе Ле Ван Зюета, правитель назначил его командующим предстоящим морским сражением.

Таким образом, Нгуен Дык Суиен помог Зюету снова выдвинуться в число первых полководцев в иерархии высших военных чиновников, ибо выполнение такой сложной и опасной операции давало право и на славу и на почести. Но не было ли у Суиена при этом тайных мыслей? На наш взгляд, были. Тхань и Суиен дружили друг с другом и ссорились с Ле Ван Зюетом, нападая на его протекже — бывших тайшонов и вместе, и по отдельности [19, с. 211, 369—370]. Есть основания предполагать, что, вступив в сговор, они нарочно предложили кандидатуру Зюета в командующие, так как «огненная атака» была чрезвычайно опасным предприятием и Зюета легко могли убить, как убили во время этого штурма Во Зи Нгуи [19, с. 379]. Борьба среди близких к Нгуен Аню военачальников по мере приближения войны к концу обострялась, и хотя политические партии и лагеря еще не были четко оформлены, однако противники уже готовы были физически уничтожить друг друга.

В то время как «огненная атака» на Тхинай в связи с заменой Тонг Виет Фюока на посту командующего Ле Ван Зюетом отложились, разведка в начале 1801 г. донесла Нгуен Аню, что в одну из ночей Во Тань вывел через восточные ворота Кюиньона войска и атаковал тайшонские укрепления. Воспользовавшись покровом ночи и неожиданностью нападения, южане сожгли военные лагеря противника на расстоянии почти в полкилометра. Растерявшиеся тайшоны отступили и только с рассветом вновь собрали войска, усилив затем блокаду крепости.

Дерзкая вылазка обессиливших от голода солдат Во Таня изменила планы Нгуен Аня в отношении задачи, поставленной перед армией Нгуен Ван Тханя. Если ранее командующему сухопутной армией вменялось в обязанность ложной демонстрацией и маневром, не вступая в бой, отвлечь внимание тайшонов от порта Тхинай, то теперь, видя, что защитники Кюиньона имеют силы для вылазок, правитель приказал Нгуен Ван Тханю атаковать во что бы то ни стало, надеясь на то, что Во Тань поддержит это наступление новыми боевыми действиями.

Но Нгуен Ань ждал напрасно, Тхань не двинул армию ни на шаг. Сухопутным войскам не было сделано даже попытки

продвинуться вперед и завязать сражение с тайшонами. А между тем до крепости Тябан было всего несколько километров.

Нгуен Ань ждал не только наступления войск Тханя. Правитель с нетерпением поджидал прибытия из Зядини подкреплений, которые должны были пополнить и укрепить силы измотанных непривычной для них зимней кампанией южан.

Вскоре, не дожидаясь резервов с юга и не получив помощи от Нгуен Ван Тханя, Нгуен Ань решил спасти Во Тания собственными силами, напав на Тхинай со стороны моря.

Порт Тхинай, по критериям того времени, был очень мощным укреплением. На прибрежной полосе слева от входа в порт (т. е. на том месте, где расположен нынешний город Кюиньон) и на горе Тамхоа, справа от входа в порт, были построены укрепления и крепость, снабженные большими пушками. Огонь с этих позиций, особенно с горы, не только преграждал вход в порт зядиньскому флоту, но и способен был истреблять его после проникновения внутрь порта. Кроме того, Во Ван Зунг расположил у входа в порт два больших «океанских» корабля, а в самом порту, у устья реки, ведущей в глубь территории, занятой тайшонами, расставил 40 больших судов и 20 кораблей поменьше, оснащенных множеством пушек, а также более 100 военных барок [134, с. 326], которые должны были уничтожить неприятельский флот, прорвавшийся сквозь пушечный заслон двух батарей. По явно преувеличенным данным Баризи, численность защитников Тхинай на суше и на море составляла 95 тыс. человек [155, с. 377; 134, с. 326]. На суше тайшонов поддерживали 60 боевых слонов.

Вся эта сила (даже учитывая необходимость уменьшить данные Л. Баризи) могла противостоять не только зядиньскому, но и европейскому вторжению.

После того как все необходимое к «огненной атаке» было подготовлено, Нгуен Ань назначил день, вернее, ночь штурма. Для нанесения внезапного удара он выбрал полнолуние первого весеннего месяца 1801 г. Хотя командующим «огненной атаки» был Ле Ван Зюет, сам правитель также выехал из Кумонга. Флот помимо 62 «канонерок» авангарда насчитывал, по сообщению Лелабусса, 26 военных барок и 100 малых кораблей, имеющих на бортах 4 тыс. солдат [155, с. 378; 134, с. 328].

Основной удар с моря решено было подкрепить действиями пехоты в тылу тайшонов. 1200 гвардейцам, высаженным на побережье Ле Ван Зюетом, было приказано скрытно проникнуть в расположенную неподалеку от порта Тхинай бухту Заао (Кокосовая бухта). По сигналу, поданному с захваченного морской пехотой побережья, эти гвардейцы должны были атаковать и захватить укрепления и левобережную артиллерию противника, а затем, дабы отрезать отступление тайшонам, им следовало устроить засаду в тылу неприятеля позади гор, штурмуемых флотом со стороны порта.

В третью стражу флот с морской пехотой подошел к услов-

ленному месту на побережье. Захватив вражеский патруль, южане узнали пароль. Их офицеры направили мелкие корабли и лодки к прибрежным укреплениям противника. Используя знание пароля, южане спокойно прошли через все посты и, высадив десант, сожгли приморские форты тайшонов. Теперь флот южан должен был прорвать блокаду, а гвардейцы — захватить береговые укрепления левобережной батареи.

С помощью попутного ветра и под покровом темноты легкие суда южан незаметно подошли к первому из числа двух больших тайшонских морских кораблей, которые Во Ван Зунг оставил для отражения атаки перед входом в порт.

Матросам авангарда Нгуен Ван Чыонга удалось перебраться на этот корабль и поджечь его. В 10 часов 30 минут Чыонг открыл огонь и по остальным кораблям, стоящим у входа в порт. Окрыленные первым успехом, устремились к порту и основные части морского флота, разбрасывая по пути на корабли противника зажженные факелы и другие воспламеняющие средства. 26 боевых кораблей открыли беглый огонь по побережью. Однако у входа в порт они были остановлены перекрестным ураганным огнем горных батарей тайшонов. Батарея на прибрежной полосе к этому времени уже была захвачена гвардейцами Нгуен Аня, которые повернули жерла орудий против тайшонских кораблей внутри порта.

Все дальнейшее продвижение грозило южанам немалыми потерями и требовало большого мужества. Начался самый сложный для зядиньского флота этап тхиняйского сражения — битва перед входом в порт под огнем береговой артиллерии.

Трудная задача выпала на долю Во Зи Нгуи и Ле Ван Зюета, которые первыми должны были под пушечными ядрами прорваться в порт. В авангарде шел Нгуи. Зюет вел основную массу кораблей следом. С трех часов ночи до полудня тайшоны непрерывно обстреливали из крепостных пушек флот южан. По сообщению очевидцев, «залпы потрясали небо, ядра падали дождем» [19, с. 379]. Командующий авангардом Во Зи Нгуи был убит прямым попаданием. Ле Ван Зюет снова и снова посылал корабли в бой. Капитанам кораблей, пытавшимся повернуть назад, по приказу Зюета тут же рубили головы. Видя огромные потери, Нгуен Ань направил к Зюету своего гонца, разрешая «временно отступить». Однако бывший дворцовый евнух, по выражению историков, «дал клятву смертью» и снова двинул флот в наступление. В это время Нгуен Ван Чыонгу, уничтожившему оба океанских корабля, удалось проникнуть в глубь порта и напасть на тайшонский флот, который уже обстреливался захваченной южанами береговой артиллерией. Не ожидавшие такой смелости тайшоны, после того как несколько их кораблей пошло ко дну, решили, что их предали. Вскоре, однако, они преодолели растерянность и, несмотря на то что многие их корабли загорелись, продолжали отчаянно сопротивляться. Лишь к полудню (по другим сведениям, к трем часам дня) [19,

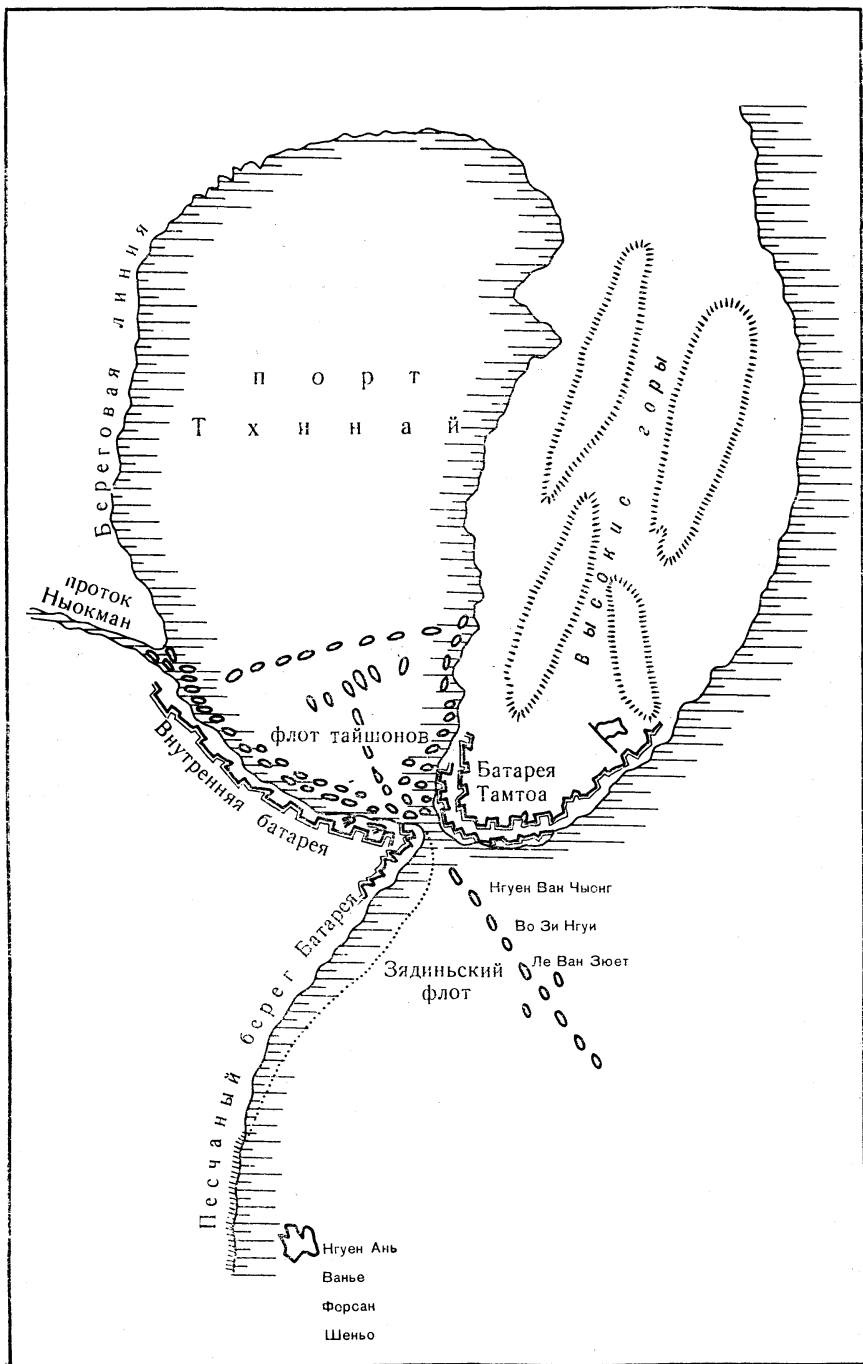


Схема битвы за порт Тхиннай

с. 379] основной массе кораблей южан во главе с Ле Ван Зюетом удалось ворваться в порт. Здесь и была предпринята «огненная атака». Начиненные легковоспламеняющимися веществами маленькие суда как факелы запылали на воде. Ветер разнес пламя и перебросил его на запертый в бухте тайшонский флот, который в итоге полностью сгорел.

Л. Баризи считает, что тайшоны потеряли в этом бою 1800 кораблей, 6 тыс. пушек [155, с. 379; 134, с. 334] и 50 тыс. моряков и пехотинцев. Однако этот французский авантюрист, стремившийся всячески преувеличить мощь тайшонов (победа над сильным противником приумножала славу его соотечественников Ж. Б. Шенье, Ф. Ванье и де Форсана, которым он всецело приписывал «честь» разгрома тхинайского флота), был явно необъективен. Известно, что многие тхинайские тайшоны спаслись и впоследствии были включены их полководцами в регулярное войско. Спасся и сам Во Ван Зунг. Европейцы восхищались силой сопротивления тайшонов, их мужеством во время битвы и героизмом перед смертью. Тайшоны сражались до последней возможности, даже у лафетов своих пушек, умирая на пылающих кораблях и под развалинами укреплений, когда огонь подбирался к пороховым бочкам.

Войска Ле Ван Зюета тоже понесли большие потери в этом сражении. Л. Баризи называет цифру в 4 тыс. человек [155, с. 379; 134, с. 328]. По сообщению феодальных историков известно, что в тхинайском морском сражении со стороны южан погибло около 600 человек (все они потом стали объектом государственного культа и известны поименно).

Оставшиеся в живых южане, занимая порт, твердо знали, что тхинайское морское сражение — это их «самый большой военный подвиг» за все время войны [19, с. 379]. Истребление флота лишило тайшонов возможности сопротивляться южанам на море и в итоге явилось немаловажным фактором той легкости, с которой впоследствии Нгуен Ань захватил Фусуан.

Вслед за победоносной армией в Тхинай прибыл сам Нгуен Ань. Оттуда он разослал сообщение о победе во все контролируемые его войсками провинции и приказал администрации Зядини известить об этом Сиам и Кампучию.

Участие европейцев в битве было весьма ограниченным. Ж. Б. Шенье, Ф. Ванье и де Форсан подвели корабли и военные барки к порту, а затем оставили поле битвы и вернулись к острову Дат, где находился в это время Нгуен Ань, чтобы «защищать» правителя. Лишь один де Форсан покинул Нгуен Аня и «незаметно скрылся в темноте ночи», дабы принять участие в сражении: он проявил немалую расторопность и поджег 7 военных барок тайшонов [134, с. 336].

Основным и решающим фактором победы в тхинайском сражении были слаженные действия флота южан, закаленного за время почти тридцатилетней войны и получившего прекрасную выучку под руководством талантливых офицеров. Немаловаж-

ным залогом успеха было и умелое командование Ле Ван Зюета, проявившего в руководстве сражением силу воли и решимость, которые впоследствии стали отличительными чертами этого политического деятеля. Большую роль сыграли также смелость и предприимчивость Нгуен Ван Чыонга.

Узнав об исходе морского сражения, Нгуен Ван Тхань решил предпринять наступление на вражеские укрепления в Ваншоне и Фучунге. Однако успехи были более чем скромные: один зарубленный Нгуен Дык Суиеном тайшонский военачальник и два захваченных в плен слона [19, с. 379]. Мужественно оборонявшиеся тайшоны не дали войскам Тханя продвинуться вперед ни на шаг.

Очень скоро они опомнились и от поражения в Тхинае. Во Ван Зунг, собрав остатки своих войск, соединил их с армией Чан Куанг Зиеу, после чего тайшоны укрепили северное побережье Кюиньона (Дамтхюи, Танкуан), дабы не дать возможность южанам напасть на них с тыла [19, с. 380].

В итоге в ходе военных действий не наступил коренной перелом. Упрочения авторитета власти Нгуен Фук Аня после тихайской победы тоже не произошло. Напротив, кюиньонцы бежали с захваченных и даже находящихся под угрозой захвата войсками южан приморских территорий. Напрасно Нгуен Фук Ань призывал их «успокоиться, оставить опасения и вернуться», напрасно обещал «качать по военным законам» своих солдат в случае насилий и грабежей. «Беглые» кюиньонцы остались верны тайшонам.

Вскоре в армии южан поползли слухи о том, что войсками Зиеу и Зунга готовится «последний, решительный» штурм кюиньонской цитадели. Стремясь подбодрить защитников крепости, Нгуен Ань послал туда своего гонца с извещением о взятии Тхиная, сожжении флота и разгроме тайшонской армии. Правитель советовал Во Таню усилить оборону и обещал «одним сражением снять осаду», однако ответа из крепости не последовало [19, с. 380].

Таким образом, после захвата Тхиная правитель Зядини почти ничего не добился: сопротивление тайшонов не было сломлено войсками Нгуен Ван Тханя, осада с крепости Тябан не была снята и гарнизон Во Таня не был освобожден, местное население не признало новой власти, а, напротив, стало еще более решительно принимать сторону Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунга.

Нгуен Ань награждал отличившихся в морском сражении, поминал мертвых, занимался кадровым составом армии и морского флота, а время между тем шло и ничего утешительного для южан с фронтов не поступало. Напротив, в середине весны 1801 г. пришло сообщение о провале наступления на фронте Нгуен Ван Тханя, который поручил «бесстрашному, но опрометчивому» Тонг Виет Фыоку атаковать тайшонскую крепость в Канзыонге. Завязалось сражение, в результате которого южане

понесли значительные потери, но продвинулись вперед. Противником Фьюка был известный Ты Ван Тьеу — личный враг Фьюка, который постоянно третировал Тьеу в бытность того на службе у южан за его тайшонское прошлое. Прекрасно зная личные боевые качества Фьюка, Тьеу решил воспользоваться его горячностью и заманить южан в засаду. Тайшоны отступили, и Фьюк, поддавшись на хитрость, попал в ловушку, был атакован и разбит. Разгром южан был сокрушительным: два военачальника были взяты в плен, двое — убиты на поле боя. Сам Фьюк едва спасся бегством, бросил укрепленные крепости и приехал в ставку Нгуен Аня «принимать наказание во искупление вины». Правитель простил его, но отправил подальше от линии фронта.

Поражение в Канзыонге показало, что после морского сражения мощь тайшонов не была сокрушена на суше. Это заставило Нгуен Аня лично посетить армию Нгуен Ван Тханя. Приехав в Ваншон, правитель осмотрел оборонительные укрепления, посетил форты и крепости. Не найдя на перешедшем к стабильной обороне фронте ничего утешительного, он на следующий день вернулся в Тхинай [19, с. 382].

Единственным успехом южан в это время было решение проблемы снабжения армии рисом из Зядини. Поступающий в избытке провиант развязывал руки Нгуен Аню и давал возможность южанам продолжать военную кампанию. Но в каком направлении направить основной удар? Продолжать ли драться на двух фронтах в Кюиньоне, стараясь прорваться к крепости и снять с нее осаду, спасая Во Таня и его армию, либо бросить Во Таня на произвол судьбы и нанести удар в другом месте, севернее, по самой тайшонской столице, которая одновременно являлась и столицей династии Нгуенов, с завоеванием которой государство Нгуен Фук Аня обретало традиционный политический центр. С военной точки зрения правитель Зядини именно здесь мог рассчитывать на успех, ибо, во-первых, мощь его армии существенно возросла по сравнению с предшествующими военными кампаниями, во-вторых, значительные силы тайшонов были скованы в Кюиньоне.

Вопрос о выборе направления главного удара встал перед Нгуен Анем уже в самом начале 1801 г. после тхиньской победы, не давшей того результата, на который рассчитывали южане, — быстрого продвижения к осажденному городу. После поражения Тонг Виет Фьюка всем ходом событий уже был дан ответ на этот вопрос.

Де ля Биссашер считает, что в принятии решения атаковать Фусуан ранее снятия осады с Кюиньона на Нгуен Аня повлияло настроение чиновников Севера, в том числе Данг Чан Тхыонга, которым надоело тратить время в непрерывных сражениях на Юге. Де ля Биссашер говорит даже об угрозе их ухода из армии. Допускает де ля Биссашер и воздействие на правителя побуждений к продвижению на север, исходящих от остав-

шихся при дворе французов, которые, будто бы, стали активно ссылаться на то, что такова была идея покойного де Безна. Та Тыи Дай Чыонг указывает на кюиньонца Данг Дык Шиеу, предложившего одновременно с «огненной» атакой в Тхинае и план удара по Фусуану [134, с. 332]. Можно упомянуть и Во Тания, который сам обрек себя на смерть, благословив Нгуен Аня на поход к столице в середине лета 1801 г. Добавим, что первым и самым убедительным докладчиком по этому проекту был Нгуен Дык Суенен.

Однако, на наш взгляд, никто из этих чиновников и советников не мог повлиять на решение Нгуен Аня, пока сам ход событий не убедил его в необходимости перестать тратить время в бесполезных боях за Кюиньон и перенести всю мощь удара армии на штурм Фусуана. Последним доводом, убедившим правителя в этом решении, было сведение к нулю отчаянным сопротивлением тайшонов в Кюиньоне всех результатов самых блестящих побед его армии, как после битвы у Тюшона, так и после морского сражения в Тхинае. После того как непобедимость кюиньонских тайшонов была окончательно осознана Нгуен Анем, «удар по Фусуану» стал официальной военной и политической доктриной руководства южан.

Первый раз Нгуен Ань открыто заявил о своем намерении захватить Фусуан до снятия осады с Кюиньона в обращении к населению четырех провинций Зядини в начале 2-го месяца 1801 г. Новый набор более 10 тыс. солдат был почти что пределом «человеческих возможностей» Зядини, и правитель старался всячески подбодрить население Крайнего Юга, столь много сделавшее для успеха его дела. Поблагодарив зядинцев за помощь «солдатами, деньгами и имуществом, строительством кораблей и литьем пушек», Нгуен Ань объявил: «В настоящее время Небо открыло путь возрождения, наша армия двинулась вперед и атаковала (противника. — А. Р.), после победы в тхинайском сражении от вражеских кораблей не осталось ни кусочка. Воспользуемся благоприятными обстоятельствами и перенесем удар прямо на Фусуан...» [19, с. 383].

Новая военно-политическая стратегия (захват Фусуана прежде покорения Кюиньона), демонстрирующая бессилие войска феодалов Крайнего Юга перед лицом народного сопротивления в Кюиньоне, начала осуществляться со 2-го месяца 1801 г., когда на север для захвата Куангнгай и Куангнама была отправлена военно-морская экспедиция под руководством флотоводца Нгуен Ван Чыонга.

На бортах кораблей находилась пехота. Среди военачальников-южан были как известные вьетнамские полководцы, так и три француза, Ж. Б. Шенье, Ф. Ванье и де Форсан, которые командовали кораблями европейского типа: «Летающий дракон», «Летающий феникс» и «Летающий гриф».

В напутствии уходящим в поход войскам Нгуен Ань как всегда требовал от солдат гуманного отношения к местным жи-

телям: в бою следовало соблюдать военные законы, грабежи и насилия строго запрещались.

Особо подчеркивалась роль Нгуен Ван Чыонга как главного военачальника. Все его указания должны были беспрекословно выполняться подчиненными офицерами. За нечеткое исполнение этих приказов несущие ответственность командиры должны были предстать перед судом высших чиновников двора, что грозило «летальным исходом» [19, с. 385]. Нгуен Ван Чыонг получил большие полномочия. По существу, он стал командующим третьей «экспедиционной» армией.

Однако Нгуен Ань не хотел доверять ему захват столицы, ибо считал политически важным лично принять участие в штурме Фусуана. Но сделать это он собирался только после того, как Чыонг овладеет Куангнгаем и Куангнамом.

Свою программу последующих боевых действий Нгуен Ань изложил в тайном послании Нгуен Ван Няну, назначенному одним из двух губернаторов Зядини после смерти 21-летнего наследного принца Каня, умершего после тяжелой болезни в середине весны 1801 г.

В этом послании, как и в обращении к зядиньцам в начале 2-го месяца, правитель снова заявил: «...Фусуан одинок и слаб. Как раз теперь мы собираемся использовать благоприятную обстановку и, продвинувшись вперед, нанести удар, чтобы снова получить нашу старую землю (т. е. Фусуан. — А. Р.)». Однако на этот раз общим высказыванием Нгуен Ань не ограничился. Впервые была высказана новая позиция верховного командования в отношении осажденной тайшонами кюиньонской цитадели: «Избегать подлинных (действительно укрепленных. — А. Р.) мест, наносить удары по пустым (ложно укрепленным. — А. Р.) местам — это высокий замысел военного мужа. Сейчас враги всей своей армией окружили город Биньдинь, но продовольствия в городе еще хватит на 5—6 месяцев, военачальники и солдаты единодушно прилагают усилия к защите (города — А. Р.), можно не беспокоиться... Если Биньдинь нельзя будет освободить от окружения, мы все равно двинемся прямо к Фусуану, чтобы уничтожить бунтовщиков. Если несколькими десятками тысяч разложившихся солдат оставшейся армии Зиеу и Зунга все-таки удастся захватить этот пустой город, то все равно они ничего не смогут сделать. Наш замысел уже точно определен, надо, чтобы ты его знал» [19, с. 386—387]. На первый взгляд позиция Нгуен Аня в отношении осажденного города противоречива: с одной стороны, правитель утверждает, что «продовольствия в городе еще хватит на 5—6 месяцев» и «можно не беспокоиться», а с другой — совершенно определенно допускает возможность того, что тайшонам «все-таки удастся захватить этот пустой город». Как это совместить: «можно не беспокоиться» и «удастся захватить»? На самом деле устранить это противоречие можно в том случае, если считать, что, исходя из высших военно-стратегических соображений, Нгуен Ань не

столько беспокоился за жизнь осажденных, сколько за то, будут ли они способны защищать город. Наличие продовольствия на 5—6 месяцев и единодушное стремление осажденных южан к борьбе давали возможность надеяться, что в течение этого срока (5—6 месяцев) город не будет сдан тайшонам. И в этом (и только в этом) смысле Нгуен Ань и его высшему командованию можно было «не беспокоиться». Что могло произойти по истечении этого срока, волновало Нгуен Аня только с чисто военных позиций: захват «пустого», обезлюдившего и лишенного каких-либо запасов продовольствия города не представлял, по мнению правителя, большой опасности для южан (тут он ошибался). Судьба Во Таня и его солдат, которым он дважды давал обещание спасти жизнь [19, с. 341, 380], ускользала из рассуждений Нгуен Аня. Заявление о том, что «если Биньдинь нельза будет освободить от окружения, мы все равно двинемся прямо к Фусуану», свидетельствовало о намерении Нгуен Аня очень скоро бросить осажденных на произвол судьбы. Лишь заверения в довольно длительных сроках, в течение которых осажденные еще были способны держаться в городе на имеющихся у них запасах продовольствия, могли вселить некоторую надежду в высших чиновников (Во Тань был человеком их круга и судьба его явно их волновала) на спасение осажденных. Но надежда эта была очень шаткой.

Фактически в тайном послании Нгуен Ван Няну правитель впервые изложил ту новую стратегическую программу ведения войны на последнем ее этапе, которая была им проверена в ходе развития военных событий в начале и середине весны 1801 г. Эта программа сводилась к тому, что в скором времени основной удар армии южан будет перенесен из Кюиньона на Фусуан, а Во Тань и другие осажденные в кюиньонской цитадели в соответствии с «высокими замыслами военного мужа» будут принесены в жертву высшим военно-стратегическим и политическим соображениям.

Утвердившись в мысли скоро покинуть Кюиньон и обосноваться в Фусуане, Нгуен Ань принял меры для закрепления государственной власти за своим родом. После смерти принца Каня во 2-м месяце 1801 г. эта проблема стала существенной. По-видимому, в это же время тяжело заболел принц Хи, второй сын Нгуен Аня, так как он умер в середине 4-го месяца того же года. Третий сын Нгуен Аня умер еще ранее. Четвертому сыну, принцу Хиеу, будущему императору Тхань то, было всего 10 лет. Совершеннолетних наследников у правителя не было. Тогда Нгуен Ань вызвал из Зядини своего самого близкого родственника — родного дядю Тон тхат Тханга [19, с. 386], которого потом взял с собой в Фусуан. По-видимому, в случае смерти Нгуен Аня Тон тхат Тханг должен был стать регентом при одном из малолетних принцев.

Для развития ремесла в столице правитель приказал перевести из Зядини на фронт 800 ремесленников самых различных

профессий и 300 мастеров военного дела [19, с. 386—387]. Так как все они должны были прибыть в Тхинай в 3-м месяце, становилось ясным, что поход на Фусуан назначен на 4-й месяц 1801 г.

Окончательно решив «ударить по Фусуану», правитель вознамерился основательно пополнить свою армию свежими людскими ресурсами. Это давало возможность предпринять поход на север, не ликвидируя ни одного из кюиньонских фортов.

В связи с этим в середине весны 1801 г. были произведены массовые наборы солдат в армию. Десятитысячный налог кровью был тяжелым испытанием для южан. Но Зядинь, колыбель антитайшонского движения, много раз оказывавшая Нгуен Аню поддержку в минуты поражений, конечно же, поддерживала его и тогда, когда победа была близка. Более того, кроме 10 тыс. солдат каждая провинция выделила по 600 человек для транспортировки риса в Тхинай [19, с. 383]. На последнем этапе борьбы с тайшонами зядиньские богачи (ня зяу) особенно охотно предоставляли Нгуен Аню военные займы. В середине весны 1801 г. они дали властям займы 20 300 куанов денег для перевозки на фронт [19, с. 384].

Иначе обстояло дело в Центре. Здесь военные наборы встречали открытое недовольство местного населения. Это умело использовалось тайшонами, которых обиженные жители чаще всего поддерживали. Показателен в этом смысле пример Фуиена.

По-видимому, предпосылки социального взрыва в Фуиене стали складываться с того момента, когда он был захвачен зядиньцами в 5-м месяце 1800 г. Ибо уже в 7-м месяце там были собраны поземельные налоги по ставкам 1798 г., в 8-м месяце — очень высокие подушные налоги, а в 11-м месяце того же года с лиц, входящих в податные категории биет нап, биет тинь (включающие промысловиков, ремесленников, людей, выполняющих специальные «городские», «храмовые», «портовые» и т. д. повинности, а также состоятельных людей, откупающихся от повинностей), было одновременно взято риса больше, чем с лиц, принадлежащих к тем же податным категориям в Биньтхуане и Биньханге вместе взятых. Более того, с этого же времени в Фуиене в дополнение к основным налогам было приказано также собирать поземельные подати «в помощь». В связи с близостью к кюиньонскому фронту чрезвычайно тяжелой в Фуиене была остро необходимая армии повинность по транспортировке грузов. Сразу же после захвата провинции южанами новые власти стали принуждать к выполнению этой повинности почти поголовно все население Фуиена: и простых тягловых — по подушным спискам, и землевладельцев — по земельным реестрам. В результате было набрано несколько десятков тысяч «носильщиков», т. е. больше, чем количество всех тягловых, которых даже в 1819 г. насчитывалось в Фуиене только 5 тыс. человек.

Естественно, бегство «носильщиков» приняло грандиозные размеры и росло день ото дня. Вынужден был вмешаться сам Нгуен Фук Ань, который в 1-м месяце 1801 г. освободил от этой повинности свою социальную опору в Фуиене — землевладельцев, лиц, вносящих рис «в помощь», а также «государственных носильщиков». Из подушных тягловых в «носильщики» было взято 2 тыс. человек. Остальные тягловые должны были менять их «в очередь». В том же, 1-м месяце 1801 г. было отменено взимание риса «в помощь» с податных категорий биет нап и биет тинь. И это отнюдь не было актом гуманности, ибо тогда же в Фуиене был объявлен набор добровольцев в армию, так как перед походом на Фусуан Нгуен Фук Аню требовалось солидное пополнение [19, с. 382].

Однако добровольцев не оказалось. Тогда во 2-м месяце 1801 г. в крепость Хойан были отправлены чиновники, которые в принудительном порядке стали забирать в армию и тут же отправлять на фронт рекрутов из всех категорий местных податных и даже полуподатных, не обязанных нести военную службу [19, с. 384].

В итоге дезертирство в Фуиене приняло колоссальные размеры: он был наводнен беглыми солдатами до такой степени, что на его южной границе требовалось выставить кордоны.

В связи с этим вряд ли можно считать случайным тот факт, что к концу 2-го месяца из джунглей вновь появился бывший фуиенский губернатор Фам Ван Дием и попытался с помощью 500 сторонников захватить власть в своей родной провинции. Не случайно также и то, что его удар был направлен прежде всего на крепость Хойан, где работала мобилизационная комиссия. Крепость была сожжена и разрушена. Губернатор вместе с двумя гражданскими чиновниками укрылся в морском порту Суандай.

Чтобы подавить это восстание, зядиньскому командованию пришлось обрушить на горстку фуиенцев значительные силы пехоты и флота, вызванные из Кюиньона. И хотя Фам Ван Дием был разбит и бежал, а его сторонники рассеяны, в следующем, 3-м месяце он вновь появился в Фуиене, где к тому времени образовалось, по существу, еще один фронт.

Это осложнило положение южан в Кюиньоне—Фуиене, что, впрочем, компенсировалось победами на севере. В конце 2-го месяца 1801 г. неожиданно быстрого успеха в Куангнгае добилась морская экспедиция Нгуен Ван Чыонга. Южане ввели флот в порт Колуй (Дайколуй) и высадили десант, который атаковал тайшонов, охранявших рисовые склады. В итоге охрана была разгромлена, а содержимое складов сожжено.

Не останавливаясь в Куангнгае, Чыонг в начале 3-го месяца 1801 г. перенес военные действия в Куангнам. Флот вошел в порт Дайтьем, и снова корабли высадили десант. Используя эффект неожиданности, южане нанесли удар по Хойану (поселению китайских купцов) и Фучиему: в обоих местах тайшоны

потерпели поражение. В Куангнаме на стороне зядиньцев сразу же выступила часть местного населения. Солдаты, «откликнувшиеся на правое дело», во главе со своими офицерами обратили тайшонов в бегство, а потом захватили и 24 боевых слона. Потерпевший поражение тайшонский военачальник вместе с губернатором провинции укрепились на ближнем перевале Лакуа и попытались организовать оборону. Однако после стремительного нападения войск Чыонга тайшонские войска вновь были разбиты и бежали. В руки южан попали 80 пушек, много оружия, большие запасы продовольствия и денег, которые тайшоны, отступая, уносили с собой. Захватив перевал, Чыонг тут же начал строить крепость, в которой он разместил свою артиллерию [19, с. 387].

Узнав, что войска южан смогли закрепиться на куангнамской территории, Нгуен Ань немедленно послал им на помощь 30 военных кораблей и 1 тыс. солдат пехоты. Данангский порт был занят тремя кораблями европейского типа, капитанами которых были Ж. Б. Шенье, Ф. Ванье и де Форсан, находившиеся, впрочем, в подчинении вьетнамского военачальника Фам Ван Няна. В Дананге Нян принял командование десантом, размещенным на кораблях [19, с. 388].

Вскоре Нгуен Ань прислал к Нгуен Ван Чыонгу одного из своих гражданских чиновников, уроженца Куангнама, хорошо знающего местность, на которой шли бои с тайшонами. В своих указаниях Чыонгу Нгуен Ань советовал ему прежде всего быть осторожным и принять меры к защите от тайшонских нападений. На берегу реки Чыонгзянг по приказу правителя должны были быть возведены три крепости, «чтобы флот и пехота могли взаимодействовать друг с другом». Чертеж размещения крепостей Чыонгу был привезен самим посланцем Нгуен Аня. О всех событиях в Куангнаме Нгуен Ван Чыонг обязан был посылать раз в 5 дней доклад в Тхинай, в случае чрезвычайных происшествий рапорт должен был отправляться немедленно [19, с. 388]. Такая мелочная опека имела лишь одну цель — не потерять завоеваний в Куангнаме. В наступление Чыонгу разрешалось переходить только при полной гарантии успеха, в случае малейшего сомнения правитель настаивал исключительно на обороне. Все это свидетельствует о том, сколь важно было Нгуен Аню сохранить куангнамский плацдарм.

В Фуиене, где до этого не было регулярной боевой армии южан, к середине 3-го месяца 1801 г. военные действия на определенное время приняли более или менее постоянный характер. Здесь после болезни губернатора и смены главы провинциальной администрации вновь появился Фам Ван Диём, и на этот раз получивший активную поддержку местного населения. Умело обманув одного из военачальников Нгуен Аня и уйдя от расставленных ему сетей, Диём не стал штурмовать укрепленные стены Хойана, а решил выманить из крепости самого губернатора, завлечь его в ловушку и разгромить. В связи с этим сто-

ронники Диема скрытно проникли в расположенный на побережье маленький порт и сожгли находящиеся там маяки и башни с сигнальными огнями. Поддержание в исправности маяков и сигнальной сети, необходимой для военных целей, было одной из обязанностей губернатора провинции, и тот срочно должен был их восстановить. В связи с этим он немедленно вывел войска из Хойана, устремился навстречу противнику и тут же попал в устроенную ему засаду. Войско южан было полностью разбито, а сам губернатор убит.

Потеря южанами Фуиена очень осложнила военную ситуацию в Кюиньоне. Противник угрожал войскам Нгуен Ван Тханя с тыла. В связи с этим Нгуен Ань наконец-то решился временно ослабить свой кюиньонский фронт и бросил в конце весны против Диема, укрепившегося в крепости Хойан, регулярные военные части во главе с опытным и способным военачальником. Это был Ле Тят, которому правитель кроме его собственных войск передал командование над частями гвардии. Одновременно должен был быть нанесен удар и с южной границы Фуиена — от Трех перевалов.

Ле Тят быстро разгромил Диема в одном сражении, захватив в плен одного из его офицеров. Самому Фам Ван Диему удалось бежать, но он не терял надежды вернуться. Захватив Хойан, Ле Тят стал прочесывать местность, вылавливая сторонников Диема [19, с. 393]. Но долго оставлять Ле Тята с войсками в Фуиене командование южан не могло. В середине 4-го месяца Нгуен Ань вызвал его в ставку для включения в состав морской экспедиции, отправляемой штурмовать Фусуан. Все войско в Фуиене было передано командующему армией авангарда Нгуен Ван Таню, который находился в подчинении Нгуен Ван Тханя [19, с. 395]. После ухода Ле Тята в Фуиене снова стало беспокойно.

Не было особых успехов у южан в конце весны и в начале лета и на кюиньонском фронте. Наиболее активно в это время боевые действия велись на том участке, где войска южан действовали с тхинайского плацдарма.

После поражения в тхинайском сражении Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунг спешно построили оборонительную линию, состоящую из фортов и крепостей. Укрепления эти были не очень прочными, но тайшоны ожесточенно их обороняли. Напрасно Ле Ван Зюет и другие военачальники вели постоянные атаки на эти позиции противника: победы в мелких сражениях (однажды за один день южане выиграли подряд четыре боя) и многочисленные жертвы с обеих сторон ни к чему не вели [19, с. 389]. В итоге южанам не удавалось ни на шаг продвинуться по направлению к кюиньонской цитадели.

На том участке кюиньонского фронта, где командовал войсками Нгуен Ван Тхань, т. е. в его южной части, не было и речи о наступательных действиях. Тхань и Ле Тят с трудом отбивали атаки тайшонов на форты и крепости в Ваншоне [19,

с. 389]. Когда же Ле Тят с частью войск был отозван в Фуиен, положение еще более осложнилось. В этой ситуации Нгуен Ань сделал попытку повысить эффективность армии боевых слонов, столь любимой Нгуен Ван Тханем. Слоны и их вожатые были распределены по категориям, более четкой стала организация подразделений армии. Одновременно правитель обратился к Нгуен Ван Тханю с критическим наставлением относительно роли и функций главнокомандующего и подчиненных ему военачальников в боевых сражениях. Явно недовольный, Нгуен Ань указывал, что обязанность главнокомандующего — руководить общим ходом сражений, а вести в битву — дело его офицеров. Тхань же плохо подходил на роль полководца и все время сам рвался в бой, лишая тем самым свою армию верховного руководства. Обстановка на южном кюиньонском фронте непрерывно ухудшалась, несколько исправили положение лишь прибывшие в 4-м месяце из Зядини свежие воинские части в количестве 10 тыс. человек, к которым Нгуен Ань приказал добавить ветеранов [19, с. 395]. Требовалось принятие кардинального решения.

Захват Нгуен Фук Анем Фусуана и распространение его власти на большую часть бывшего Дангчаунга

Куангнамский фронт был единственным местом, где южане добивались успехов. В конце 3-го месяца 1801 г. Нгуен Ван Чыонг и Тонг Виет Фыок не только отбили наступление тайшонов во главе с Нгуен Ван Суаном на горную крепость в Лакуа, но и сами перешли в наступление, отбросив противника. Исполняя указание Нгуен Аня, они не стали углубляться на вражескую территорию и отрываться от р. Чыонгзянг. Эта река постоянно оставалась у них в тылу, что давало возможность подбрасывать по воде свежие силы. Укрепившись, Чыонг и Фыок стали просить Фам Ван Няна послать войска на север в Ванкуан, дабы отрезать тайшонам путь к отступлению [19, с. 392].

Неожиданная помощь стихии помогла правителю в 4-м месяце избавиться от единственного после сожжения тхинайского флота соперника на море — китайских союзников тайшонов. Корабли китайцев были заброшены бурей в прибрежные воды Тхиная и после недолгого преследования взяты на abordаж гвардейцами Нгуен Аня. В плен попал сам предводитель «пиратов» — «дунхайский ван» Ма Гуаньфу.

Воспользовавшись этим, правитель Зядини решил привести в исполнение решение, принятое им по меньшей мере два с половиной месяца назад, — двинуться на штурм Фусуана. Время лишь убедило его в правильности принятого решения: наступление на кюиньонском фронте из-за героического сопротивления

тайшонов не удалось (в то же время после подхода подкрепления из Зядини можно было не беспокоиться и об отступлении на этих фронтах), а сравнительно легкий захват Куангнама показал, что именно северные районы бывшего Дангчаунга являются наиболее перспективными для нанесения удара.

Но перед наступлением правителю надо было решить одну моральную проблему: как оставить на верную гибель Во Тания и его солдат, которым он дважды обещал спасение [19, с. 341, 380]. Историки XIX в. сообщают, что, осознав невозможность снятия осады с городской цитадели, он решил дать возможность спастись хотя бы Во Таню и обратился к своим военачальникам со следующими словами: «Скорее мы потеряем крепость, но не дадим пропасть нашему искусному полководцу». Вслед за этим с письмом в Кюиньон был отправлен посланец, которому удалось пробраться в осажденный город. В письме Нгуен Ань советовал Во Таню бежать из крепости и пробираться к позициям южан. Но тот не только твердо отказался, «решив с презрением к смерти держаться до конца», но и сам, в свою очередь, дал совет правителю нанести удар по Фусуану: «Возьмите Фусуан за жизнь Вашего подданного, и тогда мое желание будет осуществлено» [19, с. 396]. Именно на такой ответ Нгуен Ань, видимо, и рассчитывал, прекрасно зная о преданности Во Тания: выполняя долг подданного по отношению к государю, старый полководец не мог не доказать верность своим жизненным принципам. В итоге правителю не составило большого труда вынудить Во Тания самого подписать себе смертный приговор. И зная уже, что Во Тань обречен, принесен в жертву перед походом на столицу, Нгуен Ань стал убеждать своих военачальников в том, что именно захват столицы заставит тайшонов снять осаду с Кюиньона.

Перед отъездом правитель еще раз подтвердил, что Нгуен Ван Тхань является главнокомандующим всей сухопутной армией, сражающейся против Зиеу и Зунга в Кюиньоне.

Тхинайский флот был передан в распоряжение Нгуен Хоанг Дыка, хотя до этого момента Дык никогда флотом не командовал, а был чисто сухопутным военачальником.

Перед началом экспедиции были объявлены награды за головы тайшонского императора и высших фусуанских чиновников. Надо отметить, что Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунга правитель Зядини «ценил» дороже, чем самого Нгуен Куанг Тоана. В случае пленения или убийства Зиеу и Зунга главный военачальник получал титул конга, а заместитель военачальника и более низкие чиновники — 10 тыс. куанов. За пленение тайшонского императора титула конга не давали, предоставлялось лишь 10 тыс. куанов. За совершеннолетних младших братьев Нгуен Куанг Тоана давали 1 тыс. куанов, за несовершеннолетних младших братьев — 500 куанов, за сестер — 300 куанов. Что же касается таких высших чиновников, как фактический глава правительства «регент» Чан Ван Ки или один из «четы-

рех столпов» Нгуен Ван Зань, то они ценились в три раза меньше, чем Зиеу и Зунг. Родственники Зиеу и Зунга оценивались так же, как и родственники Нгуен Куанг Тоана [19, с. 397]. Возможно, Нгуен Фук Ань полагал, что Зиеу или Зунг могут попытаться создать новую кюиньонскую династию, в связи с чем необходимо было истребить их родственников так же, как следовало уничтожить родственников Нгуен Куанг Тоана.

В одну из последних ночей 4-го месяца (3 июня) 1801 г. в Тхинае на горе Док были зажжены сигнальные огни, дававшие знать и Нгуен Ван Тханю в Ваншоне и Во Таню в осажденной цитадели Кюиньон, что флот отплывает к Фусуану. С рассветом Нгуен Ань вывел корабли в решающий поход.

Генеральный план наступления на Тхуанхоа включал совместные боевые действия сухопутных войск и флота. Основным было направление флота, которому предстояло захватить два укрепленных тайшонами порта, расположенных в рукавах устья Ароматной реки: порт Тызунг и порт Эо.

Первой выступила в поход пехота Куангнама и Зядини под смешанным командованием. При этом следует отметить, что куангнамцы осуществляли руководство войсками совершенно на равных правах с зядинцами. Пехота и боевые слоны двинулись по дороге Куде к перевалу Хайван (Море облаков), не встретив по пути никакого сопротивления.

Решающим было нападение с моря. Для штурма обоих морских портов в рукавах устья реки Ароматной флот был разделен на две группы. Одна группа кораблей во главе с Нгуен Ван Чыонгом и Фам Ван Няном, имеющая 13 больших вьетнамских и 6 европейских кораблей, в числе капитанов которых находились Ж. Б. Шенье, Ф. Ванье и де Форсан, была послана к порту Ео и в 8 часов утра 11 июня заняла боевые позиции на расстоянии пушечного выстрела от берега [19, с. 397]. Именно этот порт, как основной и более удобный из двух столичных, Нгуен Куанг Тоан укрепил самым серьезным образом: туда была брошена большая часть тайшонских войск и весь флот [19, с. 398].

Поэтому было решено атаковать другой, более мелкий порт, Тызунг, который защищался меньшим количеством пехоты и, что самое главное, не прикрывался остатками военного флота тайшонов. Однако фусуанские власти не случайно выделили для защиты Тызунга меньший воинский контингент: оборону этого порта облегчали естественные условия. Стоило их умело использовать — и Тызунг становился практически неприступным. Во-первых, над самим портом и входом в рукав Ароматной реки господствовала гора Кюишон. Артиллерия, размещенная на этой горе, могла нанести пытающемуся прорваться в устье реки флоту большой урон. Тайшоны использовали эту выгодную позицию, расположив на горе Кюишон пушки и 10 тыс. своих солдат под командованием зятя Нгуен Куанг Тоана, Нгуен Ван Чи [134, с. 334; 177, с. 380]. Во-вторых, в мелкое русло

порта Тызунг и несколько выше устья по традиционному методу были вбиты деревянные колья, которые препятствовали проходу военных кораблей. Все это создало большие трудности для овладения портом и заставило южан бросить в атаку почти весь свой флот.

Для штурма Нгуен Ань, расположившись в бухте Тюмай [19, с. 397], подготовил 42 больших военных корабля и 300 военных барок, имеющих на борту 15 тыс. солдат, которые к 8 часам 11 июня встали перед портом Тызунг и приготовились к бою [134, с. 334; 177, с. 380].

Нападение было поручено возглавить Ле Ван Зюету и Ле Тят, дружба которых уже переросла, по-видимому, в политический союз. Эти два лидера партии «реалистов» пользовались к этому времени особым доверием правителя, и именно им, как своим самым способным полководцам, он поручал наиболее ответственные боевые задания.

В день бинь ти 1-го числа 5-го месяца (в 5 часов утра 12 июня) Ле Ван Зюет и Ле Тят повели боевые корабли и военные барки на приступ. В 7 часов утра южане вошли в порт Тызунг и попытались проникнуть в устье Ароматной реки, однако потерпели неудачу. Ураганный артиллерийский огонь с горы Кюишон наносил большой ущерб наступавшим, вырывая из их рядов убитых и раненых. Многие корабли и барки, войдя в устье реки, наткнулись на острые колья, получили пробойны и затонули. Под залпы пушек Ле Ван Зюет и Ле Тят перестраивали флот и снова бросали свои корабли на приступ. Атаки южан продолжались почти весь день, но к пяти часам были прекращены. Вечером на военном совете оба полководца, понимая бесперспективность продолжения штурма тайшонских позиций «в лоб», решили применить хитрость и нанести удар с тыла. По их приказанию моряки и солдаты ночью волоком скрытно перетаскили 20 военных кораблей через песчаную отмель в лагуну Хачунг, расположенную позади боевых позиций тайшонов. Там южане стали вынимать колья из дна реки, делая ее таким образом судоходной и продвигаясь к укреплениям противника на горе Кюишон. Затем последовала одновременная атака с фронта и с тыла. Тайшоны дрогнули и побежали. Флот южан вошел в устье Ароматной реки и продвинулся до пристани Чынгха. Один из тайшонских военачальников, Нгуен Ван Чи, попытался сделать вылазку, но был схвачен солдатами Ле Ван Зюета. В этом бою в плен сдались 500 тайшонов во главе с их командиром [19, с. 398].

Взятие порта Тызунг фактически означало падение Фусуана. Когда флот Нгуен Аня двинулся из захваченного Тызунга к порту Эо, Нгуен Куанг Тоан, узнав о поражении и пленении Нгуен Ван Чи, увел свои войска в столицу, не вступая в сражение. Правда, путь флотилии южан, движущейся к Фусуану, пытались преградить 27 вооруженных пушками кораблей из числа 64 судов, присланных тайшонами Севера. Однако эти ко-

рабли, движущиеся под красными шелковыми флагами, по сообщению Л. Баризи, в течение нескольких минут были разгромлены и обращены в бегство силами зядиньской эскадры Фанзык [134, с. 335; 155, с. 404]. Многие тайшоны сдались, южане захватывали корабли, пушки, огнестрельное и холодное оружие [19, с. 399].

Возможно, верховное командование тайшонов и сам Нгуен Куанг Тоан были приведены в смятение не только победой южан у порта Тызунг, но и страхом перед возможным восстанием фусуанских католиков в самой столице. Дело в том, что тайшонам удалось схватить одного фусуанского плотника и обнаружить у него письма, которые тот должен был от имени Нгуен Аня передать столичному епископу и другим миссионерам. Из содержания письма и из показаний плотника явствовало, что Нгуен Ань просит у европейских священников и вообще у католиков военной поддержки. Нгуен Куанг Тоан считал, что это создает угрозу власти тайшонов в Фусуане и что надо принимать срочные меры для того, чтобы не допустить возможного восстания христиан. Под влиянием одного из тайшонских сановников, Ле Ван Лоя, был издан императорский указ об истреблении всех католиков в столичном районе. Он был обнародован 5-го числа 5-го месяца 1801 г., в день праздника Доаннго, однако это был последний день пребывания тайшонов в Фусуане и они не успели уничтожить христиан.

В 3 часа дня 3-го числа 5-го месяца войска южан подошли к Фусуану. Однако Нгуен Ань еще два дня находился на своем корабле на реке Ароматной и только в день торжественного праздника Доаннго въехал в столицу своих предков [134, с. 335—336]. Цель, к которой в течение 13 лет стремились помещные феодалы Крайнего Юга, была достигнута.

После отбытия на север Нгуен Куанг Тоана, захватившего с собой лишь золотую и серебряную казну, в руки зядиньских феодалов попали 13 тайшонских печатей, среди которых была и печать, полученная от китайского монарха, и 33 официальных государственных документа, в том числе и инвеститура из Пекина [19, с. 399]. Это было большим ударом для тайшонского правителя, ибо означало, по представлениям того времени, потерю части его могущества.

В столице царил покойствие. Насилия и грабежи не допускались, склады были опечатаны и охранялись [19, с. 399]. Солдатам, чтобы они не разбойничали, выдали казенное серебро. Отдельно предоставлялись награды за «взятых в плен тайшонских полководцев», родовую знать, высших чиновников [19, с. 401]. Местное население Тхуанхоа, традиционно наиболее преданное Нгуенам, активно откликнулось на призыв новых властей и само «вылавливало» и выдавало тайшонскую родовую знать, высших гражданских и военных чиновников. Вскоре бывшие подданные Нгуен Куанг Тоана привели трех его сыновей и 30 «особо опасных» лиц, среди которых были мать и сестра

жены Чан Куанг Зиеу, а также жена Во Ван Зунга [19, с. 399]. Такого никогда не бывало в Кюиньоне, где население не предавало своих вождей.

Многие высшие тайшонские чиновники «сдались» сами. Среди них были и фактический глава правительства «регент» Чан Ван Ки, и «хитроумный» управляющий финансами Хо Конг Зиеу. И если Чан Ван Ки впоследствии был обвинен в связях с Нгуен Куанг Тоаном и убит, то Хо Конг Зиеу стал преданно служить Нгуен Фук Аню.

Период с 5-го по 11-й месяц 1801 г., т. е. отрезок с момента взятия столицы и вплоть до вторжения собранной на Севере армии Нгуен Куанг Тоана в Куангбинь, был временем активного подавления войсками новой власти тайшонского сопротивления на только что захваченной территории. Особенно интенсивно шел этот процесс в первом месяце после захвата столицы, когда Нгуен Ань поручил своим военачальникам очистить от тайшонов территорию Тхуанхоа и встать на страже ее границ. Пехоте Ле Тята было поручено неотступно преследовать бежавшие остатки армии Нгуен Куанг Тоана, а флоту Нгуен Ван Чыонга был дан приказ войти в пограничную с бывшим Дангнгоае реку Зянь (Линьзянг) и отрезать войскам противника путь к отступлению на север.

Остальные части армии Нгуен Аня в Тхуанхоа должны были занять пункты, стратегически важные для обороны провинции: флот Фам Ван Няна охранял порт Эо (Тхуанан), а пехота расположилась на перевалах Тачатынгуен и Тамай [19, с. 399].

Войска Ле Тята, преследуя отступающих, «неторопливо шли под бой барабанов» [19, с. 400]. Эта «неторопливость» впоследствии послужила причиной для подозрения Ле Тята в измене со стороны близких к «традиционалистам» чиновничьих кругов.

Главная цель преследования не была достигнута, Нгуен Куанг Тоан перешел через реку Зянь и благополучно добрался до Тханглаунга. Там он попытался укрепить свою власть, сменил девиз эры правления, учредив новый — «Бао хынг» (Охрана процветания), и послал посольство в Китай, прося маньчжурского императора оказать военную поддержку против Нгуен Аня. Но Жэнь-цзун в отличие от своего отца Гао-цзуна не решился использовать «междоусобный» вьетнамский конфликт для распространения китайского влияния на территорию Дайвьета. Права на власть сына «узурпатора», свергнувшего законную династию Ле, несмотря на получение инвеституры, должны были вновь подвергнуться серьезному сомнению, коль скоро эти права не подкреплялись реальной силой. А силы этой у Тоана не было, поэтому в помощи ему было отказано.

После ухода Нгуен Куанг Тоана на север Ле Тят был отозван вместе с войсками в столицу, где он преподнес Нгуен Аню захваченные у тайшонов трофеи. Был собран совет, на котором решили отложить наступление на север. Однако намерение

покончить с тайшонским императором было высказано Нгуен Анем весьма недвусмысленно: «Куанг Тоану удалось убежать от людей, но не от Неба» [19, с. 400].

В Тхуанхоа местное население нигде не оказывало сопротивления новой власти. В Куангнам же прибыл в 5-м месяце 1801 г. посланный Зиеу и Зунгом из Кюиньона семитысячный отряд, подкрепленный 40 боевыми слонами. Учитывая военные нужды самих кюиньонцев, которым более неоткуда было ждать помощи, следует признать, что это был щедрый поступок их вождей. Эта помощь существенно изменила военную ситуацию в Куангнаме. Теперь противник значительно превосходил Тонг Виет Фыока своими силами и мог прорваться на север, в Фусуан. К Нгуен Аню полетел доклад Фыока о том, что тайшоны большими силами занимают территорию горных районов, откуда вскоре попытаются напасть на Диенбан, дабы отрезать его войска от помощи с севера и в конечном счете взять их в окружение. В ответе Фыоку Нгуен Ань запрещал атаковать, приказывал держаться оборонительной тактики, в случае окружения обещал в течение недели направить в Куангнам новую армию: «...атакуем с двух сторон, и враги будут обязательно разбиты» [19, с. 400].

Вскоре, в середине 5-го месяца, в Куангнам была послана армия под командованием Ле Ван Зюета. В подчинении Зюета находился и Ле Тят, которому было поручено возглавлять преимущественно части, состоящие из бывших тайшонов.

Изгнание тайшонов из Куангнама, а затем и из Куангнгай было лишь первой задачей из числа тех, которые Нгуен Ань поставил перед Ле Ван Зюетом. Основной целью полководца-евнуха был удар с севера по Кюиньону. В последний раз делалась попытка снятия осады с цитадели, освобождения Во Таня и остатков его войска.

Предполагалось, что после разгрома тайшонов в Куангнаме Ле Ван Зюет возьмет на себя командование всей сухопутной армией северного фронта, а «освобожденный» из возможного окружения Тонг Виет Фыок станет командовать морским флотом того же фронта [19, с. 405], что должно было существенно ограничить полномочия Нгуен Ван Тханя.

Перед выступлением армии Нгуен Ань вызвал к себе Ле Ван Зюета и призвал вести себя так, чтобы личная неприязнь к Нгуен Ван Тханю не препятствовала взаимной поддержке и согласованности действий обоих военачальников: «Армия побеждает в бою благодаря согласованности действий, а не из-за многочисленности. В этот раз идешь ты, поэтому тебе следует быть беспристрастным во взаимоотношениях с Нгуен Ван Тханем. Перед началом боевых операций надо информировать друг друга, а затем двусторонне взаимодействовать, чтобы поскорее истребить вражескую шайку и побыстрее добиться большой победы. Мы днем и ночью ни на мгновение не перестанем беспокоиться и думать о Биньдине...» [19, с. 405].

Неожиданно для командования армия Ле Ван Зюета столкнулась с противником до прихода в Куангнам.

Накануне взятия Нгуен Анем Фусуана Чан Куанг Зиеу, вполне обоснованно опасавшийся нападения южан на тайшонскую столицу, принял запоздалое решение послать по горным районам Чыонгшона на помощь Нгуен Куанг Тоану, хотя и меньший, чем в Куангнам, но довольно значительный воинский контингент. Костяк его составляли 4 тыс. кюиньонцев и 1 тыс. отборных солдат, которых сопровождали 1 тыс. человек из Тхуанхоа и Бакха. Эти тайшоны, пробираясь на север по незнакомым горным дорогам, были обмануты своими проводниками, взятыми из числа горцев, среди которых активно действовали агенты Нгуен Аня. Эти проводники водили тайшонов по джунглям кругами до тех пор, пока у тех не кончилось продовольствие. В конце концов горцы вывели изголодавшихся и обессиленных солдат туда, где располагалась надежно охраняемая войсками застава их противника. Тайшонам не оставалось ничего иного, кроме как сдаться [19, с. 406].

Не лучше обстояло дело и с другой частью войск, посланных кюиньонцами. Добравшись по труднодоступным тропам до предгорного района Каодой (Высокий холм), они встретились с армией Ле Ван Зюета и Ле Тята. В состоявшемся сражении войска тайшонов были полностью разбиты, их предводитель бежал к горцам, где вскоре и умер, остальных военачальников схватили, а рядовые солдаты сдались в плен [19, с. 406].

Следует отметить, что взятых в плен тайшонов южане подвергали «сортировке»: из уроженцев Тхуанхоа и Бакха тут же формировали воинские части и отправляли на фронт, а кюиньонцев увозили в Фусуан и держали там под стражей [19, с. 406]. Таким образом кюиньонцы были официально признаны самыми активными и последовательными противниками новой власти.

Разгром и ликвидация шеститысячного экспедиционного корпуса лишали тайшонов надежды отвоевать Фусуан с юга. Граница Тхуанхоа с Куангнамом оказалась под контролем Нгуен Аня. Заставы в горных районах были сняты, военачальников отозвали в столицу. В честь победы Нгуен Ань наградил войска 2 тыс. серебряных лангов [19, с. 406].

В Кюиньоне в это время обстановка еще более накалилась. Пытаясь оказать на противника психологическое воздействие, поднять боевой дух своей армии и посеять уныние в рядах противника, командование южан распорядилось привезти в Кюиньон в клетках половину захваченных в Тхуанхоа ближайших родственников тайшонского императора и его высших военных чиновников (другая половина была отправлена в Зядинь). «Знатных и важных» тайшонов южане усиленно демонстрировали по всей линии фронта, стремясь наглядно убедить своих врагов в том, что Фусуан пал, население Тхуанхоа приведено к повинности новой власти и надеяться кюиньонским тайшонам

больше не на что. Однако тайшоны не пали духом, т. к., по-видимому, уже давно не рассчитывали на Фусуан. Они продолжали стойко сопротивляться на всех фронтах и крепко держали осаду крепости. Тогда правитель Зядини приказал казнить своих пленников на глазах у не дрогнувших кюиньонцев [19, с. 406].

Справедливости ради следует отметить, что тайшоны не были так жестоки, ибо когда в конце 5-го месяца у защитников крепости Тябан полностью кончилось продовольствие и она пала, Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунг из уважения к мужеству командующего гарнизоном Во Таня и его гражданского советника Нго Тонг Тю (первый взорвал себя в башне с порохом, второй выпил яд) выполнили последнюю просьбу зядиньского полководца, изложенную в предсмертном письме, и сохранили жизнь всем солдатам и офицерам гарнизона. Более того, многие из взятых в плен были тут же зачислены в тайшонскую армию [19, с. 408—409], но через некоторое время начали «изменять», перебегая в войска южан. И даже несмотря на это бегство, отношение тайшонов к пленным южанам было более гуманным, чем отношение к кюиньонцам нгуеновских военных.

Героическая оборона тайшонами Кюиньона (вторая половина 1801 — начало 1802 г.)

Взятие после длительной и напряженной осады кюиньонской цитадели — крепости Тябан было крупнейшим успехом кюиньонских тайшонов. Прежде всего это была победа политическая, ибо тайшоны овладели своей «старой» столицей, которая компенсировала им потерю «новой» — Фусуана. Теперь, когда тайшонские вожди могли рассчитывать только лишь на свои местные кюиньонские силы, они особенно активно стали черпать их в кладовой народной энергии, в своих традиционных связях с массами, в старых социальных корнях, в активности первого периода тайшонского движения. Армия Зиеу и Зунга вновь, как и на первом этапе движения, стала крестьянской, состоящей из бойцов, четко видевших в своих врагах классовых антагонистов — боевые дружины феодалов Крайнего Юга. Казалось, что все возвращается на 28 лет назад, когда крестьянское войско владело одним Кюиньоном, когда ему противостояли такие же социальные антагонисты — кюиньонские помещики, поддерживаемые армией Нгуен Фук Тхуана, а впереди были победы над внутренними и внешними врагами, власть над всем Вьетнамом.

Захват крепости Тябан значительно улучшил и военное положение кюиньонских тайшонов. В их боевые части влились плённые южане. Хотя впоследствии те и использовали каждую возможность, чтобы перебежать к «своим», но вначале им приходилось делом доказывать свою верность, в противном случае

их ждала смерть. Когда впоследствии убежавшего от тайшонов военачальника Нгуен Ван Тона спросили, почему он так ожесточенно сражался на стороне врага, тот ответил: «Если бы я в то время не сражался и не убивал наших солдат, то враги не поверили бы мне. Как бы я привел назад все свое войско?» [19, с. 414].

Освободившиеся от осады крепости войска были направлены на боевые позиции, и в начале 6-го месяца 1801 г. тайшоны попытались прервать снабжение войск Нгуен Ван Тханя из Тхиная, для чего у побережья стала строиться широкая заградительная линия, состоящая из укрепленных фортов. Лишь быстрота и активность посланного Нгуен Ван Тханем Хоанг Виет Тоана избавила южан от серьезной опасности [19, с. 411].

В это же время, ободренный успехом кюиньонских тайшонов, в Фуиене снова появился Фам Ван Дием, которому опять, как и ранее, удалось в короткие сроки захватить эту провинцию, очистить ее от южан и отрезать находящуюся в южном Кюиньоне армию Нгуен Ван Тханя от зядиньских войск в Бинькханге и Зиенкхане во главе с Нгуен Ван Танем. Из Фуиена Фам Ван Дием стал угрожать войскам Нгуен Ван Тханя ударом с тыла [19, с. 411].

Тхань впал в панику и стал просить разрешения оттянуть значительные силы с фронта, чтобы любой ценой восстановить прерванную связь с оставшимися в Бинькханге и Зиенкхане войсками. Более того, напуганный угрозой окружения, он даже предложил перебросить всю оставшуюся в южном Кюиньоне пехоту в столицу, ликвидировав тем самым с таким трудом завоеванные в этой провинции позиции [19, с. 411].

Паника Нгуен Ван Тханя, предлагавшего, по существу, сдать Кюиньон, свидетельствует о том, сколь значительными были последние победы народного тайшонского войска: взятие крепости Тябан и захват Фуиена. Однако Нгуен Фук Ань, находясь в Фусуане, более трезво смотрел на вещи. Решительно отклонив предложения Тханя и запретив ему ослаблять кюиньонский фронт, он направил из Фусуана корабли с морской пехотой, которая, соединившись с зиенкханьской армией, в 6-м месяце нанесла удар отрядам Фам Ван Диема с юга, в то время как с севера их атаковали солдаты из Тхуанхоа, а также снятые с фронта в куангнгайском Тханьхао и вновь сформированные части. В результате этого двустороннего наступления Фам Ван Дием был разбит, потеряв сначала четыре крепости, а затем и свою «столицу» Латхай. Зядиньские войска захватили большие трофеи [19, с. 419].

Несмотря на то что Диему удалось скрыться, впоследствии у него больше не было возможности восстановить свою власть в Фуиене. После последнего восстания Диема, наученные горьким опытом, южане разместили в этой провинции сильный гарнизон с опытным военачальником, который зорко следил за поддержанием стабильности во вверенном ему районе. Дием был

схвачен в нгеанских горах ровно через год, в 6-м месяце 1802 г., когда тайшоны в Кюиньоне уже были разгромлены. Он был казнен тут же на месте вместе с сыном Нгуен Ван Хюэ и еще одним тайшонским военачальником [20, с. 35].

Удачи Фам Ван Диема в Фуиене в большой степени находились в зависимости от успехов тайшонов в Кюиньоне. Соответственно и последующая неспособность Диема после 6-го месяца 1801 г. «захватить» Фуиен была, по-видимому, связана с тем, что именно в этом месяце серьезно осложнилось положение кюиньонских тайшонов. Дело в том, что в конце 5-го месяца в Куангнам вошла победоносная армия Ле Ван Зюета и Ле Тята и, не встретив никакого сопротивления, захватила всю провинцию. Тайшонский военачальник, не вступая в бой, отступил, уводя с собой семитысячную армию и 40 боевых слонов [19, с. 409].

Тонг Виет Фюок, в соответствии с отданным ранее приказом правителя, возглавил флот, и в назначенный день тайшоны были атакованы его кораблями. Пехота Ле Ван Зюета и Ле Тята вместе с флотом Фюока двинулась далее на юг [19, с. 409].

В начале 6-го месяца пехота и флот Зюета и Фюока уже вошли в Куангнгай. Вследствие этого Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунгу пришлось срочно организовывать северный фронт. Вначале успех сопутствовал войскам Зюета и в Куангнгае: с первого же удара южане захватили крепость Чакхук, взяв в плен двух тайшонских военачальников и 3000 солдат. Военачальников было приказано отправить в столицу, а солдат — распределить по воинским частям. В руки победителей попали большие запасы продовольствия, денег и оружия [19, с. 412].

По предложению Нгуен Фук Аня, стремившегося утомить противника в мелких стычках, на вооружение армий Ле Ван Зюета и Нгуен Ван Тханя, сражающихся против тайшонов на северном и южном фронтах, была взята традиционная боевая тактика поочередных ударов «в хвост и в голову». В соответствии с этой тактикой ни одна из зядиньских армий не могла вступать в решающее сражение ни на северном, ни на южном фронтах. Попеременные удары обеих армий следовало четко согласовать: наступление на одном фронте не должно было быть синхронным наступлению на другом: «Срочно прикажем Нгуен Ван Тханю нанести внезапный удар сзади, чтобы в наступлении они (т. е. тайшоны. — А. Р.) не имели возможности атаковать, а при отступлении — не имели возможности защищаться...» [19, с. 412]. При четком выполнении такая тактика давала хорошие результаты, что не раз доказывалось историей.

Это была не наступательная, а оборонительная тактика. Главная ее цель состояла в том, чтобы не дать возможности тайшонам сосредоточить преобладающие силы на каком-либо одном из фронтов, ибо в этом случае южан ждало поражение. Это хорошо понимал сам Нгуен Фук Ань. Он явно боялся силы и высокого воинского мастерства своих противников, в свя-

зи с чем постоянно предостерегал военачальников от недооценки тайшонов. Советы «не торопиться», «быть осмотрительным», «не кичиться», «не пренебрегать опасностью» часто мелькают в его посланиях командующим фронтами. В то же время Нгуен Фук Ань прекрасно осознавал ту ненависть, которую питают кюиньонские тайшоны к войску зядиньских феодалов. Его выражение «враги будут драться насмерть» [19, с. 412] несло в себе и социальный смысл.

Сколь прав был Нгуен Фук Ань, предвидя длительную борьбу с окруженными в Кюиньоне тайшонами, показал весь дальнейший ход событий. Сразу же при вступлении на территорию Кюиньона северную армию стали преследовать неудачи. В первую очередь это относилось к морской пехоте Тонг Виет Фюока, где обнаружили сторонники тайшонов. Был обвинен в предательстве оказавший большую поддержку южанам при захвате Куангнама предводитель местной «армии справедливости» [19, с. 412].

После высадки морской пехоты в северной части Кюиньона Фюок действовал во многом безрассудно. В то время как Ле Ван Зюет в полном соответствии с указаниями Нгуен Аня, расквартировав войска в расположенном в Куангнгае Тханьхао, стал строить форты, которые протянулись сплошной стеной от морского порта Мии на побережье и до горных застав, защитив таким образом пехоту южан на всей поперечной полосе длинных районов, Тонг Виет Фюок высадил десант южнее, в Шахюинь, и тут же атаковал тайшонов на горе Мишон и на перевале Куангзянг. Победа в обоих сражениях (правда, небольших) вдохнула в «отважного, но опрометчивого» Фюока новый боевой пыл. Забыв об осторожности, он решил напасть еще южнее — на Танкуан. Однако здесь ему суждено было встретиться с умным и смелым противником. Чан Куанг Зиеу направил в Танкуан мощные силы пехоты и боевых слонов под командованием Ле Зань Фаунга и Ты Ван Тьиеу. Последний в бытность свою на службе у Нгуен Аня был хорошо знаком с Фюоком. Прекрасно знал Тьиеу и о его запальчивости. Поэтому, когда войска Фюока напали на укрепленные лагеря, форты и крепости в Танкуане, тайшоны, заманивая противника в ловушку, стали отступать. Во время этого отступления от них бежало к южанам более 1000 плененных во время сдачи кюиньонской цитадели солдат Во Таня. Опыленный новым успехом, Фюок рвался преследовать отступающих, хотя «все люди» пытались его удержать [19, с. 413]. В итоге войска Фюока попали в засаду и были перебиты. Сам он был взят в плен и убит своим старым врагом Ты Ван Тьиеу [19, с. 413].

Поражение Фюока могло нанести серьезный удар по позициям войск Ле Ван Зюета, однако вскоре к Танкуану подошли военные корабли, которые высадили на берег пехоту, укрепившуюся на случай нападения тайшонов. Прежние рубежи были восстановлены [19, с. 413].

Появление нового северного фронта заметно улучшило и положение южной армии Нгуен Ван Тханя. Тайшоны вынуждены были перебросить на север значительную часть воинских сил, и Тхань, руководствуясь предписанной Нгуен Анем тактикой ударов «в хвост и в голову», своими отборными войсками на широкой полосе фронта атаковал тайшонские форты и крепости, разрушив часть укреплений. В войска Тханя вернулось много плененных после взятия кюиньонской цитадели зядиньцев, среди которых был и кхмер Нгуен Ван Тон с 800 своими солдатами [19, с. 413].

Это была первая за очень долгое время боевая удача войск Нгуен Ван Тханя, и правитель ее достойно оценил: старшие военачальники получили парчовые одежды, остальные офицеры — 3000 серебряных европейских монет и 1 тыс. лангов серебра [19, с. 413].

В соответствии с принятой Нгуен Анем тактикой попеременного нанесения ударов войсками Нгуен Ван Тханя и Ле Ван Зюета следующее наступление должно было произойти на северном фронте. Вскоре военачальнику Фан Ван Чиеу было поручено погрузить войска Переднего зиня на военные корабли и высадить десант в Дамтхюи (Пресная вода), где он должен был искать место для сооружения укреплений. Делалась попытка вклиниться в глубь тайшонской территории с моря, расчленить их армию на две части и создать помимо северного и южного фронтов еще и центральный. Свои соображения насчет дальнейшей военных операций в северном Кюиньоне Нгуен Ань изложил Ле Ван Зюету и Ле Тятю. Правитель предполагал, что после того, как войска Переднего зиня укрепятся в Дамтхюи, проникнув в «брюхо противника», оттуда можно будет нанести удар в «хвост», в то время как Ле Ван Зюет и Ле Тят атакуют «голову» [19, с. 416]. В результате армия Ле Зань Фаунга и Ты Ван Тьеу должна была быть разгромлена, вся территория к северу от Дамтхюи переходила в руки южан, Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунг лишались мощной продовольственной базы (это были долинские районы, которых в Кюиньоне было не так много) и изолировались на маленьком пространстве вокруг провинциального центра. План был грандиозный, но трудновыполнимый. Когда части Переднего зиня подплыли к Дамтхюи, оказалось, что тайшоны, учтя опыт Шахюиня и Танкуана, прекрасно укрепили этот район, превратив его в неприступную крепость. Высаживаться было решительно негде, пришлось вернуться, и даже не в Танкуан, а значительно севернее — в порт Колюи (Дайколүй) в Куангнгае. Из Танкуана войска также были эвакуированы [19, с. 416].

Таким образом, территории, занятые в северном Кюиньоне, были зядиньцами потеряны, и они вынуждены были отойти в Куангнгай, где теперь и разворачивались боевые действия войск Ле Ван Зюета.

Неудача в Дамтхюи произвела на командование куангнгай-

ской армии большое впечатление, на долгое время отбив у него охоту вторгаться в Кюиньон с моря. Тайшоны прекрасно укрепили побережье, и вплоть до решительного наступления Ле Ван Зюета во 2-м месяце 1802 г. его войска ни разу не сделали попыток напасть на кюиньонские морские порты. К середине 6-го месяца 1801 г. обстановка на фронтах стабилизировалась.

Хотя десанту с моря и не удалось расчленить оборону тайшонов, но Ле Ван Зюет и Ле Тят держались в Тханьхао очень прочно, имея возможность постоянно получать подкрепления из Куангнама [19, с. 416]. Правда, взаимодействие с войсками Нгуен Ван Тханя поначалу осуществлялось плохо, но Ле Ван Зюет и Ле Тят в начале 7-го месяца 1801 г. все-таки предприняли мощное наступление, взяв приступом 8 фортов, большое количество пленных, оружия, слонов и лошадей. За эту «викторию» правитель пожаловал победителям 1 тыс. лангов серебра, а бежавшие из тайшонского плена бывшие солдаты Во Таня получили разрешение на отдых в столице [19, с. 423]. И все-таки, несмотря на удачу, Нгуен Ань «советовал» Ле Ван Зюету «быть еще более осторожным, чем ранее... наносить удар только в том случае, если можно быть полностью уверенным в победе, если же останется даже доля неуверенности, то не следует опрометчиво наступать» [19, с. 423]. Сам правитель был абсолютно убежден в том, что «польза нашей армии в прочной обороне» [19, с. 423], и Зюет воспринял его совет как приказ.

К середине 1801 г. лагерь «реалистов» все более и более усиливал свои позиции, взгляды его вождей в значительной мере разделялись самим Нгуен Анем. Основным конфликтным вопросом двух враждебных группировок в это время был вопрос об отношении к бывшим тайшонским военным. «Реалисты» бывших тайшонов принимали, «традиционалисты» — отвергали. Позиция «реалистов» в отличие от установок их противников помогала боевым успехам войск Нгуен Аня, ибо не только давала им новых талантливых военачальников, но и ускорила развал тайшонской армии, усиливая бегство из нее солдат и офицеров.

Ход военных действий на фронте Нгуен Ван Тханя, начиная с середины 6-го месяца до начала 8-го месяца 1801 г., был для нгуеновских войск в общем удачным, и тайшоны были выбиты из Фуиена, но все это давалось войскам Тханя с большим трудом. Шли длительные сражения, многодневные битвы, в которых армия Нгуен Ван Тханя в значительной степени вынуждена была занимать оборонительные позиции. В глубь обороны тайшонов Тхань продвинуться так и не смог.

Как раз в этот период Нгуен Ань присвоил Нгуен Ван Тханю высший титул куан конга. Одновременно он снова подтвердил, что Тхань является командующим всей пехотой. Тхань стал вежливо отказываться, мотивируя тем, что он не может принять почести один, а хочет разделить их с остальными военачальниками. По-видимому, командующий искал популярности,

стремясь сплотить вокруг себя военных чиновников. Нгуен Аню пришлось специально выступать перед офицерами и обещать им награды после победы [19, с. 424].

Попытки захвата южанами Нгеана

К середине 6-го месяца 1801 г. тайшонский военачальник Нгуен Ван Тхан сконцентрировал большие воинские силы в пограничной провинции Хачунг, готовясь двинуть их на юг. Флотоводец южан Нгуен Ван Чыонг так охарактеризовал это войско: «Хотя вражеская армия и многочисленна, но боевой дух ее слаб» [19, с. 417]. В связи с этим он просил Нгуен Аня разрешить ему подготовить военные корабли к походу и, «используя благоприятные обстоятельства», нанести удар совместно с вьентьянским королем, который в 5-м месяце 1801 г. назначил срок нападения на Нгеан [19, с. 402—403]. В составе вьентьянской армии были и зядиньские части.

Подготовка «пограничной» армии к предстоящему нападению на Хачунг и Нгеан началась немедленно после доклада Чыонга. Но в конце 6-го месяца 1801 г. тайшоны сами напали на передовой пункт войск Нгуен Аня — крепость Тьожон в Хоаньшоне. Когда об этом стало известно, Нгуен Ван Чыонг поручил Нгуен Ке Ньюану атаковать противника у Тьожона силами 7 тыс. солдат, которым было приказано двинуться к крепости двумя путями: пешком и на кораблях. Напутствие Нгуен Ван Чыонга «вошло в историю»: «Если встретишься с врагом, то не следует спешно атаковать, надо подождать, когда можно будет взаимодействовать на воде и на суше, только тогда нападай». Нгуен Ке Ньюан этого указания не выполнил: оторвавшись от речного флота, он увел пехоту далеко вперед, а когда тайшоны отступили, заманивая его в ловушку, поддался на их хитрость и бросился преследовать противника. В итоге его отряд попал в засаду, был атакован тайшонами и полностью разгромлен, два офицера убиты, а половина солдат попала в плен к тайшонам. Узнав об этом, Чыонг сам повел военные корабли к реке Зянь и стал возводить там укрепления, в которых разместил войска, опасаясь дальнейшего продвижения противника. С берегов реки Зянь он послал Нгуен Аню известие о поражении и разгроме Нгуен Ке Ньюана.

Это сообщение произвело на правителя сильное впечатление. Потеря большого количества солдат (около 3500 человек) существенно ослабляла «пограничную армию». Кроме того, разгром отряда Нгуен Ке Ньюана убедил Нгуен Аня, во-первых, в том, что «пограничная армия» Нгуен Ван Чыонга способна лишь на оборонительные действия, во-вторых, в том, что у его войска в целом нет сил для успешного наступления на север без контингентов, сражающихся в Кюиньоне. Отныне нападение объединенного зядиньско-вьентьянского войска на Нгеан,

а также выступление горского князя из Тханьхоа Ха Конг Тхая оставались без поддержки с юга и фактически не имели шансов на успех.

Получив сведения о разгроме Ньюана, разгневанный Нгуен Ань велел Нгуен Ван Чьонгу казнить его, а затем приказал небольшому гарнизону разместиться в крепости Тханьха, расположенной на южном берегу реки Зянь. Все остальные войска переводились в Донгхай, где ремонтировались и дополнительно укреплялись знаменитые крепостные стены, перегораживавшие всю долинную часть страны с запада на восток. Правитель боялся, что после разгрома Ньюана тайшоны двинутся дальше на юг. Имя Нгуен Ке Ньюана не переставало в эти дни произноситься Нгуен Анем, который его примером предостерегал Ле Ван Зюета, взявшего в начале 7-го месяца 8 крепостей и преисполненного решимости развивать наступление [19, с. 423].

Опасения Нгуен Аня не были лишены оснований: тайшоны продолжали делать вылазки из Хачунга. В середине 7-го месяца Нгуен Ван Тхан снова послал трехтысячный отряд для захвата крепости Тьожон, но, когда тайшоны увидели пришедший на помощь осажденным неприятельский флот из двадцати военных кораблей, они сняли осаду и ушли [19, с. 427].

В это время в Тханьхоа уже активно действовали сторонники Нгуен Аня. Одному из его агентов удалось привлечь в Биеншоне на свою сторону двух офицеров и «множество» представителей социально привилегированных слоев общины — членов общинных советов (хао мук). Именно из них было организовано ополчение «солдат справедливости», к которому присоединилось 400 китайских «пиратов» на 20 кораблях. Все это воинство напало на морской транспортный караван тайшонов, шедший с севера, и захватило огромную добычу: 23 корабля, 15 тыс. фыонгов очищенного риса, 25 больших пушек, 7 тыс. кан пороха, 5 тыс. ядер. В плен было взято 2 военачальника и 300 тайшонских солдат [19, с. 427].

Агент Нгуен Аня просил у него подкреплений пехотой и флотом, уговаривал начать операцию по захвату Тханьхоа—Нгеана. Однако осторожный правитель отделивался похвалами и просьбами «еще немного подождать». Ибо Нгуен Ван Тхан все еще продолжал оставаться в Хачунге, также постоянно прося у своего императора солдат для удара по Донгхою. Но у Нгуен Куанг Тоана войск не было, и Тхан терял время.

Наконец в конце 7-го месяца, так ничего и не получив от Нгуен Куанг Тоана, Нгуен Ван Тхан вернулся в провинциальный центр Нгеана. Нгуен Ань же выехал в Донгхай, где осмотрел укрепления Донгхоя—Чанниня и лично дал указания построить форты и разместить в них пушки. После тщательной и серьезной проверки обороноспособности защитных сооружений был устроен военный совет. Вернувшись в Фусуан, Нгуен Ань послал в Нгеан два небольших отряда регулярных войск, которые на месте должны были быть развернуты при помощи мест-

ного ополчения в мощную «армию справедливости». Однако, пробравшись на место назначения, часть посланцев Нгуен Аня перешла на сторону тайшонов [19, с. 429].

В начале 8-го месяца 1801 г. шесть зядиньских военных частей (тыи) во главе с Лыу Фыок Тьонгом и 4 тыс. лаосцев совершили нападение из пограничных с Вьентьяном горных районов на Нгеан. Вначале им сопутствовала удача: выйдя в район уездов Хьонгшон и Лашон, они атаковали тайшонов в Тамтхоа и одержали победу. Было захвачено «очень много» кораблей, барок, огнестрельного и холодного оружия. В следующем сражении у крепости Люкниен в уезде Тханьтьонг тайшоны также потерпели поражение, их военачальник погиб. Эти неудачи привели к тому, что тайшонские «солдаты шли сдаваться друг за другом, как на рынок. Нгеан заволновался» [19, с. 431]. Положение тайшонов в Нгеане стало угрожающим. Если бы в этот момент Нгуен Ван Чьонг смог двинуть на север от реки Зянь свою «пограничную армию», то вряд ли его противник смог бы удержать эту провинцию. Однако наступления не было.

В итоге в Нгеане тайшоны выстояли, хотя для того, чтобы солдаты Лыу Фыок Тьонга и лаосцы не смогли проникнуть в глубь долинных районов, нгеанцам пришлось применить тактику выжженной земли. Крестьянские дома были сожжены в нескольких уездах, и на голых полях захватчики не смогли найти никакого продовольствия. Скоро его стало явно не хватать, и вьентьянская армия вынуждена была отступить назад в горы. Лыу Фыок Тьонг на военных кораблях выбрался к реке Зянь и присоединился к «пограничной армии» [19, с. 431].

Так бесславно закончилось зядиньско-вьентьянское вторжение в Нгеан. Причиной его провала была самоотверженность и мужество тайшонов, которые повсеместно смогли сорвать планы южан: в Кюиньоне их героическое сопротивление не позволило Нгуен Аню снять с фронта достаточное количество воинских частей, необходимых для похода на Север; на реке Зянь их постоянные атаки на крепость Тьожон помешали осуществлению плана двустороннего удара по Нгеану с запада и с юга, наконец, в Нгеане тактика выжженной земли заставила вьентьянцев прекратить наступление и вернуться домой.

Война на истребление

Неблагоприятно для Нгуен Аня складывалась в это время и военная ситуация в Кюиньоне, ибо иссякли наступательные возможности южан на северном фронте, расположенном в Куангнгае. Сопротивление тайшонов там было настолько ожесточенным, что Ле Ван Зюет совершенно потерял надежду разгромить их в ходе наступательных операций. Осознав, что выигранные сражения не приносят победы, ибо разбитые тайшоны вновь и вновь организуют боевые отряды, создаваемые из пополне-

ний, существование которых логически объяснить было невозможно (по всем расчетам, мобилизовать было уже некого), Ле Ван Зюет подал Нгуен Ань доклад, в котором сам предлагал полностью отказаться от всех попыток перейти в наступление на северный Кюиньон. План Зюета заключался в том, чтобы ждать, пока тайшоны в поисках продовольствия, которого в трех кюиньонских уездах явно не хватало, двинутся за рисом в Куангнгай. Вот тут-то войска Зюета и должны стоять на смерть, укрепившись в неприступных местах, устраивая противнику ловушки и применяя другие военные хитрости. Идея Зюета сводилась к тому, что в ходе наступательных операций южан разгромить кюиньонских тайшонов на их собственной территории невозможно. В связи с тем что для оборонительных действий не надо большой армии, Ле Ван Зюет предлагал выделить с куангнгайского фронта войска Ле Тята и отправить их на пограничный фронт для взаимодействия с Нгуен Ван Чыонгом. В конце своего доклада Зюет клялся не допустить тайшонов «на землю Тханьхао» [19, с. 433—434].

Сообщение полководца-евнуха очень встревожило правителя. Если уж сам Ле Ван Зюет предлагал отсидеться за «широкими рвами и высокими стенами» крепостей, значит, мужество тайшонов сломало и этого полководца. Прекращение боевых действий грозило серьезно затянуть войну в Кюиньоне, а этого Нгуен Ань допустить не мог. Поэтому правитель решил пресечь «оборонческие настроения» Ле Ван Зюета. Если раньше Нгуен Ань сам предостерегал Зюета от «легкомысленных наступлений», то теперь он эти наступления только приветствовал.

Однако было ясно, что наступательная мощь армии Зюета подорвана и что следовало искать иной способ полноценного использования его войска. Тогда Нгуен Ань выдвинул новый план взаимодействия обоих фронтов, теперь это была уже модификация тактики «удара в хвост и в голову». Убедив Зюета в том, что отправлять войска Ле Тята на пограничный фронт не требуется, ибо там уже приняты меры для отпора дангнгайским тайшонам, Нгуен Ань постарался внушить своему полководцу, что именно боевые действия в Кюиньоне и на его границах имеют решающее значение. Правитель подчеркивал, что при переходе к обороне войск Ле Ван Зюета «достичь полной победы будет трудно». Сообщив, что Нгуен Ван Тханю уже дан приказ подготовить армию к наступлению, Нгуен Ань предложил Ле Ван Зюету и Ле Тяту взять на себя задачу отвлечения сил противника от кюиньонского фронта. Таким образом, Зюету предлагалось только отвлекать силы противника от южного фронта, на котором должен был наступать Тхань.

Одновременно Нгуен Ань издал воззвание к кюиньонской армии Нгуен Ван Тханя. Приписывая захват Фусуана и подчинение территории почти всего бывшего Дангчаунга стойкости войск, сражавшихся в Кюиньоне, правитель исключительно высоко оценивал роль армии во всех своих свершениях. Порой

превознесение роли военных граничило со святотатством: «Хотя я и считаю, что Небо помогает тем людям, которые следуют его установлениям, но истина также и в том, что лишь благодаря глубокому единодушию всех вас, солдат и военачальников, смогли мы осуществить все это» [19, с. 435].

Далекий от традиционного толкования роли Неба, Нгуен Ань видел в своих победах решающее значение войска. Правитель беспокоился о том, приняли ли его войска в Кюиньоне необходимые меры предосторожности, предупреждал армию о том, что тайшоны попытаются взять реванш и нанести неожиданный удар, дабы военным успехом воодушевить свои войска. Он убеждал своих воинов в том, что для победы необходимо сделать последнее усилие. При этом выбор тактики, оборонительной или наступательной, Нгуен Ань оставлял всецело за командованием армии. Фактически на определенное время Нгуен Фук Аню пришлось расстаться с идеей взаимодействия двух фронтов. Более того, желая усилить боевой дух войск и постоянно держать армию в боевой готовности, Нгуен Ань давал своим военачальникам на различных фронтах противоречивые указания. Ле Ван Зюету он сообщал, что наступление Нгуен Ван Тханя уже решено и следует лишь поддержать его вспомогательными военными демонстрациями, а руководству армии на кюиньонском фронте советовал избрать тактику, применяясь к обстоятельствам, что не обязательно означало наступление. Все это не могло не вносить смуту и нервозность в руководство как северным, так и южным фронтами, при которых трудно было добиться необходимого взаимодействия. Кроме того, видимо, существовали трения между руководством сухопутной кюиньонской армией Нгуен Ван Тханя и командованием тхиньайского флота. Об этом свидетельствует тот факт, что в середине 8-го месяца Нгуен Хоанг Дык запросился из Тхиная в столицу. Однако Нгуен Ань его не пустил, и тот провел в порту все время вплоть до взятия Кюиньона, бранясь с Нгуен Ван Тханем из-за приоритета, престижа и почестей.

Никакого наступления Нгуен Ван Тханем, которому разрешалось самому решать этот вопрос, предпринято не было, и в середине 9-го месяца 1801 г. Чан Куанг Зиеу вместе с Ты Ван Тьиеу во главе 18-тысячной «отборной» армии обрушились на укрепления Ле Ван Зюета и Ле Тята в Тханьхао, стремясь прорваться в Куангнгай и захватить там провинт для своей армии. Кроме того, 2 тыс. тайшонов были отправлены по горным районам для нанесения неожиданного удара в тыл южанам. Однако система шпионажа зядинцев еще раз сработала, и Нгуен Ань в Фусуане узнал об этой «тайной» экспедиции раньше, чем войскам северного фронта был нанесен какой-либо ущерб. Немедленно Ле Ван Зюету и Ле Тяту был дан приказ построить в глубине обороны форты и крепости, а также разместить войска на дорогах, ведущих к боевым позициям. В итоге удар тайшонов в тыл южанам был сорван, но основной ар-

мии Чан Куанг Зиеу удалось закрепиться в Тханьхао, где начались ожесточенные бои, в ходе которых в первое время тайшоны брали верх [19, с. 444].

Чрезвычайно опасная обстановка, сложившаяся на северном фронте, заставила наконец Нгуен Ван Тханя поддержать Ле Ван Зюета и перейти в наступление. В 10-м месяце он атаковал на своем фронте тайшонов и захватил крепость Тьило, а затем преследовал противника вплоть до реки Танан, разрушив на своем пути более 20 укреплений и фортов. Чтобы остановить продвижение войск Тханя, Во Ван Зунг послал против них 700 солдат, но те сдались в плен вместе со своим начальником. Тем не менее дальше реки Танан Тхань идти не решился и закрепился на ее берегу, превратив его в неприступную боевую позицию [19, с. 446—447].

Поражение тайшонов у р. Танан не подорвало боевой дух тайшонов. Напротив, казалось, все кюиньонское население приняло участие в вооруженной борьбе против южных феодалов. В итоге Чан Куанг Зиеу передал командование армией тайшонов в Тханьхао Ты Ван Тьеу и перебрался в крепость Линьван. Здесь он провел последнюю мобилизацию. В солдаты было взято все мужское население от 12 до 60 лет, а женщины и старики обслуживали армию в качестве «носильщиков». Так как практически все кюиньонцы оказались на фронтах, в провинции сложилось трудное экономическое положение: поля не обрабатывались, урожай не собирался, цена на рис выросла приблизительно в семь раз по сравнению с нормой, начался голод и мор [19, с. 447].

Однако, несмотря на все эти трудности, кюиньонцы продолжали героически противостоять южанам на обоих фронтах. И хотя перевес все-таки постепенно склонялся на сторону армий Нгуен Фук Аня, у зядинцев не хватило сил для решительного наступления и разгрома тайшонов, которые собрали всю свою энергию для отпора врагу. На обоих фронтах за каждой атакой одной стороны через некоторое время следовала контратака противника, хотя и не всегда удачная.

Неудачи на южном фронте заставили тайшонов ослабить силу своих атак в Тханьхао. В результате Ле Ван Зюет и Ле Тят снова, как и три месяца назад, стали одерживать победы, разгромив тайшонов на горе Фаунгнгуеу. В ответ на это в 11-м месяце Ты Ван Тьеу попытался захватить крепость Миш: сказывались результаты мобилизации, проведенной Чан Куанг Зиеу. Однако согласованными действиями коменданта крепости и самого Ле Ван Зюета, взявшего с собой отборные войска, атаку Тьеу удалось отбить, а отряды его рассеять [19, с. 452].

Большую роль в успехах северного куангигайского фронта играла согласованность действий двух военачальников — Ле Ван Зюета и Ле Тята. Несмотря на то что формально Ле Тят был подчинен Ле Ван Зюету, значение бывшего тайшона в руководстве войсками было огромным.

Всеобщая мобилизация, проведенная тайшонами в 10-м месяце, сказалась и в том, что Во Ван Зунг на южном фронте временно смог взять реванш за поражение у форта Тьило и у реки Танан. Во второй половине 10-го месяца он захватил одну крепость, а затем возвел земляные укрепления и форты, продвинув их в тыл войскам Нгуен Ван Тханя. Правда, через некоторое время Тханю удалось ликвидировать опасность, нависшую над его армией: укрепления были разрушены, после боя южане захватили трофеи [19, с. 452]. В 11-м месяце Тхань даже попытался потеснить тайшонов, и в результате ночной вылазки 100 «бесстрашных» сожгли их крепость Фушон [19, с. 452].

Однако успехи эти носили частный и эпизодический характер. Не имея возможностей для военной победы, зядинцы к концу 1801 г. усилили бессмысленную жестокость по отношению к солдатам противника. Об изменении отношения к кюиньонским тайшонам свидетельствует хотя бы то, что если в 7-м месяце южане могли отправить лечиться в Зядинь 600 больных кюиньонских солдат, высланных Зиеу и Зунгом из крепости Тябан, то в 11-м месяце даже те военачальники, которые ранее славилась благосклонным отношением к сдающимся в плен тайшонским офицерам (например, Ле Ван Зюет), перестали зачислять их в свои войска, а начали заковывать в колодки и отправлять в столицу. Резкий перелом в отношении южан к кюиньонцам произошел после тотальной мобилизации всего мужского (частично даже детского) населения провинции в армию, а женщин и стариков — на военные работы. Зядинцы были разъярены тем, что против них сражается весь народ. Боевые действия велись теперь зядинскими солдатами не столько с целью захвата территории противника, прорыва его обороны, окружения и осуществления других тактических задач, сколько превратились в настоящую охоту за головами.

Этому всячески способствовали зядинские офицеры, ориентирующие своих солдат на настоящее истребление кюиньонцев: за убитых платились немалые наградные, а денежные ставки за взятых в плен жителей Кюиньона были значительно выше, чем за пленных куангнгайцев, куангнамцев и «северных» тайшонов. Истребление кюиньонцев к концу 10-го месяца достигло таких размеров, что Нгуен Фук Ань должен был потребовать от своих войск «прекратить излишнюю жестокость» даже по отношению к тем, кто сознательно повиновался тайшонам. Тех же кюиньонцев, которые были взяты в армию в ходе последней мобилизации, правитель объявлял «достойными сочувствия». Был издан указ о прекращении выплаты наградных за убитых во время боя. За взятых в плен кюиньонцев стали платить столько же, сколько и за остальных пленных. Кроме того, взятых в плен кюиньонцев предписывалось отправлять домой, снабдив рисом и деньгами, а остальных тайшонов можно было оставлять в армии [19, с. 449].

Вряд ли эти указания Нгуен Фук Аня «бить (врага) справедливостью и учить гуманностью» точно выполнялись. Угрозы «карать» по военным законам за умышленные нарушения указа о «бессмысленных убийствах» были более эффективны. Однако запрет выдавать наградные за убитых в бою сделал истребление тайшонов экономически невыгодным, ибо доходнее было сдавать их военным властям в качестве пленных. Что же касается уравнивания наградных за пленение кюиньонцев и остальных тайшонов, то неизвестно, были ли в итоге ставки за пленение кюиньонцев понижены до общего уровня, либо общие ставки повысились. Если произошло последнее, то охота за кюиньонцами превратилась в охоту за тайшонами вообще.

Детально разработанные указания Нгуен Фук Аня по «спасению» кюиньонских жителей, четкие и конкретные меры по предотвращению массовых избиений в этой провинции свидетельствуют о том, что террор зядиньской армии поставил под угрозу существование большей части населения Кюиньона.

В соседнем Куангнгае, рядом с прифронтовой полосой, южане грабили гражданское население под предлогом либо сбора провианта для армии, либо поиска «имущества врагов». Иногда крестьяне оказывали солдатам сопротивление, собираясь для этого целыми деревнями. Но в этом случае военное командование брало под защиту грабителей и сурово наказывало «бунтовщиков» либо взымало с них непомерные штрафы. Так в 11-м месяце 1801 г. в Тханьхао в одной из деревень местными жителями был убит офицер, который вместе с солдатами пытался ночью ворваться в дом крестьянина. Ле Ван Зюет потребовал от местных крестьян огромного выкупа — 1236 куанов, однако Нгуен Ань, которому тоже стало об этом известно, указал, что офицер не имел права врываться ночью в частный дом, и потому ограничился штрафом в 36 куанов, пошедших на похороны убитого (остальные 1200 куанов было приказано вернуть крестьянам) [19, с. 450—451].

Увеличивающаяся интенсивность грабежей и насилий в отношении гражданского населения в прифронтовой зоне и в тылу южан была обратно пропорциональна интенсивности боевых действий на фронте. Шел сезон ливневых дождей, когда флот не мог взаимодействовать с сухопутной армией. Пехота же, выигрывая отдельные сражения, одна не могла добиться полной победы. Поэтому военные действия в Кюиньоне к концу года постепенно затихали и в 12-м месяце прекратились совсем. Однако как раз в это время у кюиньонцев первый раз появилась надежда на помощь извне.

Пограничная война (конец 1801 — начало 1802 г.)

Хотя командование «пограничной» армии, несмотря на неудачный исход сражения отрядов Лыу Фыок Тьонга и вьенть-

янских войск, продолжало отстаивать идею немедленного нападения на Нгеан с юга, неудача горного похода, а также очевидная решимость северных тайшонов всеми средствами отстоять свою землю убедили Нгуен Аня в том, что силами одной лишь «пограничной» армии Нгеан не взять, особенно в сезон ливневых дождей, когда южане вообще воевать не умели. Никакие благоприятные условия (затишье на кюиньонском фронте, малочисленность тайшонских войск в Нгеане, антитайшонские восстания в Бакха) не смогли заставить Нгуен Аня изменить свое решение.

Единственное, что считал Нгуен Ань необходимым сделать в тот момент на Севере, это поддержать своих сторонников в Тханьхоа. Поэтому, сославшись на то, что в сезон ливневых дождей из-за трудностей подвоза продовольствия пехота наступать не может, Нгуен Ань приказал направить к Биеншону (Тханьхоа) военный флот для поддержки «армии справедливости» Нго Дык Туана. Пехоте в Хоаньшоне было поручено произвести «демонстрацию мощи», чтобы сковать тайшонские войска на границе и в Нгеане и не дать им возможности разгромить недавно созданные отряды «армии справедливости» в Тханьхоа. Для усиления наступательной силы морского флота, принадлежащего к «пограничной» армии, Нгуен Ань обещал Чыонгу выслать подкрепления из столицы [19, с. 441].

Правитель продолжал опасаться наступления тайшонов с севера, в связи с чем Нгуен Ван Чыонг укреплял крепость Чаннинь, в которой с конца 8-го месяца 1801 г. размещались дополнительные воинские гарнизоны [19, с. 439]. В 9-м месяце того же года Чыонг мобилизовал для ремонта чанниньской крепости население трех уездов провинции Куангбинь. Отрыв от земли больших масс куангбиньского населения в период интенсивных сельскохозяйственных работ вызвал сильное недовольство крестьян, на Чыонга посыпались жалобы. Обеспокоенный недовольством населения в граничившей с тайшонской территорией провинции, тот приказал отпустить крестьян домой, а вместо них послать на строительные работы солдат. Злоупотребления военных властей в Куангбине имели место не только при ремонте донгхойской стены. Один из подчиненных Чыонгу офицеров, воинская часть которого была размещена у реки Зянь в местности Бадон, замучил местное население различными притеснениями, преследуя не только родственников тайшонских чиновников и солдат, но и простых крестьян. Жители Бадон стали «разбегаться в леса и горы» [19, с. 442]. Дискриминации подвергались и северяне, бежавшие в Куангбинь из Бакха, спасаясь от власти тайшонов. Им не доверяли, и если они просили включить их в армию, то зачисляли в «штрафные войска» (ту бинь), которые подвергались всяческому унижениям. Беглецам с Севера предназначалась самая черная, трудная и неблагоприятная работа, за исполнение которой они не могли рассчитывать ни на какую награду.

Эта политика, проводимая военными властями «пограничной» армии в отношении как гражданского населения Куангбиня (Бадон), так и добровольцев-северян, не могла не тревожить правителя. Но сделать ничего радикального он не мог, так как, во-первых, ему самому не был чужд «южный национализм», который он умело скрывал из политических соображений; во-вторых, на серьезный конфликт со своими высшими военачальниками, которым он был многим обязан, правитель не отваживался, тем более по такому деликатному вопросу, как взаимоотношения северян и южан в еще только создаваемом государстве.

Укрепление донгхойской стены было вполне своевременным. Нгуен Ань, ожидая наступления войск тайшонского императора, в 10-м месяце 1801 г. приказал «воодушевить солдат и офицеров», подготовить пограничные форты и крепости к обороне и заслать на Север побольше шпионов. Обо всех новостях следовало немедленно докладывать в Фусуан. Подготовка к обороне проводилась почти во всех провинциях Центра. Во всех морских портах от Куангбиня до Куангнгай днем и ночью военными кораблями осуществлялось патрулирование. На горные заставы в Камло также пришел приказ усилить бдительность.

Все эти меры были приняты очень своевременно, ибо в начале 11-го месяца 1801 г. Нгуен Ван Чыонг узнал от своих разведчиков, что Нгуен Куанг Тоан готовит поход для восстановления власти тайшонов во всей стране.

Чыонг предложил Нгуен Аню оборудовать третью линию обороны в Зиньчаме, поставив форты и заграждения на горных дорогах. С одной стороны, эта линия должна была быть тылом для донгхойских укреплений, откуда в Донгхой могли поступать подкрепления. С другой стороны, этот оборонительный рубеж должен был стать последней преградой перед столицей в случае прорыва тайшонами донгхойской стены.

Защищать укрепления в Зиньчаме было поручено Фам Ван Няну, командующему всеми частями армии Тхан шать и частью Задней армии. В горные районы были направлены небольшие гарнизоны, патрулировавшие местность. Вновь созданную группу войск сопровождали в качестве советников гражданские чиновники. Одному из офицеров флота был отдан приказ немедленно изучить возможность транспортировки грузов по старому каналу, ведущему из Тхыонглай в Зиньчам [19, с. 450]. В начале 12-го месяца в складах Тхыонглай было запасено 20 тыс. фыонгов очищенного риса, собранного со всего Куангдыка [19, с. 454]. Этот рис должен был впоследствии поступить в Зиньчам.

Срочно были посланы специальные агенты для составления географических карт горных районов в Куангбине [19, с. 450]. В этих горных местах полководцы Нгуен Аня более всего опасались пропустить противника в тыл. В середине 11-го месяца Тонг Фыок Лыонг подвел боевые корабли к порту Тунглюат,

ождая попутного ветра, чтобы двинуться к реке Зянь и соединиться с сухопутными войсками.

В разгар этих приготовлений во второй половине 11-го месяца 1801 г. тайшонские войска двинулись отвоевывать Центр и Юг страны. Вместо 3 тыс. солдат, которых за три месяца до этого привел в Нгеан младший брат тайшонского императора Нгуен Куанг Тхюи, на юг шла армия, возглавляемая самим Нгуен Куанг Тоаном: общая численность всех сухопутных войск и морского флота тайшонов составляла около 30 тыс. человек. Пятитысячным отрядом в ней командовала жена Чан Куанг Зиеу — отважная Буй Тхи Суан. Эти набранные в четырех длинных провинциях дельты Красной реки и в Тхань-Нге войска были последними из тех, которые тайшонам удалось собрать на севере. Бака был разорен и истощен не менее, чем Центр; оставшиеся в Тханглаунге братья императора Тьиеу и Кхань едва удерживали власть над страной, с трудом подавляя расширяющиеся выступления хао муков (местных социально привилегированных слоев общины).

Ставя перед собой в качестве первой цели захват Фусуана, Нгуен Куанг Тоан решал и другую задачу. Продвижение тайшонов на юг должно было заставить Нгуен Аня снять войска с кюиньонских фронтов и сделать возможным не только прорыв Зиеу и Зунгом блокады Кюиньона, но и нанесение удара по столице с юга.

Однако этого достичь не удалось. Имея достаточное количество войск и хорошо подготовившись к обороне, Нгуен Ань с самого начала рассчитывал лишь на пограничную армию и не только не приказал выделить с южных фронтов какие-либо части, но и распорядился еще более усилить жесткость блокады. По мнению Нгуен Аня, войска Нгуен Куанг Тоана можно было «разгромить одним сражением» [19, с. 453—454]. Основная задача южан в Кюиньоне состояла в сдерживании армий Зиеу и Зунга. Командующим обоих фронтов в Кюиньоне и Куангнгае было приказано не менять прежнюю тактику, не пытаться переходить в наступление [19, с. 454]. Следует отметить, что на время вторжения военные действия в Кюиньоне почти прекратились. Обе стороны ждали исхода событий в Куангбине. Однако события развернулись не так, как рассчитывал Нгуен Ань: разгромить тайшонов в одном сражении ему не удалось. Оправдались другие его предчувствия, заставившие тщательно ремонтировать старую оборонительную донгхойскую стену.

Нгуен Куанг Тоан, еще находясь в Хачунге, выслал вперед трехтысячный отряд под командованием Динь Конг Туиета. Перейдя границу, Туиет столкнулся в районе Хоаньшона с Данг Чан Тхьонгом. Отряд Тхьонга был наголову разбит: 200 человек сдались тайшонам, остальные большей частью убиты и ранены. Сам Тхьонг сначала держался стойко, а затем, увидев, что бой проигран, захватил 10 пленных и сумел уйти от преследователей. Укрывшись в крепости Тханьха, он сообщил в

Фусуан о своем поражении. Так как на сторону вторгшихся войск вновь перешли в основном бывшие тайшоны и северяне, было приказано отобрать для защиты крепости Тханьха 800 солдат — уроженцев Центра, а остальных — эвакуировать за укрепления Донгхоя. Преследуя отступающих, тайшоны, двигаясь тремя колоннами, заняли сильные позиции прямо у донгхойской стены.

В связи с обострением военной ситуации к донгхойской стене выехал сам Нгуен Ань. Управление столицей, в которой был оставлен очень небольшой военный контингент, было передано дяде правителя — Тон Тхат Тхангу. В связи с опасностью тайшонского вторжения в Фусуан с моря флот подготовился к обороне в порту Эо [19, с. 454].

В начале нового 1802 г. Нгуен Куанг Тоан отдал приказ своему младшему брату Тхюи и военачальнику Шиеу атаковать укрепления Донгхоя — Чаннины [20, с. 5]. Не ограничиваясь штурмом укреплений, тайшонские войска под руководством Динь Конг Туиета и Нгуен Ван Киена атаковали гору Даумау к западу от Чаннины [20, с. 5]. Одновременно часть тайшонов с помощью 100 кораблей своих китайских союзников блокировала с моря ближайший к донгхойской стене порт Няtle, где укрепился Тонг Фюок Лыонг [20, с. 5].

Снова, как в середине XVII в., около стен Чаннины закипела яростная битва. Однако за полтора месяца промедления тайшонов войска Нгуен Аня хорошо подготовились и встретили противника во всеоружии. За стеной были размещены войска Фам Ван Няна и Данг Чан Тхыонга, а блокаду с Няtle было приказано снять Нгуен Ван Чыонгу. Разгромив флот тайшонов у Няtle, Чыонг должен был ввести свои суда в реку Зянь и отрезать сухопутную армию Тоана от ее тыла.

Когда тайшонская армия подошла вплотную к чаннинским укреплениям, Нгуен Ань выдвинул на стену гвардию Тук чык и приказал начать через амбразуры обстрел противника. В итоге было убито около 1 тыс. тайшонов. Почувствовав, что взять укрепления трудно, император тайшонов приказал своим войскам захватить гору Даумау, и те устремились на штурм. По образному выражению феодальных историков, тайшоны «лезли вверх, облепив [гору], как муравьи» [20, с. 5]. Засевшие на вершине скатывали вниз огромные каменные глыбы, причинявшие большой ущерб наступающим. Много тайшонов было раздавлено и убито, но их натиск не ослабевал [20, с. 5].

Большое мужество и незаурядный военный талант проявила в этом сражении Буй Тхи Суан. Сидя на боевом слоне, она личным героизмом заставила свои войска «драться насмерть с самого раннего утра и до полудня» [20, с. 5—6]. Это признавали даже враждебно настроенные по отношению к тайшонам авторы императорской хроники XIX в. В глазах де ля Биссашера 5 тыс. ее воинов превратились в трехсоттысячное (!) войско [134, с. 339]. После того как руководимые Буй Тхи Суан отря-

ды обрушились на вражеские укрепления, тайшонам удалось разрушить часть крепостных стен.

Исход сражения трудно было предвидеть, когда в войсках тайшонского императора стало известно о том, что морской флот Нгуен Ван Чыонга, воспользовавшись благоприятным северо-восточным ветром, разгромил корабли, блокировавшие порт Няtle, и захватил 20 тайшонских судов. Вожди тайшонов поняли, что ничто теперь не мешает южанам окружить их. Многие, видимо, заколебались, один из тайшонских военачальников, Нгуен Ван Киен, сам перешел со своими войсками на сторону Нгуен Аня. Когда же высаженная после победы в Няtle морская пехота напала на тайшонов с тыла, основная масса их войск во главе с самим императором побежала с поля боя. Оставленная на произвол судьбы Буй Тхи Суан продолжала мужественно сопротивляться превосходящим силам противника вплоть до захода солнца [134, с. 339].

Тонг Фыок Лыонг и Нгуен Ван Ван по приказу Нгуен Аня ввели военные корабли в устье реки Зянь и напали на продовольственный транспорт, состоявший из 50 судов. В итоге был захвачен весь провиант тайшонов и взята в плен охрана кораблей. За это время Нгуен Куанг Тоан сумел уйти вместе с остатками армии, однако на северный берег реки Зянь перебралось лишь 10—20% прежнего войска [20, с. 6].

Пехота Хоанг Ван Диема долго преследовала войска тайшонов и захватила 3 тыс. пленных, включая трех высших военных и гражданских чиновников, 700 ружей и 500 лошадей [20, с. 6]. Разгром северных тайшонов был полным, и от него Нгуен Куанг Тоан уже не смог оправиться, как сумел он это сделать после поражения в Фусуане.

По существу, чанниньское сражение было последней крупной битвой южан с северными тайшонами, но для наступления на Бакха сил у Нгуен Аня еще не хватало.

Конец власти Тайшонов в Кюиньоне

В войсках Нгуен Аня царило воодушевление. Словно забыв о кюиньонских тайшонах, солдаты и офицеры пограничной армии рвались преследовать Нгуен Куанг Тоана.

На время и Нгуен Аню сведения о захваченных пленных и трофеях вскружили голову. Шпионы сообщали, что «население Бакха волнуется», придворные льстецы уверяли, что после разгрома Нгуен Куанг Тоана «сила армии несокрушима» [20, с. 6].

Нгуен Ань совершил поездку к пограничной крепости Тханьха. По пути победителя повсеместно встречали «поселяне» с ритуальными подношениями и поздравлениями. «Милостивый монарх» запретил преследования укрывшихся по деревням бывших тайшонских солдат, не забыв между тем отдать приказ

заковать взятых в плен в кандалы и отправить в столицу [20, с. 6—7].

Правитель решал вопрос, вести ли войска на Тханглаунг или возвращаться в Фусуан. Некоторые недавние противники, такие, как сдавшийся в 11-м месяце 1801 г. Ле Динь Тьинь, толкали его на Север: «После того как войска Куанг Тоана потерпели поражение, [тайшоны] уже ничего не смогут сделать». Более того, Тьинь просил дать ему 100 кораблей и обещал доставить тайшонского императора живым во дворец Нгуен Аня [20, с. 6—7]. На собранном военном совете «все военачальники предлагали воспользоваться победой и ударить по Северу» [20, с. 7].

Однако Нгуен Ань, опытный полководец и крупный стратег, предпочел более осторожное решение. Он хорошо понимал, что до похода на Север ему еще необходимо осуществить определенный комплекс как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических мероприятий, важнейшим из которых была победа над тайшонами в Кюиньоне. Поэтому правитель решил отказаться от завоевания Бакха, провозгласив следующую военнополитическую программу: «Отвергать близкое, замышляя далекое — не наилучшая политика. В настоящее время среди наших врагов самым страшным является Чан Куанг Зиеу. Пока Зиеу не уничтожен окончательно, не следует легкомысленно продвигаться (в Бакха — *А. Р.*). Подождем до тех пор, пока крепость Биньдинь не будет взята, пока можно будет не беспокоиться о Юге, и тогда не поздно будет двинуться вперед и нанести удар по Бакха» [20, с. 7].

Реализация этой программы началась немедленно. Пограничная армия была оставлена на своих позициях, а все остальные войска возвратились в столицу. По прибытии в Фусуан Нгуен Ань демобилизовал из армии лишь тех ветеранов из Тхуанхоа, которые еще в 70-е годы XVIII в. последовали за Нгуенами в Зядинь [20, с. 7]. Остальные войска стали готовиться к выступлению на Кюиньон.

В Кюиньоне в это время, т. е. в 1-м месяце 1802 г., военный перевес был явно не на стороне южан. Узнав о поражении и отступлении Нгуен Куанг Тоана, кюиньонские тайшоны стали драться с еще большим ожесточением. Теперь они могли надеяться только на самих себя, и их мужество вызывало восхищение даже у их противников. Что касается войск Нгуен Аня, то разгром тайшонов в Куангбине их очень воодушевил, но уверенность в победе привела к потере бдительности, а это явилось причиной крупного поражения.

Сначала ничто не предвещало неудачи. По приказанию Нгуен Ван Тхана Нгуен Дык Суиен атаковал укрепления в Кишоне и захватил их, уничтожив, по сообщению хронистов, «очень много» неприятельских солдат. В действительности же Чан Куанг Зиеу заманивал его в ловушку. Воспользовавшись неосторожностью Суиена, Зиеу совершил обходной маневр и, прове-

дя пехоту и боевых слонов по дороге, ведущей к горе Кишон с тыла, окружил, а затем и атаковал его войска. В последовавшей битве окруженные понесли огромные потери, был убит один из видных военачальников — заместитель командующего Передней армией Нгуен Хюэ. Самому Суиену удалось, собрав вокруг себя остатки разбитых войск, с боем отступить в крепость Шаза (Донгша). Там он занял оборону и подал по обычаю правителю доклад, в котором, принимая всю ответственность за понесенное поражение, просил подвергнуть себя наказанию [20, с. 7]. Не будучи сторонником жестких мер, Нгуен Ань простил и даже ободрил Суиена.

Надеясь взять реванш, правитель тут же отдал приказ Ле Ван Зюету быстрым наступлением с севера сначала нейтрализовать успехи тайшонов на юге Кюиньона, а затем навязать им крупное сражение. Всем пограничным с Кюиньоном крепостям было приказано усилить бдительность и разместить войска так, чтобы тайшоны не смогли спастись из окруженной провинции.

Под звуки труб и бой боевых барабанов войска Зюета двинулись в наступление, однако на первых порах успехи их были более чем скромными. Атаковав войска тайшонов, они сумели захватить в 1-м месяце 1801 г. всего одного вражеского офицера и 30 солдат противника [20, с. 8].

Напрасными оказались попытки оказать на тайшонов и психологическое воздействие, привезя из Куангбиня захваченных военачальников и демонстрируя их на передовых позициях [20, с. 8]. Надежды на то, что обороняющиеся потеряют присутствие духа, не оправдались: тайшоны и не думали сдаваться.

Видя, что имеющихся на обоих кюиньонских фронтах войск недостаточно для окончательного разгрома тайшонской армии, Нгуен Ань двинул из Фусуана пехотные войска во главе со своим особо доверенным военачальником — Фам Ван Няном, командовавшим пехотой при разгроме Нгуен Куанг Тоана, а также флот, ведомый Ле Ван Кюэ. Перед выступлением войскам был отдан приказ решительно покончить с противником: «На этот раз вам всем следует приложить силы к тому, чтобы полностью уничтожить еще оставшееся вражеское семя». Во исполнение приказа в присутствии правителя, восседавшего на специальном возвышении, перед строем войск были казнены 20 захваченных в Куангбине тайшонских военачальников [20, с. 10]. После казни безоблачное небо заволкли тучи и полил дождь, что было воспринято как ниспосылаемое Небом предзнаменование скорой победы.

В конце 1-го месяца 1802 г. Нгуен Аню стало известно о намерении противника в связи с нехваткой продовольствия пробиться через горы в Фуиен, где у тайшонов были сторонники, которые могли помочь им провиантом. Выяснив планы врага, Нгуен Ань приказал Нгуен Ван Тханю перекрыть все доступы в соседнюю провинцию [20, с. 10]. Когда это было сделано, тай-

шоны лишились последней надежды продлить защиту Кюиньона.

Во 2-м месяце 1802 г. на кюиньонском и куангнгайском фронтах войска Нгуен Аня, взаимодействуя между собой, перешли в наступление. Тайшоны приняли бой, сражения были чрезвычайно ожесточенными и длились семь дней [134, с. 340].

На южном фронте Нгуен Ван Тхань, взяв реванш за разгром Суиена, нанес осажденным тяжелое поражение в Кишоне. Тайшонов преследовали вплоть до Лангвиена, и как только они попытались там закрепиться, южане вновь нанесли им немалый урон. В результате войска Тханя захватили значительную территорию около морского побережья, где тотчас же начали строить укрепления и крепости. Во Ван Зунг вновь и вновь бросал войска в контратаки, но силы тайшонов иссякали, боевой дух падал, даже офицеры начали переходить на сторону южан.

На северном фронте успехи Ле Ван Зюета и Ле Тята тоже были значительными. В начале 2-го месяца от тайшонов бежал взятый ими в плен военачальник Фан Тиен Хоанг, и Зюет тут же поручил ему командовать частью флота в своей армии [20, с. 11]. Через некоторое время бегство офицеров из тайшонского плена приобрело массовый характер. Некоторых «беглецов» правитель вызывал к себе в столицу, назначая на ответственные должности, но большей частью оставлял на кюиньонских фронтах [20, с. 12—14].

Вскоре Ле Ван Зюет и Ле Тят при взаимодействии пехоты и флота начали наступление на позиции Ты Ван Тьиеу в Тхатьтане. В результате войска тайшонов были разгромлены, множество фортов разрушено, в качестве трофеев южанам досталось большое количество военного снаряжения, огнестрельного и холодного оружия. За эту победу Нгуен Ань наградил войска 10 тыс. куанами денег [20, с. 11].

Ты Ван Тьиеу с частью войск отступил, и промедление грозило южанам тем, что вскоре солдаты Нгуен Аня могли столкнуться с новой линией обороны. Ле Ван Зюет срочно двинул пехотную армию в Тунгтяу, а военному флоту под командованием Фан Ван Чиу и Фан Тиен Хоанга приказал занять Дамтхюи и Танкуан [20, с. 11]. Таким образом, войска Ле Ван Зюета вступили в северный Кюиньон.

Зядиньцы медленно занимали кюиньонскую землю, преодолевая упорнейшее сопротивление тайшонов. Наступление на обоих фронтах сопровождалось массовым избиением пленных тайшонов, истреблением всего живого, бессмысленными убийствами на поле боя, грабежами, насилиями, разорением местности. Считалось, что в Кюиньоне не существует гражданского населения, ибо все оно так или иначе «работало на войну». Всех мирных жителей южане воспринимали как вооруженного противника и вели себя по отношению к ним соответствующим образом. Боевые успехи тайшонов в 1-м месяце 1802 г. и их ожесточенное сопротивление, возвращение к традициям кресть-

янского восстания — все это превратило имевшую на последнем этапе ярко выраженный классовый характер войну в Кюиньоне в массовое истребление вооруженных и безоружных крестьян. В армии южан распространялись слухи (возможно, провокационные) о том, что Зиеу и Зунг собираются бросить Кюиньон и напасть на Зядинь, чтобы устроить там резню [134, с. 340].

Напрасно Нгуен Ань указывал из Фусуана на то, что «захваченных в бою вражеских солдат не следует убивать без разбора... надо запретить солдатам совершать грабежи и насилия» [20, с. 11]. Ответом на призывы правителя было продолжение массового избиения кюиньонцев.

В середине 2-го месяца из Сиам пришло сообщение о том, что в соответствии с прежней договоренностью 5 тыс. сиамских солдат, совершив поход по горным районам Чыонгшона совместно с вьентьянской армией, разгромили тайшонов в Шанаме (Нгеан) [20, с. 12]. Хотя Нгуен Ань и отправил Раме I благодарственные письма, известие это его не обрадовало. Правитель вполне резонно считал, что теперь уже он и один, без вмешательства иностранных войск, может справиться с Нгуен Куанг Тоаном. С иностранными интервентами надо было кончать. Информация о событиях в Нгеане еще раз напомнила Нгуен Аню о Севере. Возможно, именно сообщение о сиамском вторжении заставило правителя ускорить последний штурм Кюиньона.

В начале 3-го месяца армия северного кюиньонского фронта наконец перешла в решительное наступление: сухопутные войска Ле Ван Зюета и Ле Тята подошли к горе Битьке, а флот высадил в Дамтхюи морской десант, в состав которого вошли и только что бежавшие из тайшонского плена офицеры и солдаты. Эти последние прекрасно знали расположение линии укреплений вражеских гарнизонов, известны им были и наиболее слабые, уязвимые места в обороне противника. Все это в немалой степени способствовало успеху войск Нгуен Аня. Не выдержав продуманного двустороннего удара сухопутных войск и морской пехоты, тайшоны бежали, и их уже невозможно было остановить [20, с. 14].

Осознав, что провинцию им более не удержать, Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунг, уклоняясь от навязываемого им сражения, под покровом ночной темноты вместе со всеми своими оставшимися войсками покинули Кюиньон и по горным тропам и ущельям Куангнгай, Куангнама и Тхуанхоа двинулись на соединение с тайшонами Севера.

Отступление было проведено Зиеу и Зунгом очень умело, и хотя разведка Нгуен Ван Тханя сразу же доложила ему об уходе противника, о чем Тхань, в свою очередь, дал знать всем военачальникам, войска которых немедленно были брошены вслед «беглецам», тайшоны все же успели пробраться кратчайшими дорогами в горные леса.

Полководцы Нгуен Аня не могли предполагать, что против-

ник уйдет, не дав им решительного боя. Их уверенность в мощи тайшонов была столь велика, что они терялись в догадках по поводу причин стремительного исчезновения неприятеля. На вопрос Нгуен Аня о причинах, по которым «многочисленные» войска Чан Куанг Зиеу не стали защищаться, а отступили, взятый в плен Ле Ван Зюетом тайшонский военачальник Чай Дай Кыу сказал, что «армия Зиеу лишь внешне сильна, а внутренне — слаба», и ушла она для того, «чтобы спастись, не имея никаких других замыслов» [20, с. 14—15]. Этот ответ, по-видимому, удивил фусуанского правителя, который имел возможность на практике убедиться, сколь сильна была мощь тайшонских войск. Обрадованный Нгуен Ань не мог скрыть радости и щедро одарил подателя столь утешительной информации [20, с. 14—15].

Преследование тайшонов в горах не дало результатов. Чан Куанг Зиеу, Во Ван Зунгу и 80 военачальникам, среди которых были Ты Ван Тьеу, Нгуен Ван Ман, Нгуен Ван Зяп, Нгуен Ван Дием и Ле Ва Хынг, удалось вывести из Кюиньона 3 тыс. солдат и 86 боевых слонов [20, с. 14]. Это было все, что осталось от огромной кюиньонской армии, насчитывавшей некогда не менее 100 тыс. человек. Таким образом, из Кюиньона ушло лишь 3% сражавшихся там тайшонских войск. Даже если учитывать, что часть из оставшихся 97% сдалась южанам (хотя известно, как те обращались с пленными тайшонами), другая часть «укрылась» в провинции (их не могло быть много, ибо отношение к ним зядинцев было также очевидным), все-таки можно себе представить, сколь велика была численность тайшонов, павших в двадцатидвухмесячной битве за Кюиньон. Все это говорит об удивительном боевом упорстве, присущем лишь восставшим крестьянам, но не регулярным войскам.

Так закончилась героическая, почти двухлетняя война тайшонов за Кюиньон — «родину» восстания. Во время этой войны тайшоны проявили чудеса мужества и стойкости. Таланты их вождей не ограничивались полем боя, где Чан Куанг Зиеу, Во Ван Зунг и Ты Ван Тьеу с блеском реализовали свое прекрасное знание как классической тактики, так и народных партизанских методов ведения военных действий. Тайшонские лидеры смогли использовать громадный потенциал общественной активности народных масс, проявившийся в период возрождения традиций крестьянской войны: вновь став на этом этапе крестьянами-повстанцами, тайшоны и их вожди воспользовались поддержкой в буквальном смысле слова всех жителей Кюиньона. Однако это не спасло их от поражения. Победа южан над кюиньонскими тайшонами была в конечном счете победой организованной феодальной армии над армией, которой еще были присущи черты крестьянского восстания, в частности привязанность «к своей» провинции. Оставленные разложившимся фусуанским правительством практически без всякой помощи, кюиньонцы оказались в изоляции, которая усугубилась

специфически крестьянским характером их борьбы. Но «вечно» оставаться в одном лишь Кюиньоне они не могли. Из самого Кюиньона тайшоны бежали не столько из-за угрозы военного поражения (хотя и эта угроза тоже имела большое значение), сколько потому, что на занятой ими территории свирепствовал голод (особенно после того, как в начале 1802 г. был перерезан путь в Фуиен). В чем же причина того, что Кюиньон так долго держался сам и препятствовал установлению власти южан в смежных провинциях — Куангнгае и Фуиене?

Дело, по-видимому, в том, что на защиту Кюиньона встало все население провинции. Если тотальную мобилизацию всего мужского и частично детского населения в солдаты, а женщин и стариков для обслуживания нужд армии еще можно в какой-то мере объяснить «жестким» военным режимом, будто бы установленным Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунгом, то массовое бегство кюиньонских солдат из зядиньской армии, в которую они были зачислены в 1799 г. (из 5 донов армии Нгы лам с зядиньцами в итоге остался только один), а также сдача в плен южанам в основном тайшонских офицеров и военачальников (иногда, правда, вместе со своими частями) при почти полном отсутствии бегства рядовых тайшонов в одиночку либо малыми группами без командиров, не укладывается в эту схему, требует иной аргументации.

Массовое добровольное возвращение кюиньонских солдат из армии Нгуен Фук Аня в войска Зиеу и Зунга в 1800 г. можно объяснить только тем, что кюиньонцы полностью олицетворяли себя с тайшонской властью и также всецело противостояли новой власти, устанавливаемой феодалами Крайнего Юга. Ведь находясь «на службе» у Нгуен Фук Аня, они собственными глазами должны были видеть силу и мощь зядиньской армии и не могли не понимать, сколь тяжелой будет борьба с южанами. Только той поддержкой, которая была оказана широкими народными массами тайшонским властям в Кюиньоне, можно объяснить и отсутствие перехода рядовых кюиньонцев, в одиночку или группами, но без офицеров, на сторону южан. В случаях перехода на сторону противника тайшонских солдат вместе с их офицерами первые подчинялись приказам. Организация самими военачальниками сдачи в плен подчиненных им воинских частей ставилась этим военачальникам в заслугу, повышала социальный статус, укрепляла доверие бывших противников, которые иногда не только зачисляли таких перебежчиков в свою армию, но и оставляли за ними прежние командные должности и даже прежние боевые подразделения.

О том, что война в Кюиньоне в 1800—1802 гг. приняла народный характер, в основе которого лежало уже не противоречие двух феодальных государств, а ненависть широких крестьянских масс к пытающимся их поработить феодалам Крайнего Юга, свидетельствует и стихийное изменение способа ведения военных действий. Как ни пытался этому противодействовать

сам Нгуен Фук Ань, которому нужны были подданные — налогоплательщики после окончания войны, феодальные войска южан стали вести здесь военные действия фактически не с целью захвата территории (определенное время у них для этого не было сил), а ради физического уничтожения как солдат противника, так и гражданского населения.

Именно на фронтах, а не в Фусуане, где находился правитель, особенно остро ощущался антагонистический характер противоречий между кюиньонским крестьянским войском и организованными в регулярную армию феодальными дружинами южан. Поэтому-то именно военачальники боевых частей, которые непосредственно соприкасались с противником, а не верховные власти «в рабочем порядке» устанавливали высокие наградные ставки за убитых, а за взятых в плен кюиньонцев платили больше, чем за остальных пленных тайшонов. Однако и Нгуен Фук Ань, несмотря на свою удаленность от фронта, понимал отличие борьбы, которая ведется населением Кюиньона, от сопротивления, оказываемого другими, более «северными» тайшонами. Не случайно он в итоге запретил зачислять взятых в плен кюиньонцев в армию южан, в то время как из пленных жителей Куангнгай, Куангнама, Тхуанхоа и Бакха до самого конца войны в Дангчаунге формировались регулярные воинские части, воевавшие на стороне зядинцев.

Основываясь на том, что только максимум трем процентам регулярной тайшонской армии удалось уйти со своими вождями на север, можно предположить, сколь велики были жертвы среди кюиньонского народного ополчения и гражданского населения. При этом жертвы эти приносились, по крайней мере в последние полгода борьбы в условиях мора и голода (о чем свидетельствуют феодальные историки Нгуенов, а также неудачные попытки тайшонских вождей «прорваться» за провиантом в Куангнгай и Фуиен), при чрезвычайном напряжении сил подавляющей массы кюиньонцев либо непосредственным участием в военных действиях, либо обслуживанием нужд фронта, отстаивавших социальные завоевания в родной провинции. Это дает возможность утверждать, что в 1800—1802 гг. в Кюиньоне армии феодалов Крайнего Юга наряду с регулярным тайшонским войском, приведенным из Фусуана Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунгом, противостоял вооруженный народ, ополчение крестьян — основной массы населения провинции, и именно это делало борьбу кюиньонцев столь упорной и ожесточенной.

Чрезвычайно существенно также, что вожди кюиньонцев в 1800—1802 гг., прежде всего Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунг, кардинально отличались от гражданского и даже военного чиновничества, окружавшего в Фусуане, а затем и в Тханглаунге императора Нгуен Куанг Тоана. Эти талантливые, стойкие и мужественные военачальники присоединились к тайшонскому восстанию на самом первом этапе его развития — в 1771—1773 гг. Куангнгаец Чан Куанг Зиеу и кюиньонец Во Ван Зунг

приняли участие в восстании в то время, когда оно еще не переросло рамок плоскогорья Анкхе (Бинькхе). Найденные недавно материалы, например сочинение Нгуена Ба Хуана, дают возможность с полным основанием рассматривать их вместе с Нго Ван Шо и Буй Тхи Суан, женой Чан Куанг Зиеу, в качестве основоположников тайшонского движения. Хотя и охваченные общим процессом феодализации тайшонской верхушки (Чан Куанг Зиеу, например, имел в уезде Биньшон родной провинции Куангнгай 25 мау земли, конфискованные в 1803 г.), эти полководцы на собственном опыте прочувствовали силу народных масс, мощь крестьянского восстания, направленного против частных и государственных феодалов. Поэтому в критический момент они сумели вернуться к истокам тайшонского движения и возглавить народную борьбу, в которую стала стихийно превращаться война в Кюиньоне. Более того, они смогли использовать те громадные запасы социальной энергии, которые были заложены в классовой ненависти кюиньонского крестьянства к войску зядиньских помещиков. Ничего подобного столичные чиновники, такие, например, как фактический глава правительства «регент» Чан Ван Ки, пришедший на службу к Нгуен Ван Хюэ только после взятия Фусуана в 1786 г., или трусливый глава финансового ведомства Хо Конг Зиеу, впоследствии перешедший на службу к новому государю, сделать не могли. В последние годы правления Нгуен Куанг Тоана они боролись лишь за личные корыстные интересы. Судьба тайшонского государства их мало волновала. Об этом свидетельствуют и многочисленные заговоры гражданских и военных столичных чиновников и последнее проявление «верности» тайшонскому императору — предложение своих услуг Нгуен Фук Ань. Поэтому тот факт, что в период осады Кюиньона все эти чиновники были отрезаны от героически сражавшейся провинции, существенно оздоровил руководство армией и народом. Отсутствие в старой тайшонской столице разлагающегося гражданского чиновничества предотвратило возникновение капитулянтских настроений, заговоров и измен, а главное — не ослабило боевую энергию воюющего крестьянства, во многом равняющегося на своих вождей.

Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что в 1800—1802 гг. в осажденном зядиньскими войсками Кюиньоне возродились традиции крестьянской войны, существовавшей на первом этапе развития тайшонского движения. Соответственно изменился и характер борьбы обеих сторон. Теперь уже это была не война двух феодальных государств «за сохранение своих владений и по возможности за их расширение», как полагает И. А. Огнетов [70, с. 127]. В последние два года жестоких войн борьба в Кюиньоне приняла характер классового сопротивления крестьянских масс войску феодалов Крайнего Юга, в которых крестьяне видели своих антагонистов и поработителей.

Причину того, что именно в Кюиньоне, а не в более южных

или более северных районах произошло подобное изменение характера борьбы двух феодальных государств (ведь военные действия велись во многих провинциях), следует, по-видимому, искать в тех же причинах, которые привели к победе тайшонского восстания именно в Кюиньоне, т. е. прежде всего — в положении класса крестьянства и класса частных и служилых феодалов в этой провинции.

После падения кюиньонского очага сопротивления тайшонов вся территория бывшего Дангчаунга перешла под власть Нгуен Аня. Эта власть была добыта военной победой, основанной на экономической мощи южан.

Социальная политика Нгуен Аня в «переходный» период (середина 1801 — середина 1802 г.)

Социальной базой нового правителя к моменту завоевания им Фусуана являлись зядиньские помещики: их боевые дружины в значительной степени образовывали его регулярную армию, а их рис эту помещичью армию кормил. В состав этой базы входило и богатое зядиньское купечество, дававшее деньги на войну.

Из этих социальных слоев комплектовались военные и гражданские чиновники, составлявшие в «зядиньский» период (1778—1781; 1787—1800) костяк администрации Нгуен Аня на всех ее уровнях.

Однако с перенесением в 1801 г. столицы в Фусуан ситуация изменилась. В новой столице уже нельзя было обойтись миниатюрным зядиньским центральным аппаратом, его надо было существенно расширить, исходя как из чисто практических, так и из престижных соображений. Поэтому в Фусуане зядиньцы должны были «потесниться», дать место бывшим нгуеновским чиновникам, не «запятнавшим» себя связью с «узурпаторами», даже бывшим служащим тайшонских ведомств.

Кадровая проблема была непосредственно связана с проблемой социальной: расширение масштабов гражданского центрального аппарата требовало привлечения к работе в нем именно старых фусуанских чиновников. Это было необходимо не только потому, что зядиньцев не хватало. Многие из прежних «бюрократов» Крайнего Юга были явно не подготовлены для требующей специальных навыков работы в аппарате центральных ведомств. Однако вначале пополнялись лишь нижние кадровые эшелоны. В связи с тем что весь руководящий состав гражданских ведомств и учреждений к этому времени уже был укомплектован зядиньцами и людьми, преданными власти Нгуен Аня, бывшие тайшоны после захвата Фусуана в 1801 г., так же как и после взятия Кюиньона в 1799 г., назначались в основном в нижние и (лишь в небольшом количестве) средние звенья центрального аппарата. Поскольку поначалу позициям

старых зядиньских чиновников на гражданской службе «новички» угрожали не очень сильно, то со стороны южан привлечение бывших тайшонов в аппарат не вызывало особых возражений. Известную роль в «спокойном» отношении старых чиновников зядиньских ведомств к кадровым изменениям сыграло и то, что измены на гражданской службе были менее опасны, чем предательства в действующей армии.

Ярким контрастом со спокойствием гражданских управленческих кадров явилась та бурная реакция, которую вызвал у некоторых военачальников-южан аналогичный процесс вовлечения бывших тайшонов в руководство войсками. Сразу же после того, как Нгуен Ань наряду с офицерами в должности до дока и до ти решил привлечь в свои войска тайшонских военных чиновников более высокого уровня, например Ле Ван Лоя и Ван Тиен Тхе, руководством кюиньонского фронта был подан правителю коллективный доклад. Подписан этот доклад был представителями «традиционалистов» и близких к ним кругов. Кроме старых зядиньских военачальников Нгуен Ван Тхана, Нгуен Дык Суиена, Тон Тхан Тьонга, Хоанг Виет Тоана и Чыонг Тиен Бао недовольство кадровой политикой в армии проявили бывший тайшон Нгуен Конг Тхай, перешедший на службу к Нгуен Аню лишь в середине 1793 г. [19, с. 174], и гражданский советник северянин Данг Чан Тхыонг.

Доклад правителю носил характер предостережения против чрезмерного доверия старым тайшонским полководцам (Ле Ван Лой дважды противостоял южанам: при осаде тайшонами Зиенкхани в 1795 г. и при наступлении Во Ван Зунга на Чакхук в 1799 г.; Ван Тиен Тхе за два месяца до этого сражался с войсками Нгуен Ван Чыонга в Куангнаме). Восхваляя «широкое как море и всепроникающее как весна» великодушие Нгуен Аня, сравнивая его гуманность с добродетелями государей древних эпох, руководство кюиньонского фронта делало упор на то, что в течение длительного времени тайшонские военачальники, впоследствии перешедшие на сторону южан, заставляли верных и справедливых по отношению к Нгуенам жителей Тхуанхоа и Бакха умирать на фронтах в сражениях с зядиньцами. И если теперь снова дать им возможность командовать, то «верные и справедливые» жители Тхуанхоа и Бакха под их руководством не смогут «проявить свою верность и искренность» по отношению к законной династии. Утверждая, что своими «корнями» переметнувшиеся военачальники крепко связаны с властью тайшонов, правящих Севером, руководство кюиньонской армией убеждало Нгуен Аня в том, что их раскаяние не «чистосердечно». В итоге правителю давался совет «не вручать военную власть» своим недавним противникам. В подтверждение необходимости принятия такого решения приводился пример «старого дела при Кумонге» [19, с. 404], когда измена Фам Ван Диема лишила южан Фуиена и серьезно осложнила обстановку на кюиньонском фронте.

Этот коллективный протест группы видных военачальников, попытавшихся «подправить» социальную политику Нгуен Аня, был воспринят правителем с некоторой тревогой. Отстаивая свою принципиальную позицию, он был вынужден пространно убеждать своих военачальников в том, что опасности нет, что тайшонские солдаты смешаны с войсками южан и «находятся под командованием наших чиновников», что бывшие вражеские военачальники имеют в своем распоряжении лишь «несколько тхуок биней (зависимых солдат. — А. Р.) и подчинены главной штаб-квартире правителя», что если они и «замыслили в душе предательство, то все равно не смогут его осуществить» [19, с. 404]. Нгуен Ань уверял своих военачальников в том, что всего этого они не знают только потому, что находятся на далеком фронте [19, с. 404]. Тем не менее в итоге допуск бывших тайшонских военачальников к руководству войсками был существенно ограничен. Мы уже более не встречаем среди военных чиновников ни Ле Ван Лоя, ни Ван Тиен Тхе. Да и другие, значительно менее высокопоставленные офицеры-тайшоны вскоре были удалены из армии.

Массовое зачисление гражданских чиновников, ранее служивших тайшонам, на службу к Нгуен Аню после 5-го месяца 1801 г. сопровождалось процессом чистки, иногда приводящим к драматическому исходу. Именно таким итогом развития событий можно считать казнь в 10-м месяце 1801 г. Чан Ван Ки, обвиненного в «тайных» связях с Нгуен Куанг Тоаном [19, с. 446]. Некоторые старые чиновники сами просили отпустить их «в деревню». К таким относился нгеанский интеллигент Нгуен Тхиеп, исполнявший в «эпоху Ле» должность чиновника уезда Тханьтыонг, но впоследствии оставивший этот пост, а после прихода к власти гайшонов приглашенный Нгуен Куанг Тоаном в Фусуан. Нгуен Ань не только удовлетворил его просьбу об отъезде домой, но и приказал отправить Нгуен Тхиепа на его горную родину с почетным эскортом и строгим наказом: «...подготовить множество учеников, дабы всеми силами помочь процветанию династии и не отплатить черной неблагодарностью за наше всемерное уважение к старости и почтение добродетели» [19, с. 405].

Известная часть бывших тайшонских чиновников сумела удержаться при новой власти. К примеру, занимавший видное место в тайшонской гражданской иерархии Хо Конг Зиеу был назначен в конце 1805 г. и более ни менее как док хауком Куок ты зяма [20, с. 247] и заведовал подготовкой к служебной карьере детей высших чиновников. По-видимому, те гонения, которым подверг его Чан Куанг Зиеу, существенно помогли ему сохранить достойное положение при новой власти.

В годичный «переходный» период, с 5-го месяца 1801 г. по 5-й месяц 1802 г., вплоть до коренной кадровой реконструкции центрального аппарата, столичное чиновничество состояло из двух групп: во-первых, «старых» чиновников Нгуен Аня, при-

ехавших вместе с ним в Фусуан, занявших руководящие посты в ведомствах и получающих наиболее ответственные задания от властей; во-вторых, бывших тайшонов, поступивших на службу уже в Фусуане и поставленных в подчиненное положение.

Первую группу можно было бы подразделить еще на две подгруппы: во-первых, коренных зядиньцев и всех приехавших в Зядинь до 1799 г., во-вторых, тех бывших тайшонских чиновников, которые поступили на службу к Нгуен Аню после взятия Кюиньона в 1799 г. Однако грань между этими двумя подгруппами к середине 1801 г. постепенно стиралась, и обе они выступали как опора режима, в известном смысле противостоящая второй группе.

С течением времени первая группа постепенно увеличивалась и усиливалась за счет вызова в столицу «старых» зядиньских чиновников с Крайнего Юга [19, с. 419—420, 432, 449], в то время как вторая группа несколько уменьшалась и ослаблялась в результате чисток.

Тот же самый, только еще более резкий процесс вытеснения бывших тайшонских чиновников «старыми» зядиньскими кадрами шел в «переходный» период и в провинциальной администрации. Что же касалось уровня ниже провинциальной управы, то несвоевременность повсеместной замены здесь органов власти новыми чиновными кадрами в «переходный» период хорошо понимали даже лидеры «традиционалистов». Вместо обновления средних и низших кадров они предлагали значительно усилить высшие органы управления провинциями, поставив во главе их верных режиму чиновников самого высокого ранга и снабдив их собственными военными силами. В докладе, поданном в 1802 г. правителю и положившим начало политической деятельности Нгуен Ван Тхана, предлагалось назначить в Центр (от Биньтхуана до Ботиня) высших военных чиновников на должности управляющих двумя провинциями. Такие управляющие должны были иметь в своем распоряжении регулярные местные войска, которые могли бы быстро подавить всякие антиправительственные выступления. Укрепление высшей военной власти в провинциях Центра вполне соответствовало намерениям правителя. Поэтому доклад Нгуен Ван Тхана был не только с похвалой принят [20, с. 20], но и стал частично реализовываться [20, с. 26, 50].

Мобилизационная политика Нгуен Аня характеризовалась сочетанием гибкости и твердости одновременно. Так, в связи с напряженностью, возникшей в Бинькханге и Биньтхуане в 3-м месяце 1802 г. из-за «замещения» беглых солдат, был отдан приказ всех бежавших из армии до 1-го месяца 1802 г. прощать, но взамен дезертировавших брать в войска их односельчан [20, с. 15].

Не только военная сила, но и умение избегать внутренних конфликтов, достигаемое чрезвычайной осторожностью в проведении административной, социальной и экономической поли-

тики, дали возможность новой власти уже в «переходный» период, вскоре после взятия Фусуана, наладить управление в северной или «старой» части Дангчаунга.

Сразу же после захвата столицы в связи с проведением политики поощрения зядиньских помещичьих хозяйств перед администрацией была поставлена задача обеспечить снабжение большей части армии продовольствием, получаемым из «старых» районов центрального Вьетнама. В связи с этим Нгуен Ань направил в Зядинь послание, в котором сообщал, что отныне «Нашим войскам [расположенным на территории] от Тхаттан до реки Зянь, [насчитывающим] не менее 40 тыс. человек, будет достаточно снабжения продовольствием, получаемым из Куангнгай, Куангнама и Тхуанхоа», а «Передняя армия, Правая армия, Задняя армия, зинь Боевых слонов, армия Авангарда в Кюиньоне численностью около 30 тыс. человек должны рассчитывать в продовольствии на Зядинь» [19, с. 419]. Южные районы центрального Вьетнама, где еще продолжались военные действия, освобождались от поставок риса для армии, что свидетельствовало о гибкости реквизиционной политики новой власти.

Задачу обеспечения продовольствием 40 тыс. солдат «северные» районы бывшего Дангчаунга в общем выполнили, о чем свидетельствуют постоянно проводящиеся сборы налогов рисом, деньгами, продуктами ремесла и промыслов в Тхуанхоа [19, с. 414], Куангнаме [19, с. 422, 429, 447, 454] и Куангнгае [19, с. 422], а также многочисленные перевозки провианта в действующую армию. Всего из указанных районов Центра (не считая того, что было запасено на складах пограничной армии для снабжения войск) было перевезено на фронт вплоть до момента взятия Кюиньона в 3-м месяце 1802 г. 101 тыс. фыонгов очищенного риса воинского провианта. Если учесть, что за то же время из Зядини войска Нгуен Ван Тханя получили лишь несколько более 40 тыс. фыонгов очищенного риса [19, с. 433; 20, с. 13], становится видным, на кого ложились основные тяготы военных поставок. О том, что Зядинь в это время уже начали шадить, свидетельствует тот факт, что продовольствия армии Тханя постоянно не хватало, в связи с чем рис закупался по очень высокой цене в самом Тхинае [19, с. 425] и «против правил» доставлялся из столицы [19, с. 459].

Точно так же распределялись и поставки военной формы: кюиньонская армия Нгуен Ван Тханя обеспечивалась Зядинью, а войска Ле Ван Зюета в Тханьхао и Нгуен Ван Чыонга в Донгхае — столицей [19, с. 432].

В «переходный», с середины 1801 г. по середину 1802 г., период были проведены некоторые мероприятия по налаживанию инфраструктуры и по обеспечению внешней и внутренней безопасности Центра. Важными были меры по поддержанию социальной стабильности.

Наибольшим нападениям, особенно со стороны военных-южан,

подвергались после захвата столицы бывшие тайшонские чиновники и солдаты, даже если они были лояльны к новой власти. Если же они сражались в это время в Кюиньоне или бежали на Север, то победители вымещали злобу на их семьях. Так как тайшонских солдат в Центре было изначально много и немало их сражалось в это время в Кюиньоне, то потворство со стороны командования репрессиям могло привести к вспышке новой гражданской войны. В связи с этим Нгуен Ань уже в 5-м месяце 1801 г. приказал оставить бывших тайшонских чиновников и солдат в покое, запретил посягать даже на имущество, дома, сады и огороды тех из них, кто продолжал сражаться в Кюиньоне или служить на Севере. Нарушителям этого указа грозило наказание по военным законам, т. е. смертная казнь [19, с. 407].

Следует отметить, что указ этот имел самые решительные последствия: через месяц после захвата столицы почти повсеместно (кроме пограничной и кюиньонской армий) террор в отношении бывших тайшонских чиновников, военнослужащих, их семей и родственников полностью прекратился. Более того, власти решили оставить им земельное жалованье, выделяемое внутри общины, и общинные земельные паи. Даже старое земельное жалованье (с тех земель, которые не были заброшены) тайшонские чиновники в «переходный» период получали полностью [19, с. 429; 20, с. 10]. После взятия Кюиньона в 3-м месяце 1801 г. Нгуен Ань обратился к жителям провинции с воззванием, в котором называл их «родными детьми династии» и «великодушно прощал вину» [20, с. 16]. Всем бывшим тайшонским чиновникам предлагалось искупить вину «совершением подвига» на службе у новой власти. В этом случае они снова могли исполнять чиновничьи функции. Из биньдинцев должно было быть сформировано отдельное войско — армия Нгы лам. Все несовершеннолетние, взятые в армию тайшонами, распускались по домам [20, с. 16]. Армия Нгы лам вместе с армией Тхан шать заняла привилегированное положение в новой военной структуре. Никто из кюиньонцев, кроме захваченных впоследствии Зиеу, Зунга и их ближайших сподвижников, официально репрессиям подвергнут не был. Нгуен Ань всячески подчеркивал, что он защитник и покровитель всех своих подданных. Действуя в русле все той же «стабилизаторской» политики, Нгуен Ань запретил в середине 1801 г. подачу анонимных жалоб [19, с. 421].

Для «сохранения спокойствия народа» в 10-м месяце 1801 г. в Куангнаме и Куангнгае сроком на один год было отложено взимание частных долгов. Официально, правда, это мотивировалось «желанием того, чтобы богатые и бедные взаимно помогали друг другу» [19, с. 448], однако хорошо известно, что без особой нужды Нгуен Ань никогда не ущемлял интересов богачей. Монаршая «милость» была связана с «безумными» [19, с. 447], по выражению провинциальных чиновников, нало-

говыми поставками риса в армию, а также с голодом, возникшим в результате постоянного неурожая в этих двух провинциях [19, с. 448].

В конце «переходного» периода, уже после падения кюиньонского очага сопротивления тайшонов, в 3-м месяце 1802 г. некоторые административные и социально-экономические преобразования были осуществлены в Зядини.

В административном плане был значительно повышен формальный статус Зядини: из прежнего «фу» (округа) она превратилась в «чан» (провинцию) [20, с. 17]. Фактически же район Крайнего Юга с административной точки зрения уже давно мог быть приравнен ко всей северной части территории Дангчаунга: первый (Зядинь) состоял из 4 зиней (Чанбиен, Фиенчан, Чандинь, Виньчан), а вторая — из 5 зиней (Куангдык, Куангчи, Куангбинь, Куангнам, Куангнгай). Формально северная часть территории Дангчаунга не имела единого подчинения (это подчинение возникло уже при Тхань то). Фактически же пятью Куангами из столицы руководили почти так же, как четырьмя зинями Крайнего Юга из зядиньского центра. Реальная роль Зядини продолжала оставаться значительно той, которую ей предписывал формальный административный статус.

Победа над тайшонами в Биньдине была ознаменована давно обещанными милостями зядиньскому населению. Во-первых, в 3-м месяце 1802 г. были отменены подушные налоги-надбавки на военные нужды, которые обязано было платить все тягловое население Зядини; поземельные налоги-надбавки на военные нужды, взимаемые со всех владельцев и держателей земель; натуральные налоги-надбавки на военные нужды продуктами ремесла и промыслов, собираемые с местных ремесленников и промысловиков [20, с. 16—17]. Во-вторых, в том же месяце были сокращены на одну треть все собираемые с 1803 г. основные подушные налоги с налогоплательщиков основных дворов, пришлых дворов, «зависимых солдат», рисовые поставки с крестьян военных поселений, продукты ремесла и промыслов с ремесленников-промысловиков [20, с. 17]. В-третьих, в конце 4-го месяца 1802 г. из армии домой были отпущены все взятые на военную службу в 1801 г. крестьяне военных поселений и провинциальные зядиньские войска [20, с. 22]. В-четвертых, были освобожжены от налогов и повинностей некоторые категории населения, обслуживающие культовые нужды [20, с. 17]. В своих указах Нгуен Ань славил Зядинь [20, с. 16, 17] и обещал ей новые льготы.

В то же время довольно умеренные пожалования были предоставлены ближайшим родственникам правителя. Им было выделено всего лишь 2000 фыонгов очищенного риса и 2000 куанов денег. Сравнивая эту сумму, распределяемую между всей родственной императору знатю, с жалованьем, которое она получала при Тхань то, легко установить, что впоследствии объем кормления многих из императорских братьев лишь за

один год превышал объем данной общей единовременной выдачи. Знать, естественно, была недовольна и пыталась возместить скудость казны за счет самовольных реквизиций у населения. Она отбирала у крестьян земли и захватывала дома, а тем, кто пытался протестовать, угрожали расправами.

В итоге правитель вынужден был обратиться к своему дяде Тон Тхат Тхангу, занимающемуся делами родовой знати, с указанием предостеречь ближайших родственников от совершения противозаконных поступков. Их действия Нгуен Ань сравнил с началом «разложения» тайшонской династии и грозил нарушителям применением карающих мер.

В «переходный» период Нгуен Ань особенно стремился обеспечить себя прочной опорой в столице, где он продолжал чувствовать себя чужаком. В связи с этим представлялись различные привилегии дальним родственникам правителя (конг тынь) и потомкам первых сподвижников Нгуенов, последовавших в XVI в. из Тханьхоа в Тхуанхоа вслед за Нгуен Хоангом. В итоге в 6-м месяце 1801 г. около полутысячи человек получили освобождение от трудовых работ, чиновничьи должности и наследственные титулы [19, с. 422].

Победа новой династии сделала необходимым переосмысление национальной истории. С идеологической точки зрения новая интерпретация вьетнамской истории должна была подвести читателя к осознанию неизбежности падения династии Ле вследствие узурпации власти Чинями, вызвавшими восстание «мятежников тайшонов». Отсюда вполне естественно вытекала мысль о спасительной роли Нгуенов, призванных избавить страну от «смуты» и восстановить былую мощь вьетнамской империи. Поэтому в 8-м месяце 1801 г. Нгуен Ань дал приказ Тхи тхы виен (ведомство, занимающееся составлением и хранением государственных документов) составить «Предварительные записи» и «Основные записи» свода национальной истории «Кьонг мук» (Основы и частности) [19, с. 432]. Именно в это время феодальные историки отмечают повышенный интерес Нгуен Аня к книгам, среди которых особое место занимают исторические изложения.

Одной из основных проблем, стоящих перед Нгуен Анем в «переходный» период, был вопрос о ликвидации власти тайшонов в Бакха, ибо только в случае военного поражения Нгуен Куанг Тоана на Севере было возможно установление господства феодалов Юга на территории всего Вьетнама.

Поход на Бакха был самой важной из проблем, обсуждаемых Нгуен Анем с его ближайшими советниками. Успешный захват Фусуана до взятия Кюиньона породил у определенной части чиновничества представление о том, что и в Бакха можно установить власть Нгуенов до окончательного разгрома тайшонов в их старой столице.

Идея скорейшего распространения власти Нгуен Аня на всю территорию Вьетнама активно поддерживалась на Крайнем

Юге. В 6-м месяце 1801 г. управляющие чиновники Зядини подали доклад, в котором недвусмысленно заявили, что именно «теперь, когда армия правителя отвоевала всю территорию Фусуана, появилась удобная возможность атаковать Бакха» [19, с. 415]. Из удаленного от фронтов Сайгона поход на Север представлялся значительно более легким предприятием, чем он мыслился столкнувшемуся с многочисленными проблемами Центра фусуанскому правительству. В сравнительно благополучной Зядини непомерные амбиции южан-победителей, их притязания на немедленное господство во всей стране находили более благоприятную почву, чем в столице, где Нгуен Аню приходилось соотноситься с реальными возможностями своей армии, с объективными военными, политическими, экономическими и социальными условиями.

Поэтому Зядинь всегда «забегала вперед» и уже начиная с 6-го месяца 1801 г. стала высылать в Фусуан наряду с «коренными» учеными кадрами Академии также и эмигрантов-северян, предназначая последних на роль советников Нгуен Аня во время предстоящего покорения Бакха (одновременно администрация Крайнего Юга, по-видимому, избавлялась от тех чиновников «северной» ориентации, которые так и не смогли адаптироваться в Зядини). В числе посланных в Фусуан был и «чиновник просвещения» (док хаук) Нгуен Зя Кат, впоследствии один из активных северных «традиционалистов», принадлежащий к их крайней группировке, ориентирующейся на реставрацию культурных и политических традиций Ле — Чинь [19, с. 415; 21, с. 118, 197].

Северяне собирались в Фусуан не только из Зядини. В 6-м месяце 1801 г. в столицу прибыл из Кюиньона сподвижник Данг Чан Тхыонга, гражданский чиновник Задней армии Нгуен Чи Хоа [19, с. 417]. Таких людей Нгуен Ань держал в столице для использования в своей будущей северной администрации. В «переходный» период именно они составляли в Фусуане основную группу тех лиц, которые знакомили правителя с традициями Бакха [20, с. 13]. Из «первоисточника» получал Нгуен Ань также и достоверную, хорошо осмысленную информацию о ситуации на Севере, принимая оттуда «дипломированных» беглецов. Их он особенно ценил и сразу же давал почетные должности в столичной администрации, что являлось залогом их быстрой карьеры на родине в будущем. Одного из лауреатов провинциального конкурса эпохи Ле, хыонг конга Нгуен Виена, примкнувшего к антитайшонскому восстанию на Севере и переправленного затем в Фусуан, правитель сделал «ученым» (хаук ши) дворца Кан тянь и поручил ему по совместительству исполнять должность главы одного из дворцовых ведомств [20, с. 17]. Одновременно в пограничную армию, которой первой предстояло вступить на территорию Бакха, назначались советники из числа беглых гражданских чиновников и низших курсных лауреатов Севера [19, с. 418].

Срочные приготовления к походу на Север последовали сразу же после бегства Зиеу и Зунга из Кюиньона, когда в 4-м месяце правитель вызвал из Биньдиня в столицу основную часть войска. В разгар военной подготовки в высших правительственных кругах Фусуана был поднят вопрос о том, как обосновать суверенитет Нгуенов над всей страной. Речь шла о том, чтобы доказать возможность и даже необходимость лишения власти династии Ле. Вопрос этот был сложен не только потому, что с точки зрения логики, действуя в качестве освободителя страны от «узурпаторов» — Тайшонов, Нгуен Ань должен был после победы хотя бы формально предоставить верховное правление Вьетнамом императорскому роду Ле, оставив за собой лишь власть тюа. Сложность устранения «законной» династии заключалась еще и в том, что лозунгом большей части прежних антитайшонских восстаний на Севере, организуемых как представителями самого императорского рода, так и иными политическими силами, был девиз «уничтожим Тайшонов, восстановим Ле». После ниспровержения Тайшонов не только участники этих движений, но и вообще народные массы Севера, в среде которых на всем протяжении первой половины XIX в. были сильны симпатии к «доброй» династии Ле, могли с оружием в руках отстаивать свои политические идеалы. Нетрудно было догадаться, что эти идеалы должны были свестись к борьбе против власти Нгуенов и восстановлению своей собственной «исконной» династии.

Все эти соображения вызвали серьезное беспокойство правителя перед походом на Север. Излагая в 4-м месяце 1802 г. перед своими ближайшими сановниками официальную концепцию похода в Бакха, сводящуюся к постановке «нейтрального» вопроса о необходимости покарать бежавших туда тайшонских вождей, Нгуен Ань спрашивал, что можно сделать с потомками Ле после уничтожения «главарей бандитов». Получалось, что исходя из старых представлений о верховной власти императорского рода (по крайней мере над Севером) ничего, кроме передачи этой власти в руки представителей дома Ле, сделать нельзя.

Но это совершенно не устраивало Нгуен Аня, стремившегося к подчинению всего Вьетнама. Тогда был поставлен вопрос об изменении всей концепции власти и об обосновании, во-первых, потери домом Ле права на верховную власть на Севере, во-вторых, приобретения соответствующего права Нгуен Анем. Такое обоснование и представили вскоре два высших гражданских чиновника: уроженец Кюиньона, управляющий ведомством обрядов Данг Дык Шиеу и бывший тайшонский тхи ланг [19, с. 342], управляющий ведомством кадров Чан Ван Чак.

Потеря родом Ле права на верховную власть в Бакха доказывалась, во-первых, тем, что последний император не вернулся из Китая и весь Север был захвачен тайшонами, которые и лишили Ле власти окончательно; во-вторых, тем, что после за-

хвата Нгуен Анем Фусуана и бегства Нгуен Куанг Тоана в Тханглаунг не только никто из представителей дома Ле, но даже ни один из их сторонников не поднялся на борьбу с «узурпаторами». Именно последний довод свидетельствовал, по мнению Шиеу и Чака, в пользу того, что «дому Ле не подняться вновь» [20, с. 19].

Факт отсутствия восстаний представителей и сторонников императорского рода в последний период антитайшонской борьбы помимо обоснования потери домом Ле права на верховную власть в Бакха (права на власть нет, ибо народ эту власть не поддерживает) должен был убедить правителя в том, что раз у сторонников Ле более нет сил противостоять тайшонам, то они не смогут оказать сопротивление и его войскам. Речь шла о реальных возможностях борьбы за власть оппозиционной Нгуенам политической силы на Севере, и к этому аргументу Нгуен Ань должен был прислушаться особенно внимательно. Правда, Шиеу и Чак были слишком категоричны, заявляя, что никто из сторонников Ле в течение года не принимал участия в восстаниях. Во-первых, Нгуен Ван Чыонг и два других чиновника в 9-м месяце 1801 г. из пограничной армии сообщали, что «в Бакха повсеместно происходят волнения» [19, с. 441], в которых не могла не принимать участия такая традиционно оппозиционная тайшонскому режиму группировка, как приверженцы и члены рода Ле; во-вторых, в одном лишь Тханьхоа 400 родственников старой императорской семьи сложили оружие после окончательной победы Нгуен Аня в 6-м месяце 1802 г. [20, с. 44]. Однако в 1801—1802 гг. силы сторонников Ле были далеко не так значительны, как в 1790—1791 гг. Основная часть восстаний в последний год перед падением власти тайшонов инспирировалась агентами Нгуен Аня, и утверждение фусуанских гражданских чиновников о том, что «дому Ле не подняться вновь», было в определенной мере справедливым. Это доказал весь последующий ход исторических событий. Следует отметить, что осмотрительный Нгуен Ань отнюдь не воспринял утверждения своих советников о слабости сторонников Ле как основание для пренебрежительного отношения к представителям старого императорского рода во время похода на Север и в период мирного правления страной. Напротив, отношение к семье Ле в период правления Тхе то всегда было осторожно внимательным, а первоначально, после признания членами рода Ле политического превосходства Нгуенов и до участия в заговоре главы рода, даже благожелательным.

Обоснование высшими гражданскими чиновниками права Нгуен Аня на суверенитет над территорией Севера выглядело довольно просто: Бакха рассматривалась как приз, полученный за уничтожение династии Тайшонов, подчинивших себе эту землю и устранивших династию Ле, которая якобы уже не имеет к территории Севера никакого отношения.

По-видимому, Шиеу и Чак сами чувствовали шаткость сво-

их казуистических построений. Поэтому они советовали Нгуен Аню делать упор не на логику доказательства легитимности его прав на Бакха, а на силу оружия. Свои рассуждения они подытожили следующим образом: «Когда дело будет сделано, то тогда все и уладится» [20, с. 18].

Основное политическое мероприятие, которое Нгуен Аню следовало осуществить непременно до начала похода на Бакха, по мнению гражданских чиновников, должно было состоять в полном отказе от прежнего номинального подчинения Нгуенов «императорской» династии Ле, а также в провозглашении себя суверенным и единовластным государем всего Вьетнама. Это необходимо было сделать исходя из военно-политических соображений: во-первых, армия должна четко сознавать, что она устанавливает на Севере власть Нгуен Аня на совершенно законных правовых основаниях, «повинуясь приказу Неба и действуя в соответствии с желаниями людей» [20, с. 18—19]; во-вторых, у северян не должно было создаваться иллюзий насчет того, что власть Нгуен Куанг Тоана в Бакха ниспровергается для восстановления на престоле императора Ле. Поэтому Данг Дык Шиеу и Чан Ван Чак заканчивали свой доклад следующим выводом: «...что может быть лучше того, чтобы, опираясь на подлинное императорское достоинство, изменить девиз эры правления и продемонстрировать свое великое значение в Поднебесной. Тогда приобретение государства будет справедливым и правильным, и никто не станет распространять кривотолки» [20, с. 19].

Изменение девиза эры правления и принятие императорского титула были чрезвычайно важными и ответственными политическими актами. Несмотря на убедительность приведенных гражданскими чиновниками доводов, Нгуен Ань не хотел торопить события и провозглашать себя императором. Одной из причин этой осторожности могла быть и невыясненность позиции Китая в отношении признания новой династии. Ведь формально Цины признавали во Вьетнаме власть династии Тайшонов. Правда, Нгуен Ань уже попытался завязать с цинскими властями первые официальные контакты, поручив в 7-м месяце 1801 г. одному китайскому купцу доставить губернатору Гуандуна и Гуанси послание с изложением событий, происшедших в Дангчаунге и увенчавшихся изгнанием Нгуен Куанг Тоана из Фусуана [19, с. 428—429]. Однако к моменту обсуждения вопроса об изменении девиза эры правления и принятии императорского титула никаких известий о результатах миссии китайского торговца не поступило. Неясность отношения со стороны Китая и многочисленные внутренние сложности заставили Нгуен Аня отдать распоряжение обоим гражданским чиновникам еще раз обсудить и снова изложить их предложения: «Это — великое дело, вам следует (все. — А. Р.) тщательно обдумать и рассмотреть» [20, с. 19].

Мнение Шиеу и Чака разделялось многими высшими чиновниками Нгуен Аня. Вскоре правителю был подан коллективный

доклад с официальной просьбой изменить девиз эры правления и принять императорский титул [20, с. 19—20]. В докладе упорно проводилась мысль о том, что при сохранении старого девиза правления эпохи Ле в Бакха возникнут разброд и шатание, в результате чего Нгуен Ань потеряет часть своих потенциальных приверженцев, более того, будет иметь их в стане своих врагов. Утверждалось, что «подлинный титул и девиз» эры правления, соответствующие «великим замыслам», помогут Нгуен Аню «крепко удержать (на своей стороне. — А. Р.) сердца людей» на Севере [20, с. 19—20].

Однако все эти аргументы не убедили Нгуен Аня согласиться на второе предложение чиновников: от императорского титула он решительно отказался. Принятие этого титула он связывал не с окончательным разгромом тайшонов, как официально заявлял [20, с. 20], а с определенным этапом упрочения новой власти во всей стране. Этот этап закончился лишь в середине 1806 г.

Что же касается предложения об изменении девиза эры правления, то оно было одобрено, в связи с чем чиновникам был дан приказ организовать торжественную церемонию.

Поход на Бакха и завоевание Нгуен Анем власти во всей стране

1-го числа 5-го месяца 1802 г. на поле Аннинь был сооружен алтарь, на котором в связи с установлением нового девиза эры правления Зялаунг совершились жертвоприношения Небу и Земле [20, с. 23]. Затем, по обычаю, о новом девизе «было почтительно сообщено» духам предков правителя. При дворе был устроен прием, на котором Нгуен Ань принял поздравления. Затем был торжественно объявлен новый девиз правления [20, с. 23]. Начиная с 5-го месяца 1802 г. во Вьетнаме начался период официального правления Нгуен Фук Аня (посмертное имя, которым мы в дальнейшем и будем его называть, — Нгуен Тхе то или Тхе то). Провозглашение нового девиза правления явилось официальной претензией Тхе то на власть во всей стране и соответственно на место, занимаемое не только династией Тайшонов, но и домом Ле, первые из которых должны были быть физически уничтожены, а вторые — поставлены в подчиненное положение в результате похода на Бакха.

В изданном по случаю знаменательного события обращении к народу Тхе то объяснял, что после вступления на престол выонга в Зядини он не мог изменить девиз правления потому, что еще не был возвращен Фусуан, а в данный момент он не может принять императорский титул, так как «вражье семя еще до конца не уничтожено и страна не объединена». Отсюда с необходимостью вытекало, что для принятия императорского титула необходимо прежде всего «уничтожить до конца вражье се-

мя и объединить страну». Следует отметить, что в тексте обращения Тхе то изображает себя в качестве военного лидера (вступившего на трон вьетна в Зядини благодаря «возвеличению» солдатами и военачальниками, а не народом), а не монарха. Предшествующее упоминание об основании Нгуен Хоангом государства на Юге свидетельствовало в пользу его легитимности. Более резко чем раньше сказано в воззвании и о доме Ле. Если раньше упоминалось лишь то, что «дом Ле ослабел», то теперь утверждалось более определенно: «дом Ле кончился» [20, с. 23]. Все это должно было подготовить народ к ближайшему походу армии на Бакха.

Установление нового девиза правления, отражающее твердое стремление династии Нгуенов к объединению страны под своей эгидой, кроме глобальной задачи поднятия авторитета государства Юга должно было способствовать решению трех конкретных проблем. Две из них были военно-политические: во-первых, идеологическое обоснование завоевания территории всего Дангчаунга, входившего во владения Нгуенов; во-вторых, оправдание недопущения к власти на Севере наследников дома Ле, который хотя и «кончился», но насчитывал в своем составе несколько сотен, если не тысяч человек. Третья проблема была чисто политической, а именно обеспечение признания господства во Вьетнаме новой династии со стороны цинского Китая.

К решению всех этих задач фусуанское правительство сразу же и приступило. Началось укрепление власти на Юге перед походом на Север. По случаю установления нового девиза правления были оказаны «милости» гражданскому населению: прощены все рисовые и денежные недоимки до 1802 г.; сокращен на 20%, начиная с 1803 г., подушный налог основным и пришлым дворянам, промысловикам и ремесленникам, «зависимым солдатам», а также натуральные поставки — крестьянам дон диенов, промысловикам и ремесленникам самых различных профессий; получили амнистию все заключенные, кроме убийц и предводителей банд [20, с. 24].

Немалые награды предоставили армии: 1 тыс. лангов золота, 10 000 лангов серебра и 30 000 куанов денег [20, с. 24—25]. Таких больших сумм как военные ни один социальный слой до этого никогда не получал. Кроме того, были поданы на повышение списки высших военачальников и офицеров, а также гражданских чиновников, служащих в армии [20, с. 25].

Высшие титулы куан конг получили военачальники Нгуен Хоанг Дык, Нгуен Ван Нян и Фам Ван Нян. Новые, более высокие должности и почетные звания «военачальников—покорителей Запада» были даны Ле Ван Зюету и Ле Тятю. Были произведены массовые повышения офицеров, среди которых значился и младший брат Зюета — Ле Ван Фаунг [20, с. 25].

Престижность военных была повышена новыми формами официальных бумаг, выдаваемых канцелярией правителя [20,

с. 27]. В столичной провинции Куангдык были установлены размеры земельного жалования и общинных паев, выдаваемых военным [20, с. 29].

В то же время на родину были отпущены кхмерские войска. Несмотря на попытку их военачальника вступить в тайные контакты с Чан Куанг Зиеу, при возвращении кхмеры были «награждены» 30 канами золота, 300 лангами серебра и 3 тыс. куанов [20, с. 28—29]. Вместе с тем местные зядиньские кхмеры в больших количествах получали унтер-офицерские чины [20, с. 27]. Репрессиям были подвергнуты лишь офицеры, сдавшие тайшонам во время осады Биньдиня до сдачи крепости. Их осудили на смерть [20, с. 26].

Награждение отличившихся и наказание «изменников», значительные поощрения войск и чистка армии имели целью поднять боевой дух войск перед походом на Север и увеличить боеспособность громадной армии, которую в Бакха не видели с момента китайского вторжения 1788 г.

Важнейшим мероприятием в общем комплексе «гражданских дел», осуществленных фусуанским правительством в целях обеспечения успеха похода на Север, была отправка Тхе то первого официального посольства в Китай. Правитель решился на это предприятие после того, как в Фусуан из Гуандуна вернулся китайский купец, посланный с письмом к генерал-губернатору этой провинции. Очевидно, он привез обнадеживающие известия, ибо Тхе то его «щедро наградил» [20, с. 26].

История посольства Чинь Хоай Дыка уже описана в советской литературе [70, с. 340—341]. К фактическим сведениям, на наш взгляд, следует добавить лишь то, что в состав посольства входил единственный в Дангчаунге специалист по контактам с китайскими властями, Нго Нян Тинь, который в 1798 г. привез в Зядинь известие о смерти Ле Ман де [19, с. 287]. Опыт Тиня не мог не способствовать успеху посольства.

С концептуальной точки зрения нельзя согласиться с тем, что «будучи уже фактическим хозяином всей страны, осторожный Зялаунг (т. е. Тхе то — *А. Р.*) все еще не решался запрашивать инвестиру» [70, с. 340]. В момент отправки посольства Тхе то еще не был «фактическим хозяином всей страны», он только готовился им стать. Поэтому тот факт, что, будучи лишь правителем Дангчаунга и не подходя даже близко к китайским границам, Нгуен Ань в письме к императору Жэнь-цзуну, правившему под девизом Цзя цин, называл себя «правителем государства Намвьет» [177, с. 375] (что действительно содержало «скрытую претензию на территорию провинций Гуандуна и Гуанси») [70, с. 341], можно расценить лишь как проявление величайшей смелости и уверенности в своих силах. И этого не могло скрыть никакое «протокольное» самоуничижение Тхе то. Недаром послы фусуанского правителя сразу же были приглашены в Пекин [177, с. 376].

В середине 5-го месяца 1802 г., перед выступлением армии

в поход, Тхе то издал два официальных документа, один из которых являлся обращением к населению Бакха, а другой представлял собой новое издание военных законов, менее подробное, чем свод 1799 г. Обращение к населению Бакха состояло из шести пунктов, а статей военных законов насчитывалось восемь. Поскольку положения обоих этих документов в известной степени перекликались друг с другом, то мы рассмотрим их в комплексе.

Цель похода на Север определялась как «наказание» и «уничтожение» одних лишь «виновных» в мятеже «врагов» при одновременном «спасении» и «успокоении» всего остального населения [20, с. 30].

Из этого остального населения особо выделялся слой шак муков или хао муков — членов общинных советов, поддержкой которых Тхе то стремился заручиться в первую очередь. Помимо самых старых людей в общине в члены общинных советов включали отставных чиновников, лауреатов конкурсов, бывших волостных, общинных и деревенских старост, обладателей купленных или пожалованных привилегированных титулов. Таким образом, в число хао муков входили социально привилегированные в общине лица, отслужившие определенный срок в государственной или общинно-волостной администрации, но в настоящем не связанные со службой, а также определенное количество богачей-помещиков, купивших себе деревенские титулы знатности. В социальном плане выделенные Тхе то слои представляли собой наиболее влиятельные, определяющие всю общинную политику круги в деревне, послушным исполнителем воли которых был общинный староста. В экономическом плане, однако, они не всегда являлись самыми богатыми людьми в общине. Недавние исследования владений частной земли в конце XVIII — начале XIX в. (1790—1805) в общине (са) Тылием, расположенной недалеко от Ханоя, показали, что из числа шак муков, т. е. привилегированных авторитетных стариков, лиц, обладающих титулами знатности, занимавших ранее должности в государственной и общинно-волостной администрации, только 24% владело частной землей, превышающей 5 мау ($\approx 1,8$ га). Основная же масса владельцев (54%) из числа шак муков обладала небольшими участками частной земли — до 5 мау.

Не следует думать, что действующая общинная и деревенская администрация, не входящая в число шак муков и, по-видимому, хао муков, представляла собой людей более состоятельных. Напротив, из числа деревенских старост (тхон чыонг) полное отсутствие частной земли наблюдалось у 43,4% представителей группы. Общинные старосты (са чыонг) по своему имущественному положению занимали промежуточное место между шак муками и тхон чыонгами. Довольно «бедными» были начальники деревенской стражи (кхан тху), среди которых 42% были безземельными [106а, с. 50].

Эти новые данные заставляют пересмотреть прежнюю точку зрения на социально привилегированную общинную верхушку на Севере, как на одновременно и имущественно привилегированный слой, полностью состоящий из нечиновных феодалов-помещиков. Правда, мы располагаем цифровыми данными частных земельных владений по одному лишь уезду Тылием, расположенному вблизи столицы, откуда центральная государственная власть могла не только контролировать, но и реально сдерживать распад общинного землевладения и превращение общинного владения в частное.

В то же время хорошо известно, что в начале и в середине XVIII в. состоятельные люди, помещики, широко покупали «титилы», дающие право на участие в общинном совете. И все же к концу XVIII в. помещики не смогли заполнить большей части мест в общинном совете. Да они и не могли этого сделать, ибо часть мест по традиции должна была остаться за «старцами», часть — за представителями «уважаемых» и «ученых» родов, которые не всегда владели частными землями. В то же время следует отметить, что доля владельцев более или менее значительных участков частной земли (т. е. помещиков) среди членов общинного совета была значительно более высокой, чем среди общинных и деревенских старост, а также начальников деревенской стражи. Это объясняется тем, что «титилы», дававший право на место в общинном совете, купить было можно, а административную должность — нельзя, ибо общинная администрация была выборной.

Одновременно можно говорить и об определенном «отходе» помещиков от общинного самоуправления. Ву Минь Жанг объясняет факт отхода помещиков от непосредственного управления общиной, во-первых, тем, что «в конце XVIII в. в условиях ослабления централизованной власти и бурного роста крестьянских восстаний... внешняя причастность к власти стала опасной для богачей», во-вторых, тем, что «частные владельцы так усилились, что своей экономической мощью могли подчинить себе местные власти без непосредственного участия в управлении» [50, с. 150]. Добавим к этому, что в отличие от правителей из рода Чинь тайшонские власти не торговали «титилками», дававшими право на место в общинном совете. Сохраняя в определенной мере вплоть до своего ухода с исторической арены эгалитарные и антипомещичьи традиции крестьянского восстания, тайшонские власти неодобрительно относились к проникновению помещиков в общинное самоуправление. В последние годы своего правления в экономику общины Тайшоны вмешивались мало, что дало возможность помещикам экономически усилиться. В связи с этим совершенно справедливым представляется второй тезис Ву Минь Жанга. Отход помещиков от общинного управления, передача управленческих функций их ставленникам свидетельствуют не об ослаблении социальных позиций и экономической мощи частных землевладельцев, а, наоборот,

рот, об усилении таковых даже в условиях чрезвычайно неодоб- рительного отношения к помещикам государственной власти династии Тайшонов. Общинное управление не перестало быть послушным проводником воли частных землевладельцев. Кроме того, не следует забывать, что даже по данным «нехарактерной» (вследствие расположения вблизи столицы) общины Тылием около одной четверти основного органа деревенского самоуправления — общинного совета — состояло на Севере непосредственно из помещиков.

Возможно, обращаясь в своем воззвании к хао мукам, Нгуен Ань, исходя из социальной практики Юга, особенно Зядини, рассчитывал на несколько иной имущественный состав общинной верхушки, полагал найти в ее среде большую долю феодалов-помещиков, подобных тем зядиньским землевладельцам, чьи боевые дружины и экипированные военным снаряжением корабли с самого начала борьбы с тайшонами превратились в регулярные сухопутные и военно-морские части. Поэтому неудивительно, что исходя из своего зядиньского опыта Нгуен Ань стремился опереться в Бакха именно на хао муков. Именно на их военную поддержку он рассчитывал в ходе предстоящих военных действий и именно их собирался награждать и принимать к себе на службу.

Только от хао муков Тхе то ожидал самостоятельной борьбы с тайшонами и таких военных действий, как, например, нападения на форты и бои с захватом пленных. В первом пункте обращения к населению Бакха указывалось: «Учтем заслуги и наградим тех хао муков, которые атакуют вражеские форты, встретят и захватят врагов (в бою. — *А. Р.*); те, кто в душе своей обратятся к покорности и придут к месту расположения наших войск, чтобы исполнить свой долг, будут использованы в соответствии со способностями» [20, с. 30—31].

На хао муков же рассчитывали и в плане получения разведывательных данных о противнике. За точную информацию им обещали награду, а за ложь и «укрывательство» тайшонов — суровое наказание по военным законам. В шестом пункте обращения к населению Бакха говорилось: «Когда великая армия прибудет в какое-либо место и местные хао муки, выяснив действительное положение противника, придут и сообщат, то с похвалой наградим. Если не скажут правду, да еще будут прятать врагов, то осудим по военным законам» [20, с. 31].

Участие низших социальных слоев общества на Севере в борьбе с тайшонами, если и предполагалось, то только в виде подчиненной массы, возглавляемой хао муками. Даже в борьбе со своими заклятыми врагами Нгуен Ань не собирался опираться на восстание крестьянской бедноты.

Все хао муки, услугами которых могла пользоваться армия, должны были пройти строгую проверку, в которой последнее слово оставалось за самим правителем. Только после этого они могли получать официальные документы и использоваться, на-

пример, как военные фуражиры. В седьмом пункте военных законов было написано: «О всех местных хао муках, которые искренне попросят разрешить им оказывать нам помощь в делах, командующие военачальники подают доклады на высочайшее имя, [только после этого] им будет поручено выполнение соответствующих дел, нельзя по собственному усмотрению выдавать им официальные документы и призывать для сбора военного провианта» [20, с. 32].

Очень характерно, что фусуанское правительство так беспокоилось о том, чтобы снабжением армии продовольствием занимались лишь социально привилегированные слои и чтобы к этому не была допущена «голытьба». Боялись грабежей и волнений, выступлений низов, принимавших форму покушения бедняков с мандатами фуражиров на имущество богатей. Делая максимально возможное для того, чтобы воспрепятствовать этому, Нгуен Ань демонстрировал твердое намерение сохранить в неизменном виде существующий социальный порядок в общине Севера. В связи с этим тщательно должны были проверяться и те, кому новая власть поручила действовать от своего имени, быть ее представителями на местах, «призывая к повиновению» население Бакха. «Людям из общин, предлагающим призвать к повиновению (местных жителей. — А. Р.), выдавать официальные документы после тщательной проверки, дабы избежать смут и волнений» [20, с. 32].

Таким образом, именно хао муки, т. е. социально привилегированные слои общины Севера, представляли собой ту силу, на которую Нгуен Ань делал главную ставку во время похода в Бакха.

Рассчитывал Тхе то и на поддержку тех жителей Дангчаунга, которых тайшонские власти мобилизовали и отправили ранее нести военную службу на Севере. Этих солдат из Тхуанхоа и Куангнама правитель называл «родными детьми» (к этому времени еще сохранялось деление на «родных» южан и «чужих» северян) и приказывал местному населению оказывать им всяческую поддержку: предоставлять кров, кормить, помогать добираться отставшим от своих частей до лагерей войска южан. За попытки мести (а причин для нее было достаточно, чего стоило одно истребление чиньского войска в 1786 г. при взятии Фусуана армией Нгуен Ван Хюэ и Нгуен Хыу Тьня) правитель грозил суровыми наказаниями [20, с. 31].

Решающую роль как в установлении власти Нгуенов на территории бывшего Дангнгоая, так и в качестве силы, обеспечивающей реализацию социальной программы новой власти, играла, конечно, армия Нгуен Аня. Учитывая тот накал, которого достигло к концу войны противоборство феодалов Юга и тайшонов, и опасаясь вследствие этого, как бы репрессии солдат не подняли гражданское население Севера на всенародную борьбу, Нгуен Ань в изданных перед началом похода статьях военных законов грозил страшными карами тем военным, кото-

рые станут терроризировать мирных жителей. В связи с этим были приняты специальные меры предосторожности: на марше нельзя было даже заносить больных в деревенские дома, их оставляли на дороге, поручая заботам местных жителей; во время стоянок солдаты располагались в лагерях и тоже не имели права самовольно входить в жилища; в случае продовольственных реквизиций оставлялись расписки, которые служили основанием для вычета реквизированных сумм из будущих налогов; сигнальные огни необходимо было жечь вне деревень; за грабежи и изнасилования определялись суровые наказания по военным законам [20, с. 32]. Грабить могли как войска, так и «местные разбойники», под видом солдат проникая в деревни. В том случае, если жители не могли с ними справиться сами, разрешалось прибегать к помощи регулярных войск [20, с. 31].

Стремление новых властей к сохранению порядка выражалось и в настойчивых попытках спасти документацию, в особенности финансовую. Местным жителям Севера приказывалось тщательно хранить «списки денег и продовольствия», а затем передавать их властям. За сохранение этих списков сулились награды, за сожжение и разграбление — наказание по военным законам [20, с. 31]. Такой же указ отдавался и войскам. Кроме того, важные тайшонские документы следовало немедленно передавать командованию [20, с. 32].

Явное недоверие в период северного похода новые власти проявляли лишь к захваченным в плен либо сдавшимся тайшонским солдатам: после допроса их следовало отправлять в ставку правителя. Самовольное зачисление в войска без предварительной проверки запрещалось [20, с. 32]. Однако это не означало, что бывшим тайшонам навсегда был закрыт путь в армию. После выяснения причин службы в войсках противника многие из них пополнили боевые части Тхе то.

Уничтожению подлежали лишь вожди тайшонов: в обращении к населению Севера были указаны наградные ставки за головы тайшонского императора, его братьев и высших чиновников, обладавших титулом куан конг. За взятого живым или убитого тайшонского императора Нгуен Куанг Тоана обещали дать первый чиновничий ранг, 100 мау земли и 100 тхуок биней («зависимых солдат»), за его младших братьев — второй чиновничий ранг, 50 мау земли и 50 тхуок биней, за высших чиновников с титулом куан конг — третий чиновничий ранг, 30 мау земли и 30 тхуок биней [20, с. 31]. Сопоставление форм и размеров наград перед штурмом Фусуана и перед походом на Тханглаунг дает возможность заключить, что, во-первых, перед вступлением в Бакха была учтена региональная специфика Севера, где денежным выдачам предпочитали пожалования земли и зависимых, во-вторых, что головы Нгуен Куанг Тоана и его военачальников значительно быстрее падали в цене, чем головы младших братьев императора, которых рассматривали как

возможных претендентов на престол в случае смерти или смещения Тоана. Возможность последнего была связана с сокрушительным поражением войск Тоана в Дангчаунге в самом начале 1802 г.

17-го числа 5-го месяца по лунному календарю или 16 июня по солнечному календарю из Фусуана на север, опередив на 4 дня войска правителя, двинулась армия Ле Ван Зюета и Ле Тята. Флот, как всегда, вел Нгуен Ван Чыонг.

Перед выступлением Тхе то вызвал к себе военачальников и приказал «не допускать грабежей, а тех, кто нарушит, сначала казнить и только потом сообщать об этом в докладе» [20, с. 33]. Чтобы уменьшить грабежи населения Севера, в Тханьхоа был заранее послан тхам чи ведомства финансов с большим транспортом риса [20, с. 33].

21-го числа 5-го месяца (20 июня) Тхе то с войском и гвардией выступил из Фусуана. Вместе с ним ехал четвертый сын, десятилетний принц Хиеу, будущий император Тхань то, правивший под девизом Миньмень (1820—1840).

На марше Тхе то лично следил за соблюдением дисциплины, нещадно карая за нарушения. В Куангчи он приказал немедленно отрубить голову одному из гвардейцев, заставившему крестьян переносить его личный багаж по почтовым станциям [20, с. 33]. Один из офицеров, допустивший насилия, был выпорот розгами за ослабление дисциплины [20, с. 33].

Суровые меры, принятые еще на территории Дангчаунга, должны были сказаться в Бакха. И действительно, действия Тхе то были своевременными. Феодалные историографы именно со строгими наказаниями связывают то, что «никто ни в малейшей степени не осмеливался посягать на имущество населения (зан)» [20, с. 33].

27-го числа 5-го месяца (26 июня) армия начала наступление тремя сухопутными колоннами и флотом: Данг Чан Тхыонг горными тропами должен был пробраться к Хоаньшону и нанести внезапный удар в тыл тайшонам, Ле Ван Зюет с основной частью пехоты двигался по главной дороге, Нгуен Дык Суиен вел боевых слонов несколько сзади, Нгуен Ван Чыонг с флотом ушел далеко вперед [20, с. 34].

Первым вступил в соприкосновение с противником Чыонг. Атаковав порт Жон, он обратил в бегство двух тайшонских военачальников вместе с гарнизоном, разрушил портовые военные укрепления, а затем захватил зинь Хачунг [20, с. 34].

Добилась успеха и сухопутная армия. Войска Ле Ван Зюета захватили форт Дайнай и рассеяли войско тайшонов. Вскоре реку Зянь пересек и Тхе то, прибыв в зинь Хачунг 1-го числа 6-го месяца [20, с. 34].

Нгеан, родина предков братьев-тайшонов, представлявший ранее южанам несокрушимой преградой, пал так же быстро, как и Хачунг. Войдя в порт Хойтхонг, Нгуен Ван Чыонг атаковал и разгромил своего старого противника Нгуен Ван Тха-

на, доставившего ему много неприятностей с 5-го по 7-й месяцы 1801 г. В качестве трофеев было взято много кораблей, лодок, огнестрельного и холодного оружия, продовольственных запасов [20, с. 34]. Падение Хойтхонга явилось ярким свидетельством слабости тайшонской власти на Севере.

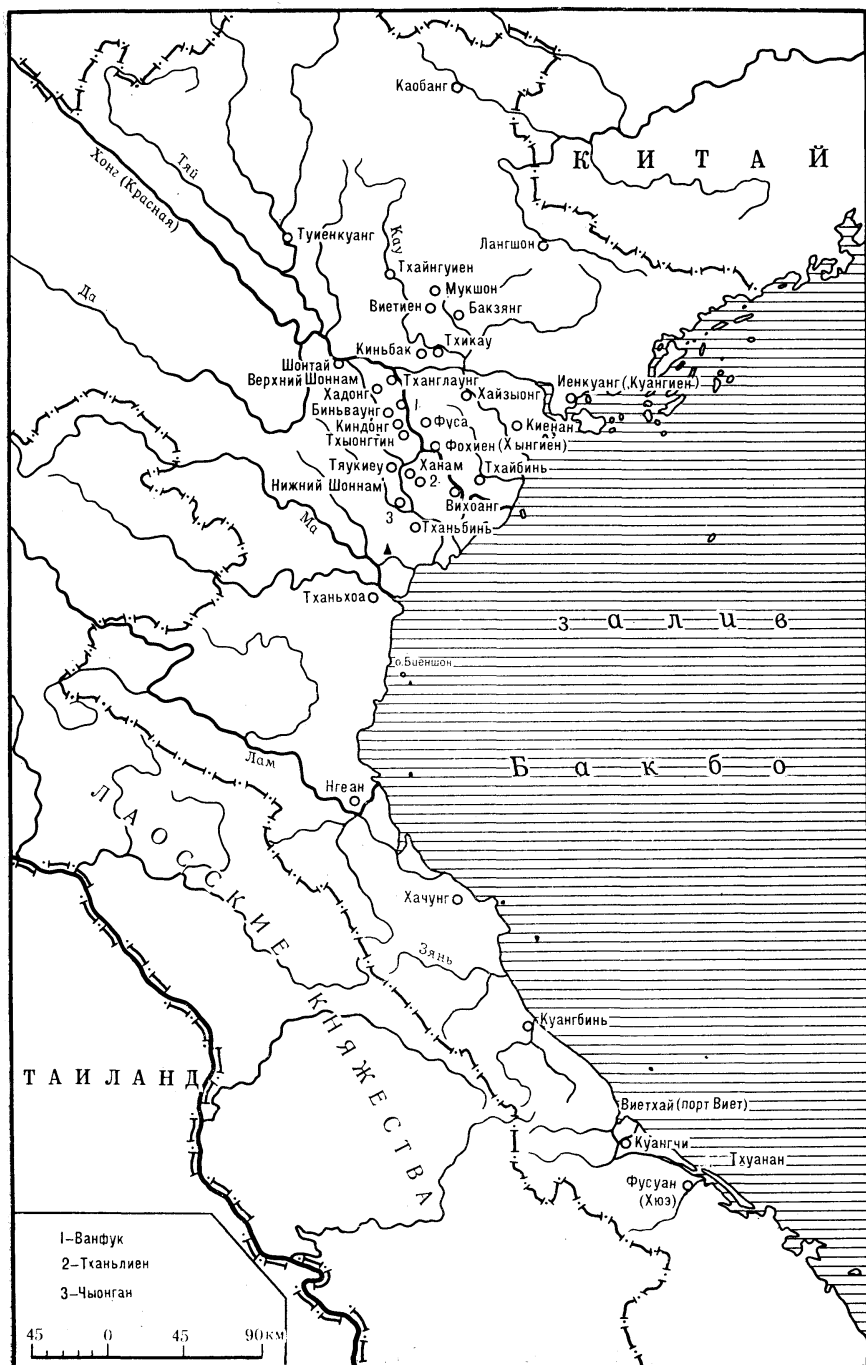
Вступившая в Нгеан пехотная армия захватила в плен сына Нгуен Ван Няка и 2-го числа 6-го месяца дошла до форта Тиенли в фу Зиентяу. Здесь местный тайшонский военачальник впервые сам сдался во главе своего войска [20, с. 34]. Началась массовая сдача в плен видных тайшонских военных лидеров [20, с. 35].

В день куи мао прибывший в Нгеан Тхе то приказал Ле Ван Зюету собрать и подсчитать трофеи [20, с. 35]. 5-го числа 6-го месяца 1802 г. авангард армии Тхе то вступил на родину его предков в Тханьхоа. Вновь без боя были захвачены именитые тайшоны, в том числе и Нгуен Ван Тхан. В нгеанскую ставку Тхе то Данг Чан Тхыонг привел новую группу пленных тайшонских вождей, среди которых были Фам Ван Дием и сын Нгуен Ван Хюэ. Все они были казнены [20, с. 35].

В том же Нгеане, в горном уезде Кюихоп на заставы южан натолкнулись войска Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунга, ушедшие из Кюиньона после его падения в 3-м месяце 1802 г. Проход по горным дорогам всего центрального Вьетнама превратил боееспособное войско в толпу изможденных, измученных и голодающих людей. Путь в Нгеан занял у тайшонов около 3 месяцев и был чрезвычайно труден. Они вынуждены были пробираться через леса и пересекать быстрые горные речки, вступать в стычки с горцами и в сражения с патрулями южан. В конце пути у них кончилось продовольствие, и войско их стало таять. Дойдя, наконец, до тяу Кюихоп в Нгеане, они столкнулись с регулярной армией Тхе то. Тайшонские офицеры и солдаты были столь ослаблены, что у них даже не было сил вступить с южанами в бой. В результате почти все тайшонские военачальники, столь долго, упорно и успешно сопротивлявшиеся в Кюиньоне нескольким армиям южан, были без труда схвачены солдатами Ле Ван Зюета, закованы в цепи и взяты под стражу. Их вожди, кроме немедленно убитого Ты Ван Тьеу, в том числе и Чан Куанг Зиеу, были закованы в цепи и отправлены в Фусуан, где их оставили дожидаться торжественной казни [20, с. 35]. Когда Тхе то прибыл в Тханьхоа, отряд из 19 местных жителей доставил в его ставку соратника Зиеу — Во Ван Зунга [20, с. 36], которому вскоре, по-видимому, удалось бежать.

9-го числа 6-го месяца Ле Ван Зюет атаковал и захватил крепость Тамдиеп (Бадой), и Тханьхоа, родина предков Нгуенов, легко перешла в руки южан. Во Внешнем Тханьхоа сопротивления совсем не было, и Тхе то 10-го числа принял капитуляцию тайшонского военачальника [20, с. 37].

Лишь в Нижнем Шоннаме Нгуен Ван Чыонгу 12-го числа



Север Вьетнама в начале XIX в.

было оказано довольно решительное сопротивление. Однако сопротивлялись не тайшоны, а их китайские союзники, которые в захвате Нгуен Фук Анем Северного Вьетнама видели угрозу своим морским базам. Китайцы даже покинули свои корабли и дрались на суше. Заняв оборону на берегу, они тшетно старались не допустить высадки южан. Что же касается тайшонского военачальника провинции и вице-губернатора, то они сразу же сдались южанам [20, с. 37]. Фактически это был последний бой, заключивший великое множество сражений непрерывной тринадцатилетней войны. После поражения в Нижнем Шоннаме тайшонские военачальники сдали провинцию без боя. В Верхнем Шоннаме никакого сопротивления не было: военные и гражданские чиновники сразу же покорились представителям новой власти [20, с. 37]. Путь на Тханглаунг был открыт.

21-го числа 6-го месяца (20 июля) Нгуен Фук Ань (Тхе то) вступил в столицу древнего Дайвьета, откуда бежали император Нгуен Куанг Тоан с братьями и несколько высших тайшонских чиновников. Спасти их не удалось. Воззвание к хао мукам и наградные ставки за головы тайшонских вождей сделали свое дело. Привилегированные деревенские слои выступили в основном в поддержку Тхе то, что зафиксировано неофициальной частной хроникой. Уже бежав в Киньбак, Нгуен Куанг Тоан узнал, что авангард южан вошел в Тханглаунг, а «хао муки, распределившись, с четырех сторон атаковали армию» Тоана. В самом Киньбаке еще до прихода армии Нгуен Аня хао муки вступили в «очень крупный бой с вражескими чиновниками в деревнях Диньбанг и Суанлунг». В Киньбаке же хао муки буквально «преследовали по пятам» тайшонского военачальника Нгуен Минь Тяу, загнали его в пруд Чамло и там убили. В том же Киньбаке волостной староста Во Тхам и Чан Хюи Зао с отрядом хао муков три дня держали в окружении императора, трех его братьев и двух сподвижников, укрывавшихся в бакниньской пагоде Тхосьонг. Все же императору удалось бежать из пагоды, где один из его братьев повесился [29, с. 66—74]. Но хао муки поймали беглецов и передали в руки преследовавшей их армии Ле Ван Зюета, который посадил императора с братьями в клетку и отправил в Тханглаунг [20, с. 37]. Во Тхам и Чан Хюи Зао искали сторонников Нгуен Куанг Тоана, его наложниц, тайшонское оружие, печати, документы. За все представленное военным властям они впоследствии получили награды.

В итоге вскоре после въезда Тхе то в Тханглаунг Ле Ван Фаунг с войсками армии Авангарда достиг пограничного с Китаем Лангшона и принял капитуляцию у военачальника этой провинции. Власть Тхе то распространилась до северных границ Вьетнама. Об окончательном разгроме тайшонов было приказано сообщить китайским властям через заставу Намкуан [20, с. 41].

Покорение Бакха заняло у южан месяц. Его можно было осуществить и быстрее, ибо Нгуен Тхе то провел более недели в Тханьхоа, любясь природой и собирая сведения о родовом храме императорской династии Ле. Никакого серьезного сопротивления, если не считать сражения, устроенного китайскими союзниками тайшонов, южанам оказано не было.

Захват власти в Бакха был произведен Нгуен Анем без особых трудностей, что объяснялось прежде всего спецификой социальной базы феодализировавшегося тайшонского государства, опиравшегося на архаическую общинную организацию и не пользовавшегося поддержкой социально и экономически привилегированных слоев деревни — общинной верхушки и частных землевладельцев. В то же время в Бакха тайшоны не могли возродить традиции народной войны периода крестьянского восстания, как они сделали это в Кюиньоне. В довершение ко всему южане обладали военно-экономическим превосходством. В результате победила власть, имевшая в качестве социальной базы преимущественно помещиков и богатое купечество Юга. На Севере эта власть искала поддержку у привилегированных в социальном плане слоев деревни (обращение Нгуен Аня к хао мукам). Доказательством тому, что эти деревенские социальные слои оказали поддержку войску южных феодалов, может служить и та легкость, с которой был завоеван Бакха, и судьба тайшонского императора, его братьев и сподвижников, немедленно выданных новым властям местными жителями, которые без прямого содействия или одобрения со стороны хао муков вряд ли отважились бы на такой поступок. Общинная верхушка Севера в целом не выступила в войне против Нгуен Фук Аня, и это обеспечило ему быструю победу.

Строгая дисциплина в войсках и «корректное» отношение к гражданскому населению Севера способствовали тому, что во время похода на Бакха армии Тхе то не было оказано общенародного сопротивления, и вся территория бывшего Дангнгоа была захвачена в предельно короткие сроки.

Так закончилось правление династии Тайшонов в стране в целом и на севере Вьетнама в частности. Бакха превратилась в составную часть создаваемой Тхе то империи Нгуенов.

Глава II

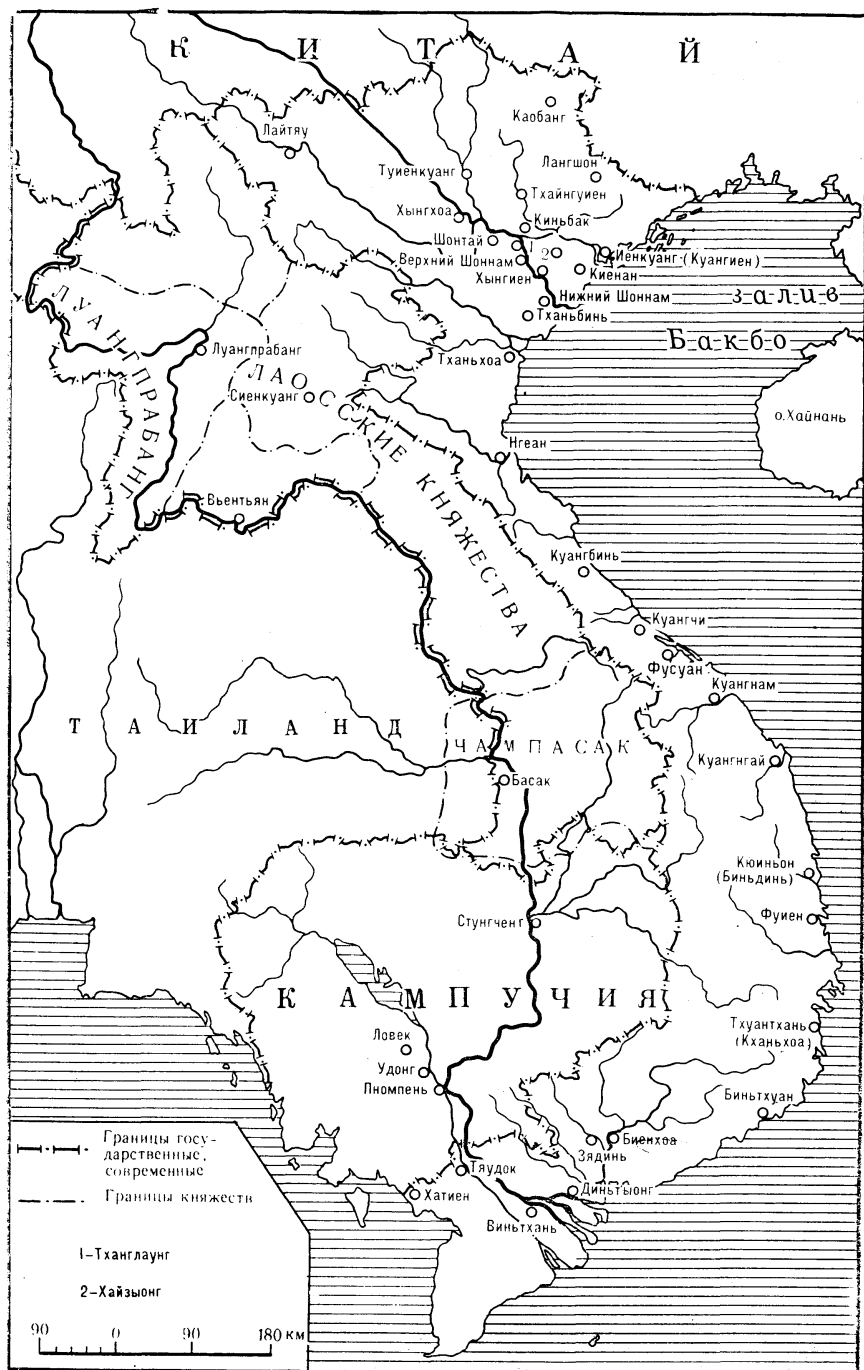
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЬЕТНАМСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ НГУЕНОВ (1802—1806)

Укрепление социальной опоры режима Нгуенов на Севере

Для того чтобы удержать под властью Тхе то Бакха, новой администрации предстояло выработать на Севере эффективную политику в отношении основных социальных слоев и политических групп, в том числе и тех, которые были ей явно враждебны.

Одной из сильнейших социальных и политических группировок, действующих на Севере против тайшонов, до прихода южан были защитники идеи возрождения власти свергнутого императора из династии Ле, сначала — Ле Ман де, а затем — одного из принцев императорского рода. В период борьбы с тайшонами на территории бывшего Дангчаунга Тхе то поддерживал сторонников императора Ле как врагов своего основного противника. Однако с момента вступления на территорию бывшего Дангнгоая, отказавшись от лозунга восстановления власти законного императора, правитель Юга становился врагом Ле и всех тех, кто выступал за идею легитимной реставрации. Это было тем более опасно, что приверженцы Ле в социальном плане состояли из старых чиновников, отказавшихся служить Тайшонам, конфуцианских интеллигентов, лауреатов конкурсных экзаменов эпохи Ле, пользовавшихся определенной поддержкой со стороны народных масс, в среде которых еще были живы иллюзии относительно «золотого» XV в. — апогея могущества бывших императоров Ле. Выработка оптимальной политической линии в отношении членов рода Ле, которых Тхе то должен был заставить уступить ему право на трон, не вызывая в то же время с их стороны вооруженного сопротивления, была для правителя Юга первостепенной политической задачей.

Другой проблемой для южных феодалов была нейтрализация возможного сопротивления власти Нгуенов на Севере со стороны приверженцев рода Чинь, которые не пользовались таким влиянием, как Ле, но все же могли мобилизовать в ряды



Вьетнам и соседние государства в начале XIX в.

антингуеновской коалиции определенное количество представителей старых служилых родов.

Надо было также определить отношение к старым чиновникам, лауреатам провинциальных конкурсов, «ученикам» эпохи правления Ле, пассивно поддерживающим старую императорскую династию, и к тайшонским чиновникам, «запятнавшим» себя службой «узурпаторам».

Большое значение имела также позиция горских князей, которые могли превратить контролируемые ими районы в мощные базы антингуеновского сопротивления. По опыту многолетней борьбы с тайшонами Тхе то хорошо знал, сколь опасно было иметь противников в горных районах, и потому должен был приложить максимум усилий для того, чтобы нейтрализовать либо даже заручиться поддержкой горцев.

Для выполнения всей этой программы феодалы Юга должны были не только использовать военную силу, привнесенную на Север извне, но и опереться на те социальные слои, которые могли оказать им помощь, ибо только так можно было на длительное время закрепиться в Бакха. Если правитель Юга хотел прочно пустить корни на новой земле, то ему следовало найти тот социальный слой, который, во-первых, не был «запятнан» связью с династией «узурпаторов», во-вторых, обладал значительным уровнем социальной и экономической мощи, в-третьих, был готов сотрудничать с новой властью. Поэтому это не могло быть ни военное и гражданское чиновничество, служившее в государственном аппарате Тайшонов, ни городские и деревенские низы.

К началу похода на Бакха у Тхе то уже был значительный опыт поиска той социальной базы, поддержка которой могла обеспечить успех в борьбе за власть в азиатском обществе позднего феодализма. Тхе то понимал, что на Севере ему следовало опереться на тот же социальный слой деревенской и городской неслужилой верхушки, который оказал ему поддержку в Зядини, с помощью которого он одержал решительную победу над тайшонами в бывшем Дангчаунге и который уже помог ему при захвате Бакха. Вследствие этого усилия новой администрации были приложены к тому, чтобы завоевать поддержку и доверие хао муков.

Однако основной военной опорой Тхе то на Севере в первое время после захвата власти оставалась армия. С 7-го месяца 1802 г. войска стали кормить местным рисом, ибо с конца 6-го месяца в Зядинь был отправлен приказ не направлять больше транспорты с продовольствием в Бакха, а посылать их в столицу [20, с. 46]. Получали солдаты и денежные средства, взимаемые с провинциальных складов Бакха и доставляемые в Тханглаунг [20, с. 46]. В 7-м месяце, например, войскам было выдано 25 тыс. куанов денег. Местным властям Севера было приказано также выдавать кормовые отпуском солдатам во время их пути на Юг [20, с. 50].

Определенные военные функции войска феодалов Юга продолжали выполнять и после окончания военных действий. В 7-м месяце 1802 г. они разгромили базу китайских пиратов в Вандоне (тяу Ваннинь): 15 пиратских кораблей были рассеяны, главарь убит, взяты пленные [20, с. 50—51]; однако даже такие мелкие бои были эпизодическими, а бездействие разлагало, и вскоре после того, как всякое военное сопротивление было сломлено и наступили мирные будни, дисциплина в оккупационной армии стала быстро падать: участились случаи насилия и грабежа местных жителей, что отнюдь не способствовало улучшению отношения населения к новой власти. Естественно, это вызывало опасения Тхе то, издавшего в 7-м месяце 1802 г. обращение к армии и флоту, в котором, в частности, указывалось: «В настоящее время люди [Севера] только начинают следовать [Нашим указаниям] и возвращаться [домой], в душах у них страх... Если кто-либо возьмет привычку нарушать правила и станет терроризировать народ, то будет ли он схвачен патрулем, либо приведен местными жителями, в любом случае осудим по военным законам. Командиры [виновных] также будут строго наказаны» [20, с. 50]. В конце 9-го месяца 1802 г. значительная часть солдат-южан покинула пределы Севера вместе с Тхе то. Эти воинские контингенты были заменены солдатами-северянами, взятыми по рекрутскому набору после 8-го месяца 1802 г. С этого момента период оккупации Севера армией южан сменился их частичным присутствием наряду с местными воинскими контингентами.

В течение этого непродолжительного оккупационного периода армия феодалов-южан в целом успешно выполняла поставленную задачу: командование быстро пресекло начавшийся в некоторых местах террор, народное недовольство оккупантами не достигло критической точки, угроза новой гражданской войны была предотвращена.

Среди местного населения Тхе то особенно выделял слой хао муков.

Как он и обещал, новый правитель Вьетнама наградил тех, кто поймал Нгуен Куанг Тоана и Во Ван Зунга. Правда, первого и даже третьего чиновничьего ранга за это хао мукам не дали, но землю предоставили. При этом за поимку Тоана были пожалованы в 7 раз большие земельные владения, чем за взятого в плен Зунга, — 200 мау. Кроме того, всех оказавших содействие в «обезвреживании» тайшонских вождей освободили от трудовой повинности [20, с. 50].

Кроме материальных вознаграждений Тхе то отблагодарил хао муков Севера включением в государственный культ. При составлении списков погибших в войне с тайшонами в Бактхани и Тханьхоа—Нгеане в эти списки включались как те, кто был убит при попытке бегства на Юг, так и те, кто действовал в пользу Ле на ранних этапах партизанской борьбы. Все эти «жертвы» Тайшонов должны были стать объектом государст-

венного культа, а их семьи и родственники — пользоваться почетом и уважением.

Следует отметить, что отношение хао муков к Тхе то и власти южан на Севере до свержения тайшонского правительства и после этого события было различным. В период правления Нгуен Куанг Тоана в Бакха у южан и хао муков Севера был один общий враг — династия Тайшонов, против которой они были готовы объединить усилия, всемерно помогая друг другу в ниспровержении «узурпатора». Однако после ухода династии Тайшонов с арены политической и социальной борьбы ситуация изменилась.

Необходимо учитывать, что слой хао муков не был однородным, наряду с богатыми помещиками и влиятельными лицами из бывшей деревенской администрации в него входили и оставшие чиновники, в частности те, кто, оставаясь верными династии Ле, отказались служить Тайшонам, скрываясь «в лесах и горах». Именно такие хао муки в период установления власти династии Тайшонов в Бакха отказались подчиняться «узурпаторам», взяли за оружие, образовали партизанские отряды и продолжили борьбу «за реставрацию Ле», только уже не против правителей из рода Чинь, как они это делали под знаменами Ле Сюи Мата, а против «крестьянского» императора. К 1791 г. движение в пользу Ле было в основном подавлено. Однако перед походом на Север Тхе то сам активно поощрял антитайшонское движение в Бакха, засылая в тыл противника своих агентов. При этом в партизанские отряды вступало «множество местных хао муков», которые причиняли значительный ущерб тайшонам. Когда же армия Тхе то пришла на Север, то выяснилось, что некоторые отряды хао муков снова сражаются за реставрацию Ле и не «собираются изъявлять покорность южной династии». Следует обратить внимание на то, что говорилось в воззвании правителя к хао мукам Бакха, изданном сразу же после победы над Тайшонами. «Многие люди бежали, объединились в горах и лесах, [Мы] не слышали о том, что они вернулись». Заявляя, что «дом Ле лишился престола», Тхе то настойчиво призывал хао муков отказаться от оппозиции, перестать выступать в поддержку Ле и поддержать новую власть: «Людам, обладающим разумом и понимающим ситуацию, не следует колебаться и выжидать». Специальным указом Тхе то обещал «не расследовать прежние преступления» партизан, требовал от них распустить войска и сложить оружие. Исполнение этого приказа должно было строго контролироваться: чиновники на местах подавали сведения о сложивших оружие самому Нгуен Аню, а затем он лично решал, как использовать бывших сторонников Ле на службе новой династии [20, с. 43].

Возникает вопрос: о каких «прежних преступлениях» сторонников Ле шла речь, если они сражались с врагами Тхе то — Тайшонами, причем многие с ведома, а некоторые и при помощи (людьми, деньгами и оружием) самого правителя Юга? От-

вет на этот вопрос может быть только один: «прежние преступления» совершались сторонниками реставрации Ле против армии южан.

При этом хао муки, являющиеся сторонниками Ле, совершали свои «преступления» против новой власти отнюдь не в рядах тайшонских войск. Ибо, несмотря на то что накануне прихода армии южан на Север Нгуен Куанг Тоан, изменив своей прежней социальной политике, пытался привлечь хао муков на свою сторону и за месяц до похода армии Тхе то отдал приказ провинциальной администрации выдвигать выборных хао муков на чиновничьи должности, предоставляя им соответствующие ранги, а также распорядился «использовать [их] в своих провинциях для выполнения работ» [29, с. 65], есть все основания полагать, что его попытки не увенчались успехом. Об этом свидетельствует, во-первых, отсутствие в источниках данных о поддержке хао муками Тайшонов, во-вторых, наличие как в официальных, так и в частных хрониках сведений о помощи, оказанной хао муками войску южан, в-третьих, «молниеносность» военной кампании, которая неизбежно приняла бы затяжной характер в том случае, если бы хао муки встали на сторону Нгуен Куанг Тоана. Все это дает возможность утверждать, что часть хао муков выступала против армии Тхе то не в рядах тайшонов, а самостоятельно, действуя в качестве «третьей» силы.

Задача новой власти заключалась в том, чтобы нейтрализовать эту «третью» силу, не дать ей возможности втянуть Бакха в гражданскую войну под династийными лозунгами. В результате осторожной и в то же время решительной позиции Тхе то в отношении хао муков, сражавшихся «за реставрацию Ле», стала реальной мирная и безболезненная ликвидация назревавшего после смены власти в Бакха вооруженного конфликта между социально привилегированными слоями общины и армией южан. О том, что хао муки, сторонники Ле, распустили свои отряды и сдали оружие, можно судить на основании двух фактов: во-первых, новые власти успокоились и не призывали более хао муков возвращаться домой, во-вторых, в течение нескольких лет (вплоть до начала кризиса, вызванного управлением «традиционалистов») на Севере не было восстаний в пользу старого императорского рода. Последнему обстоятельству способствовало то, что по отношению к роду Ле новые власти проявляли особую осторожность и подчеркнутое уважение.

Еще во время движения к старой северной столице, остановившись в провинции Тханьхоа, правитель демонстративно беседовал со старцами из деревни Бове — родины Ле о родовом храме древнего императорского рода [20, с. 36]. Величие Вьетнама традиционно связывалось со славой первых императоров династии Ле. Поэтому в 7-м месяце 1802 г. Тхе то почтил родовой храм Ле Тхай То личным присутствием и распорядился установить там алтари для жертвоприношения духам гор и рек

[20, с. 50]. Так как эти алтари являлись символом страны, то тем самым за первыми императорами Ле признавалась сакральная сила, способная влиять на благосостояние государства (по крайней мере в границах Бакха).

Почтение, оказываемое новыми властями первым императорам Ле, должно было в определенной мере распространиться и на их нецарственных потомков. Но не это почтение было главной причиной осторожного отношения новой власти после захвата Тханглаунга к представителям свергнутой Тайшонами династии. О наличии на Севере в конце правления династии Тайшонов большого количества вооруженных сторонников Ле уже говорилось. Кроме того, необходимо учитывать то, что в числе прибывших вместе с Тхе то в Тханглаунг чиновников было довольно много северян, относительно симпатий которых по отношению к старой императорской династии правитель Юга мог только догадываться и чувства которых он опасался оскорбить нарушением устойчивых традиций — пренебрежением сакральной мощью прежних монархов. Все это должно было заставить Тхе то считаться с потомками Ле как с определенной политической силой, требующей неусыпного внимания.

Меры, принятые новой властью по разоружению и роспуску стряпов хао муков, действовавших «в пользу Ле», были столь эффективны, что, понимая невозможность вооруженной борьбы с мощной армией, члены бывшего императорского рода вынуждены были уступить Тхе то свое право на трон, признать себя побежденными и принять навязанный им характер отношений.

Отказ Ле от политической борьбы выразился в том, что, во-первых, почти что на другой день после въезда Тхе то в Тханглаунг «столичные» Ле лично пришли в ставку правителя с «почтительным визитом»; во-вторых, в Тханьхоа близкий родственник бывшего императора Ле Сюи Дат вместе с 400 своими сторонниками сложили с оружием перед новыми властями. «Принц» Даг был вызван в Тханглаунг, остальным членам рода было приказано жить в Тханьхоа [20, с. 44]. Эта провинция была традиционным центром восстаний в пользу Ле [70, с. 89—96], и бескровная ликвидация там напряженности была значительным политическим успехом Тхе то.

Все это дает возможность заключить, что к концу 6-го месяца 1802 г. «проблема Ле» в основном была решена: стало очевидным, что потомки законных императоров не станут открыто соперничать с правителем Фусуана на Севере.

В 7-м месяце того же года новые власти сделали шаг в сторону примирения с родом Чиней, в течение почти трех веков фактически правивших Севером и смертельно враждовавших с Нгуенами. Ожидая возмездия за вторжение в Дангчаунг в 1774 г., Чини с полным основанием опасались массовых убийств. Но, будучи крупным политиком, Тхе то не собирался сводить старые счеты. Напротив, он был преисполнен намерения наладить отношения с семьей бывших тьюа почти так же,

как и с бывшим императорским родом. Поэтому он стал вспоминать о старых родственных связях (сестра одного из тюа Нгуенов была за четверть тысячелетия до описываемого момента женой и матерью тюа Чиней), говорил о том, что «разделение Юга и Севера... это давно прошедшие дела прежних поколений, о которых и говорить более не стоит. Сейчас везде одно государство, возлюбим живых и почтим умерших» [20, с. 48]. Итогом всех этих благочестивых проповедей было разрешение Чиням избрать главу рода, ответственного за совершение семейных жертвоприношений и являющегося официальным лицом в глазах новой власти [20, с. 49].

Сразу же после захвата южанами Бакха там стала проводиться политика привлечения на службу кадров традиционно подготовленного чиновничества. Объективно этого требовали нужды восстановления гражданского аппарата, но в разных частях страны данный процесс развивался с разной скоростью. На Севере по сравнению с территорией Юга он шел максимально быстро, ибо там существовали мощные субъективные факторы, способствовавшие интенсификации всего процесса: во-первых, в изобилии имелся богатый исходный материал для заполнения всех ячеек бюрократического аппарата (бывшие чиновники, «полные» лауреаты конкурсов и прошедшие несколько туров «ученики» эпохи Ле), во-вторых, руководство формированием чиновничьей системы в значительной мере находилось в руках сподвижников Тхе то из числа северян, т. е. носителей традиций периода правления Ле—Чинь, которые всеми силами содействовали назначению на административные посты «уче-ных» кадров.

Одним из виднейших поборников интенсивного привлечения в складывающийся аппарат старых чиновников, лауреатов и «учеников» эпохи Ле являлся Данг Чан Тхыонг, который, еще будучи временным губернатором Нгеана, в конце 6-го месяца 1802 г. стал выдвигать лауреатов провинциальных конкурсов (хыонг конг) эпохи Ле в фусуанскую Академию [20, с. 46].

В самом начале 7-го месяца того же года Тхыонг был вызван в Тханглаунг, и тут же последовал указ правителя о привлечении на службу в новую администрацию старых чиновников, лауреатов провинциальных конкурсов и «учеников» эпохи Ле [20, с. 47—48]. Хронологическая последовательность приезда Тхыонга и издания указа заставляет думать, что если он и не был инициатором, то принимал известное участие в его подготовке.

В указе, изданном по случаю привлечения на службу новых кадров, объявлялось, что наступило «время совершенствования культуры и создания мирного управления» [20, с. 47]. В связи с этим жители Севера, относящиеся к трем вышеупомянутым группам (т. е. чиновники, лауреаты, «ученики»), приглашались в ставку правителя. «Вводить их на аудиенцию» должна была группа чиновников, состоящая исключительно из одних «тради-

ционалистов», возглавляемых Нгуен Ван Тханем. Представленных претендентов правитель лично «выслушивал» и «испытывал», а затем назначал на должность «в соответствии со способностями» [20, с. 47].

Феодалные историки отмечают, что после этого указа «множество [людей], живущих отшельниками в Бакха, обгоняя друг друга, устремились помогать в работе» [20, с. 48]. О том, что источники верно описывают ситуацию, свидетельствует последовавшее назначение на высокие чиновничьи должности 10 лауреатов столичного и 1 лауреата провинциального конкурсов эпохи Ле, а также привлечение к работе 32 «учеников», подавших «запечатанные конверты» с различными предложениями [20, с. 49].

Таким образом, учитывая традиционную силу и влияние служилого гражданского чиновничества в Бакха, Тхе то в период своего личного присутствия на Севере, в соответствии с советами «традиционалистов»-северян стал широко привлекать к управлению в Бакха «классически» подготовленные кадры. Однако мера допуска старых кадров к управлению, безусловно, соблюдалась.

В то время как чиновников, лауреатов и «учеников» эпохи Ле—Чинь привлекали к работе довольно активно и охотно, бывших тайшонских администраторов брали на службу очень ограниченно.

При этом, если гражданские тайшонские кадры при определенных условиях могли быть использованы новой властью, то в отношении военных чиновников это было исключено. Отношение к бывшим тайшонским кадрам в Бакха было значительно более суровым, чем на Юге. Очевидно, это объяснялось тем, что на Севере тайшоны легко могли быть заменены в гражданском аппарате старыми чиновниками, лауреатами и «учениками» эпохи Ле, в то время как на Юге это было сделать довольно трудно. Трудность замены была связана с тем, что, во-первых, до Тайшонов в аппарате Ле—Чинь было значительно больше чиновников, чем у тюа Нгуенов; во-вторых, правление тюа Нгуен Фук Тхуана в Фусуане закончилось почти на 14 лет раньше, чем оборвалась «эпоха Ле», а за это время старые кадры Нгуенов в Фусуане либо вымерли, либо согласились идти на службу к «узурпаторам». Что же касается бывших военных тайшонских чиновников, то на Юге после взятия Фусуана они были значительно нужнее, чем на Севере после захвата Тханглаунга: на Юге необходимо было организовать 250-тысячную армию для похода на Бакха, а на Севере с середины 1802 г. крупных военных операций более не предполагалось. В войсках же Бактхани и Тханьхоа—Нгеана офицерами еще некоторое время продолжали служить южане. В связи с этим никаких новых назначений военных чиновников в это время в армии не производилось.

Таким образом, в армии наряду с зядиньцами, занимавшими

ведущее место в офицерском корпусе, должности военных чиновников принадлежали также и бывшим тайшонам, но все офицеры-тайшоны были уроженцами бывшего Дангчаунга, в то время как из числа тайшонов — уроженцев Бактхани и Тхань-Нге, по-видимому, никто командных должностей не получил.

Несмотря на то что на службу бывших тайшонских чиновников в Бакха почти не брали, а если брали, то только гражданских и на временный срок, без всякой перспективы дальнейшего продвижения по служебной лестнице, однако и репрессиям они здесь почти не подвергались, ибо после прихода к власти на Севере южане карали лишь «тайшонских главарей». Об этом было официально заявлено самим Тхе то в первом обращении к населению Бакха: «Куда бы ни пришла великая армия, казнят лишь вражеских главарей, а тех людей, которых (они. — *А. Р.*) силой принуждали следовать (за собой. — *А. Р.*), — всех помилуют, поэтому живите спокойно» [20, с. 41].

«Главарями», как уже отмечалось выше, считались только члены семьи и высшие военачальники тайшонов. Все остальные тайшонские чиновники должны были «сдаться» в срок от 3 до 5 дней. В этом случае их «вина» прощалась. Превышение этого срока влекло за собой «арест и наказание». Судя по тому, что о массовых «наказаниях» в источниках не упоминается, можно полагать, что в большинстве случаев тайшонские чиновники выполняли приказ Тхе то. Сам правитель был довольно снисходителен к своим недавним противникам. Так, захваченного с оружием в руках в конце 7-го месяца 1802 г. тайшонского военачальника он приказал помиловать, мотивируя это тем, что имя его «неизвестно» [20, с. 62].

Одной из важнейших задач, вставших перед Тхе то после занятия Тханглаунга, было привлечение на сторону новой власти горских князей в Туиенкуанге, Хынгхоа и Тхайнгуене. Эти князья до 7-го месяца 1802 г. «большей частью выжидали» [20, с. 62], чем кончатся события во «внутренних» провинциях. Тхе то прекрасно понимал, что, не заручившись поддержкой гор, он не может быть спокоен за долины. Горы могли стать не только базой для остатков «тайшонских банд». Сами горцы во главе с враждебными новой власти князьями имели возможность периодически организовывать боевые походы в долинные районы, как это уже не раз бывало в истории Северного Вьетнама, особенно в кризисные периоды развития общества. Поэтому Тхе то сам решил первым сделать шаг к установлению контактов с горскими князьями. В конце 7-го месяца 1802 г. он издал воззвание, в котором «обнадеживал и успокаивал» горских князей, объяснял им, в чем состоит их «счастье», а в чем «беда». «Счастье», конечно же, заключалось в мире и дружбе с новой династией, а несчастье, естественно, — во вражде с ней.

Вряд ли именно воззвание Тхе то оказало решающее воздействие на многих властителей гор. По-видимому, через два месяца после вступления армии южан на территорию Дангнгоая

большинство горских феодалов уже осознало, что у фусуанского правителя нет достойных противников в Бакха, и решило присоединиться к сильнейшему. По сообщению феодальных историографов, князья, «следуя друг за другом, пришли в ставку и явились на аудиенцию (к правителю. — А. Р.)» [20, с. 62]. Так произошло подчинение новой власти основной части родовой и племенной знати горных районов Северного Вьетнама.

Горские князья были последней политической силой, в лояльности которой требовалось убедиться Тхе то.

К концу 7-го месяца 1802 г. новые власти в Тханглаунге сумели большей частью привлечь на свою сторону либо нейтрализовать все основные социальные слои и политические силы на Севере, добившись от них признания своего доминирования. Опираясь на армию, Тхе то заставил разоружиться все анти-тайшонские группировки, в том числе и ту, которая действовала в его собственных интересах, и ту, которая боролась за «реставрацию» власти династии Ле.

Укреплялось влияние южан среди социально привилегированных слоев города и деревни Севера. Отказ от вмешательства в традиционную структуру общины был признанием со стороны новой администрации незыблемости политической, экономической, социальной и административной власти хао муков на местах. В то же время был сделан серьезный шаг к привлечению старых чиновников, лауреатов и «учеников» эпохи Ле — Чинь к государственному управлению на нижних и средних уровнях государственной административной структуры, ибо в верхах находились как южане, так и северяне, пришедшие в Бакха вместе с войском Тхе то.

Твердо устранились от участия в управлении лишь бывшие тайшонские чиновники, которые допускались «к делам» только там, где без них никак нельзя было обойтись. Однако никаких «кровавых бань», никаких репрессий устроено не было, помилование получали даже тайшонские офицеры. Гражданское население Севера верховная власть всемерно пыталась оградить от бесчинств солдат и злоупотреблений местной администрации. Наконец Тхе то заручился поддержкой горских князей.

В этой ситуации основные местные политические силы Севера, признав верховную власть Тхе то, совершили тот жест, которого новые власти от них ждали, к которому их частично принудили, частично склонили обещаниями вознаграждений и пожалований. В начале 9-го месяца 1802 г. представители рода Ле, семьи Чинь, старые гражданские и военные чиновники эпохи правления Ле—Чинь, а также горские князья официально «попросили» Тхе то занять императорский трон [20, с. 65—66]. Этот акт был совершенно аналогичен подаче прошения фусуанскими чиновниками в 4-м месяце 1802 г. — за два месяца до покорения Севера.

При этом, если предложение фусуанских чиновников подво-

дило итог восстановлению власти Нгуенов в Дангчаунге и в то же время являлось первой официальной заявкой правителя Юга на господство во всей стране, открывало новый этап его борьбы — борьбы за покорение Дангнгоая, то «просьба» северян должна была положить конец претензиям Бакха на независимость и являлась символом полного и окончательного подчинения всех политических сил Севера (в том числе и бывшего императорского рода) власти новой династии.

Очень существенно, что, даже находясь после завоевания Бакха на высшей ступени политического торжества, Тхе то точно так же отказался от пышного императорского титула, как и после восстановления своих «законных прав» на власть тьюа в Дангчаунге.

Отчасти это было связано с традиционными представлениями о почти ритуальном «недеянии», которого должно было придерживаться лицо, обладающее императорским достоинством, с устойчивыми идеями о более или менее легком правлении государя в императорском сане в мирной и спокойной стране. То, что Тхе то интересовался проблемой «недеяния», зафиксировано в официальных исторических документах, сообщающих о беседах правителя со своими ближайшими советниками относительно этой концепции [20, с. 254]. Совершенно ясно, что в 1802 г., пройдя во главе вооруженной армии от южного до северного конца Вьетнама и увидев собственными глазами, в каком разоренном состоянии находится страна после почти непрерывных тридцатилетних войн, Тхе то хорошо понимал, сколь активно и напряженно предстоит ему лично заниматься социальными, экономическими и политическими проблемами: «Государство лишь недавно создано, раненые и увечные еще не встали на ноги, тяжелобольные еще не обрели душевное равновесие, кичливые нравы и надменные обычаи еще не изменены окончательно, тиранство и зло еще не исправлено до конца, в настоящее время (Мы. — А. Р.) заняты делами жизни народа, государственной экономики, составления планов на будущее». В связи с этим правитель заявлял: «Постоянное восседание в спокойствии и молчании (на троне. — А. Р.) не соответствует нашим намерениям» [20, с. 65—66].

Неприятие Тхе то в 1802 г. в качестве образца поведения «недеяния», являвшегося для него скорее показателем определенной степени прочности государственной власти, формальным отражением чего было обладание императорским титулом, по-видимому, можно связать с мыслью одного из высших чиновников — Чинь Хоай Дыка, высказанной после смерти первого императора династии Нгуенов его преемнику Тхань то: «Если хочешь предаваться недеянию — надо сначала все сделать» [22, с. 144]. Вряд ли и при принятии императорского титула, т. е. через 4 года после описываемых событий, правитель считал, что уже «все сделано». Однако сделано было уже очень много, и если для самого Тхе то достигнутый уровень стабильности влас-

ти новой династии в стране, когда от самого правителя уже не требовалось постоянных титанических усилий для поддержания этой власти, являлся показателем возможности присвоения императорского сана, то для нас этот уровень отражает конечную точку первого этапа периода прогрессивного социально-политического и социально-экономического развития вьетнамского общества начала XIX в.

Кроме «теоретических» соображений от столь решительного шага, как объявление себя Сыном Неба, Тхе то в 1802 г. удерживала и чисто политическая конъюнктура: невыясненность позиции правителя Цин в отношении новой династии.

Надо сказать, что почти сразу же после захвата Севера Тхе то попытался решить столь важную дипломатическую проблему, как установление связей с Китаем, со свойственной ему простотой, что чуть не привело к роковым последствиям. Когда в 7-м месяце 1802 г. войска южан разгромили базу китайских пиратов в Ваннине [20, с. 50—51], Тхе то распорядился передать пленных маньчжурским властям, а затем приказал отправить генерал-губернатору Гуандуна и Гуанси письмо, в котором поднимал вопрос об установлении официальных дипломатических отношений между двумя странами. На границу решено было отправить двух чиновников, занимающих должности тхием ши в ведомстве обрядов и военном ведомстве. Им было приказано ожидать указаний в Намкуане — пункте официальных контактов с цинскими властями. Это было вызвано настойчивым желанием Тхе то получить инвеституру тут же, на границе, у горных перевалов, не тратя времени и средств на сопровождение посольства в Тханглаунг, на организацию пышной торжественной церемонии вручения инсигний власти в бывшей столице, не опустошая и без того скудную казну длительным кормлением посольства и ритуальными подарками, величина которых по мере удаления от китайских рубежей должна была значительно возрастать. Пора было возвращаться в Фусуан, и правитель стремился побыстрее покончить с дипломатическими формальностями. При этом он проявил большую, возможно, даже рискованную смелость, не опасаясь вызвать гнев своего «сюзерена» резким принижением политического значения инвеституры, ибо если бы акт ее вручения первому правителю Вьетнама из династии Нгуенов был осуществлен по задуманному плану, то он стал бы беспрецедентным в истории вьетнамо-китайских отношений. Демонстрация Тхе то полного пренебрежения установленным ритуалом, нежелание пригласить посла в столицу и принять инвеституру у подножия родового трона, вблизи алтаря предков (ср. настойчивое, но так и не удовлетворенное желание Нгуен Ван Хюэ добиться приезда китайцев в Фусуан, а не в Тханглаунг [70, с. 151]) должно было быть воспринято маньчжурскими властями как оскорбление и могло принести большие осложнения во взаимоотношениях с Пекином, если бы в последний момент не было решено спросить совета по поводу

затевавшегося мероприятия у чиновников, служивших при Ле—Чинь.

После захвата Тханглаунга новые власти специально держали таких знатоков (причем не только сведущих в дипломатических отношениях, но и разбирающихся в финансовых, экономических, юридических проблемах Севера [20, с. 45]) при себе для консультаций по постоянно возникающим сложным проблемам малознакомого для южан Бакха. Ответ Нго Тхи Няма и Фан Хюи Итя, заявивших, что о «подобных делах (они. — А. Р.) прежде никогда не слышали» [20, с. 51], поколебал решимость Тхе то.

Советы специалистов из числа бывших чиньских, а затем тайшонских чиновников привели к тому, что в конце концов благоразумие и осторожность взяли верх и все мероприятие было отменено [20, с. 51]. Акт вручения инвеституры стали подготавливать постепенно, время от времени убажывая китайские власти передачей пленных «пиратов» [20, с. 78].

Более спокойный характер дипломатической деятельности обусловил то, что следующее посольство с официальным запросом инвеституры было решено послать по всей форме: из столицы, после торжественного истребления представителей «узурпаторской» династии, их родственников, свойственников и ближайших сподвижников.

Официальное признание подчинения новой власти Тхе то вознаграждал предоставлением разных видов пожалований основным политическим группировкам и некоторым социальным слоям Бакха. По существу, это была плата за отказ от претензий на политическую власть со стороны первых и за лояльность со стороны вторых.

Особенно щедрые пожалования получил дом Ле. Во-первых, было установлено привилегированное по сравнению с рядовой массой населения положение всех членов рода, которые освобождались от уплаты подушных налогов, а также от несения трудовых и воинских повинностей. Во-вторых, глава рода, в функции которого официально входило отправление культа предков в родовом храме и который подобно старосте любой восточной корпорации фактически должен был отвечать перед властями за всех членов своего обширного семейства, занял довольно высокое социальное положение, удостоившись титула конга. В-третьих, главой рода Ле стал сын «героя» антитайшонского сопротивления Ле Зюи Тыи, возглавившего борьбу с «узурпаторами» в Бакха, а затем схваченного и казненного в Фусуане в 1791 г. Ореол доблести и мужества отца лежал и на сыне, Ле Зюи Хоане, который после смерти своего родителя скрывался в горах Тхайнгуена, пользуясь поддержкой могущественного местного феодала Ма Тхе Ко [20, с. 75]. Назначение главой рода сына героя борьбы за династийные интересы Ле было большой уступкой со стороны Тхе то по отношению к родовой знати Севера. Хоан был молод и смел. Весь род смотрел

на него как на продолжателя дела отца, и юный аристократ впоследствии попытался оправдать ожидания своего клана, что доставило Нгуенам большие заботы. В-четвертых, род Ле поначалу получал право держать родовой храм в старой столице — Тханглаунге, а не на родине — в Тханьхоа [19, с. 75]. Это ставило семью Ле в культовом отношении в совершенно исключительное положение, почти приравнивая ее в этом плане к правящему роду Нгуенов. В-пятых, Ле получили щедрое материальное пожалование: 100 зависимых, разрешение собирать ежегодный подушный налог с 916 крестьян в размере 2 600 куанов денег, а также ежегодный поземельный налог с 10 тыс. мау земли в размере 6 тыс. хоков неочищенного риса. Кроме того, им дополнительно выделялись из казны 370 куанов на нужды культа [20, с. 75].

В обращении к новому главе рода, чей «отец, Ле Сюи Тьи, в то время, когда все рушилось, отдал жизнь за свое государство, показав, что среди потомков рода Ле есть (достойные. — А. Р.) люди» [20, с. 75], Тхе то заявлял, что он действует подобно «совершенномудрым правителям, основателям государства, оказывавшим почет и уважение родам прежних правителей», и требовал от Ле Сюи Хоана «с почтением... отправлять старинный культ, дабы хранить общее благополучие» [20, с. 75]. Тем самым правитель лично выводил культ предков Ле за рамки семейного и придавал ему некоторые общерегиональные, даже общегосударственные черты, ибо от регулярности и правильности совершения жертвоприношений зависело «общее благополучие». Это не могло не поднять официальный престиж дома Ле, в наибольшей степени из всех остальных политических группировок «облагодетельствованный» Тхе то за отказ от притязаний на власть.

Свою долю за подпись под «прошением» о принятии императорского титула получил и род Чиней. Правда, она была существенно более скромной, чем доля Ле. Но Чини пользовались значительно меньшими симпатиями населения Бакха, и с ними можно было не так церемониться. Однако Тхе то приходилось учитывать, что у Чиней сохранились довольно крепкие связи со средой старых служилых феодалов Севера, что род их многолюден, а потому и могуществен. Поэтому хотя громких титулов членам рода бывших тюа и не дали, но право взимать ежегодный денежный налог в размере 333 хоков риса и 75 куанов денег с 500 мау земли предоставили. Кроме того, от всех налогов и повинностей были освобождены 247 членов дома Чинь. В обращении к только что назначенному главе рода с культовыми функциями Тхе то вновь заявлял, как и за два месяца до этого, что раздел Вьетнама на два государства — «минувшие дела», опять напоминал о старых родственных отношениях и говорил о милосердии [20, с. 75—76].

Такие пожалования, конечно же, не могли удовлетворить амбиции бывших властителей Северного Вьетнама. Подчиненное

положение Чиней было более приниженным, чем то, в которое были поставлены Ле. Хотя наследники тюа Севера официально признали свою зависимость и смирились, а впоследствии постоянно боялись мести, это не смогло предотвратить участия некоторых представителей их рода в восстаниях на стороне антиправительственных сил.

Большие «милости» были оказаны военным и гражданским чиновникам, служившим в эпоху Ле—Чинь.

Во-первых, были предоставлены повинностные льготы старым родовитым семьям Севера, являющимся основными поставщиками кадров военного и гражданского чиновничества в Бакха. Льготы получили потомки заслуженных сановников (конг тхан), деятельно помогавших Ле Лою в борьбе с Минами в период «основания государства», а также потомки лиц, совершивших свои подвиги во время «возрождения Ле» — войны с Маками. Эти наследники включались в категорию ниеу ам и передавали по наследству право освобождения от налогов и повинностей. Наследников было не так много: 33 конг тхана периода «основания государства» и 15 конг тханов «возрождения Ле» дали 48 человек потомков, освобожденных от всех налогов и повинностей, и 18 человек, не обязанных выполнять трудовые работы. Принцип предоставления этих льгот был следующим: все конг тханы делились на две категории, в семьях потомков конг тханов второй категории лишь один человек мог освобождаться от всех налогов и повинностей, а в семьях потомков конг тханов первой категории, кроме такого же полностью освобожденного от тягла человека, еще двое мужчин могли входить в категорию шай фу (культовых служителей), что освобождало их от трудовых работ [20, с. 76—77]. Эти налоговые и повинностные привилегии, включающие часть потомков старых заслуженных родов в категорию частично или полностью нетягловых, давали детям семей конг тханов возможность значительно лучше других готовиться к экзаменационным конкурсам, победа на которых была условием чиновничьей службы.

Во-вторых, Тхе то лично вручал деньги некоторым чиновникам, служившим при Ле—Чинь, но отказавшимся служить Тайшонам. В числе таких был тиен ши (лауреат высшего столичного конкурса) Буй Хюи Бить, к моменту прихода Тайшонов на Север дослужившийся до высокой должности тхам тунга, затем сражавшийся против «узурпаторов» в качестве гражданского советника в армии. Ему было выдано 200 куанов денег [20, с. 78—79].

В-третьих, пять тиен ши эпохи Ле—Чинь были назначены на должности чиновников просвещения в провинции Бакха [20, с. 78], один тиен ши и один хыонг конг (лауреат провинциального конкурса), ставший особо доверенным лицом Нгуен Аня, сосредоточили в своих руках заведование всей документацией Бактхани [20, с. 78]. В-четвертых, Тхе то обещал ввести назначение на должности по результатам новых экзаменационных

конкурсов: «Наука — прямая дорога учеников, воистину ее достаточно. Необходимо подготовить таланты, а затем последовательно провести провинциальные и столичные экзаменационные конкурсы, тогда талантливые люди станут появляться во множестве и помогать в делах» [20, с. 78].

Обещание восстановления системы экзаменационных конкурсов с последующим назначением на должности по результатам этих конкурсов было в значительной мере уступкой в пользу старых гражданских чиновников Севера, ибо именно их семьи были основными поставщиками конкурсных лауреатов, которым со временем сулили широко открыть доступ в государственный аппарат. Эта уступка была принципиальной и впоследствии именно она стала одним из факторов «экспансии» традиционного подготовленного чиновничества почти во все сферы вьетнамского общества, а также явилась одной из причин превращения в 30-х годах XIX в. «традиционалистской» политики в ведущее направление общегосударственного политического курса во Вьетнаме.

В числе поставивших свои подписи под «прошением» о принятии Тхе то императорского титула были и горские князья, приехавшие в Тханглаунг по вызову в конце 7-го месяца 1802 г. [20, с. 62]. Всем прибывшим в бывшую столицу князьям Тхе то предоставил почетные титулы, официально признав тем самым их власть над контролируемой территорией, которой они реально обладали в горных районах Тханьхоа, Туенкуанга, Хынгхоа и Тхайнгуена. Наивысший титул куан конга получил Ха Конг Тхай, деятельно помогавший южанам в Тханьхоа в период войны с Тайшонами. Десять князей, среди которых был и Ма Тхе То, доставивший в Тханглаунг Ле Зюи Хоана, были удостоены титула хау, двое — титула ба [20, с. 78]. Отпустив князей домой, Тхе то предоставил им довольно большую самостоятельность. Провинциальные чиновники во «внешних» провинциях не очень строго контролировали «властителей гор», и, по-видимому, значительная степень свободы была условием их подчинения власти новой династии.

Таким образом, в ответ на признание своего политического доминирования, в награду за отказ от борьбы за власть основных политических сил Севера и за лояльность имевших тенденцию к оппозиционности некоторых социальных групп Тхе то вознаграждал всех, поставивших свои подписи под «прошением» о принятии им императорского титула. При этом наряду с чисто материальными пожалованиями в различных формах правителю пришлось пойти и на уступки принципиального характера.

К ним относятся: признание чрезвычайно существенной роли культа Ле, приобретающего общегосударственные черты; чрезмерные привилегии семьям старого северного чиновничества в плане подготовки к конкурсным экзаменам и выдвижения на государственную службу и, что самое главное, признание экза-

менационных конкурсов как источников, достаточных для комплектования государственного аппарата. Все эти уступки впоследствии стали базой возрождения северного «традиционализма», с которым Тхе то пришлось активно бороться. При этом, если некоторые, чисто политические свойства этого «традиционализма» (например, ведущую роль дома Ле) можно было уничтожить, то другие, более глубинные, связанные с комплектованием аппарата традиционными методами, со значительной долей общинного землевладения, государственно-феодальной эксплуатацией и существованием феодальной бюрократии за счет переадресации ренты — налога, преодолеть не удалось, и они были развиты в законченную «традиционалистскую» систему при императоре Тхань то.

Одной из важнейших проблем в период пребывания Тхе то в Тханглаунге была задача организации новых органов власти на Севере. Трудность этого дела заключалась в том, что, хорошо понимая отличие экономической, социальной и даже административной структуры Дангнгаоя от Дангчаунга, новая власть не могла сразу же в достаточной мере обеспечить себя надежными и преданными помощниками, хорошо знающими в то же время местную специфику. А именно знатоки местных условий были особенно нужны новому правителю тотчас же после захвата его войсками Северного Вьетнама. Ибо, несмотря на строгие указания как самим северянам (в обращении к населению Бакха), так и солдатам-южанам (в своде военных правил, изданных перед началом похода) тщательно сохранять все виды документации, несмотря на запреты сжигать и уничтожать хранилища с книгами, официальными бумагами и деловой отчетностью, сразу же после входа войск в Тханглаунг «регистрационные книги», по сообщению феодальных историков, «рассеялись» [20, с. 45].

Не имея возможности самостоятельно разобраться в специфике финансовых и юридических проблем, в вопросах налогообложения и дипломатических ритуалов, правительство Тхе то вынуждено было очень короткий срок (до образования официальных органов власти) пользоваться услугами исключительно бывших тайшонских чиновников. Одному из таких чиновников, ранее занимавшемуся финансовыми вопросами, было поручено «составить детальные списки установленного (ранее. — А. Р.) налогообложения» и подать сведения «по каждому пункту» в ведомство финансов [20, с. 45], другой, захваченный в плен во время вторжения Нгуен Куанг Тоана в Куангбинь, получил задание заниматься проблемами юстиции [20, с. 45]. Особенно большое количество бывших чиньских, а затем тайшонских чиновников использовалось в качестве знатоков по взаимоотношениям с Цинами: кроме Нго Тхи Няма и Фан Хюи Итя [20, с. 45], которые, как уже упоминалось, своевременным советом спасли Нгуен Аня от крупнейшего нарушения дипломатического этикета, «ведение документации» в пограничном Лангшоне

было поручено бывшему тайшонскому вице-губернатору этой провинции [20, с. 41].

Однако интенсивное привлечение к службе на Севере бывших тайшонских чиновников было очень кратковременным: почти никто из них не был включен в кадровый состав начавшего формироваться государственного аппарата. Хотя лица, числившиеся в тайшонской Академии и скрывшиеся от новых властей, разыскивались и насильно доставлялись в это учреждение, однако администрация Бактхани почти сразу же закрыла доступ к чиновничьим должностям всем тем, кто ранее был связан с династией Тайшонов.

Существенным отличием этапа формирования административного аппарата на Севере от последующих этапов его эволюции было прямое участие самого правителя в непосредственном создании органов власти. На этом этапе отсутствовало имевшееся всегда впоследствии разделение властей на верховную столичную и высшую региональную: обе власти практически сливались в лице одного Тхе то, ибо Нгуен Ван Тхань был назначен официальным генерал-губернатором Бактхани только перед самым отъездом правителя в столицу. Поэтому все административные мероприятия, проведенные на Севере в этот период, наиболее четко характеризовали социальную политику верховной власти в этом районе страны, тогда как позднее в Бакха всегда сохранялось определенное различие политических установок Фусуана и Тханглаунга.

Идея выделения Крайнего Севера из состава бывшего Дангнгоая в единый административный район была обоснована различным уровнем социально-экономического и социально-политического развития, различными природными условиями, различными нормами и традициями общественной жизни в районах дельты Красной реки и в долинной зоне Тханьхоа и Нгеана (положение в горных районах везде было более или менее сходным). Крупнейшая из всех частей страны самостоятельная административная единица — Крайний Север — стала называться Бактхань. К обсуждению «упорядочения дел» в Бактхани Тхе то приступил сразу же после захвата всей территории Севера.

При подборе кандидатуры на пост генерал-губернатора правитель руководствовался основной задачей, стоящей в это время перед новой властью в Бактхани. Установление на Крайнем Севере не только политического, но и социального контроля новой династии требовало восстановления там экономических и общественных позиций традиционно привилегированных управленческих слоев (старых чиновников, лауреатов экзаменационных конкурсов и «учеников» эпохи правления Ле—Чинь). Именно они должны были помочь южанам создать новую государственную администрацию низшего и частично среднего уровня. Поэтому на место генерал-губернатора Бактхани должен был быть назначен человек, который сумел бы учитывать инте-

ресы этих слоев, мог бы разговаривать с их представителями на их языке и сочетать методы управления военных-южан и гражданских-северян, соблюдая при их применении динамическое равновесие. Такой человек, знающий гражданские «книжные» методы управления, в достаточной степени традиционно образованный и имеющий склонность к построению идеальных схем «процветающего» государства эпохи «великого спокойствия», имелся среди высших и наиболее доверенных военных чиновников в окружении Тхе то лишь один. Это был Нгуен Ван Тхань, которого феодальные историки эпохи правления Тхань то хотя и воспринимали критически (он был для них преступником, ибо конфликтовал с императором), но, несмотря на свою неприязнь, считали «среди военачальников человеком, обладающим образованием и знающим методы административного управления» [20, с. 44]. В устах этих историков, которые сами являлись «традиционалистами», это была бесспорная похвала, ибо истинные методы административного управления для них были «книжными», усвоенными путем «образования».

Именно с этими двумя качествами Тханя — «образованностью» и «знанием методов административного управления» связывают феодальные историки его вызов из Биньдиня в Бактхань. Три месяца провел Нгуен Ван Тхань в Бактхани рядом с Тхе то, получая от него инструкции по управлению Крайним Севером. За это время он еще раз подтвердил репутацию «образованного» человека, демонстрируя свою любовь к книжности. Естественно, книги, из которых Тхань черпал свою эрудицию, были связаны с архаикой, в частности с эпохами правления «процветающих» династий. Некоторые из этих книг он дарил Тхе то [20, с. 66].

Официально должность генерал-губернатора (тонг чан) Бактхани была установлена в 9-м месяце 1802 г. перед отъездом Тхе то в Фусуан. Ее учреждение правитель объяснял следующим образом: «...земля Бакха лишь недавно освобождена и умиротворена, народ и вещи — все здесь (для нас. — А. Р.) новое, и город Тханглаунг — важнейшее место в Бакха, надо иметь здесь высокопоставленного чиновника для управления и охраны, только тогда все будет в порядке» [20, с. 80].

Как во время войны старшему из военачальников поручался наиболее сложный и важный участок фронта, так в мирное время Тхе то вручил Тханю (с учетом его вышеперечисленных характеристик) бразды правления над новым для Нгуенов Крайним Севером. Полномочия Нгуен Ван Тханя были огромны. В его подчинении находились 11 провинций (чан) Бактхани, из которых пять были населены долинными вьетнамцами-кинями (Верхний Шоннам, Нижний Шоннам, Шонтай, Бакнинь и Хайзыонг), а в остальных шести наряду с кинями жили представители других народностей, преимущественно горных (Лангшон, Тхайнгуен, Хынгхоа, Иенкуанг, Каобанг и Туиенкуанг).

Тхань имел право по своему усмотрению назначать и смещать чиновников (куан) и секретарей (лай), принимать окончательное решение в отношении всех судебных дел. Символом его высшей власти в Бактхани было разрешение ставить в известность правителя о принятых им решениях в кадровой и судебной сферах как об уже свершившихся фактах.

В непосредственном подчинении генерал-губернатора находились три созданных в том же, 9-м месяце 1802 г. центральных отдела (тао) — аналоги столичных ведомств. Были учреждены отделы финансов, юстиции и военный [20, с. 80]. Эти отделы создавались, исходя из самых насущных потребностей: налаживания системы налогообложения и установления «порядка» — ликвидации бандитизма, восстановления деятельности органов правосудия, подавления и предотвращения антиправительственных, антидинастийных выступлений и восстаний.

Центральные органы Бактхани формировались в присутствии и, по-видимому, при деятельном участии самого Тхе то. О том, что Нгуен Ван Тхань первоначально воспринял идею о концентрации всех усилий вверенной ему администрации исключительно в сферах деятельности трех отделов, свидетельствует следующее обстоятельство. Перед своим выездом из Тханглаунга правитель сказал Тханю: «Все дела в Бактхани поручаю тебе, ты должен постараться». На это Тхань ответил: «Военные дела, гражданские дела и финансовые дела в Бактхани — три очень важные вещи, их необходимо тщательно упорядочить» [20, с. 82]. Ни о проблеме комплектования гражданских кадров путем конкурсных экзаменов, ни о вопросах ритуала — излюбленных последствий предметах забот Тханя и его «традиционалистской» администрации — речи не было. Было решено, что Тхань будет вести ежедневные записи всех дел в трех указанных сферах и ежемесячно сообщать о них в докладах правителю [20, с. 82]. Очень важно, что Тхе то должен был постоянно оставаться в курсе всех важнейших событий, происходящих в Бактхани, непрерывно держать Тханя под своим контролем. Это давало ему возможность в случае необходимости своевременно вмешаться в управление краем, что впоследствии и было использовано.

Поскольку назначение глав отделов в Бактхани было осуществлено еще в присутствии самого Тхе то, то распределение управляющих было произведено так, чтобы, с одной стороны, достаточно крепкие позиции в управлении получили люди, способные найти общий язык со средним и нижним управленческим звеном, состоящим из старых чиновников эпохи Ле—Чинь и новых северных администраторов, т. е. «традиционалисты», а с другой стороны, чтобы эти «традиционалисты» не оказывали слишком большого влияния на решение таких важнейших для экономики Крайнего Севера дел, как, например, вопросы взимания налогов.

Военный отдел возглавил известный Данг Чан Тхыонг, уро-

женец Верхнего Шоннама, лауреат нескольких туров провинциального конкурса — «ученик предмета» (шинь до) эпохи Ле—Чинь, с 1793 г. служивший в войсках Нгуен Аня и сделавший неплохую карьеру, став в 1802 г. управляющим военным ведомством [19, с. 50], впоследствии активный «традиционалист» и сторонник возрождения традиций Ле—Чинь [19, с. 198; 20, с. 50, 80]. Отделом юстиции стал руководить Фам Ньи Данг, один из старейших зядиньских чиновников, вышедший из зядиньской Академии (Хан лам виен) и дослужившийся до управляющего ведомством кадров, впоследствии также «традиционалист» и единомышленник Нгуен Ван Тхяня [19, с. 80; 20, с. 51, 80]. Что же касается финансового отдела, то к его управлению консерваторы допущены не были: его возглавил старый зядинец Нгуен Ван Кхием (тезка известного полководца), начавший чиновничью карьеру также в зядиньской Академии и занявший пост управляющего ведомством финансов, чиновник неопределенной политической ориентации, но к «традиционалистам» прямо не примыкавший [19, с. 189; 20, с. 79]. То, что все три управляющих бактханьскими отделами имели одновременно и должности управляющих соответствующих столичных ведомств, означало, что эти отделы приближались по своему статусному положению к столичным ведомствам. Вмешательство центра в сферу их компетенции (особенно поначалу) было минимально.

Высшая провинциальная администрация Бактхани была создана раньше центральной, ибо этого требовала необходимость немедленного упорочения новой власти на местах. Еще до захвата Тханглаунга провинциями Нижний Шоннам и Верхний Шоннам было поручено в рабочем порядке управлять двум военачальникам — Нгуен Ван Чыонгу и Нгуен Динь Даку [20, с. 37]. После утверждения новой власти во всей Бактхани в 6-м месяце 1802 г. в провинциях Крайнего Севера были установлены должности губернаторов (чан тху), первых вице-губернаторов (хиеп чан) и вторых вице-губернаторов (тхам хиеп). Как и на Юге, в провинциальном управлении Бактхани действовал принцип первенства военных чиновников, ибо на должности губернаторов назначались военачальники и офицеры в должности тхонг те, тьонг ко и кай ко (в зависимости от степени «важности» провинций: во «внешние» провинции назначались чиновники более низких должностей, чем во «внутренние»). Из числа 11 губернаторов один, наиболее известный, губернатор Верхнего Шоннама Нгуен Динь Дак, был северянином (с конца 1787 г. он сражался в войсках Нгуен Аня), другой — тайшонном, перешедшим на сторону новой власти в 11-м месяце 1801 г., остальные почти полностью были зядиньцами. На должности первого и второго вице-губернатора назначались преимущественно чиновники с Юга, но были среди них и северяне [29, с. 77]. Набирались вице-губернаторы большей частью из числа столичных чиновников шести ведомств, Академии (Хан

лам), Государственной канцелярии (тхи тхы), гражданских чиновников в армии (тхам куан). В 6-м месяце 1802 г. на должности 22 вице-губернаторов шестеро пришли из Академии, один — из Государственной канцелярии, один — из состава гражданских чиновников в армии, двое были северянами [29, с. 77], остальные, по-видимому, представляли шесть ведомств и другие столичные учреждения [20, с. 27—28, 43—44]. Из числа северян лишь сражавшийся в 3—6-м месяцах 1802 г. с тайшонами на Крайнем Севере Нгуен Чаунг Тонг, тиен ши эпохи Ле [29, с. 62], был назначен вице-губернатором Киньбака, а верный Нгуенам Ле Зюи Тхан — вице-губернатором Лангшона [29, с. 76].

Итак, среди губернаторов провинций, назначенных в Бактхань сразу же после ее захвата в 1802 г., большинство, по-видимому, составляли военные зядиньцы, в то время как верных Тхе то чиновников-северян и бывших тайшонов было мало. Гражданских вице-губернаторов набирали преимущественно из столичных чиновников, среди которых преобладали люди из Академии, однако среди вице-губернаторов были и северяне. Это помогало сочетать деловитость и «практичность» руководства военных чиновников-зядиньцев с определенным уровнем компетентности в традиционной подготовке, которым обладали гражданские столичные чиновники и верные новой династии северные администраторы, без которого южанам было сложно найти контакт с низшей администрацией Бактхани. В то же время административное руководство военных из Зядини давало им возможность в случае необходимости лично распоряжаться военными силами провинции и зачастую путем применения оружия обеспечивало верховной власти необходимый уровень стабильности на еще недавно столь враждебном Крайнем Севере.

Хотя военные-южане и не знали местной специфики, но этот существенный недостаток должен был быть восполнен за счет администрации более низкого уровня. У правителя, по-видимому, возникали некоторые опасения относительно того, что управляющие провинциями чиновники-южане в поисках решения сложных послевоенных проблем станут прибегать к чрезмерному давлению на гражданское население, вплоть до прямых репрессий. Поэтому Тхе то сразу же после назначения губернаторов и вице-губернаторов в Бактханьские провинции определил задачи новой администрации следующим образом: «Распространять добродетель и нравственность, ласкать и успокаивать поредевшее и истощенное население, сделать так, чтобы весь наш народ спокойно занимался своим делом» [20, с. 44].

В конце 8-го месяца 1802 г. во всех провинциальных управлениях как «внутренних», так и «внешних» провинций Бактхани были учреждены два департамента (ти): левый и правый [20, с. 74]. Левый департамент занимался, как это было точно установлено впоследствии, кадрами, обрядами и финансами, правый

департамент — военными делами, юстицией и трудовыми работами [20, с. 366]. В каждом из департаментов был учрежден штат служащих и секретарей. При этом во «внутренних» провинциях служащих и секретарей было приблизительно в 2 раза больше, чем во внешних [20, с. 74]. Весь этот штат заполнялся не по результатам экзаменационных конкурсов, а минуя их. Еще более «местным» был аналогичный штат государственных органов более низких административных уровней.

В середине 9-го месяца 1802 г. во все долинные провинции Бактхани были назначены провинциальные чиновники просвещения (док хаук), в функции которых входило определение людей, способных участвовать в экзаменационных конкурсах, их соответствующая подготовка и проверка. Все вновь назначенные были лауреатами (тиен ши) столичного конкурса высшего уровня в эпоху правления Ле [20, с. 49]. Док хауки по совместительству распространяли свои функции и на примыкающие к долинным горные провинции [20, с. 78]. Специальный чиновник просвещения (тоже док хаук) стал вести абитуриентами в центральном округе (фу) Фунгтхиен (впоследствии Хоайдык), где был расположен Тханглаунг [20, с. 78]. Так было положено начало подготовке новых кадров северного чиновничества. Одновременно усиливалась идеология «традиционализма».

Одновременно шло восстановление дополнительного уровня государственного управления — окружных (фу) управ. При Тайшонах окружных (фу) управ не было, ниже провинциального уровня управления существовали только уезды (хюен), которыми командовали гражданский чиновник (фан тьен) и его военный коллега (фан шуат). Теперь же в пяти внутренних чанах была установлена, во-первых, должность управляющего округом (куан фу), на которую назначались военные чиновники кай ко, и, во-вторых, должность начальника округа (чи фу), заполняемая гражданскими чиновниками из армии (тхам куан). И те и другие чиновники были южанами либо северянами [29, с. 77—78], в особенности теми, которые служили Нгуен Аню во время войны с тайшонами и пришли на Север вместе с его войсками. На должности чи фу могли также назначаться старые лауреаты провинциальных конкурсов (хыонг конг), возможно, даже некоторые «ученики» эпохи Ле, которые в начале 7-го месяца подали доклады «с предложениями в запечатанных конвертах» [20, с. 49], решив оказать поддержку новой власти. Администрация округа по совместительству управляла также и тем уездом, в котором находилась [20, с. 64]. Кроме того, интеллигенты и простолюдины, выступавшие перед Тхе то с дельными предложениями, получали соответствующие дипломы на должности и назначались «временными чи фу» [29, с. 78].

В центре Бактхани, там, где находился Тханглаунг, был учрежден округ центрального подчинения — фу Фунгтхиен (впоследствии фу Хоайдык). Этим центральным, почти «столичным»

округом управляли два чиновника, военный и гражданский, имеющие в своем подчинении еще два уезда. Главным управляющим был, как обычно, военный чиновник — ан фу ши. Гражданский чиновник — туиен фу ши — находился в подчинении у военного [20, с. 64]. Выделение специального центрального округа в Бактхани и его высокий административный статус свидетельствовали о сохранении роли Тханглаунга как столицы Крайнего Севера, о его большой политической, экономической и культурной роли не только в Бактхани, но и во всей стране.

Окружное управление в долинных провинциях, состоящее преимущественно из южан, так или иначе связанных ранее с армией (вне зависимости от того, были они военными или гражданскими чиновниками), первоначально отличалось от провинциальной управы лишь рангом чиновников и сферой их полномочий. По существу, именно окружное управление было последним надежным эшелонном власти южан в государственной управленческой структуре лобещенного Крайнего Севера.

Ниже этого уровня располагалось уездное управление (хюен), которое официально возглавлялось государственными чиновниками — начальниками уездов (чи хюен), комплектовавшимися в основном из северян: лауреатов провинциальных конкурсов (хюнг конг) эпохи Ле [21, с. 126] и уже упомянутых «учеников», подавших доклады «с предложениями в запечатанных конвертах» [20, с. 49], а также интеллигентов и простолюдинов, подавших дельные советы и назначенных «временными чи хюенами» [29, с. 78].

Однако, несмотря на официальное командное положение чи хюенов, представителей государственной власти в управлении уездами, практически сфера их непосредственных функций была довольно ограниченной.

Чи хюены занимались официальной документацией и разбором судебных дел в уездах. В тех же уездах существовали и другие лица, самостоятельно и без разрешения властей захватывающие уездные и иные должности. Это были представители состоятельных слоев, помещики, использующие возможности внеэкономического принуждения, получаемые вследствие обладания данными должностями для эксплуатации в свою пользу находящегося в сфере их юрисдикций населения. Такая эксплуатация расценивалась властями как незаконная, и должности «тхонг хюен» (букв. проникающие в уезд) квалифицировались государственными органами как «частные» [20, с. 142].

Иногда даже частные лица присваивали себе должности не в рамках установленных государством административных районов, а в неопределенных границах «местностей» (сы) и назывались при этом тхонг сы (проникающие в местность) [20, с. 142]. По сообщению феодальных историков, как тхонг хюен, так и тхонг сы являлись кыонг хао, т. е. помещиками [20, с. 142].

Сами чи хюены (начальники уездов) были совершенно бессильны устранить тхонг сы и тхонг хюенов. Впрочем, в этот

период чи хюены на Севере и не пытались отстаивать свое законное право командовать и распоряжаться в уездах. Их скорее волновали другие проблемы: северный патриотизм и борьба с южанами, занявшими высшие иерархические уровни в провинциальной административной структуре Бактхани. Чи хюены стремились не укрепить свою власть в уездах, а «выбиться» в чи фу и потеснить южан в окружной администрации, куда северянам было довольно трудно проникнуть.

У не прошедших же конкурсные экзамены тхонг хюенов и тхонг сы перспектив дальнейшего официального продвижения по служебной лестнице не было, и они сосредоточивали все силы на том, чтобы оставаться реальными хозяевами в уездах.

В конце 8-го месяца 1802 г. в округах (фу) и уездах (хюен) внутренних провинций был установлен штат секретарей. В округах было определено по 2 де лая и 10 тхонг лаев на управу, а в уездах соответственно по 2 де лая и 8 тхонг лаев. Кроме того, к каждой окружной (фу) и уездной (хюен) управе были приписаны солдаты (50 линь ле), которые выполняли функции обслуживания управ и работающих в них чиновников, являясь в то же время «официальными зависимыми» последних [20, с. 197—198].

По-видимому, в секретари в Бактхани, как и по всей стране, набирались люди состоятельные, о чем свидетельствует доклад Нгуен Ван Тханя [21, с. 95]. И хотя основная идея его предложения состояла в том, чтобы наряду с «внесписочными», из которых рекрутировались секретари южнее Нгеана, привлекать к исполнению «секретарских» функций и «списочных», ясно, что высокий имущественный показатель даже в глазах «традиционалистов» был залогом надежности низшего служилого персонала.

Таким образом, в уездной администрации довольно широко были представлены социально привилегированные слои вьетнамской общинной верхушки, являвшиеся в значительной степени выразителями интересов помещиков. Играя ведущую роль в сборе налогов, распоряжении «излишками» этих налогов после сдачи государству установленных сумм, в раскладке повинностей и распределении солдатского жалованья во всем уезде, представители имущих, помещичьих слоев получали возможность дополнительно эксплуатировать основную массу крестьянства. Государственные чиновники (чи хюены) не допускались помещиками в сферу экономики, а от секретарей власти могли ожидать толк только в том случае, если те были людьми состоятельными.

В волостное управление (тонг) государственные власти не допускались совершенно. Они не могли назначать в волость своего чиновника, а лишь официально признавали либо отказывались признать волостного старосту (кай тонг) и его заместителя (фо тонг), которых совместно выбирали все старосты общин (са чыонги), принадлежащих данной волости.

В общине (са) административные обязанности старост выполняли ставленники помещицкой верхушки, несущие перед властями всю ответственность за «грехи» своих «патронов», которые присваивали часть налоговых сборов с односельчан и использовали внеэкономическое принуждение для эксплуатации земляков.

В тхуоке, который на Севере являлся в значительной мере административной единицей в горных районах, действовало местное самоуправление. В горных районах на должности кай тхуоков назначались местные князья [21, с. 255].

Этими иерархическими уровнями и должностными лицами исчерпывалась административная структура Бактхани как на государственном уровне, так и на уровне местного самоуправления.

Таким образом, по сравнению с предшествующим «тайшонским» периодом новая государственная власть в 1802 г. стала прочнее контролировать провинциальную управленческую структуру Бактхани. Выразилось это прежде всего в учреждении еще одного иерархического уровня администрации, а именно уровня округов (фу). Однако само по себе это ни в коей мере не означало усиления давления на местное помещицкое самоуправление. Во «внутренних» провинциях Бактхани это диктовалось необходимостью укрепления на местах власти южан на побежденном Крайнем Севере (вспомним, что оба управляющих чиновника в фу, военный и гражданский, были в основном южанами, причем военный имел в своем распоряжении войска для подавления вооруженных выступлений).

Во «внешних» же провинциях (Иенкуанге, Тхайнгуене, Хынгхоа, Туиенкуанге, Лангшоне и Каобанге) вся администрация — начальники округов, начальники долинных уездов (хюен), начальники горных уездов (тяу) — комплектовалась из местных жителей [20, с. 64]. При этом в горных округах (тяу) чиновничьи посты нередко получала племенная верхушка. Здесь проблема борьбы с помещицким самоуправлением еще не вставала, так как еще не был силен помещик. Введение же округов необходимо было для того, чтобы сконцентрированная в них военная сила смогла быстро подавить выступления горцев, которые вскоре стали вспыхивать во «внешних» провинциях Бактхани.

Нгеан, Внутреннее и Внешнее Тханьхоа были отделены от Бактхани, и власть Нгуен Ван Тханя на них не распространялась. Тхе то рассматривал Нгеан и Тханьхоа как более «близкие» к Дангчаунгу территории. Нгеан был близок территориально, а провинция Тханьхоа была «родиной» Нгуенов. Из потомков жителей Тханьхоа набиралось дангчаунгское войско, а дангнгоайская армия состояла из «силачей» Тхань-Нге. Таким образом, в войсках обоих государств в XVII в. иногда сражались близкие родственники.

Эти провинции были больше, чем долинные в дельте Крас-

ной реки, и важнее с политической точки зрения. В связи с этим в Нгеан и Тханьхоа были назначены более влиятельные чиновники, чем те, которые занимали губернаторские посты во «внутренних» провинциях Бактхани.

В Нгеане Данг Чан Тхыонга в 7-м месяце 1802 г. сменил один из наиболее заслуженных военачальников, Хоанг Виет Тонан, который официально был назначен губернатором. Первым вице-губернатором тогда же стал «специалист» из ведомства финансов [20, с. 47].

Во Внутреннем Тханьхоа губернатором с 6-го месяца 1802 г. был сподвижник Нгуен Ван Тханя — Нгуен Дык Суиен, получивший титул куан конга; тогда же первым вице-губернатором провинции стал чиновник военного ведомства, а вторым вице-губернатором — чиновник ведомства кадров [20, с. 37]. Внутреннему Тханьхоа придавалось огромное значение не только в связи с его размерами и культурными традициями. Там обитал род Ле и жили их сторонники, там 32 года находилась база Ле Сюи Мата, сражавшегося против Чиней за восстановление реальной власти Ле. В связи с этим вместо обычного управления во Внутреннем Тханьхоа в 7-м месяце 1802 г. было создано «усиленное военное» губернаторство [20, с. 51].

Вместо отозванного в Тханглаунг Нгуен Дык Суиена были назначены не один, а два высших военных чиновника. При этом первым губернатором (док чан) стал родственник правителя Тон тхат Тьонг, а вторым (фо док) — его коллега по армии. Первый вице-губернатор был заменен зядиньским чиновником из Военного ведомства, второй вице-губернатор был переведен из Куангнама [20, с. 51]. Вскоре провинцию стали «приводить к общему знаменателю»: из трех Ван миеу — конфуцианских храмов (в трех округах) в 7-м месяце было приказано два упразднить, оставив лишь один в провинциальном центре [20, с. 62]. Впрочем, в Нгеане через два года оставили лишь один Ван миеу из прежних четырех [20, с. 216—217].

В 9-м месяце 1802 г. было решено поручить «усиленной» администрации Внутреннего Тханьхоа управление по совместительству Внешним Тханьхоа. Местным губернаторам во Внешнем Тханьхоа было поручено лишь взимание налогов, а все остальные «важные» военные, гражданские и судебные дела были переданы в сферу компетенции высших военных чиновников соседней провинции [20, с. 128].

Административная структура Нгеана, Внутреннего Тханьхоа и Внешнего Тханьхоа, начиная с провинциального уровня и вплоть до уровня общины в долинных районах этих провинций, была такой же, как во «внутренних» провинциях Бактхани, а в горных районах — как во «внешних» провинциях Бактхани.

Количество служащих и секретарей в обоих департаментах (ти) провинциальных управ долинных районов Нгеана, Внутреннего и Внешнего Тханьхоа тоже было таким же, как и во

«внутренних» провинциях Бактхани [20, с. 74]. Так же как и во внутренних провинциях Бактхани, во всех долинных округах (фу) этих провинций на должность куан фу назначались военные чиновники кай ко, а на должность чи фу — гражданские советники в армии (тхам куаны); лишь в горных округах управляющими были местные жители [20, с. 64]. Количество служащих и секретарей в округах трех провинций повсеместно было таким же, как и в долинных провинциях Бактхани [20, с. 64]. На должности чи хуенов в трех провинциях лишь в долинных уездах назначались лауреаты и «ученики» эпохи Ле, а в горных уездах управляли местные жители. Количество секретарей в уездных управах и должностных лиц в волостях везде было таким же, как в Бактхани [20, с. 74].

Таким образом, во второй половине 1802 г. в присутствии правителя Фусуана на всем захваченном южанами Севере была сверху донизу установлена новая администрация. Основными принципами комплектования этой администрации было, во-первых, назначение «традиционалистов» в центральное управление областью; во-вторых, определение на высшие провинциальные должности преимущественно южан с доминированием военных чиновников над гражданскими; в-третьих, ведущая роль военных и южан в управлении округом при определенном допуске к администрированию гражданских служащих из числа северян (чиновников и лауреатов эпохи Ле); в-четвертых, формальное признание власти чиновников-северян (а также лауреатов и «учеников» эпохи Ле) в уезде при фактическом сосредоточении решения всех экономических вопросов в сфере компетенции представителей местной общинно-волостной верхушки, связанной с помещиками; в-пятых, практически ничем не ограниченное самоуправление социально привилегированных слоев деревни в волости и общине.

Вторым по важности мероприятием, которое Тхе то считал необходимым осуществить в Бактхани под своим личным контролем, являлось налаживание системы комплектования армии местными людскими ресурсами. В связи с этим в 8-м месяце 1802 г. были установлены правила набора на службу из общины по старым тайшонским нормам: один солдат от семи тягловых. Немедленно в пять внутренних провинций Бактхани и Внешнее Тханьхоа отправились высшие военные чиновники, среди которых были Нгуен Ван Чыонг, Ле Ван Зюет, Ле Тят, которые отобрали рекрутов по «тайшонским» спискам постоянного подушного обложения 1794 г. Новобранцы зачислялись в пять армий: Среднюю, Переднюю, Левую, Правую и Заднюю, а также в морской зинь Фанзык и зинь боевых слонов [20, с. 69—70]. Каждая из пяти армий состояла из 10 ко, зинь Фанзык — из 4 ко, а зинь боевых слонов — из 5 ко. Всего на Севере из солдат долинных провинций и Внешнего Тханьхоа формировалось 59 ко. Во «внешних» провинциях Бактхани норма набора солдат была снижена до 1 рекрута от 10 тягловых. И хотя

здесь призывники несли службу только у себя дома под началом местных чиновников, родовых вождей и князей [20, с. 70], однако и эта, очень облегченная повинность вызывала у горцев «сомнение и страх» [20, с. 84]. О том, сколь малоэффективны были войска «внешних» провинций, свидетельствует хотя бы их полная неспособность подавить начавшиеся вскоре восстания, которыми через некоторое время буквально запылали горные районы.

Из Нгеана и Тханьхоа солдат брали на обычных основаниях, соответствующих нормам «внутренних» провинций Бактхани: одного от семи тягловых. Из этих воинственных рекрутов была организована армия Тхан шать [20, с. 74]. Привилегированное положение «силачей» в иерархии воинских частей, которой в определенной мере соответствовала феодальная земельная иерархия и степень освобождения от государственно-феодального тягла, было утеряно их потомками и перешло к солдатам старых нгуеновских земель, прежде всего Тхуанхоа.

Служба во «внутренних» провинциях Бактхани, Нгеана, Внутреннего и Внешнего Тханьхоа не была постоянной: солдаты собирались на несколько месяцев для военной тренировки либо похода в другие районы, а затем распускались по домам.

Новый контингент существенно пополнил воинские силы Тхе то, особенно рядовой состав в Пяти армиях и армии Тхан шать, комплектовавшийся ранее почти исключительно из южан, преимущественно зядинцев. После первого же набора большая часть зядинцев могла быть распущена по домам и получить обещанное длительное освобождение от службы. В составе войск Севера из южан оставались лишь добровольцы: военачальники и офицеры, получающие хорошее жалованье, а также ветераны, не мыслившие своего существования без лагерной жизни.

Северяне же всеми силами старались избежать военной повинности. Богачи и помещики, используя связи и прямое участие в общинных и волостных органах власти, старались послать на службу вместо себя, своих детей и родственников проживающих в общине бедняков и чужаков, которые большей частью были их батраками и кабальными арендаторами. Если же богачам все-таки не удавалось отделаться от воинской повинности и в армию забирали кого-нибудь из их детей, то они сразу же начинали искать им замену и почти всегда находили человека, согласного на несколько лет (от 3 до 6) продать свои услуги «по контракту» местным «плутократам». Все это создавало немалые трудности и сложности в плане создания регулярной и обученной военному мастерству армии Севера. Ведь беднякам, особенно если они были чужаками, нечего было терять на месте своего прежнего жительства, и они часто бежали от мобилизации в другие общины, куда затем перебирались и их семьи. В результате бегство из армии на Севере почти сразу же приняло столь угрожающие размеры, что власти вы-

нуждены были принять строгие меры. Нередко бегство вызывалось вымогательством денег у рекрутов и частной эксплуатацией солдат со стороны армейского офицерства, ибо офицеры-южане привыкли рассматривать свои части как феодальные дружины, где все или почти все солдаты были их зависимыми.

Кроме того, служба по контракту была неприемлема для государственных властей, ибо непрерывно меняющийся воинский контингент не мог стать вышколенной и послушной воле начальства армией и в результате не был способен воспринять те боевые навыки, которые были необходимы для профессиональных солдат.

Немаловажным был также и социальный аспект этой проблемы. Практика службы «по контракту» приводила к тому, что воинская подготовка становилась, с одной стороны, массовой, а с другой — охватывала массы бедняков. Ни того, ни другого власти совсем не хотели. Напротив, они стремились к созданию в армии постоянного контингента профессионального войска, рекрутирующегося из богачей, имущих слоев города и деревни, помещиков. Ибо только такому войску могло феодальное правительство доверить защиту своих интересов в случае массового крестьянского восстания. Именно во время такого восстания масса обученного военному делу народа, беднейших слоев города и деревни, таила страшную угрозу самому существованию государственной власти.

Поэтому учрежденные в Бактхани правила набора рекрутов из общин прежде всего предусматривали запрет призыва на военную службу одних лишь чужаков, одиноких и бедняков. Напротив, власти обязывали общинную администрацию поставлять солдат из «многоотягловых и богатых домов», что способствовало сохранению крестьянских хозяйств, препятствовало их разорению.

Кроме того, строго запрещалась практика службы «по контракту». Лишь по достижении 50-летнего возраста, в случае тяжелой болезни, смерти и бегства солдата можно было через управляющих чиновников подавать в государственный аппарат просьбу о замене. Только община имела право предоставить такую замену, должным образом подобрав надлежащего кандидата, очевидно, из состоятельной семьи. Если общинные власти сами договаривались с военными чиновниками, минуя государственные органы, то все замешанные в сговоре лица, включая и солдат, наказывались [20, с. 71]. Военные чиновники также не имели права лично искать замену в силу тех или иных причин выбывшим из строя солдатам, по своему усмотрению принуждая к службе или освобождая от нее за взятки жителей общины [20, с. 73].

В случае бегства солдат мобилизации подлежали родственники беглеца, начиная с самых близких и кончая дальними. Только в случае отсутствия у убежавшего родственников можно было призывать на службу посторонних лиц из данной об-

щины. О стремлении правительства пресечь дезертирство в Бактхани свидетельствуют чрезвычайно суровые меры наказания за это «преступление», напоминающие законы военного времени: за первое бегство наказывали 90 розгами и отправляли служить «в повара», за повторное — немедленно рубили голову. Если беглые скрывались у себя дома, то в случае доноса наказывались как беглецы, так и общинные старосты. Доносчики награждались следующим образом: если сами они были солдатами, то пожизненно освобождались от военной службы, трудовой повинности и им тут же выставлялась замена, если же не служили, то получали 50 куанов с ответственной за укрывательство деревенской администрации ли зитей.

При проведении военного учета все уже зачисленные в армию северяне, кроме офицеров и унтер-офицеров, должны были вернуться в свои общины, которые поставляли строго определенное количество рекрутов.

Община обязана была обеспечивать рекрутов деньгами на пропитание и одеждой. Однако «жалованье», полагающееся солдатам, было чрезвычайно скудным: ежемесячно община выделяла на кормление солдат один куан денег, ежегодно выдавала кусок материи, два простых платья и двое штанов [20, с. 72].

Если община не выполняла своих обязательств, то солдат имел право подавать жалобу по инстанции. Эта жалоба «двигалась» по гражданским каналам, срок прохождения, разбора и ответной реакции по которым был таков, что в случае недобросовестности общины по отношению к своим рекрутам последние умирали от голода и болезней. Офицеры же, которые могли быстрее договориться с общиной, не имели права самостоятельно требовать от нее средств на прокорм солдат, ибо это легко выливалось в злоупотребления и вымогательства сверх положенного, за что предусматривались суровые наказания. Наказывались офицеры и за вымогательство непосредственно у солдат, а также за использование их труда в личных целях [20, с. 73].

Для поддержания дисциплины солдатам не разрешалось выходить за ворота военных лагерей. В случае передислокации на новом месте должны были срочно строиться казармы, ибо жить в домах местных жителей строго запрещалось [20, с. 73].

Факты, зафиксированные в официальных и частных хрониках, свидетельствуют о том, что эти суровые и строгие предписания большей частью нарушались: бегство из армии усиливалось, офицеры занимались вымогательством и рассматривали солдат как своих зависимых, в общинах частные лица, давая взятки старостам, скрывали беглых солдат, а сама деревенская администрация не выполняла своих обязанностей по поставке рекрутов. Феодалная военная повинность лежала тяжелым бременем на плечах северных крестьян, и они всячески уклонялись от ее выполнения.

Набранное в долинных провинциях Бактхани и в Тхань—

Нге войско должно было постепенно заменить в этом районе армию Зядини, одержавшую победу над тайшонами. Однако это была армия совершенно иного рода. Если в Зядини значительная часть солдат состояла из лично-зависимых от помещика крестьян, ведомых в бой своим хозяином, то на Севере большая доля армии комплектовалась из общинного крестьянства, поставленного в известной мере под начало совершенно чуждого ему офицерства из числа южан. Если в зядиньской армии в период ее сражений с войсками Тайшонов господствовала четкая идеологическая ориентация на борьбу за порядки Юга против вмешательства чуждой социальной и политической силы, то крестьяне-общинники на Севере воспринимали военную службу как тяжелую и обременительную государственную повинность, отрывающую их от земли, домашних ремесел и промыслов. Армия стала постепенно разлагаться, поначалу сдерживаемая боевыми офицерами-южанами. Когда же им на смену пришло новое «мирное» поколение военачальников-северян, в войсках Бакха начали отчетливо ощущаться кризисные явления. Наступлению кризиса в Бакхани в экономической и общественной сферах в 1803—1806 гг., т. е. в то время, когда вставшие здесь у власти «традиционалисты» начали реализацию консервативной программы, поначалу довольно сильно препятствовал импульс «реализма», заданный Тхе то в период его личного участия здесь в выработке и осуществлении социальной политики.

За короткое время присутствия правителя на Севере в 1802 г. были проведены очень важные мероприятия в аграрной, горнорудной и торгово-таможенной сферах.

Чрезвычайно существенным явилось возвращение общинам и частным владельцам тех земель, налог с которых в эпоху Ле—Чинь передавался в качестве жалования гражданским, военным и отставным чиновникам и которые при тайшонах были превращены в «специально предоставляемые» земли (по-видимому, их получатели пользовались не правом сбора ренты налога, а являлись владельцами непосредственно самих земель, на которых имели возможность организовывать собственные хозяйства при помощи зависимых или взимать плату с арендаторов). Казной конфисковывались лишь частные поля тайшонских чиновников и те земли, которые принадлежали непосредственно государству в эпоху Ле—Чинь [20, с. 93]. Было подтверждено приблизительно в три раза пониженное обложение частных земель по сравнению с общинными, что свидетельствовало о признании права помещиков присваивать с первых земельную ренту. Кроме того, новые власти снизили на одну пятую часть по сравнению с тайшонским периодом налоговые ставки с лучшей категории общинных полей (120 батов вместо 150 батов с 1 мау), распределенных, как правило, деревенской верхушке, в то время как обложение средней и наиболее массовой категории земель, передаваемых простым крестьянам, несколько повысили (84 бата вместо 80 батов с 1 мау) [20, с. 111]. Это сви-

детельствует о наделении хао муков довольно значительными льготами, причем прямо в ущерб рядовым общинникам. Таким образом, в аграрной сфере в 1802 г. был заложен курс на поощрение и предоставление материальных преимуществ социально и имущественно привилегированным слоям деревни Севера.

Аналогичные действия властей предпринимались в этот период и в неземледельческих сферах экономики. В 9-м месяце 1802 г. в Бактхани в законодательном порядке была отменена за два месяца до того введенная практика взимания налогов государственными чиновниками по старым ставкам с торговых таможен, горных рудников и иных месторождений [20, с. 62]. Вместо этого новая администрация учредила организацию устраиваемых финансовым и военным ведомствами ежегодных торгов, на которых предприниматели в конкурентной борьбе соревновались за право аренды перечисленных выше объектов таможенной и производственной эксплуатации. Победители, т. е. те предприниматели, которые обещали внести в казну наибольшую сумму денег, получали скрепленный печатью патент на аренду и должны были в течение года покрывать свои платежные обязательства [20, с. 80]. Значимость этого законодательного акта трудно переоценить. Устранение «экономических» чиновников из торгово-таможенной и такой важной производственной сферы, как разработка месторождений, передача их в эксплуатацию частным предпринимателям, не только способствовали значительному увеличению индивидуальных доходов и состояний, важнейшему условию первоначального накопления, но и содействовали росту добычи ценных и полезных металлов и другого важнейшего сырья, столь необходимого вьетнамской экономике, а также создавали условия для производства с целью извлечения прибыли и свободного найма рабочей силы, развития предкапиталистических и капиталистических элементов в феодальной экономике.

Следует особо подчеркнуть, что впоследствии именно в несельскохозяйственной сфере, в организации торгово-таможенной деятельности и горнорудной добычи, а не в аграрной области продолжал сохраняться в Бактхани курс на «реализм», взятый Тхе то в 1802 г. Так, в том же месяце, когда правитель покинул Север и отбыл в столицу, администрация Нгуен Ван Тхяня, не пытаясь заменить откупщиков государственными чиновниками, в целях предотвращения грабежа купчества бесконтрольными поборами установила на таможенных фиксированный налог, равный $\frac{1}{40}$ стоимости товара [20, с. 84]. Впоследствии ни порядок организации торгово-таможенной деятельности, ни фиксированная ставка торгового налога не подлежали пересмотру, и борьба велась лишь за соблюдение честности откупщиками, т. е. за взимание налогов строго по норме. После неудачной попытки в том же, 10-м месяце 1802 г. наладить разработку золотых, серебряных, медных и цинковых рудников в Туиенкуанге и Хынгхоа с помощью горских князей, которым

было поручено набрать на работу местное население, по сообщению феодальных историков, «во множестве бежавшее» [20, с. 84—85], в 1-м месяце 1803 г. власти сдали за небольшую плату (80 лангов серебра) серебряные рудники в Туиенкуанге в аренду двум китайским предпринимателям [20, с. 105].

В 10-м месяце 1803 г., в период пребывания Тхе то в Бактхани, в Тханглаунге был восстановлен Монетный двор. Назначенные властями государственные чиновники контролировали лишь качество изготавливаемых из меди денег: фабрикация «тонких и легких» монет, а также добавление примесей строго запрещались и наказывались. Кроме того, не разрешалась работа на литейнях, расположенных вне пределов Монетного двора, ибо при нарушении этого условия власти не могли следить за соблюдением стандартов выпускаемой монеты. Не позволялась также покупка меди ремесленниками у горнозаводчиков или купцов, которые обязаны были продавать весь металл непосредственно государству [20, с. 147].

Несмотря на это, организация производства монеты, даже обусловленная подобными ограничениями, сохраняла характер частнопредпринимательской деятельности. Ремесленники имели возможность покупать металл на свои собственные средства либо на средства заказчиков, все выпускаемые деньги являлись их собственностью или делились пропорционально вложенному в «дело» капиталу, литейни, устанавливаемые на Монетном дворе, облагались лишь небольшим налогом в 1 куан [20, с. 147].

Государственная монополия на продажу меди ремесленникам постоянно нарушалась. При этом выгоду получали те богатые ремесленники и предприниматели, которые обладали достаточными средствами для покупки металла в больших количествах, ибо крупные партии меди продавались по более низким ценам. Мелкие же ремесленники вынуждены были покупать свой «материал» в очень ограниченных размерах и по значительно более высокой стоимости [21, с. 116]. В связи с этим они разорялись, о чем свидетельствует появление неимущих ремесленников. Часть из разорившихся литейщиков казна привлекала к работе в качестве государственных ремесленников, выдавала им средства для покупки меди и забирала всю произведенную продукцию кроме 2% монет, предоставляемых в качестве жалованья [20, с. 147—148]. Однако казенное производство не поглощало всех разоряющихся изготовителей монеты, значительная доля которых переходила работать по найму к своим более богатым и удачливым коллегам. Расслоение основной массы и разорение части ремесленников наряду с некоторым усилением казенного ремесла приводило также и к концентрации частного производства в монетном деле, которому власти не чинили препятствий законодательными мерами. В связи с этим частично использующая наемный труд ремесленная верхушка, специализирующаяся на поставках меди купечество и

горнозаводчики получили в 1803 г. большие возможности для обогащения и накопления капиталов.

Импульс «реализма», заданный Тхе то в 1802—1803 г., продолжал действовать в Бактхани не только в сфере производства монеты, где существенные изменения произошли лишь в 1811 г.; но и в других несельскохозяйственных отраслях. «Традиционалистская» же программа начала реализовываться на Севере преимущественно в той сфере, которую консерваторы считали главной, т. е. в сфере земледелия.

Уже в конце 1802 г. был издан указ о запрете жителям общин (са зан) взимать помимо основных налогов дополнительную плату за сдаваемую «на сторону» в аренду землю [20, с. 84]. Антипомещичья направленность указа совершенно очевидна: при неукоснительном его исполнении наличие в общине земель, которые не могли быть обработанными трудом крестьян данной общины, теряло всякий смысл, что существенно ограничивало помещичью эксплуатацию. В 11-м месяце 1802 г. бактханские чиновники приступили к поискам укрываемой от налогообложения земли [20, с. 94].

В 4-м месяце 1803 г. «традиционалисты» покусились на укоренившееся право местной администрации грабить и обирать крестьянские низы во время сбора налогов, а затем в частном порядке ссужать под большие проценты и даже продавать государственной рис, лежащий на складах [20, с. 125].

Но это было еще только началом наступления на помещика, ибо в принципе все эти меры, предпринимаемые властями Севера, почти не выходили за рамки обычной «борьбы со злоупотреблениями». Качественно новым этапом в наступлении «традиционалистов» на помещика был поданный в 3-м месяце 1803 г. группой бактханских чиновников доклад, в котором предлагалось, в соответствии с правилами предшествующих веков, обеспечить чиновничество земельным жалованьем в виде рисового государственного налога с определенной площади полей. А так как собирать этот налог можно было лишь с общинных земель, то «традиционалисты» просили передать 70% частных полей во владение общин [20, с. 121]. Таким образом, для удобства наделения куанов все большим земельным жалованьем экономикой следовало вернуть на много лет назад.

Второе предложение «традиционалистов» предусматривало обращение в казенных рабов (куан но) или зависимых солдат (тхуок бинь) всех свободных, укрывающихся от внесения в списки тягловых (динь лау) [20, с. 121]. Это должно было не просто уменьшить эксплуатацию помещиками их неофициальных зависимых и работников-чужаков на величину подушного налога, но и лишить частных землевладельцев рабочей силы в случае разоблачения «укрывающихся», так как последние переходили в казну.

Наконец, третье предложение сводилось к тому, чтобы обязать всех чиновников высших и средних рангов, начиная с пер-

вого ранга и вплоть до чиновников «просвещения» (док хаук), выдвигать определенное количество добродетельных и талантливых людей на официальные должности в государственном аппарате. При этом чиновники первого ранга должны были предложить кандидатуры пяти человек, второго ранга — четырех человек, третьего ранга — трех человек и т. д. В связи с тем что высшая администрация должна была иметь право выдвигать наибольшее количество «талантов» в чиновники, то при наличии «традиционалистов» на верхних постах предлагаемая система превращала бактханский аппарат в оплот «традиционализма» в стране. В случае появления «недостойных» претендентов на чиновничьи посты, тех лиц, которые их рекомендовали на должность, предлагалось штрафовать [20, с. 121].

Предлагаемая в 1803 г. программа была полностью направлена на восстановление чиновничьего аппарата в Бактхани вплоть до самых низших уровней управления. Отношение «традиционалистов» к административной структуре и кадровому аппарату выразилось в стремлении заполнить все звенья государственных органов официальными «дипломированными» чиновниками, а подход к местному самоуправлению характеризовался желанием свести его к минимуму и поставить под жесткий казенный контроль. Это неминуемо должно было привести «традиционалистов» к конфликту с местным общинным, волостным, частично — уездным и окружным самоуправлением, представляющим интересы помещиков. Ярko выраженный консервативный социальный аспект этой программы подкреплялся еще более реакционным экономическим обоснованием — воссозданием общинного землевладения, являвшегося базой феодального чиновничества.

Отрицательное отношение Тхе то к первому пункту предполагаемых реформ было, пожалуй, самым резким за всю историю обсуждения аграрных отношений при дворе. В итоге реакционные идеи, предусматривающие восстановление условных земельных пожалований чиновничеству и передачу 70% частных земель в общинный фонд, были категорически отвергнуты всем правительством, единства мнений которого по этому вопросу явно добивался Тхе то, передав доклад на обсуждение «двора». Проект «традиционалистов» о восстановлении условного феодально-чиновничьего землевладения вызвал обратные правительственные меры. В 11-м месяце 1803 г. Тхе то перевел всех бактханских чиновников на денежное и натуральное жалование [20, с. 151—156], превратив их в сословие платных служащих. В итоге был сделан решительный шаг к отделению феодального землевладения от государственной службы. Материальной предпосылкой для этого являлось не только получение натуральной ренты — налога с общинных земель и натурального налога — с частных, но и возможность рынка снабдить чиновников рисом за деньги. Разорение помещика в угоду феодальному чиновничеству было признано правительством Тхе то

исторически бесперспективным, что и подтвердил опыт развития Вьетнама 30-х годов XIX в.

Предложение о регистрации в списках тягловых «укрывающихся» от налогообложения было одобрено как мера для увеличения налоговых поступлений, однако о превращении «укрываемых» в государственных рабов или «зависимых солдат» и речи не было: на данном этапе, по указу от 5-го месяца 1804 г. их вообще никак не карали, лишь внося в реестровые списки [20, с. 127]. Наиболее тяжкая кара предназначалась общинным и деревенским старостам, которых за максимальное количество «укрываемых» казнили [20, с. 127]. Однако старосты, как известно, чаще всего были послушными исполнителями воли помещичьей верхушки. Сами же помещики, неофициальными зависимыми которых в наибольшей степени и являлись «укрываемые», вообще не подвергались никакому наказанию.

Обязательное ежегодное выдвижение высшими государственными сановниками различных рангов определенного количества «достойных» кандидатов на должности в аппарате, которое предлагали ввести бактханьские власти, установлено не было, ибо Тхе то не хотел создавать большие группировки, связанные личной «вассальной» преданностью с высшим чиновничеством. В принципе же фусуанские власти активно поощряли выдвижение нечиновных кадров, так как никакой системы пополнения состава аппарата в условиях отсутствия экзаменационных конкурсов восточноазиатское феодальное государство того времени не знало, а назначение в администрацию «снизу» и без экзаменов (но не в таком корпоративном виде) было удобно прежде всего военным и южанам.

В 1803 г. «традиционалистская» администрация предприняла важнейшую военную и социально-политическую акцию, которая выразилась в том, что Нгуен Ван Тхань во главе армии совершил «объезд» провинций края. Относительно времени и обстоятельств этой поездки в источниках существуют разные сведения.

Официальная хроника Нгуенов «Правдивые записи о Дай Наме» сообщает, что Нгуен Ван Тхань вместе с Данг Чан Тхыоном отправились «в рейд» по северным провинциям по приказу Тхе то в 10-м месяце 1803 г., сразу же после приезда правителя в Тханглаунг для получения инвеституры от китайского императора [20, с. 146]. При этом управлять Бактханью вместо Тханя было временно поручено приехавшему вместе с правителем Нгуен Ван Чыонгу [20, с. 146].

Иначе излагаются события в частной хронике Фан Тхук Чыка [29]. В этом труде историка первой половины XIX в., принимавшего участие в составлении упомянутой выше официальной хроники и лично собиравшего материалы в Бактхани для своей «частной» истории (имевшего в связи с этим возможность сопоставить официальные материалы с результатами собственных изысканий), утверждается, что Нгуен Ван Тхань вы-

ехал «инспектировать» провинции Севера во 2-м месяце 1803 г., т. е. за восемь месяцев до второго приезда Нгуен Аня в Бакха и через четыре месяца после его первого отъезда с Севера [29, с. 104—105]. При этом Фан Тхук Чык излагает такие подробности подготовки военной экспедиции (еще в 1-м месяце Тхань выбрал день, благоприятный для выезда из Тханглаунга, предварительно вызвал в столицу Севера войска из провинций, совершил ритуальную церемонию, сопровождаемую молениями о ниспослании удачи войскам, наконец, называется точная дата выхода армии в поход — 21-е число 2-го месяца), что не поверить ему просто нельзя. В связи с этим можно предположить, что Нгуен Ван Тхань предпринял в 1803 г. две экспедиции, важнейшей из которых для него была та, которую он провел во 2-м месяце, ибо именно тогда он выступал в качестве полномочного правителя края. Целями экспедиции, осуществленной во 2-м месяце 1803 г., Фан Тхук Чык считает не только «успокоение районов и умиротворение населения», но и «проверку чиновников и секретарей». Именно последняя цель была достигнута «традиционалистской» администрацией с наибольшим успехом: в результате этой вооруженной экспедиции многие чиновники на уровне начальников округов, вице-губернаторов и даже губернаторов, назначенные еще во время присутствия на Севере Тхе то, с ведома и по личному приказу которого осуществлялась тогда вся кадровая политика, были смещены со своих постов, а некоторые из них даже казнены [29, с. 105].

Кроме кадровой чистки по всем чиновничьим управам от провинциального до уездного уровня был отдан приказ пропаганды «традиционалистских» установок. В своей резиденции в Тханглаунге Нгуен Ван Тхань собрал девять знаменитых «книжников» Бакха и создал вместе с ними, по выражению Фан Тхук Чыка, «литературное товарищество талантов» [29, с. 106].

В конце 1803 г. во время поездки Тхе то в Бактхань для получения инвеституры от китайского императора «традиционалисты» начали кампанию по борьбе с кыонг хао (сильными и влиятельными). В ходе этой кампании было запрещено присвоение в частном порядке имущими слоями деревни таких «незаконных» должностей, как тхонг хюен (проникающие в уезды) и тхонг сы (проникающие в «местность») [20, с. 42]. Последняя «должность», как уже отмечалось, вообще игнорировала государственное административное деление, вводя вместо него расплывчатое понятие не имеющих точно установленных границ «местностей» (сы). Этого покушения на свои права верховная власть допустить не могла, и Тхе то одобрил действия северных чиновников. Однако надо отметить, что отношение правителя и «традиционалистов» к усиливающемуся самоуправлению социально привилегированных кругов волости и общины, выразителей и представителей помещичьих слоев (кыонг хао), различалось между собой самым кардинальным

образом: если «традиционалисты» стремились предельно снизить уровень самоуправления, максимально подчинить его государственным органам, то Тхе то ограничивался признанием местных должностей, официализацией их путем вручения диплома и введением самоуправления в «традиционные» границы дозволенного. Необходимо отметить, что эти «традиционные» границы определялись правителем в соответствии с дангчаунгскими, а не дангнгоайскими нормами, а потому значительно более соответствовали реальному уровню социально-экономического развития позднефеодального вьетнамского общества. Но даже по нормам Юга, возникающие вне всякой связи с общегосударственной административной системой, а значит — вопреки ей, против нее, должности «проникающих в уезд» (тхонг хюен) и особенно «проникающих в местность» (тхонг сы) не являлись дозволенными.

В период второго приезда Тхе то на Север в 10-м месяце 1803 г. было по настоянию местной администрации принято решение о запрете взимания денег, данных в долг до 1801 г., и об отсрочке на год всех остальных долгов на территории севернее Внешнего Ботиня [20, с. 146].

В это же время, находясь в Бактхани, Тхе то издал указ, направленный на уменьшение эксплуатации народных масс со стороны социально привилегированных слоев общины, использующих свое общественное положение в общинном совете для традиционного обирания середняков и бедноты. В нашем распоряжении имеется официальный текст указа, зафиксированный в хронике «Правдивые записи о Дай Наме», и несколько вольное изложение его преамбулы, воспроизведенной в частной хронике Фан Тхук Чыка. Следует отметить, что северный «традиционалист» Фан Тхук Чык явно заостряет антиэксплуататорскую направленность указа против «хао муков в деревнях, постоянно использующих праздничные пиршества, поднесение свадебных даров, похоронные и жертвенные ритуалы, поклонение духам и Будде... для того, чтобы эксплуатировать и обирать бедняков, превращать их в своих вечных неоплатных должников, вынужденных покидать родину и скрываться в чужих местах» [29, с. 132]. И действительно, положения указа предусматривали: запрет потребления водки и мяса во время устройства собраний по общественным делам, ограничение угощений одним лишь бетелем; определение размеров трат частными лицами в связи с «большими» и «малыми» событиями (соответственно 3 куана и 1 куан 6 тиенов), штрафование лишь бетелем и водкой в качестве наказаний, к которым может присудить общинный суд [20, с. 163]; установление размеров свадебных поборов в пользу общины с богачей (1 куан 2 тиена), середняков (6 тиенов), бедняков (3 тиена), чужаков (в два раза больше), запрет заклада в этом случае земли; норму штрафа неверных жен (30 куанов), их отцов и братьев (3 куана); запрет во время траура бросать свое основное занятие и внимать предсказа-

телям [20, с. 163—166]; запрет строить новые храмы и пагоды, изготовлять статуи и отливать колокола, делать алтари; разрешение ремонтировать старые христианские церкви только после получения санкции властей [20, с. 166—168].

Складывается такое впечатление, что этот указ если и не был продиктован Тхе то Нгуен Ван Тханем, то писался под большим влиянием лидера «традиционалистов», которому правитель пока еще очень доверял, на знание и понимание обстановки на Крайнем Севере которого серьезно рассчитывал, в связи с чем предоставлял возможность действовать в Бактхани по своему усмотрению. О том, что Тхе то представлял себе необходимость осуществления положений этого указа только в рамках Севера, свидетельствует тот факт, что он никогда не распространял его действие на территорию всей страны.

Таким образом, в период второго приезда в Бактхань в конце 1803 г. правитель допустил упразднение части «незаконных» должностей, вмешательство верховной власти в частноправовые отношения, а также ограничение эксплуатации хао муками общинного крестьянства и усиление конфуцианского ригоризма, что было большой уступкой северным «традиционалистам».

В то же время Тхе то полностью признал выборность волостного и общинного самоуправления на Севере. Так, при проезде правителя через Тханьхоа в 9-м месяце 1803 г. общинным и волостным старостам уезда Тонгшон, родины Нгуенов, были вручены официальные удостоверения, подтверждающие их статус, с личными пометками правителя [20, с. 147]. Если в исключительных случаях Тхе то и нарушал суверенитет выборности самоуправления, то только для того, чтобы предоставить в нем место отличившимся в борьбе с повстанцами помещикам (тхо хао). О внедрении чиновника в волость и общину речи не было.

Принимавшие участие в боевых действиях против восставших лауреаты провинциальных конкурсов эпохи Ле не занимали места в самоуправлении, а получали должности государственных чиновников, при этом одни из них удостоивались довольно высоких постов вице-губернаторов, другие становились начальниками уездов [20, с. 144—145].

Таково было отношение к местному самоуправлению на Севере самого Тхе то, ибо перечисленные выше факты связаны с его кратким пребыванием в Бакха и Тханглаунге в конце 1803—начале 1804 г. в связи с принятием инвеституры от китайского императора.

Отношение же собственно «традиционалистов» к общинным и волостным старостам в период, характеризующийся, с одной стороны, подъемом «традиционалистской» идеологии (как раз в это время что ни день появлялись такие люди, как будущий борец с намдиньскими помещиками Нгуен Конг Чи, который в 8-м месяце 1803 г. впервые «изложил десять дел» [20, с. 142]), с другой стороны, ростом восстаний на Севере, определяется стремлением превратить местные органы самоуправления в эф-

фективное орудие борьбы с различными видами «крамолы», начиная от фальсификаций списков тягловых и вплоть до антиправительственных выступлений и крестьянских восстаний. В связи с этим на местное самоуправление была возложена обязанность организации обороны. При этом государственные власти обнаружили полную неспособность к контактам с самоуправлением и за три года четыре раза меняли ответственных за «поддержание спокойствия» в районах [29, с. 113, 170, 188, 192].

Первый раз, в 8-м месяце 1803 г., для «борьбы с бандитами» в волости была учреждена должность туан тонга, начальника волостного ополчения, на которого была возложена вся ответственность за охрану территории волости [29, с. 113].

Однако ощутимых результатов это не дало, и в 10-м месяце 1804 г. было решено передать все военные функции в волости местному старосте (тонг чыонг), главе волостного самоуправления [29, с. 170]. В соответствии с одним из четырех введенных правил волостной староста, сумевший «защитить» свою местность и не допустить там появления «воров и бандитов», получал награду. О людях, замешанных в «разбое», следовало сообщать государственным органам, сами «разбойники» призывались домой с обещанием амнистии, а «многогрешные разбойники» могли искупить свою вину помощью регулярным войскам в ходе военных операций [29, с. 170]. Должность туан тонга была упразднена в том же 10-м месяце 1804 г. [29, с. 170].

Сосредоточение всех полномочий по командованию волостным ополчением, состоящим из помещичьих дружин, в сфере компетенции волостного старосты ослабляло эффективность управления общинными отрядами. Во-первых, у старосты помимо военной была масса других обязанностей. Во-вторых, устранение от руководства боевыми действиями низшей деревенской администрации, в которой большую роль играли помещики, снижало активность частнофеодалных дружин при подавлении вооруженных выступлений, особенно крестьянских. В связи с этим государственные власти попробовали перейти к децентрализации командования местным ополчением, к передаче его в руки находящихся под контролем помещиков общинных должностных лиц: в 3-м месяце 1806 г. ответственными перед государственными органами за «оборону» в районах были сделаны хыонг хао [29, с. 188], «специально занимающиеся поддержанием порядка, патрулированием и охраной, выбираемые верхушкой общины в таком же порядке, как и общинные старосты». Фан Тхук Чык следующим образом объясняет причину передачи хыонг хао этих функций: «назначали местных людей для исполнения этой должности, так как только местные люди в полной мере в своей местности знают воров и разбойников, настоящих людей и людей с фальшивой душой» [29, с. 188]. Однако контакта «традиционалистской» администрации с низовым уровнем помещичьего самоуправления, организующего боевые дружины самообороны в общине, не получилось:

не просуществовав и полгода, институт ответственных перед чиновниками за «оборону» в районах хыонг хао был в 10-м месяце 1806 г. упразднен и решено было вернуться к старой системе контроля за порядком в волости, где военные функции получил старший волостной староста (тянь чыонг тонг или кай тонг), в то время как его заместителю (фо чыонг тонг или фо тонг) было поручено заниматься сбором государственных налогов [29, с. 192].

Все эти многочисленные перемены ответственных за «поддержание спокойствия» в районах (начиная от волостных старост и кончая хыонг хао) происходили от того, что администрация Нгуен Ван Тхяна чувствовала, что без привлечения дружин, руководимых местной общинной верхушкой, справиться с крестьянскими восстаниями практически невозможно. Однако «традиционалисты» боялись, что эти дружины окажутся под контролем помещика, усиления позиций которого они явно не хотели и в итоге отказались от передачи командования низшему уровню деревенской администрации.

Неэффективность контактов с местным самоуправлением северные «традиционалисты» пытались компенсировать за счет значительного усиления государственной администрации. В 5-м месяце 1804 г. во всех пяти внутренних провинциях Бактхани наряду с уже имевшимися должностями чиновников просвещения док хаук были дополнительно установлены должности чиновников просвещения чо зяо. На все эти должности были сразу же назначены лауреаты провинциальных конкурсов эпохи правления Ле [20, с. 188]. В первом месяце 1806 г. было определено жалование док хаукам и чо зяо. Док хаукам платили столько же, сколько начальникам округов, чо зяо — столько же, сколько начальникам уездов [20, с. 222].

В 3-м месяце 1805 г. чиновники Бактхани подали доклад, в котором объясняли «запутанность» работы по взиманию налогов и ведению судебных дел в округах и уездах тем, что там были учреждены должности только одного начальника, который не справлялся с порученным ему делом. В связи с этим «традиционалисты» просили правителя учредить дополнительно в каждом округе и в каждом большом и среднем уезде должность еще одного начальника. Это предложение было одобрено, а затем было установлено правило, по которому начальников округов должно было выдвигать фусуанское правительство (динь тханы), а начальников уездов — сами высшие чиновники Бактхани, сообщавшие затем о своем выборе правителю [20, с. 229]. Фан Тхук Чык сообщает, что должности двух чи фу (начальника западной управы и начальника восточной управы) были учреждены одновременно — в 7-м месяце 1805 г. Кроме того, феодальный историк упоминает и о назначении еще одного, дополнительного чиновника (хань хюен) в уезд [29, с. 176].

В большей своей части новые служилые феодалы были ориентированы своими «рекомендателями» на наиболее последова-

тельные консервативные установки. Это еще более обострило борьбу казенной администрации, в значительной степени ненужной, но дорогостоящей, с местным помещичьим и городским торгово-ремесленным самоуправлением.

Острое недовольство политикой бактханьской администрации привело к тому, что во многих местах население саботировало крупномасштабные работы по строительству и поддержанию в порядке системы дамб: огромные затраты средств на ремонт [20, с. 129, 208, 228, 268—269, 307] не давали эффекта, ибо экономия (в расходовании строительных материалов, денег, отпущенных на жалование крестьянам и плату наемным рабочим), служившая основным критерием оценки деятельности чиновников службы надзора за дамбами, приводила к плохому качеству защитных сооружений. В результате колоссальные наводнения 1804 и 1806 гг. [20, с. 192, 307] причинили огромный ущерб полям, что повлекло за собой необходимость выдачи казенной ссуды на покупку посевного риса [20, с. 192] и прощение значительных недоимок [20, с. 311].

Немалыми тяготами легла на плечи трудового населения Бактхани и перестройка Тханглаунга, предпринятая Нгуен Ван Тханем с 1-го месяца 1803 г. [20, с. 102] по осень 1805 г. [29, с. 115]. Внутри Тханглаунга, так же как и в Фусуане, был построен «императорский» город (хоанг тхань). Во внешней стене соорудили семь ворот с башнями, в передней части возвели флаговую башню высотой в 100 тхьюков (около 40 метров). С внешней стороны городской стены укрепили ров, по которому текла река. Через ров был переброшен кирпичный мост. Толщина стен у основания достигала 7 чыонгов (около 22,4 м), у вершины — 2 чыонга (около 6,4 м). На вершине основной насыпи была сооружена небольшая кирпичная боевая стена, в которой были сделаны амбразуры, где устанавливались пушки. Город делился на пять частей, в плане походил на неправильный восьмиугольник. У восточных ворот был образован большой рынок Донгсуан с прямыми и правильными рядами. С внешней стороны рынок окружала земляная насыпь, на которой была построена бамбуковая стена с воротами. Над воротами возвышались башни [29, с. 115—116]. Это грандиозное строительство потребовало огромной затраты материальных и людских ресурсов. Взятая «по норме» повинностнообязанного населения двух центральных уездов для выполнения работ не хватило, в связи с чем пришлось привлечь к государственной барщине крестьян и горожан «сверх нормы». Тогда заставили трудиться не обязанных нести повинности промысловиков и ремесленников (биет нап). Однако и этого оказалось мало. Лишь после того, как заниматься строительством было приказано значительной части держателей общинной и владельцев частной земли, стало возможным завершение сооружения «северной» столицы.

По-видимому, перестройка Тханглаунга была во многом свя-

зана с амбициозностью самого Нгуен Ван Тханя, хотевшего «не отстать» от правителя, возводившего в это же время новый Фусуан. Стремление к тому, чтобы престижность Бактхани не понесла ущерба в сравнении с Тхуанхоа, дорого обошлось экономике края. Ведь одновременно с трудоемкими работами в Тханглаунге Нгуен Ван Тхань должен был выделять огромное количество материальных средств и людей для строительства столицы. Во 2-м месяце 1805 г. из Бактхани в Фусуан было перевезено 1 млн. куанов денег [20, с. 224], в 1-м месяце 1806 г. — 50 тыс. хоков неочищенного риса [20, с. 265]. Начиная с конца 1802 г. из Бактхани постоянно направлялась масса ремесленников для строительства столицы [20, с. 93, 191]. Никакие отмены подушных налогов не могли компенсировать того ущерба, который наносился отрывом от непосредственных занятий производителей, занятых как ремеслом, так и сельским хозяйством.

К середине 1806 г. отмены недоимок уже не могли предотвратить голода, бегства крестьян и расширения зоны восстаний. В экономике и общественной жизни ощущалось приближение кризиса.

В конце 1805 г. в столице начали понимать, что политика «традиционалистов» дискредитировала себя в Бактхани. Одним из проявлений явного недоверия к лидеру «традиционалистов» явилось уменьшение полномочий Нгуен Ван Тханя. В 8-м дополнительном месяце 1805 г. его права по назначению чиновников на вакантные должности были приравнены к правам генерал-губернатора Зядини [20, с. 248], в то время как ранее они были значительно большими. Предусматривалось, что генерал-губернатор может лишь временно назначать на вакантные места губернаторов провинций и начальников округов. Только подчиненных губернатору начальника налогового управления, начальника судебного управления, обоих вице-губернаторов и начальников уездов Тхань мог назначать сразу, но при этом был обязан подавать доклад правителю [20, с. 248—249].

То, что фусуанские власти решили взять под контроль высших военных чиновников Бактхани (а губернаторы провинций и начальники округов были именно военными чиновниками), свидетельствует о том, что положение в этом крае и деятельность «традиционалистов» вызывали у них тревогу.

Значительное увеличение численности бактханьского чиновничества, лишь усложнив и сделав менее эффективным административный аппарат, быстро привело к усилению государственно-феодальной эксплуатации крестьянства и к конфликту властей с местным общинным самоуправлением, включающим представителей старых чиновных родов и в то же время в определенной мере выражающим интересы помещиков.

В связи с этим стремительно возрастала интенсивность антиправительственных выступлений. Во второй половине 1803 г. их не было вообще. В следующем году произошло единствен-

ное восстание, поднятое последними тайшонскими военачальниками, которым удалось спастись в 6-м месяце 1802 г. с помощью бегства за море [29, с. 71]. В 8-м месяце 1803 г. они высадились вместе со своими сторонниками и китайскими союзниками из «Общества Земли и Неба» в Иенкуанге и, убив губернатора, захватили власть в провинции. Восставшие провозгласили сына одного из бывших великих князей (дай вьонга) правителем (тюа) и объявили о смене девиза правления [29, с. 113].

Затем корабли повстанцев поднялись вверх по знаменитой реке Батьданг [20, с. 144], а их отряды, высадившись на берег, заняли 7 уездов Хайзыонга [29, с. 113]. Возникла реальная угроза потери «внутренней» провинции. Однако находящийся в это время в Бактхани Тхе то, приехавший на Север для принятия инвеституры, предпринял решительные меры для локализации и разгрома восстания [20, с. 144]. На границах с Хайзыонгом были срочно выставлены военные кордоны [29, с. 114], а против самих восставших правитель послал Нгуен Ван Чыонга с флотом и Нгуен Ван Тхяня во главе пехоты. В борьбе с повстанцами регулярным частям была оказана поддержка со стороны местных боевых дружин, возглавляемых иенкуангскими лауреатами эпохи правления Ле, а также иенкуангскими и хайзыонгскими помещиками (тхо хао). После разгрома инсургентов и бегства китайцев за море лауреатов удостоили высоких должностей в провинциальной администрации, в том числе и поста вице-губернатора. Часть помещиков получила возможность числиться унтер-офицерами, другая часть, став кай тонгами и фо тонгами, кай тхуоками и ки тхуоками, стала играть ведущую роль в местном самоуправлении [20, с. 144—145; 29, с. 114].

Начиная с 1804 г. восстания в Бактхани охватывали уже не только «приморскую», но и «горную» зону, откуда антиправительственные движения распространялись в долинские районы.

В «приморской» зоне центром волнений продолжал оставаться Иенкуанг, на побережье которого периодически нападали китайские «пираты» из «Общества Земли и Неба». В 7-м месяце в 1804 г. борьба шла в прибрежных водах провинции [20, с. 208]. В 12-м месяце того же года сторонники вождя Чака, объявившего себя «великим военачальником Ниньхая», высадились с 60 кораблей на территории Ванниня, но были разгромлены провинциальным гарнизоном под командованием самого губернатора. Местные управляющие округом и оставшие чиновники, принявшие участие в военных действиях, были награждены почетными должностями и крупными денежными суммами [20, с. 218]. Во 2-м месяце 1806 г. 30 китайских кораблей пристали к побережью уезда Хоафаунг. После захвата сожженной крепости Фыонгхоанг из Тханглаунга пришлось посылать войска под командованием военного заместителя Нгуен Ван Тхяня. В результате китайцы отступили, и борьбу с ни-

ми продолжили помещичьи дружины [20, с. 268]. В следующем месяце два тхо хао из уезда Вандон в Иенкуанге во главе своих отрядов захватили пленных, корабли и оружие. Китайцев передали маньчжурским властям, помещикам предоставили унтер-офицерские должности и денежные награды [20, с. 271].

В китайских «набегах» на Иенкуанг принимали участие и вьетнамцы. По отношению к ним бактханьские чиновники проявляли милосердие, отпуская на волю всех захваченных в плен [20, с. 271]. Комментаторы издания частной хроники Фан Тхук Чыка считают, что в число «мятежников» из «Общества Земли и Неба» вплоть до конца 1807 г. входили бывшие сторонники тайшонов [20, с. 206]. Несмотря на то что точные данные об этом в хрониках отсутствуют, по-видимому, данное предположение не лишено некоторых оснований.

Хайзыонг начиная с 1805 г. входил не в «приморскую», а в «горную» зону волнений, занимавших все более широкие районы и постепенно охватывающих предгорья и даже долины.

Наиболее устойчивым центром горских восстаний на этом этапе был Тхайнгуиен, где местные феодалы собирали войска, заготавливали продовольствие и необходимые материальные средства для длительной борьбы с нгуеновской администрацией. Объединившись с отрядами бывших тайшонских военачальников и князьями из горных районов соседних провинций, они напали в 3-м месяце 1804 г. на два киньбакских уезда [29, с. 135]. Провинциальный гарнизон Киньбака не смог справиться с повстанцами, в связи с чем из Тханглаунга пришлось посылать регулярные части. Захватив жену и мать вождя, военные чиновники попытались с помощью шантажа заставить его сложить оружие. Однако тот, пренебрегая опасностью, угрожающей его семье, и не имея возможности открыто противостоять превосходящим силам противника, ушел в горы, где в течение длительного времени продолжал борьбу с правительственной администрацией и войсками [20, с. 176; 29, с. 135].

Восстание 3-го месяца 1804 г. было первым звеном в цепочке антиправительственных выступлений в Тхайнгуиене. В следующем месяце повстанцы захватили крепость Баккан, которую пришлось отбивать войскам провинциального гарнизона [20, с. 180]. В 12-м месяце того же года восставшие штурмом взяли крепость Деованг и убили коменданта. При этом киньбакских войск было недостаточно для изгнания «мятежников», в связи с чем местные власти вынуждены были просить помощи регулярных армейских частей из Тханглаунга. В боевых действиях принимали участие местные дружины, предводители которых получили должности волостных старост [20, с. 219].

Некоторые вооруженные выступления в Тхайнгуиене шли под лозунгом смены династии и установления власти нового правителя, порой наделяемого чертами мессии. Так, в 7-м месяце 1804 г. в уезде Воняй правителем был провозглашен «отмеченный знаками» трехлетний младенец. Было объявлено об изме-

нении девиза правления, и под знамена нового тьюа стали стекаться толпы народа [29, с. 137]. Вскоре «правитель» вместе с матерью был схвачен и казнен [29, с. 138]. Однако движение не прекратилось. В 3-м месяце 1805 г. против собравшихся в уезде Воняй восставших по приказу из Тханглаунга были брошены гарнизоны Тхайнгуиена и Киньбака. Помимо рядовых повстанцев правительственные войска захватили в плен самозванного «протектора» уже казненного младенца—«правителя», за что получили 1000 куанов денег [20, с. 229].

В другой «внешней» провинции — Туиенкуанге — на данном этапе произошло единственное восстание под руководством горского князя Нган Ву. Во 2-м месяце 1805 г. он был разбит и бежал. Классовая солидарность вьетнамских феодалов с горскими проявилась в позиции примирения, занятой бакханьскими властями по отношению к беглому князю: его «обласкали», уговорили сложить оружие и полностью простили [20, с. 267].

В остальных «внешних» провинциях восстаний со второй половины 1802 г. по середину 1806 г. не было. Зато интенсивным было антиправительственное движение в горных районах некоторых «внутренних» провинций, прежде всего в Киньбаке.

Там помимо повстанцев из Тхайнгуиена действовали собственные местные феодалы, имевшие большой опыт сопротивления тханглаунгской администрации, сохранившийся еще с периода правления Тайшонов. В 8-м месяце 1804 г. военными действиями против «бунтовщиков», сосредоточившихся в округе Лангзянг, командовал сам губернатор Киньбака [20, с. 211]. В 11-м месяце 1804 г. местный феодал, которого Фан Тхук Чык называет Ту Бить, захвативший 3 волости в уезде Люкнган (округ Лангзянг) и не плативший государственных налогов [29, с. 171], провозгласил правителем одного из представителей родовой знати и напал на уезд Фыонгнян (округ Лангзянг). Лишь совместная карательная экспедиция присланных из Тханглаунга регулярных частей и киньбакского гарнизона остановила продвижение восставших. «Правитель» бежал в горы, но был там схвачен и выдан властям, а Ту Бить вернулся в район своих трех волостей [29, с. 171]. Чтобы воспрепятствовать распространению движения на соседние провинции, в конце 1804 г. на границе Киньбака и Хайзыонга были размещены регулярные воинские части и помещичьи дружины тхо хао [20, с. 216]. Тогда же были рассеяны повстанцы в горах Фаошона [29, с. 171]. Однако Ту Бить смог перебраться в Хайзыонг и поднять восстание в конце 1805 г. в уезде Тханьлам. Там он разгромил и обратил в бегство войска, возглавляемые военным управляющим округа Намшать. Только после того, как часть киньбакского гарнизона была размещена в горах Фаошон и Халиеу, в результате чего было пресечено дальнейшее проникновение отрядов восставших из Киньбака в Хайзыонг, регулярным войскам этой провинции и дружинам местных феодалов удалось заставить Ту Битя вернуться в район трех воло-

стей [29, с. 185—186]. Там он еще некоторое время оказывал сопротивление властям, но затем вынужден был им подчиниться [29, с. 218].

По-видимому, наиболее демократический характер носило восстание под руководством «полководца Севера» Би [29, с. 178]. Этот «главарь бандитов», как его называет Фан Тхук Чык [29, с. 178], из деревни Биньго в уезде Зябинь округа Тхуанан возглавил во второй половине 1805 г. движение в долинных районах Киньбака. Появление отрядов Би было всегда стремительным и неожиданным. Под контролем восставших находились целые местности, например «земля Нгамдиен», где широко экспроприировались скот и другое имущество, изымаемое большей частью у представителей состоятельных социальных слоев и старых служилых родов [29, с. 179—180]. В 9-м месяце 1805 г. между повстанцами Би и дружинами «знатных» чиновных родов шла ожесточенная борьба, закончившаяся смертью Ле Кюиня — старого придворного свергнутого императора Ле Ман де, последовавшего за своим беглым государем в Китай и ставшего в исторической и культурной феодальной вьетнамской традиции символом верного и преданного подданного. Начальник округа Тхуанан проявил полную неспособность справиться с восстанием. К середине 1806 г. повстанцы во главе с Би укрепили свои позиции на захваченной территории, а провинциальные и краевые власти не прилагали никаких усилий для восстановления «порядка» в Тхуанане [29, с. 179, 190, 197].

В конце 1805 г. одновременно произошли два «долинных» восстания: в Шонтае в уезде Тиенфаунг и Хайзыонге в уезде Тханьха. Вожди обоих заявили претензии на верховную власть в стране и провозгласили новые девизы правления. С помощью шпионажа повстанческие лидеры были схвачены и казнены, за что разведчики получили унтер-офицерские должности и денежные награды [20, с. 261].

О постепенном перемещении антиправительственных движений из «внешних» провинций и горных районов «внутренних» провинций в Бактхани в зону долин свидетельствует также небольшое восстание в верхнешоннамском уезде Тхиентхи в 12-м месяце 1804 г., быстро подавленное местными чиновниками [20, с. 218].

В Нгеане и Тханьхоа антиправительственные волнения со второй половины 1802 г. по середину 1806 г. охватывали «приморскую» зону и предгорные районы. В Тханьхоа 50 кораблей китайских «пиратов» из «Общества Земли и Неба» в 8-м месяце 1805 г. напали на порты Биеншон, Лиеу, Лак. В карательной экспедиции против китайцев принимали участие бактханьские войска. Властям всех приморских провинций был отдан приказ патрулировать прибрежные воды [20, с. 246].

В результате, когда в 12-м месяце 1805 г. около побережья Нгеана показались корабли китайских «пиратов», они были атакованы морским патрулем. Хотя большей части кораблей и

удалось уйти в море [20, с. 261], несколько десятков «пиратов» было схвачено.

В предгорных районах Тханьхоа в 1-м месяце 1805 г. поднял восстание вождь Тянь. Провозгласив себя куан конгом и распределив между своими ближайшими сподвижниками чиновничьи должности, он сформировал три отдельные воинские части и намеревался дать бой правительственной армии. Однако, узнав о пленении своего главного соратника, он бежал в горы, где его схватил местный князь. Тяня было приказано казнить, а князю — предоставить почетную должность [20, с. 223].

Недовольство населения в Нгеане и Тханьхоа — Тханьбине вызывалось в первую очередь отменой привилегированного характера местного войска, обеспечиваемого высоким жалованьем в период правления Ле—Чинь, и связанными с этой отменой тяжелыми налогами. Однако попыток реализации «традиционалистских» программ там не проводилось и уровень государственно-феодальной эксплуатации был меньшим, чем в Бактхани. Это и определило «периферийный» характер кризиса в Нгеане и Тханьхоа—Тханьбине, не только связанного с кризисом в Бактхани, но и непосредственно зависящего от него, что с полной определенностью проявилось на следующем этапе.

«Традиционалисты» в Бактхани и в столице (1802—1806)

В конце 9-го месяца 1802 г., закончив чрезвычайно важный комплекс мероприятий по заложению основ социальной политики на Севере, созданию новой административной структуры в Бактхани и Тхань—Нге, а также организации армии в Бакха, Тхе то, так и не дождавшись инвеституры, выехал в Фусуан [20, с. 82].

В 11-м месяце того же года в столице праздновался разгром тайшонов. Вначале о военной победе было провозглашено на торжественной церемонии, затем были совершены жертвоприношения духам Неба и Земли. Венцом праздника был ритуал «почтительного преподнесения» захваченных гайшонских лидеров духам предков правителя в наскоро перед этим построенном Тхай миеу (храме Предка — основателя династии Нгуенов) [20, с. 85].

После торжественной церемонии командующий гвардией и чиновник ведомства юстиции вывели последнего тайшонского императора и трех его младших братьев за ворота крепости. Затем каждого из «преступников» за четыре конечности и голову привязали к пяти слонам. Была дана команда, и вышколенные животные послушно ринулись в разные стороны. Череп и кости Нгуен Куанг Тоана были собраны и вместе с предварительно оскверненными останками двух других тайшонских императоров, Нгуен Ван Няка и Нгуен Ван Хюэ, помещены в

императорское казнохранилище, где пролежали весь период правления Тхе то. С остальными тайшонскими полководцами (Чан Куанг Зиеу, Нгуен Ван Ты, Нгуен Ван Тханом, Нгуен Ван Зяпом и Ле Ван Хынгом) обошлись «более гуманно»: им просто отрубили головы, выставив их затем на всеобщее обозрение [20, с. 85].

Несмотря на жестокую расправу с тайшонским императором и его братьями, Тхе то не пылал жадой мщения по отношению к тем, кто верно служил «узурпаторам». Доказательство тому — значительное число бывших тайшонских чиновников, как военных, так и гражданских, у него на службе. Довольно спокойно воспринимал правитель не только южных тайшонов (вспомним постоянные пропагандистские высказывания о всех южанах как «родных детях»), но и северных, ранее служивших Ле.

Иным было отношение к «изменникам» со стороны части новой бактханьской администрации, а именно тех северян, которые, по их собственному мнению, не «продались» Тайшоном, а скрывались на севере, либо бежали на юг, где сражались против «узурпаторов». Эти люди страстно ненавидели Тайшонов, разрушивших государство Ле—Чинь. Ненавидели они и чиновников эпохи Ле, взятых на службу Нгуен Ван Хюэ. Именно на них они стали возлагать вину за то, что с их помощью Юг впервые победил Север (ведь Тайшоны были южанами). Вдохновителем этого «северного патриотизма» был Данг Чан Тхыонг. Он более других стремился отомстить чиновникам эпохи Ле, служившим Тайшонам. Отношение Нгуен Ван Тхяня к «изменникам» хорошо известно, и, конечно, генерал-губернатор поддерживал Тхыонга в этом вопросе. Таким образом, верхушка бактханьской администрации жаждала мести.

В 1-м месяце 1803 г. бактханьцы заковали в колодки и отправили в Фусуан трех бывших тайшонских послов — Ле Дык Тхана, Нгуен Данг Шо и Ву Зюи Нги, ездивших в Китай и отосланных на родину маньчжурским императором. Очевидно, северные чиновники полагали, что правитель их казнит, как за два месяца до того он казнил тайшонскую родовую знать и высших военачальников. Однако Тхе то всех помиловал и отпустил домой [20, с. 103]. Помиловал он и жену Нгуен Ван Няка и двух его родственников [20, с. 103]. Во 2-м месяце того же года Данг Чан Тхыонг подал доклад с обвинением Нго Тхи Няма, Фан Хюи Итя и Нгуен Зя Фана, которых Тхе то приказал отправить в Фусуан и избавить от казни в соответствии с указом о помиловании тех, кто явится с повинной. Обвинив «шайку Няма» в том, что она обманула династию Цин, Тхыонг сумел добиться того, что Тхе то отдал приказ отправить несчастных тайшонских чиновников назад в Бактхань «для наказания» [20, с. 108]. На Севере чиновники Бактхани решили, что «шайка Няма заслуживает смерти», но в связи с указом о помиловании явившихся с повинной бывших тайшонских чиновни-

ков подвергли лишь избиению «для позора». Во время экзекуции, проводившейся в здании старого леского Куок ты зяма, где в то время находилась школа фу Фунгхиен, Нго Тхи Ням был забит до смерти [20, с. 108].

Следует сказать, что в первые годы после захвата южанами Севера Бактхань не была избавлена от взаимных конфликтов представителей прежних правящих группировок, потерявших политическую власть. В конфликтах бывших тайшонских чиновников с членами рода Ле бактханьская администрация становилась на сторону последних. Так, во время пребывания Тхе то в Тханглаунге в связи с принятием инвеституры Нгуен Ван Тхань докладывал правителю в 11-м месяце 1803 г. о том, что бывший тайшонский военачальник Чан Ван Ан, получив анонимное письмо, сообщающее о заговоре потомков дома Ле, шантажировал Ле Зюи Хоана, требуя денег. Хоан забеспокоился и донес обо всем генерал-губернатору. При желании можно было использовать этот донос для крупного политического процесса. Однако правитель признал Ле Зюи Хоана полностью невиновным и возложил всю вину и ответственность на Ана, передав его в руки ведомства юстиции [10, с. 149].

Все-таки какие-то сомнения в непричастности дома Ле к «делу Чан Ван Ана» у Тхе то, по-видимому, оставались. Недаром через два месяца после отъезда правителя в столицу в Тханглаунге был ликвидирован и перенесен в их родную общину в Тханьхоа родовой храм семьи Ле. Этим занимался лично Тхе то, заявивший: «Поддержание культовых церемоний в доме Ле — важнейшая [забота] правительства». Провинциальным чиновникам Тханьхоа было приказано отремонтировать старый храм, к которому в качестве храмовых служителей, освобожденных от повинностей, были приписаны 80 жителей общины Бове [20, с. 173—174]. Военным начальником округа, в котором располагался храм, был назначен старый зядиньский офицер, выдвинутый в командный состав еще в начале 1790 г. [19, с. 109]. Формально он должен был следить за ремонтными работами, но, очевидно, в действительности следил не только за ними.

Внешне отношение двора к Ле Зюи Хоану оставалось вполне благосклонным: в 1-м месяце 1804 г. он получил 200 куанов денег [20, с. 161]. Культ императоров Ле, при которых феодальный Вьетнам в XV в. достиг своего расцвета, носил общегосударственный характер: с 8-го месяца 1803 г. возобновились регулярные государственные жертвоприношения в храме Ле Тхань тонга [20, с. 138].

В столице число активных консерваторов было невелико. Из гражданских чиновников, лауреатов конкурсов эпохи Ле, наиболее активным, по-видимому, был Нгуен Виен (Нгуен Туан у Фан Тхук Чыка [29, с. 77]). Именно ему Тхе то поручил во время своей поездки в Бактхань для получения инвеституры в 8-м месяце 1803 г. принимать у населения жалобы на местных помещиков и богачей. Тогда же на Севере были запрещены

«незаконные» должности, создаваемые поместным самоуправлением [20, с. 142]. Но кроме этой эпизодической деятельности никаких консервативных мероприятий, находясь в столице, Нгуен Виен не отстаивал, если не считать, что по его предложению в начале 1803 г. в Фусуане были отменены некоторые буддийские ритуалы [20, с. 102]. Оживлялся он только тогда, когда попадал на Север. Тхе то платил ему большое жалованье [20, с. 124], но на крупные административные посты не назначал. Умер Нгуен Виен очень рано, в 1804 г. [20, с. 216], так и не оказав существенного влияния на политику фусуанского правительства (Фан Тхук Чык сообщает, что перед смертью он был разжалован [29, с. 171]). До поры бездействовал и Во Чинь — лауреат провинциального конкурса эпохи Ле [20, с. 49; 21, с. 321; 29, с. 77].

К числу «традиционалистов» из среды южан относился управляющий ведомством обрядов Данг Дык Шиеу. Но он занимался в основном делами культа, образования и воспитания «совершенных мужей» [20, с. 244, 225]. Лишь изредка Тхе то советовался с Шиеу по вопросам экипировки посольства [20, с. 260]. В одном только роль Данг Дык Шиеу была существенна: он воспитал будущего императора Тхань то, к которому был приставлен в качестве наставника с того момента, как принцу исполнилось 14 лет [20, с. 225].

Данг Дык Шиеу относился к числу пассивных «традиционалистов». Пассивные «традиционалисты» вели себя очень осторожно: они никогда не высказывались по деликатным политическим вопросам и ожидали смены государя. В столице их было не так много, да и работали они в основном в наименее практических сферах (кроме Чинь Хоай Дыка) культа, ритуала и образования.

Но когда в начале 1804 г. крупные лидеры обеих партий оказались в Тханглаунге, начались взаимные нападки — Нгуен Ван Тхань обвинил Ле Тята в измене. Тхе то пришлось почти что применить силу для того, чтобы их примирить [20, с. 160]. Нападкам Ле Тят подвергался не за «реализм» (за это его нельзя было критиковать при Тхе то), а за свое тайшонское прошлое. Правитель постоянно защищал Ле Тята, оказывая милости не только ему, но и его родителям. Точно так же вел себя Тхе то и в отношении другого лидера «реалистов» — Ле Ван Зюета.

После назначения в столичное ведомство обрядов в 10-м месяце 1805 г. вызванного из Бактхани Нгуен Зя Ката [20, с. 253] там стала набирать силу северная оппозиция, пытавшаяся исподволь восстановить сначала культовые, а затем и политические эталоны прежних времен [21, с. 118]. Это облегчалось тем, что в 1803—1806 гг. не только старые чиновники и лауреаты эпохи Ле [29, с. 76; 20, с. 17], но и лица, служившие Тайшонам [29, с. 78], стали вызываться в столицу [20, с. 126].

Особенно боролся за доверие к лауреатам эпохи Ле Данг

Чан Тхыонг. В 5-м месяце 1805 г. он подал доклад, в котором выдвинул в качестве кандидатов на административные должности лауреата столичного конкурса эпохи Ле, знаменитого поэта Нгуен Зу и 14 лауреатов провинциальных конкурсов. Тхе то вызвал этих лауреатов в столицу. В 1-м месяце 1806 г. Нгуен Зу стал хаук ши дворца Донг как, некоторые лауреаты получили должности в Академии (Хан лам) и Конг ши виен, другие были удостоены постов чиновников просвещения высшего уровня вне Бактхани [20, с. 262].

Таким образом, к моменту принятия правителем императорского титула в 5-м месяце 1806 г. лауреаты эпохи Ле с помощью наиболее консервативной части бактханьского чиновничества расширили и преодолели прежние должностные и территориальные рамки. Носимые этими лауреатами политические концепции были направлены против ярко выраженных в тот период прогрессивных тенденций в развитии позднефеодального вьетнамского общества, которые поощрялись верховной властью.

Политика поощрения ремесленников, торговцев, частных предпринимателей в Зядини

После разгрома тайшонов, как и ранее, Тхе то продолжал рассматривать в качестве основной составляющей своей социальной базы зядиньских помещиков и богачей, служивших офицерами в армии и дававших средства «на войну», защиточное крестьянство, богатых купцов и ремесленников, предпринимателей Крайнего Юга, силами и экономическим могуществом которых была достигнута военная победа. Именно на их деньги закупалось оружие, боеприпасы и военные корабли за границей, их деньгами выплачивалось жалованье европейским офицерам, инженерам, морякам и солдатам, привлеченным в «*belle Cochinchine*» жаждой золота, политических и военных авантюр, территориальных аннексий.

Война потребовала от всех социальных слоев Зядини, и прежде всего беднейших, принуждаемых помещиками служить в армии и работать «на победу», такого напряжения сил, что к окончанию ее все ресурсы края были истощены. В конце 1802 г. на Крайнем Юге свирепствовал голод [20, с. 83]. Дошло до того, что провинциальным чиновникам было приказано выдавать рис в долг беднякам, чиновникам, ушедшим в отставку, а также семьям чиновников, служащих в столице [20, с. 83]. Такого не бывало за все время войны. Возможно, тяжелое экономическое положение в Зядини в этот период было вызвано тем, что в поисках решения продовольственной проблемы при переходе от сезонных войн к непрерывным военным действиям Тхе то не нашел ничего другого, как несколько усилить экономическое давление на помещиков: в 1801 г. были четко опреде-

лены налоговые ставки, в общем очень небольшие, по различным категориям «горных» и «травяных» полей с 1 тхыа [24, Хо-бо, II D Vv 309/36-44]. Голод продолжался в Зядини и в 1803 г., когда стали реально, а не на бумаге следить за контрабандой риса [20, с. 113], и в 1804 г., когда потребовалось продать населению по сниженным ценам и раздать в долг 20 тыс. фыонгов очищенного риса [20, с. 211]. В 1805 г. неурожай в Зядини был столь велик, что власти должны были ужесточить меры по борьбе с частным винокурением: если в 1-м месяце 1802 г. самогонщикам грозил штраф, разжалование (в отношении чиновников) и ссылка на год, то теперь к ним применялось наказание пострашнее — конфискация имущества [20, с. 233]. Только к концу 1805 г., когда были завершены гигантские строительные работы по возведению новой столицы [20, с. 245] (огромное количество солдат и отбывающих в Фусуане повинности крестьян и горожан кормить приходилось, конечно же, Зядини [20, с. 139]), положение на Крайнем Юге стало лучше. Об этом свидетельствует, в частности, отмена там запрета на винокурение [20, с. 245].

Все это экономически тяжелое для зядинцев время (1802—1805 гг.) и несколько последующих лет Тхе то оказывал всяческие милости всем тем общественным слоям Крайнего Юга, которые составляли его старую социальную базу.

В 12-м месяце 1802 г. были возвращены все денежные займы «богачам» Зядини и Биньтхуана [20, с. 94]. На 20% на три года, начиная с 1803 г., были снижены рисовые и денежные поземельные налоги с «травяных» и «горных» полей, а также шелковичных и бетелевых плантаций. Джутовые и арековые плантации освобождались от налогов полностью. Население дон диенов, возделывающее государственные земли, в том числе и китайцы, могло не платить подушные налоги в течение 5 лет, начиная с того же, 1803 г. [20, с. 93]. Впредь вьетнамскому населению дон диенов натуральные поставки рисом сокращались на две трети, а китайскому, как в натуральной, так и в денежной форме, — вполовину [20, с. 94]. Значительные налоговые льготы получали не только помещики и землевладельцы-крестьяне. Почти все население Зядини освобождалось от подушных налогов на 5 лет [20, с. 93].

В течение этих лет привилегиями при сборе подушного налога пользовались массовые слои населения городов: актеры, переводчики, обладающие самыми различными статусами служащие из центральных и провинциальных учреждений, от квалифицированных кадров до «зависимых солдат», официальные зависимые различных чиновников, ремесленники самых разных профессий, как приписанные к центральным мастерским, так и не относящиеся к ним [20, с. 94]. В 1-м месяце 1803 г. от налогов на те же пять лет были освобождены все ремесленники в четырех провинциальных центрах [20, с. 107]. Облегчено было положение деревенских ремесленников и промысловиков. Они так-

же не платили подушные налоги в течение пяти лет и освобождались от части натуральных поставок: от одной трети до четырех пятых. От половины натуральных податей освобождались поставщики шелковых нитей в Ной виен (придворные склады и мастерские) [20, с. 94].

Огромные льготы получило купечество: от пяти шестых денежных взносов освобождались кораблевладельцы, сдающие суда в аренду, и купцы, вполнину были снижены денежные подати арендаторам государственных кораблей и членам крупной корабельной компании [20, с. 94]. В течение пяти лет не платило подушных денежных налогов торговое население специализированных поселений — китайцы и метисы [20, с. 93]. В 1-м месяце 1803 г. от налогов на пять лет освободили всех китайских купцов в Чавини, Чанзянге и Канзо [20, с. 107]. Освобождались также от соляного налога торговые корабли из Басака [20, с. 107].

В течение пяти лет не платили подушных налогов скотоводы [20, с. 93—94], «впредь и навсегда» освобождались от денежных податей рыболовецкие корабли [20, с. 94] (кстати, их владельцы частенько занимались торговлей, вследствие чего наиболее крупные рыбацкие суда впоследствии все-таки обложили налогами [21, с. 260]). В 1-м месяце 1803 г. на пять лет освободили от налогов солдат, сторожащих склады, городскую и провинциальную полицию, портовую стражу, «солдат», занимающихся добычей селитры и изготовлением пороха [20, с. 107]. Примыкающее с севера к Зядини население Биньхуана и Биньхоа было освобождено в течение пяти лет от 20% подушных налогов [20, с. 94]. Таким образом, в период с 1803 по 1807 г. (включительно) богачи и помещики Зядини, владельцы крупных плантаций, торгово-ремесленное население, городские слои да и вообще сельское население Крайнего Юга получали от властей очень большие экономические льготы и привилегии, в то время как другие массовые социальные слои в остальных частях страны подвергались повышенной повинностной эксплуатации. Тхе то продолжал рассматривать состоятельные слои Зядини в качестве основной составляющей своей социальной базы, на которую он в любой момент мог опереться и у которой часто искал поддержку.

То, что зядиньский рис жизненно необходим для поддержания более или менее сносного уровня существования в Центре, Тхе то понял еще во время войны. Военная практика показала, что отнюдь не налоговый, а только рыночный рис может удовлетворить потребности старых тгуеновских территорий. Первые годы мира лишь доказали верность этого положения. Когда в середине 1803 г. нехватка риса стала ощущаться уже и в столичной провинции, Тхе то отдал приказ открыть зеленую улицу зядиньским купцам, свободно допуская в столицу их рисовые транспорты [20, с. 139]. С того времени торговля зядиньским рисом стала особенно активной и, по свидетельству фео-

дальных историков, «запасы продовольствия у населения немало увеличились» [20, с. 139]. Предоставляя купцам все большие и большие льготы и преимущества, Тхе то стремился облегчить им их деятельность. Для этого он даже ограждал их от контроля чиновничества. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда торговля в Зядини приняла невиданные масштабы и чиновничество Крайнего Юга обратилось к Тхе то с просьбой увеличить число служащих, собирающих налоги с торговых кораблей, правитель отклонил это предложение, мотивируя свой отказ тем, что это будет «больше мешать» [20, с. 141] уже налаженной коммерческой деятельности.

Решение правителя было вполне мотивированным. А как мог он поступить иначе? Север и Центр голодали, шло строительство столицы. Солдат и ремесленников необходимо было кормить. В этой обстановке здравомыслящий Тхе то не мог не идти на новые льготы торговому населению Зядини, не мог не создавать еще более благоприятные условия для ввоза купцами риса в голодные районы. В 3-м месяце 1804 г. были освобождены от трудовых повинностей зядиньские миньхьонги (метисы) [20, с. 172], основная масса которых была занята в торговле. Тогда же было ускорено строительство государственных кораблей: утверждены новые нормы поставки дерева полутысячному цеху кораблестроителей, создан новый цех корабельных мастеров, приказано построить 50 кораблей [20, с. 173]. Торговцы и сами строили большие корабли, на которых было очень удобно возить контрабанду в Сиам. Этому власти допустить не могли, и в середине 1805 г. был опубликован указ, запрещающий частное строительство кораблей типа «шай» [20, с. 234].

Необходимо отметить, что в это же время не делалось никаких попыток забрать из Зядини большее количество налогового риса. Напротив, одновременно с запретом увеличивать число контролеров купеческих кораблей Тхе то снял «военную» надбавку к земельным налогам на непосредственно управляемых государством землях куан диен [20, с. 141], в 3-м месяце 1804 г. уменьшил в три раза поборы с дон диенов [20, с. 173], а в 4-м месяце на 50% сократил и эти суммы некоторым категориям налогоплательщиков с этих земель [20, с. 179]. В 11-м месяце 1804 г., в связи с тем что, как зафиксировано в источнике, «Зядинь является важнейшим районом на Юге, а после войны склады там еще пустые» [20, с. 316], было приказано весь налоговый рис, собираемый на Крайнем Юге, оставлять на месте, ежегодно поставляя в столицу только символическую «дань» в размере 1 тыс. фыонгов неочищенного риса для личного потребления правителя [20, с. 216]. До середины 1806 г. правитель лишь дважды приказал перевезти продовольствие из казенных складов Зядини в Зиенкхань: в 3-м месяце 1805 г. — 20 тыс. фыонгов очищенного риса [20, с. 229] и в 5-м месяце 1805 г. — 10 тыс. фыонгов неочищенного риса [20, с. 234]. По сравнению с тем, что брала столица у голодных

Бактхани и Тхань—Нге, это были совершенно ничтожные суммы налоговых изъятий.

Итак, в Зядини в 1803—1805 гг. экономическое положение было тяжелым, но торговлю и предпринимательство там поощряли, от подушных налогов было освобождено почти все население, поземельные налоги были сокращены, и с конца 1805 г. ситуация стала заметно улучшаться. Однако риса на складах постоянно не хватало, и не потому, что его не было вообще, но потому, что налогов собиралось мало, а те, что взимались, составлялись в значительной мере в денежной форме: «У населения Зядини рис в изобилии, а на складах собрано мало». Следует сказать также о значительном имущественном расслоении в Зядини, где «богачи» — помещики и зажиточные крестьяне — имели рис в избытке, в то время как часть населения голодала. Сообщение от 7-го месяца 1805 г. о наличии голодных свидетельствует о том, что шел процесс накопления и концентрации запасов продовольствия в помещичьих хозяйствах и у зажиточных крестьян при наличии голодных бедняков (вспомним о массовом голоде в Зядини в 1802—1805 гг., когда голодающим раздавали рис и были введены запреты на винокурение). Правда, к 8-му месяцу 1805 г. экономическое положение, по-видимому, улучшилось, ибо запреты на производство водки были сняты. Впрочем, связь отмены этих запретов с общим благополучием всех зядинцев весьма относительная. Историки феодального Вьетнама XIX в. соединяют это событие с окончанием строительных работ в столице, и мы разделяем их точку зрения. Наличие у определенной части «населения Зядини риса в изобилии», в то время как другая часть жителей голодала, не кажется нам странным. Наоборот, это явление — показатель глубочайших социальных и классовых антагонизмов на Крайнем Юге.

Опасаясь обострения этих антагонизмов в период неурожая, когда недавние победители, вернувшись домой, вынуждены были голодать (что могло толкнуть их на вооруженную борьбу, в которой у них был немалый опыт), власти провели в 4-м месяце 1803 г. разоружение Зядини. Населению запрещено было хранить дома оружие, которое отбиралось как у вьетнамцев, так и у китайцев, кхмеров, европейцев. Даже в военных поселениях дон диенов оружие переплавлялось в металл, из которого изготавливались земледельческие орудия. Оружие запрещалось носить и солдатам, если они не выполняли задание властей [20, с. 124].

Проведение центральными и местными государственными властями в период 1803—1806 гг. щадящей политики по отношению ко всему населению Зядини в целом, стремление оказать на него минимальное налоговое, повинностное и регламентирующее давление (указ об обработке пустующих земель от 3-го месяца 1803 г. был, по-видимому, как и во время войны, в значительной степени формальностью, ибо хроника ни разу не упо-

минает о приведении в исполнение угроз о наказании за обнаружение заброшенных земель [20, с. 120], призыв властей сажать тутовые деревья отнюдь не был императивным [20, с. 222]; постоянно снижались поборы с крестьян, работающих на государственных землях; государство перестало брать деньги на строительство складов с работающих на землях дон диезов [20, с. 102]) заставляет предположить, что, разоружая зядинцев, Тхе то боялся не столько возникновения антигосударственных и антиправительственных выступлений, сколько обострения внутренних классовых и социальных противоречий помещиков и их зависимых, арендаторов; предпринимателей и эксплуатируемых ими рабочих, купцов и нанимаемого ими трудового люда, ростовщиков и их должников (недаром в 9-м месяце 1805 г. был введен запрет повышения 50%-ной ростовщической ставки [20, с. 252]).

Кампанию по возвращению беглых в родные места в Зядини также следует, на наш взгляд, рассматривать как борьбу с источником социальной нестабильности, способным вызвать общественный конфликт, а не как мероприятие, обеспечивающее обработку земель и укрепление общины (как это было на Севере); возвращающихся беглецов не призывали обрабатывать заброшенные земли [20, с. 132], ибо было совершенно очевидно, что таковых у них не имеется, а работают они на землях помещика.

Войска в Зядини в этот период исполняли в основном полицейские функции [20, с. 215—216], охраняли и патрулировали местность в поисках «воров и бандитов» [20, с. 124].

Те вознаграждения, которые получила часть ветеранов (из числа неимущих бедняков, батраков, зависимых, воевавших под началом своих помещиков) эпохи антитайшонских войн, также имели целью снизить остроту внутренних социальных и классовых конфликтов в Зядини, в то время как другой части военных (в основном офицерству, рекрутирующемуся, во-первых, из помещиков, возглавлявших боевые дружины своих зависимых; во-вторых, из состоятельных городских торговых и предпринимательских слоев, способных собрать и экипировать отряды солдат) предоставлялись награды в силу принадлежности к экономически господствующему классу.

В 11-м месяце 1802 г. после возвращения из Бактхани всему унтер-офицерскому и солдатскому составу армии (от дой чыонга и ниже), происходящему из Зядини, Биньтхуана и Бинькханга, был разрешен выбор: остаться служить в войсках либо вернуться «на отдых» на Крайний Юг. В случае продолжения службы в армии семьям оставшихся в войсках выдавалось денежное и рисовое содержание. Вернувшиеся могли выбрать себе занятие по своему усмотрению. Семьи больных и умерших находились на попечении местных властей [20, с. 90]. Местные власти выдавали и деньги для доставки на родину останков солдат, умерших вдали от дома [20, с. 92].

Средний и высший офицерский состав (от кай доя и выше) оставался в Фусуане и мог выехать в Зядинь только по официальному разрешению и на точно установленный срок [20, с. 90].

Все зядиньцы, как вернувшиеся домой, так и оставшиеся на службе в армии, получили определенную часть из тех 50 тыс. куанов, которые были выданы войскам в 11-м месяце 1802 г. по возвращении из Бактхани [20, с. 87]. В 7-м месяце 1803 г. вернувшимся «на отдых» зядиньским воинам, среди которых были уже не только унтер-офицеры и солдаты, но и среднее и старшее офицерство, было выдано 30 тыс. куанов денег и 30 тыс. фыонгов очищенного риса. Эта сумма должна была распределяться «по чину», причем разница, получаемая высшими (тянь ве, тянь тьи) и низшими (дой чыонг и простые солдаты), была небольшой — 7 : 3 (7 куанов денег, 7 фыонгов риса и 3 куана, 3 фыонга). Слова правителя, обращенные к его приближенным, свидетельствуют о том, что это небольшое денежное и рисовое пожалование имело целью помочь прежде всего тем из его бывших воинов, кто «не имел земельного имущества» [20, с. 137]. По-видимому, речь шла не только о городских слоях населения, но и о батраках, зависимых крестьянах, кабальных арендаторах. В 1-м месяце 1804 г. по просьбе Нгуен Ван Тханя сыновья и младшие братья зядиньцев, служащих в Передней армии, были освобождены от военных и трудовых повинностей [20, с. 162].

Таким образом, в 1803—1806 гг. центральная власть самыми различными мерами (от чисто полицейских до экономических) поддерживала определенный уровень стабильности в Зядини. Следует отметить, что эти меры достигали желаемого эффекта: в Зядинь стремились возвратиться. Солдаты из Бактхани (там еще оставались войска южан, которые составляли определенную часть Передней армии) массами бежали на Крайний Юг. Их ловили на горных перевалах и в морских портах и отправляли в столицу. В 3-м месяце 1803 г. Тхе то приказал отпустить домой беглецов, выдав им деньги, рис и одежду [20, с. 120].

Производилась и массовая демобилизация зядиньцев из армии. В 12-м месяце 1802 г. старая зядиньская армия Тхан шать была сокращена до одного ве, которое перевели в Зядинь [20, с. 96]. Новая армия Тхан шать состояла теперь из одних жителей Тхань—Нге. В 11-м месяце 1802 г. были отпущены домой зядиньские кхмеры Нгуен Ван Тона [20, с. 92], которым за полгода до этого было выдано 200 унтер-офицерских дипломов [20, с. 27]. Отвод войск продолжался на всем протяжении периода 1803—1806 гг. При этом в столицу из Зядини (в отличие от Бактхани и Тхань—Нге) войска вызывались лишь эпизодически, да и то очень небольшими частями [20, с. 224, 242]. Это была еще одна, и притом очень существенная, льгота Крайнему Югу.

Если говорить о самых важных привилегиях военным, то

прежде всего необходимо упомянуть «бангкокцев», т. е. тех людей, которые сопровождали Нгуен Аня, бежавшего в 1784 г. в столицу Сиама Бангкок от преследования тайшонских войск.

Их было не так много: в 1805 г. в Зядини проживало 150 отставных «бангкокцев» [20, с. 235—237]. Прежде всего Тхе то постарался обеспечить материальную поддержку «бангкокцам» трех категорий: в первую входили те, кто вышел на пенсию в связи с боевыми ранениями, во вторую — те, кто ушел в отставку по старости и болезни, в третью — те, кто совершил дисциплинарные нарушения, но был прощен. При определении пенсионных ставок учитывался и военный чин. Разрыв ставок старших офицеров высшей категории и солдат низшей категории был довольно значительным — 24 : 1 (12 куанов, 12 фыонгов и 0,5 куана, 0,5 фыонга) [20, с. 88].

Кроме вышедших в отставку по «недееспособности» и совершивших нарушения дисциплины, Тхе то в период 1803—1806 гг. никого из «бангкокцев» и их потомков пожаловать не успел. Лишь накануне принятия императорского титула правитель пожаловал высшим офицерам из их числа «шапки и платье» [20, с. 278], да в 1-м месяце 1803 г. распорядился составить списки умерших «бангкокцев» и их старших сыновей [20, с. 107], намереваясь освободить последних от налогов и повинностей.

Наиболее массовым получателем пожалований от Тхе то в 1803—1806 гг. был слой людей, вступивших в зядиньскую армию с 1788 по 1800 г. и вышедших в отставку из-за боевых ранений, по болезни и по старости. В соответствии с распределением по этим трем группам и в зависимости от чина ветеранам разрешалось иметь различное количество официальных «зависимых» (тхуок бинь), которые освобождались от трудовой повинности (зао зить) в пользу государства. Старшим офицерам предоставлялась возможность держать у себя 8 тхуок биней, а солдатам — одного [20, с. 89]. В пожаловании тхуок биней были заинтересованы помещики. Так как именно они играли ведущую роль в войсках Тхе то в период антитайшонских войн, да и впоследствии являлись основной составляющей его социальной базы, правитель не мог не считаться с их интересами.

О том, что верховная власть всецело защищала в это время интересы зядиньских помещиков, свидетельствуют исключительно низкие налоговые ставки с помещичьих рисовых плантаций. Налоги в Зядини в период правления Тхе то (и в первые 15 лет правления Тхань то) никак не могли обременить помещика, ибо были по меньшей мере в 16 раз ниже налогов со средней (второй) категории полей в Центре [146, с. 74].

Формально запрещая захват кхмерских земель, Тхе то в то же время, по существу, признавал такие захваты, если вьетнамские помещики успевали составить кадастры полей на захваченных землях до того момента, как кхмеры подавали офици-

альную жалобу [20, с. 251]. Однако острых конфликтов в это время с кхмерами не было.

Продолжалось проникновение вьетнамцев в глубь иноэтничных территорий. Не довольствуясь рынками, учрежденными на границах с районами обитания соседних народностей, купцы-кини, несмотря на запреты, двигались дальше, находя поддержку своим предприятиям у пограничных чиновников [20, с. 238]. В итоге «осваивались» новые территории.

В середине 1805 г. для защиты от малайских пиратов побережья и острова Пуло-Кондор (вьет.: Конлон) в прибрежных водах Зядини было организовано патрулирование как государственных, так и частных вооруженных кораблей [20, с. 238]. Через четыре месяца данное мероприятие дало значительный эффект. По сообщению генерал-губернатора Зядини от 10-го месяца того же года, малайские пираты «более не беспокоили население Конлона». В связи с этим табуны «государственных» лошадей расплодились там в таком количестве, что решено было отобрать часть коней и, предварительно их выездив, отправить в Фусуан [19, с. 254].

Генерал-губернатором Зядини вплоть до 2-го месяца 1805 г. был Нгуен Ван Нян [20, с. 227]. Находясь в администрации Крайнего Юга с 1799 г., когда ему впервые было поручено «помогать» в управлении принцу Хи [19, с. 306], Нян, как никто другой, мог ощутить те перемены, которые происходили в Зядини в процессе перехода от «войны» к мирной жизни. Если общее экономическое положение вверенной ему области не вызывало особого беспокойства (налоги по его просьбе всегда снижались [20, с. 179]), то с проблемой сохранения за Зядинью ведущей роли в деле поставки кадров для центрального и местного провинциального управления обстояло явно неблагополучно. А это был вопрос политический, ибо от того, кто будет в последующие годы находиться в аппарате управления страной (особенно на его высшем иерархическом уровне) — южане, северяне либо жители старых нгуеновских районов — в значительной мере зависело если не направление государственной политики, то по крайней мере успех или неудача ее реализации.

В мирное время, когда зядиньцы массами стали возвращаться домой, даже столичных чиновников правителю с трудом удавалось удержать в Фусуане [20, с. 237]. Когда же началась постепенная замена военных кадров гражданскими (пока, правда, еще только на второстепенных должностях), политическое будущее страны в значительной мере зависело от того, сумеют ли зядиньцы адаптироваться в новых условиях, в частности смогут ли они обеспечить себе доминирующую роль в гражданском управленческом аппарате Центра и Севера путем успешной сдачи конкурсных экзаменов, ибо именно эта система должна была стать определяющей при формировании нового чиновничьего корпуса. Как раз на этот счет у Нгуен Ван Няна возникали серьезные сомнения, ибо он видел необычайное

оживление деловой и предпринимательской активности, но в то же время наблюдал спад интереса южан к внезядиньским проблемам, в определенной мере замыкание Крайнего Юга на себя (кроме торговой деятельности, которая охватывала всю страну), отсутствие интереса к продвижению по административной лестнице (а уж путем сдачи экзаменов в особенности), нежелание служить в столице. Поэтому губернатор Крайнего Юга решил всячески способствовать формированию в Зядини слоя «сознательных» претендентов на гражданские чиновничьи должности как в столице, так и по всей стране. Но для этого необходимо было подготовить традиционно образованных «учеников», способных удовлетворять определенным требованиям, предъявляемым на конкурсных экзаменах. Поэтому в 11-м месяце 1803 г. Нгуен Ван Нян направил в Фусуан доклад, в котором просил разрешить ему наладить первичное обучение учеников с самого раннего возраста.

Такое разрешение было получено, и в каждой административной общине (са) была учреждена официальная должность учителя, на которую подбирался «добродетельный и образованный человек», получавший освобождение от трудовых повинностей. В такой общинной школе дети из состоятельных семей изучали с восьмилетнего возраста и вплоть до совершеннолетия книги конфуцианского канона [20, с. 149], а затем должны были пробовать свои силы на провинциальных конкурсах. Там некоторые получали звания лауреатов, менее удачливые освобождались в разной степени и на разный срок от трудовых и воинских повинностей, а провалившиеся возвращались к службе в армии и выполнению общественных работ.

Но от последних в богатых семьях могли откупиться и так. Кроме того, отпускать из хозяйства «образованных» детей на административную службу зядиньцы не очень хотели, так как эта служба не была столь престижна и не обеспечивалась такими материальными благами, как на Севере. Поэтому богачи не хотели отдавать своих детей в ученики, а бедняки просто не могли этого делать. Кроме того, напряженному и уединенному корпеню «по северной модели» над книгами отнюдь не способствовали веселые обычаи вьетнамского Крайнего Юга: пирры, азартные игры, шумные празднества. Для борьбы с этими «пороками» своих учеников учителям было дано даже право обращаться к помощи государственных чиновников, которые карали наиболее нерадивых [20, с. 149]. Однако все эти меры были малоэффективны, и Зядинь неуклонно скатывался на положение административной и политической периферии.

В 8-м месяце 1804 г. на Крайнем Юге была преобразована центральная администрация. Главный зинь в связи с переездом правительства в Фусуан был упразднен, а в управлении чана были созданы два ти, насчитывающие по 100 служащих, взятых из аппарата ликвидированного главного зиня. Центральная администрация чана делилась на четыре отдела: финансов, во-

енный, юстиции и общественных работ [20, с. 213]. Этих отделов было в Зядини в то время даже больше, чем в Бактхани, где отсутствовал отдел общественных работ. Но в Бактхани и не было такого корабельного строительства.

За управление Зядинью Тхе то в 1804 г. пожаловал Нгуен Ван Няну меч [20, с. 209]. Однако во 2-м месяце 1805 г. Нян был отозван в Фусуан, на смену ему были посланы знаменитый флотоводец Нгуен Ван Чыонг и энергичный управляющий ведомства финансов Чинь Хоай Дык, зядинец-«традиционалист», в полной мере раскрывший свои политические симпатии лишь при императоре Тхань то, а во времена его отца занятый составлением изумительного по широте охвата «Всеобщего описания Зядини» [33].

Чыонг был назначен генерал-губернатором Зядини, а Дык — его заместителем [20, с. 227]. Через год своей административной деятельности они отказались от престижного «права на жизнь и смерть» в отношении населения Зядини и предложили Тхе то самому выносить окончательные судебные решения смертных приговоров [20, с. 267].

Уже к 1806 г. в Зядини видно не столько нежелание, сколько неспособность администрации обуздать разгулявшуюся стихию частного предпринимательства и торговли. Через некоторое время на этой почве чуть не разразился конфликт.

Восстановление старых норм государственно-феодальных повинностей, социально-экономической политики и системы управления в старых районах Дангчаунга

Социально-политическая ситуация в основных районах Центра, исконном «доме» Нгуенов, была иной. Это объяснялось прежде всего тем, что экономическое положение в Центре в отличие от Зядини было постоянно тяжелым. А после начала работ по сооружению новой столицы в 1804 г. продовольственная ситуация к северу от Биньдиня еще более ухудшилась и стала угрожающей.

Разросшаяся территория столицы должна была включить восемь общин вместо одной, полная перестройка города требовала громадных расходов материальных средств и затрат человеческих усилий. Расширением дорог и отсыпкой песчаного грунта занималась армия. Ежемесячно всем солдатам выплачивалось по 1 фыонгу очищенного риса и по 1 куану денег [20, с. 116].

В связи со строительством городских стен, храмов и дворцов затрагивались частные владения, и государство выплачивало деньги за занятую землю, разрушенные дома и гробницы. Часть жителей из общины Фусуан была переведена в общину Вансуан, в связи с чем переселенцам предоставили на новом

месте земли для постройки жилищ и выдали субсидию в размере 1000 куанов [20, с. 116].

В 5-м месяце 1803 г. в Куангнгае, где шли сражения с горцами, стало не хватать риса. Начался голод, и Тхе то снизил поземельные налоги на 1803 г. с этой провинции на 40%. Отложено было и взимание поземельных налогов с Куангнама, Куангдыка, Куангчи и Куангбиня [20, с. 128]. Несмотря на это, в 8-м месяце ощутилась нехватка продовольствия не только в Куангнаме, где со складов выдали 5 тыс. фыонгов очищенного риса [20, с. 141], но и в столичном Куангдыке, в связи с чем в Центр стали привлекать зядиньских торговцев, которым государство помогалo транспортом [20, с. 139].

В 3-м месяце 1804 г. было начато строительство трех храмов предков Тхе то [20, с. 171]. Почти одновременно приступили к сооружению дворцов правителя (Кан тянь), его матери (Чыонг тхо) и главной жены (Кхон дык) [20, с. 172]. В том же месяце «в связи с засухой» на всей территории южнее Нгеана были сокращены поземельные и подушные налоги. В Куангдыке и в Куангчи их снизили на 50%, а в остальных провинциях Центра — несколько меньше [20, с. 172]. Нарастание кризисных явлений в экономике Центра было очевидным, требующим принятия срочных мер.

Когда же в 4-м месяце 1804 г. армии было приказано за короткий срок построить километровую стену «запретного» города высотой в 3 м с шестью воротами, а затем соорудить стену «императорского» города длиной в два километра, высотой более пяти метров и шириной около метра, с пятью воротами и четырьмя внутренними прудами [20, с. 176], то генерал-губернатор Зядини Нгуен Ван Чыонг подал правителю доклад, в котором высказал опасения по поводу того, что «постоянно принуждаемый к работе народ... жалуется» [20, с. 191].

Опасность столь значительного увеличения объема грудовых работ была понятна не только зядиньскому генерал-губернатору. Ле Ван Зюет неоднократно предостерегал Тхе то против «чрезмерного истощения сил народа» [20, с. 191]. Но правитель был непреклонен и распустил (предварительно наградив) солдат и ремесленников только тогда, когда работы по сооружению стен «запретного» и «императорского» городов были закончены. Это было сделано в фантастически короткий срок — за два месяца [20, с. 177—191]. Однако уже в 7-м месяце 1804 г. население Куангдыка снова было занято строительством, теперь уже — столбовой дороги [20, с. 206].

Одновременно ухудшается положение на юге Центра: в Биньдине из-за эпидемии в 7-м месяце 1804 г. отменяются все «несрочные» работы [20, с. 206], а в Фуиене в 9-м месяце в связи с нехваткой продовольствия власти открывают казенные склады и раздают в долг рис [20, с. 211].

Лишь только в 9-м месяце 1804 г. заканчивается сооружение трех храмов предков Тхе то [20, с. 212], как правитель присту-

пает к строительству новых кораблей европейского типа, а также традиционных морских судов [20, с. 212].

Тяжелая ситуация в экономике стала устойчивой, ибо со 2-го месяца 1805 г., как раз тогда, когда было закончено строительство дворца Кан тянь, начались отмены поземельных и подушных налогов, не связанные с каким-либо конкретным неблагоприятным событием (неурожаем, стихийным бедствием и т. д.). Об отмене определенной части налога во всех провинциях страны объявлялось еще до получения известий о результатах сбора урожая. По той доле налога, которая отменялась, в определенной мере можно судить о распределении тяжести государственных повинностей на различные провинции. Во 2-м месяце 1805 г. в Куангдыке и Куангчи, где не прекращалось строительство кораблей, для которых лесорубы должны были поставлять лес, оплачиваемый деньгами [20, с. 229], отменялось 50% подушных и поземельных налогов, в Куангбине, Куангнаме, Куангнгае и Биньдине — 40% только поземельных, в Фуиене, Биньхоа и Биньтхуане — 50% поземельных налогов. Для сравнения отметим, что из остальных провинций лишь в Нгеане было отменено 40% поземельных налогов. Всем остальным провинциям Вьетнама налоги снижались в размере 30—20% [20, с. 226].

В это же время большими партиями (по 20 тыс. фыонгов) стали завозить рис в южные районы Центра — Зиенкхань [20, с. 229]. Ухудшение экономического положения в этих районах шло медленнее, чем в более северных, ибо туда легче было поставлять продовольствие из Зядини. И хотя продовольственные трудности там неуклонно возрастали, но и борьба с ними была постоянной: в 5-м месяце 1805 г. в Зиенкхань снова завезли 10 тыс. фыонгов очищенного риса [20, с. 234].

Но все предшествующие трудовые повинности должны были показаться солдатам и гражданскому населению простыми заплатами по сравнению с тем объемом работ, который они обязаны были выполнить в течение четырех месяцев 1805 г. (с 4-го по 8-й месяц). В этот период им следовало построить городскую стену длиной в восемь километров с окружным рвом, 10 воротами и 13-метровой «флаговой башней» [20, с. 231]. К строительным работам были привлечены не только солдаты, крестьяне и горожане пяти Куангов и Биньдина, в столицу были также вызваны войска из Бактхани и Тханьхоа—Нгеана.

Рабочий день длился с восхода солнца до полудня, а затем, после небольшого перерыва, — до 6 часов вечера [20, с. 231]. В то же время Тхе то умел платить. Месячные ставки жалования всем работающим были увеличены и составляли теперь 1 куан 5 тиенов денег и 1 фыонг 15 батов очищенного риса [20, с. 231]. По завершении строительства парадного дворца Тхайхоа солдатам и ремесленникам в 8-м месяце было выдано 1000 куанов [20, с. 244]. А когда закончилось строительство городской стены в пяти Куангах и Биньдине, вместо прежнего

50%-ного сокращения всех налогов на 1805 г. они были отменены полностью [20, с. 244]. В Куангбине и Куангчи перед этим были отменены поставки леса [20, с. 233].

В первой половине 1806 г. в столице спешно завершалось строительство культовых сооружений: во 2-м месяце к югу от городской стены в общине Зыонгсуан был возведен трехъярусный алтарь Намзяо, где совершались жертвоприношения Небу и Земле [20, с. 265—266], а в 3-м месяце был построен жертвенник Сатак, посвященный растительным силам природы, злакам родной земли, урожаю [20, с. 369—370]. За возведение Намзяо войска получили 5 тыс. куанов [20, с. 266].

Грандиозные сооружения новой столицы, ее крепостные стены, дворцы и храмы внутреннего города восхищали посещавших в то время Фусуан европейцев, чьи описания рисуют картину Хюэ начала века, в значительной степени перестроенного последующими императорами. Тхе то очень торопился с завершением строительства, так как готовил церемонию принятия императорского титула. Эта спешка крайне изнуряла жителей Центра, особенно городскую и деревенскую бедноту, на которую падала основная масса повинностей. Зядинь же в это время «отдыхала», посылая в Центр только рис и деньги.

Тяжела была на территории от Куангбиня до Биньтхуана и служба в армии. Если в Бактхани и Тханьхоа—Нгеане в войска брали 1 человека от семи тягловых, а в Зядини в это время те, кто не хотел, мог вообще не служить, то в Центре солдатом становился каждый третий полноценный налогоплательщик [20, с. 251].

Зато солдатам Центра должны были выплачивать земельное жалованье (жуонг лыонг) и давать земельный пай (жуонг кхау фан) из фондов общины. В Куангдыке норма выдачи земельного жалованья в размере 1 мау была установлена еще в 5-м месяце 1802 г. [20, с. 29]. По правилам наделения общинным паем от 4-го месяца 1804 г. обычные войска Центра наделялись 8,5 паями, а дворцовая стража и гвардия — 9 паями [20, с. 186].

Однако общинной земли в Центре для выдачи солдатам явно не хватало. В связи с этим стали возникать судебные тяжбы по поводу того, кому пользоваться земельным жалованьем. В 11-м месяце 1804 г. этот вопрос по поручению Тхе то обсуждался высшими столичными чиновниками — динь тханями, которые установили, что первыми получают земельное жалованье ветераны, поступившие на службу в 1800 г. и ранее, а затем оставшуюся часть получают те, кто был взят в армию позднее [20, с. 215].

Как раз эти последние, т. е. основная масса солдат Центра, земельного жалованья большей частью не имели. Тогда, чтобы обеспечить армию, Тхе то сделал еще один шаг к отделению служилых феодалов от землевладения и превращению их в платных государственных служащих. В 6-м месяце 1805 г. бы-

ло запрещено выдавать земельное жалованье чиновникам и секретарям, которые получали теперь всю плату в денежной и натуральной форме [20, с. 239].

Но и это не решало проблемы. А между тем, по правилам, установленным в 1806 г., солдаты Центра не имели права требовать от своих общин ничего, кроме земельного жалованья [20, с. 263—264]. Те из ли зитей, т. е. общинных старост, кто «вымогал» средства у крестьян в пользу солдат, наказывались [20, с. 264]. Не имели права ничего требовать у общин и офицеры. В случае вымогательства крестьяне общин могли через местных чиновников подавать на офицеров жалобы в военное ведомство [20, с. 264—265].

Таким образом, в отличие от Севера, где община наряду с предоставлением земельного пая полностью одевала и кормила войско, ежемесячно выдавая деньги, в Центре деревня оказалась совершенно неспособна содержать армию, ибо земельного жалованья она выделить солдатам чаще всего не могла.

Вследствие этого ситуация в войсках Центра была очень сложной, возможно поэтому там были облегчены наказания за бегство по сравнению с наказаниями бактханьских солдат. Если северянам после первого бегства давали 90 плетей, а при повторном — рубили голову, то солдаты Центра после первого бегства получали 50 плетей, после второго — 70 и только после третьего клали голову на плаху [20, с. 264, 72].

Так же как и на Севере, в Центре служили до 50 лет, больных и умерших заменяла община. Беглецов должны были заменять родственники и только при отсутствии таковых потерю возмещала деревня [20, с. 264].

Несли службу солдаты Центра по очереди [20, с. 264]. Именно так было приказано служить войскам из Фуиена и всех более северных провинций вплоть до Нгеана после возвращения армии Тхе то из Тханглаунга в Фусуан в 11-м месяце 1802 г. [20, с. 90]. Кроме части из тех 50 тыс. куанов, которые Тхе то по прибытии поделил между ними и зядиньцами [20, с. 87], солдаты Центра за свое участие в походе на Север так ничего и не получили.

В связи с невозможностью обеспечить земельным жалованьем всех солдат Центра Тхе то накануне принятия императорского титула осуществил кардинальное мероприятие: исключил из числа получателей общинного земельного жалованья основную массу солдат и наделил этим жалованьем лишь дворцовую стражу и часть гвардии [20, с. 279]. В некоторых из этих частей служили «здоровые и сильные» от 25 до 30 лет [20, с. 265]. Кроме земельного жалованья страже и гвардейцам разрешалось иметь одного зависимого из числа «внесписочных», освобожденных от трудовых работ и обязанных платить налоги по категории военнообязанных (куан) [20, с. 279]. Право на получение официального зависимого прежде всего нужно было помещикам, ибо только они могли платить за такого зависимо-

го подушный налог по категории военнообязанных (куан). Зная о том, что власти стремились зачислить в армию военнообязанных из «многолюдных и богатых» домов, сопоставляя это с тем фактом, что в дворцовую стражу и гвардию необходимо было специально отобрать солдат из числа многих, имея целью взять только надежных, чтобы исключить бегство и обеспечить охрану государя, можно предположить, что в эти войска и попадали в основном дети помещиков и деревенских богачей. Возможно, не случайно это носящее яркую социальную окраску мероприятие было проведено прямо перед вступлением Тхе то на императорский престол.

Уменьшение общинного земельного фонда, с одной стороны, и усиливающееся перемещение беглых крестьян из деревни в деревню — с другой, привели к тому, что общинные власти Центра, представленные социально и имущественно привилегированными слоями деревни, отказывались предоставлять «пришлым» дворам (кхатъ хо) официальный статус «основных» дворов (тьинь хо) и соответственно наделять их на этом основании земельным паем из общинного фонда, несмотря на то, что «пришлые» дворы уже в течение длительного времени жили на новом месте и даже платили подушный налог по ставкам «основных» дворов (последнее, естественно, не всегда, не повсеместно и далеко не всеми «пришлыми» дворами). Подобная дискриминация общинными властями «пришлых» дворов, которым был практически закрыт доступ в «основные», наносила значительный материальный ущерб казне, ибо «пришлые» дворы платили пониженный подушный налог. Восстановить доходы от подушного налога власти попытались чисто административным методом: в 1-м месяце 1805 г. на всей территории от Нгеана до Зиенкхани было приказано считать «основными» дворами не только тех, кто жил в данной общине всегда, но и тех, кто был внесен в списки тягловых до 1803 г. Уплачивая подушный налог по ставке «основных» дворов, такие лица имели право на получение общинного земельного пая [20, с. 221—222].

Результатом этого мероприятия должно было явиться официальное дробление общинного земельного фонда между значительно увеличивающимся количеством держателей, основательно пополнявшихся за счет «пришлых» дворов. В условиях резкого сокращения общинного фонда земля это было трудно выполнимым и приводило к серьезным социальным конфликтам между коренным населением деревни Центра и чужаками. Впрочем, сами власти предусматривали ограниченный характер реализации данного указа: в тех деревнях, где не было общинных земель, все чужаки вне зависимости от времени своего прихода на новое место проживания зачислялись в категорию «пришлых» дворов, имеющих определенные налоговые льготы. Количество таких деревень должно было быть очень значительным, коль скоро о них упоминается в официальной хронике правления императоров династии Нгуенов [20, с. 222].

Примечательно, что даже при острой нехватке земли для солдатского жалования и наделения пришлых в Центре, при Тхе то никто ни разу не поднимал вопрос о переводе частной земли южнее Нгеана в общинную или непосредственно принадлежащую государству. Что касается последней, то даже заброшенные поля, превращенные династией Тайшонов в земли куандиенг чанг, были возвращены как в общины, так и прежним частным владельцам [20, с. 102].

При этом следует отметить, что в Центре наряду с помещиками частной землей владело значительное число крестьян. Поэтому пониженное налоговое обложение частной земли по сравнению с общинной, как это было на Севере, создало бы льготные условия хозяйствования и массовым слоям крестьянства, что совершенно не соответствовало классовым интересам позднефеодального государства. Поэтому налогообложение общинных и частных земель в Центре было одинаковым: 40 тхангов риса с 1 мау земли первой категории, 30 тхангов — со второй категории, 20 тхангов — с третьей категории [20, с. 111]. Крестьяне платили ренту-налог и с тех и с других земель, а помещики, захватывая власть в общине и ставя на административные должности своих людей, получали возможность укрывать земли от налогов, получая с них высокую ренту от эксплуатации зависимого крестьянства и арендаторов. По-видимому, общинные земли тоже могли попадать в фактическое распоряжение помещиков, которые, с помощью местной администрации утаивая их от обложения, также могли получать с них ренту.

Во 2-м месяце 1803 г. на всей территории бывшего Дангчаунга (включая Зядинь) была вновь введена официальная ранжировка тягловых групп и установлены новые ставки подушных налогов. Последние были сокращены в среднем в 1,5 раза по сравнению с прежними зядиньскими, которые в военное время взимались и с некоторых провинций Центра по ставкам тягловой группы «куан». Ранжировка тягловых полностью соответствовала старому дангчаунгскому делению на «основные» и «пришлые» дворы и делению тягловых внутри «основных» и «пришлых» дворов на группы «чанг», «куан» и «зан».

Основной постоянной единицей обложения в Центре (как и в Зядини) был внесенный в определенную тягловую категорию налогоплательщиков податный, в то время как на Севере в этот период продолжало действовать постоянное подушное обложение целой общины, зафиксированное в 1794 г. и с этих пор более не изменяющееся, не зависящее ни от увеличения, ни от уменьшения численности тягловых, которые в связи с этим каждый раз платили различную сумму подушных налогов. На территории бывшего Дангчаунга, напротив, размер подушного налога каждого полноценного тяглого был точно зафиксирован и зависел, во-первых, от его отношения к общинному землевладению (будучи держателем общинной земли, он входил в «ос-

новные» дворы — тинь хо, и платил повышенные подушные налоги; не получая таковой, он принадлежал к «пришлым» дворам — кхать хо и вносил пониженные подушные подати), во-вторых, от включения в ту или иную податную категорию («чанг» — «крепких», «куан» — «военнообязанных», «зан» — «простых») как внутри «основных», так и внутри «пришлых» дворов.

В группе «основных» дворов «крепкие» платили 1 куан 6 тиенов, «военнообязанные» — 1 куан 4 тиена, «простые» — 1 куан 2 тиена. В группе «пришлых» дворов все податные категории подушных налогоплательщиков вносили на 2 тиена меньше: «крепкие» — 1 куан 4 тиена, «военнообязанные» — 1 куан 2 тиена, «простые» — 1 куан.

Кроме того, со всех налогоплательщиков на нужды государственного культа дополнительно собирались деньги на ламповое масло и на четки в размере 1 тиена [20, с. 111—112].

Таблица 1

**Распределение тягловых «основных»
и «пришлых» дворов
в Центре и на Крайнем Юге
по трем данным категориям
в соответствии с численностью налогоплательщиков ***

Численность тягловых в группах	Категории тягловых		
	«крепкие»	«военнообязанные»	«простые»
8	3	2	3
7	2	3	2
6	2	2	2
5	2	1	2
4	1	2	1
3	1	1	1
2	1	0	1
1	0	1	0

* Источник: [20, с. 112].

Лишь 10% полноправных совершеннолетних налогоплательщиков внутри двух групп дворов («основных» и «пришлых») разрешалось вносить в категорию «наемных» («ко»), либо «бедных» («кунг»), либо «беглых» («дао»), освобождающихся от уплаты подушного налога. Остальные 90% тягловых равномерно делились на три основные категории полноправных совершеннолетних налогоплательщиков: «крепких», «военнообязанных» и «простых». В том случае, если численность тягловых в обеих группах дворов не достигала полного десятка, в категории «наемных», «бедных» и «беглых» вносить никого не позволялось, а имеющееся количество налогоплательщиков распределялось по основным трем податным категориям (табл. 1) [20, с. 112].

Если число основных налогоплательщиков, превышающих

кратное десяти, насчитывало в обеих группах лишь одного тяглого, то его включали в категорию «военнообязанных», заставляя платить среднюю между двумя «крайними» подушную налоговую ставку (налоговая ставка «крепких» + налоговая ставка «простых»).

Если же налогоплательщиков, превышающих состав полных десятков, было двое, то их вносили в две «крайние» податные категории — «крепких» и «простых», общая сумма налога с которых равнялась удвоенному налогу с категории «военнообязанных» (налоговая ставка «средних» $\times 2$). При дальнейшем увеличении численности налогоплательщиков, превышающих полные десятки, всегда равное их количество зачислялось в «крайние» категории, «уравновешивавшие» друг друга и дававшие в сумме удвоенный налог с категории «военнообязанных», а остаток вносился в категорию «военнообязанных». В результате подобного распределения по податным категориям общая сумма налога с основных тягловых, превышающих полные десятки, равнялась величине ставки с податной категории «военнообязанных», умноженной на число таких «некомплектных» тягловых. Таким и только таким путем можно было достичь строгого пропорционального увеличения подушных налогов с любого числа налогоплательщиков, превышающих полные десятки, при неравной величине налоговой ставки с различных основных податных категорий.

Вопрос о социальной характеристике тягловых категорий «крепких» («чанг»), «военнообязанных» («куан») и «простых» («зан») на территории бывшего Дангчаунга заслуживает самого тщательного исследования, но на сегодняшний день не может быть решен окончательно. Есть некоторые основания полагать, что наличие различных податных категорий совершеннолетних полноценных налогоплательщиков как внутри «основных», так и «пришлых» дворов отражало имущественное различие, ибо дифференциация по возрастному и физическому признакам уже нашла свое отражение в других податных категориях: «юноши», «пожилые», «увечные». В противном случае государственным властям вместо создания такой сложной системы пропорционального увеличения подушных налогов с различных податных категорий, имеющих неодинаковые налоговые ставки, проще было ввести, как это было сделано в Бактхани начиная с 1807 г., равные подушные налоги для всех совершеннолетних полноценных налогоплательщиков в общине, упразднив деление на «крепких», «военнообязанных» и «простых».

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения дают возможность судить о том, что при наличии в южновьетнамской (зядиньской) семье, состоящей из более чем двух братьев, одного или двух человек, исполняющих чиновничьи обязанности либо служащих в армии, остальные члены семьи вносятся в категорию «зан» и освобождаются от военной службы [21, с. 221].

Наличие различных категорий тягловых на территориях быв-

шего Дангнгоая и бывшего Дангчаунга, повторяем, требует дополнительного изучения. Деление полноценных налогоплательщиков южнее Нгеана на податные категории «крепких», «военнообязанных» и «простых» с официальной точки зрения не должно было охватывать беднейшие слои дангчаунгской деревни, для которых властями были отведены специальные податные или, вернее, неподатные категории «бедных» («кунг»), «наемных» («ко») и «беглых» («дао»). Однако поскольку в действительности их численность намного превышала установленную норму в 10%, то «избыточное» количество бедняков обязано было платить налоги и исполнять повинности.

Наряду с официально регистрируемыми в списках административной общины тягловыми, так называемыми «списочными», существовали лица, живущие в данной общине, но не внесенные в ее податные списки. Иногда это могли быть даже состоятельные люди, не допускаемые общинным «патрициатом» в ряды полноправных (тьинь хо) и даже ограниченных в правах (кхатъ хо) жителей общины. Однако чаще всего это были неимущие: бедняки, наемные работники, мелкие арендаторы, бесправные зависимые, челядь в домах помещиков и чиновников. Они не были в состоянии платить сами за себя налоги, а их хозяева не желали уменьшать эксплуатацию своих работников на величину государственных податей и повинностей, дабы не остаться «в убытке», что должно было неминуемо последовать при внесении их в списки тягловых. Так как усиление общего объема эксплуатации вело к обострению социальных конфликтов и было крайне опасно для помещиков, то последние сами способствовали тому, что бедняки уклонялись от уплаты подушного налога и несения повинностей, в связи с чем государственные власти называли их то «укрывающимися» от внесения в списки тягловых, то «внесписочными».

«Укрываемыми» от внесения в списки тягловых их называли только тогда, когда правительство проводило кампанию по включению в систему государственно-феодальной эксплуатации тех лиц, которым ранее удавалось ее избегать. Такие кампании в начале XIX в. были недолгими, в значительной степени формальными и ограничивались коротким периодом времени после издания соответствующего указа. Для Центра и Зядини такой указ был издан в 5-м месяце 1803 г. Направленность этого указа носила наименее выраженный антипомещичий характер из всех указов подобного рода: не делалось никакого различия ни в размере наградных за донос на имущего (ко зя шан) и неимущего (кхонг ко зя шан) [за выявление обоих доносчик получал 30 куанов], ни в наказании, которому должен был подвергаться общинный староста за укрывательство имущего и неимущего. Чрезвычайно существенным было то, что общинный староста был единственным лицом, которое несло всю ответственность за фальсификацию списков тягловых. Сам «укрываемый» вообще никак не наказывался, что давало

помещику возможность в случае его выявления оставлять его у себя, уплачивая за него подушный налог. Общинные же старосты, которым при «укрывании» более 15 человек грозила смерть [20, с. 127], избирались, как уже отмечалось, большей частью из простых крестьян, в том числе и бедняков, которые даже под угрозой лишения жизни оставались послушными исполнителями воли общинной верхушки. Кроме того, так как за «укрывательство» имущих и неимущих старостам полагалось одинаковое наказание, то, естественно, они были более склонны рисковать из-за тех, кто мог дать им взятку.

Таким образом, изданный в 1803 г. указ о борьбе [20, с. 127] с «укрывательством» тягловых в Центре и Зядини слабо ударил по интересам помещиков, не только возложив всю вину на общинного старосту и освободив «укрываемых» от какой-либо ответственности за «преступление», но и создавая условия для подкупа общинной администрации и невключения в число тягловых в первую очередь имущих (ко зя шан).

К числу полутягловых налогоплательщиков в Центре (и Зядини) в это время относились «неполноценные» по возрастному и физическому критерию: «юноши» („зан динь“) от 18 до 20 лет, «пожилые» („лао“) от 56 до 59 лет, «увечные» („тат“). Все они платили половинную ставку категории «крепких» [20, с. 112].

По имущественному критерию от государственного тягла освобождались, как уже отмечалось, только самые бедные и эксплуатируемые социальные слои: «бедняки», «наемные» и «беглые», причем освобождение производилось лишь по установленной норме. Правда, если численность «беглых» превышала строго определенную квоту, налоги за них следовало платить только в течение года, после чего можно было вычеркивать из списков тягловых [20, с. 112]. Умершие исключались из этих списков немедленно.

С тягловых жителей деревень, поселков и городков, население которых вносило государству не поземельные рисовые подати, а промысловые и ремесленные налоги (биет нап), и выполняло «специальные» повинности по отношению к государству (биет тинь), подушные налоги были снижены: «крепкие» платили как «военнообязанные», а «пожилые» и «увечные» — половину [20, с. 112]. Таким образом, несмотря на декларативные заявления о поощрении сельскохозяйственных занятий, государство предоставляло определенные налоговые льготы местным промысловикам и ремесленникам, а также лицам, труд которых оно использовало отнюдь не в аграрной сфере, а преимущественно на городских и портовых работах.

Следует особо отметить, что этот указ не имел последствий. Источники не сообщают ни о каких практических мероприятиях государства, предпринятых в этом направлении. Напротив, вскоре власти дали «укрывающимся» другое определение — «внесписочные». Именно под этим полуофициальным названи-

ем феодальное правительство путем найма стало регулярно привлекать бывших «укрывающихся» к самого различного рода деятельности в интересах государства: службе в войсках (в основном провинциального подчинения), работе в качестве низшего персонала казенных управ, на почтовых станциях, при храмах, для обслуживания чиновников и т. д. Через некоторое время в Центре и на Крайнем Юге государство уже не могло обойтись без «внесписочных», и они заняли прочное место в социальной жизни общества этой части страны.

Анализ положения непривилегированных социальных слоев в Центре в 1802—1806 гг. дает возможность прежде всего с полной определенностью констатировать дальнейшее развитие частнофеодальных отношений в деревне. Резкое уменьшение общинного земельного фонда разделило крестьян на общинников в социально-экономическом плане, пользующихся общинным земельным паем («основные» дворы), и чисто юридических членов общины, либо владеющих частной землей, либо являющихся арендаторами и зависимыми на землях помещиков («пришлые» дворы). Отнюдь не собираясь восстанавливать общинное землевладение в прежнем объеме, государственные власти стремились только повысить сумму подушных налоговых поступлений, что можно было сделать, лишь переведя «пришлые» дворы в категорию основных, наделив их при этом также и общинной землей. В результате общинные наделы порой дробились и мельчали. Следствием этого являлся переход некоторой части прежде самостоятельных крестьян либо к аренде помещичьей земли, либо в зависимые и наемные работники крупных частных землевладельцев. Государство, со своей стороны, признало наличие глубоко укоренившейся имущественной и классовой дифференциации непривилегированной части деревенских жителей — тягловых. Верховная власть проводила резкую границу между имущими и неимущими («бедняками» и «наемными»), являющимися арендаторами, зависимыми и батраками крупных частных землевладельцев и в ряде случаев освобожденными от тягла. Часть фактически неимущих общинные власти в связи с наличием установленных квот не могли включить в официальные категории «бедных» и «наемных» и вынуждены были обязывать к несению государственного тягла. Однако реально они были такими же зависимыми и батраками в хозяйствах помещиков, подвергались такой же частнофеодальной эксплуатации, как и те, кто официально входил в категории «бедных» и «наемных». К числу эксплуатируемых на помещичьих землях относилась и значительная часть «внесписочных» или «укрывающихся» от внесения в списки тягловых.

Кампании по вовлечению их в систему государственно-феодальной налоговой и повинностной эксплуатации проводились в это время очень пассивно и формально. За «грехи» помещиков власти карали одних лишь общинных старост, заставляя частных феодалов только делиться частью доходов, получаемых от

эксплуатации труда «укрывающихся». Вскоре государство стало использовать в своих целях «внесписочных» точно так же, как их использовала часть помещиков — через наем. Таким образом, казна также переходила от налоговой и повинностной эксплуатации к более прогрессивным ее формам.

В неземледельческой сфере производства и добычи государство предоставляло местным ремесленникам и промысловикам определенные налоговые льготы. Такие же льготы получали и лица, используемые казной в городском и портовом хозяйстве.

Таким образом, анализ положения непривилегированных социальных слоев в Центре в 1802—1806 гг. свидетельствует о значительном развитии прогрессивных социально-экономических отношений в этом районе страны, об упрочении имущественного состояния помещиков — наиболее существенной опоры позднефеодального государства, о дальнейшем углублении классовой дифференциации в деревне и увеличении численности крестьянства, эксплуатируемого частными феодалами. Государственная власть в значительно большей мере способствовала усилению этих процессов, чем препятствовала их развитию. Более того, казна постепенно перенимала у помещиков новые, более «прогрессивные» способы использования в своих интересах рабочей силы народных масс, заменяя повинностные методы эксплуатации позднефеодальными и предкапиталистическими, одним из признаков которых был свободный наем за плату.

Значительные социальные привилегии были предоставлены определенной части городского населения. В 7-м месяце 1805 г. населению восьми столичных общин получило статус столичных горожан и связанные с этим статусом тягловые льготы: жители, дома которых находились в пределах внешней столичной стены (кинъ тхань), удостоились пожизненного освобождения от подушных налогов и трудовых работ, а всем тем, чьи дома были расположены вне городской стены, предоставили те же льготы сроком на три года [20, с. 241].

Очень благосклонным было отношение государственных властей в 1802—1806 гг. к местным частным торговцам Центра. Эти купцы могли легко откупиться от казенных перевозок, хотя последние и поощрялись [20, с. 242].

Детально разрабатывались нормы «потерь» риса при транспортировке в столицу государственного продовольствия из различных провинций Центра и Зядини (от 1 до 2%) [20, с. 96, 209]. В случае согласия владельцев возить на своих кораблях казенный рис весь экипаж помимо оплаты транспортировки груза освобождался от подушных налогов [20, с. 17, 242].

Шло интенсивное строительство морских судов в Куантчи [20, с. 229], рылись каналы около столицы [20, с. 230, 241]. Предпринимались меры по упорядочению таможенной администрации [20, с. 27, 179]. Забота государства о развитии казенной и частной торговли ощущалась и в сфере культа: на побережье в крупных портах устанавливались алтари, на которых

совершались жертвоприношения духам моря с просьбами о ниспослании кораблям попутного ветра [20, с. 239—240].

Способствовало развитию торговли и введение единых мер объема сыпучих тел [20, с. 49].

В это же время был издан приказ создать карту водных и сухопутных дорог всей территории страны с указанием их размеров, меры удаленности от основных центров, количества постоянных дворов, пристаней, мостов, переправ, характера ландшафта и т. д. [20, с. 245—246].

Такое внимание правительства к развитию торговли, особенно предоставление судовладельцам возможности свободно торговать при условии уплаты небольшого налога, в сочетании с привилегиями, полученными зядинскими купцами, способствовало тому, что внутренний поток грузов в Центр и из Центра в этот период был очень интенсивным, а постоянный обмен между равнинными и горными районами прекратился только в периоды боевых действий против восставших иноэтнических народностей [20, с. 303].

Именно в этот период были заложены общие принципы и нормы контроля иностранной торговли, государственных монополий, ограничений внешнеторговой деятельности. Специальное учреждение Тау ву направляло своего агента непосредственно для сбора налога в местах наибольшей концентрации иностранных купцов в окрестности Фусуана и в Хойан. В то же время оно контролировало сбор налогов и деятельность иностранных торговцев во всех остальных провинциях, откуда в соответствии с правилами, установленными в 1805 и 1806 гг., ежегодно перевозились деньги в столицу [20, с. 131; 21, с. 264].

В связи с крупномасштабными строительными работами в столице были введены запреты на продажу иностранцам ценных сортов дерева [20, с. 108, 193]. Запрещены были также вывоз серебра, золота, медных денег [20, с. 138]. Особый контроль был установлен за китайскими купеческими кораблями, владельцы которых часто обманывали таможенные службы схожестью форм своих судов с местными [20, с. 215]. В то же время на внешнюю торговлю частных лиц в этот период запрета введено не было, и вывоз за границу большей части товаров частным вьетнамским купечеством вполне допускался.

Казна использовала посредничество китайских торговцев для закупки товаров в империи Цин [20, с. 271].

Налоги на рыбные хозяйства, по позднейшему признанию императора Тхань то, который их отменил, способствовали тому, что этот источник дохода целиком и полностью переходил в руки богачей. Контроль за сбором таких налогов был довольно строг и осуществлялся специальными государственными чиновниками [20, с. 271].

При восстановлении провинциальной администрации в Центре основные усилия после провозглашения эры правления Зяланг были направлены на то, чтобы обеспечить спокойствие в

бывших тайшонских районах. В связи с этим наряду с ранее назначенным губернатором Биньдиня [20, с. 16] главой «усиленного губернаторства» (чана) Кюиньон в должности ан чан был назначен старейший военачальник Нгуен Хоанг Дык. Помогал ему гражданский чиновник Нгуен Хоай Кюинь, по совместительству управляющий Фуиеном и Куангнгаем, а также военачальник Правой армии [20, с. 26]. Вручение управления «мятежным» Кюиньоном в основном военным чиновникам, причем очень высокого ранга, свидетельствовало о том, что власти опасаются повторных всплесков крестьянских волнений.

Новой провинциальной администрации были предоставлены большие полномочия по подбору кадров низшего уровня. Дык и его помощники сами выдвинули шесть кандидатов на должности чи хюенов в трех уездах. Все кандидатуры были одобрены [20, с. 26]. Вскоре в Биньдине была проведена небольшая административная реформа, в результате которой количество тхуоков было сокращено по сравнению с 1799 г. в два раза (с 6 до 3 [19, с. 322; 20, с. 104]) и по сравнению с 1726 г. более чем в 4 раза (с 13 до 3 [18, с. 191; 20, с. 322]). В то же время верховная власть официально признала старые должности, которые занимала местная помещичья верхушка. Чрезмерный, по мнению правительства, рост численности местного самоуправления был введен в определенные рамки, не намного более узкие, чем те границы, которые были определены для той же администрации в 1725 г. [18, с. 189, 190; 20, с. 104]. Чрезвычайно существенно, что была сохранена та же вертикальная структура местного самоуправления: его представители занимали важные посты не только в уездах, но и в округе Кюиньон, который, по существу, и содержал в себе всю основную провинциальную администрацию, так как имелся в Биньдине в единственном количестве [20, с. 104].

Кюиньон щадили. Когда в 10-м месяце 1803 г. его губернатор предложил произвести в Биньдине набор солдат, Тхе то счел это несвоевременным, заявив, что «после пожара войны население еще не оправилось» [20, с. 147]. В 4-м месяце того же года непригодные для обработки земли (вследствие размыва почв или песчаных заносов) в этой провинции было приказано освободить от налогов [20, с. 125].

В кадровой структуре остальных провинций Центра особых изменений не было. В состав провинциального чиновничьего руководства назначались секретари высшего разряда [20, с. 50, 104, 126], а не лауреаты экзаменационных конкурсов, которых в это время в Центре почти не было. Именно на административные кадры Центра была сделана в 1802—1806 гг. основная ставка при формировании столичного аппарата. При этом часть вновь назначенных чиновников ранее служила Тайшонам, а часть являлась лауреатами зядиньских конкурсов. Значительная часть всего аппарата была заполнена в 5-м месяце 1802 г. В течение этого короткого периода шли массовые выдвижения

«с поручительством» без экзаменов во все ведомства, включая Академию (Ханлам) и Придворную канцелярию (Тхитхы) [20, с. 27]. Наибольшее количество новичков было назначено в Академию: 4 те као и 30 обычных чиновников; кроме того, 19 старых работников Тхитхы пополнили Ханлам. Им предназначались высшие должности в будущих правительствах. И такие люди, как Нгуен Данг Туан, Хоанг Ким Хоан, Ву Суан Кан и т. д., действительно заняли их, но лет через 20—30. Именно из их среды вышли активные консерваторы периода правления Тхань то: Нгуен Данг Туан и Ву Суан Кан.

Из ведомств в 5-м месяце 1802 г. наибольшее количество назначений (7) приходилось на военное, затем — на ведомство кадров (5). Последним в этом списке стояло ведомство юстиции (2 назначения) [20, с. 27—28].

В 7-м месяце 1803 г. назначения производились в ведомство финансов [20, с. 136]. В отличие от других ведомств столицы здесь было два управляющих, один из которых вместе с помощником ведал поступлениями в казну, другой — отвечал за расходы. В 4-м месяце 1804 г. этому ведомству был дан приказ составить приходно-расходные списки и вычислить сальдо [20, с. 178].

Стремясь нейтрализовать на Севере старые кадры эпохи Ле, Тхе то в значительном количестве посылал в Бактхань чиновников из Центра. В конце 1803 г. на работу в три бактханьских отдела были направлены шесть фусуанских служащих, в числе которых был глава Академии, сын прославленного Нгуен Кы Чиня [20, с. 156].

В 5-м месяце 1805 г. чиновников из Ханламвиен и Конгшивиен стали назначать начальниками округов (чи фу) и уездов (чи хуен) [20, с. 233]. Однако кадров не хватало. Многочисленные выдвижения «по рекомендациям» в значительной степени наполняли государственный аппарат корыстолюбцами и взяточниками. Утверждение новых строгих правил о назначении на вакантные места не давало эффекта [20, с. 248—249]. Государственные чиновники часто совершали нарушения, превышая полномочия при выдаче частным лицам официальных дипломов [20, с. 249]. Неудачи выдвижений «по рекомендациям» постепенно подводили верховную власть к решению ввести экзаменационные конкурсы по всей стране, на чем настаивали «традиционалисты» и что им было в принципе обещано.

В столице наряду с шестью ведомствами и различными специализированными органами указом правителя были учреждены постоянные собрания высшего военного и гражданского чиновничества, получившие название «дворцовых заседаний». На эти заседания 1, 8, 15 и 23-го числа каждого месяца должны были собираться все военные чиновники — от тхонг те фо до тхонг те, фо тыонг и выше, все гражданские чиновники — от тхам чи и выше. На обсуждение этих «дворцовых заседаний» выносились те вопросы, разрешить которые каждое из ведомств

или других государственных административных органов было не в состоянии. В итоге окончательное решение вырабатывалось коллективно.

Кроме того, прежде чем послать какое-либо очень важное дело на рассмотрение правителя, высшие военные и гражданские чиновники должны были сами обсудить его на «придворном заседании» и принять предварительное решение, с которым государю следовало ознакомиться перед окончательным объявлением своей воли [20, с. 127]. На «дворцовых заседаниях» рассматривались те судебные дела, по которым не было вынесено окончательных судебных решений административными органами низших инстанций. Одновременно «дворцовые заседания» являлись предпоследней инстанцией апелляционного суда. Диапазон функций «дворцовых заседаний» был очень широк, и его административные и судебные решения обладали солидным весом, ибо выносились наиболее представительным и полномочным кругом лиц вьетнамского государства. Эти решения уступали лишь воле императора, главной императрицы и наследного принца. А так как наследник был официально объявлен лишь в 1816 г., а императрица в политическую деятельность не вмешивалась, то «дворцовые заседания» являлись, по сути, вторым после монарха судебным и законодательным органом.

В столице в 7-м месяце 1803 г. было воссоздано не столько учебное, сколько экзаменационное учреждение Куок ты зям [20, с. 135]. В соответствии с указом правителя все стремящиеся испробовать свои способности, как солдаты, так и гражданские лица, могли дважды в год (во 2-м и 8-м месяцах) подавать сочинения на проверку государственным чиновникам. Те лица, сочинения которых были признаны достойными, освобождались от трудовых повинностей и службы в армии на полгода—год. По истечении этого срока они обязаны были опять экзаменоваться. «Сделавшие успехи» снова освобождались от повинностей на прежний срок. «Не сделавшие успехов» лишались освобождения и должны были служить или отрабатывать трудовые повинности (зао зить) [20, с. 135]. Таким образом, формально все подданные вьетнамского государства имели возможность учиться в том случае, если их сочинения признавались обладающими литературными достоинствами. Однако конкурс выдержать было не так просто и сделать это (не с первой, так с одной из следующих попыток) могли лишь потомки чиновников или помещиков, имеющие возможность не работать, а шлифовать литературный стиль. Следовательно, фактически Куок ты зям был предназначен для детей состоятельных родителей, чиновников и знати.

Руководить Куок ты зямом в 7-м месяце 1803 г. было поручено управляющему и двум его заместителям [20, с. 135]. В 7-м месяце 1805 г. на должность управляющего был назначен один из бывших высших тайшонских чиновников, Хо Конг

Зиеу, едва избежавший в 1799 г. смерти от рук Чан Куанг Зиеу и Во Ван Зунга [19, с. 339].

Подготовка абитуриентов для экзаменационных конкурсов проводилась не только в столице, но и в провинциях Центра. «Чиновники просвещения» были назначены в Куангнам [20, с. 247] и Кюиньон [20, с. 217]. Кюиньонский «чиновник просвещения» должен был по совместительству проверять знания абитуриентов в Фуиене и Куангнгае.

В Куангнгае с 1-го месяца 1803 г. шла война с горцами. Войсками командовал Ле Ван Зюет [20, с. 103]. Эта война приняла такие размеры, что в 5-м месяце 1804 г. власти должны были ввести самые решительные меры: солдатский и унтер-офицерский состав уроженцев Куангнгае освобождался от военной службы в остальных частях страны, а также от несения трудовых работ и формировался в 10 воинских частей (ко), которые были расположены в предгорьях этой провинции [20, с. 189—190]. Но эти меры не могли дать результата сразу, и горцы продолжали активные военные действия вплоть до середины 1805 г. [20, с. 227].

В конце 1805 г., после того как Ле Ван Зюету удалось нанести горцам поражение, а в столице были закончены основные строительные работы [20, с. 245], положение в Центре начинает стабилизироваться. Солдаты, ремесленники и крестьяне, отбывавшие трудовые повинности, распускались домой, были отменены запреты на винокурение — верный признак снижения цен на рис [20, с. 245].

Включение части представителей экономически господствующих слоев в управленческую структуру позднефеодального вьетнамского государства

Чрезвычайно важным этапным моментом в развитии позднефеодального вьетнамского общества является осуществленное в самом начале правления Тхе то официальное расширение привилегированного сословия управляющих за счет лиц из слоев, занимающих доминирующие позиции в экономике. Следует отметить, что их выделение в сословно-правовом плане из общей массы населения («народ») было возможно в дальневосточном государстве лишь путем привлечения к исполнению официально признанных административных обязанностей.

Однако эти обязанности отнюдь не всегда совпадали с теми функциями, которые входили в сферу компетенции собственно гражданских и военных чиновников, в принципе в нормальной ситуации рекрутирующихся из лиц, выдержавших экзаменационные конкурсы (гражданские — гражданский конкурс, военные — военный). Сохранение при включении в структуру власти специфики функций представителей экономически господст-

вующих слоев, а не «подгонка» их под традиционно исполняемые «полноценными» чиновниками обязанности является показателем существенных сдвигов в политической структуре позднефеодалного вьетнамского общества. Деспотизм начинал терять силу, ибо имел значительно меньше власти над должностными лицами, административные функции которых он вынужден был признать вследствие их принадлежности к слоям, занимающим ведущее место в хозяйственной сфере, чем над назначенными им самим сверху собственно военными и гражданскими чиновниками. В то же время, хотя правительство уже не могло обойтись, не тормозя развития общества, без включения в систему управления представителей экономически господствующих слоев, последние не только не имели возможности полностью вытеснить социальную опору деспотизма — феодальное чиновничество, но и вынуждены были довольствоваться более низким ранговым уровнем в структуре власти.

В связи с необходимостью приобщения части представителей экономически господствующих слоев к управлению традиционная должностная система должна была быть расширена. Но, сознавая отличие административных функций самоконституирующихся представителей городской, деревенской и ремесленной верхушки от должностных обязанностей назначенных сверху полноправных чиновников, правительство Тхе то в 1804 г. оформило включение первых в структуру власти путем назначения их на квазидолжности. Так родилось понятие «неупорядоченный» класс.

По-видимому, создатели этого термина («рассыпаться», «разбегаться») сознавали, что «упорядочить», в должной мере «собрать» эту часть общества и превратить в таких же послушных исполнителей воли монарха, какими должны были в принципе быть государственные чиновники, невозможно. Это было в условиях позднего феодализма не только бессмысленно, но и вредно.

Несмотря на то что диапазон этих квазидолжностей охватывал не всех представителей экономически господствующих слоев (индивидуально официализирующиеся путем откупа или участия в казенных перевозках купцы не входили в должностную структуру, хотя весьма вероятно, что часть из них тем или иным способом приобретала «секретарский» статус), он был очень широк. Количество рангов, которым соответствовали должности «неупорядоченного» класса, превышало половину всех наличествующих (5 из 9). А так как это были низшие ранги, которым соответствовали наиболее массовые должности, то «неупорядоченный» класс вбирал в себя подавляющее большинство лиц, исполняющих низшие и средние управленческие или квазиправленческие функции. Система должностей «неупорядоченного» класса, охватывающего значительное количество представителей имущих слоев, устанавливающих свой статус в социальной сфере по итогам своего экономического мо-

гущества, дает нам возможность детально рассмотреть не только реальные административные функции деревенской, городской и ремесленной верхушки, но и позволяет воссоздать картину конструирования местного феодального нечиновного деревенского и среднего городского слоев при помощи феодальных социальных знаков (которыми для Вьетнама начала XIX в. являлись прежде всего различные ячейки должностной иерархии), используемых зачастую со значительными отклонениями от устоявшихся стереотипов, вплоть до полного выхолащивания их должностного и служилого содержания.

В связи с этим чрезвычайно важно, что должности, которыми верховная власть наделяла лиц, включавшихся в «неупорядоченный» класс, за исключением, может быть, наследственных пожалований, не были аморфными социальными знаками отличия (типа титулов), а большей частью обрисовывали их реальные функции в обществе. Впрочем, даже наследственные должностные пожалования были определенным образом детерминированы: детям гражданских чиновников жаловались должности «неупорядоченного» класса гражданской должностной иерархии, детям военных чиновников — военные должности того же класса.

При помощи части должностей «неупорядоченного» класса фиксировалось нечто отличное от исполнения служебных обязанностей, а именно: то реальное положение получателей должностей, которым они, с точки зрения властей, до наделения соответствующими «должностными» полномочиями пользовались незаконно.

В этом случае государственные органы лишь официально оформляли уже достигнутое индивидуумом положение в обществе. Можно даже сказать, что вся административная система «неупорядоченного» класса при помощи должностей описывает нечто иное, что отличается от статуса как чиновника, так и простолюдина и что с известными оговорками (если включать в это понятие нечиновных сельских феодалов-помещиков) можно было бы назвать статусом «средних слоев».

При включении «средних слоев» в должностную структуру «неупорядоченного» класса верховная власть в своих нормативных документах рассматривала их, как уже отмечалось, с точки зрения полезных для государства административных функций. Источники сохранили нам чрезвычайно ценный документ, который до настоящего времени, насколько известно, не был объектом специального изучения.

Это табель о рангах 1804 г. В ней наряду с разграничением всех «ранжированных» на два традиционных класса (гражданский и военный), девять рангов (внутри каждого класса) и два подранга (внутри каждого ранга) в среде управляющих было установлено еще и подразделение на две группы «неупорядоченных» гражданских и военных должностей, которые мы в данном случае называем тоже классами. Должностные лица,

входящие в оба эти «неупорядоченных» класса, в табели о рангах в соответствии со своим рангом и подрангом прямо примыкали к обладателям равных им рангов и подрангов собственно гражданского и военного классов и должны были пользоваться равными или близкими административными полномочиями и социальными привилегиями, что сближало положение этих социальных групп [20, с. 180—185].

Фактом чрезвычайной важности является деление на ранги и классы именно в начале правления под девизом Зялаунг не только назначенных верховной властью государственных чиновников и «традиционной» части секретарского состава (представители которой начинали службу в гражданских и военных, центральных и местных учреждениях с самого «низа», а затем постепенно продвигались по служебной лестнице путем отбора высшими чиновниками на основании деловых качеств и стажа), но и, во-первых, облеченных соответствующими полномочиями частных лиц, лишь формально принадлежащих к секретарям, а в действительности занимающихся предпринимательством в своих, а не в государственных интересах, во-вторых, части местного волостного, общинного, деревенского и городского самоуправления, в-третьих, ремесленного самоуправления.

В следующей табели о рангах, составленной в 1828 г., оба «неупорядоченных» класса были ликвидированы и значительная часть их персонального состава, а именно та, которая представляла экономически господствующие местные слои общества, переведена в простолудины

Изучение табели о рангах 1804 г. дает возможность выяснить не только должностные функции и способ конституирования посредством административной структуры части представителей средних слоев, но и определить их место в структуре управления обществом.

Однако исследование одних нормативных документов, к которым относится табель о рангах 1804 г., не позволяет выяснить имущественное положение, доходность занятий, ничего не говорит о реальной практической деятельности различных представителей «неупорядоченного» класса, т. е. не дает нам их ярких социальных портретов. В связи с этим и общая картина «неупорядоченного» класса вырисовывается лишь контурно. Этот недостаток мы попытались восполнить путем привлечения максимального количества фактов по изучаемому вопросу из хроники «Правдивые записи о Дай Наме». Мы поставили себе задачу сделать так, чтобы ни одна должность — функция «неупорядоченного» класса не осталась не прокомментированной фактами из хроники, и если таких комментариев в данном тексте нет, то, скорее всего, этих фактов нет и в хронике.

Для определения функций и положения представителей «неупорядоченного» класса в административной структуре обоих должностных иерархий (гражданской и военной) необходимо выделить соответствующие функции и ранговый уровень собст-

венно гражданского и военного классов. Это даст нам возможность избежать произвольности при установлении функциональных и должностных границ «неупорядоченного» класса и потребует приведения длинного списка, перечисляющего должностные функции, только через которые и можно составить себе представление о единстве как собственно гражданского и военного классов, так и обоих «неупорядоченных» классов.

Прежде всего займемся изучением распределения гражданской должностной иерархической структуры на собственно гражданский и «неупорядоченный» классы.

В число гражданских должностных лиц входили, с одной стороны, представители собственно гражданского класса (ван зяй), обладающие высоким уровнем образования «полноценные» гражданские кадры, которые в принципе должны были назначаться на должности низших рангов из числа «учеников» и «соискателей», на должности средних рангов — из состава конкурсных лауреатов и стажеров Хан лам виен (Академия) и Конг ши виен (учреждение, однотипное с Академией, но более низкого разряда), с другой стороны, те, кто принадлежал к «неупорядоченному» классу (тан зяй), и, во-первых, попадал в аппарат не по результатам экзаменационных испытаний, а в качестве специалистов (астрологов, врачей и т. д.) либо зачислялся на самые низшие непривилегированные писарские и секретарские должности и затем медленно и постепенно поднимался по ступеням должностной иерархической лестницы, во-вторых, те, кто, будучи частными лицами, брали на себя обязательство выполнять определенные финансово-экономические и торгово-таможенные функции, а фактически являлись предпринимателями, использующими государственный налоговый аппарат для личного обогащения, в-третьих, те, кто под внешней оболочкой секретарских функций скрывал свою принадлежность к местному, деревенскому и городскому, самоуправлению — органам защиты и выражения интересов частноэксплуататорских слоев.

Распределение гражданских должностных лиц на привилегированный собственно гражданский и «неупорядоченный» классы отражало в принципе деление на полноправных «образованных» чиновников, с одной стороны, и секретарей, облеченных полномочиями частных лиц и часть местного самоуправления — с другой (секретари высшего уровня не являлись победителями на экзаменах, в то время как полноправные гражданские чиновники в нормальной ситуации обязательно должны были быть лауреатами конкурсов определенного уровня, в противном случае назначение их на должность в обычных условиях было значительным отклонением от нормы).

Разграничение внутри гражданского кадрового корпуса на собственно гражданский и «неупорядоченный» классы носило вертикальный характер; собственно гражданский класс, беря начало с самой вершины ранговой пирамиды, «опускался» до выс-

шего подранга девятого ранга. Так как должности «неупорядоченного» класса начинались с высшего подранга пятого ранга и заканчивались низшим подрангом девятого ранга, то «на протяжении» полных четырех рангов, т. е. почти половины всей ранговой структуры, равные по положению должности в обоих классах «сосуществовали» друг с другом. Аналогичное разделение двух классов в военной иерархии было почти строго горизонтальным: на все высшие должности, соответствующие высшим рангам вплоть до высшего подранга пятого ранга, назначались чиновники собственно военного класса; на всех низших должностях, соответствующих низшим рангам от низшего подранга седьмого ранга до низшего подранга десятого ранга, находились «служащие» «неупорядоченного» класса, и только узкий промежуток в один полный ранг, соответствующий должностям от низшего подранга пятого ранга до низшего подранга шестого ранга (высший подранг седьмого ранга оставался вообще не занятым), заполнялся представителями обоих классов военной иерархии.

Это свидетельствует о том, что в сферу компетенции гражданских служащих, занимающихся очень широким кругом проблем (учет финансов, разбор судебных дел, организация производственной деятельности, материальное обеспечение армии, решение кадровых вопросов, идеологическая обработка масс и проведение ритуальных церемоний) на всех уровнях должностной иерархической структуры, кроме низшего подранга девятого ранга, почти всегда входили определенные функции, которые в идеале могли выполняться только «полноценными» чиновниками. В то же время после подключения к их деятельности на уровне высшего подранга пятого ранга иерархической структуры должностных лиц «неупорядоченного» класса круг функций этих «полноценных» чиновников постепенно сужался и на низших рангах (до высшего подранга девятого ранга включительно) ограничивался сферой ритуалов и идеологического воздействия, тогда как вся практическая деятельность сосредоточивалась в руках секретарей, которые только на самом последнем должностном иерархическом уровне (низший подранг девятого ранга) при полном устранении от дел всех привилегированных «полноценных» чиновников в значительной степени уступали многие свои обязанности официализованным частным лицам и части деревенского и городского самоуправления.

В то же время следует отметить, что верховная власть проводила четкое горизонтальное разграничение всего ранжированного чиновничества на две группы. В принципе это разграничение совпадало с тем уровнем, откуда брал начало «неупорядоченный» класс: чиновникам, начиная с пятого ранга и ниже, могли не платить жалованья [21, с. 271].

Рассматривая социальный состав «неупорядоченного» класса, приобщающего к управлению представителей прогрессивных для своего времени общественных слоев вьетнамского общест-

ва, необходимо прежде всего сказать о его значительной неоднородности.

В верхний слой «неупорядоченного» класса гражданской должностной структуры входили управляющие такими специальными ведомствами, как Высшее медицинское учреждение (Тхай и виен) и Астрологическое учреждение (Кхам тхиен зям), а также высшие служащие центрального таможенного ведомства по взиманию налогов с иностранных кораблей. К этому же слою принадлежал и высший секретарский состав столичного округа, придворных войск, гвардии, армии, дворцов императрицы и наследника, Учреждения по организации водных перевозок (Чыонг да), дворцовых служб, Главных государственных хранилищ и ремесленных мастерских (До зя), административного отдела шести столичных ведомств (военного, гражданского кадров, юстиции, финансов, общественных работ, обрядов), Учреждения по взиманию налогов с иностранных кораблей (Тау ву), провинциальной администрации и специальных округов.

Если в «зядиньский» период некоторая доля высшего секретарского состава пополнялась из числа стажеров Академии (Хан лам виен) [19, с. 247], что предполагало определенный образовательный уровень этих служащих, то после создания империи Нгуен Тхе то все они рекрутировались только из секретарей среднего разряда [20, с. 397; 21, с. 135]. Напрасно в одном из своих последних докладов Нгуен Ван Тхань предлагал назначать секретарей из числа стажеров Академии, Конг ши виен, а также проработавших длительный срок начальников округов и уездов. Формально одоблив эту идею (как и все прочие предложения этого доклада), Тхе то так и не счел нужным ее реализовать [21, с. 176]. От секретарей высшего разряда он требовал не традиционного неоконфуцианского образования, а чисто деловых качеств. В связи с этим при повышении секретарей среднего разряда и переводе их в высшую категорию правитель предлагал управляющим чиновникам выдвигать только «честных и старательных». За представление к повышению «ленивых» и «корыстолюбивых» рекомендовавшие их куаны должны были наказываться [21, с. 135].

В то же время секретари высшего разряда могли перемещаться на должности, которые по правилам следовало занимать «полноценным» чиновникам собственно гражданского класса, обычно являющимся лауреатами экзаменационных конкурсов [20, с. 50, 126, 137, 178, 214; 21, с. 271, 310]. Когда же в уездах появлялись вакантные места начальников, то они, как правило, занимались временно исполняющими обязанности чихюенов секретарями высшего разряда (кай ан или чи ба), хотя, по выражению императора Нгуен Тхань то, в обязанности таких секретарей входила лишь «помощь» в деле управления, которое должно было осуществляться полноправными государственными чиновниками [236, с. 115]. Однако практика назначения секретарей чихюенами существовала на всем протяжении

периода правления Тхе то, когда лауреатов экзаменационных конкурсов не хватало для заполнения всех должностей начальников уездов. В условиях нехватки «образованных» кадров секретари высшего разряда, по-видимому, могли оставаться на своей «временной» должности довольно длительный срок, что мало отличалось от официального назначения.

Секретари среднего разряда во многих вышеперечисленных военных и гражданских, центральных и провинциальных, столичных и дворцовых учреждениях, а также в горных и приморских портовых заставах-таможнях и контрольных пунктах, совместно со служащими Высшего медицинского учреждения образующие средний слой «неупорядоченного» класса гражданской должностной структуры, также имели возможность без экзаменов переходить в класс собственно гражданских чиновников, причем иногда с очень большим повышением [20, с. 214; 21, с. 200].

Все это свидетельствует о том, что граница между двумя классами (собственно гражданским и гражданским «неупорядоченным») в период правления под девизом Зялаунг не была непреодолимой. Однако движение через эту границу шло только в одну сторону. Это одностороннее движение отражало стремление верховной власти пополнить класс собственно гражданских чиновников хотя и «малообразованными», но компетентными и опытными в практической деятельности секретарями, «знающими службу» на всех уровнях должностной лестницы, начиная с ее самых нижних ступенек.

«Поднять» способных и практичных секретарей до чиновников-управляющих и «опустить» чиновников-лауреатов до секретарей, предварительно заполнив победителями на экзаменационных конкурсах все руководящие должности, — вот две тенденции в административной политике верховной власти, первую из которых мы считаем «реалистической», вторую — «традиционалистской».

Такие мероприятия, как предоставление секретарям среднего разряда должностей полноправных чиновников собственно гражданского класса (чи хюен) за помощь в подавлении крестьянских восстаний [21, с. 10], осуществлялись явно в русле первой тенденции. Точно таких же наград за подобную помощь удостоивались и конфуцианские ученики (хаук чо), выдержавшие один либо два тура экзаменационных конкурсов [21, с. 169].

«Доходной» для государственных служащих явилась служба в резиденциях родственной императору знати. Пользуясь именами ближайших императорских родственников, их «секретари» почти безнаказанно грабили горожан, покупали у торговцев товары по низким ценам. Пользуясь своим положением, такие секретари могли, например, заставить провинциальную администрацию в обход закона сдавать им в аренду (очевидно, за бесценку) рыбные пруды. Лишь судебный иск общины, вмеша-

тельство правителя и разбор дела ведомством юстиции восстановили справедливость [21, с. 286].

Собственно, желающих поступить «в услужение» к принципам было много, и штат секретарей среднего уровня в резиденциях знати быстро рос. Это заставляло власти строго лимитировать такие должности [21, с. 352].

Известны случаи взяточничества, лихоимства и воровства секретарей среднего разряда. Одним из наиболее ярких примеров последнего является кража из государственной казны (ной кхо) золотой печати Тайшонов весом 9,7 кг тремя секретарями и двумя ремесленными старшинами До зя, которые подменили эту печать серебряной, отлитой тоже из украденного казенного металла [20, с. 279—280].

К числу обычных явлений можно отнести воровство из дворцовых складов-мастерских казенного имущества секретарем и учетчиком, которые за это были забиты до смерти офицером охраны [20, с. 122].

Все это свидетельствует о том, что многие из секретарей среднего разряда, используя служебное положение, имели доступ к дополнительным источникам дохода, одни из которых были явно незаконные, а противоправность других надо было еще доказать.

Существовали также некоторые должности, равные должностям секретарей среднего разряда, которые в табели о рангах 1804 г. принадлежали к классу собственно гражданских чиновников [20, с. 182], однако в период правления Тхе то их, по-видимому, занимали не столько назначаемые центральным правительством лауреаты, выдержавшие то или иное количество туров экзаменационных конкурсов (кстати, о назначениях на такие посты в указанный период в источниках нет сведений), сколько местные жители, извлекающие из этих должностей для себя определенную пользу. Такова была, вероятно, должность уездного конфуцианского наставника просвещения (ньо хаук хуан дао), которая при установлении платы за должностные патенты определена в качестве принадлежащей к «неупорядоченному» классу [21, с. 237]. По-видимому, местные интеллигенты и конфуцианские преподаватели брали на себя обязанность выполнения функций, связанных с этой должностью, которая не только официализовала их воспитательно-преподавательскую деятельность, но и освобождала от подушных налогов и трудовых повинностей [21, с. 340]. Такие лица не являлись в полной мере государственными служащими, а имели свое «дело» и получали от него доходы, которые лишь повышались при наличии патентов на занимаемую должность. Следует также отметить, что должности уездных конфуцианских наставников просвещения (ньо хаук хуан дао или хуан дао), точно так же как и секретарские должности «неупорядоченного» класса, жаловались детям заслуженных гражданских чиновников [20, с. 383; 21, с. 340], в то время как посты собственно граждан-

ских чиновников (например, чи хюен) предоставлялись только за особые личные заслуги конфуцианским ученикам [21, с. 169]. Все это свидетельствует в пользу того, что в период правления Тхе то даже такая «идеологическая» должность, как пост конфуцианского начальника просвещения, в действительности считалась принадлежащей к классу «выслужившихся» и могла быть занимаема частными лицами, платившими 5 куанов за патент.

Еще более «секретарский» характер носила должность культовых служащих ле шиней, равных по положению секретарям низшего разряда [20, с. 182]. В Храме Литературы ле шини служили в пять смен: одну смену дежурили, четыре отдыхали [21, с. 231].

Были учреждены также должности ле шиней в Куок ты зяме и в резиденциях (фу) родовой знати [20, с. 182]. От секретарей низшего разряда ле шини отличались лишь более высоким образовательным уровнем (они должны были выдерживать какое-то количество туров экзаменационного конкурса). Статус ле шиней был очень низок: за опоздание на смену их били палками [21, с. 231]. Однако их служба давала им освобождение от налогов и повинностей и возможность готовиться к следующему экзаменационному туру.

Определенное количество секретарей среднего разряда в армии и провинциях, подобно унтер-офицерам, имело возможность получать свои должности и связанные с ними социальные привилегии, благодаря личным связям с высшими военными чиновниками. Меры, принимаемые против подобного протекционизма верховной властью [20, с. 249—250], вряд ли были очень эффективны.

Секретари низшего разряда составляли весь низовой служилый слой административного отдела шести столичных ведомств, дворцов императрицы и наследника, столичного и провинциального отделов Тьен хау, провинциальных управ, специальных округов и пограничных застав-таможен, а также часть низового служилого слоя Медицинского учреждения, До зя, Тау ву, окружного и уездного управлений [20, с. 182].

Секретари низшего разряда (общее название — ти лай [20, с. 366—367], тхуок лай [20, с. 366—367; 21, с. 95, 262; 22, с. 111] на территории южнее Нгеана [21, с. 181—182] нанимались из числа «внесписочных», о чем недвусмысленно свидетельствует один из докладов Нгуен Ван Тхяня: «По правилам тхуок лаев в районах нанимают из „внесписочного“ населения» [21, с. 95]. Это создавало значительные трудности для властей, ибо при поступлении на службу у внесписочных, не приписанных ни к какой общине, не было документов, удостоверяющих их личность, и в случае бегства (а причин для него у секретарей низшего разряда было достаточно) найти скрывшихся тхуок лаев не было возможности. В связи с этим лидер «традиционалистов» предложил набирать в тхуок лаи как «внесписочных», так и

«списочных», ориентируясь лишь на один показатель: наличие у принимаемых на службу имущества.

Таким образом, даже «традиционалисты» стремились брать в тхуок лаи людей состоятельных. По-видимому, такова и была общая направленность кадровой политики Тхе то. Ведь предложение Нгуен Ван Тханя сводилось не к тому, чтобы тхуок лаи рекрутировались из имущих слоев (это само собой разумелось), а преследовало цель побудить правительство наряду с «внесписочными» включать в нижний секретарский состав и «списочных». В укреплении нижнего слоя административного аппарата Тхань продолжал ориентироваться не столько на имущественное состояние секретарей нижнего разряда, сколько на «закрепленность» их за общиной.

Поступление на службу значительно повышало социальный статус тхуок лаев, если до этого они принадлежали к «внесписочным». После зачисления на работу в казенное ведомство они могли быть внесены в списки общины и в то же время освобождены от подушных налогов и обременительных трудовых работ [21, с. 181]. Следовательно, исчезал один из наиболее распространенных мотивов «невнесения в списки». Более того, при включении тхуок лаев в те общины, где имелся общинный земельный фонд, они получали почти на четверть надела больше, чем рядовые общинники [20, с. 186—187]. Положение секретарей способствовало росту их влияния в общинном совете того города и деревни, к которым они были приписаны. Оно давало им возможность, используя внеэкономическое принуждение, предоставляемое советом хао муков, эксплуатировать земляков.

Однако основным источником обогащения секретарей была возможность использовать свое служебное положение для «обирания» зависимого от них в силу тех или иных обстоятельств населения.

Должностные нарушения секретарей, как, впрочем, и неправных чиновников, с особым пристрастием зафиксированы в хронике, отразившей события периода правления императора Нгуен Тхань то, который считал, что одним из основных условий построения «идеального» государства, создателем которого он страстно мечтал быть, является устранение всех противозаконных действий администраторов. Все должностные лица должны были выполнять роль надежных «винтиков» в совершенном государственном механизме. События периода правления Тхе то, во-первых, отражены в источниках значительно менее подробно, во-вторых, во время составления документов, на основании которых была написана хроника годов царствования под девизом Зялаунг, у их создателей не было установки концентрировать внимание на должностных нарушениях секретарей и чиновников.

В связи с этим в имеющихся у нас исторических описаниях зафиксированы только такие события этого рода, которые вы-

ходили из ряда обычных. Однако по отклонениям от нормы можно судить о самой норме. Тхуок лаи, например, столь усердно собирали «недоимки» с иноэтнических народностей Биньтхуана, что пять человек из них было убито [21, с. 165]. К явлениям такого же порядка относится тягчайшее преступление со стороны тхуок лая, выдавшего себя за чиновника, арестовавшего человека и требовавшего с него выкуп. Наследный принц Хиеу (Дам) считал, что тяжесть вины преступника усугубляется знанием законов, и присоединился к решению динь тханов о немедленной смертной казни [21, с. 337]. Казнен за вымогательство был и тхуок лай, посланный вице-губернатором Верхнего Шоннама регистрировать ущерб, нанесенный провинции наводнением [20, с. 290].

Интересным, на наш взгляд, является сообщение в Хронике о крестьянах одной из нгеанских общин, давших взятку тхуок лаю в надежде на то, что тот освободит их от поставок железного дерева, а этот тхуок лай денег не взял и обвинил нгеанцев в подкупе. Провинциальные чиновники приговорили взяткодателей к наказанию, однако император, лично занявшийся разбором этого дела, приказал их простить и деньги вернуть [21, с. 262—263].

По-видимому, наиболее распространенными способами незаконного обогащения тхуок лаев были взятки, связанные с судебными процессами (секретари могли дать ход делу и задерживать разбирательство, а также имели возможность повлиять на характер приговора), и выгоды, получаемые в результате взимания налогов (сверхнормированные поборы; денежные компенсации за замену одного вида налогов на другой, менее обременительный [21, с. 262—263], одного вида средства платежа на другой, менее ценный, например, медных денег на серебряные слитки [21, с. 351]). В связи с этим тхуок лаи стремились как можно дольше удерживать за собой должность, всячески цеплялись за место, оставались на службе до 70 лет и их силой приходилось отправлять на «заслуженный», но столь нежелательный для них «отдых» [21, с. 264].

Верховная власть относилась к секретарям низшего разряда иначе, чем к их начальникам — секретарям среднего и высшего разряда. В отличие от последних они никогда не переводились в класс собственно гражданских чиновников, ибо должны были еще доказать свою верность властям, а также способность к исполнению административных обязанностей, что отмечалось их переводом в секретари среднего разряда. Поэтому даже за активные действия против восставших окружные секретари (фу лаи) хотя и повышались в должности (до де лая), но только в пределах своего разряда (исключительно низшего) [20, с. 363; 21, с. 10]. Когда же бактханьские чиновники просили правителя определить начальниками уездов (чи хуен) «образованных» секретарей (ты хан, возможно, в их числе были и секретари более высоких разрядов), Тхе то отказался, мотивируя

свое решение неприемлемостью назначения на столь важные посты столь «мелких» людей [20, с. 395].

К низшему разряду секретарей относился и низовой служилый состав в резиденциях родственной императору знати. Такие мелкие секретари назывались «литературно образованными» (ван хан) и набирались из «внесписочной» городской интеллигенции [21, с. 82], покинувшей родные места и переселившейся в столицу, но не внесенной в списки тягловых то ли вследствие отсутствия разрешения властей, то ли из-за того, что они не имели средств, достаточных для уплаты налогов, то ли из-за нежелания нести повинности. Зачисленные в резиденции знати, они получали секретарский статус и освобождались от подушных налогов и трудовых работ [21, с. 85].

Кстати, следует отметить, что отнюдь не все секретари низшего разряда были сильны в грамоте. Даже в Бактхани, где общий образовательный уровень кадров был выше, чем на Юге, лишь приблизительно 10% низшего секретарского состава всего краевого управления умело хорошо писать [20, с. 366—367; 21, с. 180].

Секретари-грамотеи низшего разряда в количестве 47 человек были собраны и организованы в отдел Тхы та [21, с. 180]. Для удовлетворения потребностей столичного бюрократического аппарата в высококвалифицированном составлении наиболее важных деловых документов ежегодно из Бактхани в Фу-суан направлялось пять секретарей этого отдела [21, с. 339].

Несмотря на в общем приниженное положение секретарей низшего разряда по сравнению с секретарями высшего и среднего разряда, их общественный вес в административной и социальной структуре в период правления под девизом Зялаунг был значительно более высоким, чем во время царствования императора Тхань то. Прежде всего, они обладали должностным рангом, формально причислявшим их к чиновничьему сословию и включавшим в податную категорию «нетягловых» («нгоай тиеу шай»). При этом секретари низшего разряда в некоторых учреждениях, например в Административном отделе шести столичных ведомств, Учреждении по взиманию налогов с иностранных кораблей (Тау ву), Медицинском ведомстве (И виен), а также во дворцах императрицы и наследника занимали не последнюю ранговую ступеньку [21, с. 182]. Даже «внештатные» («ви няп лыу»), которыми, кстати, не считались указанные выше секретари низшего разряда в учреждениях и ведомствах, и те не выбывали из общей ранговой структуры, хотя их привилегии и были урезаны: так, им, например, не разрешалось пользоваться титулом «нам» [21, с. 185]. О включенности «ви няп лыу» в ранговую структуру при Тхе то свидетельствует и тот факт, что их «биографии» наряду с анкетными данными остальных чиновников и секретарей ежегодно посылались военному и гражданскому ведомству, а через них — правителю [21, с. 313].

О том, сколь существенно изменилось положение набирающихся из зажиточных слоев секретарей низшего разряда с приходом к власти Нгуен Тхань то, можно судить по кадровой реорганизации столичного и провинциального аппарата, осуществленной после смерти Тхе то. Обладавших низшим подрангом восьмого ранга секретарей бан ти, составлявших основную массу низовых служащих Административного отдела шести ведомств [20, с. 250], новые власти переводили (причем только в том случае, если те «справлялись с работой») во внештатные секретари (тхы лай ви няп лыу), а кое-кого, по-видимому, просто уволили, ибо в аппарат ведомств наряду с бывшими служащими Административного отдела стали включать и «образованные» кадры — лауреатов экзаменационного конкурса различного уровня [22, с. 183—184].

Секретари ви няп лыу служили в ведомствах посменно и получали жалованье, равное солдатскому (1 куан денег и 1 фыонг очищенного риса), притом только во время дежурства [22, с. 235]. Точно так же были существенно понижены ти лай [20, с. 366—367] и те секретари или бан ти [20, с. 182], которые служили в краевых и провинциальных управах [22, с. 111]; если кай хопы стали секретарями высшего подранга восьмого ранга, а тху хопы — секретарями высшего подранга девятого ранга [22, с. 249], то ти лай или бан ти рангов не получили вообще. Даже «литературно образованные» секретари (ван хан) в отделе Тьем хау (Метеорологии) и Административном отделе по сбору налогов с иностранных кораблей (Лень ши тау), а также в краевых и провинциальных отделах Тьем хау, называемые до ван, стали внештатными секретарями [23, с. 49]. Внештатные секретари находились в период правления Тхань то за пределами ранговой иерархии [236, с. 292—301] и потому теряли чрезвычайно существенные привилегии.

В округах и уездах секретари низшего уровня (де лай, тхонг лай, тьинь шай) были освобождены от налогов и повинностей [21, с. 181—182] и входили, естественно, в категорию нетягловых. Несмотря на то что некоторые из них, например де лаи, принадлежали к ранговой иерархии [20, с. 182], жалованья они, однако, не получали [23а, с. 197—198]. Следует отметить, что с приходом к власти Тхань то окружные и уездные секретари нижнего уровня не только не были исключены из ранговой иерархии, но некоторые из них даже повысили в ней свое положение: если лай муки в уездах являлись служащими низшего подранга девятого ранга, то лай муки в округах обладали уже низшим подрангом восьмого ранга. Кроме того, де лаям и тхонг лаям (тьинь шай были упразднены) стали платить такое же жалованье, как внештатным секретарям: 1 фыонг и 1 куан за месячное дежурство (как и тхы лай ви няп лыу секретари низшего разряда в округах и уездах работали «по очереди») [23а, с. 197—198].

По-видимому, правительство Нгуен Тхань то повышало со-

циальный статус лай муков, являющихся действительными государственными служащими на уровне уезда и округа, именно для того, чтобы сделать их более зависимыми от казны и обязать честно (выражение Тхань то: «лай зити — мелкие должностные лица, не получающие жалованья, как же заставить их быть честными» [23а, с. 197]) выполнять самостоятельно или помогать чи хюенам осуществлять те функции, которые в период правления Тхе то были закреплены за представителями общинной и волостной верхушки, частными лицами, собирающими налоги и организующими отработку повинностей, в то же время часто заменяющими при этом государственно-феодалскую эксплуатацию частнофеодалской. Об этих лицах, внесенных в 1804 г. в общую должностную гражданскую ранговую иерархию (хотя и на самом ее низшем уровне), есть смысл сказать одновременно с рассмотрением социального и должностного положения лиц, выполняющих сходные функции, но входящих в военную иерархию.

В данном месте представляется целесообразным упомянуть об отнесенных к низшему подрангу девятого ранга «неупорядоченного» класса гражданской должностной структуры внешне-торговых таможенных сборщиках кай фу тау и ки люк тау [20, с. 182], которые являлись частными лицами, бравшими на себя обязанность за определенный процент комиссионных обеспечить взимание государственных налогов с иностранных кораблей.

Должности внешне-торговых налоговых сборщиков, подчиненных Тау ву, были учреждены в Бактхани [20, с. 150], Зядини [21, с. 233, 364] и в столице [21, с. 233]. При этом в Бактхани известна должность кай фу тау [20, с. 150], в Зядини и столице — кай фу тау, ки люк тау и тай фо тау [21, с. 233].

Эти налоговые сборщики были обязаны прежде всего вносить в казну фиксированную сумму, называемую «серебро подношения» [21, с. 233] или «деньги трех подношений»: императору, императрице и наследному принцу [21, с. 364]. Размеры «подношений» были значительны. Так, в Зядини и в столице кай фу тау должен был «преподносить» 2200 лангов серебра, ки люк тау — 2000 лангов, тай фо тау — 700 лангов [21, с. 233]. Если оценивать серебро по официальному курсу того времени (1 ланг = 2 куана 8 тиенов) [21, с. 169], то в денежном выражении налоговые сборщики должны были платить соответственно: 6160 куанов, 5600 куанов и 1960 куанов. Всего 13 720 куанов. Все, что собиралось с иностранных торговых кораблей сверх этого, распределялось по долям между различными группами получателей. По правилам 1805 г. это распределение в Зядини и Бактхани производилось следующим образом: по 10% получали местные военные и гражданские чиновники, 20% оставалось у налоговых сборщиков, 60% делились казной между принцами и принцессами императорского рода, императорскими наложницами, всеми военными и гражданскими чиновниками страны, администрацией Чыонг да, дальними импе-

раторскими родственниками и наследственной знатью домов Ле и Чинь [21, с. 264]. Через год доля налоговых сборщиков была сокращена вполтину: по правилам 1806 г. они стали получать только 10% тех сборов, которые оставались после выплаты «серебра подношения» [21, с. 364—365]. Если верить сообщениям феодальных историков о том, что размеры этих сборов в Зядини и Бактхани в денежном выражении составляли 8000—9000 куанов [21, с. 364], то можно приблизительно вычислить ту долю общей суммы торговых налогов, которую присваивали себе таможенные сборщики, например, в Зядини. Будем производить расчеты следующим образом: общая сумма торговых налогов — 13 720 куанов + (8000—9000) куанов = 21 720—22 720 куанов; сумма денег, присваиваемая налоговыми сборщиками, — 10% от 8000—9000 куанов = 800—900 куанов; доля этой суммы в общих налоговых сборах — 4%.

Несмотря на небольшую долю отчисления от общего торгового налога в качестве официального жалования налоговым сборщикам, следует признать, что занятие их было весьма доходным. Об этом свидетельствуют размеры тех сумм, которые они должны были платить за свое должностное удостоверение, — $\frac{1}{100}$ от величины вносимого в казну «серебра подношения» [21, с. 237].

Таким образом, кай фу тау должен был платить за это удостоверение 22 ланга серебра (61,6 куана), ки люк тау — 20 лангов (56 куанов), тай фо тау — 7 лангов (19,6 куана), в то время как плата за должностные удостоверения представителей других групп «неупорядоченного» класса не превышала 10 куанов [21, с. 237]. О доходности сбора торговых налогов с иностранных кораблей свидетельствует и участие в этом виде деятельности китайцев [20, с. 150], чаще всего занимающихся во Вьетнаме предпринимательством.

С приходом к власти Тхань то частные лица были отстранены от участия в торгово-таможенной деятельности. Их заменили чиновники преобразованного из Тау ву учреждения Тхыонг бак [23, с. 68; 236, с. 292—301].

Завершая анализ должностных лиц «неупорядоченного» класса гражданской иерархии, следует сказать о низшем служилом составе Медицинского ведомства, который был представлен врачами-терапевтами и врачами-хирургами. Статус их при Тхе то был довольно низок: как и ви няп лыу, им не присваивалось даже низшего титула «нам» [20, с. 182, 185]. При Тхань то должностной и ранговый статус низшего медицинского состава был, по-видимому, несколько повышен и не подвергался дискриминации по сравнению с низшим штатным персоналом остальных центральных и провинциальных ведомств [23, с. 296].

По сути дела, не должностями, а почетными званиями, дающими право освобождения от повинностей и подушных налогов,

являлись такие «должности», как «кай хоп» и «тху хоп на дому» [19, с. 242; 20, с. 182, 321, 361; 22, с. 100] и «наследник, занимающийся организацией культа» (ты тхья) [20, с. 182; 21, с. 338, 369]. Вероятно, почетное звание «кай хопа» или «тху хопа на дому» обозначало вершину в той лестнице предоставления «простолюдинам» социальных привилегий, последовательные ступени которой по нисходящей определялись получением наследственных титулов (ниеу ам) [20, с. 84, 355—356, 361; 22, с. 100], пожизненного фискального иммунитета (ниеу тхан) [20, с. 361; 22, с. 100], освобождением от подушных налогов и повинностей [20, с. 247, 312; 21, с. 389], исключением из числа повинностнообязанных [20, с. 219], разрешением не отбывать трудовые повинности [20, с. 266]. Почетное звание «наследника, занимающегося организацией культа» [ты тхья], очевидно, охватывало лиц самого различного уровня социальной привилегированности, от получающих чины представителей древних феодальных родов [20, с. 74—75; 21, с. 338, 365, 369] до тех, кому лишь «организация культа» обеспечивала определенные повинностные привилегии [21, с. 389].

Вся группа носителей почетных званий не имела отношения ни к управлению, ни к государственной службе и представляла собой, по существу, часть неслужилых из категории «нетягловых», получающих свои привилегии «по классу» гражданских должностных лиц.

Выделение собственно военного и «неупорядоченного» классов в военной ранговой иерархии представляло собой отделение тех функций, которые должны были исполнять только военные чиновники, от тех обязанностей, которые могли ложиться не только на них (хотя и участие военных отнюдь не исключалось), но также и на гражданских чиновников, облеченных полномочиями частных лиц, часть местного и ремесленного самоуправления.

Военные должностные лица были представлены, с одной стороны, собственно военным классом (во зяй), в который входили все офицеры и высшая часть унтер-офицерского состава регулярной армии; губернаторы провинций; управляющие особыми административными территориями; офицеры и унтер-офицеры охраны дворцов родовой знати, храмов и мавзолеев; управляющие Главными государственными хранилищами и ремесленными мастерскими (До зя), а также учреждением, в ведении которого находился сбор таможенных налогов с иностранных кораблей (Тау ву); офицеры таможенно-пограничной службы и подчиненные им унтер-офицеры, не имеющие в своем ведении отдельных таможен; офицеры и унтер-офицеры специальных родов войск; назначенные на офицерские должности горские князья; с другой стороны, «неупорядоченным» классом (тан зяй), состоящим, во-первых, из управляющих Учреждений по организации водных перевозок (Чыонг да); из офицеров, непосредственно взимающих торговые налоги на морских и гор-

ных таможенных; из заведующих хранилищами, складами, транспортными средствами, полупроизводственными и производственными объединениями, в том числе и ремесленными цехами; из низшей части унтер-офицерского состава регулярной армии; во-вторых, из частных лиц, которые, подобно предпринимателям, зачисленным в гражданский класс, брали на себя обязанность собирать государственные налоги с установленной территории или с тех или иных доходных занятий; в-третьих, из части такого же, как и вписанное в гражданский класс, официально признанного властями самоуправления, к которому в данном случае прибавлялась еще и часть ремесленного самоуправления. Функции чиновников собственно военного класса в административной, таможенной и производственной сферах ограничивались высшим уровнем управления. С понижением их должностей до уровня, соответствующего низшему подрангу пятого ранга, начиналась замена собственно военных чиновников в этих «невоенных» сферах представителями «неупорядоченного» класса. За лицами, входящими в собственно военный класс, оставались офицерские должности в войсках, формируемых как в долинных, так и в горных районах (в последнем случае на эти должности нередко назначались горские князья), управление некинскими народностями (осуществляемое также родовой горской знатью), охрана сакральных объектов, резиденций знати, специальных округов и пограничных застав. К концу правления под девизом Зялаунг было ликвидировано привилегированное положение морского офицерства на крупных кораблях: должности капитанов и помощников капитанов были приравнены к общеармейским [21, с. 237].

Выполнение же хозяйственных функций, таких, как организация транспортных перевозок на казенных и частных кораблях, взимание налогов на пограничных горных и морских таможенных, распоряжение государственными складами и хранилищами, казенными транспортными средствами, государственными ремесленниками и множество других «экономических обязанностей», возлагалось на представителей «неупорядоченного» класса [лишь Управление государственными хранилищами и ремесленными мастерскими (До зя), где отбывали повинности ремесленники, находилось в ведении собственно военных чиновников от высшего подранга третьего ранга до низшего подранга четвертого ранга]. К «неупорядоченному» классу принадлежали и внештатные офицеры, для которых не нашлось «свободных» должностных мест.

При последующем понижении должностного уровня чисто военные функции закреплялись за собственно военным классом лишь на протяжении одного полного ранга: с низшего подранга пятого ранга до низшего подранга шестого ранга включительно. Ниже этого уровня как на штатные, так и на сверхштатные унтер-офицерские должности в регулярных войсках назначались только представители «неупорядоченного» класса.

Как уже отмечалось, в принципе сразу на офицерские должности собственно военного класса могли по правилам назначаться лишь лица, выдержавшие военные конкурсы. Однако в период правления под девизом Зялаунг эти конкурсы вообще не проводились, и большая часть офицеров должна была пройти через низшие унтер-офицерские должности, принадлежащие к «неупорядоченному» классу.

Общий порядок прохождения через эти должности был приблизительно следующим. В том случае, если в отделении (тхап—десяток, который мог насчитывать и 12—15 человек [20, с. 270]) не было командира (дой чыонг шуат тхап или тхы дой чыонг), то разрешалось брать на эту должность лиц «откликнувшихся на назначение». Через 6 лет службы такой унтер-офицер получал должность штатного дой чыонга шуат тхап (или тхы дой чыонга), через 12 лет — тянь дой чыонга (или дой чыонга шуат дой) и переходил в собственно военный класс, через 18 лет — кай доя. После этого он мог либо продолжать служить в армии, либо уйти на пенсию, получая освобождение от подушных налогов и трудовых работ. Если же «откликнувшихся на назначение» на низшую унтер-офицерскую должность не было, то разрешалось отбирать из числа солдат десятка «давно служивших и хорошо разбирающихся в военном деле» людей и выдавать им свидетельства о назначении дой чыонгами шуат тхап.

Лишь лица, имеющие военные отличия (куан конг), могли назначаться на следующую должность вне установленных временных интервалов [21, с. 149]. За успехи в подавлении крестьянских восстаний полагалось немедленное повышение в должности [20, с. 355—356; 21, с. 66]. Следует отметить, что часто назначения носили массовый характер: 64 человека [20, с. 244], 69 человек [20, с. 256], хотя были и единичные [20, с. 235, 368].

В то же время хорошо известно, что государственные органы предоставляли унтер-офицерские должности тем частным лицам, которые формировали воинские подразделения путем найма из числа «внесписочных» (нгоай тить). При этом в условиях усиливающегося бегства из армии [20, с. 268] власти всячески стремились увеличить численность войск этого типа и очень старались заинтересовать частных лиц в организации подобных подразделений. Поэтому за наем подразделений одной и той же численности с течением времени предоставляли все более и более высокие унтер-офицерские должности. Так, если сначала за наем 50 солдат давали должность дой чыонга, а за 100 солдат и более — кай доя [20, с. 325], то вскоре за формирование отряда из 50 человек официально разрешалось «жаловать» должность куиен шай (временного) кай доя. На этом местные власти не останавливались и просили правителя разрешить, во-первых, предоставлять должность куиен шай (временного) дой чыонга за формирование отделения (более 10 человек), во-вторых, назначать унтер-офицерами пришедших с

повинной повстанцев [21, с. 14]. Оба эти предложения не были одобрены Тхе то. Однако утвердившаяся в армии практика давала широкие возможности частным лицам для получения унтер-офицерских должностей без выслуги лет.

Гарантией реализации этих возможностей было реальное, как социальное, так и экономическое, господство на местах деревенской и городской верхушки, способной заставить зависимое от нее население наниматься на государственную военную службу. Новоиспеченные унтер-офицеры по своему статусу ничем не отличались от остального младшего командного состава и получали государственное жалованье в соответствии с занимаемой должностью [20, с. 325, 388—389; 21, с. 14—15]. Удельный вес наемных (мо) войск во вьетнамских вооруженных силах неуклонно рос [20, с. 27, 80, 136, 379—380, 388—389; 21, с. 14, 15, 112, 114, 161, 235, 259, 266, 292, 299, 322, 328, 332—333, 334, 335, 343, 351, 389].

Среди наемных солдат появились «профессионалы», которые, получив жалованье, бежали из одних воинских частей и нанимались в другие. В конце правления под девизом Зялаунг было приказано водворить наемных беглецов на прежнее место службы, причем не только из новых подразделений, но и с места жительства, даже в том случае, если, вернувшись на старое место жительства, они переходили из категории «внесписочных» («нгоай тить») в разряд «списочных» («зан тить») [21, с. 387].

Это свидетельствует о том, что без наемных войск власти уже не могли обойтись. С ростом их численности увеличивалось, естественно, и количество унтер-офицеров, возглавляющих наемное подразделение [20, с. 80], хотя в источниках не часто сообщается о подобных фактах. Дело, очевидно, в том, что в хронике, излагающей факты периода правления Тхе то, в отличие от подобных описаний событий, имевших место при его преемниках, не указываются персональные назначения даже среднего офицерского состава, не говоря уже об унтер-офицерах, которые преимущественно и формировали наемные войска.

Таким образом, определенная доля регулярной армии состояла из войска, сформированного не административными общинами, а нанятого при помощи частных лиц, часть которых являлась местными феодалами, заставляющими своих зависимых поступать в воинские части и утверждавшими свой социальный статус сначала на унтер-офицерских, а затем и на офицерских должностях.

О том, что значительная доля унтер-офицерства регулярной армии была представлена городской и деревенской верхушкой, свидетельствует и «пожалование» властями младших командных должностей «местным влиятельным» лицам (тхо хао) за помощь в разгроме китайских «пиратов» [20, с. 145, 271], а также за участие в подавлении крестьянских восстаний [21, с. 363]. Такие же унтер-офицерские должности за содействие в борьбе

против взявшихся за оружие народных масс получали местные осведомители [20, с. 261], подчиненные армейских секретарей [21, с. 10], а также лица, социальная принадлежность которых трудно определима [20, с. 333—334; 21, с. 84, 93].

Весьма вероятно, что удостоенные этих должностных наградений не обязательно должны были служить в регулярной армии. Возможно, отличия, которыми власти поощряли доказавшую свою преданность общинную верхушку, носили характер предоставления скорее «чинов», чем должностей. Такой «чин» не только давал общинной верхушке возможность официально оформить уже имеющиеся реальные социальные и экономические привилегии на местах, но и гарантировал новые общественные и материальные преимущества: повышение статуса в общинном совете и освобождение от подушных налогов, а также всех повинностей [20, с. 361, 386]. Скорее всего, для действительного назначения отличившихся на унтер-офицерскую и офицерскую должность в регулярной армии необходима была дополнительная обоюдная договоренность обеих сторон и прежде всего — согласие на это «местных влиятельных» лиц. Однако окончательное решение этого вопроса требует дополнительного исследования и, главное, привлечения нового материала.

Унтер-офицерские и офицерские должности получали по наследству без всякой очереди и учета боевых отличий потомки заслуженных военных чиновников. При этом, если относительно некоторых из них точно известно, что они назначались в регулярную армию [20, с. 21], то о других таких сведений не имеется [20, с. 190, 219, 250, 271, 273, 309, 357]. Большинство потомков заслуженных военных чиновников жаловался военный «чин» (тык хам), который давал право, но не обязательно предусматривал немедленное назначение на военную должность и в то же время гарантировал социальные и экономические привилегии без службы. Значительная часть этих потомков состояла из южан, особенно наследников «бангкокцев». По-видимому, многие из них в период правления Тхе то, особенно до 1812 г., могли не служить и жить в Зядини. Лишь в 4-м месяце 1812 г. не несущие службу офицеры были назначены в новые 35 ко [20, с. 148]. Кроме того, Тхе то предусматривал возможность того, что и впоследствии некоторые из них («бесталанные») будут освобождены от службы, но в то же время смогут пользоваться всеми сословными привилегиями.

Таким образом, еще до образования сословия «бангкокцев» определенная часть южных феодалов оформляла свои социальные и экономические привилегии в рамках приобщения к сословию военных чиновников, но без выполнения соответствующих этому сословию обязанностей.

Военные должности предоставлялись знати, состоящей преимущественно из близких и дальних родственников правителя. Некоторые из этих должностей, по-видимому, были фиктивными, ибо наряду с назначением унтер-офицеров и офицеров в при-

дворные войска [20, с. 263; 21, с. 292, 375], в части, охраняющие мавзолеи [21, с. 223], династийные храмы [20, с. 144] и усыпальницы знати [21, с. 345] значительная часть получателей такого рода должностей должна была заботиться об организации церемоний поклонения своим собственным прямым предкам [20, с. 397; 21, с. 33, 238, 297, 365], которых они и без того «почитали» в рамках семейного культа. Впрочем, родственникам правителя, социальный статус которых был весьма высок, унтер-офицерские и низшие офицерские должности (а именно они преобладали) давали не очень большие привилегии по сравнению с теми, которыми они пользовались. Гораздо значительнее были эти привилегии в том случае, если они предоставлялись потомкам старых династий [21, с. 369]. Однако в отношении их «милости» правителя неуклонно сокращались, и он, по-видимому, из «экономии» стал поручать организацию культа старых династий тем их потомкам, которые уже имели низшие офицерские должности [21, с. 164].

Высшие военные чиновники в армии имели возможность по своему усмотрению предоставлять некоторое количество унтер-офицерских должностей без санкции верховной власти. Их получатели автоматически удостаивались титулов знатности и освобождались от тягла. Число обладателей таких должностей непрерывно росло. В их составе было значительное количество лиц, связанных чисто личными отношениями с высшими военными чиновниками. В связи с этим в 1805 г. правитель издал приказ, запрещающий вписывать в их должностные удостоверения титулы знатности и включать обладателей таких документов в категорию «нетягловых» [20, с. 249—250].

Таким образом, анализ социального состава получателей чисто «армейских» унтер-офицерских и низших офицерских должностей показывает, что в их числе было значительное количество представителей деревенской и городской иерархии, определенная часть которой, особенно на Юге, могла, в силу дарованных привилегий, не служить. Такими же привилегиями в сочетании с унтер-офицерским и младшим офицерским статусом пользовалась и часть родовой знати, однако масштабы получателей и значимость предоставляемых преимуществ в обеих группах были несоизмеримы.

Еще более активным было «проникновение» состоятельных слоев вьетнамского общества на те должности военной иерархии «неупорядоченного» класса, которые никак не были связаны со службой в регулярных войсках либо были связаны с ней весьма опосредствовано.

Уже на высшем кадровом уровне хозяйственного руководства, закрепленного за «неупорядоченным» классом военной иерархии, допускались значительные отклонения от «нормальной» должностной структуры; учреждением по организации водных перевозок (Чьонг да), например, по совместительству управлял гражданский чиновник — глава ведомства общественных

работ Чан Ван Тхай, в то время как в подчинении у него находился им же самим выдвинутый военный чиновник кай дой Чан Ван Дык [20, с. 81]. Здесь можно наблюдать двойное нарушение правил: во-первых, гражданский чиновник не должен был возглавлять учреждение, которое было «закреплено» за военными должностными лицами [20, с. 184]; во-вторых, гражданский чиновник в принципе не мог выдвигать на должность военного чиновника и наоборот. Если же предположить, что Чан Ван Дык был родственником Чан Ван Тхая (а это весьма вероятно), то нарушений было уже три. Кроме того, в период правления под девизом Зялаунг имевшее в данном случае место подчинение военного чиновника гражданскому (но не наоборот) было чрезвычайно редким явлением и являлось нарушением устоявшейся практики, противоречило духу, если не букве административных правил Тхе то.

Еще более своеобразной была «военная» администрация, назначаемая в горные и приморские портовые пограничные заставы, являющиеся одновременно и торговыми таможнями. По правилам 1804 г. управлять такими заставами должны были военные чиновники кай дой и дой чыонг [20, с. 184]. Действительно, военные чиновники часто назначались как в приморские портовые [20, с. 136, 308, 317, 392; 21, с. 211, 290, 314], так и в горные [20, с. 96, 348] пограничные заставы. Но в то же время приморскими портовыми заставами могли управлять и гражданские чиновники, служащие в армии [20, с. 27], и секретари [20, с. 27, 392; 21, с. 314], и лица китайской национальности, должностная принадлежность которых в источниках не указана [21, с. 126]. Отсутствуют в хрониках сведения и о части должностей таможенных управляющих вьетнамской национальности как в приморских портах [20, с. 96, 100—101], так и на горных заставах [20, с. 100]. Весьма вероятно, что какая-то часть из них не принадлежала к официальным государственным чиновникам, а привлекалась властями к доходной таможенной службе из числа местных жителей. Об этом свидетельствует предложение зядиньских чиновников отбирать на должность управляющих заставами-таможнями «проворных и прилежных» из числа «списочных» простолюдинов, которое Тхе то не отклонил [21, с. 84].

Управление приморскими портовыми таможнями было очень доходным. Здесь процветало взяточничество, дающее возможность иностранным купцам скрыть от налогообложения часть своих товаров, а управляющим — нажиться. Источники отмечают распространение вымогательства и поборов с заморских торговцев именно со стороны нечиновных таможенных управляющих китайской национальности [21, с. 126]. С течением времени должности управляющих таможнями, особенно в приморских портах, стали рассматриваться и верховной властью в качестве доходной синекуры. Именно с этим, по-видимому, следует связывать предоставление таких должностей заслуженным

чиновникам «бангкокцам», причем с таким расчетом, чтобы управляемые ими таможни находились вблизи от их дома [21, с. 211].

В некоторых случаях должности предоставлялись отставным заслуженным чиновникам прямо в качестве жалованья (лок) [21, с. 350]. О том, что назначение на таможни являлось своеобразным награждением за длительную службу, свидетельствует и указ Тхе то выдвигать на вакантные места офицеров старше 60 лет, которым полагалось уходить на пенсию. Некоторые военные чиновники сами просили назначения в таможни, расположенные в крупных морских портах, например в Тханьха [21, с. 236]. Таким образом, должности управляющих государственными пограничными заставами в горах и особенно в приморских портах, являющихся одновременно и таможнями, приносили их получателям значительные доходы. В связи с этим наряду с военными, гражданскими чиновниками и секретарями на эти «хлебные» места стали постепенно проникать и частные лица из числа простолюдинов — «списочных», официализовавшие свой статус «управляющих» путем приобщения к «неупорядоченному» классу военной иерархической структуры.

Следует отметить, что государственными секретарями (ти лай) [21, с. 169] считались те частные лица, которые в конкурентной борьбе на аукционах, устраиваемых в конце каждого года, завоевывали право взимания налогов на внутренних торговых таможнях [20, с. 78]. В действительности, никакого отношения к казенным служащим эти откупщики, конечно, не имели. Однако получение патента на место таможенного сборщика налогов формально превращало частного предпринимателя в представителя государственной власти, взаимоотношения которого с облагаемыми им торговцами казна считала вправе регулировать: устанавливать норму пошлины ($\frac{1}{40}$ стоимости

провозимых товаров), определять вид платы, взимаемой в качестве подати (серебряные слитки, медные или цинковые деньги и т. д.). Конечно, откупщики чаще всего нарушали постановления властей, что являлось причиной постоянных жалоб купечества и директив правительства, имевших целью нормировать доходы таможенников и ограничить поборы с торговцев [21, с. 96, 168—169]. Однако отказаться от привлечения откупщиков к таможенной «службе» государственные власти не пытались в течение всего периода правления Тхе то, и только при его преемнике новое правительство стало предпринимать попытки заменить часть предпринимателей в этой сфере чиновниками и секретарями.

Очень доходными являлись унтер-офицерские должности в резиденциях родовой знати. В связи с большим количеством желающих воспользоваться привилегиями, даруемыми принцам и частично узурпируемыми их свитой, количество таких должностей было строго ограничено, а назначать на них можно бы-

ло лишь лиц, включенных в штат, но находящихся не у дел [21, с. 352].

Из числа офицеров назначались управляющие государственными складами (конг кхо) [20, с. 184, 26], а также хранилищами с транспортными средствами (конг са) [20, с. 184, 326]. Офицеры возглавляли некоторые промысловые объединения [20, с. 223; 21, с. 264] и полупроизводственные учреждения [20, с. 96—97, 122, 279—280; 21, с. 391], в которые были включены и государственные цеха (кук тыонг) [20, с. 184, 279—280]. Унтер-офицеры руководили также узкоспециализированными столичными и провинциальными ремесленными цехами, часть из которых находилась на полувоенном положении (дой) [20, с. 26; 21, с. 391], другая была, по-видимому, более свободна (кук) и частично составлялась путем найма [21, с. 266].

Некоторые специализированные профессиональные корпорации управлялись своими собственными выборными, которых государственные органы включали в «неупорядоченный» класс военной должностной структуры [21, с. 66]. За такими выборными сохранялись их специфические должности тянь кай куан и кай куан, обладатели которых считались принадлежащими к низшему подрангу восьмого ранга и имели право носить титул ба [20, с. 184—185], а также должности тянь ти куан и ти куан, которые давали возможность их получателям причисляться к низшему подрангу девятого ранга и пользоваться титулом ты [20, с. 184—185]. Вероятно, основная масса членов таких корпораций (преимущественно ремесленных) получала должность тхухоп и включалась в военную должностную иерархию в качестве обладателей низшего подранга девятого ранга и титула нам [20, с. 184—185].

Такое место в должностной иерархии свидетельствует о довольно высоком социальном статусе не только цеховых старшин, но и рядовых корпорантов. При этом следует отметить, что в годы правления под девизом Зялаунг не ощущалось такого презрительного отношения к «низшим» профессиям, которое стало чувствоваться в период царствования Тхань то. Так, в начале 1808 г. в Тханьхоа и Нгеане были созданы корпорации артистов (зяо фыонг), главам которых за выступления в течение двух «сезонов» в столице были предоставлены дающие высокий социальный статус должности тянь кай куан, а рядовым корпорантам — денежное жалованье [20, с. 363].

В связи с поднятием престижа членов корпораций возросло их профессиональное самоуважение, усилились амбиции, появились новые претензии, сводящиеся к стремлению еще более укрепить свое социальное положение. Особенно ярко это проявилось у верхушки ремесленных цехов, отношение властей к которым было довольно благосклонным. По-видимому, именно под давлением цеховой верхушки обратился управляющий До зя в начале 1805 г. к Тхе то с просьбой назначить 100 цеховых старост и мастеров на должности кай доя и кай ти. Это долж-

но было повысить их социальный статус на два-три ранга, а некоторым из них — предоставить более высокий титул (ты вместо нам), что значительно увеличивало их престиж. Кроме того, возрастало и жалование кай доя и кай ти во время работы на казну. Это была первая попытка цеховой верхушки поднять свое общественное положение. Как чаще всего и бывает со всякими новыми социальными притязаниями, она не удалась. Однако само ее появление свидетельствует о том, что социальный климат в то время был благоприятен новым веяниям. Хотя Тхе то и отверг предложение управляющего До зя, он приказал предоставить старостам и мастерам должности тянь кай куан, кай куан, тянь ти куан и ти куан, а обычных ремесленников назначить тху хопами [20, с. 223]. Через два года по просьбе того же управляющего До зя и еще одного чиновника те же должности были закреплены еще за 300 ремесленниками [20, с. 334]. У цеховых старост, мастеров и рядовых ремесленников появились постоянные защитники из числа государственных чиновников довольно высокого уровня. Это были их непосредственные начальники-управляющие До зя, при поддержке которых они повышали свой должностной, ранговый, а следовательно, и социальный статус. Помощь этих чиновников способствовала тому, что ремесленная верхушка вскоре превратилась во влиятельную группу должностных лиц, занимающих прочные позиции в управлении государственным ремесленным производством. Положение их в ранговой иерархии «неупорядоченного» класса военной должностной структуры было очень престижным по сравнению с другими «нечиновными» группами. Однако в период правления под девизом Миньмень все должности типа кай куан были ликвидированы [236, с. 292—301]. И это серьезно ударило по ремесленной верхушке, которую Тхань то в подавляющем большинстве лишил прежних социальных привилегий. Впрочем, этих привилегий лишались многие социальные группы, ранее входившие в «неупорядоченный» класс и потерявшие свои преимущества вместе с ликвидацией самого класса.

В период правления Тхе то в этот класс включалось значительное количество «частников», бравших на себя обязанность отвечать за сбор государственных налогов и организацию трудовых работ, а также выполнение других государственных повинностей на различных уровнях административной структуры.

Прежде всего следует упомянуть о не отнесенных ни к гражданской, ни к военной должностной структуре провинциальных откупщиках — сборщиках податей и служащих провинциальных складов: кай чынг [20, с. 125; 21, с. 19, 175], кай чыонг [21, с. 175], кай лай [21, с. 19], кай кхо [20, с. 125]. В некоторых провинциях было несколько складов [21, с. 44], куда ежегодно поступали собранные с населения налоговый рис и деньги. До начала 10-х годов XIX в. такие откупщики — сборщики податей были частными лицами, обеспечивающими государст-

во получении установленной суммы налогов за право взимания с населения дополнительных поборов. Только после просьбы «традиционалистов» не допускать к сбору налогов «частных лиц», а посылать для этой цели из краевого управления (тхани) сотрудников финансового отдела, а из провинций — местных служащих [21, с. 19] в конце 1811 г. был издан указ поручать взимание податей специально присылаемым из провинциальных управ чиновникам. «Секретарям» и солдатам, охранявшим склады, под страхом смертной казни запрещалось мошенничать [21, с. 134].

Вероятно, вскоре в числе провинциальных налоговых сборщиков действительно не осталось частных лиц, которые были заменены государственными чиновниками и секретарями высших разрядов. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что по правилам, изданным в конце 1812 г., за недоимки при сборе налогов кай чынги и кай чыонги подвергались точно такому же наказанию, как и начальники округов и уездов: штрафованию путем удержания жалованья в том случае, если они его получали, и понижению в ранге с оставлением на той же должности. Это наказание, приравнивающее кай чынгов и кай чыонгов к государственным чиновникам, коренным образом отличалось от репрессивных мер, применяемых к кай хюенам, ки хюенам, кай тхуокам, ки тхуокам, кай тонгам и фо тонгам, которых либо били палками, либо сразу же лишали места [21, с. 175]. При этом нас не должно смущать то обстоятельство, что в некоторых случаях кай чынги и кай чыонги могли не получать жалованья, ведь до 1815 г. его не получали и чи хюены на территории южнее Нгеана [21, с. 236]. Таким образом, есть основания полагать, что в начале 10-х годов XIX в. частные лица на постах провинциальных налоговых сборщиков были заменены государственными чиновниками.

Если на провинциальном уровне позиции частных сборщиков налогов во вторую половину царствования Тхе то были решительно подорваны, то в некоторых округах (фу) на территории бывшего Дангчаунга влияние администраторов из числа местной верхушки было хотя и ограничено, но в принципе сохранено. Представляющие этот слой местные власти были частично включены в государственную должностную структуру военной иерархии и получили официальные права на существование.

Включение этих налоговых сборщиков окружного масштаба в официальную должностную структуру Вьетнама в начале XIX в. является, на наш взгляд, очень важным событием. Прежде всего следует отметить, что должности кхам ли, де док, де лань и кай фу, с которыми связывается исполнение налоговых функций, были с момента образования Дангчаунга чисто местными должностями и занимали их местные жители.

Еще в 1603 г., т. е. только через два года после окончательного возвращения тюа Нгуен Фук Хоанга с Севера, на встречу к нему в Куангнам прибыл кхам ли фу Хоайнян Чан Дык

Хоа, отец которого являлся фо тыонгом Куангнама. Род Чан имел тесные и прочные связи с местными богачами, которые выдвинули на высшую государственную должность «пастуха» Дао Зюи Ты, впоследствии активно защищавшего «третье сословие», в частности купечество [18, с. 43, 52, 62]. Учреждение нового административного деления в Куангнаме в 1604 г. никак не повлияло на положение Чан Дык Хоа, который и в 1627 г. занимал ту же должность [18, с. 52, 54].

Не только на местный, но в известной мере и на номинальный характер перечисленных выше должностей указывает акт «присвоения» в 1693 г. при превращении княжества Пандуранги в фу Биньтхуан должности кхам ли одному из представителей чамской знати, а должностей де док, де лань и кай фу — трем сыновьям другого чамского вельможи [18, с. 148]. Уже в 8-м месяце следующего, 1694 г. был восстановлен чамский по населению чан Тхуантхань, а носителя должности кхам ли «повысили» до левого до дока [18, с. 150]. Еще через два месяца он был признан вассальным выонгом чана Тхуантхань [18, с. 151] и впоследствии лишь посылал ритуальную дань [18, с. 170] в Фусуан, пользуясь значительными судебными и административными правами в отношении чамского населения бывшей Пандуранги [18, с. 175, 180].

По-видимому, должность кхам ли в XVII в. соответствовала очень высокому уровню местного управления и обозначала администраторов, не посылаемых из Фусуана, а лишь признаваемых дангчаунгским правителем из числа местных феодалов.

На первом году правления сына Куоктюа Нгуен Фук Тю (1725—1738) была сделана попытка ограничить численность в округах местной феодальной администрации, о которой в источнике прямо говорится как о занимающейся налогами [18, с. 189]. Какие же «должности» сокращали? Все те же посты де дока, де ланя, кай фу. Во всех округах Тхуанхоа и Куангнама власти оставили лишь по одному человеку на этих должностях. Кроме того, в Куангнаме, где местное феодальное управление имело более сильные позиции, было разрешено иметь по одному кхам ли на округ, причем специально указывалось, что данное лицо должно принадлежать к «основным» дворам (тянь хо) [18, с. 190]. Возможно, что на эти влиятельные и доходные должности помимо коренных жителей стали проникать и пришлые, если это позволяло их имущественное положение, что лишало государственные власти определенных гарантий, ибо пришлые были менее «привязаны» к данной местности и могли скрыться, прихватив с собой собранные с населения налоги.

Ограничение со стороны государства официального признания реальной власти на местах феодальной верхушки встретило решительное сопротивление последней. Некоторые из посланных центральной властью чиновников, так или иначе способствовавшие проведению данного мероприятия, были убиты «влиятельными и могущественными» [18, с. 190], другие внезап-

но умерли [18, с. 192]. В итоге позиции помещиков вряд ли были сильно поколеблены. Лишь в начале княжения тюа Во выонга (1738—1765) государственные власти решительно потеснили местное самоуправление на высшем уровне. В 1744 г. вновь созданные провинции (зинь), в значительной степени реорганизованные из старых округов, были направлены губернаторы (чан тху), сборщики налогов (кай ба) и судьи (ки люк). Лишь в двух округах (Куангнгай и Кюиньон), входящих в зинь Куангнам, была сохранена «специально установленная» должность кхам ли, а также введена новая должность туан фу [18, с. 208], о которой трудно сказать что-либо определенное. Однако ясно, что она не совпадает с должностью губернатора провинции, установленной в XIX в. императором Тхань то.

Возвращаясь к рассматриваемому нами периоду начала XIX в., отметим, что по табели 1804 г. было приказано оставить должности кхам ли, де доков и де ланей в тех местах, где они были учреждены ранее, но создание новых должностей такого рода запрещалось [20, с. 187]. В связи с этим, очевидно, начиная с 1803 г. в Кюиньоне (Биньдине) были оставлены должности одного кхам ли, одного де дока и одного де ланя. Все остальные должности, превышающие установленную квоту, были упразднены [20, с. 104]. Несмотря на то что должность фу ки люка, входящая в гражданскую должностную структуру, по-видимому, связанная с исполнением судебных функций, не была упомянута в числе лимитируемых [20, с. 187], в том же Кюиньоне было разрешено держать на его посту лишь одно официальное лицо [20, с. 104]. Таким образом, частично допуская местную феодальную верхушку к реальному распоряжению делами округа, государственные власти постепенно ограничивали ее влияние. Об этом свидетельствует также и то, что в выдаваемые высшим провинциальным начальством должностные удостоверения де ланям, например, запрещалось вносить их титулы [20, с. 250]. Ниже административного уровня округа позиции местного самоуправления не были поколеблены в течение всего периода правления Тхе то, т. е. вплоть до начала 20-х годов XIX в.

В уезде, например, назначаемый столичными или краевыми властями чи хоен занимался лишь официальной документацией и разбором судебных дел [22, с. 120]. Решение же всех вопросов, связанных с выполнением налоговых и повинностных обязательств перед государством, находилось в сфере компетенции кай хоена и ки хоена, первый из которых формально принадлежал к военной должностной структуре, второй — к гражданской. Отнесение должностей кай хоена и ки хоена к различным должностным иерархическим структурам было скорее связано с принципом параллелизма, чем с дифференциацией их функций. Ведь известно, что занимались они, в общем, одним и тем же делом [22, с. 120]. Следует отметить, однако, что те должностные лица, которые относились к гражданской должно-

стной структуре, не только стояли ниже «военных», но, по-видимому, были подчинены им. На это указывает хотя бы тот факт, что при унификации должностей уездных сборщиков налогов и организаторов отработочных повинностей должности тянь (главный) кай хюенов в шести нгеанских уездах были преобразованы в должности кай хюенов, а должности фо (заместитель) кай хюенов — в должности ки хюенов [20, с. 381].

Будучи выдвинутыми «снизу» из общин и деревень, кай хюены и ки хюены являлись местными жителями и были, по существу, представителями социально и имущественно привилегированных кругов в уезде. Они сосредоточивали в своих руках все материальные ресурсы уездов, решая налоговые, повинностные и другие экономические проблемы (или, как их называли государственные деятели того времени, проблемы «денег, риса и военного жалованья» [22, с. 120—121]) прежде всего в свою собственную пользу, а затем — к выгоде того общественного слоя, к которому они принадлежали. Однако при этом они все-таки обеспечивали государственным властям определенный уровень налоговых поставок и отработочных повинностей, главным образом за счет беднейших слоев общины. Без их деятельности власти не могли обойтись, не нарушая сложившуюся социально-экономическую структуру вьетнамского общества.

Однако правительство препятствовало чрезмерному увеличению количества официальных должностных лиц из числа местной верхушки. Делалось это, вероятно, вследствие страха потерять контроль за низовой администрацией, а также для того, чтобы ввести в рамки уровень частнофеодальной эксплуатации, дабы не сокращались размеры эксплуатации государственной. В связи с этим численность кай хюенов и ки хюенов в уездах была строго ограничена [20, с. 104]. Эти должности не «жаловались» ни за личные заслуги, ни за доблести предков и предоставлялись только общинным «старостам» за прибавку 300—350 тягловых [20, с. 327], что было очень редким явлением. И все же представителям местной верхушки удавалось правдами и неправдами добиться большого количества этих постов, предоставлявших в их распоряжение мощные экономические и внеэкономические средства эксплуатации земляков. Один из чиновников-«традиционалистов», Нгуен Данг Туан, насчитывал в начале 20-х годов до 10 кай хюенов и ки хюенов в каждом уезде [22, с. 120—121], т. е. приблизительно в пять раз больше, чем разрешалось иметь по правилам [20, с. 104]. Предоставление дополнительных должностей кай хюенов и ки хюенов было средством для предотвращения и погашения социальных конфликтов между деревенскими слоями и государственной властью; получив привилегии и официальные полномочия, деревенская верхушка сама расправлялась с недовольными. Однако этого не понимали многие феодальные политические деятели, даже близкие к «реалистам», в том числе и Тхе то [21, с. 40].

На административном уровне долинных уездов (хюен) заканчивалось управление при помощи назначаемых сверху и присылаемых извне государственных чиновников (чи хюен). Уже в горных уездах (тяу) вся власть признавалась за местными князьями, получающими должности кай тяу и фо тяу [20, с. 185]. Более того, в некоторых случаях горские князья получали почетные «нестандартные» должности, отсутствующие в обычной должностной иерархии, но дающие право на титулы хау и ба [20, с. 78] и намного «перекрывающие» размеры горных уездов [21, с. 255]. Эти почетные должности предоставлялись, очевидно, как исходя из степени их лояльности по отношению к правительству, так и в соответствии с границами реальной власти, практически никогда не совпадающими с административными рамками.

Основными административными единицами, на которые подразделялись долинны уезды (хюен), были волости (тонг). Должности волостных старост (кай тонг) и их заместителей (фо тонг), относящиеся к военной должностной структуре [20, с. 185], закреплялись за выборными лицами. Выборная (в значительной мере из числа общинных старост) волостная администрация была представлена в определенной части помещиками и состоятельными горожанами, но в большей степени — защитниками их интересов, являющимися людьми среднего достатка и даже бедняками. Личная ответственность перед государством за невыполнение «служебных» обязанностей делала эти должности малопривлекательными для имущих слоев города и деревни, и те предпочитали пользоваться административной властью через подставных лиц. Так или иначе, лично или через своих представителей, но помещики и торгово-предпринимательские слои получали в период правления Тхе то довольно широкие возможности для применения предоставляемого им волостными органами внеэкономического принуждения в целях феодальной эксплуатации беднейших слоев города и деревни.

Причины отнесения должностей кай тонга и фо тонга к военной должностной структуре точно определить трудно. Возможно, что это было связано с чисто формальным положением — принципом «равномерного» распределения должностей по обоим классам: если деревенские и общинные старосты были введены в гражданскую должностную структуру, то волостная администрация, занимающая более высокое положение, должна была заполнить соответствующую ячейку в военной. Возможно, эти должности были тесно связаны с руководством волостным ополчением и подавлением народных восстаний, в связи с чем на них назначались военные-отставники. Это давало военным реальную власть в деревне и являлось наследием южной дангчаунгской традиции, шедшей вразрез с административными нормами Севера. Следует отметить, что причина включения волостного старосты в число военных должностных лиц была непонятна уже императору Тхань то, который в середине 1824 г. от-

метил, что «хотя кай тонг и принадлежит к военному классу, но в действительности выполняет работу совместно с (чиновниками. — А. Р.) округов и уездов и не имеет никакого отношения к военной должностной структуре (бинь тынь)» [23а, с. 67]. Тогда же волостные старосты были переданы в ведение ведомства гражданских кадров [23а, с. 67].

В период правления Тхе то правительство само стремилось назначать на должности кай тонгов и фо тонгов представителей помещицкой верхушки, способных держать в подчинении народные массы и эффективно подавлять их выступления. Вследствие этого должности волостных старост, хотя их численность и лимитировалась [20, с. 104], были одними из наиболее «жалуемых» за успехи в подавлении крестьянских восстаний [20, с. 219, 364, 368; 21, с. 6, 12—13], что также указывает на их «военный характер». Увеличение численности тягловых на 200—250 человек давало возможность общинным старостам стать старостой волости [20, с. 327], хотя это и не могло быть частным явлением.

В хюены (уезды) наряду с тонгами (волостями) входили и тхуоки [19, с. 322]. Тхуоками назывались селения, в которых жители наряду с сельскохозяйственной деятельностью в значительной мере занимались ремеслом и промыслами. В связи с этим определенное количество тхуоков можно считать поселками городского типа. Однако многие из тхуоков представляли собой административную единицу, состоящую из двух-трех промысловых или ремесленных деревень (фыонг), обязанных платить налоги несельскохозяйственными продуктами: деньгами, предметами ремесленного производства, промысловой добычей. Иногда подобные налоги власти собирали не вследствие развития ремесла, горной добычи, промысловой деятельности, а из-за невозможности населения в данный момент уплатить рисовые подати. В этих случаях налоговый «ассортимент» часто произвольно навязывался государственными органами, и крестьяне вынуждены были подчиняться. В связи с этим в источниках часто встречаются просьбы крестьян сменить номенклатуру ремесленных и промысловых налогов либо освободить от них полностью. В последнем случае «освобожденных» крестьян брали в армию.

Изложенное выше вряд ли дает основание считать все тхуоки городскими поселениями [70, с. 331]. По-видимому, тхуоки были разные. Среди них имелись и поселения городского типа и административные единицы, состоящие исключительно из деревень, расположенных на неудобных для сельскохозяйственной деятельности [18, с. 191] землях: в горах и на побережье. Так, три горные волости (тонга) и две общины (са) в Туиенкуанге были превращены в семь тхуоков [21, с. 255]. Очевидно, именно несельскохозяйственные виды налогов с горных и прибрежных тхуоков, где рисоводство не было столь развито, как в долинах рек, которые раньше платили налоги «дарами леса», а

затем стали вносить деньги, и вводят в заблуждение исследователей. Детальное выявление соотношения городских и деревенских поселений среди тхуоков еще ждет своего исследователя.

О численности тхуоков существуют противоречивые сведения. В 1726 г. в Куангнаме, который охватывал в то время значительную часть Центра, было зафиксировано 128 тхуоков: в Тхангхоа — 15, в Диенбане — 4, в Куангнгае — 4, в Кюиньоне — 13, в Фуиене — 38, в Бинькханге — 20, в Зуиеннини (Зиенкхани) — 14, в Биньтхуане — 20 [18, с. 191]. Таким образом, количество тхуоков в одном лишь Куангнаме в первой половине XVIII в. значительно превышало их число (от 30—35 до 45—50) на всем юге страны к началу XIX в. [70, с. 333].

Так как администрация тхуоков была чисто местной, то должности кай тхуоков и ки тхуоков закрепляли за собой представители феодальной верхушки тхуоков. Их стремление в массовом порядке официально зафиксировать свое реальное экономическое могущество и получить доступ к административной и судебной власти заставило правительство, точно так же как и в отношении кай хюенов и ки хюенов, ограничить численность местного управления определенными рамками. Вследствие этого еще в первой половине XVIII в. в Куангнаме были установлены нормы численности администрации тхуоков в соответствии с количеством имеющихся в них тягловых. В тех местах, где тягловых было более 500 человек, было разрешено учреждать должности одного кай тхуока и одного ки тхуока, менее 450 человек — одного ки тхуока, менее 100 человек — одного тыонг тхана. Во всем Куангнаме было лишь пять тхуоков-гигантов (Хоатяу, Фуляу, Лиемха, Ваунгньи, Хабак), где дополнительно была установлена должность де ланя [18, с. 191]. В начале XIX в. эти жесткие квоты были существенно смягчены: в Биньдине в 1803 г. было разрешено учреждать должности одного кай тхуока и одного ки тхуока в каждом тхуоке вне зависимости от его численности [20, с. 104]. Таким образом, местная феодальная верхушка в тхуоках официально получила более широкий доступ к управлению по сравнению с периодом XVIII в.

Возможно, именно в связи с этим организованное тхо хао население тхуоков оказало существенную поддержку власти Нгуенов во время проведения военной экспедиции против китайских пиратов. За эту помощь некоторым тхо хао были «пожалованы» должности кай тхуоков и ки тхуоков [20, с. 145]. Эти же должности могли получать и общинные старосты за увеличение числа тягловых в общине на 100—150 человек [20, с. 327].

Должности кай тхуоков широко предоставлялись горским князьям. В случае вооруженных конфликтов с центральной властью отбор князей на эти должности в охваченных восстаниями районах производился провинциальной администрацией [21, с. 255]. Там же, где царило спокойствие, в целях поощрения местной феодальной верхушки кай тхуоками объявлялись

все вожди, управляющие либо волостью (тонг), либо двумя-тремя общинами [21, с. 255].

Причины разделения должностей кай тхуока и ки тхуока по двум различным иерархическим структурам, по-видимому, те же, что вызвали аналогичное распределение должностей кай хюена и ки хюена. В то же время в случае предоставления должности кай тхуока горским князьям она носила более ярко выраженный «военный» характер.

Отношение верховной власти к обладателям должностей кай хюен, ки хюен, кай тхуок, кай тонг и фо тонг в период правления Тхе то было двойственным. С одной стороны, власти хорошо понимали, что без их помощи, не нарушая сложившейся социальной и экономической структуры вьетнамского общества, они не смогут в полном объеме собрать налоги, организовать трудовые работы, быстро и эффективно подавить крестьянские восстания, потушить другие классовые конфликты. Все это требовало допуска местной феодальной верхушки в сферу управления. Однако, с другой стороны, официальная передача местным феодалам управленческих функций на чрезмерно высоком уровне и в чрезмерно широких масштабах, во-первых, была чревата потерей правительственного контроля над нижними «этажами» государственного аппарата, что могло привести к непредсказуемым социальным и политическим последствиям, во-вторых, предоставляла помещикам и состоятельным городским слоям мощные административные и судебные рычаги для осуществления внеэкономического принуждения, что давало возможность значительно повысить уровень частнофеодальной эксплуатации, а в тех условиях это могло делаться только в ущерб эксплуатации государственной, т. е. при сокращении общего объема налогов и трудовых казенных отработок. Таким образом, социальные и экономические последствия чрезмерного допуска местной феодальной верхушки к административному управлению были для деспотической власти явно негативными. Требовалось либо изменение самого характера этой власти, либо ограничение участия местных феодалов в управлении государством.

Период правления под девизом Зялаунг можно охарактеризовать как этап компромисса между государственной властью и местными частными феодалами. Этот компромисс заключался, во-первых, в начале эволюции деспотизма в сторону «не-деспотизма» (о характере новой формы власти говорить трудно, ибо движение к ней в период правления Тхе то было только начато, а при Тхань то резко закончено, но уже в начале соответствующих изменений в ней стали ощущаться черты, присущие как сословной, так и абсолютистской монархии), во-вторых, в участии местных феодалов в сфере управления хотя и на ограниченном известными рамками, но довольно высоком административном уровне, в-третьих, в определенном сокращении государственно-феодальной эксплуатации в пользу частно-

феодальной: некоторое уменьшение налогов с общинной земли в Бактхани по сравнению с «тайшонским» периодом, значительные налоговые и повинностные льготы в Зядини, не связанные с голодом и стихийными бедствиями.

Компромисс верховной власти и местных феодалов сказался и на отношении правительства к администрации, состоящей из кай хюенов, ки хюенов, кай тхуоков, ки тхуоков, кай тонгов и ки тонгов. Допуская их к управлению, власти были не очень щедры на предоставление им соответствующих привилегий. Несмотря на то что по табели о рангах 1804 г. все они являлись обладателями низшего подранга девятого ранга «неупорядоченного» класса [20, с. 182—185], титулы разрешалось носить только тем из них, кто принадлежал к военной должностной структуре: кай хюенам и кай тхуокам присваивался титул ты; кай тонгам и фо тонгам — нам [20, с. 185]. Более того, в 1805 г. всем им было запрещено вписывать титулы в должностные удостоверения, выдаваемые высшими провинциальными чиновниками, а также включать себя в категорию «нетягловых» [20, с. 250]. Однако эти требования верховной власти, по-видимому, плохо соблюдались, ибо сами управляющие провинциями были заинтересованы в поощрении местной помещичьей администрации, и в 8-м месяце 1812 г. Тхе то официально освободил кай хюенов, ки хюенов, кай тонгов и фо тонгов в Центре от подушных налогов и повинностей [21, с. 162]. В то же время правитель отклонял даже исходящие от «реалистов» просьбы об установлении должностей кай хюен и ки хюен [21, с. 140], если численность этих должностей превышала установленную норму.

Таким образом, верховная власть во время правления Тхе то шла на уступки местной верхушке в уездах, волостях и тхуоках, допускала ее в сферу управления, пользовалась ее услугами и предоставляла ей определенные налоговые и повинностные льготы, сохраняя в то же время над ней свой контроль и не давая ей возможности чрезмерно расширять представительство в администрации, а также превышать определенный должностной уровень.

С приходом к власти Тхань то местная помещичья администрация в уезде была полностью ликвидирована, а в волости и тхуоке сведена до минимума.

Уже через полгода после вступления на трон нового императора Нгуен Данг Туан подал доклад, в котором предложил все функции кай хюенов и ки хюенов в уезде передать «конфуцианским ученым», назначаемым правительством чи хюенам [22, с. 120]. А в начале 1822 г. должности местных должностных лиц из числа помещичьей верхушки в округе (бан фу), а также кай хюенов, ки хюенов, кай тхуоков, ки тхуоков и фо тонгов были ликвидированы. В волости учреждалась лишь должность кай тонга. Тхуок, по всей видимости, тоже преобразовался в тонг, возглавляемый единственным кай тонгом [23, с. 41—42]. Кроме этого кай тонг должен был выбираться общинными ста-

ростами и утверждаться чи хюеном. Упразднение помещичьего управления в уезде, сокращение и строгий контроль над ним в волости подорвали симпатии местных феодалов к новому правительству и в конце концов лишили его их поддержки, что явилось одной из существенных причин того социально-экономического кризиса, в который был ввержен Вьетнам во второй трети XIX в.

Основными административными единицами, составляющими волость, являлись общины (са). В то же время община была низшим уровнем местного самоуправления, представители которого периодически вступали в контакт с государственными властями. Во главе общины в период правления под девизом Зялаунг стоял общинный староста (са чыонг), который избирался общинным советом (хао муками) и затем лишь признавался или отвергался государственными властями на уровне уезда. Общинный совет состоял из отставных чиновников, лауреатов конкурсов, самых старых людей в общине, бывших старост волостей и общин, обладателей приобретенных (как путем покупки, так и присвоением свыше) титулов и званий. Данные последних исследований общинных земельных реестров свидетельствуют о том, что лишь определенная часть членов общинных советов являлась помещиками, основная же их масса, по справедливому мнению современных вьетнамских ученых, находилась под влиянием состоятельных деревенских и городских слоев, была проводником их решений и защитником их интересов.

О том, что выбираемый общинным советом староста (са чыонг) чаще являлся бедняком, послушно действующим по указке имущих эксплуататорских слоев, чем помещиком, убедительно свидетельствуют два документа, занесенные феодальными историками в хроники. Первый из этих документов воспроизводит текст обращения императора Тхань то к высшим столичным чиновникам в 7-м месяце 1828 г.: «При выборах [на должность] общинных старост (са чыонг) кыонг хао [богачи, помещики] в Бактхани, оказывая давление на жителей деревни, либо выдвигают [на эти должности] своих сообщников, чтобы удобнее было творить плутовские дела, либо поручают [эти должности] подлым людям (т. е. беднякам, людям низкого социального статуса. — *А. Р.*), чтобы удобнее было ими распоряжаться. Когда приходит время сдачи казенных налогов и исполнения военных и трудовых повинностей, то они (кыонг хао. — *А. Р.*), ссылаясь [на казенные нужды], делят полученное между собой и пользуются им, да, кроме того, еще и подстрекают простой народ, укрывают мошенников, совершают не одно порочное дело. Когда при распределении военного жалованья и ведении судебных дел возникают затруднения в решении спорных вопросов и необходимо ускорить их разрешение, то местные провинциальные чиновники высшего уровня лишь сваливают все на бедный народ и возлагают всю ответственность на людей, [непосредствен-

но] занимающихся этими делами (т. е. на общинных старост из числа бедняков. — *А. Р.*), а хьонг хао (в данном случае имеются в виду члены общинных советов, часть которых составляли помещики. — *А. Р.*) продолжают ловко избегать сетей закона» [23в, с. 84—85].

Второй из документов — доклад провинциальных чиновников Нгеана императору Тхань то в 1829 г. В этом докладе чиновники сообщали, что «общинные старосты (са чьонг) в провинции постоянно выдвигаются своим населением и не сообщают [о своем избрании] чиновникам. Когда они что-либо делают, то всегда выполняют распоряжения кьонг хао (помещиков. — *А. Р.*). Вряд ли не из-за этого не хватает (земельного. — *А. Р.*) жалованья солдатам, а обычаи и нравы не непорочны» [23в, с. 200].

Можно предположить, что во время правления под девизом Зялаунг кьонг хао несколько более активно сами выполняли функции общинных старост, ибо не ощущали столь негативного отношения правительства, как при Тхань то. Однако вряд ли их позиция в этом вопросе претерпела кардинальные изменения. Скорее всего они также закрепляли эти должности за своими ставленниками, а сами вершили судьбу деревни путем влияния на старост и на общинный совет. Для того чтобы иметь возможность это делать, помещикам не обязательно было становиться старостами. В то же время для получения доступа к распоряжению финансами волости, тхуока и уезда, а также для подчинения судопроизводства в волости и тхуоке личное выполнение служебных обязанностей администраторов этого уровня было, по-видимому, необходимо. Все же получить должность общинного старосты было, очевидно, не так просто. При определении кандидатуры са чьонга, вероятно, сталкивались групповые и семейные интересы общинной верхушки. Возможно, каждая из внутриобщинных помещичьих группировок старалась провести в старосты как можно больше своих ставленников. Вследствие этого количество общинных и деревенских старост по указу властей от 2-го месяца 1807 г. определялось численностью общины. В тех общинах, где имелось 140 тягловых, можно было выбирать одного са чьонга (общинного старосту), а там, где было 150 тягловых, — одного са чьонга и одного тхон чьонга (деревенского старосту). При увеличении численности тягловых в общине на каждые 50 человек провинциальные чиновники обязаны были выдавать свидетельство, подтверждающее официальный статус еще одного деревенского старосты [20, с. 322—323].

С середины 1809 г. старостам Бактхани стали выдавать деревянные печати [21, с. 25—26]. Однако устойчивым положение общинного старосты считалось только тогда, когда он получал патент на должность от центрального правительства (банг шон, банг шак). Видимо, именно поэтому за успехи в подавлении крестьянских восстаний власти предоставляли тхо хао в каче-

стве награды не только должности са чыонгов, но и получаемые из столицы патенты (банг шон) [21, с. 10]. Заслужить эти патенты имеющим должностные удостоверения са чыонгам было не так просто. Для этого, например, необходимо было увеличить количество тягловых в общине на 30 человек [20, с. 327].

Однако в течение первой четверти XIX в. помещики и состоятельные городские слои могли легко проводить своих ставленников на должности общинных и деревенских старост. В конце 20-х годов в связи с резким изменением социальной политики правительства порядок выборов общинных и деревенских старост был изменен. С этого времени в выборах принимал участие волостной староста, который своим авторитетом должен был воспрепятствовать захвату должностей общинной администрации зависимыми от кыонг хао людьми и обеспечить прохождение на них лиц, имеющих «материальные средства и усердных в работе», т. е. общинников среднего уровня состоятельности. Выбранные старосты должны были подвергнуться тщательной проверке со стороны уездной и окружной администрации, о результатах необходимо было сообщать в провинциальную управу. Лишь после этого новые старосты (ли чыонги) и их заместители (фо ли чыонги) получали должностные удостоверения и деревенские печати. Численность общинной администрации, по-видимому, была сокращена.

Если ранее увеличение количества тягловых на 50 человек постоянно влекло за собой учреждение должности еще одного деревенского старосты, то теперь росту должностных лиц был положен предел: в общине, состоящей из 50—150 тягловых, разрешалось иметь одного ли чыонга и одного фо ли чыонга. Эти лица должны были нести полную ответственность перед государственными органами за все налоговые и повинностные обязательства, поддержание стабильности и «праведное судопроизводство». Если в течение трех лет ли чыонги успешно справлялись со своими обязанностями, то их выдвигали кандидатами в волостную администрацию. Фо ли чыонги за «беспорочную службу» «назначались» ли чыонгами. В том случае, если на должности общинных старост попадали люди «подлые и корыстолюбивые», то власти не только имели возможность лишать их выборного места, но и могли наказать общинников за «беспечность» [23в, с. 85].

Если бы все эти постановления неукоснительно исполнялись, то можно было бы говорить не только об усилении государственного контроля за выборами общинных старост, но и о прямом вмешательстве казенных органов в уже ставшее традиционным «внутреннее» дело общины — выборы местной администрации. Однако через полгода после решения об изменении порядка общинных выборов нгеанские чиновники докладывали императору о том, что все остается по-старому: государственным органам даже не сообщают о результатах выборов, на должности старост опять проходят ставленники кыонг хао.

Таким образом, власть кыонг хао во вьетнамской деревне не была особенно поколеблена даже после начала антипомещичьей кампании правительством Нгуен Тхань то. В период же правления Тхе то, когда помещиков (особенно на Крайнем Юге) даже поощряли, влияние кыонг хао на общинную администрацию, по-видимому, было абсолютным.

Сама же общинная администрация хотя и числилась принадлежащей к низшему подрангу девятого ранга гражданской должностной структуры, однако не пользовалась большими привилегиями.

Ни общинным (са чыонг), ни деревенским (тхон чыонг) старостам не разрешалось носить даже низшего титула (нам) [20, с. 185]. Деревенскому старосте за увеличение количества тягловых разрешалось лишь пользоваться трудом официально освобожденных от всех повинностей зависимых (кхинь фу), а также предоставлялось должностное удостоверение, выдаваемое канцелярией правителя. Продвижение в волостную и уездную администрацию, минуя должность общинного старосты, ему запрещалось [20, с. 327—328].

По-видимому, са чыонг, тхон чыонг, чанг чыонг (староста горной деревни) и кай чай (староста, часто — основатель земледельческого поселения дон диен, образованного на целинной земле не солдатами, а собранными с разных мест крестьянами, которым государство иногда оказывало материальную помощь) получали освобождение в период правления Тхе то от подушных налогов и повинностей только в том случае, если имели должностные удостоверения, выдаваемые по приказу императора. В пользу этого свидетельствует, с одной стороны, их принадлежность к последней ступени гражданской должностной структуры или «чиновничьей» иерархии [20, с. 182], что в принципе должно было включать их в категорию «нетягловых», с другой стороны, запрещение Тхе то относить к категории «нетягловых» и присваивать титулы знатности тем лицам, которые получали должностные удостоверения не по его распоряжению, а от высших военных и гражданских чиновников [20, с. 249—250].

Однако, несмотря на препятствия верховной власти, в соответствии с формальным правом включать в категорию «нетягловых» всех общинных и деревенских старост, а также начальников земледельческих поселений, несмотря на требование дополнительных «заслуг», необходимых для такого включения и отмечаемых должностным удостоверением, выдаваемым по поручению правителя, очевидно, многие представители местного самоуправления, обладая административными полномочиями, имели возможность уклониться от тягла и переложить его на плечи своих односельчан.

Во второй четверти XIX в. общинные и деревенские старосты были исключены из ранговой должностной чиновничьей структуры [236, с. 292—301] и, по-видимому, потеряли налого-

вые и повинностные льготы, которые были связаны с принадлежностью к категории «нетягловых».

Обращает на себя внимание тот факт, что в иерархической должностной структуре 1804 г. слабо представлены купцы. Повидимому, частично они составляли самоуправление некоторых торгово-ремесленных тхуоков. Возможно, некоторая часть из них утверждала свой социальный статус в качестве секретарей, например, на торговых таможнях. Таким секретарем (биен лай) на таможне Вандон являлся первый тайшонский император Нгуен Ван Няк, который, как сообщают феодальные историки, до работы в качестве налогового сборщика был довольно крупным торговцем бетелем [17, с. 9]. При этом есть основания предполагать, что, став служащим таможни, Няк не бросил своей предпринимательской деятельности. Может быть, определенная часть купечества входила в низовую администрацию Чьонг да, однако фактическими данными по этому вопросу мы не располагаем.

Вероятно, в должностную иерархическую структуру 1804 г. вошло бы и самоуправление китайских бангов, основная часть которых была представлена торговцами. Однако статус банг чыонга, видимо, определился несколько позднее.

Впрочем, даже без включения в должностную иерархическую структуру верхушки торговых гильдий приобщение к словию «управляющих» массы лиц, обладающих значительным экономическим потенциалом и занимающих ключевые позиции в хозяйственной сфере, прежде всего помещиков, ремесленных старшин, откупщиков и частных налоговых сборщиков, имело огромное значение.

Повышение правового статуса и официальное признание административных полномочий представителей некоторых экономически господствующих социальных групп явилось, во-первых, отражением глубинных сдвигов в социально-экономическом развитии вьетнамского общества XVIII — начала XIX в., во-вторых, показателем того, что это общество уже не могло идти по пути прогрессивного развития в том случае, если класс феодалов в целом и его организационный орган — феодальное государство — не учитывали и важности роли экономически доминирующих кругов в общественной жизни и соответственно значимости их интересов при распределении материальных благ и социальных приоритетов, в-третьих, признаком того, что изменения в общественном базисе нашли отражение в соответствующих изменениях надстройки и государство, юридически оформив привлечение новых слоев к управлению, приняло позднефеодальную форму.

Приобщение части представителей экономически господствующих слоев к привилегированной и наделенной функциями внеэкономического принуждения части общества не было результатом «озарения» и последовавшего за этим волевого акта законодателя, выразившегося в издании соответствующего

указа Тхе то, но уже имело к началу XIX в. свою историю и практику [18, с. 165—166] и осуществлялось во вновь созданной империи Нгуенов по нормам и принципам, действовавшим в более развитом в социально-экономическом и социально-политическом плане, чем северный Дангнгоай, южном княжестве Дангчаунг.

ДВЕ ПРОГРАММЫ — ДВЕ ПОЛИТИКИ (1806—1812)

Кризис, вызванный появлением «традиционалистов» в Бактхани

Чем дольше находилась у власти в Бактхани администрация Нгуен Ван Тханя, тем больше ухудшалось положение на Севере, тем отчетливее проявлялись кризисные явления, сначала — в экономике, а затем — в социальной сфере. Политика давления чиновничества на помещика подрывала социальную базу позднефеодального государства, восстанавливала общину, в которой ведущие экономические и социальные позиции занимал частный землевладелец, против государственных властей. Сокращалась товарность помещичьих хозяйств, сужался рынок. Ситуацию усугубляли постоянные наводнения и стихийные бедствия (тайфуны, сельскохозяйственные вредители). В результате послевоенная разруха не только не была ликвидирована, но экономическое положение стало еще более тяжелым, чем в период установления господства новой династии на Севере. Бегство крестьян из первоначальных мест проживания, преимущественно — на Юг, приняло невиданные масштабы.

Одной из значительных проблем, вставших в это время перед администрацией на Севере, была проблема ликвидации действовавшей в первые годы после захвата власти Нгуенами системы «постоянного» подушного обложения. Эта система сначала была введена Чинями, затем — Тайшонами и заключалась в том, что один раз зафиксированная сумма подушного обложения более никогда не изменялась, вне зависимости от того, увеличивалась или уменьшалась численность тягловых в общине. Это создавало большие трудности для налогоплательщиков тех общин, где в силу тех или иных причин (неурожая, стихийных бедствий, эпидемий) начиналось сокращение жителей. Оставшиеся обязаны были платить прежнюю сумму налогов в казну, восполняя недостачу за умерших либо ушедших в другие места односельчан. Это еще более ухудшало их и без того тяжелое экономическое положение, и они, в свою очередь, искали спасения в бегстве. Таким образом, при существующем «постоянном» обложении один раз попавшим в несчастье общинам очень трудно было после этого оправиться. Бегство крестьян усиливалось, общины безлюдели, платить налоги было некому, и в итоге казна терпела огромные убытки [20, с. 311]. Такое

критическое положение требовало срочного принятия самых решительных мер, в том числе отмены «постоянного» обложения.

Однако для общин с увеличивающейся численностью населения, с регулярным притоком мигрантов из других мест «постоянное» обложение было выгодным и отмена его наносила ущерб, иногда довольно значительный. При этом наибольший ущерб должна была нести общинная верхушка, помещики, которые, эксплуатируя при «постоянном» обложении «живущих на чужбине» (нгу кы), превращаемых ими в зависимых батраков или арендаторов, могли не «делиться» с государственной властью и присваивать себе ту часть ренты, которая в противном случае должна была пойти на покрытие подушного налога и трудовых государственных повинностей «живущих на чужбине». Но так как помещики стремились сохранить прежнюю норму ренты, то они должны были увеличивать и норму эксплуатации «живущих на чужбине» на величину подушного налога и трудовых работ. А это могло привести к волнениям, бунтам, восстаниям (как это впоследствии и произошло).

С точки зрения налоговых поступлений в казну властям было невыгодно полное разорение «малолюдных» общин, обязанных к значительно большим налоговым поставкам, чем они могли дать. Такие общины приходилось не только освобождать от налогов, но в некоторых случаях даже снабжать казенным рисом.

Государству было невыгодно также существование таких «многолюдных» общин, которые были обязаны к значительно меньшим налоговым поставкам, чем были их возможности. Основную часть «избыточных» жителей составляли беглецы из других общин, проживающие на землях местных помещиков. Наличие «живущих на чужбине» помещиков на Севере маловероятно, хотя они и могли иметь в чужих общинах частные земли, сами оставаясь в списках своих родных общин. Единичные случаи «тайных» помещиков, полностью порвавших с родной общиной и не включившихся в новую, конечно, могли быть, но, по-видимому, это была большая редкость. «Многолюдные» общины, платившие меньшие подати, по всей видимости, исправно в срок и в полном объеме при «постоянном» обложении платили налоги и исполняли повинности, но государство теряло на том, что могло бы получить в качестве подушных налогов от тамошних неучтенных крестьян, будь они внесены в подушные общинные реестры. Пока же эти «неучтенные» налоги и повинности взимал поместный феодал, причем получал он их совершенно неофициально и с точки зрения государства незаконно.

Именно из-за боязни обидеть частного феодала Тхе то так опасался санкционировать отмену «постоянного» обложения. В начале своего правления и перед тем, как пойти на это, он неоднократно советовался по этому вопросу со своими старыми и новыми соратниками из числа северян, хорошо знакомых

с ситуацией в Бактхани. При этом даже ярые «традиционалисты», которые впоследствии действовали в пользу возвращения к традициям XVII—XVIII вв., советовали Тхе то действовать постепенно.

Об этом говорил один из первых северных лауреатов, явный «традиционалист», Нгуен Дыонг, примкнувший к Нгуен Аньо еще до взятия Бакха: «Списки постоянного обложения династии Ле составлялись давно, народ считает их удобными, по моему скромному мнению, сейчас сразу же изменять их не следует» [20, с. 289]. Вызванный на аудиенцию к правителю в середине 1806 г. Данг Чан Тхыонг в ответ на вопрос об изменении списков высказался более уклончиво, но в целом так же, как Нгуен Дыонг: «Изменять нравы и обычаи необходимо постепенно — это важнейшее дело в правилах управления народом» [20, с. 289]. Эта уклончивость Данг Чан Тхыонга вполне понятна, если вспомнить, что он был в числе тех управляющих бактханьской администрации, которые в начале 1803 г. подали правителю доклад, где не только предлагалось «проверить списки налогоплательщиков, чтобы точно знать количество крестьян», что фактически означало отмену «постоянного» обложения, но и предусматривалось «укрывающихся» от внесения в списки превращать в государственных рабов или тхуок биней. Личная позиция Тхыонга в этом вопросе явно отлична от коллективного мнения чиновников. По-видимому, тон в коллективном послании правителю задавали Нгуен Ван Тхань и Фам Нь Данг, и предложения, содержащиеся в докладе от 3-го месяца 1803 г., были предложениями «традиционалистов»-южан, значительно менее знакомых с ситуацией Севера, чем Данг Чан Тхыонг и Нгуен Виен.

В итоге Тхе то пошел на компромисс, санкционировав отмену «постоянного» обложения (в основном для того, чтобы снизить уровень налогового и повинностного гнета, лежащегося тяжким бременем на разоренных крестьян обезлюдевших общин), но в то же время отвергнув предложения «традиционалистов» о введении драконовских законов наказания за «сокрытые» от внесения в списки подушных налогоплательщиков.

Однако «традиционалистский» характер кампании 1806 г. по составлению новых подушных реестров чувствовался очень отчетливо. И проявился он именно в социальной направленности выработанных администрацией Нгуен Ван Тханя системах наказаний за фальсификацию списков тягловых и награждений за увеличение количества реестровых налогоплательщиков.

В соответствии с первой системой наиболее суровые репрессии были предусмотрены за уклонение от уплаты налогов и от несения повинностей в первую очередь со стороны «имущих», т. е. состоятельных крестьян, горожан и помещиков: «укрывательство» от внесения в списки тягловых одного «имущего» приравнивалось к «укрывательству» приблизительно шести «неимущих».

Таблица наказаний са чыонгов (общинных старост)
за укрывательство от внесения
в списки тягловых «имущих» и «неимущих» *

Количество «укрываемых»	Наказание за укрывательство «имущих»	Наказание за укрывательство «неимущих»
1	60 палок (чыонг) и 30 куанов в пользу доносчика	10 плетей (жой) и 5 куанов в пользу доносчика
2	60 палок и 1 год каторжной тюрьмы	20 плетей и 10 куанов
3	то же	30 » и 15 »
4	70 палок и 2 года каторжной тюрьмы	40 » и 20 »
5	то же	50 » и 25 »
6	80 палок и 3 года каторжной тюрьмы	60 палок и 30 »
7	то же	70 » и 35 »
8	90 палок и 4 года каторжной тюрьмы	80 » и 40 »
9	то же	90 » и 45 »
10	100 палок и 5 лет каторжной тюрьмы	100 » и 50 »
11—14	ссылка (той лыу)	то же
15—19	то же	60 плетей и 1 год каторжной тюрьмы
20—24	то же	70 плетей и 2 года каторжной тюрьмы
25—29	ссылка вместе с женой и незамужними (неженатыми) детьми	80 плетей и 3 года каторжной тюрьмы
30—34	ссылка вместе с женой и незамужними (неженатыми) детьми	90 палок и 4 года каторжной тюрьмы
35—44	то же	100 палок и 5 лет каторжной тюрьмы
45—59	то же	ссылка
60 и более	то же	ссылка вместе с женой и незамужними (неженатыми) детьми

* Источник: [20, с. 328—329].

В тех общинах, где наряду с са чыонгом (общинным старостой) существовал еще и тхон чыонг (деревенский староста), последний наказывался на три разряда «легче» первого.

Стремление «традиционалистов» выявить «уклоняющихся» от несения тягла прежде всего среди «имущих» ярко проявлялось и в разработанной в то же время системе награждений доносчиков: за разоблачение «укрывающихся» «имущих» платили значительно более высокую наградную ставку, чем за обнаружение таковых среди «неимущих».

Сравнивая данные таблицы 3, можно установить, что разница в наградах доносчикам за выявление не внесенных в списки тягловых «имущих» и «неимущих», так же как и различие мер наказания за «укрывательство» обеих этих групп населения, было шестикратным.

**Таблица награждений доносчиков
за выявление не внесенных в списки тягловых
среди «имущих» и «неимущих» ***

Количество «укрываю- щихся»	Награды за выявление «имущих»	Награды за выявление «неимущих»
1	30 куанов	5 куанов
2	освобождение от подушных налогов и налогов, идущих на ремонтно-строительные работы, на 2 года	10 »
3	то же	15 »
4	то же на 4 года	20 »
5	» на 4 года	25 »
6	» на 6 лет	30 »
7	»	35 »
8	» на 8 лет	40 »
9	»	45 »
10	» на 10 лет	50 »
11—14	»	50 »
15—19	» на 12 лет	освобождение от подушных налогов и налогов, идущих на ремонтно-строительные рабо- ты, на 2 года
20—24	» на 12 лет	то же на 4 года
25—29	» на всю жизнь	» на 6 лет
30—34	» »	» на 8 лет
35—44	» »	» на 10 лет
45—59	» »	» на 12 лет
60 и более	» »	» на всю жизнь

* Источник: [20, с. 328—329].

Таким образом, меры, принятые бактханскими «традиционалистами», должны были заставить ответственных за составление подушных реестров стремиться в первую очередь внести в списки тягловых «имущий» слой города и деревни, что обязывало состоятельных крестьян, помещиков и горожан платить налоговую ставку по соответствующей категории налогоплательщиков, а также исполнять трудовые и воинские повинности. Впрочем, сами представители имущих слоев и помещики охотно регистрировались в качестве тягловых, ибо это было им необходимо для участия в общественной жизни общины, проникновения в общинный совет путем покупки либо получения «за услуги» титула знатности и подчинения своим интересам всей социальной и экономической деятельности общинных властей.

В то же время в своей борьбе с «незаконным» обогащением имущих слоев, с уклонением их от уплаты налогов и несения повинностей «традиционалисты» не пошли до конца, оставив определенной части состоятельных деревенских кругов, а именно помещикам, возможность избегать строгого казенного учета, если не в отношении их самих и членов их семей, то по

отношению к их зависимым батракам и арендаторам. Эта возможность была заложена в самом принципе системы ответственности за фальсификацию списков тягловых, когда при применении очень строгих наказаний к общинным и деревенским старостам (ссылка за «укрывательство» и казнь в случае взяточничества) сами «укрываемые» наказывались очень легко («неимущие» получали 30 плетей, «имущие» — 60 палок) вне зависимости от того, знали ли они о факте фальсификации. Кроме того, при раскрытии факта дачи взятки «укрывающимися» старосте взяткодателям возвращались их деньги.

Как известно, лишь меньшая часть общинных и деревенских старост являлась помещиками, основная же их масса была представлена крестьянами, в том числе и бедными, которые, как уже отмечалось, были послушными исполнителями воли общинной верхушки. Поэтому наказания старост почти не касались помещиков, зависимые и батраки которых при обнаружении факта «сокрытия» от тягла также отделялись поркой. Одновременно помещики путем как экономического, так и внеэкономического воздействия на общинных и деревенских старост заставляли их вступать с собой в сговор и скрывать от регистрации в качестве тягловых их зависимых, батраков и арендаторов. Старосты, по-видимому, легко шли на это, так как все названные категории крестьянства входили в разряд «неимущих».

Таким образом, введенная «традиционалистами» система ответственности старост за «укрывательство» от регистрации в списках тягловых, а также награждений доносчиков за выявление «укрывающихся» далеко не полностью достигала цели и не мешала помещикам присваивать себе часть государственных доходов с эксплуатируемого ими крестьянства. Стремление администрации Нгуен Ван Тханя вписать в списки тягловых именно незарегистрированных «имущих» реализовалось на практике, по-видимому, совершенно иначе: прежде всего регистрировались бедные самостоятельные крестьяне, а те, кто находился в зависимости и под защитой «местных влиятельных» лиц, очевидно, с их помощью освобождались от несения тягла.

О том, что некоторые деревенские жители имели возможность «скрыться» от налогообложения, косвенно свидетельствовали результаты подушной переписи 1807 г.

Несмотря на все невзгоды (войны, голод от засух, неурожав, наводнений), обрушившиеся за прошедшие 13 лет с момента составления списков постоянного подушного обложения на Бактхань, трудно представить себе, что количество тягловых могло сократиться более чем на четверть. Вероятно, во время проверки численности тягловых в Бактхани в 1807 г. многим все-таки удалось уклониться от внесения в списки, как это произошло впоследствии в Зядини.

По-видимому, значительная часть «укрывающихся» от внесения в подушные реестры состояла в Бактхани из пришлых, называемых «живущими на чужбине» (нгу кы) и в большой

степени являющихся зависимыми от помещиков, представленных состоятельными слоями коренного населения, называемого «живущими на родине» (зя кы). Это было связано, во-первых, с тем, что фонд целинных земель в Бактхани в исследуемый период был уже более или менее исчерпан, во-вторых, с тем, что разграбленный помещиками общинный земельный фонд не мог обеспечить потребности не только пришлого, но и коренного населения, о чем свидетельствуют большие трудности с разрешением такой важнейшей как для общины, так и для казны проблемы, как наделение солдат общинным земельным паем (специальное солдатское земельное жалованье из фондов общины сверх обычного пая вообще не предоставлялось на Севере, хотя вопрос о нем и поднимался лидерами «традиционалистов») [21, с. 26—27]. Для сравнения следует отметить, что положение некоторой доли пришлых на территории южнее Нгеана, где существовали целинные земли, было иным. Так, пришлые получали специальный правовой статус «пришлых дворов — семей» (кхатъ хо) и, не пользуясь общинным паем, платили сниженные подушные налоги. В связи с тем, что поместья на Юге формировались не путем расхищения общинного земельного фонда, а за счет освоения целинных земель, определенная часть «пришлых дворов» была, по-видимому, представлена помещиками, в то время как другая их часть состояла из мелких землевладельцев, арендаторов и зависимых.

В начале 1807 г. император отдал приказ чиновникам пяти «внутренних» провинций и фу Хоайдык в Бактхани составить подворные списки тягловых [20, с. 326—327], и в конце 1807 г. эти списки были готовы [20, с. 358]. По данным этой переписи, в 23 округах (фу), 100 уездах (хюен), 848 волостях (тонг), 6280 общинах (са), деревнях (тхон), поселениях, значительную часть которых составляли объединения специализированных ремесленников (фыонг), рыбацких поселках (ван), горских селах (чай шать) пяти долинных провинций и фу Хоайдык количество налогоплательщиков составляло 193 389 человек [20, с. 358].

Феодалные историки сообщают, что правитель был «недоволен» результатами подушной переписи в долинных районах, ибо по сравнению с итогами «постоянного» обложения 1794 г. численность налогоплательщиков в новых списках значительно снизилась: на 75 600 человек (в прежних списках насчитывалось 268 990 тягловых) [20, с. 358]. Причину уменьшения количества налогоплательщиков правитель видел в том, что «в народе множество хитрых и коварных людей, численность (тягловых. — А. Р.) записана неправильно». Иными словами, он считал, что новые списки фальсифицированы и множество лиц, обязанных к несению тягла, уклонилось от регистрации. Действительно, если сравнить со списками «постоянного» обложения 1794 г., то получается, что цифра тягловых упала на 28% [20, с. 358].

В период массового бегства и затяжных голодовок крестья-

яинства, вызванных консервативной политикой нажима на местных феодалов, помещики и «имущие» в общинах стали прибегать к самым различным уловкам для сокрытия своих зависимых и арендаторов от внесения в реестры тягловых. В числе прочего помещики заставляли общинные власти сообщать высшим государственным органам о своих зависимых как о беглых, вследствие чего частные землевладельцы и богатые общинники могли увеличить их эксплуатацию на величину подушного налога. Явление это было распространено столь широко, что в 4-м месяце 1809 г. один из лидеров «традиционалистов», начальник отдела юстиции в Бактхани, Фам Ньи Данг, предложил наказывать за «бегство» крестьян даже не общинных старост, а чиновников округов (фу) и уездов (хюен). Однако это предложение так и не было реализовано Тхе то, который ограничился формальным одобрением [21, с. 19—20].

По мере нарастания экономического и социального кризиса в Бактхани «традиционалисты», явно чувствуя свою неспособность с ним справиться, занялись не мероприятиями, способными ослабить напряженность (ибо выход был только один — идти на контакт с помещиками), а погрузились в схоластику построения идеального государства. При этом центр тяжести переместился на создание его внешних атрибутов, так как об упразднении и даже ограничении коренных институтов позднефеодального государства им, по-видимому, запретили писать предложения в столицу.

В 1-м месяце 1807 г. Нгуен Ван Тхань подал доклад с четырьмя предложениями: 1) ввести трехразовое ежемесячное чтение классических книг для всех чиновников, начиная с 3-го ранга и выше; 2) создать новый юридический кодекс; 3) учредить должности придворных историографов для написания государственной истории; 4) создать цензорат [20, с. 317].

Из всех этих предложений было принято к исполнению в период царствования Тхе то лишь второе. Новый кодекс во многих местах копировал цинский и носил вследствие причастности к этому делу самого Нгуен Ван Тханя печать глубокой архаичности.

Кроме того, по настоянию «традиционалистов» в столице начались дебаты о введении экзаменационных конкурсов, программа которых была санкционирована императором во 2-м месяце 1807 г. [20, с. 323].

Бактханьцы с надеждой ждали этого важного государственного акта, способствующего укреплению их социальной базы. Указ о введении конкурсов последовал во время краткого трехмесячного пребывания лидера консерваторов Нгуен Ван Тханя в столице [20, с. 312, 326].

Предполагалось, что провинциальные экзамены начнутся в 10-м месяце того же, 1807 г., а столичные конкурсы — в 1808 г. Одновременно императорским указом была утверждена официальная программа конкурсных экзаменов, в точном соответ-

вии с которой должны были проводиться все испытания «абитуриентов». Эта программа, состоящая из четырех туров (в первом из которых проверялось знание канонических конфуцианских книг, во втором — умение составить указ, административное распоряжение, доклад, в третьем — способность к сочинению стихов и од и, наконец, в четвертом — дар написания сочинений на заданную тему), копировала конкурсные правила Поздних Ле, действовавшие и в конце XVII и в XVIII в. Экзаменационные правила периода Поздних Ле были в определенной мере приспособлены к производственным нуждам повседневной чиновничьей жизни, ибо наряду с умением писать в определенных жанрах и стилях воспитывали у соискателей, а затем лауреатов и чиновников навыки составления деловых бумаг и документов.

Следует отметить, что составление указа, административного распоряжения и доклада было включено только во второй тур упрощенной конкурсной двухтуровой программы в 1791 г. в Зядини [19, с. 139]. Уже в зядиньской программе «столичного» экзаменационного конкурса 1796 г., изданной в 1795 г. и состоящей из трех туров, составление деловых документов было заменено на написание литературного сочинения [19, с. 228]. При этом указывалось, что переход от программы двухтурового конкурса 1791 г. к новой трехтуровой программе осуществляется для приведения ее в соответствие со старыми правилами дангчаунтской династии тью Нгуенов [19, с. 228]. Действительно, в 1674 и 1695 гг. в Дангчаунге была установлена программа экзаменационных конкурсов столичного и дворцового уровня, состоящая из трех туров, среди которых отсутствовал экзамен по составлению указов, административных распоряжений и докладов [18, с. 75, 151]. Очевидно, это объяснялось тем, что в Дангчаунге не было императора и соответственно не могло быть императорского указа, доклада на имя императора и т. д. Кроме того, документация здесь, по-видимому, вообще не отличалась ни возвышенностью стиля, ни строгим соответствием традиционно установленным нормам, носила чисто деловой характер и могла составляться секретарями, которые сдавали специальный экзамен на знание письменности (хоа ван) [18, с. 75, 151].

В Дангнгае ситуация была совершенно иной. Здесь любая письменная деятельность в рамках государственного аппарата считалась величайшим искусством и составлением важных документов занимались чиновники, а не секретари. Поэтому именно в Дангнгае, а не в Дангчаунге «практический» второй тур в рамках чиновничьего конкурса отвечал насущным потребностям государственного аппарата. Этому способствовал указ Тхе то о введении экзаменационной конкурсной программы с «практическим» вторым туром прежде всего в Бактхани. Однако через два месяца после издания программы экзаменационных конкурсов бактханьские чиновники подали императору следующий доклад: «В Бакха после мятежа ученики обучались в

своих домах самостоятельно, и все они упражнялись по обычаям старой эпохи Ле. Недавно были обнародованы правила обучения, однако времени для подготовки по ним недостаточно. Если при отборе (лауреатов. — *А. Р.*) неукоснительно следовать этим (четким. — *А. Р.*) правилам, то опасаемся, что нельзя будет отделить истинно ученых от мало обученных. Просим милостиво разрешить не придерживаться слишком строго старых литературных жанров династии Ле, и тогда люди, издавна и прилежно занимающиеся учением, смогут выдвинуться вперед, а бесталанным не на что будет рассчитывать» [20, с. 335].

Очевидно, многое в доводах бактханьских чиновников было весьма основательным. Можно хорошо себе представить, что в период «смуты» отказавшиеся от службы Тайшонам подростки и юноши из интеллигентных семей самостоятельно или под руководством частных учителей овладевали классической премудростью, писали литературные сочинения или сочиняли стихи и оды «для души». Однако вряд ли они специально «натаскивались» на выполнение тех жестких требований, которыми отличались экзаменационные конкурсные программы, если они не собирались сдавать экзамены. Особенно трудно вообразить, чтобы ученики тренировались в составлении указов, написании административных распоряжений, сочинении докладов на имя государя, бежавшего в то время в Китай и затем умершего в изгнании. Они просто не могли делать это психологически. В то же время в докладе бактханьских чиновников совершенно отчетливо выражено стремление «традиционалистов» выпросить у Тхе то разрешение на снижение конкурсных требований, дабы как можно большее количество соискателей смогло получить звание лауреатов и пополнить государственный аппарат сначала в Бактхани, а потом и по всей стране. Кроме того, возможно, бактханьские чиновники хотели изменить унижительную для северных абитуриентов процедуру составления официальных документов на имя и от имени «узурпатора» Нгуен Фук Аня.

Но как раз это и не входило в намерение правителя. Он хотел как можно более ужесточить рамки отбора северных лауреатов, дабы ограничить их проникновение в управленческую структуру, а также заставить массу соискателей на территории бывшего Дангнгаоя впитать в плоть и кровь мысль о законности правления Нгуенов и отождествить успех на экзаменационных конкурсах с идеей верности новой династии. В связи с этим ответ императора бактханьским чиновникам продемонстрировал его непреклонность по вопросу изменения конкурсной программы: «Проведение конкурсов для отбора учеников — великая политика императорского правительства. Исправляя и устанавливая литературные стили, надо руководствоваться уже готовыми образцами. Ранее обнародовали правила обучения, и дело это уже точно установлено. Недавно чиновники просвещения начали следить [за обучением по программе], а ученики — обучаться, [с этого момента] прошло уже немало времени, если

же обучающиеся не уразумели [конкурсной программы], то это только из-за того, что и учителя и ученики неспособны. Если теперь склонимся к предложениям просителей, то что же выйдет из нашей государственной власти? Поэтому отдаем приказ всем чиновникам просвещения обратить внимание на обучение и наставление [своих учеников], дабы успеть [обучить по программе] к сроку конкурсных экзаменов» [20, с. 335].

Таким образом правительство продемонстрировало твердость и не склонилось на требования «традиционалистов» относительно изменения социальной политики, ибо конкурсная политика одновременно являлась и социальной.

Осознав, что фусуанское правительство не удастся уговорить изменить уже утвержденную программу конкурсов, бактханьское чиновничество смирилось и принялось деятельно готовиться к близящимся провинциальным экзаменам. Вскоре на Севере были созданы шесть первых «экзаменационных» городков: в Нгеане, Тханьхоа, Киньбаке, Шонтае, Верхнем Шоннаме и Хайзыонге. Все соискатели должны были экзаменоваться в одном из них строго по месту жительства.

Учеников, отправлявшихся на экзаменационные конкурсы, следовало вносить в списки общинным старостам (ли чыонгам). Ограничения участников провинциальных испытаний были минимальны. К испытаниям этого уровня не допускались: соблюдающие траур, непочтительные сыновья, склочники, повинные в кровосмешении, кляузники, осужденные после 1802 г. за насилие или бунт.

Списки претендентов, намеревающихся и имеющих право участвовать в конкурсах, следовало подавать заранее. Однако дело осложнялось тем, что население огромного количества общин, в том числе и общинные старосты, которые обязаны были составлять списки соискателей, к 1807 г. находились в бегах. Тех из жителей, кто остался и хотел принять участие в конкурсах, просто некому было оформить в списки. Поэтому в 8-м месяце 1807 г. Тхе то разрешил крестьянам из «разбежавшихся» деревень, в которых отсутствовала общинная администрация (са чыонги), но часть жителей продолжала оставаться на месте, вписываться в списки соседних деревень [20, с. 345].

Стремление жителей даже «разбежавшихся» общин попытаться счастья на экзаменационных конкурсах и выбиться в люди традиционным для северян образом — путем чиновничьей карьеры заставляет предположить, что в провинциальных конкурсных испытаниях в Бактхани, Нгеане и Тханьхоа в 1807 г. (как и впоследствии) приняло участие довольно много соискателей. Если считать, что число лауреатов во всех районах страны более или менее пропорционально количеству соискателей, то на Севере (в Бактхани, Нгеане и Тханьхоа) в экзаменах принимало участие в три раза больше соискателей, чем на Юге (в старых районах Дангчаунга и в Зядини), и соответственно раз в шесть больше соискателей, чем по отдельности в каждом

из двух южных районов [20, с. 353—355; 21, с. 184, 198, 193]. Примечательно, что, несмотря на стремление ограничить количество северных лауреатов, Тхе то не решился ввести официальные ограничительные квоты соискателей для каждой провинции.

В 10-м месяце 1807 г. были проведены наконец провинциальные конкурсные экзамены в шести «экзаменационных городках» бывшего Дангнгаоя. В результате звание хьонг конг получили 62 лауреата: в Верхнем Шоннаме и Шонтае — по 20 человек, в Нгеане — 8, в Киньбаке — 7, в Хайзыонге — 5, в Тханьхоа — 2 [20, с. 354]. Естественно, количество шинь до (выдержавших три тура) было значительно большим, но их численность в источниках не указывается.

Таким образом, уже на втором этапе периода общего подъема социального развития общества (1806—1812), а именно в 1807 г. на севере Вьетнама экзаменационно-конкурсная система достигла пика своего развития в рамках данного периода. Провинциальное экзаменационное испытание можно считать вершиной конкурсной системы Тхе то, ибо вплоть до своей смерти он так и не ввел высших столичных и дворцовых конкурсов.

В связи с этим совершенно необъяснимым представляется утверждение П. В. Познера о том, что «до 1815 г. Нгуены вели подготовительную работу по регламентации системы образования. В этот период можно лишь отметить обратную замену нома ханваном в качестве официального языка при составлении документов. И лишь в 1815 г. официальная система образования и конкурсных экзаменов была окончательно регламентирована. Она оставалась неизменной на всем протяжении правления Нгуенов» [70, с. 622—623].

Изучение официальных и частных хроник периода правления под девизом Зялаунг показывает, что 1815 г. отнюдь не является какой-либо вехой в «системе образования и конкурсных экзаменов» во Вьетнаме. Источники по истории правления Нгуенов этого времени свидетельствуют о том, что в этот год «официальная система образования и конкурсных экзаменов» не только не «была окончательно регламентирована», но и вообще ни разу не являлась объектом внимания правительства.

На самом деле, как мы уже отмечали выше, правила проведения как провинциальных, так и столичных конкурсов были объявлены еще во 2-м месяце 1807 г. [20, с. 323], однако если провинциальные испытания были проведены в том же, 1807 г., то столичные экзаменационные проверки начались только при преемнике Тхе то — императоре Тхань то, в период социального упадка.

Если говорить об этапах конкурсной системы во Вьетнаме во время общего подъема социального развития страны, то они никак не соотносятся с 1815 г., а совпадают с началом двух из четырех выделенных ранее общих этапов данного периода: в на-

чале 1807 г., когда прошли экзамены в Бактхани, начался второй общий этап, а в 1813 г., когда были проведены провинциальные конкурсы по всей стране, она вступала в третий этап своей бурной социальной эволюции.

Совпадение этапов развития конкурсной системы с двумя (причем наиболее важными) этапами общего подъема социального развития Вьетнама в начале XIX в. кажется неслучайным. Каждый этап эволюции конкурсной системы свидетельствовал о постепенном изменении социальной базы и структуры власти. Тхе то, все более и более расширявшего систему гражданского управления при помощи чиновников-лауреатов новой формации за счет сокращения компетенции временной военной администрации и старых чиновных кадров. Бактханьские экзамены на втором этапе данного периода отражали рост социальной значимости Севера, неминуемо приводящий к увеличению доли северян в управлении, чему деятельно способствовали «традиционалисты».

В то же время следует помнить, что лауреаты бактханьских провинциальных конкурсов, не пройдя столичных и дворцовых испытаний, не могли претендовать на высшие государственные должности и в определенной мере являлись лауреатами второго сорта. После проведения провинциальных экзаменационных конкурсов в Бактхани на повестку дня встал вопрос о том, как поступать с новыми «учеными» кадрами. По традиционным представлениям они должны были готовиться к столичному и дворцовому конкурсам, лауреаты которых могли надеяться на получение высших государственных должностей, причем не только на Севере, но и в столице. На это, по-видимому, и рассчитывало бактханьское чиновничество, не выдвигая лауреатов провинциальных конкурсов на местные должности и давая возможность «на свободе» готовиться к экзаменам последней ступени. Но это явно не входило в планы Тхе то. Массовое вторжение северных чиновников в столицу в перспективе могло сильно повлиять (и в действительности повлияло, но уже при Тхань то) на выработанный императором общегосударственный политический курс и либо изменить его направленность, либо затруднить реализацию. А этого Тхе то допустить не хотел. Поэтому-то он, на наш взгляд, и не собирался проводить столичные и дворцовые экзаменационные конкурсы, а чтобы ясно это показать и развеять иллюзии бактханьского чиновничества, приказал назначить лауреатов провинциальных конкурсов 1807 г. на вакантные должности чи хюенов [20, с. 395], указав им тем самым их «законное» место в системе государственного управления. Процесс создания официально признанной гражданской элиты сознательно тормозился полудеспотической верховной властью.

Новым начальникам уездов было указано на важность и ответственность исполняемых ими функций. Затем им выдали чиновничьи одежды и в сопровождении почетного войскового ка-

раула эскортировали на места новой службы [20, с. 395]. Лауреатов экзаменационных конкурсов более низкого достоинства также оставили на Севере. В первый же год после смены «традиционалистской» администрации в Бактхани был отдан приказ производить назначения на должности чи хюенов из числа отобранных по рекомендациям шинь до, т. е. лауреатов трех туров провинциальных конкурсов [21, с. 126]. Тогда же был издан приказ о назначении чи фу (начальников округов) в Бактхани. На это место стали выдвигать чи хюенов, доказавших свое соответствие должности долгими годами беспорочной службы. Если же таковых не находилось, то брали лауреатов провинциальных конкурсов (хьюнг конг) династии Ле, «неоднократно прошедших экзаменационные испытания по турам» [21, с. 126].

Однако даже при таком массовом назначении на должности начальников уездов и начальников округов гражданских чиновников из числа лауреатов провинциальных конкурсов в некоторых округах (в основном горных) и горных уездах император использовал военные кадры. Так, если в 1807 г. северное чиновничество добилось назначения в два фу и одно тяу гражданских чиновников чи фу и чи тяу, то в конце 1808 г. этот порядок был упразднен и восстановлены куан фу в фу и тху нгы в тяу. Все вновь назначенные являлись военными чиновниками [20, с. 399].

Таким образом, лауреаты бактханьских провинциальных конкурсов продолжали в основном службу на Севере, не выходя за пределы своего края. Той же «местной» карьерой продолжала довольствоваться и часть лауреатов (хьюнг конг) эпохи Ле, хотя известное их количество переходило в столицу. Как ни велик был наплыв «лауреатов», даже на Севере часть районов управлялась военными кадрами, что отражало «реалистическую» традицию в управлении на местах.

В это же время вожди бактханьских «традиционалистов» активно настаивали на проведении экзаменационных конкурсов столичного уровня. Об этом просил, в частности, отозванный с Севера в столицу Фам Ньи Данг [21, с. 18]. Данг чрезвычайно высоко оценивал потенциальные возможности Севера, который являлся надеждой «традиционалистов». В связи с этим он заверял Нгуен Аня в том, что «в Бактхани талантов и сил столько, сколько в половине Поднебесной» [21, с. 17].

Однако «традиционалистам» не удалось убедить Тхе то изменить намеченный курс. Провинциальные экзаменационные конкурсы, назначенные на 1810 г., были отложены, и их решено было проводить раз в шесть лет [21, с. 73], а не в три года, как предлагал Данг. Столичные и дворцовые конкурсы так и не были введены вплоть до смерти Тхе то.

Из 62 лауреатов конкурса 1807 г. Нгуен Хюи Чинь в 1819 г. стал вторым вице-губернатором Нгеана [21, с. 378], Као Хюи Зиеу в 1815 г. — главным чиновником просвещения в Зядини

[21, с. 252], Данг Хюи Зы — чиновником просвещения в Нижнем Шоннаме [21, с. 317], Чан Ба Киен, Во Хюи Дат и Хоанг Куок Бао были назначены на должности тхием ши в ведомствах финансов и юстиции [21, с. 393].

Деятельность северных «традиционалистов» не ограничивалась укреплением собственной социальной базы путем наращивания численности лауреатов экзаменационных конкурсов. Она простиралась и на хозяйственную область. Практические мероприятия «традиционалистов» в сфере неземледельческой экономики также носили в предкризисный период (т. е. до 1808 г.) достаточно консервативный характер.

В 9-м месяце 1807 г. трем чиновникам было поручено «исполнять работу на горных перевалах и при разработке шахт» [20, с. 347]. По-видимому, речь шла о частичном изъятии таможен и рудников у откупщиков и частных предпринимателей и о превращении их в казенные предприятия. В результате сократилась добыча ценных и полезных металлов. Надвигался монетный кризис.

Все это усугублялось стихийными бедствиями. После страшного наводнения в 1803—1804 гг. [20, с. 138, 192] надзор за дамбами в Бактхани был поручен новой администрации [20, с. 208], активная деятельность которой в первый год ее работы до конфликта с «традиционалистской» верхушкой (дренаж, очистка и углубление русел рек в сочетании с заблаговременной подготовкой рабочей силы и строительных материалов на случай прорыва дамб) [20, с. 208, 237] привела к тому, что за дамбами какое-то время следили, в результате чего в 1805 г. наводнений не было.

Вдохновленные первыми успехами, бактханьцы принялись во 2-м месяце 1806 г. за строительство новых 12 дамб длиной 7642 м. Для исполнения этой работы провинциальным чиновникам было поручено нанять рабочих, а на покрытие расходов из казны было выделено 95 200 куанов денег [20, с. 268—269], основная часть которых, по-видимому, пошла на выплату жалования этим наемным работникам. При этом затраты на строительство каждого метра дамбы были теперь меньшими, чем на строительство, осуществленное в 1803 г. Эта «экономия» в конечном счете очень дорого обошлась государству. После первых успехов 1805 г. чиновники, в ведении которых находились дамбы, стали экономить стройматериалы там, где это делать было нельзя, меньше платить за работу крестьянам и наемным рабочим. Стали приводиться в действие имеющие глубокую традицию на Севере феодально-бюрократические критерии оценки труда производителей и деятельности чиновников. Эти критерии выражались в максимальной экономии в ходе всего производственного процесса в ущерб качеству труда. Деятельность чиновников оценивалась исключительно по дешевизне затрат. По-видимому, эти феодально-бюрократические критерии были довольно быстро взяты на вооружение администрацией Нгуен

Ван Тханя и применялись ею во всех сферах материального производства, в том числе и при строительстве дамб.

В итоге в 7-м месяце 1806 г. вода в реках Бактхани снова поднялась и разрушила 10 дамб. В результате поля были залиты и, по свидетельству хронистов, много людей «смыло». Бактханьским чиновникам было приказано немедленно определить причиненный ущерб и доложить в столицу [20, с. 307]. Наводнение вызвало уход крестьян из затопленных районов. Чтобы вернуть «беглецов» в их родные места, сразу же после этого наводнения был издан указ о продлении возвращающимся на территории севернее Куангбиня всех поземельных льгот. Если ранее на 3 года от поземельных налогов освобождались только ушедшие со своих мест в 1802 г. и до того, то теперь налоговые льготы предоставлялись всем «беглецам», вплоть до тех, кто ушел в том же, 1806 г. Те, кто вернулся в 1805 и 1806 г., и те, кто еще мог вернуться в 1807 г., освобождались от поземельных налогов до 1809 г. включительно [20, с. 307—308]. Однако этого показалось мало и через 3 месяца пришлось списать с 370 опустевших общин и деревень Хайзыонга, Шон-тая, Киньбака, Верхнего Шоннама, Нижнего Шоннама, фу Хой-айдык, Тхайнгуена и Хынгхоа числившиеся за ними 100 тыс. куанов денег и 70 тыс. хоков неочищенного риса [20, с. 311]. С целью облегчения кризисного положения на Севере в конце 4-го месяца 1807 г. во всех чанах Бактхани (кроме богатого Нижнего Шоннама, откуда продолжались перевозки риса в столицу) было приказано поземельные налоги вместо зерна вносить деньгами по дешевой (для Бактхани, но не для Центра и, во всяком случае, не для Зядини) цене: 1 куан 2 тиена вместо 1 фыонга неочищенного риса [20, с. 336]. Но в 7-м месяце 1807 г. дамбы были прорваны уже в Нижнем Шоннаме, и последний источник поступления риса в Бактхани сильно ослабел. В 10-м месяце сократились поступления риса и денег в Нижний Шоннам из двух соседних провинций — Верхнего Шоннама и Хайзыонга [20, с. 355].

В этой сложнейшей и тяжелейшей обстановке в 12-м месяце 1807 г. в Бактхани было решено предпринять строительство еще 10 новых дамб длиной 6800 м. На расходы по приобретению стройматериалов и на оплату труда рабочих было выделено 84 тыс. куанов [20, с. 357]. Расходы на строительство 1 м дамб были на 6 тиенов больше, чем в 1806 г., но на 1 куан 1 тиен меньше, чем в 1803 г. Средств, выделенных на производственные работы, было явно недостаточно, что в сложившихся условиях вело к чрезмерной эксплуатации работников. А это еще больше нагнетало общекризисную ситуацию.

В 1-м месяце 1808 г. положение Бактхани еще более осложнилось: в числе дополнительных подушных налогов был восстановлен старый денежный налог тиен диеу [20, с. 361], введенный еще Чинь Кыонгом в 1722 г. [18, с. 55—56]. Этот налог, зафиксированный в 1-м месяце 1808 г., достигал 6 тиенов, что со-

ставляло более половины ставки подушного налога. Собранные этим способом деньги должны были идти на покрытие расходов по строительству дамб, дорог, мостов, проточных каналов, ремонту дворцов, государственных храмов и складов. Всеми ремонтно-строительными работами заведовало бурно растущее северное чиновничество, которому в итоге и шла значительная часть этих денег.

Проводимая «традиционалистами» на Севере политика усиления государственно-феодальной эксплуатации не могла не вызвать решительного недовольства широких слоев местного населения и резкого обострения социальных конфликтов. Результатом явился такой подъем массовых восстаний в Бактхани, какого Север не знал в течение более полувека, что создавало в недавно завоеванных районах реальную угрозу власти новой династии.

Основными отличительными особенностями восстаний в Бактхани во второй половине 1806 — первой половине 1808 г. по сравнению с предшествующим и последующим временем в рамках периода общего подъема социального развития вьетнамского общества в начале XIX в. являлись, во-первых, передвижение преобладающей части антиправительственных выступлений из горных и приморских районов в долинные, во-вторых, массовое участие в движении хао муков — представителей старых чиновных родов и социально привилегированных слоев Северного Вьетнама, лишь опосредованно связанных с помещиками.

В Хайзыонге антиправительственное выступление, по сообщению Фан Тхук Чыка, готовилось сразу же после провозглашения Тхе то императором — в 7-м месяце 1806 г. [29, с. 191—192] и разворачивалось в 10—11-м месяцах 1807 г. [29, с. 207], в 3-м месяце 1808 г. [29, с. 211] и в 4-м месяце 1808 г. [29, с. 214—215]. В долинных районах Киньбака восстания вспыхивали в 3-м месяце 1808 г. [29, с. 213] и в 4—5-м месяцах 1808 г. [29, с. 214—215; 20, с. 378]. В Шонтае выступления против властей происходили в 3-м месяце 1808 г. [29, с. 212, 213] и в 5-м месяце 1808 г. [20, с. 376, 378]. В Нижнем Шоннаме борьба была особенно напряженной и почти непрерывно шла в 10—11-м месяцах 1807 г. [29, с. 206—207; 20, с. 355—356], в 1-м месяце 1808 г. [20, с. 363—364], во 2-м месяце 1808 г. [20, с. 368], в 4-м месяце 1808 г. [29, с. 214] и в 5-м месяце 1808 г. [20, с. 378]. В Верхнем Шоннаме восстания одно за другим следовали во 2-м месяце 1808 г. [20, с. 365], 3-м месяце 1808 г. [29, с. 213], 4-м месяце 1808 г. [20, с. 374] и в 5-м месяце 1808 г. [20, с. 376]. В краевом центре Бактхани без применения вооруженной силы было изъято из государственной казны 8 тыс. куанов [29, с. 207—208; 20, с. 356—357].

Не имея возможности в рамках данной работы подробно и основательно рассмотреть все перечисленные выше антиправительственные выступления в долинных районах Бактхани и реакцию на них со стороны властей (это заняло бы слишком

много места), остановимся вкратце на наиболее важных, с нашей точки зрения, чертах этих событий, определяющих общественный характер как оппозиционных движений (главным образом вооруженных), так и социальной базы новой власти на Севере.

Наиболее существенной чертой антиправительственных выступлений в условиях усиления государственно-феодальной эксплуатации, усугубляемой стихийными бедствиями, вызывающими неурожай и голод, было участие в оппозиционном движении хао муков — представителей социально привилегированных слоев административной общины, главным образом из старинных служилых родов, связанных традиционными узами верности с династиями императоров Ле и тьюа Чинь. О широкой поддержке хао муками в это время самого различного рода направленных против новой власти выступлений, включая непосредственную организацию вооруженных восстаний, ярко свидетельствует Фан Тхук Чык, в то время как составители официальной хроники почти никогда не определяют социального положения противников нгуеновской администрации в долинных районах Бактхани, безлико называя их всех «разбойниками» и «бандитами» (в последнем случае вопрос проясняется только тогда, когда во главе движений встают члены знаменитых феодальных родов — Ле и Чинь).

По сообщению Фан Тхук Чыка, сразу же после объявления Тхе то императором некоторые представители социально привилегированных слоев Бактхани, группировавшиеся вокруг «героя» борьбы с Тайшонами в 1800—1802 г. Нгуен Чаунг Тонга, поддерживали движение, которое должен был начать в 7-м месяце 1806 г. в Хайзыонге некий монах Хай Бить, провозгласивший малолетнего ребенка Белозубым святым [29, с. 191]. Сам Нгуен Чаунг Тонг, очевидно, не принимал непосредственного участия в подготовке этого, по-видимому, мессианского движения, хотя и находился в данное время на Севере (он был вызван в столицу лишь в 1809 г. [29, с. 235]). Однако Нгуен Чаунг Фан (вероятно, его родственник) был арестован, и лишь публичное раскаяние, изложенное в «Погребальной песне», написанной во время тюремного заключения, спасло его от сурового наказания [29, с. 191—192]. Окраска движения Хай Битя в религиозные тона не может скрыть его военных и политических целей. Военные операции было поручено вести «главнокомандующему» из числа чиновников старой династии, имевшему должность чунг тхы [29, с. 191].

К концу 1807 г. хао муки в долинных районах Бактхани перешли к открытой ожесточенной вооруженной борьбе с правительственными войсками. В 10—11-м месяцах 1807 г., по сообщению Фан Тхук Чыка, в наиболее важном с экономической точки зрения районе Северного Вьетнама, его рисовой житнице — провинции Нижний Шоннам они провозгласили своим предводителем Чинь Вана, сына предпоследнего правителя

Дангнгоая Чинь Тунга (Чинь Кхая), погибшего во время захвата тайшонами северовьетнамского княжества в 1786 г. В отличие от бездарного Чинь Бонга, последнего тюа династии Чинь, пропавшего без вести в Лангшоне в конце 1787 г. после позорного бегства от войск Нгуен Хыу Тьиня [36, с. 36—39], Чинь Тунг (Чинь Кхай) пользовался на Севере популярностью, ибо проявил смелость и решительность в борьбе с противником, а в безвыходной ситуации нашел мужество покончить с собой [36, с. 17]. На Чинь Вана смотрели как на символ продолжения дела его отца, как на знамя сопротивления «южным захватчикам», виновным в резком ухудшении экономического положения в Бактхани, наконец, как на законного наследника традиционных правителей Дангнгоая. Однако реальным вождем и вдохновителем движения был, по утверждению Фан Тхук Чыка, очень состоятельный выходец из уезда Тяндинь, возможно, принадлежащий к местной волостной администрации [29, с. 206]. По-видимому, все руководство восстанием находилось в руках представителей старых чиновных родов: сухопутную армию возглавлял тиен ши свергнутой династии, изъявивший покорность Тхе то во время захвата южанами Севера [29, с. 76], флотом командовал обладатель титула хау [29, с. 206].

Восстание Чинь Вана было поддержано не только хао муками трех из пяти нижнешоннамских округов: Киенсьонг, Нгиахынг и Тхиенчыонг. К нему, по данным того же Фан Тхук Чыка, присоединились, во-первых, последние сторонники Тайшонов, среди которых были и военачальники, во-вторых, их верные союзники — китайцы из «Общества Земли и Неба», уцелевшие после карательных экспедиций, проведенных по приказу Тхе то в заливе (Бакбо) [29, с. 206]. Впрочем, ни те, ни другие не играли существенной роли в восстании Чинь Вана. Все основные боевые действия против власти «традиционалистов», поставившие ее на грань катастрофы, вели отряды восставших северян, предводительствуемые хао муками. Эти отряды к концу 1807 г. контролировали огромную территорию, включающую значительную часть Нижнего Шоннама и некоторые районы Хайзыонга [29, с. 207].

В 11-м месяце 1807 г., по сведениям официальных источников, они напали на окружной центр Тхиенчыонг и нанесли правительственным войскам сокрушительное поражение, уничтожив значительную часть высшего командного состава. Лишь ловушка, которую устроили повстанцам части, направленные из краевого центра, и карательная экспедиция в уезд Тяндинь, родину одного из главных вождей восстания, принесли властям дорогостоящую победу [20, с. 355—356]. Фан Тхук Чык сообщает, что приблизительно в это же время правительственные войска под командованием военачальника Лангунга в Нижнем Шоннаме были осаждены и попали в такое тяжелое положение, что сам Нгуен Ван Тхань должен был

поспешить на выручку осажденным. В итоге восставшие были разбиты [29, с. 207].

Однако ни уход части повстанцев в Хайзыонг, ни разжалование якобы неспособного губернатора Нижнего Шоннама не прервали непрерывной цепи вооруженных социальных возмущений в этой провинции. В 1-м месяце 1808 г. в двух нижнешоннамских округах Тхиенчыонг и Нгиахынг поднял восстание Ву Динь Кхань. Даже не пытаясь организовать сопротивление повстанцам собственными силами, местные чиновники стали ждать помощи из краевого центра. Когда присланные оттуда войска надежно обезопасили провинциальный центр, против восставших двинулся мощный экспедиционный корпус, состоящий из сухопутных частей и речного флота. В округе Нгиахынг повстанцы были разбиты.

Однако на следующий день после своего поражения они неожиданно оказались перед стенами провинциального центра. Такой угрозы власти Нгуенов на Севере не создавалось с 1802 г. еще никогда. В связи с этим для защиты административного центра Нижнего Шоннама были отозваны правительственные войска из округа Нгиахынг, хотя до полного «умиротворения» там было еще далеко. Прибывшие части с ходу вступили в бой с противником и лишь ценой огромного напряжения сумели отбросить наседавших повстанцев от стен города.

Но борьба в Нижнем Шоннаме продолжалась. В округе Тхисичыонг восставшие окружили правительственные войска и ожесточенно атаквали их с раннего утра до полудня. Несколько офицеров было убито, остальные заперлись с войсками в окруженном центре. Лишь подкрепление заставило восставших снять осаду и отступить. При отходе на кораблях они были разбиты на реке Лак, но снова собрались на реках уезда Зяотхюн, где подверглись комбинированному удару правительственной пехоты и флота [20, с. 363—364]. На этот раз они были разгромлены. Важнейшим фактором сокрушительного поражения восставших в округе Тхиенчыонг было участие в подавлении их выступления наряду с правительственными войсками также и помещичьих дружин, за что тхо хао получили волостные должности и денежные награды [20, с. 363].

Ожесточенная борьба в Нижнем Шоннаме в 1-м месяце 1808 г., когда восставшие подошли к провинциальному центру и под угрозой оказалась «законная» власть во всей провинции, изменила отношение значительной части помещиков (тхо хао) к происходящим событиям. До этого времени боевые отряды и дружины тхо хао лишь дважды принимали участие в военных действиях на стороне законных властей. Причем оба раза (в 9-м месяце 1803 г. [20, с. 144—145] и в 3-м месяце 1806 г. [20, с. 271]) это было связано не столько с внутренним социальным конфликтом, сколько с борьбой против китайских «пиратов» из «Общества Земли и Неба», поддержанных, по сообщению Фан Тхук Чыка, в 1803 г. последними спасшимися тайшонскими вое-

начальниками и их сторонниками [29, с. 113—114]. Более того, включение тхо хао в состав отправляющегося против китайцев экспедиционного корпуса было явно вызвано присутствием в это время в Тханглаунге Тхе то, приехавшего для принятия инвентитуры. Возможно, что и самостоятельные действия в том же Куангиене помещичьих дружин, захвативших в 1806 г. китайские корабли, оружие и пленных, объясняются в значительной мере введенной императором практикой. По-видимому, этой же практикой следует объяснить и доклад бактханьских чиновников в 11-м месяце 1804 г. императору с просьбой разрешить расквартировать войска и дружины тхо хао в наиболее «неспокойных» киньбакских и хайзыонгских уездах, где назревали восстания [20, с. 216]. Однако, несмотря на то что Тхе то с готовностью одобрил это предложение, «традиционалисты» вплоть до критического момента в развитии событий так и не получили никакой военной поддержки помещичьей самообороны против восставших во внутренних районах.

Итак, во внутренней социальной борьбе до 1-го месяца 1808 г. тхо хао ни разу не выступили на стороне властей против восставших. Напротив, среди вождей последних частично были, как уже отмечалось, богатые люди. Но их участие в антиправительственных выступлениях было тоже очень ограниченным. Основная часть помещиков занимала до определенного момента выжидательную позицию. Чем это можно объяснить?

По-видимому, отношение основной массы частных землевладельцев — эксплуататоров к происходящим событиям носило двойственный характер. С одной стороны, помещики были недовольны неблагоприятной по отношению к ним политикой «традиционалистской» администрации и потому не спешили оказать ей помощь. С другой стороны, недовольство большинства тхо хао социальной направленностью деятельности властей, очевидно, не было столь сильным, чтобы заставить их подняться против нового режима с оружием в руках.

Вероятно, та степень консерватизма, которую реализовал Нгуен Ван Тхань в своей социальной и экономической политике, не превышала уровень архаизма в аналогичном политическом курсе большей части прежних правителей Дангнгоая. Социальный «либерализм» Чинь Кыонга, Нгуен Коиэ Ханга и последних годов правления Чинь Зоаня был не частым явлением в политической практике правителей Северного Вьетнама. Для примера можно сослаться на одно из мероприятий дангнгоайских властей в период массовых восстаний второй трети XVIII в., создавших гораздо более серьезную угрозу для правительства, чем выступления первого десятилетия XIX в. Именно тогда признанный исследователями в качестве здравомыслящего правителя Чинь Зоань отдал приказ принудительно закупить у богатей Шоннама и Нгеана огромное количество риса по сильно заниженным ценам по сравнению с рыночной стоимостью, чем вызвал, по сообщению феодальных историков, «страдания

богатых людей» [34, с. 7], восстановленных против правительства завуалированными конфискациями. Это происходило в момент острой вооруженной борьбы в Хайзыонге [34, с. 7], вскоре перекинувшейся и на другие провинции [34, с. 9, 24, 26—28, 31, 32].

Что же касается деятельности бактханьских «традиционалистов» в 1802—1807 гг., то реализация значительной части их консервативных мероприятий, носящих ярко выраженный антипомещичий характер, как отмечалось, сдерживалась из Фусуана: конфискацию частных земель Нгуен Ван Тханю осуществлять не дали, рисовых закупок по принудительным ценам тоже не производилось. Кроме того, на бактханьских помещиков по указу из Фусуана распространялись налоговые льготы, во-первых, объявляемые в масштабах всей страны: сокращение поземельных и подушных налогов в связи с принятием Тхе то императорского титула [20, с. 271] и после получения инвестиции [20, с. 169], частичная замена рисовых налогов деньгами по невысоким в сравнении с рыночными ценам [20, с. 128]; во-вторых, реализуемые в рамках одной лишь Бактхани (полная замена рисовых налогов деньгами по сниженным ценам [20, с. 336]). Пользовались тхо хао также и некоторыми налоговыми и повинностными льготами, предоставляемыми по инициативе местных властей, главным образом в связи со стихийными бедствиями в Бактхани, например наводнениями: 1) освобождение от налогов залитых полей и сокращение «добора» беглых солдат [20, с. 247], 2) снижение поземельных налогов и отсрочка недоимок [20, с. 211], 3) отсрочка недоимок [20, с. 161]. Некоторую выгоду получали тхо хао и при прощении недоимок целым общинам в связи с бегством крестьян [20, с. 311].

Таким образом, реальное воздействие социальной политики бактханьских «традиционалистов» на тхо хао в начале XIX в. при общей антипомещичьей направленности, по-видимому, было более мягким, чем во время подъема восстания в первый период правления Чинь Зоаня в середине XVIII в. Это могло бы еще скорее сделать помещиков союзниками местной администрации, если бы положение тхо хао в начале XIX в. на Севере оставалось таким же, как и во второй трети XVIII в. Однако за это время экономические позиции частных землевладельцев-эксплуататоров усилились. Соответственно возросли и их социальные амбиции, встречавшие противодействие «традиционалистов». Но помещики больше не хотели безропотно сносить то, что покорно терпели раньше. Поэтому они хотя и мирными средствами, но вели с властями борьбу за свои права. Одним из таких средств было уклонение от помощи «традиционалистам» в военных действиях против восставших.

Однако ни на что, кроме мирного, пассивного проявления своего недовольства деятельностью «традиционалистской» администрации, помещики отважиться не могли. Это было связано, во-первых, с присущей имущим социальным слоям, в силу тех или иных причин оппозиционно настроенным по отношению к

данному правительству, трусостью, боязнью открыто поддерживать восставших даже при надежде на улучшение своего социального положения в случае смены власти. Их трусость была связана со страхом перед репрессиями и конфискациями, обрушивающимися на побежденных при разгроме восстаний. Во-вторых, отказ большинства помещиков от вооруженной борьбы с «традиционалистской» администрацией в Бактхани в начале XIX в. объясняется также, на наш взгляд, и тем, что подавляющая часть тхо хао не надеялась на изменение социальной политики в сторону большего благоприятствования при замене данного режима властью как представителей старых северных династий, так и выходцев из новых крестьянских, чиновничьих и даже помещичьих фамилий. В этом убеждал помещиков социальный опыт: длительная история правления Чиней и смена последних Тайшонами.

В связи с отсутствием перспективы более благожелательной социальной политики со стороны любой новой власти, заменяющей нгуеновскую администрацию местным северным правительством, фрондерство бактханьских помещиков, их пассивное сопротивление в форме отказа от помощи «традиционалистам» в вооруженной борьбе с восставшими могло продолжаться лишь до тех пор, пока новой династии на Севере не грозила серьезная опасность. Когда же такая опасность серьезно возникла и помещики поняли, что правительственные войска самостоятельно не в состоянии справиться с «мятежниками», они стали постепенно поворачиваться к поддержке властей, выступая за стабилизацию обстановки в Бактхани.

Кроме понимания бесперспективности надежд помещиков на улучшение своего положения в результате победы одной из группировок восставших среди ряда оснований, вызвавших поддержку северных чиновников со стороны тхо хао в критическом 1808 г., можно назвать и усталость частных землевладельцев от «смуты» и их стремление восстановить нормальную хозяйственную деятельность, которой мешали боевые действия, охватывающие целые уезды, и осознание того, что общественная и экономическая политика «традиционалистов» — это всего лишь один из крайних вариантов внутреннего политического курса нового режима (известия о поощрении властями частного землевладения в южной части страны, особенно в Зядини, бесспорно, доходили до Бактхани) и возможна реализация иных социальных установок в рамках правления все той же династии. В силу всех этих причин к началу 1808 г. помещики в принципе уже были готовы перед лицом надвигающейся опасности поддержать нгуеновский режим в Бактхани даже в его крайней «традиционалистской» форме, несмотря на то что они все еще оставались недовольны этой формой (возможно, внесением своей лепты в укрепление этого режима они рассчитывали на награду в виде изменения его формы в нужном для них направлении, что впоследствии и произошло). Именно проти-

воречия северных помещиков с этой формой нгуеновского режима явились причиной того, что даже во время кризиса не все тхо хао поддерживали этот режим сразу и одновременно во всех провинциях.

Сопоставляя процесс перехода тхо хао к вооруженной поддержке властей в Северном Вьетнаме в период длительных восстаний второй трети XVIII в. и во время массовых выступлений первого десятилетия XIX в., необходимо отметить, что в Дангнгае помещики оказывали помощь Чиням только в случае значительного изменения внутреннего политического курса на благоприятствующий и поощрительный [34, с. 92, 94; 35, с. 7, 8], ожидая этого момента даже не годами, а десятилетиями, и, по-видимому, сразу же прекращали содействие в случае отмены прежних льгот [34, 66, 84], тогда как в первые годы образования империи Нгуенов северные частные землевладельцы, во-первых, стали помогать местной администрации в Бактхани при неизменном социально-политическом курсе последней, во-вторых, медлили со своей поддержкой всего лишь несколько лет (не больше шести).

Это дает возможность утверждать, что взаимоотношения помещиков и властей в период острого социального кризиса в Бактхани в первом десятилетии XIX в. являются принципиально новыми в истории северовьетнамского общества и свидетельствуют о глубинной родственной связи частных землевладельцев и позднефеодального государства, о совпадении их коренных интересов, даже несмотря на временные противоречия, связанные с конкретной политической ситуацией и преходящим политическим курсом. «Естественная» помощь бактханьских тхо хао местной администрации, оказанная властям в наиболее тяжелый, кризисный момент, является ярким доказательством того, что северные частные землевладельцы, как и помещики Юга, превратились в один из важнейших компонентов составляющих социальную базу империи Нгуенов.

Однако, как отмечалось, не все северные помещики в период кризиса предоставили помощь властям. Кроме того, их поддержка была далеко не одновременной и, что самое главное, оказывалась не во всех провинциях сразу. Там, где помещичьи дружины присоединялись к регулярным частям, восстания медленно, но неуклонно шли на убыль, в тех районах, где правительственные войска действовали в одиночку, кризис принимал затяжной характер.

В Нижнем Шоннаме, например, тхо хао стали постоянным фактором «умиротворения» сразу же после включения помещичьих дружин в карательные операции по подавлению повстанческого движения в 1-м месяце 1808 г. Во 2-м месяце наряду с гарнизонами контрольно-таможенных постов они ловили и выдавали властям беглецов, скрывавшихся после разгрома восставших во время осады окружного центра Киенсьонг (победа далась правительственным войскам нелегко: во время

боевых действий были применены комбинированные удары пехоты и флота). За поддержку регулярной армии тхо хао снова, как и месяцем раньше, получили должности волостных старост и деньги [20, с. 368]. После поражения повстанцев при осаде административного центра Киенсыонга, когда часть инсургентов ушла в район Хайзыонга [29, с. 211], уровень военных конфликтов в Нижнем Шоннаме несколько спал. В 3—4-м месяцах 1808 г. восставшие нападали на форты [29, с. 214], порты [29, с. 214] и крепости [20, с. 378]. Иногда они вторгались в некоторые уезды с территорий соседних провинций, и тогда местной администрации приходилось бросать против них значительные воинские контингенты, включающие отряды боевых слонов [29, с. 214].

В такие моменты обстановка снова становилась напряженной [29, с. 214], но уездные, окружные и тем более провинциальные центры восставшие больше захватывать не пытались. Движение постепенно теряло масштабность и массовость. Центр его переместился в Верхний Шоннам, куда вследствие этого были переброшены и основные силы карательских войск, присланных Нгуен Ван Тханем из Тханглаунга. Лишь в 5-м месяце 1808 г., когда разгромленные в Верхнем Шоннаме повстанцы снова сосредоточились в Нижнем Шоннаме, бактханьские власти не смогли справиться с ними своими силами и, так как им необходимо было срочно ликвидировать кризис, привлекли к карательным операциям войска из Тханьхоа [20, с. 376]. Армия Севера, сформированная и обученная офицерами, несла на себе основную нагрузку по ликвидации военного кризиса в Бактхани.

В Верхнем Шоннаме в период кризиса начала 1808 г. помещики не выступили на стороне местных властей. Вследствие этого вооруженная борьба восставших с правительственными войсками была здесь еще более массовой и острой по форме. При этом степень этой массовости и остроты была постоянной почти на всем протяжении конфликта вплоть до подавления восстания в долинных районах провинции при помощи максимального напряжения военных усилий «традиционалистской» администрации.

В восстании, вспыхнувшем в округе Кхоайтяу во 2-м месяце 1808 г., был полностью разгромлен присланный из провинциального центра экспедиционный корпус. Возглавлявший его вице-губернатор провинции и начальник округа Кхоайтяу пали в бою. Лишь направленным из Тханглаунга частям, в состав которых входили боевые слоны, удалось нанести восставшим поражение, многих уничтожить, некоторых взять в плен, а остальных заставить отступить [20, с. 365].

Однако спокойствие в Верхнем Шоннаме длилось недолго. В 3-м месяце 1808 г. в долинные районы этой провинции стали проникать инсургенты из горно-лесной зоны Хоаньшона (Хоаньлама) [29, с. 211, 213]. В 4-м месяце был осажден окружной

центр Ынгтхиен, гарнизон которого, даже не пытаясь нанести поражение противнику на открытой местности, полностью перешел к обороне, укрывшись за стенами крепости. Только войска, присланные из центрального бактханьского округа Хоайдык во главе с его управляющим, вынудили восставших уйти в уезд Тхыонгфук, где те понесли чувствительные потери. Через несколько дней, оправившись от полученного удара, повстанцы осадили другой окружной центр — Кхоайтяу и для снятия осады имеющихся в провинции правительственных войск было уже недостаточно. Тогда из Тханглаунга в Верхний Шоннам был послан новый экспедиционный корпус. Соединившись с ранее посланными войсками, свежие регулярные части после ожесточенного сражения в уезде Фузунг обратили восставших в бегство и освободили окружной центр [20, с. 374]. Вскоре они овладели всей провинцией.

Но когда Нгуен Ван Тхань вывел из Верхнего Шоннама оба экспедиционных корпуса, в тех же двух округах, где ранее шла борьба, в 5-м месяце 1808 г. вновь вспыхнули, по сообщению феодальных историков, «ожесточенные» восстания [20, с. 374, 376]. И снова провинциальный гарнизон самостоятельно не сумел с ними справиться. Но теперь уже Нгуен Ван Тханю необходимо было решительно подавить основные восстания в долинных районах, особенно в Верхнем Шоннаме, расположенном рядом с Тханглаунгом. Под угрозу было поставлено его положение как генерал-губернатора Бактхани. В связи с этим из Тханглаунга двинулись сразу два экспедиционных корпуса. Один из них нанес восставшим поражение в уезде Кимбанг, уничтожив их вождя и заставив оставшихся в живых инсургентов рассеяться, другой — выбил повстанцев из Кхоайтяу, и те бежали в Нижний Шоннам, где вскоре были разгромлены [20, с. 376].

Остатки инсургентов ушли из долинных районов Верхнего и Нижнего Шоннама в горную зону Хоаньшона [29, с. 211, 213], где незадолго до этого стали собираться уцелевшие участники восстаний почти из всех «внутренних» провинций. Оттуда они нападали на равнинные районы близлежащих уездов и округов и до конца 1810 — начала 1811 г., когда против них была предпринята Ле Тятон карательная экспедиция, создавали постоянную угрозу властям.

В конце 1807 г. нижнешоннамское восстание, знаменем которого был Чинь Ван, распространилось на территорию Хайзыонга, включая уезд Дыонгхао и местность Чанглиет [29, с. 207]. После разгрома в Нижнем Шоннаме значительная часть повстанцев во главе с некоторыми вождями переместилась в 3-м месяце 1808 г. в соседнюю северо-восточную провинцию и соединилась с союзниками тайшонов — китайцами из «Общества Земли и Неба». Силы восставших были столь мощными, что губернатор Хайзыонга потерпел поражение в уезде Тылинь и отступил в уезд Тханьлам. Восстание распространилось дальше, за-

хватив уезд Тханьха. Только сильные кордоны, выставленные на границах с Хайзыонгом чиновниками Киньбака, помешали повстанцам проникнуть на территорию этой провинции. После неудачных попыток полностью восстановить свои позиции в Нижнем Шоннаме одна часть восставших осталась в хайзыонгском округе Донгчиеу, другая — ушла на территорию Хоаньшона [29, с. 211, 213].

Среди повстанцев было много представителей старых чиновничьих родов — северной элиты. Так, к ним присоединился друг Ле Кюи Киета — сын Ле Кюи Дона, впоследствии схваченный и казненный Ле Тятом [29, с. 214, 225]. В 4-м месяце 1808 г. восставшие попытались захватить округ Тхайбинь в Нижнем Шоннаме, но были разбиты [29, с. 214]. Вскоре в хайзыонгский уезд Камзянг бежали остатки отрядов, потерпевших поражение в Киньбаке [29, с. 214—215]. Власти ничего не предприняли для их уничтожения, но и у повстанцев в течение более полугода не было сил для продолжения активной вооруженной обороны. Поэтому после разгрома в 5-м месяце 1808 г. китайских «пиратов», захвативших территорию уезда Тиенминь и первоначально нанеших поражение правительственным войскам [20, с. 378], «традиционалистская» администрация сочла обстановку в Хайзыонге нормализованной

В Киньбаке кризис начала 1808 г. ознаменовался восстаниями в ряде горных и долинных районов [20, с. 363, 378; 29, с. 213, 214—215], из которых следует упомянуть о выступлении в 3-м месяце двух вождей в деревне Диньбанг округа Тхуанан. Установив связь с некоторыми действующими в горах против властей повстанческими отрядами, они провозгласили смену девиза правления и ушли в горно-лесную зону Хоаньялама (Хоаньшона), откуда стали нападать на уезды Милыонг в Шонтае, Тьонгдык в Верхнем Шоннаме, Лактхо в Тханьбине [29, с. 213]. Это движение включало в себя представителей сепаратистских феодальных родов в горных и предгорных районах, в моменты ослабления центральной власти имеющих в своем фактическом владении территорию нескольких волостей [29, с. 171].

В 4-м месяце 1808 г. рядом вождей было совершено нападение на форт Фыонгкхай в том же округе Тхуанан. Не сумев взять форт штурмом, восставшие сожгли расположенные рядом с ним поселения, запаслись продовольствием, а после неудачных сражений с местными киньбакскими и присланными из Тханглаунга войсками ушли в хайзыонгский уезд Тханьялам. Однако через три дня, когда большая часть войск была отозвана, они вернулись, построили укрепления и организовали сбор денег и продовольствия. Еще три дня спустя подошли провинциальные и краевые части. В крупных сражениях, проходивших в конце 4-го — начале 5-го месяца 1808 г. и развернувшихся в четырех деревнях, когда на карту был поставлен не только престиж, но и само дальнейшее существование «тради-

ционалистской» администрации в Бактхани, с обеих сторон принимали участие боевые слоны. В итоге восставшие потерпели поражение и снова ушли в Хайзыонг. Правительственные войска, потеряв двух слонов, пытались преследовать «беглецов», но в уезде Камзянг те вместе со своими боевыми слонами «рассеялись» [20, с. 378; 29, с. 214—215]. В ходе противоборства правительственных войск с восставшими была опустошена часть территории Киньбака, особенно пострадал от военных действий уезд Зябинь в округе Тхуанан, где разбежалось очень много крестьян. В связи с этим чиновники провинции развернули кампании по возвращению населения на прежние места жительства [29, с. 215].

Восстания в долинных районах Шонтая были для властей значительно менее опасными. Здесь в период кризиса начала 1808 г. в 3-м месяце наряду с нападениями повстанцев из горно-лесного района Хоаньшон на уезд Милыонг [29, с. 213] было организовано, во-первых, восстание в округе Ламтхао, которое возглавил зять обладателя титула конг, т. е. человек, близкий к высшему чиновничеству, во-вторых, выступление двух вождей в уезде Тамзыонг округа Доачхунг [29, с. 212—213]. Все эти антиправительственные акции носили локальный характер и не имели последствий. В результате нападения в 5-м месяце 1808 г. в Милыонге на крепость Каобо был убит комендант, но повстанцы не вступили в сражение, а спешно отступили, причем были настигнуты и подверглись почти полному истреблению [20, с. 378]. После этого «традиционалистские» власти решили, что порядок в Шонтае наведен.

Таким образом, во всех долинных районах «внутренних» провинций Бактхани, кроме Шонтая, в начале 1808 г. создавалась реальная угроза перехода власти в руки восставших, возглавляемых представителями старых чиновничьих родов и знатных фамилий.

В горной зоне Бактхани, включающей «внешние» провинции и горные районы «внутренних» провинций, степень вооруженных выступлений была обычной. Но не следует забывать, что в горах антиправительственное движение было всегда на очень высоком уровне. В Тхайнгуене восстания начались еще в 7-м месяце 1806 г. [20, с. 307], в Лангшоне — в 10-м месяце 1806 г. [20, с. 310], в Хынгхоа вспыхивали в 9-м и 12-м месяцах 1807 г. [20, с. 247, 357]. В горных районах Киньбака борьба с восстаниями шла в 3—4-м и 6-м месяцах 1807 г. [20, с. 333—334; 29, с. 195—198], в 1-м месяце 1808 г. [20, с. 363], а в 3-м месяце 1808 г., во время резкого обострения кризиса в долинных районах, антиправительственные выступления разворачивались там сразу в нескольких горных и предгорных уездах [29, с. 213]. В горных районах Шонтая в этот период, напротив, восстаний было мало и они, по-видимому, «импортировались» из Киньбака [20, с. 333—334; 29, с. 196—197].

Какие же меры, кроме вооруженного подавления (о нем пи-

салось выше), предпринимала «традиционалистская» администрация для того, чтобы вывести Бактхань из кризиса? Весьма незначительные.

В связи с тем, что правительственные войска особенно часто переходили на сторону восставших в тех случаях, когда они сталкивались на поле боя со своими односельчанами, «традиционалисты» обратились в 1-м месяце 1808 г. к Тхе то с просьбой разрешить им «перетасовать» в рамках Бактхани военных окружных управляющих (куан фу) и подчиненные им войска так, чтобы солдаты не служили в тех местах, откуда они набирались в рекруты [20, с. 368]. Однако к коренному перелому в ходе борьбы с восставшими это не привело. Напротив, в 3-м месяце 1808 г. во всех «внутренних» провинциях Бактхани, кроме Нижнего Шоннама (где с помощью помещичьих дружин правительственные войска нанесли решительное поражение своим противникам), повстанческое движение находилось на подъеме, уровень его был очень высок и казалось, что оно обладает значительным потенциалом.

В сложившейся обстановке император решил, что из Тханглаунга не могут контролировать ситуацию и необходима передача военной власти в Бактхани в более надежные руки. В связи с этим в 4-м месяце 1808 г. в Фусуане было принято решение отозвать в столицу Ле Ван Зюета, в течение длительного времени сражавшегося в Куангнгае с горцами, и послать его с чрезвычайными военными полномочиями на Север. Предполагалось, что маршал-евнух возглавит «великую армию», отправляемую из столицы, что очень походило на вторичное завоевание Бактхани.

Выбор Тхе то кандидатуры Ле Ван Зюета в качестве командующего походом на Север свидетельствовал не только о том, что в Фусуане осознали особую военную опасность положения в генерал-губернаторстве Нгуен Ван Тханя (именно Зюету всегда поручалось проведение самых сложных боевых операций). Предоставление императором чрезвычайных полномочий, которые связаны с военным командованием, одному из лидеров «реалистов» в «епархии» «традиционалистов» означало также и признание верховной властью несостоятельности социальной и экономической политики бактханьской администрации, вызвавшей кризис 1808 г.

Вопрос о новом назначении Ле Ван Зюета был уже решен в Фусуане, когда тот уведомил императора о необходимости своего присутствия в Куангнгае в течение еще одного месяца для завершения строительства линии фортов, предохраняющих равнинные районы этой провинции от нападения враждебных горцев. Всегда считавшийся с мнением своего любимца, Тхе то и в данном случае не считал необходимым ему противодействовать. Когда же Зюет привел войска в столицу, кризис в Бактхани уже был преодолен местными силами [20, с. 374].

В самый последний период острого военного конфликта пер-

вой половины 1808 г. фусуанское правительство не только бдительно наблюдало за развитием событий в Бактхани, но и предпринимало определенные меры для стабилизации там сельскохозяйственной экономики, а также концентрировало на границах Севера значительные воинские силы, способные в любой момент двинуться на помощь или для замены не справившейся со своими обязанностями «традиционалистской» администрации.

Для облегчения положения крестьянства в 4-м месяце 1808 г. на Бактхань была распространена 30%-ная отмена поземельных налогов, сниженных по императорскому указу на территории всей страны (в четырех ближайших к столице провинциях производилось такое же снижение подушных налогов) [20, с. 374].

В том же месяце, после отказа Ле Ван Зюета немедленно двинуться с войсками на Бактхань, Тхе то поручил другому лидеру «реалистов», Ле Тяту, подавить восстание горских князей в провинции Тханьбинь. Фактически же был предпринят тот самый «северный поход» (вернее его первая часть, так как основания для дальнейшего продвижения в северные земли исчезли), организацию которого ранее предполагалось возложить на Ле Ван Зюета. Нежелание последнего прямо вмешиваться в сферу компетенции еще обладающего в Бактхани огромной властью Нгуен Ван Тхана, что было связано, на наш взгляд, с опасением обострения борьбы двух партий вплоть до их вооруженного столкновения, по-видимому, заставило императора тщательно закамуфлировать основную цель военного предприятия Ле Тятя. Формально он должен был лишь подавить горское восстание в маленькой провинции, но эта провинция находилась прямо на границе с Бактханью. Для выполнения поставленной задачи Ле Тяту была предоставлена такая же «великая армия», которая предназначалась Ле Ван Зюету, территориальные рамки деятельности которого, по признанию официальных феодальных историков, определялись не провинцией Тханьбинь, а Бактханью [20, с. 374]. Эта «великая армия», которой официально предписывалось действовать в горных районах, состояла не только из сухопутных частей, но и из флота, насчитывающего 50 боевых кораблей. В Нгеане к Ле Тяу присоединился губернатор этой провинции, что должно было еще более усилить его экспедиционный корпус [20, с. 375].

Именно с началом похода Ле Тятя Нгуен Ван Тхань почувствовал наиболее серьезную угрозу своему положению. В связи с этим лидер «традиционалистов» решил сделать все возможное, чтобы предотвратить приход «великой армии» в Бактхань. Но осуществить это можно было единственным способом: быстро подавить основные восстания в долинных районах. Поэтому на конец 4-го — начало 5-го месяца 1808 г. приходились, как отмечалось выше, наиболее активные боевые действия бактханьских войск. «Традиционалисты» собрали все имеющиеся у них в наличии силы и ценой невероятных усилий разгромили восставших в равнинных районах Верхнего Шоннама и Киньбака,

временно восстановили «спокойствие» в Хайзыонге и Шонтае, а для уничтожения повстанцев в Нижнем Шоннаме привлекли войска из Тханьхоа. По подсчетам бактханьских чиновников, их войсками было проведено более 30 сражений. Списки отличившихся поступили в столицу и для награды было выделено 30 тыс. куанов. За счет государственных средств производилась организация траурных церемоний, посвященных погибшим в боях. Среди них были высшие военачальники, вице-губернаторы, военные управляющие округами, большое количество средних и низших офицеров. Местные жители, помогавшие правительственным войскам в борьбе с «мятежниками», получили денежные награды, отсрочки поземельных налогов и военных повинностей на два года [20, с. 378—379].

Разгром бактханьскими войсками повстанческого движения во всех долинных районах «внутренних» провинций к середине 5-го месяца 1808 г. мог предотвратить смену высшей «традиционалистской» администрации, если бы Нгуен Ван Тхань и его сподвижники и единомышленники извлекли урок из происшедших событий и осознали необходимость изменения своей социальной и экономической политики. Переориентация политического курса бактханьских чиновников могла быть облегчена тем, что решительным подавлением восстаний в долинных районах действующая администрация укрепила авторитет среди основной массы имущих слоев населения и убедила большую часть помещиков в своей способности поддерживать порядок на Севере.

После 5-го месяца 1808 г. степень участия тхо хао в подавлении восстаний резко повысилась: если в конце 1807 — начале 1808 г. при наличии десятков антиправительственных выступлений их боевые дружины помогали войскам в подавлении лишь двух из них, вспыхнувших в долинных районах Нижнего Шоннама, то в последние полтора года управления под руководством Нгуен Ван Тханя (с середины 1808 по начало 1810 г.) помещики сами брали на себя инициативу разгрома недовольных существующим режимом, самостоятельно организуя или оказывая поддержку регулярным частям в большей части карательных операций.

В Нижнем Шоннаме, где помещики первыми начали активно выступать на стороне властей, во 2-м месяце 1809 г. два тхо хао и окружной секретарь (фу лай) сообщили солдатам местного гарнизона о местонахождении скрывающихся повстанцев, незадолго до этого разгромленных правительственными войсками. В итоге один из вождей с четырьмя сторонниками были схвачены, помещики получили дипломы общинных старост, а окружной секретарь — повышение [21, с. 10].

В Хайзыонге дружина помещика Нгуен Дык Хау самостоятельно подавила восстание, вспыхнувшее в 1-м месяце 1809 г. в уезде Донгчиеу. Вождь восставших был схвачен, девять его сторонников убиты, за что Нгуен Дык Хау получил должность

заместителя волостного старосты и денежную награду [21, с. 6].

В Шонтае отряды тхо хао без помощи регулярных войск разгромили в 1-м месяце 1809 г. восставших и убили их вождя в уезде Фунинь. Один из помещиков удостоился за это должности волостного старосты, другой — его заместителя. Оба они получили крупную сумму денег [21, с. 6]. В 3-м месяце 1809 г. одна дружина помещика Нгуен Хыу Тяу расправилась с повстанцами в уезде Тылинем. После этого он стал волостным старостой и получил 300 куанов [21, с. 12—13].

Решительный переход помещиков в равнинных районах «внутренних» провинций на сторону властей не в меньшей мере, чем жестокое военное поражение восставших в 5-м месяце 1808 г., явился причиной того, что антиправительственных выступлений со второй половины 1808 г. до начала 1810 г. было здесь мало, и они не представляли серьезной угрозы для бактханьской администрации. Кроме упомянутых выше во 2-м месяце 1808 г. с помощью местных жителей и армейского секретаря было подавлено лишь восстание в Киньбаке [21, с. 10], да после «межведомственной» перепалки между Нгуен Ван Тханем и губернатором Тханьхоа, когда каждый из них перекладывал на другого обязанность покончить с повстанцами, пришедшими якобы с чужой территории, бактханьские войска в 1-м месяце 1810 г. разгромили большую группу инсургентов в шонтайском Милыонге [21, с. 51—52]. В Верхнем Шоннаме, где в 1808 г. разгорелась наиболее ожесточенная борьба, в последний период управления «традиционалистов» вообще не было ни одного антиправительственного выступления.

Многие вожди и их сторонники складывали оружие. В 8-м месяце 1808 г. в Нижнем Шоннаме властям сдался вождь Фам Зуат. По приказу императора он был не только освобожден от казни, но и оставлен на воле. Затем Тхе то распорядился прощать всех повстанцев, добровольно прекращающих сопротивление. В результате издания этого указа, по сообщению феодальных историков, стало «приходить с повинной очень много бандитов» [20, с. 394]. В предгорных районах Киньбака власти заставили перейти на свою сторону одного из крупнейших повстанческих вождей. Сделано это было, по словам Фан Тхук Чыка, при помощи прямого шантажа, сопровождавшего захват в плен его жены. На аудиенции у Нгуен Ван Тхана вождь отказался от чиновничьей должности, но попросил дать ему войска для ведения военных действий с повстанцами [29, с. 218]. Через некоторое время он бежал в уезд Шиеулоай, затем был выслежен и убит при облаве [29, с. 258—259].

Несмотря на некоторое повышение с середины 1808 по начало 1810 г. уровня антиправительственных выступлений во «внешних» провинциях (в Тхайнгуиене — в 6-м дополнительном месяце 1808 г. [20, с. 384] и в 3-м месяце 1809 г. [21, с. 13], в Туенкуанге — в 6-м месяце 1808 г. [20, с. 382]) и в горных и предгорных районах «внутренних» провинций (в Киньбаке — во 2-м

месяце 1809 г. [21, с. 10] и в 1-м месяце 1810 г. [21, с. 51]), что было связано, очевидно, с бегством туда части повстанцев, разгромленных в долинной зоне, ситуация в горах не особенно отвлекала внимание «традиционалистов».

Налицо были благоприятные условия для анализа ими причин кризиса 1808 г. Необходим был пересмотр политической линии в плане повышения социальной значимости имущих городских и деревенских слоев, которые сами охотно шли на контакт с доказавшей свою военную силу государственной администрацией. Однако этого не произошло.

Еще в период подъема повстанческого движения, одним из основных призывов которого было возвращение власти на Севере представителям рода Ле, Нгуен Ван Тхань, пытавшийся своими средствами бороться за сохранение здесь власти Нгуен Фука Аня, распространил в Бактхани сочиненную одним из его помощников «поэтическую» листовку, озаглавленную «Разъяснение заблуждений» и предназначенную для предостережения обманутых громкими лозунгами. В ответ на это в народе появилась «песнь» «Разоблачение скрытого», в которой обличались жадные и корыстолюбивые чиновники и секретари, явившиеся, по мнению автора «песни», причиной восстаний [21, с. 380, 29, с. 212].

«Голос народа» дал «традиционалистам» основание к действию. Немедленно после ликвидации кризиса 1808 г. Нгуен Ван Тхань, Фам Ньи Данг, Данг Чан Тхьонг и Чьонг Тиен Быу подали императору доклад. В нем наряду с «общими местами», такими, как «уничтожить бандитов, успокоить народ» и «ввести почитание поминальных сводов усопших», содержались и предложения нужных практических мероприятий: «установить срок для проверки работы чиновников и секретарей» и «разрешить обращение денег (созданных в период эры правления.—А. Р.) под девизом Зя хынг». В том же докладе присутствовал и проект, имеющий ярко выраженную социальную направленность: «увеличить жалованье чиновникам и секретарям для поддержания честности» [20, с. 380]. В случае реализации этой просьбы в социальной структуре общества и в системе управления государством произошло бы резкое усиление позиций государственных феодалов-чиновников по отношению к роли частных феодалов — помещиков. При обсуждении предложения «традиционалистов» в правительстве лишь один Нгуен Ван Нянь высказался за его принятие. Этот южанин, который долго был в Зядини и никогда не жил на Севере, мотивировал свою позицию тем, что податели доклада в течение длительного времени находятся в Бактхани, разбираются в сложившейся там обстановке и потому знают, что предлагают. Однако Тхе то, понимавший, что феодальная бюрократия стремится прежде всего набить деньгами свой карман, резко выступил против идеи Тханя. Заявив, что «жалованье — это кровь народа», император указал, что его увеличением сопровождаются все эпохи упадка,

в конечном итоге завершающиеся «смутой». Данное высказывание можно считать квинтэссенцией политики «реализма», резко противодействовавшей немотивированному усилению государственной-феодальной эксплуатации. Остальные предложения «традиционалистов» были одобрены, ибо частично сводились к ритуальному пустословию, частично содержали нужные практические меры [20, с. 380].

Доклад Нгуен Ван Тханя и его единомышленников показал, что они не извлекли урока из кризиса 1808 г. и не собираются менять ранее взятый курс. Позиция «традиционалистов» свидетельствовала об их намерении следовать уже выработанной программе восстановления государственного феодализма в максимально возможных пределах, что неминуемо подрывало социальные и экономические «завоевания» помещика, торговца и частного предпринимателя в Бактхани.

С особой яркостью это проявилось в 12 предложениях управляющего бактханьским отделом юстиции Фам Ньи Данга, изложенных им императору во время личной аудиенции в Фу-суане в 1-м месяце 1809 г.

Основные предложения друга и соратника Нгуен Ван Тханя имели целью расширить использование общинного земельного фонда в государственных нуждах и снизить уровень денежных отношений в Бактхани; выявить скрывающихся от подушного налогообложения и фактически закрепить крестьян за общиной; лимитировать «чрезмерное» обогащение сборщиков государственных подушных и поземельных налогов из числа частных лиц, а также прибыли откупщиков на торговых таможнях; ограничить наемные войска; увеличить численность «полноценного» дипломированного чиновничества, структурно усложнить и нарастить бактханьский административный аппарат; обеспечить постоянное воздействие «традиционалистской» идеологии непосредственно на самого императора.

Расширения использования общинного земельного фонда в нуждах государства при одновременном снижении уровня денежных отношений в Бактхани Фам Ньи Данг предполагал добиться путем упразднения денежного жалованья, выдаваемого по правилам 1802 г. своим солдатам общиной [20, с. 72], и заменой его земельным жалованьем (помимо душевого пая) из фондов общины. При этом Данг настаивал на предоставлении солдатам значительных размеров земельного жалованья, исчисляемого в 5 мау (1,8 га). Обеспечить солдат такими общинными наделами можно было не только не во всех деревнях, но и не во всех уездах Бактхани. Однако это не смущало «традиционалистов». В тех случаях, когда в какой-либо деревне не было достаточного количества общинной земли, предлагалось брать ее в соседней деревне, если же общинной земли не хватало во всем уезде, по мнению Данга, следовало пользоваться общинными фондами других уездов [21, с. 19]. Предполагаемая система наделения солдат общинным земельным жалованьем

в указанных в докладе размерах была практически невыполнимой при существующем соотношении общинных и частных земель. Поэтому осуществление данного пункта проекта Данга неминуемо требовало перераспределения фондов обеих категорий земель, что фактически сводилось к возобновлению соответствующего положения программы «традиционалистов» от 1803 г., уже отвергнутого императором [20, с. 121]. На перераспределение даже части частных земель в пользу общинных Тхе то в 1809 г. не согласился точно так же, как и в 1803 г. Однако полностью игнорировать предложение о замене денежного солдатского жалования земельным император в сложившейся ситуации не мог.

Это было связано не только с тем, что до тех пор, пока «традиционалисты» находились у власти в Бактхани, Тхе то вынужден был идти на частичные уступки консервативным лидерам. Основная причина введения земельного солдатского жалования вместо денежного заключалась в том, что в результате «зажима» предпринимательской деятельности в Бактхани там значительно снизилась добыча золота, серебра, меди, цинка, олова и свинца, т. е. всех тех металлов, из которых изготавливались ценные весовые слитки и отливалась монета. В то же время отток денег на Юг усилился. В связи с этим количество монет, находящихся в обращении и имеющих в казнохранилищах Севера, намного сократилось. По-видимому, это вызвало трудность с выплатой денежного жалования как численно увеличившимся чиновникам, так и солдатам. Поэтому Тхе то, поставленный перед фактом острого дефицита денег в Бактхани (вспомним просьбу Нгуен Ван Тханя разрешить официальное обращение монеты, выпущенной в период правления под девизом Зя хынг), вынужден был, по крайней мере частично, заменить солдатское денежное жалование земельным наделом.

В то же время, для того чтобы эта замена не привела к сокращению фонда частных земель и перераспределению его в пользу земель общинных, во-первых, норма выдачи солдатского земельного жалования в Бактхани составляла 8 шао, т. е. была сокращена более чем в 6 раз по сравнению с теми размерами, на которых настаивал Фам Ньи Данг, во-вторых, раздача производилась, по-видимому, не во всех общинах (об этом в императорском указе от 6-го месяца 1809 г. ничего не сказано), а только там, где имелся фонд общинных земель [21, с. 26—27]. Одновременно с бактханскими солдатами размеры жалования общинных земель солдатам Нгеана и Тханьхоа были определены в 9 шао, столичным солдатам — в 1 мау [21, с. 26]. Таким образом, данное предложение Фам Ньи Данга было реализовано верховной властью лишь частично и только в той мере, в которой оно не затрагивало коренных интересов имущих слоев общества (в основном помещиков), да и то только потому что к этому вынудила дефицитом монеты консервативная политика «традиционалистской» администрации.

Выявления лиц, скрывающихся от подушного налогообложения, Данг предполагал добиться установлением жестких сроков проверки государственными чиновниками на всех уровнях сведений о беглых в общинах. По его проекту после бегства крестьян чиновники уездов и округов должны были срочно подавать о них сведения в провинцию. Из провинции направлялись уполномоченные для совместной ревизии представленных данных на месте. Только после установления их истинности можно было посылать сообщение в краевые органы (тхань), откуда в итоге следовал доклад императору. Срок исполнения в каждой инстанции определялся Дангом в 10 дней. Чиновники уездов и округов, сообщающие неверные сведения, а также направляемые из провинции секретари (лай тхуок), уличенные в сокрытии истины с целью наживы, должны были строго наказываться [21, с. 19—20].

Последовательная система учета государственными органами численности беглых, ставшая под жесткий контроль на всех бюрократических уровнях отчетность в этом вопросе общинного самоуправления, фактически была направлена против помещиков. Именно помещики, подкупая старост или просто приказывая им как своим ставленникам, добивались от общинного самоуправления фальсификации списков тягловых, регистрации своих арендаторов, наемных и зависимых крестьян, в качестве «беглых» и «умерших», что давало частным феодалам возможность увеличивать норму эксплуатации на величину подушного налога и повинностей, «узурпируемых» у государства. Лишение этих дополнительных доходов наносило сильный удар по уже завоеванным экономическим позициям помещиков. На это Тхе то пойти не решился, хотя на последнем этапе его правления были определены суровые меры наказания общинных старост за фальсификацию списков тягловых [21, с. 330—331]. Однако реально тщательный контроль за правильностью учета беглых был установлен со стороны государственных органов только при его преемнике императоре Тхань то, который последовательно реализовал «традиционалистскую» программу. Таким образом, формально одоблив, Тхе то фактически отклонил данное предложение Данга.

Точно так же поступил император и с его идеей о фактическом прикреплении крестьян к общине. Хотя Данг не настаивал на их юридическом закреплении в родных деревнях, однако предлагал приказывать чиновникам провинций, округов и уездов «мирными» средствами заставить крестьян вернуться в родные места. За ежегодное увеличение численности тягловых должностных лиц следовало награждать [21, с. 20]. Легко себе представить, какие средства могли использовать чиновники для пресечения бегства и возвращения беглых на родину, если от этого зависела их карьера. Возможен был самый жесткий террор, который мог существенно затормозить социально-экономическое развитие вьетнамского общества. Награждение чиновников за

увеличение численности тягловых было также введено только при императоре Тхань то, который, правда, на этом не остановился, а дополнительно разработал и узаконил систему наказаний должностных лиц за уменьшение численности тягловых на подведомственных им территориях, что еще более закрепило крестьянство за общинами.

Интересен подход Фам Ньи Данга к решению проблемы ограничения чрезмерного обогащения частных сборщиков налогов. Этот подход свидетельствует по крайней мере о двух новых чертах консервативной идеологии в конце первого десятилетия XIX в. Во-первых, даже «традиционалисты» уже смирились со многими социально-экономическими и социально-политическими новшествами и учитывали их, строя планы своих реформ. Во-вторых, сочетание архаичных представлений и четких социальных запретов, декретируемых из Фусуана, волей-неволей заставляло «традиционалистских» лидеров предлагать проекты, носящие порой прогрессивный характер. К этому их приводили строгие ограниченные рамки и направление преобразований, которые позволялось выдвигать в период правления Тхе то для исправления, на взгляд «консерваторов», наиболее злостных общественных пороков.

Понимание того, в какой мере можно просить «традиционалистских» преобразований, дабы иметь надежду на выполнение своих планов, сказывалось в предложении Фам Ньи Данга заменить частных лиц, занимающихся сбором подушных и поземельных налогов, на государственных служащих. Данг не стал добиваться такой замены на всех административно-территориальных уровнях. Он лишь настаивал на запрете допуска частных лиц к взиманию налогов в склады провинций (чан) и всего края (тхань) Бактхань. Вместо них, по мнению Данга, функции налоговых сборщиков на провинциальном уровне следовало выполнять служащим местных департаментов (тхуок ти), на уровне края — сотрудникам финансового отдела (лиеу тхуок), которые не должны были взимать с населения поборы «сверх установленной нормы и замышлять что-либо в свою пользу» [21, с. 19]. Что же касается сбора налогов на уровне округов и тем более уездов, то эта деятельность, по смыслу данного предложения, могла оставаться в сфере компетенции частных лиц. Идя на уступки «традиционалистам» и учитывая умеренный характер их притязаний в данном вопросе, Тхе то не только формально одобрил этот пункт доклада Фам Ньи Данга, но и полностью реализовал его через два года [21, с. 134, 175].

При разработке предложения о пресечении «пороков», царивших на торговых таможнях и заключающихся прежде всего в «чрезмерном» обогащении откупщиков, взимавших с купечества непомерные поборы, Фам Ньи Данг был поставлен в трудное положение. Логичнее всего для него было бы настаивать на замене частных откупщиков на таможнях государственными чиновниками и служащими. Однако это означало провалить про-

ект. Ведь даже частных сборщиков поземельных и подушных налогов Тхе то согласился заменить государственными служащими только на высших административно-территориальных уровнях: провинциальном и краевом. Поэтому Фам Ньи Данг вынужден был смириться с присутствием на торговых таможенных откупщиков. Но это оставляло ему единственную возможность требовать ограничения их лихоимства: мотивировать эту необходимость интересами купечества. Таким образом, ограниченный жесткими рамками и направлением возможных социальных преобразований, «традиционалист» Фам Ньи Данг в борьбе со сверхнормативными поборами откупщиков вынужден был апеллировать к выгоде торговцев и сознательно тем самым способствовать развитию торговли. Он просил обеспечить строгое соблюдение указа Тхе то от 10-го месяца 1802 г. относительно установления торговой таможенной подати размером в $\frac{1}{40}$ стоимости провозимых товаров [20, с. 84]. В связи с тем, что цены на товары колебались в различных районах страны, откупщики произвольно завышали их, увеличивая собираемую пошлину. Если к этому добавить, что таможенники часто незаконно «утяжеляли» облагаемые грузы [21, с. 20], то станет понятным, сколь значительный ущерб терпели от их деятельности купцы.

В связи с прогрессивным характером предлагаемого «традиционалистом» Фам Ньи Дангом мероприятия фусуанское правительство очень скоро стало предпринимать решительные меры, способствующие развитию торговли и ограничивающие «незаконные» поборы в пользу откупщиков. Вскоре власти сократили на Севере определенное количество таможен [21, с. 137, 167]. На оставшихся таможенных, как основных, так и филиальных, были введены строгие правила налогообложения [21, с. 168, 169], а также установлены постоянные цены товаров, которые исчислялись по средней их стоимости в течение пяти лет [21, с. 168]. В итоге предложение Данга способствовало созданию благоприятных условий для развития внутренней торговли, что полностью соответствовало «реалистической» политике Тхе то.

В докладе Данга было и предложение обязать вербовщиков наемных войск набирать в солдаты лишь «проворных и сильных», дабы не тратить зря средств на «старых и слабых» [21, с. 19]. На практике эти установки должны были привести к ограничению численности наемных войск и потому не встретили поддержки правительства, формировавшего значительную часть своей армии из числа «внесписочных». Впоследствии Тхе то не сделал ничего для того, чтобы осуществить это предложение Данга.

Значительное место в этом, несмотря ни на что, «традиционалистском» докладе занимали проекты мероприятий, которые необходимо было осуществить, во-первых, для пополнения государственного аппарата «полноценными» чиновниками, во-вторых, для его расширения и структурного усложнения. Основным средством отбора наиболее достойных кандидатов на чи-

новничьи должности Данг считал проведение экзаменационных конкурсов: «Чтобы найти талантливых людей, надо в первую очередь провести экзаменационные конкурсы» [21, с. 18]. В связи с этим он предлагал каждые три года организовывать провинциальные конкурсы, а параллельно с ними, тоже через три года (не совпадавшие с первой последовательностью), устраивать столичные экзамены [21, с. 18]. Такой массированный экзаменационный отбор должен был в короткий срок дать государству огромное количество «полноценных» претендентов на высокие чиновничьи должности. Это могло не только существенно трансформировать социальную базу власти, но и коренным образом изменить сложившуюся расстановку политических сил в стране, что совсем не входило в планы Тхе то. Поэтому император очень сильно снизил интенсивность функционирования экзаменационной системы, приказав организовывать провинциальные конкурсы раз в шесть лет и не проводя при своей жизни ни одного столичного испытания, на которых только и могли предоставляться высшие лауреатские звания.

Притязание на расширение и структурное усложнение государственного аппарата, содержавшееся в докладе Фам Ньи Данга, заключалось в повторении предложения Нгуен Ван Тхана от 1807 г. относительно создания цензората. Правда, Тхань настаивал на создании цензората в Фусуане, в то время как Данг имел в виду Бактхань [20, с. 317; 21, с. 19]. Впрочем, успех этих предложений в обоих случаях был одинаков: цензорат был создан лишь в период правления Нгуен Тхань то.

Та же участь постигла попытку Фам Ньи Данга создать прямо в столице при императорском дворце некоторый механизм, обеспечивающий постоянное воздействие «традиционалистской» идеологии непосредственно на самого Тхе то. При этом Данг, снова повторяя предложение Тхана от 1807 г., шел дальше своего вождя. Если Тхань, выдвигая идею выделения в императорском городе специального помещения, в котором каждого 2, 12 и 22-го числа ежемесячно будет производиться читка классических книг, династийных историй и комментаторской литературы (кинь зиен), полагал, что там будут собираться чиновники от третьего ранга и выше [20, с. 317], то Данг настаивал на посещении кинь зиена через каждые шесть дней самим императором, дабы тот мог «отыскать и уяснить основы процветающего управления» [21, с. 18]. Проникнувшись консервативными воззрениями, Тхе то, по мысли «традиционалистов», должен был изменить и общую социальную направленность своего внутривластного курса. Однако император, на словах одоблив это предложение, и не думал об учреждении кинь зиена. Идея его создания была реализована лишь при Тхань то, причем со значительно более широким размахом, чем предлагали «традиционалисты».

Кроме изложенных выше предложений Фам Ньи Данга, в той или иной степени связанных с его «традиционалистскими»

воззрениями (иногда, как это ни парадоксально, дающими обратный эффект: проекты прогрессивных преобразований), в докладе содержалось несколько «нейтральных», «сиюминутных» просьб, в большей мере, чем предшествующие, вызванных необходимостью срочно ослабить напряженность в Бактхани. Одна из них сводилась к необходимости снизить уровень строительных работ, особенно крупных, дабы «поберечь силы народа». Две других проходили по «ведомству» юстиции, которое возглавлял в Бактхани сам Фам Ньи Данг. Он настаивал на ускорении и упорядочении судопроизводства в Бактхани, а также на тщательном расследовании особо тяжких преступлений, к разбору которых следовало подходить чрезвычайно осторожно, если в судебных делах имелись неясности [21, с. 18, 19]. Возможно, учитывая именно последние настояния Данга, Тхе то вскоре предоставил ведомству юстиции право первого доклада во время деловых отчетов учреждений перед императором [21, с. 41].

Как вторая, так и первая группа предложений, исходящих от Фам Ньи Данга (кроме, быть может, просьбы об ограничении «чрезмерных» прибылей откупщиков, объективно способствующей развитию торговли), в общем, свидетельствуют о нежелании «традиционалистов» переориентировать свою социальную политику в плане опоры на исторически перспективные имущие слои позднефеодального общества. Более того, первая группа инициатив Данга отчетливо показывает стремление консервативных чиновников всячески способствовать восстановлению архаичных форм феодальной эксплуатации, повинностей и управления.

Доклад Фам Ньи Данга выражал также и позицию Нгуен Ван Тханя: многие пункты их посланий императору совпадали почти дословно. Это дает возможность заключить, что в период со второй половины 1808 г. Тхань так и не пошел на контакт с помещиками, чьи боевые дружины оказали ему столь необходимую поддержку во время военного кризиса. Отказавшись пересмотреть свои позиции и опереться на крупных частных землевладельцев, откупщиков, предпринимателей и купцов, Нгуен Ван Тхань упустил возможность справиться с экономическим кризисом, вспыхнувшим вскоре после военного, и не сумел удержаться на посту генерал-губернатора Бактхани.

Экономический кризис разразился в Бактхани во второй половине 1809 г. Сначала в 7-м месяце северные районы края, в основном Киньбак [21, с. 50], охватила сильная засуха, в связи с чем с высушенной земли было на 50% сокращено взимание земельных налогов [29, с. 219]. Через два месяца над территорией Бактхани пронесся тайфун, от которого особенно пострадали приморские провинции — Иенкуанг, Хайзыонг и Нижний Шоннам, где морская вода залила огромные территории, вследствие чего был нанесен сильный ущерб урожаю 10-го месяца. На основании доклада бактханских чиновников император от-

дал приказ Фам Ньи Дангу бесплатно раздавать рис в Нижнем Шоннаме, а Данг Чан Тхьонгу — кормить голодных в Хайзыонге и Иенкуанге [21, с. 41]. Генерал-губернатор также распорядился перевозить рис для безвозмездной выдачи населению [29, с. 219].

Последствия засухи и тайфуна были столь значительными, что в конце 12-го месяца 1809 г. в пяти «внутренних» провинциях пришлось снижать поземельные налоги с полей осеннего урожая на 10—100% в зависимости от степени ущерба, нанесенного этим полям наводнением [21, с. 48—49]. Однако и в 1-м месяце 1810 г. население Бактхани голодало. Был отложен набор солдат, прекращен разбор мелких судебных дел, отменены государственные трудовые повинности [21, с. 50]. Высшие чиновники Бактхани получили распоряжение составить тщательно продуманный план спасения населения от голода. Исполняя императорский приказ, Нгуен Ван Тхань направил в Фусуан доклад с предложениями начать безвозмездную раздачу и ссуду риса в долг, а также просил разрешить ввести чрезвычайные меры, связанные с нехваткой в обращении денег: обязать население и государственные органы принимать монету вне зависимости от ее качества [21, с. 50—51].

Оба предложения Тханя были одобрены. По указанию Тхе то из запасов государственных складов выделялось для бесплатного распределения среди голодающих беспрецедентное количество риса — 30 тыс. хоков, что свидетельствовало об огромных размерах катастрофы. И снова высшие бактханьские чиновники отправились в пострадавшие районы «кормить» народ. Одновременно был издан приказ, запрещающий отказ от приема неполноценных денег как на пунктах сбора налогов, так и при частной торговле [21, с. 50—51].

Стихийные бедствия лишь обнажили скрытые ранее и нараставшие постепенно кризисные явления как в сфере экономики (голод, нехватка монеты, недостаточное количество ценных и полезных металлов), так и в области социальных отношений. Во время хлебных раздач стали впервые открыто вспыхивать острые конфликты между высшими бактханьскими военачальниками, южанами из числа приближенных самого генерал-губернатора и местными чиновниками-северянами. Дело доходило до побоев, штрафов и разжалований [21, с. 51].

Непрерывно сменявшие друг друга бактханьские кризисы (в 1808 г. — военный; в 1809 г. — экономический) повергли Нгуен Ван Тханя в растерянность. Хотя Фан Тхук Чык упоминает, что уже в 9-м месяце 1809 г. генерал-губернатор Бактхани отдавал распоряжения о перевозках и раздачах риса [29, с. 219], однако более подробное описание хода событий в официальной хронике «Правдивые записки о Дай Наме» убеждает в том, что поначалу основные непосредственные командные функции в кампании по спасению голодающих были сосредоточены в Фусуане [21, с. 41]. Потом, правда, Тхань более активно принялся за де-

ла [21, с. 50—51], но они не мешали ему интересоваться самыми различными вопросами, например тем, на каком алтаре в Фусуане будет куриться фимиам табличке с именем дангчаунгского военачальника, погибшего в 1775 г. [18, с. 251; 21, с. 52].

В результате лидер «традиционалистов» не смог удержаться на посту генерал-губернатора Бактхани и в момент максимального нарастания там экономического кризиса, в 1-м месяце 1810 г. подал императору прошение о разрешении сопровождать гроб с останками матери для захоронения на родине [21, с. 64]. Просьба Нгуен Ван Тханя была направлена Тхе то как раз в то время, когда справляющийся со своими обязанностями и «болеющий» за свое дело администратор менее всего мог позволить себе оставить вверенный ему пост, даже если бы это было связано с самой острой практической и ритуальной необходимостью. Однако даже такой необходимости у Тханя не было, ибо данный момент ничем не отличался от предшествующих девяти месяцев. Дело в том, что, по сообщению Фан Тхук Чыка, мать Нгуен Ван Тханя умерла в 3-м месяце 1809 г., когда ее сын, подобно другим гражданским и военным чиновникам, получил краткий трехмесячный отпуск для организации ритуальных церемоний [29, с. 219].

Действительно, на протяжении большей части своего правления Тхе то строго ограничивал подобные отлучки, постоянно заявляя, что «необходимо забыть личные дела ради государственных». Только в середине 1815 г. были установлены сроки «траурных» отпусков чиновников в зависимости от их рангов от 12 месяцев (1 ранг) до 2 месяцев (5 ранг) [21, с. 252—253]. О том, что Нгуен Ван Тхань воспользовался в 3-м месяце 1809 г. своим трехмесячным отпуском, косвенно свидетельствует отсутствие о нем упоминаний как в хронике Фан Тхук Чыка [29, с. 219], так и в «Правдивых записках о Дай Наме» с 3-го месяца по 5-й месяц 1809 г. включительно [21, с. 18—23].

Кроме того, если бы Тхань продолжал в это время исполнять свои функции, то он бы, очевидно, присоединился к докладу Фам Ньи Данга, поданному в 4-м месяце [21, с. 17—20]. Все это позволяет предположить, что прошение провожать гроб с останками матери на родину могло быть подано и ранее. Удобнее всего это было сделать с 3-го месяца по 6-й месяц 1809 г., когда, во-первых, у Тханя был отпуск, во-вторых, в Бактхани еще не обозначились признаки экономического кризиса. Напротив, после 9-го месяца 1809 г., и особенно в 1-м месяце 1810 г., как прошение, так и предоставление отпуска могло быть вызвано только чрезвычайными обстоятельствами, ибо, во-первых, этот отпуск был уже использован, во-вторых, ответственный чиновник не мог покинуть свой пост в кризисной ситуации.

Изложенное выше дает возможность заключить, что Нгуен Ван Тхань покинул Бактхань отнюдь не по причине срочной необходимости выполнения ритуальной похоронной церемонии, но в связи с осознанием своей неспособности справиться с кризи-

сом и желанием избежать ответственности за грядущую катастрофу, а также вследствие недовольства со стороны фусуанского правительства явным провалом политики «традиционалистов».

Не решаясь на открытый конфликт с еще могущественным вождем консервативных чиновников, Тхе то позаботился о создании условий для достойного отъезда Нгуен Ван Тханя из Бактхани. В том же, 1-м месяце 1810 г. за несколько дней до обращения Тханя к Тхе то были установлены правила отправки на родину гробов с останками чиновников, умерших на месте службы. Для их транспортировки предоставлялся корабль, услуги команды оплачивались из государственных средств [21, с. 64]. Поскольку на умершую мать Нгуен Ван Тханя распространялась «тень» его высокого чиновничьего ранга, она тоже считалась чиновницей, обладательницей пониженного ранга и в отношении нее действовало только что узаконенное положение. Тхань понял намек и, воспользовавшись предоставленной возможностью, сделал то, на что его, видимо, подталкивало фусуанское правительство: попросил новый отпуск.

Тхе то только этого и ждал. Одновременно с Тханем были отозваны в столицу вместе со своими воинскими частями и некоторые его сподвижники из числа высших военных, среди которых находились те, кто незадолго перед этим, во время хлебных раздач, конфликтовал с низовым местным гражданским чиновничеством Бактхани. Других южан, возроптавших по поводу длительного пребывания на Севере, император решительно усмирил [21, с. 64—65].

После отъезда Нгуен Ван Тханя и части его соратников в Фусуан император решил не ограничиваться простой сменой руководящих персон в Бактхани. С целью уменьшения единоличной власти генерал-губернатора края там были произведены значительные структурные изменения в организации высшего уровня управления. Это нашло свое выражение в том, что наряду с должностью генерал-губернатора были учреждены также должности первого и второго вице-генерал-губернаторов (хип тонг чан и тхам хип тонг чан).

На место генерал-губернатора был назначен уже сильно постаревший, пассивный и малодеспособный Нгуен Хоанг Дык. Основное назначение «умеренного» Дыка состояло в том, чтобы прикрывать реально действующую фигуру первого вице-генерал-губернатора, которым стал Ле Тят.

Этот бывший тайшон смог на практике доказать, что он не только является талантливым полководцем, но и обладает качествами способного политика, умеющего быстро адаптироваться в незнакомой для него обстановке Севера и эффективно решать самые деликатные и сложные административные и хозяйственные проблемы. Все это наглядно проявилось в период пребывания Ле Тята в Тханьхоа и Тханьбине, куда он был послан в 4-м месяце 1808 г. как для подавления горских восстаний, воз-

главляемых местными князьями, так и на случай необходимости вмешательства в дела Бактхани. Очутившись на Севере, этот опытный военачальник неожиданно проявил качества «миротворца», стремящегося по возможности избегать вооруженных конфликтов и улаживать спорные вопросы путем соглашений. Приехав в Тханьхоа, он приказал местной администрации горных районов вызвать для переговоров вождей восставших и щедро одарил 35 князей, изъявивших свою покорность. Лишь против «мятежного» Куать Тат Тхука была организована военная экспедиция, но тот сжег свои лагерь и ушел в горный Шонам.

Из дружин покорившихся князей Ле Тят предложил создать регулярные воинские части, но эта идея не нашла поддержки в Фусуане, и Тхе то ограничился предоставлением почетных чиновничьих должностей 13 горским феодалам. Однако Ле Тят настоял на пожаловании должностей еще 60 князьям [20, с. 377—378]. Методы борьбы с восстаниями, использованные Ле Тятю в Тханьхоа и Тханьбине, были взяты императором за образец. Начиная с 8-го месяца 1808 г. Тхе то приказал применять их в Бактхани, что сразу же дало значительный эффект [20, с. 394]. Двухмесячное пребывание Ле Тята в Тханьхоа и Тханьбине способствовало активизации там частнопредпринимательской деятельности: в 7-м месяце 1808 г. три китайца получили разрешение на открытие серебряных копей в тяу Лянг-тянь [20, с. 389].

Все это дало императору возможность считать Ле Тята именно тем человеком, который наиболее способен взять на себя выполнение сложнейших задач по преодолению кризиса в Бактхани. И хотя Тхе то не мог сразу же дать бывшему тайшону такую ответственную должность, какой была должность генерал-губернатора, но именно Ле Тятю, учитывая его ум, активность и соответствие политических установок воззрениям самого императора, предназначалась ведущая роль в новой администрации.

Вторым вице-генерал-губернатором, в определенной мере для «сдерживания» «реалиста» Ле Тята, был назначен «традиционалист» Фам Ньи Данг, сподвижник Нгуен Ван Тханя, но более осторожный и никогда не помышлявший об открытом сопротивлении своему государю.

В таком сбалансированном виде («престижный» начальник, деятельный «реалист» и «сдерживающий» его «традиционалист») была составлена в начале 1810 г. высшая бактханьская администрация, которой предстояло решать сложнейшие социально-политические и социально-экономические проблемы, доставшиеся в наследство от деятелей «традиционалистов».

Важнейшими задачами, поставленными императором перед вновь назначенными чиновниками, являлись стабилизация экономического положения, полное подавление антиправительственных восстаний в Бактхани. В связи с последним обстоятельством

вом новой администрации вручались исключительные военные полномочия: право немедленного суда и расправы над всеми солдатами и офицерами вплоть до фотыонга [21, с. 64].

До конца 1810 г., пока в рамках высшего бактханьского управления «реалисты» сосуществовали с «традиционалистами», присланные из Фусуана чиновники направляли основные усилия на укрепление своих административных и военных позиций, а также на решение самых неотложных экономических, социальных и оборонно-пограничных проблем. В этот период они не предпринимали решительных наступательных операций против крупных сил восставших, сосредоточенных в укрепленных базах, расположенных в горных и лесистых районах, а ограничивались подавлением мелких восстаний, редко вспыхивающих в этот период в долинной зоне и не представляющих серьезной угрозы для властей.

После отзыва из Тханглаунга высших военных чиновников были заменены управляющие двух бактханьских отделов, военного и юстиции, а также назначен новый губернатор в Хайзыонг [21, с. 65].

Продолжалась смена высшего военного командования [21, с. 65]. Менялись и сами воинские части: в конце 1-го месяца 1810 г. в Бактхань направились 2 тыс. солдат Нгеана и Тханьхоа [21, с. 65]. Новое военное руководство формировало также из малочисленных воинских подразделений, откуда бежала большая часть солдат, боееспособные единицы и назначало в них командирами своих доверенных людей [21, с. 71]. Ле Тят вводил в армии железную дисциплину [21, с. 64].

Однако «традиционалисты» из числа бывших бактханьских управляющих даже из Фусуана старались влиять на развитие событий в Тханглаунге: по их настоятельным просьбам туда в ряде случаев назначались рекомендованные ими военные чиновники среднего уровня [21, с. 69].

Чтобы смягчить последствия экономического кризиса 1809 г., новая администрация начала проводить политику значительного сокращения государственных расходов, экономя на всем, вплоть до содержания заключенных: в 6-м месяце 1810 г. в связи с засухой из тюрем Бактхани были выпущены 30 «преступников», виновность которых была сомнительна [21, с. 77]. При этом некоторые мероприятия, предпринятые в целях экономии, носили ярко выраженный социальный характер: в 5-м месяце 1810 г. «в связи с голодом» на Севере были отсрочены провинциальные экзамены [21, с. 73]. Новое руководство добилось также императорского разрешения раздать голодающему населению Киньбака, Хайзыонга, Иенкуанга и Нижнего Шоннама зерно, в связи с чем в 3-м месяце 1810 г. с государственных складов было выдано 5 тыс. фыонгов риса. Кроме того, было набрано население на работы по дренажу реки Тхиендык в Киньбаке, а также для расчистки заросшей джунглями «дороги послов» в Лангшоне. Взятых на работу крестьян должны были бесплатно

кормить. Для этого власти предоставили 3 тыс. фыонгов очищенного риса [21, с. 69].

Предпринимались также меры для облегчения положения недоимщиков. При сборе поземельных налогов в 1810 г., взимаемых обычно зерном, было разрешено вносить задолженности деньгами, причем по низкой стоимости риса: 1 куан за 1 хок [21, с. 92].

Экономические трудности Бактхани, разоренной в период восьмилетнего «правления» «традиционалистов», усугублялись необходимостью отправлять огромное количество денег и риса в столицу. Так, в 3-м месяце 1810 г. из Бактхани было вывезено 200 тыс. куанов денег [21, с. 70], а в 9-м месяце того же года было приказано выделить из центральных хранилищ в Тханглаунге, провинциальных складов в Верхнем и Нижнем Шоннаме, а также из магазинов форта Нонгзынг зерно, собранное в качестве налогов за 1810 г., очистить 700 тыс. фыонгов риса и отправить в Фусуан [21, с. 92]. Между тем, по данным местными чиновниками в столицу в конце 11-го месяца 1810 г. сведениям, «в четырех (из пяти „внутренних“.— *А. Р.*) провинциях: Нижний Шоннам, Верхний Шоннам, Хайзыонг и Киньбак из-за бандитов (т. е. антиправительственных восстаний.— *А. Р.*) в 1808 г. были разорены 358 общин (са) и деревень (тхон), задолженностей государству осталось еще много» [21, с. 99]. И хотя император полностью простил недоимки за 1810 г., а взимание недополученных казной налогов за прошлые годы, начиная с 1807 г. и ранее, отложил на будущее [21, с. 99], экономическое положение в Бактхани к концу 1810 г. продолжало оставаться тяжелым.

Дороговизна риса была вызвана также значительным сокращением масштабов и интенсивности торговых операций, в определенной мере являвшегося результатом огромного дефицита денег — следствие общей политики «традиционалистов», направленной на натурализацию экономики, в частности на значительное сокращение добычи ценных и полезных металлов, в особенности путем частнопредпринимательской деятельности в горнорудном деле. Стремясь всеми способами ослабить острый экономический кризис и получить максимально быструю, «сиюминутную» выгоду — увеличить интенсивность торгового оборота и хотя бы временно и в небольшой степени сбить цены на рис, новая администрация вынуждена была принять чрезвычайные меры в сфере денежного обращения и сознательно прибегнуть к порче монеты, что впоследствии грозило инфляцией. Поставленные в безвыходное положение, бактханьские власти добились в 6-м месяце 1810 г. от императора разрешения в связи с «нехваткой меди» отливать деньги из смеси железа с оловом. При этом устанавливались лишь размеры монет и вес связки в 1 куан, равный 2 канам (1 кг 10 г) [21, с. 79]. Государственные органы не контролировали качество выпускаемой монеты, что быстро привело к «стиранию» денег и их обесце-

нению. В то же время частное предпринимательство в сфере производства монеты достигло своего апогея.

Новая администрация также поощряла частную инициативу в разработке горных рудников. В то же время государственные производства закрывались, что вызывало большое недовольство «традиционалистских» лидеров. Так, в 3-м месяце 1810 г. была прекращена выдача средств горскому князю Ма Ши Чатю, который должен был получать 28 куанов за 100 кан (60 кг 450 г) красной меди, добытой в Тулонге. Князь умудрился сделать эти богатые копи убыточными для государства, и специальный чиновник из Тханглаунга был направлен в Туиенкуанг с целью взыскать с него задолженность медью в соответствии с количеством затраченных казенных денег [21, с. 70].

Эта акция «реалистов» не осталась без ответа со стороны вождей враждебной партии. В 10-м месяце того же года находящийся в это время в Фусуане Нгуен Ван Тхань подал императору доклад, в одном из пунктов которого сетовал на прекращение добычи меди на «самых больших в Бактхани тулонгских рудниках». Объявляя именно их закрытие единственной причиной нехватки денег, он настаивал на немедленном возобновлении поставок меди из Тулонга [21, с. 95]. По-видимому, Тхань просил Тхе то вновь поручить разработку рудников в Тулонге Ма Ши Чатю. Действительно, предложение лидера «традиционалистов» могло быть в тех условиях осуществлено только в том случае, если бы организация производства на медных коях была вменена в обязанность одному из могущественных горских князей, ибо только у них имелаась возможность обеспечить безопасность работы рудокопов и рудных мастеров в Туиенкуанге.

Что же касается имеющих средства частных предпринимателей из числа китайцев и вьетнамцев «внутренних» провинций, то они не могли быть уверены в сохранении своего имущества и даже жизни в тех «беспокойных» горных районах, где были расположены тулонгские рудники. Поэтому после обсуждения предложения Тханя высшими фусуанскими чиновниками медные копи в Тулонге были вновь переданы Ма Ши Чатю, который должен был там организовать производство с условием «уплаты налога по правилам» [21, с. 95—96].

Что же касается более «освоенных» районов, то там «реалисты» широко использовали в горнорудном деле частную инициативу. В соответствии с указанием императора местные провинциальные чиновники начиная с 12-го месяца 1810 г. стали привлекать в своих провинциях частный капитал для выплавки металла, необходимого для чеканки денег. В Хайзыонге сам вице-губернатор заключил договор с предпринимателями, которые вложили средства в добычу и выплавку цинка. Условия их деятельности были оговорены лишь ежегодным налогом в 720 кан (435 кг 240 г) этого металла с каждой плавильной печи [21, с. 103].

Вероятно, расширению частного предпринимательства в горнорудном деле способствовал отъезд в начале 12-го месяца 1810 г. в Фусуан последнего «традиционалиста» из числа высших бактаханских чиновников — Фам Ньи Данга [21, с. 99]. Будучи в окружении чиновников-«реалистов» как в изоляции и в связи с этим не имея возможности в период своего годичного пребывания на посту второго вице-генерал-губернатора вносить новые проекты консервативных начинаний, Данг направил всю свою энергию на отстаивание неукоснительного соблюдения некоторых уже изданных указов. Эти указы «в идеале» должны были воспрепятствовать «незаконному» обогащению экономически могущественных социальных слоев, но очень часто нарушались, более того, такое нарушение на практике воспринималось как норма. Разгневанный этими уже устоявшимися «порочками», ригорист Фам Ньи Данг в 4-м месяце 1810 г. сообщил императору о том, что многие конфискованные в казну земли в Киньбаке, Шонтае и Каобанге, будучи в действительности обрабатываемыми, укрываются от налогообложения [21, с. 72]. Эта инвектива была направлена в первую очередь против помещиков, так как преимущественно у них были средства подкупать соответствующие фискальные органы и заставлять их закрывать глаза на многочисленные «нарушения». В столице не могли не отреагировать на этот доклад, ибо конфискованные земли являлись «непосредственно управляемыми государством», налоги с них были большими и должны были взиматься особенно строго. Поэтому динь тханы решили очень сурово наказать нарушителей: взяли с них штраф в размере налогов за весь срок эксплуатации захваченных земель, а не как обычно, за три года. Это объясняется тем, что «самовольный» захват конфискованных казенных земель без уплаты налогов представлял особо тяжкое преступление. Кроме того, в связи с тем, что государственные чиновники должны были следить за этими землями особенно пристально, сделать это было значительно труднее, чем без уплаты налогов покуситься на необрабатываемые общинные или частные земли. Поэтому если помещики могли «незаконно» пользоваться непосредственно управляемыми казенными землями, то можно себе представить, как реально ими эксплуатировался фонд пустующих общинных и частных земель в Бактахани.

Вряд ли их доходы существенно пострадали в результате изданного в качестве уступки «традиционалистам» императорского указа от 10-го месяца 1810 г. о штрафе укрываемых от налогообложения земель в размере суммы трехгодичных налогов и передаче этих земель другим владельцам и держателям [21, с. 96]. Вплоть до конца первого десятилетия XIX в. известен лишь один случай доноса на укрываемые от налогообложения поля, налоги с которых присваивал староста. С владельца были взысканы трехгодичные налоги, старосте дали 100 палок, с обоих взяли по 3 куана за каждое мау в пользу доносчика [21,

с. 316]. После Фам Ньи Данга в активную борьбу с помещиками в Бактхани вступил лишь Нгуен Конг Чы. Но это было уже только в 1828 г. [70, с. 282], когда после смерти Ле Тята на Севере снова стал реально проводиться «традиционалистский» внутривнутриполитический курс.

В последний год присутствия «традиционалистов» среди высших управляющих Бактхани в ее аграрную структуру еще пытался вмешиваться находящийся в Фусуане Нгуен Ван Тхань. В одном из пунктов доклада, поданного им в 7-м месяце 1810 г. императору, внимание Тхе то обращалось на необходимость изыскания средств к улаживанию конфликтов, возникающих в связи с появлением и исчезновением наносных земель по берегам рек в Бактхани. Император передал этот вопрос на обсуждение высших чиновников, но ответа от них не последовало [21, с. 81—82]. Впоследствии Нгуен Ван Тхань так и не смог добиться от Тхе то императорского указа по этому поводу. Вследствие этого он не сумел разъяснить эту спорную ситуацию и в своем юридическом кодексе от 1812 г. В то же время в Китае существовал на этот счет цинский указ: потерпевшие подавали доклад и их наделяли наносными землями ниже по течению [41, с. 432]. Сильвестр объясняет отсутствие соответствующего положения во вьетнамском юридическом кодексе тем, что данный вопрос считался «естественно урегулируемым верховным правом государства на все старые земли и тем более — на все земли, рассматриваемые как новые...» [183, с. 281]. Однако есть основания считать элиминирование данного положения в официальном вьетнамском праве, напротив, нежеланием властей вмешиваться в частноправовые отношения даже при наличии возможности возмещения потерь прибрежного населения за счет соседних земель. Ведь в других случаях при возможности «естественно урегулировать» проблему вьетнамский кодекс точно воспроизводил соответствующие указы верховной власти. Это свидетельствовало о стремлении новой администрации не вмешиваться в сферу экономического и социального господства помещиков, что являлось характерной чертой внутривнутриполитического курса «реалистов».

Новая администрация в 1810 г. стала более энергично применять регулярные войска для борьбы с антиправительственными выступлениями, что дало возможность «реалистам» быстро подавить небольшие и немногочисленные восстания в долинных районах Бактхани: во 2-м месяце — в Верхнем Шоннаме [21, с. 66] и в 8-м месяце — в Шонтае [21, с. 84]. В последнем случае регулярные части навели на след повстанческих вождей местные жители уезда Танзой, получившие за это унтер-офицерские должности и крупные денежные награды.

Более затяжные военные действия против восставших шли в это время в предгорных и горных районах Тхайнгуена (во 2-м месяце [21, с. 66] и 10-м месяце 1810 г. [21, с. 92—93]) и Киньбака (с 7-го месяца [21, с. 82] по 10-й месяц 1810 г. [21,

с. 93]). В Тхайнгуиене повстанцы сначала захватили крепость и убили офицеров, потом, перехитрив самого губернатора, лично принявшего участие в карательной экспедиции, ушли от преследования. В Киньбаке вождь Лиен через 3 месяца после своего первого поражения был разбит вместе со своими сподвижниками, схвачен и убит местными жителями, возглавляемыми начальником уезда Иентхе. Последний стал начальником округа, а его люди получили унтер-офицерские должности и деньги.

Для стабилизации ситуации в горных районах Ле Тят решил провести «чистку» горских князей, получивших ранее от центральных властей Бактхани дипломы, удостоверяющие их официальное положение. Были составлены новые списки вождей (фу дао) в шести «внешних» провинциях [21, с. 71—72]. Пересмотру подвергались как дипломы, предоставленные лично Тхе то в период его пребывания в Бактхани в 1802—1803 гг., так и документы, выданные позднее. Вместо тех, кто был заподозрен в пособничестве восставшим, должны были «назначаться» полностью лояльные князья.

Стремясь также полностью покончить с морским пиратством в заливе Бак бо, новые власти Бактхани первоначально попытались собственными силами организовать морскую экспедицию против пиратов. Однако вскоре они выяснили, что «военные корабли в [Бак] тхани за долгие годы сгнили» [21, с. 74]. Такова была забота «традиционалистской» администрации в течение 8 лет о безопасности и обороноспособности морских границ Бактхани.

В итоге новым бактханьским управляющим пришлось просить военный флот из столицы. В ответ на их просьбу на Север были посланы 20 военных кораблей и 500 солдат морской пехоты, которые разместились около форта Нонзянг в Хайзыонге, где были расположены склады с продовольствием. В 5-м месяце 1810 г. большая вьетнамская флотилия и военные силы Гуандуна и Гуанси начали совместную карательную экспедицию по уничтожению пиратов в Южно-Китайском море. Через месяц с ними было покончено, и корабли вернулись в свои порты [21, с. 74—75].

В 12-м месяце 1810 г. последние китайские и вьетнамские пираты, в течение длительного периода тревожившие своими набегами территорию Бактхани, по требованию вьетнамских официальных властей, которым их осведомители — китайские купцы — сообщали о пребывании пиратов в Гуандуне, были выданы цинскими чиновниками и казнены в Тханглаунге [21, с. 100].

Ободренный этими успехами, Ле Тят начал готовиться к решительному наступлению на укрепленные позиции повстанцев в предгорных и горных районах, расположенных вблизи самых важных «внутренних» провинций — Верхнего и Нижнего Шоннама. От степени спокойствия в этих провинциях в наибольшей мере зависела прочность власти новой администрации во всей

Бактхани, и потому ликвидация постоянной угрозы нападения на них являлась первоочередной задачей «реалистов».

Однако, когда Ле Тят стал готовить силы для крупной карательной операции, Нгуен Ван Тхань, пристально следивший из Фусуана за действиями новой бактханьской администрации и продолжавший номинально оставаться главнокомандующим расположенной в Тханглаунге Передней армии, принялся настаивать на том, чтобы вернуть часть войск в столицу на отдых.

В итоге ему удалось в 10-м месяце 1810 г. убедить императора отозвать в Фусуан 1350 солдат из 2900 воинов Передней армии [21, с. 96].

Но это не остановило бывшего тайшона, и когда в 12-м месяце 1810 г. последний «традиционалист» из числа высших бактханьских чиновников Фам Нь Данг был назначен на одну из самых почетных должностей управляющего ведомством обрядов и покинул Бактхань, Ле Тят в качестве кынь люока (чрезвычайного императорского уполномоченного) двинулся во главе мощного экспедиционного корпуса, костяк которого составляла набранная в Нгеане и Тханьхоа армия Тхан шать [29, с. 225], в те районы Верхнего Шоннама, которые являлись объектом нападения повстанцев, действующих из горной зоны Хоаньшона [29, с. 225] и, в частности, из шонтайского Милыонга [21, с. 108].

В начале 1811 г. обстановка в Верхнем и отчасти в Нижнем Шоннаме была сложной. В связи с тем, что в некоторые уезды этих провинций уже были посланы офицеры усмирять голодные бунты [21, с. 107], новые войска должны были действовать там с большой осторожностью.

Перед началом военных действий Ле Тят привел в исполнение смертный приговор в отношении тех чиновников и представителей «знатных» родов Бактхани, которые были замешаны в связях с восставшими, осуждены на казнь, но в течение длительного срока содержались в тюрьме «традиционалистами», боявшимися «излишней жестокостью» восстановить против себя культурную элиту Севера. Среди казненных были племянник одного из видных «традиционалистов» — Данг Чанг Тхьонга; друг Ле Кюи Киета — сына Ле Кюи Дона; разжалованный чиновник, поэт и знаток классических книг и лишь один офицер [29, с. 174—176, 211, 213, 225]. Всем им были отрублены головы [29, с. 225].

Прибыв в верхнешоннамский округ Ынгтхиен, Ле Тят распорядился построить там крепость, ставшую его штаб-квартирой. Боевые действия открылись в начале 1811 г. Сперва Ле Тятю не повезло: его авангард попал в засаду и был окружен в уезде Хоайан. Один из офицеров бежал, трое погибли. Ле Тят немедленно казнил беглеца для «предупреждения армии» и поручил губернатору Верхнего Шоннама двинуться к горам через уезд Тьонгдык. В состоявшемся там сражении войска губернатора разгромили восставших, захватили пленных и получили

большую денежную награду [21, с. 109]. Фан Тхук Чык расценивает сражение, выигранное в округе Ынгтхиен, как «большую военную победу» Ле Тята [29, с. 227]. Кроме того, он сообщает, что новый вице-генерал-губернатор приказал мобилизовать население одного нижнешоннамского (Кюинькой) и четырех верхнешоннамских (Хоайан, Тьонгдык, Тиенлы, Фузунг) уездов для расчистки в джунглях проходов, обеспечивающих доступ к горным базам повстанцев. Прокладывание главной дороги, ведущей прямо в центр контролируемой восставшими территории — горный хребет Хоаньшон, — Ле Тят смело поручил недавнему участнику антиправительственных выступлений, перешедшему на сторону официальных властей.

По обычаям «реалистов», бывший тайшон не боялся рисковать и доверять «новым» людям. Как показали дальнейшие события, риск этот себя оправдал. Тхай, как звали перебежчика, с большим старанием выполнял порученное ему задание. Прокладка пути к базам восставших была начата. Рядом с контролируемой ими территорией возникла цепь фортов. Довольный Ле Тят доверил Тхаю командование одной из частей во время ведения военных операций [29, с. 226]. Кроме Тхая Ле Тят приблизил к себе и назначил на административную должность северянина Данг Динь Хоа, храбро сражавшегося еще с тайшонами и потерявшего в этих сражениях руку [29, с. 226]. Таким образом, в отличие от Нгуен Ван Тханя Ле Тят стремился опереться не на культурную элиту Бактхани, а на военных, которые сразу же оказали ему решительную поддержку.

Результатом военной экспедиции в верхнешоннамский округ Ынгтхиен стала не только полная победа правительственных войск над повстанцами в уезде Тьонгдык, хотя и она тоже была очень важна для Ле Тята, ибо продемонстрировала боевое мастерство нового военачальника, его решимость во что бы то ни стало добиться своей цели. Основным значением похода нового вице-генерал-губернатора явились переход от оборонительной тактики к наступательной и последовавший вслед за этим решительный перелом в ходе борьбы правительственных войск с восставшими.

Ведь ранее «традиционалистская» администрация, отражая нападения повстанцев, всегда представляла собой обороняющуюся сторону, реагировала только на конкретные наступательные действия противника и сразу же успокаивалась после их нейтрализации. Нгуен Ван Тхань никогда не предпринимал серьезных попыток радикально покончить с оппозиционным движением, ибо у него не было для этого ни сил, ни желания (вспомним его боязнь восстановить против себя сочувствующую повстанцам северную элиту).

Ле Тят же, перейдя в наступление, сразу добился значительных успехов на пути к полному подавлению антиправительственных выступлений: повстанцы были изолированы в горном районе Хоаньшона, контролируемая ими территория постепен-

но сокращалась вследствие дальнейшей прокладки дорог и строительства новых фортов.

Долго держаться в таких условиях вблизи основных «внутренних» провинций дельты — Верхнего Шоннама и Нижнего Шоннама — восставшие не могли. Вскоре должно было начаться их бегство из района Хоаньшона, которое внешне, особенно на первых порах, могло быть принято за дальнейшую активизацию наступательных действий.

Ле Тят мог позволить себе концентрировать значительные военные силы в предгорьях Хоаньшона, ибо в долинных районах Бактхани в 1811 — первой половине 1812 г. было относительно спокойно. Вооруженных выступлений там не было ни в одной «внутренней» провинции. В Нижнем Шоннаме власти арестовали и бросили в тюрьму одного хао мука, которого обвиняли в намерении захватить провинциальный центр Вихоанг. Однако вся его вина состояла в том, что он сделал деревянный колокол, положил его в реку, а затем стал убеждать чиновников в том, что там находится дух, и настаивал на соблюдении ими поста и чтении молитв [29, с. 237—238].

В горных провинциях восстаний в 1811 — первой половине 1812 г. было немало. В 12-м месяце 1811 г. в Туиенкуанге бежавший из Шонтая Ма Зань Кук изъяс содержимое провинциального склада, а затем заставил сдать военного управляющего округом [29, с. 235]. В Лангшоне в том же, 12-м месяце 1811 г. было совершено нападение на форт. В результате погиб офицер [21, с. 138]. Тогда же вождь Хоанг Ван Тхай в Туиенкуанге атаковал форт Тулонг, но Ма Ши Чать разгромил Тхая, взял пленных и оружие [21, с. 138]. Кроме того, в глухих горных районах западного края шла борьба горских князей из Хынххоа и Тханьххоа [21, с. 129].

«Реалисты» не имели возможности обращать много внимания на эти стычки на национальных окраинах, ибо старались облегчить все еще остающееся очень тяжелым материальное положение остальной массы податного населения в долинных районах Бактхани и осуществляли мероприятия, дающие возможность вывести из кризиса прежде всего аграрную экономику.

В 1-м месяце 1811 г. в Шоннаме, как уже отмечалось, был голод, вызвавший массовые восстания [21, с. 107].

В 1-м и 2-м месяцах 1811 г. сумма недоимок в Бактхани была столь велика, что чиновники Тханглаунга просили у императора разрешения наказать уездных должностных лиц [21, с. 107]. В 3-м месяце 1811 г. в Бактхани было объявлено о засухе [21, с. 113], в 6-м месяце — о том, что давно не было дождя [21, с. 122]. В 11-м месяце 1811 г. в результате прорыва дамб на реке Ньи ха (Красной реке) было разрушено много домов [21, с. 135].

В связи со всеми этими бедствиями население Бактхани получило следующие облегчения налогового и повинностного бре-

мени: в 1-м месяце 1811 г. в шести «внешних» провинциях преступники были освобождены от ссылки и оставлены в своих провинциях, дабы иметь возможность кормить семьи [21, с. 107]; в 5-м месяце 1811 г. поземельные налоги за 1811 г. были снижены в соответствии с площадями «выгоревшей» земли, а недоимки власти разрешали вносить деньгами из расчета 9 тие-нов (а не 1 куан, как ранее) за хок; тягловому крестьянству были частично облегчены повинности, к которым стали привлекать осужденных преступников, трудившихся на строительстве дорог [21, с. 119]; в 6-м месяце в Бактхани, как и на всей территории империи, кроме Зядини, в связи с засухой было отложено взимание 20% поземельных налогов за 1811 г. [21, с. 122]; в 7-м месяце 1811 г. правительство отдало приказ заготовить в Бактхани для отправки в столицу из запасов зимнего урожая 600 тыс. фыонгов очищенного риса, т. е. на 100 тыс. фыонгов меньше, чем в 1810 г. [21, с. 92, 123]; в 10-м месяце 1811 г. в случае стихийных бедствий было разрешено выдавать рис голодающим с государственных складов, не дожидаясь разрешения из Фусуана [21, с. 132—133].

Кроме того, выделялись значительные средства для найма крестьян, строящих дамбы (в 11-м месяце 1811 г.— 47 тыс. куанов [21, с. 135]) и роющих каналы (в 11-м месяце 1811 г.— 6 тыс. куанов [21, с. 136]).

В результате постоянного и неуклонно проводимого новой администрацией «реалистов» курса на снижение уровня государственно-феодальной эксплуатации основной массы тяглого населения путем уменьшения налогового бремени и сокращения общего объема повинностей к середине 1812 г. кризисная ситуация в Бактхани была ликвидирована: голод кончился, за дамбами стали следить, результаты стихийных бедствий почти не ощущались. Показателем этого явился приказ Тхе то, отданный в связи с длительной засухой в 4-м месяце 1812 г. На основании этого указа и в связи со стихийным бедствием в Центре поземельные налоги в 1811 и 1812 г. снижались на 30—40%. В Бактхани же, как и в Зядини, они сократились лишь на 20% [21, с. 149].

Если в аграрной области сокращение государственно-феодальной эксплуатации довольно быстро дало положительный результат (прекращение восстаний в долинных районах), то в сфере неземледельческой экономики дела обстояли значительно хуже. Особенно сложным было положение на горнорудных промыслах, расположенных, как правило, в зоне периодически вспыхивающих горских восстаний. В этих районах частные предприниматели не имели возможности защитить себя и своих рабочих от насилия со стороны местных князей и потому вынуждены были уступать им эксплуатацию наиболее богатых и доходных месторождений. Как было показано выше, медные копи в Тулонге монополизировал Ма Ши Чать, который мог наводить там порядок, подавлять волнения, но не имел возможно-

сти наладить прибыльное производство. Регулярное поступление налогов ценными и полезными металлами в казну нередко обуславливалось признанием со стороны государственной администрации власти того или иного влиятельного вождя. Ма Ши Чать был фигурой весьма характерной. Во 2-м месяце 1811 г. администрация провинции Туиенкуанг вынуждена была поручить добычу серебра в тяу Дайман тоже горцу — бывшему начальнику тяу Ма Зоань Диену, обязавшемуся поставлять в год небольшое количество серебра — 560 лангов (20 кг 889 г), получаемых с 280 плавильных печей [21, с. 108]. По-видимому, остальной добываемый ценный металл продавался на вьетнамских или китайских рынках.

Что же касается предпринимателей как китайского, так и вьетнамского происхождения, то в период 1811 — первой половины 1812 г. они часто прекращали добычу ценных металлов и полезных ископаемых в горных районах Бактхани. Так, в 3-м месяце 1811 г. был закрыт ряд золотых приисков, прекращена добыча серы и селитры в Хынгхоа и Тхайнгуиене [21, с. 115], в 6-м месяце 1812 г. остановилось производство на некоторых серебряных копях в Тхайнгуиене и железных рудниках в Шонтае [21, с. 156].

Таким образом, в силу сложившихся обстоятельств, важнейшим из которых было продолжение восстаний в горных районах, частные предприниматели в горнорудной сфере не смогли в 1811 — первой половине 1812 г. откликнуться на призыв «реалистов» расширить инициативу в области добычи ценных и полезных металлов, а также других, столь нужных вьетнамской промышленности ископаемых.

Особенно ощущалась острая нехватка металлов для изготовления денег. Пожалуй, лишь разработка цинковых рудников, находящихся не в столь отдаленных районах, велась более или менее активно, что и определило дальнейшее направление государственной политики в сфере производства монеты.

Налаживанию постоянного выпуска мелких металлических денег в таком количестве, которого было достаточно для нужд растущей торговли, придавал очень большое значение сам император. В связи с этим он направил в Тханглаунг своего уполномоченного — начальника налогового управления (кай ба) столичной провинции Куангдык Ли Зя Зу, которого назначил управляющим бактханьским монетным двором и всеми медными и цинковыми рудниками на Севере. В Бактхани Ли Зя Зу не впервые тесно столкнулся с Ле Тятюм. В качестве советника он сопровождал этого полководца во время похода на Тханьбинь в 1808 г. [20, с. 375]. Взгляды Ли Зя Зу на решение проблемы насыщения рынка монетой отчетливо проявлялись в том же докладе, который он послал императору после выяснения состояния дел на бактханьском Монетном дворе.

Сообщив о том, что в период правления династии Ле на Монетном дворе было три непрерывно работающих литейни, в

связи с чем денег выпускалось в избытке, Зу, как это и полагалось, обвинил в нарушении правильного производства монеты Тайшонов, которые «отливали [монету] не по правилам, денег с каждым днем становилось все меньше, рис был дешев, а множество народа голодало, материя была дешевая, а много людей страдало от холода» [21, с. 116]. Основной недостаток современного ему производства денег Ли Зя Зу увидел в том, что при частном литье монеты выгоду получили те ремесленники и предприниматели, которые имели много средств, ибо могли дешево покупать большое количество меди и цинка. Небольшие же порции металла стоили дороже и покупающие их небогатые ремесленники не могли выдержать конкуренцию. При этом Ли Зя Зу свидетельствует не только о значительной имущественной дифференциации предпринимателей и ремесленников, специализирующихся на литье монеты, но и о высокой концентрации капитала в монетном деле. Это явствует из его сообщения о том, что «имеющих средства — мало, а не имеющих — много» [21, с. 116]. В качестве фактора, препятствующего активному включению множества ремесленников в процесс производства денег, Зу указывал также на мошенничество и вымогательство должностных лиц и секретарей во время обмена вновь изготовленной монеты на старую, казенную. В связи с этим императорский уполномоченный предлагал запретить арендаторам рудников и купцам частную продажу добываемого металла ремесленникам и предпринимателям, занимающимся литьем монеты. Отныне они должны были по твердой цене продавать весь добытый металл государству, а литейщики — покупать у него этот же металл по такой же твердой цене.

Напуганный монетным дефицитом и стремясь испытать все возможные средства для того, чтобы скорее ликвидировать нехватку денег, Тхе то одобрил это предложение, и частная торговля медью, цинком, свинцом и оловом была запрещена. Нарушители наказывались, их товар конфисковывался. Широко использовались доносчики, получавшие половину конфискованного металла [21, с. 116—117]. По детализованным в 1-м месяце 1812 г. правилам наказаний за частную продажу меди и цинка нарушители получали 70 ударов палками. Кроме конфискованного металла с них взималась еще и его стоимость в денежной форме. В случае доноса металл поступал государству, деньги — доносчику. При совершении незаконной купли-продажи продавец терял деньги, покупатель — металл. В том случае, если один из них сознавался, то он ничего не терял; и металл и деньги брали с того, кто не сознался. Лица, обладающие запасами меди и цинка, в течение одного месяца должны были продать их государству по установленным ценам. Не сдавшие металл в срок наказывались по правилам о частной торговле. Особо предусматривалось наказание за провоз частного металла на государственных кораблях [21, с. 141—142]. По указу от 4-го месяца 1811 г. купцы и арендаторы рудников, продававшие ме-

талл государству, поощрялись: провозимый ими товар освобождался от таможенных пошлин.

Бактханьский Монетный двор был расширен. Государственные органы всячески поощряли ремесленников заниматься отливкой монеты. Казной была установлена шкала цен для покупки металла у купцов и арендаторов рудников. В соответствии с этой шкалой медь, цинк, олово и свинец соотносились друг с другом как 35 : 30 : 24 : 11,5 [21, с. 116—117]. Сравнительно незначительное отличие стоимости ценной меди от быстро стирающегося цинка привело к тому, что купцы старались продать государству именно цинк, за который казна расплачивалась медной монетой. Возможно, что в условиях острого монетного дефицита такая мера какое-то время могла быть не только возможной, но и необходимой, ибо следовало насытить рынок деньгами любыми способами. Однако эта мера могла быть допустимой только при наличии сильной власти в стране, способной поддерживать номинальную цену дешевых цинковых денег, и устойчивой экономики, иначе финансам грозила двойная система цен, тезаврация и исчезновение меди из оборота. Так как впоследствии власть ослабла, а производство денег из цинка приняло гигантские масштабы и стало постоянным, то вьетнамским государственным деятелям не удалось сохранить чисто номинальную равноценность медной и цинковой монеты, и последующие кризисные явления в финансовой системе империи следует во многом возводить к принятой казной в 4-м месяце 1811 г. шкале цен металлов и докладу Ли Зя Зу. Неудача финансовой реформы правителя Дангчаунга, Во-выонга, закупившего из середины XVIII в. за границей белый цинк и выпустившего из него монету, имеющую хождение по принудительному курсу [70, с. 104—105, 113], не послужила уроком для правительства вьетнамской империи в начале XIX в. Как Во-выонг, так и Тхе то недооценивали влияние на обесценивание имеющих принудительный курс денег последствий возможного ослабления власти и экономического упадка при своих преемниках, что в обоих случаях привело финансовую реформу к катастрофе.

Монетное дело и связанное с ним денежное обращение были, пожалуй, одними из немногих экономических сфер, в которых бактханьским «реалистам» не удалось навести в начале 10-х годов XIX в. порядок. Это, по-видимому, объясняется тем, что им не дали возможности с самого начала принять кардинальные решения по важнейшим и сложнейшим финансовым вопросам. Верховная власть считала их находящимися в сфере лишь своей компетенции, в связи с чем всячески препятствовала вмешательству со стороны местных властей. Когда же решения императором были приняты, местным чиновникам уже трудно было коренным образом что-либо изменить. Можно было что-то подправить, частично улучшить, чем бактханьская администрация и занималась. Но это не давало значительного эффек-

та. Для достижения последнего необходим был полный пересмотр верховной властью первоначальных установок, принятых в денежной политике. Так радикально повлиять на императора бактханьские «реалисты» не могли. Это было связано не только с тем, что требовало от них больших затрат времени и сил, которые были необходимы для решения многочисленных проблем в самой Бактхани. Необходимо учитывать, что в столице в это время шла острая политическая борьба и осложнять в этих условиях свои отношения с императором Ле Тят, по-видимому, не хотел.

Действуя в соответствии с предписываемыми из Фусуана общими внутриполитическими установками, бактханьские «реалисты» начали в 1811 г. способствовать развитию внутренней торговли в крае. Первым их шагом в этом направлении явилась обращенная к императору просьба в 11-м месяце 1811 г. упразднить таможи, учрежденные в период правления династии Тайшонов в Каобанге и Тхайнгуене, оставив в этих провинциях только те торговые заставы, которые существовали при династии Ле.

Разрешение было получено, и в Каобанге местные власти упразднили по 5 таможен из 16 основных и 8 филиальных, а в Туенкуанге ликвидировали 5 из 7 филиальных таможен (12 основных остались в неприкосновенности) [21, с. 137]. Таким образом, поборы с купцов в Каобанге сократились на 31% на основных таможнях и на 61% на филиальных, в Тхайнгуене — на 71% только на филиальных.

В отношении кадров Бактхани позиции Тхе то и Ле Тята сходились в том, что необходимо выдвигать в административное управление новых людей, которые могли бы оттеснить чиновников, занимавших ведущее положение в период деятельности «традиционалистов». Однако подходы к решению этой проблемы со стороны императора и бывшего тайшона в значительной степени расходились.

Не считая образованных победителей экзаменационных конкурсов более способными к выполнению административных функций, чем большую часть своих старых сподвижников-южан, среди которых встречались даже неграмотные, Тхе то вынужден был учитывать то, что именно лауреаты пользовались традиционной поддержкой и доверием со стороны массовых социальных слоев Бактхани, из века в век привыкших видеть в лицах, владеющих книжной мудростью, обладателей чуть ли не сакрального знания. Использование этих настроений было очень важно для новой династии. Император полагал также, что включение части культурной элиты Бактхани в местный государственный аппарат будет способствовать отходу «знатных» родов от участия в антиправительственных восстаниях. Наконец, стремление назначить бактханьских лауреатов экзаменационных конкурсов в местный административный аппарат было, по-видимому, в определенной мере вызвано желанием оста-

вить их на Севере, не допуская в столицу и остальные части империи.

В связи с этим в 8-м месяце 1811 г. бактханские чиновники получили из Фусуана приказ назначить на вакантные должности начальников округов тех начальников уездов, которые беспорочно прослужили на Севере в течение многих лет. На свободные должности начальников уездов предлагалось назначать провинциальных лауреатов четырех туров (хьонг конг) экзаменационных конкурсов эпохи Ле [21, с. 126]. Вслед за этим провинциальным чиновникам и чиновникам «просвещения» на территории севернее Куангбиня предписывалось выдвигать на управленческие должности тех провинциальных лауреатов трех туров (шинь до) экзаменационных конкурсов 1807 г., за которых они могли поручиться [21, с. 126]. Как отмечают сами феодальные историки — составители официальной хроники «Правдивые записи о Дай Наме», император хотел «возвысить людей, которых зажимали» при Нгуен Ван Тхане, и с этой целью приказал бактханским тхам чи (начальникам центральных отделов) выдвигать на повышение «широко образованных» людей [21, с. 127]. В русле этих установок во 2-м месяце 1812 г. три хьонг конга эпохи Ле были назначены на должности провинциальных чиновников «просвещения» (чо зяо) в Верхний Шоннам, Киньбак и Шонтай [21, с. 144].

Ле Тят же активно выдвигал на повышение новых людей, отбирал их не из числа образованных чиновников и лауреатов, а также лиц, отличающихся «беспорочным» поведением и примерной службой, но среди деловых и энергичных «секретарей», способных администраторов, не опасаясь даже того, что в прошлом репутация некоторых из них была «запятнана».

Исходя из этих принципов, чиновники Бактхани просили императора в 11-м месяце 1811 г. назначить в провинции на должности тхы ки, кай ан и чи ба «секретарей» кау ке, тху хоп и ван хан из состава Передней и Правой армий [21, с. 135], а в 12-м месяце 1811 г. предложили пополнить должности налоговых сборщиков кай хюен и ки хюен, на которые, как известно, назначались состоятельные простолюдины [21, с. 140]. Сам Ле Тят просил Тхе то направить на работу в бактханскую администрацию Ле Дай Кыонга, разжалованного за «алчность и корыстолюбие», которые он проявил, будучи начальником биньдиньского уезда Туйвиен [21, с. 125].

Отстаивая деловой стиль работы, Ле Тят в кадровых вопросах отваживался сопротивляться распоряжениям, поступающим из Фусуана. Когда, например, в 6-м месяце 1812 г. из столицы пришел приказ отобрать для выполнения функций «властных учителей» (тонг зяо) образованных людей не моложе 50 лет, бактханские чиновники добились понижения возрастного ценза до 40 лет [21, с. 156—157].

Ле Тят деятельно привлекал новых людей в центральную администрацию Бактхани. В отделах финансов и юстиции в

1-м месяце 1811 г. были учреждены дополнительные должности тхем ши. Через некоторое время такими же должностями были пополнены военный отдел и Служба надзора за дамбами [21, с. 107].

Интенсивное обновление «реалистами» аппарата Бактхани на протяжении 1811 — первой половины 1812 г. позволяет считать, что к концу этого отрезка времени Ле Тят укрепил свою администрацию достаточно послушными его воле чиновничьим корпусом и секретарским составом, которые были способны в будущем более эффективно, чем раньше, решать сложные социальные и экономические проблемы, преодолевая последствия кризиса, вызванного правлением «традиционалистов».

Одновременно с постепенной стабилизацией ситуации в Бактхани наблюдаются первые признаки кризисных явлений в долинных районах Нгеана и Тханьхоа, где до той поры было спокойно. Кризис нарастал медленно, и поначалу последствия неурожая быстро и эффективно ликвидировались путем принятия срочных мер.

В конце 1808 г. в Нгеане был голод, в связи с чем в 12-м месяце местные чиновники просили разрешения отсрочить добор беглых солдат, рассмотрение мелких судебных конфликтов и взимание частных долгов. Император дал на это свое согласие, а также отложил сбор подушных и поземельных налогов за 1808 г. [20, с. 398]. В том же, 12-м месяце в Тханьхоа и Тханьбине «для удобства народа» было приказано взимать поземельные налоги 5-го месяца 1809 г. не рисом, а деньгами [20, с. 399].

Впрочем, уже во 2-м месяце 1809 г. из Тханьхоа пришло сообщение, что рисовые склады там, так же как и в Тханьбине, полны, в связи с чем местные чиновники настояли на строительстве новых зернохранилищ [21, с. 11]. В 11-м месяце 1809 г. в Нгеане также было построено 5 новых рисовых складов [21, с. 44].

С конца 1810 г. нехватка продовольствия в Нгеане стала устойчивой. Срочно назначенный на пост вице-губернатора столичный чиновник Нго Нянь Тинь по приезде в провинцию в 1-м месяце 1811 г. подал императору доклад, в котором сообщил, что население Нгеана голодает и налоговых недоимок до 100 тыс. куанов и столько же хоков риса. Император «милостиво» отложил взимание недоимок на будущее [21, с. 105]. Однако Тинь стал засыпать императора многочисленными докладами с просьбами разрешить ему явиться на аудиенцию и лично рассказать о «страданиях народа». Наконец вице-губернатору было позволено приехать в Фусуан и в 7-м месяце 1811 г., представ перед императором, Тинь, по сообщению составителей официальной хроники, «высказал все о бедственном положении нгеанского населения» [21, с. 124]. Затем он попросил отсрочку недоимок рисом и деньгами не только за все прошлые годы, но и за 1812 г.

По-видимому, ситуация в Нгеане действительно становилась

катастрофической, ибо шла середина 1811 г., а Тинь уже программировал недоимки на 1812 г. Кроме отсрочки подушных и поземельных налогов Тинь просил императора заменить натуральные промысловые и ремесленные поставки денежными. Все его предложения были одобрены, и через месяц Нго Нян Тинь вернулся в Нгеан [21, с. 124]. В конце 1811 г. там продолжались отмены натуральных поставок, сокращения денежных податей [21, с. 133], а также упразднения подушных налогов с промысловиков [21, с. 138]. В связи с вызванным засухой снижением налогов по всей стране в 4-м месяце 1812 г. было объявлено о сокращении в Нгеане и Тханьхоа-Тханьбине налогов на 1811—1812 гг. на 20% [21, с. 149]. Все эти меры хотя и ослабили рост напряженности, но не смогли предотвратить взрыва социального возмущения, вылившегося в начале 1812 г. в восстание местного населения против государственных властей. Возможно, перерастанию скрытых дотоле общественных противоречий в вооруженную борьбу наряду с экономическим кризисом в Нгеане способствовало также и вытеснение Ле Тятом с начала 1811 г. части бактханьских повстанцев в более южные районы страны. Во всяком случае, вождь Нгуен Туан, под знамена которого собрались во 2-м месяце 1812 г. восставшие в двух нгеанских уездах Намдьонг и Донгтхань, пришел из более северной провинции Тханьхоа [21, с. 144].

Военный управляющий округом Зиентяу возглавил карательную экспедицию против повстанцев, но был разгромлен и убит. В сражении правительственные войска проявили чрезвычайно низкие боевые качества: они не хотели драться против своих земляков. Дабы избежать бактханьского варианта развития событий, император немедленно направил в Нгеан кинь лыком военачальника армии Тхан шать Чан Конг Лая, предоставив ему отборные воинские части. На помощь с полутысячью солдат был вызван военный управляющий Хачунгом, крепость Тхошон заняла тысяча столичных солдат [21, с. 144—145].

Нгеан был буквально наводнен войсками, и, пока они оставались там, «мятежники» не предпринимали вооруженных выступлений. Однако вскоре после того, как Чан Конг Лай и столичные солдаты вернулись в Фусуан, в 4-м месяце 1812 г. в провинции снова вспыхнул «мятеж». На этот раз восставшие объединились под лозунгом возвращения власти свергнутой династии Ле. Их возглавил пришедший также из Тханьхоа вождь Ле Зюи Фан, объявивший себя членом бывшего императорского рода. Губернатор Хоанг Виет Тоан атаковал «бунтовщиков» и захватил несколько восставших в плен [21, с. 151]. Однако антиправительственное движение не было разгромлено до конца, и напряженность в Нгеане в определенной мере сохранялась.

В долинных районах Тханьхоа после 4-го месяца 1807 г., когда восстание было быстро и жестоко подавлено местными чиновниками [20, с. 333], вплоть до середины 1812 г. вооруженных антиправительственных выступлений не было.

После получения Ле Тятон в 1808 г. гарантий вассальной верности по отношению к династии Нгуенов со стороны большей части горских князей в Тханьбине спокойно было и в этой провинции. По сведениям Фан Тхук Чыка, повстанцы лишь однажды совершили нападение на уезд Лактхо из горных районов Хоаньшона [29, с. 213]. Когда же в 1-м месяце 1810 г. Куать Тат Тхук и ряд других вождей, собравших восставших в шон-тайском Милыонге, с отрядом из тысячи своих сторонников готовились к нападению на уезд Тхиенкуан, генерал-губернатор Тханьхоа и Тханьбиня Тон Тхат Тьонг организовал такую оборону находящейся под его контролем территории, что повстанцы отказались от своего намерения и вскоре были разбиты бактханскими войсками [21, с. 51—52].

Указывая на наличие в период с середины 1806 по середину 1812 г. серьезных кризисных явлений как в Нгеане (тяжелое экономическое положение с конца 1810 г. и вызванные им восстания в начале 1812 г.), так и в Тханьхоа-Тханьбине (восстания горцев во главе с Куать Тат Тхуком), необходимо отметить также и то, что власти действовали там в то время значительно более активно и принимали для разрешения трудных экономических, социальных, военных и даже политических (взаимоотношения с горцами) проблем более эффективные меры, чем высшие чиновники в Бактхани до смены «традиционалистов» «реалистами». Это объясняется, во-первых, тем, что этими провинциями управляли преимущественно «реалисты», во-вторых, действенной помощью (особенно военной), оказываемой провинциальной администрации со стороны центрального правительства.

Генерал-губернатором Тханьхоа и Тханьбиня на протяжении всего периода с середины 1806 до середины 1812 г. оставался Тон Тхат Тьонг, назначенный на эту должность в 7-м месяце 1802 г. [20, с. 51] и насчитывающий свой стаж в войсках Нгуен Фук Аня с 3-го месяца 1789 г. [19, с. 92].

Пост нгеанского генерал-губернатора занимали Чан Конг Лай и Хоанг Виет Тоан. Последний служил в Зядини офицером с 1789 г. [19, с. 104], а генерал-губернатором Нгеана был назначен в 7-м месяце 1802 г., сменив на этом посту «традиционалиста» Данг Чан Тхыонга [20, с. 47]. В 3-м месяце 1806 г. в связи с незаконным присвоением 1 тыс. куанов, взысканных в качестве торговых таможенных налогов, а также по причине противоправного захвата 80 мау (28,8 га) земли [20, с. 267] Тоан был понижен в должности, а на его место заступил Чан Конг Лай [21, с. 271], прежде являвшийся губернатором Нижнего Шоннама [20, с. 43, 269]. В период похода Ле Тята в 1808 г. в Тханьбинь против поднявших восстание горцев во главе с Куать Тат Тхуком Чан Конг Лай последовал за бывшим тайшоном, а генерал-губернатором Нгеана снова стал прощенный императором Хоанг Виет Тоан, остававшийся на этой должности в течение 10 лет [20, с. 375; 21, с. 347].

Ни Тон Тхат Тьонг в Тханьхоа-Тханьбине, ни Хоанг Виет Тоан в Нгеане не обладали такими полномочиями, какие имел Нгуен Ван Тхань в Бактхани, и император в случае необходимости легко мог вмешиваться в сферу их компетенции, исправляя ошибки своих чиновников и оказывая им помощь. Кроме того, Нгеан и Тханьхоа-Тханьбинь были расположены существенно ближе к столице, чем Бактхань, и потому поддержка из Фусуана могла оказываться оперативно. Быстрая организация военных экспедиций Ле Тята и Чан Конг Лая остановила дальнейший рост восстаний, а спешная отправка в Нгеан Нго Нян Тиня [19, с. 287] для поисков выхода из экономического кризиса и активная деятельность старого зядинского чиновника, включающая личные контакты с императором, способствовали некоторому ослаблению напряженности в этом районе и хотя и не предотвратили вооруженных выступлений в провинции, но содействовали их локализации.

Большее сходство экономических и социальных структур в старых владениях Нгуенов с подобными структурами в Нгеане и Тханьхоа, чем с бактханскими, предопределило и большую компетентность правительственных решений по важнейшим проблемам, возникающим в этих двух провинциях.

Приближение социально-экономических процессов в Нгеане и Тханьхоа к «южной» модели в большей мере, чем сходство с ней общественного развития в Бактхани, обеспечило новой власти в этих двух провинциях и более мощную поддержку, чем на Крайнем Севере. Несмотря на то что в XVIII в. в течение 30 лет Тханьхоа являлась основной базой движения, имеющего целью передачу реальной власти роду Ле, с переходом правления к Нгуенам лозунг возвращения старой императорской династии находит большую поддержку не там, а в Бактхани (первые выступления в пользу Ле в Нгеане, как сообщалось, отмечены лишь в 1812 г.). Противопоставления же Нгуенам в Нгеане и Тханьхоа рода Чиней не было совершенно.

Такое отношение населения Нгеана и Тханьхоа к династии Нгуенов, пришедшей к власти в результате победы частных феодалов Крайнего Юга, явилось следствием значительно более сильных, чем в Бактхани, позиций состоятельных слоев, прежде всего помещиков. Последние стремились всеми способами утвердить более высокий социальный статус, дающий право приобщения к феодальному сословию. В связи с этим многие из них пытались получить «секретарские» и унтер-офицерские должности, предоставляющие такое право. Для этого не брезговали даже подкупом. На наш взгляд, именно с желанием имущих слоев Тханьхоа включиться в низшую страту феодального сословия можно связать подделку 70 патентов на унтер-офицерские должности, совершенную кай доем этой провинции Чан Ван Тхином, приехавшим в столицу для составления и утверждения военных растров [21, с. 129]. Ведь только состоятельные лица могли дать большие деньги за такую фаль-

сификацию, осуществляемую с риском для жизни (Тхинь был казнен). Получая фальшивые патенты, их обладатели чаще всего могли не служить, но пользовались всеми теми социальными привилегиями, которые предоставляла унтер-офицерская должность. Однако даже если помещикам приходилось реально выполнять взятые на себя обязанности, то служба не отнимала у них много времени, ибо исполнялась посменно. В дальние же походы, например, в Зядинь или даже в Бактхань можно было послать вместо себя «заместителей», иногда нанятых за деньги.

В связи с этим имущие слои Нгеана и Тханьхоа в большей мере, чем «апатичные» помещики Бактхани, стремились в армию. Воинская служба была там более престижной, чем на Крайнем Севере. Не случайно именно из нгеанцев и тханьхоасцев формировались привилегированные войска, статус которых был лишь немногим ниже статуса «столичных» войск и гвардии.

В 10-м месяце 1807 г. в Нгеане и Тханьхоа, так же как и в Бактхани, были проведены экзаменационные конкурсы. Успехи нгеанцев и тханьхоасцев были не так блестящи, как у бактханьцев. Если в крупнейших провинциях Бактхани — Шонтае и Верхнем Шоннаме было по 20 лауреатов, то в Нгеане — 8, а в Тханьхоа — лишь 2. Из них лишь Чан Нгаук Куан стал в 1815 г. первым вице-губернатором Верхнего Шоннама [21, с. 246]. Все остальные при жизни Тхе то не сделали чиновничьей карьеры.

Социальная политика в районах бывшего Дангчаунга (в Зядини и Куангнаме—Тхуанхоа)

С середины 1806 по середину 1812 г. в экономическом положении Зядини произошли определенные изменения по сравнению с предшествующим этапом.

В это время там кончились налоговые льготы на земельные частные владения и немногочисленные общинные и государственные держания. Правда, даже восстановленные в полном объеме поземельные подати с частных земель [измеряемых не в мау, как на всей остальной территории Вьетнама, а в шо (отрезок местности), зай и кхоань, представляющих собой неопределенные меры площади] были значительно более низкими, чем аналогичные налоги в других частях страны. По подсчетам современных вьетнамских ученых, при пересмотре территории Зядини в 1836 г. после подавления восстания Ле Ван Кхоя и переводе специфически зядиньских мер площади в общевьетнамские общая сумма поземельных государственных налогов увеличилась в 16 раз [146, с. 174—175]. Таким образом, на протяжении 30 лет государство собирало с тхья («полей»), представлявших совершенно неравные между собой имения, а также участки зависимых и арендаторов [23г, с. 107], налоги, величина которых была в 16 раз меньшей, чем в Центре и на Севере. При этом, если учесть еще и исключительное плодородие зя-

диньских земель, по сообщению Чинь Хоай Дыка, дающих в некоторых местах неслыханную урожайность в сам-100 и даже сам-300 [33, с. 30—31], то можно себе представить, как богаты были местные помещики, насчитывающие в числе своих зависящих население целых селений, жители которых не только не имели собственной земли, но и не обладали деревенской территорией [23г, с. 213—214]. Все это дает возможность считать, что даже восстановив в полном объеме налоги, правительство продолжало поощрять зядинских помещиков. Во время отмены и сокращения податей по всей стране не забывалась и Зядинь [20, с. 285; 21, с. 149]. Хотя к середине 1806 г. считалось, что на Крайнем Юге несколько лет подряд следуют друг за другом неурожаи [20, с. 303], налоговых недоимок там почти не было, а если и появлялись, то власти их немедленно «списывали» [21, с. 342]. В связи с этим рис в Зядини был очень дешев. В начале 1811 г., например, стоимость одного фыонга равнялась лишь 2 тиенам 30 донгам [21, с. 109]. Это было в несколько раз меньше даже искусственно заниженной государством цены риса в Бактхани [20, с. 336; 21, с. 92, 119] и в Центре [20, с. 318].

Высокий уровень развития товарно-денежных отношений в Зядини дал возможность перевести там на денежное жалование не только чиновников, но и солдат. При этом деньги выдавались войскам из расчета рыночной стоимости риса [21, с. 77], и казна получала определенную выгоду: так как рис в Зядини был дешев, то и солдаты получали там меньше денег, чем им платили бы в Центре и на Севере.

Зядинь, житница страны, была главным поставщиком риса для всего Вьетнама. От колебаний цен на хлеб на зядинском рынке зависела его стоимость в Центре и на Севере. Основным каналом перераспределения зерна в масштабах страны продолжала оставаться торговля. Однако после восстановления земельных податей в полном объеме и соответственно еще большего накопления на казенных складах налогового зерна (в 1-м месяце 1809 г. в Биенхоа был построен новый склад [21, с. 7]) это зерно надо было каким-то образом переправлять в более северные районы, первоначально главным образом в столицу. Хотя значительную часть риса перевозили казенные корабли [20, с. 303], тоннаж государственного флота был совершенно недостаточен для вывоза всего зерна. Поэтому было решено приспособить для перевозок государственного риса частные торговые корабли.

В связи с этим в 11-м месяце 1806 г. был отдан приказ ежегодно составлять в Зядини список кораблей шириной свыше двух метров, способных к морскому каботажному плаванию [20, с. 312].

Государственные органы всячески стремились увеличить объем перевозок на казенных кораблях. В связи с этим в 8-м месяце 1807 г. Зядини было выдано 33 корабля, в 12-м месяце того же года — еще 40 кораблей [20, с. 346, 358]. Однако многие

казенные суда находились в очень плохом состоянии, нередко были гнилыми. Такие корабли часто тонули, «хороня» вместе с собой и перевозимые грузы. В 6-м месяце 1808 г., когда из состава транспорта, следующего из Зядини в столицу, вместе с содержимым пошло ко дну много сгнивших судов, Тхе то приказал выпороть сопровождающих грузы чиновников высоких рангов [20, с. 382]. С конца 1810 г. зядиньские власти стали более внимательно следить за тем, чтобы негодные корабли списывались [21, с. 104]. Предпринимавшееся в широких масштабах строительство новых судов в столице требовало большого количества дерева, которое в известной мере поставляла Зядинь [20, с. 321—322; 21, с. 31]. По нормам, установленным в 3-м месяце 1807 г., 5 зядиньских объединений (хиеу) Мок динь (Деревянные дворы), каждое из которых насчитывало по 540 человек, ежегодно должны были поставлять древесину, достаточную для постройки 25 морских кораблей [20, с. 331].

В 1806—1812 гг. на Крайнем Юге развивалось частное предпринимательство в горнорудном деле. В 3-м месяце 1811 г. два китайских предпринимателя арендовали железный рудник и наняли рабочих из числа вьетнамцев и этнических китайцев. Объединение, носящее в официальной хронике архаическое название цеха (дой), в действительности было предприятием капиталистического типа. Государству шел лишь небольшой ежегодный налог в размере 30 кг железа [21, с. 114], остальное присваивали предприниматели. Казна поощряла частную инициативу в железорудном деле и прощала недоимки, не закрывая рудников [20, с. 342].

Значительные доходы в Зядини давали игорные дома и всякого рода притоны. Эти заведения содержались состоятельными людьми, которые, однако, скупались на уплату государственных налогов и часто ходили в недоимщиках. По отношению к ним, так же как и к горнозаводчикам, власти придерживались покровительственной политики, нередко освобождая от денежных задолженностей [20, с. 342].

Большие налоговые поступления в денежной форме, связанные с развитием товарных отношений, дали возможность властям наряду с рисом вывозить из Зядини и значительное количество монеты [21, с. 70]. Одновременно, в связи с подготовкой военной экспедиции в Кампучию, в Зядинь в начале 1811 г. привозится 50 тыс. лангов серебра, оружие и боеприпасы [21, с. 107].

Вьетнамцам и этническим китайцам, постоянно проживающим в Зядини, с 1809 г. выезжать за границу торговать без специальных разрешений уже не разрешалось [20, с. 385—386]. Однако на практике запреты постоянно нарушались, зядиньские купцы очень часто ездили в Пномпень и весьма выгодно торговали [21, с. 123]. Все же возможности внешней торговли частных лиц были на этом этапе по сравнению с предыдущим значительно ограничены. В то же время сохранялась интенсивность государственной иностранной торговли, власти часто пользовались

услугами вьетнамцев и этнических китайцев [21, с. 67]. Оживленная государственная торговля с приезжими китайцами велась в самой Зядини [21, с. 68].

Социальная политика властей, кроме всего прочего, характеризовалась в Зядини с середины 1806 по середину 1812 г. довольно значительными привилегиями, предоставленными в соответствии с указом, отданным еще в 1803 г. [20, с. 107], совершеннолетним детям погибших «бангкокцев», т. е. тех сторонников Нгуен Аня, которые сопровождали своего вождя в 1784—1787 гг. во время сиамского «изгнания». Большим шагом в этом направлении было составление списков «бангкокцев», погибших на поле боя и умерших от болезней. В 1807 г. все лица, занесенные в эти списки, были распределены на различные категории в соответствии с чином, должностью и боевыми отличиями.

В результате было выделено 5 категорий «павших в бою». В первую из этих категорий входили 6 человек, во вторую — 35, в третью — 39, в четвертую — 53, в пятую — 15. Гражданские чиновники, умершие от болезней, были также распределены на 5 категорий, в первую из которых не входил никто, во вторую — 4 человека, в третью — 3, в четвертую — 1, в пятую — 2. Всего, таким образом, было распределено по категориям 158 «бангкокцев», из которых 142 были военными чиновниками, «павшими в бою», а 16 — гражданскими, «умершими от болезней» [20, с. 318—320].

Преобладающая часть их, особенно из числа не высших, а средних и низших категорий, была, по-видимому, зядиньцами. Их вдовам и сиротам выдавалось ежемесячное денежное и рисовое жалованье, а для поддержания культа к их поминальным храмам приписывались храмовые слуги (мо фу) в соответствии с категорией заслуг и причиной смерти.

Таблица 4

**Предоставление «храмовых слуг» (мо фу)
умершим «бангкокцам»
в зависимости от категории заслуг ***

Причина смерти	Категория заслуг				
	I	II	III	IV	V
Убитые в бою	16	13	10	3	2
Умершие от болезней в армии	13	10	7	2	1
Умершие от болезней дома	10	7	4	1	освобождение сына от налогов и трудовой повинности

* Источник: [20, с. 321].

Наибольшие милости получили совершеннолетние сыновья умерших «героев». Они получали чин кай доя, дой чыонга или тху хопа, не обязанного служить [20, с. 321]. Однако все эти блага распространялись лишь на одно поколение и утрачивались их потомками.

По мере подачи местными властями новых сведений количество «бангкокцев» должно было увеличиваться [20, с. 321], однако этого не произошло, и вплоть до середины 1812 г. список «бангкокцев» так и не пополнился.

Дети «бангкокцев» включались в административный аппарат, им предоставлялись должности гражданских чиновников, более того, чиновников «просвещения» [20, с. 383]. Здравствующие «бангкокцы» получали большие пожалования при уходе на пенсию. В 1809 г. Нгуен Ван Бинь, выйдя в отставку, получил самое необходимое в помещицком хозяйстве — разрешение набрать 40 «зависимых солдат» [21, с. 31].

Подробное описание этой достаточно малочисленной группы феодалов произведено нами потому, что через несколько лет они породили первую во Вьетнаме группу потомственных дворян.

В 1-м месяце 1808 г. Зядинь была преобразована в тхань (край). Административный статус ее с этого времени был равен статусу Бактхани. 4 зиня были преобразованы в 4 чана (провинции); зинь Фиенчан стал чаном Фиенан, зинь Чанбиен — чаном Биенхоа, зинь Виньчан — чаном Виньтхань, зинь Чандинь — чаном Диньтыонг. Прежние уезды были преобразованы в округа, волости — в уезды. Дао Лонгсуиен и Киензянг также стали уездами [20, с. 360—361]. В 8-м месяце 1808 г. во вновь созданные уезды (хюены) были назначены чи хюены, однако в некоторых из бывших дао не создавалось уездных управ, а всеми делами было поручено по совместительству заведовать управляющим дао, которые являлись военными чиновниками [20, с. 393].

В 9-м месяце 1808 г. в Зядини, подобно Бактхани, были введены должности генерал-губернатора (тонг чан) и вице-генерал-губернатора (хиеп тонг чан). Занимавший с начала 1805 г. пост управляющего Нгуен Ван Чыонг был вызван в столицу, а в должность генерал-губернатора вступил Нгуен Ван Нян, имевший огромный опыт по управлению Крайним Югом. Вице-генерал-губернатором стал «соправитель» Нгуен Ван Чыонга — Чинь Хоай Дык [20, с. 227], по своим политическим взглядам приближавшийся к умеренным «традиционалистам».

В 9-м месяце 1810 г. были назначены губернатор и вице-губернаторы в незадолго до этого присоединенный на западе Хатиен. В состав новой провинции вошли снова «преобразованные» из уездов в дао Лонгсуиен и Киензянг. Без их риса существовать Хатиен не мог [21, с. 89—90].

В связи с напряженностью в Кампучии в Зядини во 2-м месяце 1810 г. был отдан приказ восстановить категорию «воен-

ных» («бинь»), по-видимому совпадающую с традиционной дангчаунгской категорией «жуан», которая была упразднена здесь после 1802 г. Возвращавшиеся в Зядинь солдаты при составлении списков тягловых в 1808 г. зачислялись в категорию «зан». При новом составлении списков тягловых лица, вносящиеся в восстановленную категорию «военных» (бинь), должны были полностью освобождаться от уплаты подушного налога, «подобно солдатам в армии» [21, с. 68].

Однако следующая «проверка (тягловых) и набор (солдат)», когда можно было официально выделить категорию «бинь», по правилам, которые никому нельзя было нарушать, должна была состояться лишь в 1813 г. Обстановка же требовала немедленных действий. Поэтому в 9-м месяце 1810 г. солдаты здесь были набраны не в результате «проверки» списков тягловых с точным выяснением имени, места рождения, возраста и других паспортных данных, по которым новобранца можно было найти в случае бегства, а в упрощенном порядке. Такая «простота» породила в дальнейшем большие неприятности для властей: рекруты стали дезертировать, а найти их было трудно, так как многие вписывались не под своим именем. Это была расплата за спешку, с которой половина всего совершеннолетнего мужского населения, включая «крестьян дон диенов, ремесленников и промысловиков, была зачислена во временные войска хьонг бинь» [21, с. 91].

С этими войсками Нгуен Ван Нян в 11-м месяце 1810 г. отправился в Кампучию [21, с. 98—99]. Временно «охранять печать» генерал-губернатора Зядини было поручено отозванному вместе с Нгуен Ван Тханем из Бактхани военачальнику Чьонг Тиен Быу [21, с. 98—99]. После возвращения из Кампучии в 1-м месяце 1811 г. Нгуен Ван Нян распустил временные войска [21, с. 106]. Второй раз они были собраны в 4-м месяце 1812 г. — сразу же после того, как стало известно о наступлении враждебной Вьетнаму группировки в Кампучии [21, с. 148]. Всего под ружье было поставлено 17 500 человек [21, с. 148]. Через два месяца вследствие отвода сиамских войск из Кампучии они также были распущены [21, с. 154].

Все эти события явственно показали, что необходимо восстановление регулярной армии в Зядини. Для этой цели на Крайний Юг был послан Ле Ван Зюет, который сменил Нгуен Ван Няна на посту генерал-губернатора в 7-м месяце 1812 г. [21, с. 260]. С его приездом начался новый этап в развитии Крайнего Юга.

В старых нгуеновских районах с середины 1806 по середину 1812 г. положение было более стабильным, чем ранее. На этом этапе феодальные историки не упоминают о наличии голода, хотя временами цена на рис там была высока [20, с. 318].

Экономические трудности, связанные со стихийными бедствиями, быстро ликвидировались властями при помощи времен-

ной отмены налогов и повинностей, а также путем раздачи риса. Так, поля, пострадавшие от стихийных бедствий в Куангчи, в 6-м месяце 1807 г. были освобождены от поземельных налогов [20, с. 342]; из-за засухи в Куангдыке, Биньдине и Фуиене в 5-м месяце 1808 г. в соответствии с потерями урожая был сокращен поземельный налог на 30—100% [20, с. 376—377]; в 4-м месяце 1812 г. по той же причине в Куангбине, Куангчи, столичном Куангдыке, Куангнаме — на 30%, в Биньдине и Фуиене — на 40%, в остальных провинциях — на 20% были уменьшены поземельные подати на текущий 1812 г. и на 20% сокращен во всех провинциях поземельный налог за прошлый 1811 г. [21, с. 149]. В связи с ущербом, нанесенным бурей, в Куангчи, Куангнаме, Куангдыке и Куангнгае было отложено на год взимание денежных и рисовых недоимок, а также выполнение различных повинностей и разбор мелких судебных дел [21, с. 125]; по причине наводнения власти выдали в 9-м месяце 1808 г. в Куангбине по 3 хока неочищенного риса беднякам [20, с. 394], а в 10-м месяце 1811 г. предоставили населению Фуиена 19 тыс. фыонгов очищенного риса, жителям Биньтхуана — 14 800 фыонгов очищенного риса [21, с. 132].

Таковыми же мерами, к которым добавлялась денежная оплата, компенсировалось широкое, хотя и значительно меньшее по масштабам, чем до середины 1806 г., привлечение к строительно-ремонтным работам крестьянства и тягловых горожан. Ущерб, наносимый в результате таких работ полям и могилам, частично [21, с. 77] или полностью [20, с. 343] возмещался. Об общем уровне повышенной занятости на трудовых работах населения провинций, прилегающих к столице, свидетельствует хотя бы тот факт, что при сокращении в 4-м месяце 1808 г. на 30% поземельных налогов по всей стране в Куангбине, Куангчи, Куангдыке и Куангнаме в связи с «тяжелыми повинностями» были снижены на 30% также и подушные налоги [20, с. 374]. В частности, в связи со строительством столбовой дороги в Куангдыке в 6-м месяце 1810 г. там было отложено взимание поземельных налогов [21, с. 75]. Дороги строились не только в столичной провинции, но и в Куангчи, Куангбине [21, с. 73] и в Биньтхуане [21, с. 68]. В 1-м месяце 1807 г. местное население набиралось для рытья канала в Куангчи и строительства столбовой дороги «Море облаков» в Куангдыке, получая за это ежедневное жалованье [20, с. 323]. Для нужд строительства куангнамцы поставляли в 4-м месяце 1807 г. камень и брусчатку, за что призванные на работу крестьяне и ремесленники получали рис и деньги [20, с. 334]. Крепостные стены Биньдиня в 6-м месяце 1810 г. вместе с работающими в две смены (по 10 дней каждая) 17 500 тягловыми возводили также и солдаты [21, с. 77], участие которых в строительно-ремонтных работах было чрезвычайно значительным.

В столице для строительства дворцов во 2-м месяце 1807 г. использовали солдат, платя им за это деньги [20, с. 339]; в

11-м месяце того же года знаменитую флаговую башню в Фусуане вместе с войсками воздвигали профессиональные ремесленники, также получающие за это денежное вознаграждение [20, с. 356]. Столичные стены в 4-м месяце 1807 г. ремонтировало 5 тыс. бактханьских воинов и 3 тыс. солдат из Нгеана и Тханьхоа, которым выдавали деньги и рис [20, с. 332], земляные стены в Куангбине насыпали в 5-м месяце 1811 г. тоже войска [21, с. 119]. Для строительства столичных ворот солдаты перевозили в 6-м месяце 1809 г. дерево и камень из Куангнама, за что получили 4800 куанов денег [21, с. 25].

Продолжалось строительство архитектурного ансамбля императорского города [21, с. 72, 89] и государственных учреждений [20, с. 308].

В широких масштабах велись ремонт и строительство рисовых складов. В столице в 9-м месяце 1806 г. был отдан приказ чиновникам выделить средства для ремонта зерновых складов [20, с. 309]. В 3-м месяце 1804 г. в биньдиньском порту Тхинай был построен «временный» амбар [20, с. 338]. Разбор старых складов и строительство новых производились в 6-м месяце 1809 г. в Куангбине [21, с. 28]. В Куангнгае население за денежную плату поставляло для строительства складов дерево [21, с. 65]. В 7-м месяце 1810 г. строились склады в Фуиене, Биньхоа и Биньтхуане [21, с. 80], в 9-м месяце того же года — в Куангбине и Куангчи [21, с. 89], в 6-м месяце 1811 г. был сооружен склад в Хойане, куда власти сразу же перевезли 500 тыс. хокков неочищенного риса из числа налоговых поступлений за 1811 г. [21, с. 122].

Строительство большого количества складов свидетельствовало о значительных запасах риса в старых районах Дангчаунга. Особенно много зерна свозилось в столицу. Кроме уже упомянутых перевозок из Бактхани и Зядини в Фусуан в 6-м месяце 1807 г. было приказано доставить 13 тыс. фыонгов очищенного риса из Куангнама, 10 тыс. фыонгов — из Нгеана, 80 тыс. фыонгов — из Биньдиня и 40 тыс. фыонгов — из Куангнгай [20, с. 343].

К 8-му месяцу 1809 г. на столичных складах скопилось так много зерна, что амбары были заполнены доверху. В итоге рис начал гнить. Пришлось срочно изготовлять трубки из бамбука и вставлять их в отверстия, проделанные в крыше, чтобы рис мог «дышать» [21, с. 33]. В 5-м месяце 1810 г. столичные склады были столь полны, что 70 тыс. фыонгов очищенного риса Тханьхоа перевезли не в Фусуан, а в Куангбинь [21, с. 73], но в 9-м месяце 1810 г., так как были заполнены также и все склады в Куангчи, налоговые поступления за 1810 г. пришлось везти в итак уже переполненные столичные амбары [21, с. 72]. В 4-м месяце 1812 г. в Центре впервые начались межпровинциальные перевозки риса не с юга на север, а в обратном направлении: из полных куангнамских складов перевезли 75 тыс. хокков неочищенного риса в Куангнгай, а Биньдинь передал

50 тыс. хоков провинции Биньхоа [21, с. 146]. В Фусуане во 2-м месяце 1812 г. стали строить дополнительные склады [21, с. 144].

В столичные склады свозился не только рис. Значительны были также поступления в монете и серебряных слитках. В 3-м месяце 1810 г. в фусуанскую казну было свезено из провинций 510 тыс. куанов, в том числе по 50 тыс. куанов из Куангнама и Биньдиня, 20 тыс. куанов из Куангнгай, 10 тыс. куанов из Фуиена [21, с. 70]. Во 2-м месяце 1812 г. было приказано половину всех поземельных и подушных таможенных налогов вносить серебром. Желавшие могли платить серебром всю сумму налогов [21, с. 143]. Такие запасы давали возможность выдавать по торжественным праздникам на территории от Нгеана до Биньхоа по 100 куанов денег каждой семье [20, с. 290], а в 6-м месяце 1810 г. обусловили пересмотр в сторону повышения денежных ставок «милостивого благодеяния» одновременно, главным образом в связи со смертью ближайших родственников, оказываемого должностным лицам от 1-го до 9-го ранга, секретарям ви няй лиу, солдатам и ремесленникам, отбывающим государственные повинности [21, с. 78].

Стоимость риса в старых районах Дангчаунга была более или менее постоянной. Если она внезапно поднималась, то власти «выбрасывали» на рынок определенное количество зерна и стоимость его понижалась. Так, когда в Куангчи в 1-м месяце 1807 г. цена риса подскочила до 1 куана 8 тиенов за 1 хок, с казенных складов было продано 10 тыс. хоков риса по 1 куану 3 тиена за 1 хок и положение быстро нормализовалось [20, с. 318].

Следует отметить, что сами власти связывали повышение цен на зерно в старых районах Дангчаунга с теми препятствиями частной торговле рисом, которые чинили откупщики на торговых таможах. Так, когда в 11-м месяце 1811 г. на территории южнее Нгеана повысилась стоимость риса, то был отдан приказ таможенникам «не придирайтесь» к торговцам [21, с. 135].

Усилия правительства в этом направлении не были бесполезны. В значительной степени именно благодаря его поощрительной политике внутренняя торговля в старых районах Дангчаунга с середины 1806 по середину 1812 г. была довольно активна. Лишь между долинными и горными районами Куангнгай, где продолжались военные действия регулярных войск против непокорных народностей, торговые связи были нарушены. Вследствие этого властям приходилось отменять налоги с торговли в горах в 6-м месяце 1806 г. [20, с. 303], в 7-м месяце 1810 г. [21, с. 80], в 5-м месяце 1811 г. [21, с. 117].

Содействовало правительство и укреплению социальных позиций торговцев. В 12-м месяце 1807 г. по приказу императора и после обсуждения этого вопроса высшими столичными чиновниками провинциальная администрация предложила пере-

нести центр Куангнама из торгового Хойана в общину Тхань-тьем в уезде Зиенфук [20, с. 357—358]. Это объективно способствовало ослаблению административного контроля за деятельностью крупного купечества, а также усилению роли городского самоуправления, представленного в Хойане в основном торговцами.

Возможно, именно с усилением общественных позиций крупного хойанского купечества, в значительной степени китайского, следует связать имеющее определенную социальную направленность выступление куангнамского населения в 6-м месяце 1808 г., когда восставшие нападали не только на местных жителей, но и на торговые корабли. Провинциальные чиновники послали против повстанцев отряд во главе с офицером, который захватил в плен их вождя Хоя и много его сподвижников. Правительственным войскам оказывали содействие некоторые местные жители, которые вместе с офицером получили впоследствии денежные награды [20, с. 381]. Может быть, строительство властями нового склада в Хойане и перевоз туда 50 тыс. хоков очищенного риса [21, с. 122] связаны были именно со стремлением чиновников своевременными раздачами хлеба ослабить возникшую в этом районе социальную напряженность.

В 5-м месяце 1808 г. государственные власти разрешили поселиться в крупном торговом центре Тханьха, населенном в основном лишь минь хыонгами (натурализованными китайцами) и расположенном в столичной провинции, 70 китайским «пиратам», сдавшимся вьетнамским властям в прибрежных водах Нгеана после разгрома в Иенкуанге [20, с. 381]. Дальнейший рост этого торгового центра дал ему возможность на следующем этапе изменить свой административный и налоговый статус.

В целях укрепления позиций местного купечества во внутренней торговле и предотвращения конкуренции со стороны иностранных, главным образом китайских, торговцев в 3-м месяце 1810 г. было приказано выявить в поселениях Хойан и Тханьха всех купцов, приехавших из Китая. В отличие от местных китайцев им разрешалось жить на территории Вьетнама не более 3—4 месяцев, после чего следовало отправить их на родину. В том случае, если они хотели остаться сверх установленного срока и торговать в других районах империи, население тех районов, в которые они приехали первоначально, должно было поручиться за них, а местные чиновники — выдать соответствующий документ. За поездки по стране без официального разрешения полагалось наказание [21, с. 71].

Поощрительное отношение верховной власти к торговле проявлялось и в выдаче казной денег на похороны утонувших в столичных портах купцов [21, с. 80], и в возмещении, предоставляемом государством владельцам затонувших там же зафрахтованных и частных торговых и транспортных кораблей [21, с. 125].

Во внешней торговле запреты в целом строго соблюдались. Однако в определенных случаях император сам нарушал свои собственные указы и разрешал торговать запрещенными товарами. Так, в 1-м месяце 1807 г. Тхе то позволил застигнутым бурей у берегов Биньдиня сиаемским послам, направляющимся в Китай, закупить киннамон и корицу [20, с. 316].

Усилился таможенный контроль: в 8-м месяце 1811 г., в связи с разоблачением взяточничества на таможне, было указано, что все товары, скрывааемые иностранными купцами от налогообложения, будут конфискованы [21, с. 126].

В конце этого этапа император чувствовал себя во взаимоотношениях с европейскими купцами значительно более уверенным, чем в начале его. Так, в 9-м месяце 1807 г. Тхе то вынужден был удовлетворить просьбу английского купца оплатить по повышенной стоимости оружие и боеприпасы капитану корабля, привозившему ранее свои товары в Зядинь [20, с. 348—349]. Когда же в 6-м месяце 1812 г. европейский купец, приехавший в Чашон, снова потребовал заплатить деньги тому же капитану, то ему было отказано и, как сообщают феодальные историки, «устыдившийся» торговец уехал [21, с. 157].

В период с середины 1806 по середину 1812 г. государственные власти всячески способствовали развитию ремесленного производства в старых районах бывшего Дангчаунга. Однако это относилось в основном к казенному ремеслу. Особенно значительный рост ремесленной деятельности отмечается в это время в столице.

В 9-м месяце 1806 г. в Фусуане были построены две мастерские по производству кирпича и черепицы. Работало на них 300 куангбиньцев и 600 куангнамцев, которые ежемесячно получали денежное и рисовое жалованье [20, с. 317]. Во 2-м месяце 1809 г. в столице поставили еще 25 печей по обжигу кирпича и черепицы. Работали на обжиге в порядке исполнения повинностей 700 куангдыкцев, также получавших ежемесячное денежное и рисовое жалованье [21, с. 11]. В 8-м месяце 1809 г. администрации Куангбиня вновь был отдан приказ набрать «народ» для обжига кирпичей и черепицы. Однако затем в связи с наводнением приказ был отменен [21, с. 33]. По-видимому, во всех трех случаях гончарные печи должны были обслуживать ремесленники, созданные в Фусуан на временные отработки. По окончании отработок ремесленные старшины, мастера и простые ремесленники получали различное вознаграждение в соответствии со своим социальным статусом, формально определяемым «должностью». Так, при возвращении из столицы домой «черепичников» из Биньхоа кай куан получал один комплект одежды и 10 куанов денег, ти куан — 7 куанов, а простой ремесленник — всего лишь 3 куана [21, с. 42].

О нуждах столицы в кирпиче и черепице свидетельствует организация в 1-м месяце 1810 г. еще 20 мастерских с соот-

ветствующими печами. В связи с грандиозными по тем временам масштабами предприятия оно было поставлено под контроль военного чиновника, управляющего Государственными складами-мастерскими, а также заведующего финансовым управлением Куангдыка Ли Зя Зу (через два года после этого посоветовавшего Тхе то запретить частную торговлю металлами и увеличить выпуск цинковых денег) [21, с. 65, 141—142].

Наряду с массовым производством обычного кирпича и черепицы, необходимых для удовлетворения нужд строящейся столицы, архитектурному ансамблю императорского города требовались особо изящные формы этого типа керамических изделий, для чего необходимо было освоение новых, более сложных технологий. В связи с этим в 11-м месяце 1810 г. старосте колонии (банга) гуандунских китайцев было поручено нанять и привезти из Гуандуна 3 ремесленников, умеющих изготавливать разноцветные поливные изразцы. В мастерской, построенной на холме Лаунгтхо (Кхотхьонг), они должны были обучить государственных ремесленников (конг тыонг), изготавливающих продукцию для нужд двора, тем производственным секретам, которыми владели сами [21, с. 97].

Кроме «черепичников» при государственных складах-мастерских работали ремесленники-литейщики из Куангнгай. За свою работу они освобождались от военной службы и трудовых повинностей [20, с. 392].

Призывались в столицу на временные отработки куангнамские ремесленники-корабелы, сучильщики канатов, плотники. По окончании отработок они также вознаграждались в соответствии со своим социальным статусом. При этом следует отметить, что этот статус у некоторых представителей кунгнамской ремесленной верхушки был довольно высок. В связи с этим полезно вспомнить, что в 1-м месяце 1805 г. Тхе то отказался удовлетворить просьбу управляющего государственными складами-мастерскими о предоставлении некоторым ремесленным старшинам должности кай дой, заявив, что «ремесленники — люди низкой [профессии]» [20, с. 223]. Смысл высказывания императора сводился к тому, что не следует давать «людям низких профессий» офицерских должностей. Однако в 6-м месяце 1809 г. после государственных отработок в столице в Куангнам возвращались кай дои из цехов кораблестроителей, сучильщиков канатов, плотников (пыльщиков). Всем им выдавалось по 15 куанов денег. Кай куаны и тху хопы получали по 7 куанов, простые ремесленники — по 6 куанов. Кроме того, все возвращавшиеся получали по комплекту одежды [21, с. 28]. Назначение куангнамских ремесленных старшин на должности кай доев свидетельствует о том, что борьба между ремесленной верхушкой и верховной властью не всегда заканчивалась в пользу последней. В итоге статус старшин по мере повышения значимости ремесленников в экономической жизни новой империи постепенно повышался.

В 8-м месяце 1809 г. в столицу на отработки были вызваны ремесленники-печатники или ксилографщики. Однако в связи с наводнением власти должны были отменить свой приказ [21, с. 33].

Некоторые ремесленники отбывали повинность в Фусуане посменно. Ремесленники из Биньдиня, например, поочередно работали в три смены, сменяя друг друга [21, с. 40].

За службу «на государство» ремесленники в Фусуане освобождались не только от военных и трудовых повинностей, но и от подушных налогов. Такие льготы были распространены, например, на тех, кто работал в столице в 1810 г. [21, с. 79].

Все это свидетельствует о большем, чем ранее, привлечении властями ремесленников к работе «на казну». Это привлечение сопровождалось широким присвоением ремесленной верхушке должностей, дающих право на включение в управленческую структуру, предоставляющих значительные общественные привилегии и повышающих социальный статус. В 4-м месяце 1807 г., например, должности тянь кай куан, тянь ти куан, кай куан, ти куан и тху хоп получили более 300 ремесленных старшин, старост и мастеров [20, с. 334]. В то же время определенная часть ремесленной верхушки, получая запретные для нее ранее должности кай доев, имела возможность повышать свой социальный статус до офицерского уровня и входить в феодальную иерархическую структуру в качестве ее полкоправных членов. По-видимому, согласие на это феодального правительства явилось признанием не только общественного авторитета цеховой верхушки в ремесленной среде, но и ее экономической значимости. Более высокое, чем ранее, социальное положение ремесленной верхушки было платой за более активное привлечение ремесленных цехов к выполнению государственных отработок и за отказ от части прежних «свобод» и повинностного «иммунитета».

На этом этапе в столице работало значительное количество ремесленников из Бактхани [20, с. 321] и Нгеана, причем последние, так же как куангнамцы, иногда удостоивались офицерских должностей [20, с. 28]. Однако среди общего количества отработывающих в столице повинности ремесленников, в отличие от предшествующего этапа, северяне составляли меньшинство; основная масса была представлена жителями старых нгуеновских районов.

Шло интенсивное строительство кораблей [20, с. 321, 338, 395—396; 21, с. 67]. На больших кораблях ремесленники и солдаты сооружали башни, имевшие боевое назначение [21, с. 52]. Делались предметы интерьера храмов, дворцов, гробниц, требующие высокого мастерства и знания сложных технологий [20, с. 304; 21, с. 72, 117, 131, 142]. Все эти работы исполнялись местными ремесленниками.

В 8-м месяце 1810 г. император распорядился точно установить на территории старых нгуеновских районов натуральные

промысловые и ремесленные налоги [21, с. 84]. Некоторые промысловики и ремесленники временно освобождались от натуральных поставок [20, с. 335, 342; 21, с. 75]. Иногда они просили вследствие несоответствия профиля своей деятельности номенклатуре казенных податей заменить один вид натуральных налогов на другой, чаще хотели, чтобы вместо натуры с них взимали деньги [20, с. 395; 21, с. 124, 133]. Коммутация налогов требовала более активного производства и поставки ремесленниками и промысловиками «местных предметов» на рынок. Власти были не заинтересованы в сохранении многих видов местных ремесел и промыслов. Вследствие этого отмечается стремление правительства сократить численность местных ремесленников и промысловиков и увеличить за их счет количество солдат. Иногда это были «солдаты», которые оставались на своих старых местах и занимались прежним видом деятельности, но при необходимости могли быть поставлены под ружье [20, с. 380]. В других случаях их даже посылали на службу в другие части страны [21, с. 75].

Предпринимательская активность на этом этапе в старых нгуеновских районах, по-видимому, несколько упала. В связи с этим казна снизила налоги на некоторые виды доходных занятий [21, с. 52].

В 1806—1812 гг. император лично строго контролировал ситуацию в старых нгуеновских районах от Нгеана до Зядини. Приказав в 7-м месяце 1808 г. провинциальным чиновникам Куангбиня, Куангчи, Куангдыка и Куангнама выдвигать кандидатуры на должности уездных администраторов [20, с. 388], Тхе то сам встретился в 1-м месяце 1809 г. с 28 претендентами, а затем поручил ведомствам кадров и обрядов устроить им проверку. В итоге были произведены новые назначения [21, с. 9]. В 12-м месяце 1808 г. чиновникам от Нгеана до Зядини было приказано ежедневно записывать все события и ежемесячно докладывать императору [21, с. 398].

В 8-м месяце 1808 г. Тхе то приказал военному и финансовому ведомствам составить списки полей и тягловых в Куангбине, Куангчи, Куангдыке и Куангнаме [20, с. 393]. В 11-м месяце 1810 г. было указано составить земельные реестры на всей территории старых нгуеновских районов — от Нгеана до Зядини. В реестрах должно было быть точно указано, сколько общинной и частной земли реально используется, а сколько заброшено. Скрываемые от налогообложения поля не конфисковывались. Сколько бы «нарушители» их ни обрабатывали, власти требовали уплаты налогов лишь за три года [21, с. 96—97]. В 3-м месяце 1812 г. реестры должны были быть готовы и представлены начальству [21, с. 97]. Проверка обрабатываемого и соответственно облагаемого земельного фонда в Центре не вызвала социальных протестов. В новых реестрах существующая аграрная ситуация была лишь зафиксирована.

В 7-м месяце 1808 г. были установлены правила «проверки

[тягловых] и набора [солдат] [20, с. 386]. Эти правила были действительны только на территории бывшего Дангчаунга, ибо в Тханьхоа — Нгеане продолжало действовать «постоянное обложение», а в Бактхани подобные правила уже были введены в 3-м месяце 1807 г. [20, с. 326—328] и дополнены в 1-м месяце 1808 г. [20, с. 361]. На основании правил от 3-го месяца 1807 г. в Бактхани производилась отмена «постоянного обложения» и осуществлялся учет реальных тягловых [20, с. 358].

С помощью как «бактханьских», так и «дангчаунгских» правил производилось прежде всего выделение «нетягловых» (нгой тиеу шай). В Бактхани эта группа состояла из чиновников династии Нгуенов от 1-го до 9-го ранга, детей чиновников от 1-го до 3-го ранга включительно, старых чиновников династии Ле, от 1-го до 6-го ранга включительно, старых лауреатов гражданских и военных дворцовых конкурсов, старых лауреатов провинциальных конкурсов, дворцовых евнухов, солдат, работников почтовых станций, лиц, по особому распоряжению пользующихся титулом «своего предка (ниеу ам)», лиц, пользующихся освобождением от тягла, вследствие особых заслуг или разрешения «купить» это право, и, наконец, обладателей часто покупаемой должности — тху хоп «на дому» [20, с. 361].

На территории южнее Нгеана в число нетягловых наряду со всеми действительно служащими чиновниками от 1-го до 9-го ранга, а также детьми как обычных чиновников от 1-го до 3-го ранга, так и чиновников-«бангкокцев» от 1-го до 9-го ранга входили многочисленные обладатели чиновничьих дипломов, полученных от императора, правительства (представленного совокупностью динь тханов), императрицы и наследного принца [20, с. 386]. Принадлежность к таким «чиновникам» была связана скорее не с исполнением реальных чиновничьих функций, а с услугами, когда-либо оказанными династии Нгуенов. В число таких услуг могла входить и материальная поддержка в период борьбы с тайшонами, и личный вклад в победу династии. Таким образом, такими дипломами могли обладать многие южане из числа помещиков и торгово-предпринимательской верхушки, не имеющие отношения к чиновничьей службе.

Кроме нетягловых в Бактхани существовали также полутягловые, в число которых входили дети нгуеновских чиновников от 4-го до 7-го ранга включительно, а также дети чиновников династии Ле от 1-го до 3-го ранга включительно. Они платили половинную ставку налогов [20, с. 361].

«Дангчаунгские» полутягловые включали лишь детей обычных чиновников 4-го ранга, которые освобождались от трудовых и воинских повинностей, но платили налоги [20, с. 386].

Таким образом, наследственные привилегии «дангчаунгских» чиновников были значительно большими, чем у чиновников бактханьских. Основное отличие состояло в том, что нетягловыми являлись дети всех «бангкокцев», а также «дангчаунгских» чиновников 1—3-го рангов, тогда как дети бактханьских чинов-

ников 1—3-го рангов все же платили пониженную налоговую ставку.

Основное отличие деления на категории «дангчаунгских» налогоплательщиков от бактханьских тягловых заключалось в том, что последние подразделялись по чисто возрастному принципу (с 20 лет до 55 — полноценные «чанг», платящие полную налоговую ставку; с 18 до 20 лет — молодые «зан динь», платящие половину; с 56 до 59 лет — пожилые и т. д.), в то время как первые наряду с соответствующими возрастными категориями делились еще и на имущественные (чанг, куан, зан) [20, с. 386], отражающие, по-видимому, степень состоятельности общинников. В то же время дангчаунгская система «проверки [тягловых] и набора [солдат]» испытала определенное влияние со стороны бактханьской. По-видимому, с 1808 г. на территории бывшего Дангчаунга упразднилось деление на «основные» и «пришлые» дворы, хотя жители общины продолжали делиться на «живущих на родине», называемых «зя кы», и «живущих на чужбине», определяемых как «нгу кы» [20, с. 396]. Возможно, это было связано с быстрым исчерпанием на территории бывшего Дангчаунга не только общинных, но и основных запасов целинных земель, что не давало более пришлым возможности официально конституироваться в качестве состоятельных «кхатъ хо», превращавших в частные поля часть необрабатываемого земельного фонда, и заставляло их превращаться в бесправных «нгу кы». Этому, очевидно, способствовал и императорский указ от 1-го месяца 1805 г., лишавший прав на общинную землю тех лиц, которые пришли в чужую деревню после 1803 г. [20, с. 221—222]. Пришлый, который уже не имел надежды стать полноправным членом общины, быстро опускался до зависимого.

Ремесленники освобождались от военной службы. Пожилые и больные становились нетягловыми, если доказывали свой возраст и болезни. Здоровые от 30 до 55 лет могли стать нетягловыми только в том случае, если не достигали ростом 120 см [20, с. 387].

Первый контроль тягловых и набор солдат по новым правилам был произведен в 1-м месяце 1808 г. на территории южнее Куангдыка [20, с. 387]. При этом чиновники так усердствовали, что зачисляли в тягловые даже карликов [21, с. 8]. Поэтому, когда в 1-м месяце 1809 г. подобная проверка проводилась в Куангдыке, Куангчи и Куангбине, император приказал производить отбор тягловых более осторожно и тщательно [21, с. 8].

После принятия Тхе то в 5-м месяце 1806 г. титула хоанг де уделяется внимание внешним атрибутам императорской власти. Увеличилось количество торжественных церемоний [20, с. 315, 324], в которых Тхе то обязан был не только лично принимать участие, но и являться главным действующим лицом. В связи с этим высшие чиновники ведомства обрядов занялись розысками прецедентов, дающих возможность императору переложить

свою роль на чиновника-«заместителя», выполняющего при совершении ритуалов функции главного жреца. Когда такие прецеденты находились, знатоки обрядов удостаивались похвал [20, с. 372—373]. Восстанавливалась «чистота» официальной идеологии. После выноса из Ван миеу статуи Конфуция там была установлена табличка с именем Учителя (Кунцзы) [20, с. 373].

Во 2-м месяце 1808 г. было установлено новое штатное расписание государственного аппарата на уровне краевой и провинциальной администрации, а также служащих отдельных округов (дао), входящих в провинции. Только «секретарей» высшего, среднего и низшего уровня в этой администрации насчитывалось более 4 тыс. человек [20, с. 366—367]. При этом не учитывались окружные и уездные секретари, а также секретарский состав столичного аппарата. Хотя по своему социальному статусу они стояли ниже дипломированного чиновничества, но в определенной степени обладали реальной фискальной, административной и даже судебной властью. Значительная часть из них была связана с помещиками и городскими имущими торговыми и ремесленными кругами, в интересах которых в основном и продолжало на этом этапе действовать правительство Тхе то.

Желая наследственно закрепить связи южных помещиков с царствующей династией, Тхе то активно женил детей своих сподвижников — высших военных чиновников — на принцессах царствующего дома. В приданое давалось по 30 тыс. куанов [20, с. 398—399]. Старым полководцам, например Нгуен Хоанг Дыку, дарились освобожденные от налогов земельные участки величиной в 30 мау [20, с. 396]. Потомки родовой знати получали унтер-офицерские должности [20, с. 397; 21, с. 33]. В связи с тем, что в Бактхани было неспокойно, император спланировал вокруг себя верных людей. Возможно, недаром именно Нгуен Хоанг Дык был сделан генерал-губернатором этого края.

С самого начала данного этапа государственные власти принимали меры к включению торговцев и владельцев водных транспортных средств в систему государственно-феодальной эксплуатации. В 9-м месяце 1807 г. было установлено, что с владельцев водных транспортных средств (начиная с рыбацких лодок и маленьких торговых судов двухметровой ширины в средней части и вплоть до больших купеческих кораблей 4—8 метров ширины) ежегодно должны взиматься портовые налоги. Эти портовые налоги были не очень большими и колебались в пределах 3—24 куанов в год в зависимости от величины и «класса» транспортных средств [20, с. 352—353].

В то время как рыбацкие корабли шириной в средней части до 4 метров освобождались от перевозок казенных грузов, торговые суда шириной более 2 метров 80 см в принципе обязаны были нести эту государственную повинность (предполага-

лось даже, что в казенных транспортировках участвуют лодки менее двух метров шириной [20, с. 352], однако на практике этого не происходило, ибо контролировать их владельцев было невозможно: они не обязаны были иметь патенты [20, с. 349]).

«Работа на казну» должна была выполняться торговцами и владельцами транспортных средств через год, за что государственные власти предоставляли плату «за фрахт», варьирующую в зависимости от объема перевозимых грузов и длины маршрута. За перевозку грузов тех же размеров из Зядини власти платили в 5 раз больше, чем за транспортировку из Куангнама, максимальное различие в оплате перевозки грузов разной величины из одного и того же места было приблизительно тринадцатикратным [20, с. 349—352].

Один раз в два года купцы и судовладельцы получали возможность «работать на себя», за что обязаны были платить «откупные» в размере от 11 до 146 куанов в зависимости от величины своих кораблей [20, с. 349—352]. Однако на практике владельцы водных транспортных средств могли откупиться от государственных перевозок и в годы обязательной работы «на казну», и этим пользовалась подавляющая часть купечества. Из всех официально зарегистрированных в конце 1808 г. владельцев торговых кораблей 2% были освобождены от налогов изначально, 13% — возили государственные грузы, а 85% откупались, платя за это 17700 куанов [20, с. 399]. Таким образом, налоговый рис из Зядини в это время продолжал перевозиться в основном на казенных кораблях.

В 12-м месяце 1810 г. были несколько ужесточены правила откупа частных торговцев от государственных перевозок: владельцы кораблей обязаны были вносить налоги до 2-го месяца текущего года [21, с. 103—104], в противном случае они должны были отбывать повинность. Однако дальнейшего наступления на права кораблевладельцев не произошло: в 1-м месяце 1811 г. власти еще раз подтвердили их права на откуп [21, с. 106].

Подробные правила казенных транспортировок были установлены в 8-м месяце 1810 г. Они четко определяли маршрут отправляющихся караванов и сроки доставки грузов, предусматривали защиту от пиратов при помощи патрульных кораблей, а в случае необходимости — поддержку береговых служб, касались учета перевозимых предметов и предписывали уровень ответственности за осуществление перевозок. Последнее особенно интересно: если транспорты из Бактхани и Тханьхоа — Нгеана сопровождали «секретари» либо сборщики податей, то караваны из Зядини и всех провинций к югу от Нгеана экспортировали провинциальные чиновники самого высшего уровня вплоть до губернатора [21, с. 86—87]. Это свидетельствует об особой важности для государства именно «южных» грузов.

В конце 1809 г. после смерти Мак Ты Тхиема к Вьетнаму был присоединен ранее вассальный Хатиен. Во главе новой территории были поставлены новые вьетнамские администрато-

ры, один из которых, по-видимому, был этническим китайцем. Без ведома императора они начали вводить налоги, которых ранее не было в Хатиене. Это настроило хатиенцев резко оппозиционно по отношению к новым властям. Обо всем этом рассказал Тхе то проезжавший через Хатиен вьетнамский чиновник, возвращавшийся из Сиам в Фусуан. Император немедленно приказал упразднить не только новые налоги на корабли, но и отменить традиционные: на закалывание свиней, на курение опиума и на игорные дома. Хотя составление подушных реестров и производилось, но ни подушных налогов, ни тем более поземельных податей не устанавливалось. Жители Хатиена не несли никаких повинностей и не платили никаких налогов. В этом смысле их положение в империи Нгуенов было даже более благоприятным, чем положение зядинцев в 1802—1806 гг.

За три месяца до присоединения Хатиена в Зядини было установлено налогообложение хатиенских, сиамских и сингапурских кораблей. Хатиенские и сиамские транспорты от лодок шириной в 2 метра до судов шириной в 6 метров облагались налогами от 40 куанов до 210 куанов. Таким образом, налог на посещение иностранными — хатиенскими, сиамскими и сингапурскими — кораблями шириной до 6 м вьетнамского порта в десятки раз превосходил ту сумму, которую платил местный торговец за разрешение торговать в течение года. В том случае, если корабли привозили установленное количество железа или чугуна (от 1,2 т железа и 2,4 т чугуна — для самых маленьких лодок, до 6,3 т железа и 12,6 т чугуна — для самых больших судов), то их владельцам разрешалось не платить торговых налогов и покупать шелковую пряжу, коконы шелкопряда, шелк, хлопчатобумажную ткань и сахар. Купцы, привозящие железо или чугун в один из портов, получали там документ, дающий соответствующие привилегии, и могли после этого беспрепятственно торговать и покупать ценные товары в других портах. Если же они не привозили столь нужного стране железа и чугуна, то обязаны были платить налоги, а главное, имели право покупать лишь «мелкие» товары. Железо и чугун покупались у хатиенских и сиамских купцов по местной рыночной стоимости: 20 кг чугуна за 1 куан денег и соответственно 10 кг железа за 1 куан денег.

С хатиенских и сиамских кораблей шириной свыше 6 метров брали портовые налоги, как с хайнаньских кораблей. Сингапурские корабли облагались так же, как малаккские и яванские [21, с. 33—36].

Власти строго следили за тем, чтобы налогообложение производилось строго по ставкам, которые были установлены для тех местностей, откуда приехали владельцы или наниматели кораблей. Так, в 1-м месяце 1811 г. гуандунский купец, нанявший хайнаньский корабль, требовал, чтобы с него взяли налоги по ставкам налогообложения хайнаньского, а не гуан-

дунского купечества (последние платили больше). Однако обман был разоблачен, и Тхе то приказал таможенным чиновникам строго проверять купеческие удостоверения и патенты на корабли, дабы обнаружить обман [21, с. 108].

Подтверждались прежние указы о запрете торговли золотом, серебром, медными деньгами, орлиным деревом, киннамоном, благовониями, пряностями, солью, рисом [21, с. 33—35]. Запрет на вывоз риса был столь строгим, что устанавливались очень жесткие нормы выдачи продовольствия потерпевшим кораблекрушение иностранцам при их возвращении домой [21, с. 35]. Следует отметить, что отмена запретов на продажу риса Хатиену была осуществлена лишь через год после его присоединения [21, с. 48, 109]. На покупку хатиенскими и сиамскими купцами таких ценных товаров, как слоновая кость, рог носорога, кардамон, женьшень, корица, перец, сандаловое дерево, эбенное дерево, красное дерево, устанавливался дополнительный налог в размере $\frac{1}{20}$ стоимости покупных товаров [21, с. 35]. В 5-м месяце 1810 г. император исключил из числа запретных товаров также и железное дерево, приказав установить на его продажу двойной дополнительный налог, равный $\frac{1}{10}$ стоимости [21, с. 74].

Хатиенцам, сиамцам и сингапурцам кроме всей Зядини разрешалось торговать лишь на территории не севернее Куангнгай [21, с. 36].

Несмотря на это, внешняя торговля была довольно интенсивной. Это становится ясным хотя бы из того, что сумма торговых налогов с кораблей, посетивших Вьетнам в 1810 и 1811 гг., составила 97 500 куанов [21, с. 129]. Даже если производить расчет общего количества заплативших налоги кораблей по ставкам выше средних размеров (150 куанов), то их численность составит 650. А ведь кроме этого во Вьетнам приезжали торговцы железом и чугуном, освобождавшиеся от налогов, и большое количество контрабандистов. Очевидно, порты империи за два года посетило не менее 1 тыс. иностранных кораблей.

Были сделаны попытки упорядочить финансы. В 5-м месяце 1807 г. Тхе то попробовал выяснить у управляющего ведомства финансов, какая сумма ежегодно тратится на выдачу жалования чиновникам, однако не добился ответа. Управляющий военным ведомством свалил свою некомпетентность на местных чиновников, но получил выговор и вынужден был, «склонив голову», признать свою вину [20, с. 338—339].

В 10-м месяце 1808 г. из Фусуана был усилен контроль за финансами в Бактхани [21, с. 397], а в 11-м месяце того же года управляющим военным ведомством и ведомством финансов было поручено выяснить количество денежных и рисовых поступлений за 1806—1808 гг. на всей территории страны, кроме Бактхани [20, с. 398].

С конца 1808 г. одновременно с отправкой из Фусуана в Бактхань людей, которые взяли под контроль северные финан-

сы и горнорудное дело, сделав период своего присутствия временем наиболее активной разработки рудников [20, с. 395, 397; 21, с. 43, 114, 194], император начал интенсивно назначать новых людей в столичные ведомства (финансов, общественных работ, военное) на должности тхьем ши [20, с. 397]. После смерти в 10-м месяце 1809 г. управляющего ведомством финансов Нгуен Ки Ке император учредил министерские должности и произвел перемещения большей части высших гражданских чиновников. При этом на должность военного министра был назначен вызванный из Тханглаунга «традиционалист» Данг Чан Тхьонг. Так, с 11-го месяца 1809 г. началось постепенное удаление высших консервативных чиновников из Бактхани и концентрация их в столице. Наконец, в 3-м месяце 1810 г. в Фусуане появился приехавший из Тханглаунга Нгуен Ван Тхань [21, с. 70].

Тут же, на первой аудиенции, между Тханем и императором возник небольшой и, как поначалу казалось, совсем безобидный конфликт. После того как Тхе то «долго утешал и расспрашивал» своего посетителя, а затем пожаловал ему 500 куанов денег и 200 канов пчелиного воска, тот попросил разрешить ему захоронить свою мать в Биньхоа — на границе с Зядинью. Однако император решительно воспротивился этому и приказал произвести похороны на «родине предков» — в близко расположенном к столице фу Чиеуфаунг [21, с. 70].

По-видимому, Нгуен Ван Тханю, чувствовавшему себя в неловком положении после провала «традиционалистского» «эксперимента» в Бактхани, по прибытии в Фусуан хотелось подалее и на возможно более длительный срок уехать из столицы. Однако император решил не выпускать его из-под своего контроля и в связи с этим держать поблизости.

Когда Тхань «низко склонился, повинувшись приказу» [21, с. 70], еще ничто не предвещало дальнейших трагических событий. И в то же время было уже ясно, что перед императором склонился не могущественный повелитель Бактхани, а неудачный политик и администратор, серьезные ошибки которого еще длительное время предстоит исправлять лучшим умам и наиболее энергичным государственным деятелям империи.

Несмотря на серьезный ущерб, нанесенный его авторитету, Нгуен Ван Тхань и в период временной отставки не прекратил политической деятельности. В 7-м месяце 1810 г., будучи еще в «траурном» отпуске, он подал императору секретный доклад, в котором предлагал, во-первых, ввести правила награждения окружных и уездных чиновников с помощью повышения жалованья за реальные успехи в работе и определить меры наказания тех же чиновников за совершенные ими ошибки путем вычета штрафа из жалованья; во-вторых, установить трехгодичные проверки, в результате которых окружных и уездных чиновников, не совершивших ошибок, следовало переводить в другие места, и утвердить шестилетние ревизии, на основании

которых чиновники должны были повышаться или понижаться в должности; в-третьих, разобраться в судебных делах, возникающих по поводу наносных земель, постоянно образующихся вдоль русел бактханьских рек, установить правила решения судебных дел подобного рода [21, с. 81—82].

Тхе то приказал динь тханам рассмотреть этот доклад и составить новый с дополнительными соображениями [21, с. 82]. Впоследствии предложения Тханя относительно проверок результатов практической деятельности чиновников были одобрены. Что же касается решения вопроса о «плавающих» землях, то, как уже отмечалось, государственное вмешательство в частноправовые отношения, возникающие в связи с проблемой аллювиальных наносов, было сочтено правительством нежелательным, вследствие чего соответствующие положения и статьи, регулирующие порядок возмещения потерянных или, наоборот, изъятия вновь образовавшихся «полей» по берегам рек, отсутствуют в правовом кодексе, ответственным за составление которого был сам Нгуен Ван Тхань.

По-видимому, первый доклад с предложениями Тханя, составленный уже не всесильным генерал-губернатором, а отошедшим от дел чиновником и явно рассчитанный на политическую ситуацию, складывающуюся в то время в стране и столице, произвел благоприятное впечатление на правительство Тхе то. Однако Нгуен Ван Тхань все еще сомневался в том, что ему простили бактханьский кризис, и боялся показаться при дворе. В 9-м месяце 1810 г. он подал Тхе то доклад с просьбой продлить «траурный» отпуск. Однако император потребовал его приезда в Фусуан. Указав на необходимость забыть личные дела ради дел государственных, он приказал Тханю приступить к работе [21, с. 93]. В Бактхань лидеру «традиционалистов», естественно, вернуться не позволили, а оставили в столице, не предоставив никакой ответственной должности и не поручив соответствующих его положению «государственных дел». Тханю дали возможность на практике реализовать один из пунктов собственных предложений: в 10-м месяце 1810 г. ему было приказано вместе с Чан Ван Чаком проверять работу чиновников, награждать отличившихся и штрафовать провинившихся. Такое поручение без предоставления должности не могло польстить самолюбию бывшего единовластного хозяина Бактхани.

Но Тхань не отчаивался и начал активно действовать. Вскоре он подал новый секретный доклад, в первом пункте которого предлагал расширить источники комплектации местных секретарей низшего разряда — тхуок лаев. Как уже отмечалось, смысл предложения Тханя сводился не к тому, чтобы нанимать тхуок лаев из числа людей состоятельных, ибо это само собой разумелось, а к тому, чтобы наряду с «внесписочными» (нго-ай тить) привлекать к выполнению низших административных функций и «списочных» (ной тить). Таким образом, Тхань

предлагал укрепить низший слой государственной администрации при помощи полноправных общинников. Соответственно и надежность этого слоя зависела от прочности общины, из чего легко можно было сделать далеко идущие выводы о необходимости восстановления былой мощи общины путем воссоздания в полном объеме ее социально-экономической базы — общинного землевладения и упразднения частных земель. Таким образом, данное предложение Тханя носило «традиционалистский» характер и в скрытом виде содержало призыв к укреплению общины.

Во втором пункте своего доклада Тхань настаивал на необходимости возобновить разработку самых богатых медных рудников в Бактхани — тулонгских копей. Мотивировалось это нехваткой меди для литья монеты. Внешне аргументированное «государственными» нуждами, данное предложение содержало выпад против новой бактханьской администрации, незадолго перед тем закрывшей тулонгские рудники, так как «ведавший» добычей меди горский князь Ма Ши Чать, расстратив государственные средства, сделал производство убыточным для казны. Как отмечалось, в сложившейся в горных районах Туиенкуанга ситуации только Ма Ши Чать мог обеспечить безопасную деятельность рудокопов, но передача ему медных копей снова грозила убытками. Нгуен Ван Тхань не мог этого не знать и все же, используя совершенно обоснованное стремление Фусуана увеличить добычу ценной меди, настаивал на возобновлении отношений с Ма Ши Чатем, не дающая доходов деятельность которого была ему больше «по душе», чем «незаконное» обогащение частных предпринимателей.

Третье предложение Нгуен Ван Тханя о необходимости строго запретить откупщикам на таможнях взимать с торговцев налоги выше установленной нормы ($1/40$ стоимости товара) точно повторяло 12-й пункт в докладе Фам Ньи Данга от 1-го месяца 1809 г. [21, с. 20] и было субъективно направлено не столько в защиту купцов («прекратить создавать трудности торговым людям»), сколько против «жадных» откупщиков, однако объективно в случае его принятия должно было способствовать развитию торговли и в соответствии с этим являлось по своему характеру прогрессивным.

В конце своего доклада Нгуен Ван Тхань советовал императору по примеру «внутренних» долинных провинций Бактхани отменить списки «постоянного» подушного налогообложения в шести «внешних» горных провинциях и в Тханьхоа—Нгеане [21, с. 95—96].

Социальный характер этого мероприятия должен был выясниться при его проведении и зависел от системы наказаний за фальсификацию списков тягловых при составлении новых реестров: жесткая система заставляла помещиков терять свои дополнительные доходы, «либеральная» — давала возможность их сохранять хотя бы частично.

После того как доклад Тхяня обсудили высшие чиновники — динь тханы, было решено осуществить два его предложения.

Стремясь возобновить приток в казну ценной меди, император поручил Ма Ши Чатю вновь начать разработку тулонгских копей. Однако на этот раз горскому князю было приказано действовать не как государственному «экономическому» чиновнику, а как частному предпринимателю: казенных денег ему не дали, а заставили начать добычу меди, вкладывая в организацию производства собственные средства. Чать не должен был сдавать всю продукцию рудников государству, а обязан был казне лишь уплатой налога. По-видимому, попытка превращения горского князя в частного предпринимателя в определенной степени удалась, ибо в источниках хотя и сообщается о восстаниях на тулонгских рудниках [21, с. 198] и в районе копей [21, с. 180], но на протяжении всего дальнейшего правления под девизом Зялаунг не отмечается их закрытие.

Желая способствовать развитию торговли, Тхе то одобрил также и предложение Тхяня о необходимости воспрепятствовать откупщикам «грабить» купцов. Вследствие этого была разработана программа определения точных налоговых ставок на каждый вид товара. Эти ставки устанавливались в соответствии со средними рыночными ценами за определенный период времени и не должны были превышать $\frac{1}{40}$ стоимости товара. В дальнейшем таможенники должны были при налогообложении купечества взимать с торговцев деньги точно по установленным ставкам.

Таким образом, воздействие доклада Нгуен Ван Тхяня носило определенный прогрессивный характер. «Творчески переработанные» фусунским правительством два из четырех его предложений способствовали развитию горнорудного дела и торговли. Правда, в первое из них динь тханы внесли столь много своего, что о Нгуен Ван Тхане в этой связи можно говорить лишь как об инициаторе данного мероприятия. Второе же лишь копировало проект Фам Ньи Данга, более обстоятельно изучавшего проблему и, что самое главное, сделавшего это почти за два года до доклада Тхяня.

И все-таки доклад Тхяня от 10-го месяца 1810 г. отличался от его предшествующих посланий императору. Дело не только в том, что некоторые его предложения носили объективно прогрессивный характер. Чрезвычайно существенным, на наш взгляд, является стремление лидера консерваторов тщательно камуфлировать те «традиционалистские» идеи, которые ранее излагались им открыто.

По-видимому, это связано с тем, что после смены «традиционалистской» администрации в Бактхани политика «реализма» фактически победила по всей стране. В связи с этим даже в среде «традиционалистских» вождей стало ясно: чтобы не потерять места в руководстве, чтобы сохранить влияние на выработку и реализацию государственной политики, надо приспособ-

ливаться к требованиям времени и хотя бы формально говорить и делать то, чего ждет верховная власть.

Естественно, это ни в коей мере не означало, что «традиционалисты» в общем и их лидер в частности поменяли свои теоретические взгляды, готовы были полностью и всерьез отказаться от прежних политических программ, хотели действительно примкнуть к «реалистическому» курсу и активно сотрудничать со своими бывшими противниками в его реализации. Отнюдь нет. Доказательством тому служат попытки Нгуен Ван Тханя добиться реализации мероприятий, имеющих скрытую «традиционалистскую» направленность.

Однако, стремясь добиться реабилитации и восстановления в прежней должности, Нгуен Ван Тхань был вынужден прекратить высказывать свои идеи в открытой форме и даже солидаризироваться с официальным курсом, в основе которого лежали идеи «реализма».

Впрочем, убедить императора в своем политическом перерождении ему не удалось. Наученный горьким опытом, Тхе то не решился вернуть Тханю Бактхань. Лидеру «традиционалистов» было дано почетное и достаточно ответственное задание: подготовить окончательную редакцию Свода законов и уголовных наказаний [21, с. 106]. Однако никакой административной власти он так и не получил. Вскоре к работе Тханя был подключен также удаленный в 11-м месяце 1810 г. из Бактхани Фам Ньи Данг, назначенный на почетную должность министра ведомства обрядов [21, с. 99]. Если добавить к этому, что третьим в комиссии по составлению кодекса был также «традиционалист», бывший управляющий бактханьской службой надзора за дамбами Во Чинь [21, с. 138], то становится понятным, почему в выпущенном в 1815 г. Своде было воспроизведено максимальное количество архаичных, уже отживших положений и одновременно были опущены многие новые нормы, давно и прочно существующие в обычном праве.

«Традиционалисты» усердно собирали, читали и преподносили императору старые книги [21, с. 138], тот с благодарностью их принимал, сам издавал приказы искать своды и кодексы прежних династий [21, с. 120], часто беседовал с учеными мужами [21, с. 114—118, 119—120, 124, 125, 131, 135, 138, 142], но до политической и административной деятельности их больше не допускал.

Важнейшие военные и гражданские посты в столице, равно как в Бактхани и Зядини, были заняты «реалистами». Нгуен Ван Тхань и другие вожди «традиционалистов», собравшиеся в 1810—1811 гг. в Фусуане, были решительно отеснены от управления государством. Долго они этого терпеть не могли, взрыв был неминуем. Необходим был лишь повод, который бы дал основания для открытой борьбы.

Между тем на политическом горизонте появилась новая фигура, которой впоследствии предстояло пережить всех своих

противников. Это был старший из оставшихся в живых сыновей Тхе то, четвертый сын Хиеу (Дам), впоследствии — император Тхань то, царствовавший под девизом правления Миньмень. В 1-м месяце 1812 г. он первый раз заменил ушибшего ногу Тхе то при исполнении траурных церемоний во дворце умершей в 9-м месяце 1811 г. императрицы-матери [21, с. 143, 127—129]. Во 2-м месяце при осмотре места для гробницы императрицы-матери произошло первое столкновение Нгуен Ван Тханя и принца Хиеу, который уличил лидера «традиционалистов» в непочтительности к императору и императорскому роду. Как сообщают феодальные историки, «Ван Тхань, поняв, что сказал неверно, устыдился, испугался и отошел в сторону» [21, с. 143—144].

Назревала острая борьба, в результате которой должно было решиться, кому достанется власть в империи.

ПОБЕДА «РЕАЛИСТОВ»
(середина 1812 — середина 1817 г.)

**Борьба политических группировок в столице
и разгром «традиционалистов»**

Основным политическим событием этого времени был полный разгром в столице наиболее активных «традиционалистов», не примирившихся с лишением их реальной власти. Продолжая отстаивать свои политические позиции, они не останавливаются при этом ни перед интригами против самого императора, ни даже перед прямой изменой интересам династии.

В 6-м месяце 1812 г. Нгуен Ван Тхань, так и не добившийся своего возвращения в Бактхань, подал еще один доклад со следующими предложениями: 1) заранее определить наследника и предоставить титулы принцам, «дабы успокоить души людей»; 2) опубликовать и распространить текст Свода законов и уголовных наказаний, «чтобы прояснить правила и законоположения»; 3) увеличить численность «конфуцианских чиновников» для назначения в Историографический архив; 4) подчинить Кампучию для «установления спокойствия на границе» [21, с. 157].

Среди этих предложений не было ни одного, указывающего на принадлежность их автора к «традиционалистскому» лагерю. На определенное время Нгуен Ван Тхань формально принял нормы фусуанского двора, внешне приспособился к господствующим здесь социально-политическим установкам. Даже внешнеполитический экстремизм разделялся в то время вождем «реалистов»: Ле Ван Зюет сам водил войска в Кампучию.

Не имея возможности изменить принятый верховной властью политический курс, Нгуен Ван Тхань возложил свои надежды на будущего императора, в лице которого он хотел иметь послушную марионетку.

Вследствие этого первое предложение в докладе лидера «традиционалистов» затрагивало больной вопрос о престолонаследии. Прошло 10 лет после захвата Нгуен Фук Анем власти в стране, император уже достиг пятидесятилетнего возраста, а преемник еще не был намечен.

Наибольшими правами на трон обладали двое: старший из оставшихся в живых императорских сыновей принц Хиеу (Дам), будущий император Тхань то, и Ми Дьонг — внук Тхе то, сын принца Каня, объявленного наследником в 1793 г. и умершего в возрасте 21 года в 1801 г. [19, с. 386].

К 1812 г. принцу Хиеу был уже 21 год, а Ми Дыонг был еще ребенком. Это и определило позиции соперничающих группировок. Нгуен Ван Тхань после отстранения от власти в Бактхани и бесплодных попыток восстановить доверие Тхе то понял, что реально влиять на политику либо управлять одним из краев, Бактханью или Зядинью, при жизни нынешнего правителя он уже более не будет. Тогда Тхань стал рассчитывать на то, что после смерти Тхе то, при малолетнем Ми Дыонге, сможет «волею Неба» стать настоящим хозяином страны.

Принц Хиеу, вокруг которого стала постепенно образовываться группа умеренных «традиционалистов»-южан, главой которых был его наставник, Данг Дык Шиеу, знал о стремлениях Нгуен Ван Тханя и не испытывал к нему особой приязни. Во 2-м месяце 1809 г. Шиеу умер, и принц Хиеу остался без наставника [21, с. 66]. Вскоре он обрел новое окружение, состоявшее уже скорее не из наставников, а помощников, также являвшихся «традиционалистами» умеренной ориентации. В конфликте с Нгуен Ван Тханем принц Хиеу выступал не как «традиционалист», а как преемник Тхе то, старший из оставшихся в живых сыновей, наиболее способный уберечь страну от «узурпации» власти, как тот, кто сможет надежно сохранить вьетнамский трон за династией Нгуенов.

Сам Тхе то, естественно, стремился закрепить трон именно за старшим сыном, а не за малолетним внуком, ссылаясь при этом на пример войны «Цзин нань» в Китае, которая, по его мнению, была вызвана тем, что Чжу Юань-чжан назначил своим наследником внука Чжу Юнь-вэня [21, с. 278].

Первое столкновение по этому вопросу произошло между Нгуен Ван Тханем и его сторонниками, с одной стороны, и самим императором — с другой после смерти главной жены Тхе то, когда надо было определить, кто будет произносить ритуальные поминальные слова, обращенные к духу умершей. Именно тот, кто зачитывал поминание, считался главным «жертвоприносителем» и одновременно наследником императрицы. Часть придворных считала, что таковым должен быть Ми Дыонг. Однако Тхе то заявил, что принц Хиеу официально является сыном императрицы, так как усыновлен ею в трехлетнем возрасте. Документ, подтверждающий усыновление, составлялся Ле Ван Зюетом и хранился у одной из императорских наложниц [21, с. 214].

Признание принца Хиеу в качестве наследника императрицы утверждало и его право наследования Тхе то. Поэтому Нгуен Ван Тхань резко выступил против того, чтобы именно принц Хиеу зачитывал ритуальное поминание, утверждая, что в этом случае «трудно будет дозваться» духа императрицы. Тхе то ответил довольно резко, указав, что «сын исполняет волю отца». У Нгуен Ван Тханя, по свидетельству очевидцев, «был недовольный вид» [21, с. 214].

С этого времени Нгуен Ван Тхань стал пытаться собрать вокруг себя в столице единомышленников, которые поддержали

бы его идею о провозглашении наследником Ми Дьонга. Устроив однажды пир для своих друзей из числа высших сановников, он открыто заявил, что «надо посадить на трон внука», добавив при этом, что вскоре он обратится с этой просьбой к самому императору. По-видимому, приглашенные к Тханю сановники были его единомышленниками, то есть представителями лагеря «традиционалистов». Однако фусуанские «традиционалисты» очень отличались от бактханьских прежде всего своей пассивностью, умеренностью и нежеланием ни при каких условиях вступать в конфликт с Тхе то, ибо делать это в столице, где полностью преобладали «реалисты», было совершенно бессмысленно. Поэтому слова Тханя, по сообщению феодальных историков, «повергли всех в молчание». Наконец испуганный Чинь Хоай Дык (его присутствие свидетельствует в пользу того, что пир был «традиционалистским») отказался препятствовать воле императора, заявив, что «если подданные будут строить собственные планы, то, даже желая совершить великий подвиг, все равно будут повинны в великом преступлении» [21, с. 267].

Тхе то сильно разгневался, когда ему стало известно о речи Тханя [21, с. 267], однако временно предоставил ему свободу действий. Тхань не преминул этим воспользоваться и, сдержав данное на пиру обещание, каждый раз на императорском приеме обращался к Тхе то с просьбой официально определить наследника. В ответ император молчал [21, с. 267].

Демонстративные запросы Тханя о наследнике были расценены «реалистами» как антиправительственные выступления «традиционалистов». Решено было действовать немедленно.

Феодальные историки сообщают, что чиновник ведомства юстиции Нгуен Хью Нги заставил своего земляка Чыонг Хиеу, служившего у Нгуен Ван Тхюена, являвшегося сыном Нгуен Ван Тханя, передать Ле Ван Зюету полученные от Тхюена стихи, содержание которых можно было, как полагал Зюет, счесть «бунтовщическим». Зюет тотчас доложил об этом Тхе то, но тот не нашел достаточных оснований для того, чтобы считать это «бунтом». Стихи были возвращены автору, а «дело» прекращено [21, с. 268].

В это время Чыонг Хиеу стал шантажировать Нгуен Ван Тхюена, требуя денег. Тхюен денег не давал. Тогда Чыонг Хиеу, дождавшись выхода Нгуен Ван Тханя из императорского дворца, «схватил его за полу одежды и стал непрерывно задавать вопросы». Эти вопросы были такого характера, что Тхань вынужден был посадить Чыонг Хиеу и своего сына в тюрьму, а сам явился во дворец и сообщил обо всем императору [21, с. 268].

Тхе то передал дело Тхюена на суд высших чиновников императорского двора (динь тханов), уже одним этим актом фактически признав его вину. На допросе Чыонг Хиеу сообщил о разговоре Нгуен Ван Тхюена и указал еще на одного свидетеля, До Ван Тьонга, уехавшего в Зядинь. Хотя в конце 1815 г. Тхю-

ен был выпущен на свободу, зядинским чиновникам было приказано доставить Тьюнга в столицу [21, с. 267—269].

Пока в Зядини искали Тьюнга, нападки «реалистов» на Нгуен Ван Тханя при дворе усилились. Явившийся на аудиенцию в начале 1816 г. Нгуен Зюи Хоа, в свое время вместе с Ле Тятом пришедший в Бактхань менять «традиционалистскую» администрацию, обвинил Нгуен Ван Тханя в том, что тот, во-первых, не покаялся за вину сына; во-вторых, не дает свершиться правосудию в отношении сына, спокойно живущего у себя дома; в-третьих, при составлении законодательства выпустил пункт о запрете чиновникам вступать в близкие и дружеские отношения с челядью; в-четвертых, выдвинул на чиновничью должность недостойного человека; в-пятых, скрыл свой грех, заключавшийся в принуждении к сожителству замужней женщины; в-шестых, замыслил «создать шайку»; в-седьмых, обманывал вышестоящих и действовал ради собственной выгоды; в-восьмых, нарушив правила, построил мавзолей для матери [21, с. 275]. Из всего этого набора разных и разновременных проступков, нарушений и преступлений Нгуен Зюи Хоа делал вывод об «очень большой вине» Тханя. Император дал ход делу бывшего генерал-губернатора Бактхани.

Когда обвинение было передано для разбора на «придворном заседании», Тхань признал себя виновным лишь в выдвижении на должность недостойной кандидатуры.

Атака «реалистов» на Нгуен Ван Тханя развивалась вполне успешно, когда совершенно непредвиденный случай показал, что столичные «традиционалисты» готовы дать отпор. Привыкший к простоте зядинских нравов Нгуен Зюи Хоа (будучи уроженцем Куангбиня, он долгое время жил в Зядини и в 1794 г. был зачислен там в Ханламвиен [19, с. 198]), проезжая в паланкине через ворота Нгомон, в нарушение законов, не спешил, проявив тем самым непочтительность к особе государя. Нравы при дворе Тхе то не были такими строгими и в другом случае на проступок Нгуен Зюи Хоа просто закрыли бы глаза, но «традиционалисты» видели в нем своего врага, главного обвинителя Нгуен Ван Тханя. Поэтому они сочли необходимым сурово наказать Хоа и тем самым дискредитировать.

Когда офицер дворцовой стражи доставил Хоа в ведомство юстиции, его мелким проступком занялся сам министр Фам Нь Данг, в прошлом один из лидеров бактханьских «традиционалистов» и личный друг Нгуен Ван Тханя. Стремясь возможно сильнее очернить врага своего вождя, он приказал не только дать Хоа 50 плетей за несоблюдение почтительности, но и приговорил его к понижению на одну ступень за «государственное преступление».

Пристрастность судьи и несправедливость наказания были совершенно очевидны. Не мог не видеть это и Тхе то. Поэтому, не усмотрев в проступке Хоа никакого «государственного преступления», он отменил понижение и вынес новый приго-

вор — 80 палок за «проезд через Нгомон не спешиваясь» без всякого понижения [21, с. 276].

Фам Ньи Данг был не единственным защитником Нгуен Ван Тханя в столице. Через некоторое время после заключения Нгуен Ван Тхюена в тюрьму доставивший его туда Во Чинь и военачальник Тонг Фыок Нгоан, ссылаясь на слова одного из мелких юстиционных служащих, Чан Нгаук Нгы, заявили о том, что обвинитель Тхюена, Чыонг Хиеу, до службы у Тхюена являлся зависимым человеком у осведомителя Ле Ван Зюета — Нгуен Хыу Нги. Это обесценивало свидетельство Чыонг Хиеу, ибо зависимый юридически не мог быть свидетелем в пользу своего хозяина. Но когда юстиционного служащего заключили в тюрьму и стали допрашивать, выяснилось, что он дал ложные показания, на которые его толкнули Во Чинь и Тонг Фыок Нгоан. В результате и эти двое были обвинены и взяты под стражу [21, с. 277]. Назревал большой процесс «традиционалистов».

Одновременно ведомство обрядов, министром которого был один из сторонников «реалистов», Фам Данг Хынг, подало доклад, в котором предлагалось запретить Нгуен Ван Тханю присутствовать на церемонии жертвоприношений Небу и Земле. Однако Тхе то еще колебался, указывал, что преступником является сын Тханя, а не он сам, заявлял, что «дело еще темное и не надо слушать небылицы» [21, с. 277]. В итоге Тханю разрешено было присутствовать на церемонии.

Однако, почувствовав реальную угрозу, нависшую не только над его карьерой, но и над жизнью, лидер «традиционалистов» потерял самообладание и стал делать одну ошибку за другой, обостряя тем самым конфликт с верховной властью. Через некоторое время после нападок главы ведомства обрядов он с громким криком попытался ворваться во дворец во время императорского приема. Но теперь уже бывшего почтения некогда всесильному сановнику оказано не было: его просто не пустили на прием и заставили уйти. С этого времени вход Тханю на императорские аудиенции был запрещен.

В следующем, 3-м месяце 1816 г. в качестве наследника престола был официально утвержден принц Хиеу. Обстановка, в которой происходила церемония провозглашения наследника, свидетельствовала как о значительной напряженности при дворе, так и о твердом намерении императора подавить любую оппозицию.

На большой императорской аудиенции Тхе то объявил, что «утомлен делами» и поглощен великими замыслами. Затем он приказал Чинь Хоай Дыку написать: «Назначаем принца Хиеу наследным принцем». После того как эта надпись была показана всем присутствующим, император сказал: «Все те, кто согласны, напишите свое имя». Противников не оказалось. Все чиновники, и те, кто поддерживал кандидатуру принца Хиеу, и те, кто ранее стоял за Ми Дыонга, выразили «повиновение приказу» [21, с. 278].

Началась подготовка к официальной церемонии провозглашения наследника [21, с. 279—280]. Одновременно завершался разгром «традиционалистской» оппозиции.

В Зядини наконец нашли и привезли в Фусуан До Ван Тьюнга, который подтвердил заявление Чыонг Хиеу, что «бунтовщические стихи» написаны рукой Нгуен Ван Тхюена [21, с. 283]. Теперь уже никто не сомневался в том, что смысл стихов «бунтовщический», надо было лишь доказать, что они написаны рукой сына Нгуен Ван Тханя. Расследование было поручено не министру юстиции Фам Ньи Дангу, как это полагалось бы по правилам (ибо тот был известен своей принадлежностью к лагерю «традиционалистов»), а министру обрядов Фам Данг Хынг-гу, зядинцу и стороннику «реалистов». Именно Фам Данг Хынг в 4-м месяце 1816 г. засвидетельствовал идентичность показаний До Ван Тьюнга и Чыонг Хиеу. На вопрос же Тхе то о том, сознался ли Тхюен и почему он лукавит, министр обрядов ответил: «Ван Тхюен, полагаясь на то, что он сын конг тхана (заслуженного сановника.— *А. Р.*), считает, что император не решится казнить (его.— *А. Р.*), а сановники, последовав желаниям совершенномудрого (т. е. государя.— *А. Р.*), не осмелятся применить к нему все правила допроса и пыток, поэтому-то (Тхюен.— *А. Р.*) лукавит» [21, с. 283]. Утверждение Хынга о безнаказанности Тхюена вследствие родства с Нгуен Ван Тханем толкнуло императора к решительным действиям. На следующее утро он вызвал Ле Ван Зюета и передал в его руки Тхюена [21, с. 283—284].

О том, что сделал бывший дворцовый евнух с сыном своего политического противника, источник умалчивает. Известно лишь, что в итоге Тхюен во всем сознался. Это заставило и всерьез испугавшегося Нгуен Ван Тханя признать свою вину за проступок сына. После этого Тхе то вынес письменное покаяние Тханя на суд высших чиновников. Их решение сообщил императору все тот же Фам Данг Хынг. Сочтя слова Тханя «двусмысленными», Хынг заявил, что тот «хочет мелкой хитростью обмануть двор, признание (Тханем.— *А. Р.*) вины не чистосердечно» [21, с. 284]. Однако император не решился сразу обрушить на Тханя всю тяжесть удара, указав, что «Ван Тхань не бунтовщик», а вина его состоит в том, что он «покрывал ошибки сына» [21, с. 284].

Чиновники, будто не слушая своего государя, настаивали на том, чтобы арестовать и посадить Тханя в тюрьму. Тхе то, ссылаясь на существование определенных правил поведения в отношении дай тхана (высшего сановника), даже в том случае, если он преступник, приказал отобрать у Тханя печать командующего армией и посадить под домашний арест. Дальше этого император не пошел. В обращении к высшим чиновникам он продолжал делать упор на то, что Тхань виновен лишь в поворстве сыну.

«Дело Тхюена» дало формальный повод к подавлению «тра-

диционалистской» оппозиции в столице. Началась чистка высших военных и гражданских чиновников, дворцового офицерства. Проверялись личные связи и частные контакты столичного чиновничества. Кампания проводилась с большой строгостью, офицер дворцовой стражи Во Виет Бао был брошен в тюрьму только за то, что не смог объяснить причину, по которой его посещал на дому один из его подчиненных. Ведомство юстиции приговорило Бао к ссылке, от которой его спасло лишь личное заступничество императора. В итоге Во Виет Бао был понижен в должности [21, с. 284].

В 6-м месяце 1816 г. принц Хиеу получил собственный парадный дворец Тханьхоа, в котором состоялась торжественная церемония провозглашения четвертого сына Тхе то наследным принцем [21, с. 288]. Был назначен штат «придворных» чиновников наследного принца, в число которых входили такие впоследствии известные гражданские деятели «традиционалистского» направления, как Нгуен Хоай Кюинь, Буй Дык Ман, Хоанг Ким Хоан, Нгуен Данг Туан и др. [21, с. 290]. Почти сразу же начались нападки людей из окружения наследного принца на отдельных военачальников, терпевших поражение в тяжелой войне с куангнгайскими горцами [21, с. 291]. Хотя в данном случае обвинения и были обоснованы, но уже начинало ощущаться не только недоверчивое, но и высокомерное отношение почуствовавших свою силу гражданских чиновников к «неспособным военным», чего ранее не допускалось.

Эти политические перемены отнюдь не облегчили участь Нгуен Ван Тхяня и его сына. Напротив, они лишь приблизили развязку.

В 6-м дополнительном месяце 1816 г. высшие чиновники (динь тханы) вынесли следующее решение по делу Нгуен Ван Тхюена и его отца: «Ван Тхюен замышлял совершить мятеж, его вина совершенно очевидна, Ван Тхань осмелился защищать и покрывать сына, выставлять свои требования в порочных докладах, строить мавзолей, нарушая правила, безрассудно выдвигать людей, за множество таких противозаконных поступков просим присудить его к смерти» [21, с. 292]. Лишь один из динь тханов имел «особое» мнение. Это был тхам чи ведомства кадров Чан Ван Туан, будущий автор хроники «Начало процветания династии Нгуенов» [32]. Он заявил, что проступок Нгуен Ван Тхяня, не сумевшего «научить» сына, легок, а вина Нгуен Зюи Хоа, обвинившего дай тхана (т. е. Нгуен Ван Тхяня) в служебном проступке, тяжела. Это «особое» мнение страшно разгневало императора, и он обрушился на смелого защитника Нгуен Ван Тхяня с резкими нападками: «Таким образом, ты хочешь заткнуть рот нашим людям, да? Разве здесь нет сговора?» Но, стремясь добиться единства мнений всех сановников любой ценой, Тхе то отдал приказ динь тханям составить новое обвинительное заключение [21, с. 293].

Почувствовав, что император не будет защищать Нгуен Ван

Тханя, лидеры «реалистов» решили подлить масла в огонь. Ле Ван Зюет подал доклад, в котором сообщил, что поймал человека, укравшего у него печать командующего Лево́й армией и сознавшегося, что он послан Нгуен Ван Тханем, будто бы обещавшим ему за воровство 30 серебряных лангов. Кроме того, Зюет докладывал, что подосланный первоначально пытался стать одним из слуг в его доме, чтобы тайно отравить его. Лишь когда этот «коварный» замысел не удался, недоброжелатель решил прибегнуть к краже печати. Император не поверил этой выдумке. Заявив, что в рассказе «пойманного с поличным» много не сходится, в связи с чем нет оснований для тщательного расследования, в результате которого может распространиться подозрение и на других людей, Тхе то решил не расширять круг обвиняемых. Вора казнили, а дело прекратили [21, с. 302].

Действительно, судебных процессов по обвинению в покушении на интересы династии в это время во Вьетнаме было слишком много. Еще в 5-м месяце 1811 г. было обнаружено, что в Бактхани противозаконно роздано 560 дипломов «добрых духов» умершим северянам, в числе которых находились даже такие политические и военные деятели эпохи правления Чиней, как полководец Хоанг Нгу Фук, поход которого на Фусуан в 1774 г. привел к падению нгуеновского государства Дангчаунг. Для династии Нгуенов Хоанг Нгу Фук был непримиримым врагом, вполне сравнимым с Тайшонами, и пожалование ему диплома «доброго духа» являлось государственным преступлением.

Решением вопроса о присвоении дипломов «добрых духов» Тхе то доверил заниматься чиновнику ведомства обрядов «традиционалисту» Нгуен Зя Кату. Тот сделал ответственным за это дело одного из тхием ши ведомства обрядов и тайно дал ему в помощь своего сына и брата жены. Эти трое с ведома и одобрения Ката и вносили в государственный пантеон духов врагов династии, присваивая им титулы дай выонгов. Не забывали они и о себе. Тхием ши, например, приобщил к государственному культу не только своих родителей, но и родителей жены. Все это знал и друг Нгуен Ван Тханя Данг Чан Тхьонг, непосредственно вносивший «недостойные» имена в поминальный культовый свод «добрых духов».

Когда старательно разобравшиеся во всем этом чиновники Ле Тята подали императору обвинительный доклад, тот поручил вынести решение ведомству юстиции. Но там мнения разделились. Министр-«традиционалист» и сподвижник Нгуен Ван Тханя Фам Ньи Данг предлагал Данг Чан Тхьонга разжаловать, а Нгуен Зя Ката казнить. Тхам чи Ле Ба Фам считал, что оба они в равной мере достойны смерти. Тогда император вынес дело о «добрых духах» на суд динь тханов. Это происходило в 5-м месяце 1811 г. и Нгуен Ван Тхань еще входил в число высших сановников государства. Поддержанный своими сторонниками, он в принципе признавал вину Тхьонга и Ката, но счи-

тал, что учет их прежних заслуг должен смягчить наказание. Умеренные «традиционалисты» Чинь Хоай Дык и Чан Ван Чак присоединились к мнению Фам Ньи Данга. Феодальные историки сообщают, что динь тхань долго обсуждали вопрос о мере наказания Тхыонга и Ката, но так и не пришли к единому мнению. Когда об этом было доложено Тхе то, тот одобрил наиболее суровое решение, принадлежавшее Ле Ба Фаму, а Нгуен Ван Тханя оштрафовал. Тхам чи отрубили голову, сына и шурина Нгуен Зя Ката отправили на каторжные работы, самого Ката вместе с Тхыонгом заключили в тюрьму до «окончательного императорского решения» [21, с. 118—119]. В 9-м месяце 1813 г. Данг Чан Тхыонг и Нгуен Зя Кат были помилованы, но исключены из чиновничьего сословия. По-видимому, чтобы не дать помилованным преступникам возможности вернуться в Бактхань, им «разрешили» жить в столице [21, с. 197].

В 3-м месяце 1816 г., когда принц Хиеу был утвержден наследником и судебный процесс над сыном Нгуен Ван Тханя еще находился в начальной стадии, Ле Тят выяснил, что Данг Чан Тхыонг незаконно утаивал налоги с прудов, водоемов, полей и тягловых в период своей службы в Бактхани [21, с. 304].

Следует отметить, что инициаторами обвинения Тхыонга были отнюдь не чиновники-«реалисты». По сообщению Фан Тхук Чыка, «судебное дело против него было возбуждено помещиками и народом» [29, с. 263]. Ле Тят лишь использовал острый социальный протест частных землевладельцев, помещиков и зажиточного крестьянства против деятельности активного сторонника усиления государственно-феодальной эксплуатации в Бактхани. Таким образом, сама действительность, объективные законы исторического развития обуславливали поражение и гибель наиболее решительной части «традиционалистов», попробовавшей реализовать свою политическую программу.

В 10-м месяце 1816 г. у динь тханов уже не было сомнения в виновности Данг Чан Тхыонга. Он был снова брошен в тюрьму и приговорен к смерти. Все хронисты отмечают презрение и ненависть Тхыонга к своим противникам. Официальные историки сообщают, что, уже будучи в тюрьме, он «напивался водки и говорил много необдуманного, большей частью обвинял» [21, с. 304]. Фан Тхук Чык упоминает о «раздражении», «непримиримости» и «нескромных речах» Данг Чан Тхыонга [29, с. 263].

Относительно обстоятельств смерти Тхыонга в источниках имеются расхождения. Официальные историки свидетельствуют о том, что он был задушен в 10-м месяце 1816 г., а имущество его было конфисковано [21, с. 304]. Фан Тхук Чык сообщает, что Тхыонгу отрубили голову после того, как он в отличие от Нгуен Ван Тханя отказался от яда, красного шнура и короткого меча для самоубийства [29, с. 271].

Как бы там ни было, но Данг Чан Тхыонг в отличие от «традиционалистов»-южан был, по-видимому, настроен не только против существующего правительства, но и выступал за восста-

новление культурной и политической традиции Ле—Чинь. Это делало его противником всего нгуеновского режима и прямо вело в ряды вооруженной оппозиции.

Эта оппозиция в отличие от предшествующего этапа сделала своим знаменем не самозванцев, не потерявших популярность Чиней и даже не представителей боковых ветвей рода Ле, а его официального главу и продолжателя родового культа — Ле Зюи Хоана, с легитимистской точки зрения имевшего значительно больше прав на императорский титул, чем Нгуен Фук Ань.

В 1816 г. Ле Зюи Хоан был арестован в своем родовом имении в Тханьхоа и обвинен в подготовке восстания и организации государственного переворота. Из Тханьхоа связи Хоана вели к киньбакским повстанцам, а инициатором заговора, в результате которого он был бы объявлен императором Ле, являлся житель Верхнего Шоннама. При захвате Хоана были обнаружены серьезные улики — письмо сообщников и печати, удостоверяющие его стремление к верховной власти. Расследование проводили вице-губернатор Тханьхоа и бактханьская администрация. Оно было закончено в 11-м месяце 1816 г., когда на Ле Зюи Хоана надели колодки и отправили в Фусуан. Туда же просил разрешения явиться и весь перепуганный род Ле, дабы принять коллективное наказание. Однако Тхе то не собирался устраивать массовые репрессии, способные усилить антиправительственные настроения на Севере, и заявил, что вина Ле Зюи Хоана не распространяется на его родственников [21, с. 304—305].

Заговор Ле Зюи Хоана был использован для окончательного разгрома и уничтожения «традиционалистской» оппозиции. В столичном ведомстве юстиции от Хоана были получены сведения о его связях с Нгуен Ван Тхюеном. Принц сообщил, что состоял в переписке с Тхюеном и их отношения имели целью подготовку восстания. Сначала Тхе то усомнился, мог ли Тхюен, будучи в тюрьме, посылать письма Хоану, однако Нгуен Ван Нян и Нгуен Динь Дык убедили его в том, что связь обоих мятежников началась еще со времени правления Нгуен Ван Тханя в Бактхани. Император поверил. Стремясь побудить правителя к более решительным действиям, близкий к нему в этот период Фам Данг Хынг заявил, что «сегодняшнее наказание Нгуен Ван Тхань навлек на себя сам» [21, с. 319—320].

В 5-м месяце 1817 г. динь тханы снова подали доклад, в котором говорилось, что признания Ле Зюи Хоана со всей очевидностью свидетельствуют о бунтовщических замыслах Нгуен Ван Тханя и его сына. В связи с этим предлагалось покарать обоих бунтовщиков. Вполне удовлетворенный таким решением, император, как это и полагалось, посетовал на неблагодарность Тханя и приказал заключить его вместе со всеми детьми в тюрьму при помещении дворцовой стражи (кордегардии).

Официальные историки сообщают, что допрос Тханя был устроен в Во конг тхы — помещении для сборов военных чинов-

ников [21, с. 320]. По-видимому, если гражданские должностные лица и были туда допущены, то они были в меньшинстве. Во всяком случае, роль военных, по данным официальной хроники, в решении участи Тханя была очень значительна.

На допросе Тхань отрицал не только свое участие в заговоре, но и то, что знал о нем. Однако это не поколебало решимости судей, и ему было приказано покончить с собой.

Фан Тхук Чык считает, что послать Тханю, равно как и Данг Чан Тхыонгу, «яд, красный шнурок и короткий меч» посоветовал императору сын Ле Кюи Дона — Ле Кюи Киет [29, с. 270—272]. Однако нгеанский хронист часто преувеличивает влияние ученой элиты Севера на решения Тхе то. Особенно это относится к упомянутому Ле Кюи Киету, который, по сообщениям Фан Тхук Чыка, являлся одним из наиболее доверенных советников императора, в то время как его имя ни разу не встречается на страницах хроники «Правдивые записи о Дай Наме».

По возвращении Тханя в тюрьму ему были принесены средства для самоубийства, и он выбрал яд. Узнав о его смерти, Тхе то разгневался, заявив, что Тхань «умер не раскаявшись, и порочность его становится еще более очевидной». Однако, когда ему принесли предсмертное послание Тханя, император смягчился, расплакался, и, несмотря на то что Фам Данг Хынг советовал похоронить Тханя как простолюдина, тому были оказаны посмертные почести: 30 солдат организовали похороны, из казны выделили 500 куанов, богатые одежды и шелка [21, с. 320—321].

Все дети Тханя, кроме Тхюена, были выпущены из тюрьмы. Нгуен Ван Тхюена и Ле Зюи Хоана четвертовали.

Тонг Фыок Нгоана наказали палками, разжаловали, а затем выжгли ему клеймо. Лжесвидетеля Чан Нгаук Нгы отправили в ссылку. Доносчику Чыонг Хиеу дали 500 куанов. Пытавшегося спасти Тхюена Во Чиня приговорили к смерти с ожиданием в тюрьме окончательного решения императора [21, с. 321].

Фан Тхук Чык сообщает, что Во Чинь был замешан в деле о выдаче дипломов «добрых духов» в Бактхани [29, с. 265]. Однако его не казнили, а впоследствии отправили в ссылку в Хойан, где он приобрел столь большую славу частной преподавательской деятельностью, что даже удостоился прижизненного храма, построенного его учениками [29, с. 263].

О заговоре Ле Зюи Хоана и Нгуен Ван Тхюена было объявлено по всей стране. В указе Нгуен Ван Тхань фигурировал лишь как отец бунтовщика, однако дискредитация его была полной [21, с. 321—322].

Разгром активных «традиционалистов», физическое устранение многих из них, в том числе и их лидера Нгуен Ван Тханя, решительно подрывали к середине 1817 г. позиции защитников консервативной тенденции общественной эволюции. Поражение и гибель самых решительных противников «реалистического» направления в социальной и экономической политике было

объективно обусловлено основными общими закономерностями периода прогрессивного развития позднефеодального вьетнамского общества в течение первых двух десятилетий XIX в. На третьем этапе этого периода данные закономерности выразились в дальнейшем выравнивании экономической и социальной ситуации в масштабах всей страны (на основе норм, более близких к «южной» модели развития) настолько, что были созданы реальные предпосылки для сближения различающихся между собой внутривластных курсов, проводимых властями в отдельных частях империи.

Выравнивание экономической и социальной ситуации в масштабах всей страны.

Меры по унификации внутривластного курса

Экономическое положение в Бактхани с середины 1812 по середину 1817 г. было значительно более благоприятным, чем ранее. Если не считать разрешения вносить недоимки за 1809—1813 гг. деньгами (на большей части территории края из расчета 6 тиенов на 1 хок, а в пяти уездах Киньбака из расчета 7 тиенов за 1 хок [21, с. 217]), то вплоть до начала 1815 г. отмены налогов и повинностей, связанных с неурожаем или стихийным бедствием исключительно в рамках края, не было. В то же время на Бактхань распространялись следующие указы Тхе то: от 10-го месяца 1812 г. — об отсрочке недоимок по всей стране на год в связи с отсутствием дождя [21, с. 166]; от 1-го месяца 1813 г. — о повсеместной отмене денежных, рисовых и «предметных» промыслово-ремесленных недоимок, накопившихся начиная с 1808 г. [21, с. 179]; от 3-го месяца 1813 г. — о снижении поземельных налогов по всей стране в связи с засухой (только в Бактхани, Тханьбине и Тханьхоа налоги снизили на 20%, в остальных частях империи — от 30 до 50%) [21, с. 185]; от 3-го месяца 1814 г. — о новом снижении в связи с засухой поземельных и подушных налогов по всей стране (опять в Бактхани прощалось только 20% податей, в то время как в Зядини и Куангнгае — 50%, в некоторых центральных провинциях — 30%) [21, с. 217].

С начала 1815 г. администрация «реалистов», пристально следившая за состоянием сельского хозяйства, начала заблаговременно предпринимать меры для того, чтобы сделать минимальными неблагоприятные последствия неурожайного года. Уже во 2-м месяце 1815 г. чиновники Бактхани «в связи с тем, что урожай во всех провинциях будет собран в недостаточной мере», добились от императора разрешения вносить налоги урожая 5-го месяца 1815 г. в Верхнем Шоннаме и Нижнем Шоннаме — на 50%, а в Шонтае, Киньбаке, Хайзыонге, Иенкуанге и Тхайнгуене — на 60% деньгами из расчета 1 куан денег за 1 хок риса [21, с. 245]. В 5-м месяце того же года поземельные налоги

летнего урожая в Хынгхоа было приказано вносить на 50% деньгами, на 50% — серебром [21, с. 249—258]. Со второй половины 1815 г. в Бактхани начались стихийные бедствия, на которые власти немедленно реагировали ослаблением налогового гнета. Так, в связи с наводнением в Шонтае и Верхнем Шоннаме там было освобождено от поземельных налогов 214 пострадавших общин и деревень [21, с. 257]. В 1-м месяце 1816 г. из-за засухи во время зимы 1815 г. в Бактхани были полностью прощены налоговые недоимки за 1809—1812 гг. и отложено взимание недоимок за 1814—1815 гг. Кроме того, император отложил добор солдат вместо умерших или бежавших начиная с 4-го месяца 1815 г., временно запретил разбор мелких судебных дел, включая гражданские иски и земельные тяжбы [21, с. 271—272].

1816 год принес засуху, от которой, правда, больше пострадали Нгеан и Тханьхоа, чем Бактхань, где на 30% были снижены налоги урожая 5-го месяца [21, с. 285] и 10-го месяца [291]. В 1-м месяце 1817 г. власти разрешили вносить недоимки, накопившиеся с 1815 г., частями в течение трех последующих лет (1817—1819) [21, с. 311]. В 4-м месяце 1817 г. последовал указ о снижении поземельных налогов летнего урожая по всей стране в связи с засухой. И снова Бактхани предоставили наименьшие 20%-ные льготы [21, с. 319]. Правда, недоимки за прошлые годы было разрешено вносить полностью, а налоги урожая 5-го месяца текущего года — частично деньгами (в Шонтае и Киньбаке на 40%, в Верхнем Шоннаме, Нижнем Шоннаме, Хайзыонге и Куангиене — на 40%) [21, с. 319].

Таким образом, лишь с 1815 г. в Бактхани в связи с наводнением наблюдается серьезное ухудшение экономической ситуации. До этого года и после него положение с урожаем на Крайнем Севере было лучше не только, чем в Нгеане и Тханьхоа, но и даже по сравнению со старыми дангчаунгскими районами [21, с. 302]. По-видимому, запасы риса в Бактхани увеличивались. Недаром в различных провинциях Крайнего Севера в 7-м месяце 1814 г. были построены дополнительные склады [21, с. 229]. Такие склады отличались от временных амбаров, строящихся для удобства подвоза налоговых сборов [21, с. 258], и свидетельствовали о том, что старых помещений для зерна уже недостаточно.

Это давало возможность Ле Тятю, несмотря на периодическую отправку в столицу и Зядинь большого количества солдат [21, с. 157, 162, 176, 191, 195, 208, 231, 239, 258, 269, 294, 316], уничтожить почти всех повстанческих вождей и почти полностью ликвидировать антиправительственные выступления в долинных районах внутренних провинций Бактхани.

Значительно сократилась интенсивность восстаний. С середины 1812 по середину 1817 г. борьба шла в Хайзыонге (12-й месяц 1813 г. [21, с. 207], 2-й месяц 1816 г. [21, с. 276]), в Киньбаке (3-й месяц 1813 г. [29, с. 249], 12-й месяц 1813 г. [29, с. 255], 2-й месяц 1815 г. [29, с. 258—259]), в Верхнем Шоннаме

(3-й месяц 1813 г. [29, с. 249], 3-й месяц 1814 г. [21, с. 219—220], 7-й месяц 1814 г. [29, с. 257], 8-й месяц 1816 г. [29, с. 269—270], 4-й месяц 1817 г. [29, с. 273]), в Шонтае (9-й месяц 1812 г. [21, с. 165]).

В Верхнем Шоннаме, где в начале 1811 г. Ле Тят нанес решительное поражение повстанцам, долинные районы в 3-м месяце 1813 г. стали местом деятельности двух вождей, которые напали на крепость Тхиентхи — административный центр одноименного уезда в округе Кхоайтяу [29, с. 249]. Однако вскоре восставшие ушли в Киньбак [29, с. 249].

Дальнейшие антиправительственные выступления являлись преимущественно нападениями отрядов вождей из соседних горных районов.

В 3-м месяце 1814 г. в уезде Кимбанг появился Ле Доан, в 7-м месяце 1812 г. вместе с другими вождями изгнанный из тханьбиньского Шонама [21, с. 161—162]. Бои развернулись в общине Латшон, где вместе с 200 своими сторонниками Ле Доан сжег 100 домов [21, с. 219]. Это выступление было подавлено деревенским ополчением и гарнизоном расположенной неподалеку крепости Бутшон. Однако Ле Доану удалось спастись. Решающую роль в разгроме повстанцев играли местные жители, очевидно, помещичьи дружины, которым власти в награду предоставили 1 тыс. куанов, в то время как солдаты получили лишь 200 куанов [21, с. 220].

После того как в 11-м месяце 1811 г. администрация Ле Тята доказала свою способность стабилизировать положение и контролировать ситуацию в Бактхани, новые власти стали пользоваться все более активной поддержкой не только со стороны помещиков, но и представителей традиционных чиновничьих родов, культурной элиты Севера. Так, по сообщению Фан Тхук Чыка, сводный брат великого вьетнамского поэта Нгуен Зу в 7-м месяце 1814 г. захватил в плен в Шоннаме и выдал Ле Тяту одного из повстанческих вождей, в 3-м месяце 1813 г. успешно действовавшего против властей уезда Тхиентхи [29, с. 249]. Вскоре сложили оружие и два других вождя. По утверждению Фан Тхук Чыка, все они были казнены, а сводный брат Нгуен Зу назначен на офицерскую должность высокого ранга [29, с. 257].

Щедро награждая и продвигая по службе способных офицеров и администраторов. Ле Тят был суров и беспощаден по отношению к бездейственным чиновникам. По сведениям того же Фан Тхук Чыка, вице-генерал-губернатор Бактхани в 8-м месяце 1816 г. казнил чиновника уезда Тханьчи, не сумевшего обнаружить местонахождение и уничтожить вождя Люка (Ву Динь Люк в официальных хрониках [21, с. 108, 161]), вместе с Ле Доаном нападавшего из горных районов Хоаньлама на транспорты с государственным имуществом [21, с. 269—270]. Были схвачены также и принуждены покончить с собой другие лица, ранее поддерживавшие мятежников [29, с. 214—215] и вновь за-

подозренные в связях с Люком [29, с. 270]. В 4-м месяце 1817 г. Люк вместе с своими сторонниками напал на одну из деревень уезда Тханьчи, но был разгромлен Ле Тятюм, захватившим и казнившим более двух десятков повстанцев [29, с. 273].

К середине 1817 г. Люк был, пожалуй, единственным вождем, рисковавшим время от времени нападать на долинные районы Бактхани. В связи с этим Ле Тят обратился с воззванием к хао мукам, обещая в случае участия их боевых дружин в военных операциях против отрядов Люка, во-первых, должностную дою, во-вторых, ежемесячное жалованье, в-третьих, включение в категорию «нетягловых» [29, с. 273].

По-видимому, именно этот призыв вице-генерал-губернатора Бактхани способствовал тому, что в 1818—1819 гг. деятельность повстанцев Люка переносится в Тханьбинь [29, с. 270—280].

Восстания в долинных районах Киньбака с середины 1812 по середину 1817 г. были еще менее удачны, чем на равнинах Верхнего Шоннама, откуда в 3-м месяце 1813 г. отряды повстанцев перешли в Тамтяу, Лыонгтай, Шамкуан, Танкиеу и Дыонгкай [29, с. 249].

По сообщению Фан Тхук Чыка, в округе Тхуанан в 12-м месяце 1813 г. местным чиновником был схвачен и выдан Ле Тятю один из восставших вождей [29, с. 255]. В 3-м месяце 1815 г. в уезде Шиеулоай был разбит и после бегства в уезд Фыонгнян убит другой известный лидер повстанцев — Ту Бить, в 1809 г. после разгрома массовых антиправительственных выступлений перешедший на сторону властей, но через некоторое время «снова поднявший мятеж» [29, с. 258—259].

В конце 1812 г. в Киньбаке был схвачен Чинь Ван, превращенный повстанческими вождями в знамя антингуеновского сопротивления.

Официальные феодальные историки сообщают, что мятежного представителя рода Чиней выдал в уезде Люкиган конфуцианский ученик, назначенный за этот «подвиг» начальником уезда и, кроме того, получивший чиновничьи платье и 300 куанов денег. Казнь Чинь Вана состоялась в столице [21, с. 169]. Фан Тхук Чык полагает, что Вана схватили в деревне Диньбанг, а смерть с ним разделила его кормилица. Вскоре был пойман еще один повстанческий лидер [29, с. 245]. Если придерживаться версии Чыка, то возможно, что Чинь Вана поймали в уезде Залам [29, с. 213], и тогда следует считать, что события происходили в долинной, а не горной зоне Киньбака. Однако для этого нет достаточных оснований.

Почти в это же время в шонтайском Милыонге, на границе горных и долинных районов местные феодальные князья захватили одного из главных повстанческих вождей — инициатора провозглашения Чинь Вана наследником правителя Дангнгоая. Вскоре он был доставлен в Тханглаунг и по приказу императора казнен. Горские князья получили чиновничьи должности, парадную одежду и крупные денежные награды [21, с. 165].

В «приморской» зоне, ограниченной на данном этапе одним лишь Хайзыонгом, открытых нападений на местную администрацию не было. Лишь только в 12-м месяце 1813 г. 300 повстанцев успели собраться в одной из общин уезда Дыонган, как их окружили правительственные войска под командованием местных чиновников, которых «навел на след» окружной секретарь (фу лай). В итоге 20 повстанцев были казнены, а фу лай получил повышение и 100 куанов [21, с. 207]. Аналогичная ситуация сложилась и во 2-м месяце 1816 г., когда о собравшихся в округе Намшаты восставших немедленно поступил донос властям. Так же как и в уезде Дыонган, «мятежники» были окружены правительственными войсками, схвачены и казнены, а доносчик получил 100 куанов денег [21, с. 276].

«Вытеснение» на исследуемом этапе антиправительственных выступлений из «долинной» зоны в «горную» совершенно не сказалось на увеличении интенсивности восстаний в «горной» зоне Бактхани, ибо разбитые повстанцы уходили на юг: в горные районы Тханьбиня, Тханьхоа и Нгеана.

Вследствие этого на протяжении всего периода в большинстве «внешних» провинций либо вообще не было восстаний, либо они были единичны в Тхайнгуиене — в 4-м месяце 1815 г. [21, с. 247], в Каобанге — в 1-м месяце 1814 г. [21, с. 211], в Хынгхоа — в 12-м месяце 1813 г. [21, с. 207].

В Тхайнгуиене «смута» была подавлена двумя горскими князьями [21, с. 247], в Каобанге восстание, распространившееся на территорию Китая, помогали ликвидировать маньчжурские власти [21, с. 211], в Хынгхоа антидинастийное выступление быстро нейтрализовали местные войска во главе с начальником тяу [21, с. 207].

Лишь в Туиенкуанге восстаний было много и причины их были различны.

Порой основания, на которых строились здесь антидинастийные выступления, были весьма сомнительны и вследствие этого недостаточны для того, чтобы поднять массы на борьбу. Так, в 1-м месяце 1813 г. некто Ли Чыонг Хоанг, объявив себя представителем императорского рода Ли, царствование которого завершилось почти за шесть веков до описываемых событий, попытался уговорить двух горцев помочь ему захватить провинциальный центр Туиенкуанга. Те притворно согласились, а затем донесли на него местным властям в крепостях Тулонг и Фунгни. Вскоре Хоанг был схвачен и казнен. Должностные лица получили повышение, а предатели — унтер-офицерские чины [21, с. 180].

В другом антидинастийном движении, разворачивавшемся в той же провинции, принимали участие преимущественно беглые солдаты, разгромленные провинциальными властями в 1-м месяце 1814 г. Вожди были казнены, рядовые участники помилованы [21, с. 210]. Следует отметить, что для подавления восстаний провинциальные власти использовали не только регулярные

войска, но и местное население. Именно с его помощью уничтожил повстанческих вождей в 10-м месяце 1816 г. один туиенкуангский унтер-офицер. За это он получил должность, обычно предоставляемую горским князьям, а местное население, участвовавшее в карательной экспедиции, удостоилось денежных наград [21, с. 303].

Как и при каобангском восстании, вьетнамские и маньчжурские власти проявляли феодальную солидарность в борьбе с повстанцами по обе стороны границы: в 6-м месяце 1813 г. в обмен на пойманных китайских «бунтовщиков» юннаньская администрация выдала вождя Хоанг Ван Тхая, бежавшего в Южный Китай в конце 1811 г. Передача «бунтовщика» состоялась в Намкуане, но на полпути к Тханглаунгу он «внезапно» умер [21, с. 192], избавив власти от хлопот, связанных с организацией публичной казни.

Мятежи горских феодалов в Туиенкуанге были единичны и быстро подавлялись властями [21, с. 255]. Удовлетворению социальных амбиций князей способствовала административная реформа, сводившаяся к преобразованию в 7-м месяце 1815 г. 3 волостей и 2 общин, в том числе и общины Тулонг, в 7 тхуоков, управление которыми было поручено горским феодалам, назначенным кай тхуоками [21, с. 255]. Это было сделано в целях оформления их действительных административных и судебных полномочий в отношении фактически зависимого крестьянства горных районов. По-видимому, реформа имела успех: вплоть до конца 10-х годов XIX в. горские князья в Туиенкуанге не поднимали более мятежей.

Восстания в горных районах «внутренних» провинций ограничивались одним Киньбаком. При этом даже в Киньбаке шло повсеместное «свертывание» антиправительственного движения, сопровождавшееся сдачей в плен и гибелью повстанческих вождей.

После пленения в конце 1812 г. в Киньбаке и казни Чинь Вана [21, с. 169; 29, с. 245] и до гибели в 3-м месяце 1815 г. вождя Ту Битя [29, с. 258] в горных районах этой провинции в 1-м месяце 1815 г. сложил оружие и был казнен поднявший восстание в 1809 г. в уезде Баолок Тхан Ван Донг [21, с. 250, 10].

Таким образом, на третьем этапе общего подъема социально-экономического и социально-политического развития вьетнамского общества восстания в Бактхани перестали быть фактором, серьезно дестабилизирующим общую обстановку. Возможно, лишь в Верхнем Шоннаме и Туиенкуанге они несколько препятствовали налаживанию нормальной экономической, торговой, предпринимательской и промышленной деятельности: в Туиенкуанге, например, на тулонгских рудниках было затруднено частное предпринимательство.

Как же использовала на данном этапе эту благоприятную ситуацию администрация «реалистов»?

В горнорудном деле наряду с сохранением в отдельных ох-

важных волнениями районах экономических позиций местных феодалов (в 9-м месяце 1814 г. двум горским князьям было поручено налаживать производство меди на медеплавильном заводе в Тулонге, работающем на сырье, поступающем в качестве налогов с торговых таможен и рудников [21, с. 234]) продолжалось поощрение развития частного предпринимательства. Так, в 3-м месяце 1816 г. бактханьские чиновники добились от императора разрешения на передачу в аренду китайскому промышленнику медных копей в Чиньлане (тяу Тхюиви в провинции Хынгхоа) [21, с. 281]. В то же время, когда предприниматели в силу тех или иных причин прекращали разработку рудников, последние не передавались «экономическим» чиновникам, а оставались пустующими в ожидании заявок на аренду от частных лиц [21, с. 287]. «Реалисты» предпочитали терять доходы, но не подрывали частную инициативу возобновлением архаичных форм казенного производства. В определенной мере это имело и свои отрицательные последствия. Они сказались в том, что, так как в отдаленные и главным образом охваченные волнениями горные районы доступ частным предпринимателям был затруднен, добыча некоторых полезных и ценных металлов была недостаточной. Это относилось прежде всего к меди, наиболее богатые залежи которой находились в районе, отмеченном самыми активными на этом этапе антиправительственными выступлениями, Туиенкуанге.

Нехватка меди и дефицит монеты заставили бактханьскую администрацию продолжать следовать взятому фусуанским правительством на прошлом этапе и имеющему весьма тяжкие негативные последствия курсу на выпуск цинковых денег. При этом само производство цинковой монеты было налажено с привлечением частных предпринимателей и велось весьма прогрессивным промышленным способом.

Несмотря на одобрение императором предложения упомянутого выше Ли Зя Зу о запрете частной продажи металлов, бактханьские чиновники добились в 1-м месяце 1813 г. от Тхе то разрешения двум китайским предпринимателям самостоятельно закупать цинк и изготавливать из него монету. Сделанные ими деньги должны были обмениваться на казенную медь из расчета 13 к 10 [21, с. 177].

Кроме того, в том же, 1-м месяце 1813 г. был отдан приказ создать новый Монетный двор (Бао туиен) для производства цинковых денег. Здание этого Монетного двора было построено у ворот Тайлаунг, заведовал им военный чиновник Чыонг Ван Минь. Общий контроль и руководство по совместительству было возложено на самого Ле Тята [21, с. 177].

Наряду с государственными ремесленниками, работающими за плату и получающими чуть более 8% изготовленных ими денег, на новых литейнях разрешалось делать монету из металла, приобретенного частными лицами на собственные или на общественные средства. Полученные таким образом цинковые день-

ги обменивались на казенную медную монету с большей выгодой, чем та, которую получали от подобной операции китайские предприниматели, а именно 125:100 [21, с. 177]. Однако китайцы с лихвой «возмещали убытки», ибо пользовались монополией на выплавку металла, который могли приобретать по дешевым ценам непосредственно у горнозаводчиков.

Администрация нового Монетного двора следила за тем, чтобы деньги выпускались качественными и соответствовали нормам, установленным ведомством финансов. Качество определялось как по весу связки, так и по количеству в ней монет. За примеси свинца полагалось наказание [21, с. 177—178].

Эти меры привели к тому, что за короткий период выпуск цинковой монеты чрезвычайно вырос.

Даже отлитые во 2-м месяце 1814 г. так называемые «медные» деньги официально содержали лишь 50% «красной» меди. Остальное составляли примеси: 41,5% цинка, 6,5% свинца, 2% олова [21, с. 215].

В 12-м месяце 1814 г. наряду со стандартами литья монеты из тхайнгуенского цинка [21, с. 177—178] еще существовали нормы ее изготовления из цинка, добываемого в Хайзыонге, при которых из того же количества металла производилось меньшее количество монет [21, с. 238]. Однако затем общей нормой стали стандарты монеты, сделанной из цинка Тхайнгуиена. Таким образом, «хайзыонгский» куан стал легче. Но на этом власти не остановились. Через некоторое время было приказано из того же количества металла изготавливать на 1 куан 6 тиенов и 40 донгов больше, чем раньше. И хотя феодальные историки связывают это с улучшением технологии и меньшими отходами сырья, есть основания полагать, что вес монеты уменьшился. Увеличилось и жалование государственных ремесленников — литейщиков монеты. Теперь они получали чуть менее 9% общего количества изготавливаемых денег [21, с. 238—239].

К концу 1814 г. на пяти литейнях Монетного двора работали мастера, заместители мастеров, помощники мастеров, старшие ремесленники, младшие ремесленники и загрузчики литеен, которые ежегодно должны были изготавливать 441 тыс. цинковых куанов [21, с. 239].

О том, какое количество новых денег производили частные лица и китайские предприниматели — монополисты закупки цинка у купцов и горнозаводчиков, данных у нас нет. Однако, даже если оно и не достигало числа монет, изготавливаемых государственными ремесленниками, то, по-видимому, было очень значительным.

При этом надо помнить, что большую часть цинка (сырья) казна покупала у купцов и горнозаводчиков, расплачиваясь с ними медной монетой. Китайские предприниматели получали за свою продукцию плату только в «меди». Что же касается других «частных лиц», то вряд ли они часто покупали сырье за медные деньги, предпочитая расплачиваться цинковыми, а за изготов-

ленную монету всегда получали «медь». Таким образом, производство цинковых денег почти всегда в той или иной мере приводило к уменьшению количества меди в казне, что впоследствии не могло не привести к финансовому кризису.

Идя на порчу монеты, употребляемой для внутреннего обращения, власти хорошо понимали, что для внешней торговли необходимы ценные металлы: серебро и золото. В 6-м месяце 1812 г. на торговых таможнях, а в 10-м месяце 1812 г. повсеместно в Бактхани было установлено соотношение стоимости золота и серебра [21, с. 156, 170]. Принятое как 1:16, оно в целом было близко к общемировому.

В 1812—1817 гг. в Бактхани продолжался перевод натуральных промысловых и ремесленных поставок государству в денежные налоги [21, с. 180], хотя этот процесс и не достиг здесь таких масштабов, как в Нгеане и Тханьхоа.

Способствуя развитию внутренней торговли в Бактхани, «реалисты» продолжали добиваться сокращения численности торговых таможен. В 10-м месяце 1812 г. на территории бывшего Дангнгоа был официально утвержден их список, в соответствии с которым в Тхайнгуиене, например, количество таможен по сравнению с 11-м месяцем 1811 г. уменьшилось на две [21, с. 137, 167].

В то же время не во всех провинциях указанной зоны происходило подобное ослабление «сдерживания» торговой деятельности. По сопоставимым данным, в Каобанге в конце 1812 г. было оставлено столько же таможенных пунктов, сколько их приходилось на конец 1811 г. [21, с. 137, 167].

Для того чтобы пресечь повышенное налогообложение купечества, в том же, 10-м месяце 1812 г. ведомству финансов было указано собрать сведения о всех «товарных» ценах, определяемых на каждой из таможен по отдельности, а затем вывести общую среднюю цену на каждый вид товара. Списки таких средних «товарных» цен должны были рассылаться в централизованном порядке ведомством на все таможни, и в ближайшие 5 лет откупщики-таможенники обязаны были собирать налоги, строго руководствуясь этими списками. Через каждые 5 лет цены на товары в таможенных списках пересматривались. Строго запрещалось как взимание чрезмерных налоговых пошлин, так и «сокрытие» части товаров от налогообложения. Последнее каралось в соответствии с законом [21, с. 168—169].

Новые правила таможенного налогообложения купечества, введение которых в действие предусматривалось с начала 1813 г. [21, с. 169], должны были воспрепятствовать дальнейшему «ограблению» откупщиками торговцев. Последние наконец-то обрели зафиксированную правовую основу — список «товарных» цен, в соответствии с которым они могли сопротивляться незаконным притязаниям таможенников и подавать на них жалобы властям.

Для откупщиков наступили тяжелые времена. Прежние до-

ходы стремительно уменьшались, чему способствовал императорский указ от 2-го месяца 1812 г., в соответствии с которым наряду с государственными чиновниками они обязаны были вносить в казну не менее половины суммы откупов в серебряных слитках [21, с. 143].

Первыми не выдержали каобангские откупщики. Уже через два месяца после введения на всех таможах новых правил налогообложения бактханьские чиновники сообщали, что в провинции отсутствуют желающие арендовать пять таможен и внести откупные суммы в размере 100—360 лангов серебра. В итоге с Каобанга было «списано» 920 серебряных лангов налогов и таможи остались пустующими, т. к. «экономических» чиновников на место откупщиков назначено не было [21, с. 175—176], что объективно способствовало развитию торговли.

Даже после отказа откупщиков от аренды таможен власти отнюдь не смягчили к ним свое отношение. Напротив, в 11-м месяце 1814 г. было указано, что впредь таможенники должны вносить всю сумму откупов серебром. Лишь в исключительных случаях, «когда лангов будет недостаточно» [21, с. 238], позволялось заменять серебро деньгами.

На это откупщики ответили отказом от аренды таможен. В 1-м месяце 1815 г. бактханьские чиновники сообщили: «[После того как] налоги на горных и речных таможах [приказано] взимать полностью серебром, люди большей частью не хотят арендовать, просим снизить цену [аренды], подсчитали, что [общую сумму налогов с таможен] следует сократить на 80 тыс. куанов» [21, с. 241]. Заявив, что «не следует быть скаредным по отношению к народу», император удовлетворил просьбу бактханьской администрации [21, с. 241].

Столь существенное снижение налогов с откупщиков должно было в немалой мере способствовать развитию бактханьской торговли. Ведь налоги эти в конечном счете платило купечество. По-видимому, суммой, измеряемой приблизительно в 80 тыс. куанов, можно определить те чрезмерные, «сверхнормированные» поборы, которым подвергали бактханьских торговцев откупщики до введения правил торгового налогообложения от 10-го месяца 1812 г. После введения их в действие взимать эту сумму с купцов стало если не невозможно, то очень затруднительно, и, уплачивая прежнюю норму арендной платы за таможи, откупщики разорались. Теперь же равновесие было восстановлено: откупщикам сохранена определенная прибыль, торговцы получили существенные налоговые льготы. Все это еще раз свидетельствует о том, сколь разорительна была для купечества торговля в Бактхани в период управления «традиционалистов», которые, не имея средств для восстановления института «экономических» чиновников, делали все возможное, чтобы «подрубить ветви» при помощи попустительства откупщикам и увеличения налогообложения торговцев.

В 6-м месяце 1815 г. последовал императорский приказ еже-

годно в 11-м месяце устраивать «аукцион» на аренду торговых таможен [21, с. 251], и деятельность откупщиков была введена в прежнее русло. Во всяком случае, вплоть до конца 10-х годов XIX в. источники ничего не сообщают об их отказе от аренды таможен.

Введение правил торгового налогообложения в 10-м месяце 1812 г. в немалой степени способствовало оживлению деятельности китайских купцов в Бактхани. В 3-м месяце 1813 г. им было разрешено вывозить товары на родину сухопутной дорогой через Лангшон. Официальное разрешение на проезд выдавалось в краевом центре столичного округа Хоайдык и в Лангшоне. Налогообложение китайского и вьетнамского купечества было одинаковым — $\frac{1}{40}$ стоимости товаров, взимаемая на каждой таможене [21, с. 186].

В 4-м месяце 1815 г. местные китайцы в Бактхани, представленные в основном купечеством, получили разрешение на самоуправление: натурализованный китаец (минь хыонг) Фан Зя Тхань, не обладавший до этого чиновничьей должностью, был признан управляющим китайским населением (кай фо). Его обязанность перед казной состояла в ежегодном сборе с местных китайцев налогов в сумме 1500 серебряных лангов [21, с. 248].

Бактханьские власти использовали китайское купечество в качестве агентов, выполняющих внешнеторговые поручения. В 6-м месяце 1814 г. в Тханглаунге получили указание из Фусуана снабдить 10 тыс. лангов двух китайских торговцев, которые должны были закупить для казны товары в Гуандуне [21, с. 225].

В сфере комплектования бактханьской администрации на данном этапе сталкивались две тенденции. Первая и наиболее мощная, набравшая большую силу в период управления «традиционалистов», заключалась, как уже отмечалось, в назначении на чиновничьи должности «ученых» кадров, лауреатов экзаменационных конкурсов. В русле этой тенденции уже после прихода к власти «реалистов» на должности провинциальных чиновников «просвещения» определялись лауреаты экзаменационных конкурсов эпохи Ле [21, с. 173, 192], проводились новые экзаменационные конкурсы [21, с. 198], лауреаты которых также назначались на должности государственных чиновников, увеличивалось количество чи фу в округах [21, с. 264]. Другого направления придерживался лично Ле Тят, который подбирал кадры из числа энергичных и смелых людей, проявивших свои способности при выполнении конкретных поручений, чаще всего — боевых заданий [29, с. 226]. При этом вице-генерал-губернатор Бактхани не останавливался ни перед предоставлением высоких должностей недавним повстанцам [29, с. 226], ни перед назначением начальниками уездов простых «учеников» [21, с. 169].

Однако генеральной, бесспорно, являлась первая тенденция, и администрация «реалистов» признала ведущую роль «ученых» кадров и комплектования местного аппарата лауреатами экза-

менационных конкурсов. Одновременно в центральной администрации Бактхани усиливался институт «секретарей», бравший на себя выполнение некоторых чиновничьих функций. Из числа наиболее грамотных и обладающих хорошим почерком секретарей был создан отдел переписки Тхы та [21, с. 180].

Фактическая власть в Бактхани на этом этапе находилась в руках «реалистов», Ле Тята. Передоверивший ему все дела Нгуен Хоанг Дык в 1-м месяце 1816 г. был назначен генерал-губернатором Зядини [21, с. 270]. Одновременно вместо отозванного в столицу министра финансов и управляющего финансовым отделом Нгуен Динь Дыка в Бактхань был назначен умеренный «традиционалист» Нгуен Хыу Тхан. Феодальные историки — «традиционалисты» периодов правления под девизами Тхиеучи и Тыдык отмечают особое императорское доверие, которым был облечен Тхан [27, с. 271].

Однако главой бактханьской администрации в отсутствие генерал-губернатора являлся Ле Тят, сосредоточивший в своем ведении решение и реализацию всех принципиально важных вопросов. Конфликты между ним и Нгуен Хыу Тханом в источниках не зафиксированы, но и задержался Тхан в Бактхани недолго: во 2-м месяце 1817 г., не пробыв на Крайнем Севере и двух лет, он был отозван в Фусуан [21, с. 333].

«Реалисты» прочно держались у власти в Бактхани. Придя на смену «традиционалистской» администрации в момент острого экономического и социального кризиса, они сумели его преодолеть и, способствуя в 1812—1817 гг. развитию прогрессивных тенденций общественного развития, обеспечили на Крайнем Севере стабильность нового режима.

Иначе складывалась ситуация в Нгеане и Тханьхоа — Тханьбине.

В начале третьего этапа положение в этой части страны было серьезно обострено не столько экономической напряженностью, сколько усилившимся проникновением повстанческих отрядов, разбитых в 1811 г. Ле Тятом в Бактхани и укрывшихся в более южных горных районах для отдыха, сбора сил и перегруппировки с целью дальнейшего наступления на долинную зону всей территории бывшего Дангнгоая.

В 7-м месяце 1812 г. в горах тханьбиньского Шонама собрался цвет повстанческих вождей. Официальные феодальные историки упоминают Чинь Вана, Ву Динь Люка (Люк у Фан Тхук Чыка), Данг Чан Шиеу (Сиен Ван у Фан Тхук Чыка), Ле Доана и Ле Зеня [21, с. 161]. Оттуда они нападали на уезды Фунгхоа в Тханьбине и Тонгшон в Тханьхоа. Появление восставших в Тонгшоне — на родине предков Тхе то — наносило чувствительный удар престижу императорского рода и требовало принятия самых быстрых и решительных мер.

Поначалу военному управляющему округа Тхиенкуан удалось нанести повстанцам поражение. Но те передислоцировались и напали на Зянкхау. В состоявшемся сражении потерпел

поражение сам управляющий Тханьбинем, после чего правительственные войска перешли к обороне. Послав подкрепление, генерал-губернатор Тханьхоа направил доклад о событиях в Тханьбине императору. Не надеясь на провинциальный гарнизон Тханьхоа, Тхе то приказал выступить в Тханьбинь Ле Тятю. Тот, срочно прибыв на место, разгромил восставших, разместил войска в горных районах, привлек на свою сторону горских князей и добился от них заверения в верности императору. Расквартировав небольшие гарнизоны в спешно построенных фортах, Ле Тят счел свою задачу выполненной и вернулся в Бактхань. По сообщению феодальных историков, вся операция по «умиротворению» горных районов Тханьбиня заняла у него 5 дней [21, с. 162]. Одни повстанческие вожди ушли в шонтайский Милыонг, где были разбиты и схвачены [21, с. 165], другие были пойманы в Киньбаке [21, с. 169; 29, с. 245], некоторые еще длительное время сопротивлялись в Бактхани [21, с. 219; 29, с. 269, 280]. Но кое-кто остался в Тханьбине, в связи с чем Ле Тят специально отправился в Фусуан и добился от императора разрешения в 10-м месяце 1812 г. построить в Тьине крепость и разместить в ней дружины горских князей [21, с. 165—166].

Однако полностью ликвидировать антиправительственное сопротивление в горных районах Тханьбиня властям так и не удалось. Более того, повстанцы, по-видимому, распространялись также и в более южные районы.

В Тханьхоа в 1813 г. положение также не отличалось стабильностью. В источниках фиксируется бегство крестьян, которые начали возвращаться в места своего проживания (возможно, из повстанческих отрядов) только к концу этого года [21, с. 200]. Стремящиеся выслужиться местные чиновники, основываясь на том, что «большая часть беглых крестьян в Тханьхоа уже вернулась», попросили у императора в 10-м месяце 1813 г. разрешения «добрать» недостающее количество солдат (освобождение от такого «добора» свидетельствует о значительных масштабах бегства). Тхе то не разделил оптимизма чиновников. Заявив, что «население лишь недавно успокоилось и собралось (на старые места. — А. Р.), и жизнь еще не такова, как прежде», император не позволил пополнять бывшими беглецами воинские части [21, с. 200].

Действительно, в 1-м месяце 1814 г. вспыхнуло восстание в уездах Виньлок и Иендинь. Когда же губернатор Чан Конг Лай предпринял против повстанцев карательную экспедицию, те ушли в горные районы Тханьхоа. К боевым операциям был подключен мыонгский феодал Ха Конг Тхай, которому в итоге удалось разгромить «мятежников». Специальный императорский посланец привез Тхаю золото и шелка. Когда же мыонгский князь прибыл на аудиенцию в Фусуан, ему была пожалована крупная денежная сумма [21, с. 211].

В соседнем Нгеане также разворачивалось повстанческое

движение. В 6-м месяце 1813 г. восстание охватило уезды Кюиньлыу, Донгтхань, Намдыонг, Тханьтьюнг, Лашон и Хыонгшон. Войска военного управляющего округом Дыккуанг были разгромлены, а сам он убит. Когда же против «мятежников» во главе провинциального гарнизона выступил губернатор Хонанг Виет Тоан, повстанцы ушли во Вьентьян. Пренебрегая дипломатическими формальностями, в соответствии с которыми международные сношения должны были осуществляться лишь от лица суверенов государств, Тоан самостоятельно направил во Вьентьян послание с просьбой выслать войска для охраны горных проходов. Лаосские власти с готовностью откликнулись на это предложение. Нгеанский губернатор двинул войска в горы, и началась массовая бойня. Когда о ее результатах стало известно императору, тот указал, что «не следует преследовать и уничтожать [повстанцев] до конца, надо лишь принять тщательные меры предосторожности, не дать им возможности распространяться [на более широкую территорию] и приносить бедствия нашему народу» [21, с. 191].

Шла середина 1813 г., и в разгаре был конфликт в Кампучии. В связи с этим Тхе то, по-видимому, опасался концентрации на нгеанской границе лаосских войск, получающих к тому же убедительный повод — «преследование восставших мятежников», — для вторжения на территорию Вьетнама. В итоге Вьентьян попросили отозвать войска, которые предварительно щедро наградили [21, с. 191].

Таким образом, повстанческое движение в Тханьбине — Тханьхоа и Нгеане, в значительной степени связанное в период с 1812 по начало 1814 г. с перемещением части разбитых в Бактхани восставших в горные районы более южных провинций, было частично потоплено в крови, частично локализовано в отдельных районах. Однако при благоприятных обстоятельствах оно могло набрать силу вновь.

Такие благоприятные обстоятельства стали складываться в долинных районах этих провинций в связи с непрерывным ухудшением экономического положения, наступившим через некоторое время после прекращения военных действий в горах.

До второй половины 1815 г. обстановка в провинциях не была угрожающей. В то же время напряженность постепенно нарастала, а местные власти не предпринимали эффективных мер для ее ослабления. Вплоть до начала 1816 г. на эти районы распространялись преимущественно лишь общеимперские налоговые льготы, предоставляемые почти всегда в тех же размерах, что и в Бактхани, и соответственно в меньшей мере, чем на территории бывшего Дангчаунга.

Так, в связи с засухой здесь, как и по всей стране, в 10-м месяце 1812 г. было отложено на один год взимание налоговых недоимок [21, с. 166], в 1-м месяце 1813 г. — полностью отменено взимание денежных, рисовых и промыслово-ремесленных недоимок до 1808 г. [21, с. 179], в 3-м месяце 1813 г. — снижены

поземельные налоги в Нгеане на 30%, в Тханьхоа и Тханьбине на 20% (в околостолличных провинциях — на 50%) [21, с. 185], в 3-м месяце 1814 г. — уменьшены поземельные и подушные налоги на 20% (в Зядини и Куангнгае — на 50%) [21, с. 217]. Лишь во 2-м месяце 1813 г. в двух горных уездах Тханьхоа были прощены налоговые недоимки беглым [21, с. 183], да в 4-м месяце 1815 г. в связи с «неблагоприятными» условиями земледелия в этих провинциях в наибольшей мере — на 30% — были снижены поземельные налоги с урожая 5-го месяца [21, с. 247]. А ведь в конце 3-го месяца 1813 г. в Нгеане было землетрясение [21, с. 186].

В Тханьхоа к концу 1813 г., как отмечалось, еще не все крестьяне вернулись на прежние места обитания [21, с. 200], а в 7-м месяце 1814 г. на провинцию налетел тайфун [21, с. 229]. Между тем это не повлекло снижения государственных налогов, и в 8-м месяце 1814 г. в Тханьхоа были построены дополнительные склады [21, с. 232].

Первыми кризисные явления почувствовались в Нгеане. Налоги здесь явно недобирали, в связи с чем в 10-м месяце 1815 г. начался демонтаж рисовых и денежных складов, а обслуживающий персонал переводился в солдаты [21, с. 262]. В 11-м месяце того же года в Нгеане вспыхнула эпидемия [21, с. 263], а в 4-м месяце 1816 г. там, как и в Тханьхоа, «в связи с засухой» были снижены налоги с летнего урожая на 50%, в Тханьбине — на 40% (в Бактхани — на 30%). Из-за дороговизны риса было приказано продать в Нгеане и Тханьхоа по 50 тыс. хоков из государственных складов по сниженным ценам, а натуральные налоги зимнего урожая было разрешено вносить деньгами из льготного расчета 8 тиенов за 1 хок. Кроме того, голодающие набирались на ремонтно-строительные работы, где им ежемесячно выдавали денежное и рисовое жалованье [21, с. 285].

Через два месяца вследствие продолжающейся засухи налоги с зимнего урожая 1816 г. были снижены в Нгеане и Тханьхоа на 50%, в Тханьбине — на 40% (в Бактхани — на 30%) [21, с. 291]. Однако все эти меры не помогли: в 9-м месяце 1816 г. рис на территории южнее Бактхани и севернее Куангнама был дорог, в связи с чем работникам на почтовых станциях выдавалось дополнительное жалованье [21, с. 300].

В 11-м месяце того же года Нгеан уже голодал, и там было не только отложено взимание поземельных налогов на 1816 г., но и снова продано 30 тыс. хоков государственного риса по сниженным ценам [21, с. 306]. Во 2-м месяце 1817 г. в том же Нгеане начались первые безвозмездные раздачи риса беднякам, на что государство потратило 5 тыс. хоков [21, с. 312—313]. При ставшем уже ежегодным снижении налогов поземельные рисовые подати в 4-м месяце 1817 г. были сокращены в Нгеане на 50%, в Тханьхоа — на 30% (в Бактхани — на 20%), кроме того, в Нгеане было на 30% уменьшено взимание подушных налогов [21, с. 20].

Рост экономических трудностей обусловил возобновление повстанческого движения. Первые его признаки появились в конце 1816 г., когда несколько десятков «заговорщиков» собрались в тханьхоаском Фокате. После столкновения с местным патрульным отрядом эти немногочисленные повстанцы, по сообщению феодальных историков, «в испуге бежали» [21, с. 308]. В руки правительственных солдат, а затем и провинциальных чиновников попали брошенные при поспешном отходе восставших списки с именами «мятежников». Однако, получив их, император заявил, что «это всего лишь пустая бумага», и приказал сжечь [21, с. 308]. Сознывая сложность обстановки в Тханьхоа и Нгеане, фусуанское правительство не хотело обострять конфликт применением репрессий к недовольным. Однако это не смогло предотвратить последовавшего вскоре нового мощного взрыва социального протеста.

С середины 1812 по середину 1817 г. в северных районах Центра шло строительство административного центра Тханьбиня [21, с. 212], фортов [21, с. 162], крепостей [21, с. 303, 315] и складов [21, с. 232].

От натуральных поставок в массовом порядке освобождались местные промысловики и ремесленники, особенно в Нгеане [21, с. 255, 262—263, 282]. Отныне они должны были поставлять рекрутов для службы в армии на общих основаниях. Оставшиеся вне воинского набора имели возможность работать только на рынок.

Одновременно с сокращением сверхнормированного налогообложения купцов на торговых таможнях Бактхани аналогичные мероприятия проводились в Нгеане и Тханьхоа. В Нгеане в случае уплаты налогов на трех специально определенных горных таможнях купец мог платить половинную налоговую ставку на остальных горных таможенных пунктах [21, с. 168]. В четырех нгеанских портах сумма налога определялась по величине транспортных средств [21, с. 168—169]. Точно так же и в Тханьхоа, лишь в двух портовых таможнях налогообложение производилось в соответствии со стоимостью товара. На остальных величина налога исчислялась по ширине кораблей [21, с. 168].

Возможно, упорядочение таможенной деятельности в Тханьхоа-Нгеане имело даже большее значение, чем в Бактхани, ибо и злоупотребления здесь были большими. Об этом свидетельствует хотя бы положение о том, что если торговец провозит свой товар через один из семи горных таможенных пунктов в Тханьхоа, то, заплатив там налог, он не должен облагаться податью на остальных шести, которые тем самым фактически являются филиальными [21, с. 168]. По-видимому, ранее данное правило не соблюдалось. В Бактхани, где действовало такое же положение, лишь в Лангшоне на одну горную основную таможню приходилось 12 филиальных, а в общем же основные горные таможни численно превалировали над филиальными [21, с. 167]. Сле-

довательно, и возможность злоупотреблений в Бактхани была меньшей.

Нгеаном на третьем этапе бессменно управлял Хоанг Виет Тоан — решительный, но неумелый военачальник и администратор [21, с. 151, 344]. Генерал-губернатором Тханьхоа до своей болезни в 5-м месяце 1813 г. был Тон Тхат Тьонг. После отъезда Тьонга в столицу и скорой его смерти [21, с. 190, 195] губернатором этой провинции Тхе то назначил Чан Конг Лая. Последний не только не отличался военными и административными способностями, но, что самое главное, был нечист на руку. В 8-м месяце 1814 г. выяснилось, что в период пребывания на посту губернатора Нгеана с 3-го месяца 1806 г. [20, с. 271] по 4-й месяц 1808 г. [20, с. 375] Лай «позаимствовал» из провинциальной казны 900 куанов. Судебные чиновники предлагали осудить его по статье о наказании «сторожа, ворующего со склада, который он охраняет». Тхе то на это возразил, что Лай, во-первых, совершил свое преступление до издания Свода законов и уголовных наказаний, во-вторых, уже внес взятые деньги в казну. В связи с этим он не только не предал его суду, но и оставил его в должности губернатора [21, с. 232, 386]. В 7-м месяце 1819 г. Ле Ван Зюет выяснил, что нгеанская кража была не единственным преступлением Лая: уже в Тханьхоа он потворствовал своим подчиненным, вымогающим у населения деньги. Император запоздало приказал связать Лая и доставить в Фу-суан для наказания [21, с. 386].

Тханьхоа явно не везло, ибо уголовным преступником, неправедным судьей и казнокрадом был не только губернатор, но и вице-губернатор этой провинции [21, с. 229, 257, 298, 333]. Поэтому в кризисных ситуациях, для решения сложных военных (подавление восстаний) и политических (налаживание взаимоотношений с горскими князьями) проблем в Тханьхоа вызывался Ле Тят (1808, 1812 гг.). С той же целью и в тех же ситуациях на более позднем этапе в Нгеан направлялся Ле Ван Зюет (1819 г.).

Зядинь была на третьем этапе тем местом, где произошли существенные изменения в положении значительной части населения Крайнего Юга. Эти перемены были во многом связаны с деятельностью Ле Ван Зюета, который сменил в 7-м месяце 1812 г. Нгуен Ван Няна на посту генерал-губернатора Зядини и тут же начал активную работу по учету и мобилизации всех имеющихся на Крайнем Юге ресурсов, дабы в случае военного конфликта располагать необходимыми средствами для противостояния противнику, в связи с конфликтом в Кампучии.

Назначенный за три месяца до этого вторым вице-генерал-губернатором Зядини Нго Нян Тинь [21, с. 147] и тхам чи ведомства финансов Ле Виет Нгия отправились в районы для регистрации имеющихся запасов и контроля за порядком поступления денежных, рисовых и натуральных торгово-ремесленных налогов на провинциальные склады. Первый вице-генерал-гу-

бернатор Чыонг Тиен Быу, бывший сподвижник Нгуен Ван Тхана, покинувший вместе с ним Бактхань в 1-м месяце 1810 г. [21, с. 64], но впоследствии прекрасно «сработавшийся» с Ле Ван Зюетом, привел в Зядинь значительные боевые силы, состоящие из войск Бактхани, Нгеана и Тханьхоа [21, с. 160].

К моменту приезда Ле Ван Зюета в Зядинь обстановка там была довольно напряженной. Это было связано с массовым дезертирством из рядов временных войск хыонг бинь, периодически собираемых в связи с военным конфликтом в Кампучии [21, с. 98—99, 148]. О причине, вызвавшей столь широкомасштабное бегство из армии, писалось выше. Среди дезертиров, к числу которых феодальные историки относят и такую эмоционально окрашенную категорию, как «бездельники», в источниках упоминается о лицах, проживающих под чужим именем в крупных помещичьих хозяйствах. Естественно, под этим же именем они регистрировались во время мобилизации и в военных списках. Это давало им возможность спокойно покидать ряды войск, не опасаясь разоблачения. Однако на прежние места дезертиры вернуться не могли и поэтому скитались по Зядини. Когда их стало много, они начали объединяться в отряды, порою не брезговавшие грабежом и разбоем [21, с. 160].

Такую ситуацию застал на Крайнем Юге новый генерал-губернатор, немедленно приступивший к решительной борьбе с дезертирами. Приказав местным жителям тайно сообщать об их местонахождении властям, которые должны были немедленно по получении доноса арестовывать и карать «бандитов», Ле Ван Зюет одновременно обещал дезертирам прощение в случае явки с повинной и искупления вины последующим «совершением подвига» [21, с. 160].

Меры, принятые Зюетом, оказались довольно эффективными. По сообщению феодальных историков, дезертиров с каждым днем становилось все меньше, и в конце концов «население успокоилось» [21, с. 160].

После этого генерал-губернатор вместе со своими заместителями направил императору доклад, в котором предлагал немедленно составить новые списки тягловых, на основании которых специальные уполномоченные должны были идентифицировать личность рекрутов [21, с. 160—161].

Император одобрил это предложение, и новые списки появились в 1-м месяце 1813 г. — за два месяца до того, как из Фусуана были направлены чиновники для «проверки списков тягловых.— А. Р.) и набора (солдат.— А. Р.)» [21, с. 185—186].

Составленные по приказу Ле Ван Зюета подушные реестры зафиксировали более чем двукратный рост тягловых — на 26 500 душ [21, с. 179] (проведенная в том же, 1813 г. «проверка и набор» определили общее количество налогоплательщиков в Зядини в 49 700 человек) [21, с. 221].

Впервые стало ясно, сколь большими неофициальными налогово-повинностными льготами пользовались зядиньцы все вре-

мя после прекращения официального снижения подушных налогов и возобновления исполнения повинностей. Дальнейшее продление экономических льгот на Крайнем Юге в связи с конфликтом в Кампучии стало политически неоправданным.

Правительство пыталось сделать переход к усилению государственно-феодальной эксплуатации в Зядини постепенным: в 1-м месяце 1813 г. здесь были отменены подушные денежные и натуральные промыслово-ремесленные налоги с новых тягловых более чем на год [21, с. 180]; в 3-м месяце того же года впервые за долгое время снизили поземельные налоги на 30% (в Бактхани — на 20%) [21, с. 175]; в 4-м месяце временные войска хьонг бинь, ушедшие в Кампучию, получили освобождение от подушных налогов, и крестьянам дон диенов простили рисовые подати [21, с. 189].

Однако все это не помогло, и на усиление государственно-феодальной эксплуатации зядиньский рынок ответил увеличением втрое цен на хлеб: уже в начале 1814 г., как раз тогда, когда кончились налоговые льготы новым тягловым, он стоил на Крайнем Юге 7 тиенов 15 донгов за фыонг [21, с. 217], в то время как в 1-м месяце 1811 г. цена дешевого риса равнялась 2 тиенам 30 донгам за фыонг [21, с. 109].

Немедленно в Зядини были уменьшены на 50% не только поземельные, но и подушные налоги (в Бактхани — только на 20%). Кроме того, правительство разрешило оставить на Крайнем Юге весь тот рис, который обычно в течение года перевозился на Север [21, с. 217]. Это было необходимо для раздачи населению, чтобы снизить рыночные цены на хлеб. В конце 1814 г. производилось строительство резервных складов риса, предназначенного уже не для вывоза, а для внутреннего потребления [21, с. 235].

1814 год — год приспособления зядиньцев к новому уровню государственно-феодальной эксплуатации в частности и новой экономической ситуации в общем — был, пожалуй, наиболее тяжелым для населения Крайнего Юга. Происходила перестройка в структуре помещичьих хозяйств: частично сокращался уровень частнофеодальной эксплуатации прежних арендаторов и зависимых и одновременно привлекались новые работники, еще не «учтенные» государственным фиском. В систему частной и государственной эксплуатации вовлекались все новые и новые массы населения, ранее ведущие самостоятельное хозяйство либо вообще не занимавшиеся производственной деятельностью. Весьма значительным, по-видимому, был в этот период приток в Зядинь северных переселенцев (источники часто сообщают о бегстве крестьян на юг), которые включались в систему частно-феодальной эксплуатации и не охватывались государственным фиском. Однако выяснить, в какой степени усиление государственно-феодальной эксплуатации осуществлялось за счет налогообложения и привлечения к выполнению повинностей «помещичьих» крестьян, а в какой мере происходило в свя-

зи с приростом пришлого северного населения, в настоящее время не представляется возможным. Эта проблема еще ждет исследования.

В 1815 г. зядиньцы начали постепенно привыкать к новой экономической ситуации. Медленно, но неуклонно снижалась цена на хлеб: во 2-м месяце 1815 г. фыонг риса стоил уже не 7, а 5 тиенов [21, с. 245]. Правда, этот рис считался дешевым, но дальнейших повышений цен на него в наших источниках не приводится.

Следует обратить внимание на то, что дешевая цена риса после некоторой стабилизации экономического положения в Зядини в 1815 г. ровно в два раза превышала дешевую цену риса в 1811 г. Точно так же и уровень государственно-феодальной эксплуатации после 1813 г. почти в два раза превышал аналогичный уровень до 1813 г. Те средства, которые изымались через налогово-повинностный аппарат, недополучил рынок.

После 1814 г. в течение двух лет отмены налогов в Зядини уже не носят прежних масштабов. В 1815 г. их не было совсем, хотя в других частях страны подати снижались [21, с. 247]. В 1816 г. поземельные налоги на Крайнем Юге были снижены лишь на 20%, подушные — на 40% [21, с. 281]. В первой половине 1817 г. экономическое положение в Зядини вновь ухудшилось, в связи с чем там были на 50% сокращены как поземельные, так и подушные налоги [21, с. 319].

Довольно значительным на этом этапе было привлечение зядиньцев к различного рода повинностям и трудовым работам. Так, хыонг бини были включены в 13-тысячный экспедиционный корпус, направленный в 1813 г. в Кампучию, и принимали там участие в ремонте храмов [21, с. 189], строительстве городов и крепостей [21, с. 189—194], а также сторожевых и ритуальных башен [21, с. 189].

В самой Зядини до начала 1816 г. масштабы строительных работ были намного скромнее и ограничивались в основном сооружением складов [1, с. 235] и ремонтом пагод [21, с. 171]. Однако в 1-м месяце 1816 г., для того чтобы «защитить Хатиен», император приказал начать строительство крепости Тяудок силами зядиньских солдат и крестьян [21, с. 273]. В 1-м месяце 1817 г., когда возведение крепости еще не было закончено и требовало все новых и новых людских ресурсов [21, с. 309], Тхе то уже вынес на обсуждение высших чиновников вопрос о строительстве канала, соединяющего Тяудок с Хатиеном. Некоторые столичные сановники были напуганы грандиозными масштабами предприятия. Прекрасно знакомый с обстановкой на Крайнем Юге, Нгуен Ван Нян заявил, что предстоят «очень большие строительные работы... и дело трудно будет завершить». Император последовал его совету и временно отложил строительство [21, с. 309].

В 7-м месяце 1817 г. сооружение крепости Тяудок было закончено. В ней были размещены 40 пушек, склад боеприпасов и

гарнизон из зядинцев вьетнамской и кхмерской национальности [21, с. 317]. В речи, обращенной к высшим чиновникам по поводу завершения строительства крепости, Тхе то заявил, что местность, в которой расположены Тяудок и Хатиен, «не хуже Бактхани» [21, с. 317]. Еще в 1-м месяце 1817 г. император назначил бывшего кампучийского чиновника китайского происхождения управляющим Тяудоком и поручил ему привлечь в строящуюся крепость искусных садоводов, животноводов, гончаров, кузнецов, а также торговцев. Новый город должен был быть заселен вьетнамцами, кхмерами и китайцами [21, с. 311].

Как и в остальных частях страны, в Зядини на третьем этапе наблюдается менее ригористичное отношение со стороны властей к выполнению полного объема натуральных поставок. Требования казны смягчались даже в отношении самых необходимых материалов, каким, например, было дерево, нужное в столице в огромных количествах для различного рода строительных работ. Несмотря на острую потребность в древесине, власти «прощали» лесорубам «цеха» Мокдинь налоговые недоимки деревом [21, с. 291].

На данном этапе правительство поощряло промысловую, ремесленную и полезную торгово-предпринимательскую деятельность в Зядини, особенно в районе активно «осваиваемого» Хатиена. Так, в относящемся к Хатиену Киензянге в 1-м месяце 1814 г. были официально разрешены при условии уплаты натуральных налогов ранее запрещенные промыслы [21, с. 212—213], притоны же и игорные дома в Киензянге, Лонгсуиене и Чавини в середине 1814 г. закрылись, за их содержание полагалось наказание [21, с. 225].

В 6-м месяце 1814 г. власти упразднили либо сократили денежные налоги на различные виды торговли и предпринимательской деятельности, в том числе — приносящую большие доходы эксплуатацию рыбных хозяйств [21, с. 239].

В то же время в Зядини значительно усилился высший эшелон краевого административного аппарата, который теперь уже не только по статусу, но и в своих реальных масштабах приблизился к бактханьскому. В 12-м месяце 1813 г. были созданы 4 отдела (тао) — финансов, трудовых работ, военный и юстиции, управляющими и сотрудниками которых назначались чиновники столичных ведомств [21, с. 207—208]. Одновременно фусуанское правительство усиливало контроль над Крайним Югом: было приказано ежемесячно дважды посылать в столицу гонцов с докладом [21, с. 208]. Во 2-м месяце 1814 г. было решено наиболее сложные административные и судебные дела в крае решать на устраиваемых 6 раз в месяц совместных заседаниях высших зядинских чиновников [21, с. 215].

Управление вновь присоединенными территориями частично передавалось в руки местных кадров. Так, в 1-м месяце 1816 г. вице-губернатором Хатиена был сделан кай дой Мак Конг Зу [21, с. 271]. Значение, придаваемое компетентности деятельно-

сти «нового» куана — представителя рода Мак, традиционно управлявшего Хатиеном, вытекало из необычности его назначения. Это был, пожалуй, единственный случай во вьетнамской административной практике, когда на должности высшего гражданского чиновника в провинции находился офицер.

Продолжалось назначение на высшие административные посты «бангкокцев». Им доверялись наиболее ответственные должности в «горячих» точках Зядини — во входящих в Хатиен дао Киензянг [21, с. 238] и дао Лонгсуиен [21, с. 290]. Именно «бангкокцы» руководили процессом освоения западной части дельты Меконга.

Все более усиливалось внимание Тхе то к образованным зядиньским кадрам. Только с Крайнего Юга и из столичной провинции Куангдык принимались императором в Конг ши виен лауреаты двух туров экзаменационного конкурса. Обязывая их «с каждым днем все больше и больше учиться» [21, с. 230], правитель хотел закрепить за южанами в будущем высшие государственные должности.

На протяжении большей части третьего периода (с 7-го месяца 1812 г. по 6-й месяц 1815 г.) генерал-губернатором Зядини являлся Ле Ван Зюет [21, с. 160, 252]. Лишь на время его четырехмесячного отсутствия в связи с военной экспедицией в Кампучию Крайним Югом управлял Чыонг Тиен Быу [21, с. 187, 195].

Мероприятия Ле Ван Зюета охватывали самые широкие сферы государственно-феодальной эксплуатации и несения повинностей. Особенно большое значение уделялось военной службе. Необходимость этого обуславливалась тем, что в самой армии все большее распространение получали формы частнофеодальной эксплуатации солдат офицерами, не только собиравшими со своих подчиненных денежные поборы, но и заставлявшими их работать в собственных хозяйствах. Солдаты, в свою очередь, требовали сверх положенного у общин, выставлявших рекрутов. Подобная практика была строго запрещена. Кроме того, были усилены наказания за бегство из армии: в первый раз давали 50 плетей, во второй раз — 70, в третий раз — казнили. За дневное опоздание «на сборы» давали 30 плетей, а затем добавляли по 10 плетей за каждый последующий день опоздания [21, с. 263].

Конфликт с «традиционалистами» требовал присутствия Ле Ван Зюета в столице. Первый раз он попросил разрешить ему вернуться в Фусуан еще во 2-м месяце 1814 г., когда начались первые столкновения Нгуен Ван Тханя с принцем Хиеу по вопросу об определении наследника. Однако император счел его присутствие в Фусуане преждевременным [21, с. 214, 216]. Тревожная обстановка на кампучийской границе не дала возможности Зюету покинуть Зядинь и через год, хотя Тхе то уже отдал соответствующий приказ [21, с. 244]. Лишь в середине 1815 г., когда назревало «дело» Нгуен Ван Тханя, Ле Ван Зюет

та временно заменил Чыонг Тиен Быу [21, с. 252], а через полгода бразды правления на Крайнем Юге взял в свои руки официально назначенный генерал-губернатором Нгуен Хоанг Дык [21, с. 270].

Посланный в Зядинь после управления Бактханью, где он передоверил все дела Ле Тятю, Дык и на Крайнем Юге отличался чрезвычайной пассивностью. Возложив свои функции на подчиненных, в основном на Чыонг Тиен Быу и Ле Ба Фама, он после вызова их обоих в столицу в конце 1816 г. [21, с. 300, 304] совершенно растерялся. В Фусуан был отправлен доклад, в котором Дык просил срочно назначить ему заместителя [21, с. 305]. На эту должность был выбран умеренный «традиционалист» Чинь Хоай Дык, автор знаменитого описания Зядини [33], содействовавший пополнению краевой администрации своими единомышленниками. Это способствовало дальнейшему «выравниванию» выработки и реализации политических установок, действовавших на Крайнем Юге и на остальной территории империи.

В старых районах бывшего Дангчаунга экономическое положение по сравнению с прежним этапом ухудшилось. Это было связано прежде всего с подорожанием и резким сокращением вывоза «рыночного» риса из Зядини после 1812 г. Во второй половине 1812 г. на Центр лишь распространилось откладывание взимания недоимок на год [21, с. 166], и рис был дорог только в Фуиене, в связи с чем начались хлебные раздачи взаим [21, с. 173].

1813 год начался раздачами взаим [21, с. 179]. В 3-м месяце того же года на 50% были снижены поземельные налоги в Куангдыке, Куангбине, Куангнаме и Куангчи, на 40% — в Куангнгае, Биньдине, Фуиене, Биньхоа, на 30% — в Биньтхуане [21, с. 185]. В 9-м месяце власти «простили» денежные недоимки столице [21, с. 197]. В том же месяце в связи с наводнением в Куангнгае и Биньдине там были произведены бесплатные выдачи хлеба и раздача семян [21, с. 197]. В 1-м месяце 1814 г. снова выдали рис пострадавшим от наводнения биньдинцам, но уже взаим [21, с. 211]. Во 2-м дополнительном месяце в Куангнгае вспыхнула эпидемия. Больным выдавали рис и лекарство [21, с. 215]. В 3-м месяце были снижены уже не только поземельные, но и подушные налоги. Правда, льготы и в том и в другом случае были меньшими: в Куангнгае — 50%, в Куангчи, Куангбине и Биньдине — 30%, в Куангнаме, Биньхоа, Биньтхуане и Тхуантхане — 20% [21, с. 217]. В Фуиене, где отмены налогов не было, срочно запасали рис, в связи с чем шло строительство новых складов. Оно сопровождалось таким воровством со стороны местных чиновников, что разжалована была вся высшая администрация [21, с. 221]. В 4-м месяце 1815 г. император снизил летние поземельные налоги в Куангчи, Куангбине, Куангнгае, Фуиене, Биньхоа и Биньтхуане на 30%, в Куангнаме и Биньди-

не — на 20%. Особенно тяжелым было положение в районах, граничащих с Зядинью, например в Биньхоа, куда в 7-м месяце 1815 г. перевезли из менее голодного Куангнама 50 тыс. хоков очищенного риса [21, с. 254]. В следующем месяце в Биньдине в связи с наводнением отменили строительные работы [21, с. 257].

Во 2-м месяце 1816 г. устойчиво голодал почти весь Центр: от границ Биньтхуана до Куангбиня. При этом император приказал оказать помощь лишь земледельцам, давая им в долг половину собираемых с них поземельных рисовых налогов. Это заставило чиновников Куангчи обратиться к Тхе то с вопросом, как же безземельные смогут «воспользоваться милостями» императора. Раздраженный монарх ответил, что люди уже давно не равны между собой и нельзя предоставлять всем блага поровну. Затем Тхе то, проявляя редкое для феодального лидера понимание экономических проблем, добавил, что в результате раздач землевладельцам цена на рис понизится и тогда люди, не имеющие земли, смогут «воспользоваться милостями» [21, с. 278].

Однако цена на хлеб не понизилась, и в 3-м месяце 1816 г. в Куангдыке, Куангчи, Куангбине, Куангнаме и Биньхоа как поземельные, так и подушные налоги были снижены на 50%, а в Куангнгае, Биньдине, Фуиене и Биньтхуане — на 40% [21, с. 281].

В 9-м месяце 1816 г. рис был дорог севернее Куангнама, в связи с чем власти произвели дополнительные раздачи работникам почтовых станций [21, с. 300]. В 10-м месяце цена на хлеб подскочила и в Куангнаме, где в связи с этим наряду со столичной провинцией власти дешево продали 40 тыс. хоков неочищенного риса и, кроме того, разрешили покупать хлеб со складов по государственной цене серебра, которая была выше рыночной [21, с. 302]. В следующем месяце в Фуиене произошло наводнение, в связи с чем там были произведены бесплатные раздачи риса пострадавшим [21, с. 303].

В начале 1817 г. положение не улучшилось. Во 2-м месяце на Куангнам налетела саранча. Дорог был рис в Куангчи и Куангбине. В связи с этим там было бесплатно роздано соответственно 5 тыс. хоков и 10 тыс. хоков неочищенного риса [21, с. 313]. В 4-м месяце того же года саранча переместилась в Куангчи, где полям был нанесен сильный ущерб [21, с. 317—318]. Однако ни рисовых раздач, ни снижения налогов не последовало [21, с. 318].

В том же, 4-м месяце в Биньдине в связи со строительством провинциального центра был отложен на три месяца набор солдат [21, с. 318]. Затем почти по всей территории бывшего Дангчаунга было произведено общее очередное сокращение поземельных и подушных налогов: в Куангдыке, Куангбине, Куангчи и Куангнаме — соответственно на 50 и 40%, в Куангнгае, Биньдине и Фуиене — на 40 и 30%, в Биньхоа и Биньтхуане —

на 50% (в последнем случае норма снижения податей полностью совпадала с зядиньской) [21, с. 319].

В конце данного этапа отмена части налогов в Центре стала почти нормой. Однако казенного риса на складах в это время, по-видимому, было достаточно. Об этом можно судить на основании того, что в 4-м месяце 1817 г., когда на большей части территории бывшего Дангчаунга отменялась половина налогов, в столице амбары были полны, в связи с чем чиновникам стали выдавать жалованье за 7—9 месяцев вперед [21, с. 317].

Наиболее существенной чертой данного периода в ремесленном производстве и строительстве было резкое уменьшение объема принудительных работ ремесленников. Об этом свидетельствует значительное сокращение им ежегодных денежных выдач. Так, если в 12-м месяце 1812 г. пришедшим трудиться в Фусуан ремесленникам было пожаловано 94 тыс. куанов [21, с. 174], то в дальнейшем казна уже таких сумм более им не предоставляла: в 6-м месяце 1813 г. солдатам было выплачено 3 тыс. куанов за ремонт дворца Кхонгунуен [21, с. 191], в 3-м месяце 1814 г. солдаты и ремесленники получили 4 тыс. куанов за строительство дворца Хоангнян [21, с. 224], в 5-м месяце 1814 г. — 400 куанов выдано солдатам за ремонт храма Чиеуто [21, с. 224], в 6-м месяце 1816 г., в момент острейшего политического кризиса в столице, солдатам, занимавшимся ремонтом фусуанских стен, император лично пожаловал 40 тыс. куанов [21, с. 290]. Таким образом, в Фусуане с начала 1813 г. на строительных работах трудились в основном солдаты. Это было связано с введением во 2-м дополнительном месяце 1814 г. ремесленного налога, составлявшего 1,5 куана и 2 штуки белой материи, при внесении которых в казну ремесленники освобождались от трудовых работ в столице [21, с. 216].

Для выполнения же сложных ремесленных работ, требующих высокой квалификации, власти перешли к более широкому использованию специализированных столичных цехов, членам которых платилось довольно высокое жалованье. Так, за 4 месяца до введения ремесленного налога в Фусуане был создан цех государственных ремесленников-пушкарей [21, с. 200], в 12-м месяце 1815 г. в столице возник новый цех, куда были набраны 10 ремесленников, «искусных в рисовании» [21, с. 266]. Ремесленники столичных цехов всячески поощрялись: недаром в 8-м месяце 1815 г. им без видимых причин было пожаловано 3 тыс. куанов [21, с. 257].

Однако сразу же восполнить те потребности в высококвалифицированном ремесленном производстве, которые ранее удовлетворялись принудительным трудом, власти, по-видимому, не могли. Поэтому в самое первое время после введения в действие указа о ремесленном налоге наблюдается некоторый спад производства со сложными технологиями. Так, если с середины 1812 по начало 1814 г. в Фусуане наряду с ремонтом дворцов [21, с. 171] и храмов [21, с. 193] осуществлялось требующее

высокой квалификации изготовление разного рода вещей, «обслуживающих» императора во время торжественных церемоний, выездов, парадов и т. д. [21, с. 209—210], предметов культа [21, с. 194], парадной формы чиновников [21, с. 198], то за тот же период после введения ремесленного налога работы в столице ограничивались строительством дворцов [21, с. 217] и храмов [21, с. 230—231, 257—258], ремонтом мавзолеев [21, с. 220] и пагод [21, с. 224], где вполне мог использоваться (и преимущественно использовался) труд солдат [21, с. 224]. Ядра для пушек изготавливались из камня, поставляемого промысловиками [21, с. 232]. О высококвалифицированном ремесленном труде хроники перестали сообщать, так как он в значительной степени вышел из-под контроля властей.

По-видимому, перестройка столичного ремесла завершилась к началу 1816 г., когда отмечается подъем деятельности фусуанских ремесленников. В связи с подготовкой торжественной церемонии провозглашения принца Хиеу наследником с 3-го по 6-й месяц 1816 г. идет строительство его дворца [21, с. 288], изготавливаются золотая и серебряная книги, а также золотая печать наследника [21, с. 286, 288], книги, печати и парадные одежды принцев [21, с. 279—280, 286]. В 7-м месяце 1816 г. в казенных мастерских начинается шитье парадного платья для кхмерского короля и его придворных [21, с. 295], продолжается изготовление предметов пользования для родовой знати и высших чиновников [21, с. 307]. Однако казенные ремесленники были заняты обслуживанием не одних лишь нужд двора, родовой знати и высших чиновников. Об этом свидетельствуют изданные в 12-м месяце 1816 г. нормы изготовления пороха [21, с. 308] и строительство в 3-м месяце 1817 г. двух оружейных мастерских в столице [21, с. 315].

Таким образом, в начале 1814 г. у государственных властей появился новый взгляд на ремесленника как на человека высококвалифицированного труда, предназначенного для специальной работы, отличной от той, которую делает масса тяглового крестьянства, призванного на трудовые повинности, и солдат, выполняющих эти повинности в порядке несения воинской службы. В итоге труд ремесленников стал больше уважаться, лучше оплачиваться, возросла его специализация. Но самое главное состояло в том, что основная масса ремесленников получила возможность посвящать все свое время производству для продажи на рынке.

В провинциях в это время по европейским образцам и чертежам возводятся городские стены административных центров [21, с. 163, 246, 249, 318], прокладываются столбовые дороги [21, с. 160], сооружаются «загородные императорские дворцы» [21, с. 183], ведется строительство кораблей. В 4-м месяце 1813 г. император лично посетил столичный порт Тхуанан, где были воздвигнуты храмы духов моря [21, с. 186]. В середине 1813 г. в Дананге на строительство 35 кораблей было выделено

1900 куанов [21, с. 190]. В 5-м месяце 1817 г. сооружение двух верфей потребовало 300 куанов [21, с. 323].

Большая потребность в это время была у казны в серебряных дел мастерах. Ремесленники-серебряники должны были быть в достаточном количестве в каждой провинции. Это было необходимо для того, чтобы проверять качество вносимого в казну серебра. В связи с этим со 2-го месяца 1813 г. во всех провинциях были официально утверждены должности старшин, мастеров, десятников и ремесленников-серебряников. Появление мастеров серебряных дел при провинциальных налоговых пунктах было связано с начатым в 10-м месяце 1812 г. массовым изготовлением серебряных слитков мелких номиналов, весом в 1 ланг [21, с. 169] = 37,3 г, а затем начиная с 6-го месяца 1815 г. — с чеканкой полулангов [21, с. 250—251].

Изготовление мелких серебряных номиналов, необходимых для повседневных торговых операций, а не крупных закупок либо покупок дорогих вещей (ранее имел хождение лишь слиток в 10 лангов — 377 г), должно было существенно способствовать укреплению и расширению внутриторговых связей. О том, что на протяжении большей части данного этапа казна предназначала серебро не только для внешней торговли, свидетельствуют постоянные его выплаты до 9-го месяца 1816 г. в виде ежемесячного жалованья чиновникам [21, с. 235]. Осуществляя эти выплаты, власти в то же время стремились усилить оборот серебра. Со 2-го месяца 1812 г. казна настаивала на внесении половины всех поземельных и подушных налогов, а также платы за аренду таможен серебром [21, с. 143]. С 11-го месяца 1814 г. плата за аренду таможен должна была вноситься серебром полностью [21, с. 238]. И хотя император пошел на уступку откупщикам и снизил арендную плату в общей сумме на 80 тыс. куанов, но по вопросу о внесении ее серебром остался тверд, хотя именно на это жаловались таможенники [21, с. 241]. Купцы также были обязаны платить всю сумму налогов на таможенных серебром. Лишь плату меньше полуланга (1 куан 4 тиена) можно было вносить монетой [21, с. 250—251]. Откупщики на торговых иностранных таможенных были обязаны к большим выплатам серебра — около 5 тыс. лангов в год на каждой таможенной [21, с. 233].

Таким образом, на протяжении большей части данного этапа казна действительно заботилась не только о введении серебра в обращение, но и о том, чтобы оно не «залеживалось» и не тесаврировалось.

Однако не следует забывать и о том, что одновременно шло массовое производство цинковой монеты, используемой, правда, в основном как «мелочь», в результате которого должен был в конце концов вестись в обращение этот дешевый и малоприспособленный к длительному использованию металл. Двойственность финансовой системы отразилась и в том, что именно на этом этапе было введено два весовых эталона для металлов: один —

для золота и серебра, другой — для меди, олова, цинка и железа [21, с. 189].

Наконец в конце данного этапа консервативная тенденция в финансовом вопросе стала побеждать, и с 9-го месяца 1816 г. выплата жалованья государственным чиновникам на территории южнее Нгеана и все государственные расходы там стали производиться в цинковой монете. В то же время специально указывалось, что население обязано вносить налоги наполовину в серебре [21, с. 301]. Началось массовое «выкачивание» налогового серебра в казну, что не могло не способствовать подрыву торговых связей. По-видимому, какое-то количество серебра на рынке должно было сохраниться.

Основным средством обращения должна была в итоге стать цинковая монета, которую активно поставляла в столицу Бакхань [21, с. 183]. В 9-м месяце 1816 г. было указано, что старые тайшонские деньги могли быть действительны только в течение пяти лет, то есть до 1822 г., после чего они запрещались. За это время казна обязана была изъять эти деньги и заменить их новыми цинковыми [21, с. 301].

Консервативные тенденции, отчетливо проявлявшиеся в сфере финансов, все более и более охватывали и торговлю. В то время как ремесленники были фактически освобождены от трудовых повинностей, купечество постепенно закабалялось.

Если в 8-м месяце 1812 г. власти привлекли его к казенным перевозкам грузов премиями [21, с. 162], то с конца 1814 г. началось сокращение объема освобождений от повинностей. В 9-м месяце 1814 г. транспортировать грузы были обязаны, во-первых, все лица, занимающиеся торговлей, даже если их лодки числились рыбацкими, во-вторых, рыбацкие корабли, по ширине превосходящие 2 м 80 см [21, с. 260].

В 7-м месяце 1816 г., не отнимая у торговцев права один год из двух свободно торговать, власти, во-первых, фактически лишили купцов возможности откупаться от обязанности второй год заниматься перевозками государственных грузов, во-вторых, резко усилили налогообложение кораблевладельцев.

Отменив государственную плату за фрахт частных кораблей, казна в то же время упразднила и практику внесения откупных за свободную торговлю купцов в свою пользу [21, с. 269—297]. В итоге исчезла всякая техническая возможность для откупа торговцев от государственных перевозок в те годы, когда они обязаны были работать «на казну».

Портовые налоги, ранее составлявшие небольшую сумму, теперь увеличивались более чем в 10 раз для самых маленьких лодок (3 куана в 1807 г. и 31 куан в 1816 г. [20, с. 352; 21, с. 296]) и почти в 25 раз для самых крупных кораблей (24 куана в 1807 г. и 594 куана в 1816 г.) [20, с. 353; 21, с. 296].

Этот указ нанес чувствительный удар вьетнамской внутренней торговле. Торговая деятельность купечества после 1816 г. была серьезно затруднена.

Одновременно усиливался прямой непосредственный надзор местных органов власти за предпринимательской деятельностью. Так, в конце 1814 г. контроль за сбором налогов на рыбные хозяйства и другие «источники» обогащения в столичной провинции Куангдык перешел от ведомства финансов к местным властям [21, с. 238]. За прекращением военных действий в Куангнгае и возобновлением торговли с горцами немедленно последовало восстановление торговых налогов на предгорных рынках [21, с. 199].

Во внешней торговле в 9-м месяце 1816 г. был издан указ, запрещающий частным лицам торговать «рисом и другими товарами» с иностранными государствами. Нарушители должны были караться по законам о частном выезде за границу и нарушении запрета выезда в море. Корабли и товары нарушителей подлежали конфискации [21, с. 300].

Был усилен контроль за внешнеторговой деятельностью. В середине 1816 г. в связи с докладом управляющего ведомством по сбору налогов с иностранных торговых кораблей (Тау ву) Нгуен Дык Суиена император отдал распоряжение служащим на внешнеторговых таможах строго следить за тем, чтобы приезжие купцы не подделывали торговые патенты, стремясь уменьшить налогообложение, и не скрывали свои товары от досмотра. Было приказано считать несостоятельными ссылки приезжих на то, что их купеческие корабли «случайно» занесены во вьетнамские порты тайфуном [21, с. 287].

Особенно тщательной проверке подвергались корабли и товары хайнаньских купцов — наименее облагаемых налогами из числа всех китайских торговцев. В 3-м месяце 1814 г. с этих купцов, получающих разрешение торговать от властей других китайских провинций, например Гуандуна, стали взимать налоги по нормам обложения кораблей тех провинций, где им выдавали официальные документы [21, с. 219]. В связи с тем, что на хайнаньских судах часто перевозились торговцы с грузами из других частей Китая, после доклада Нгуен Дык Суиена в 3-м месяце 1817 г. таможенникам был отдан приказ взимать налоги, основываясь не на указании о месте выдачи торгового патента владельцу корабля, но с каждого купца и перевозимых им товаров отдельно [21, с. 315]. От конфискации контрабандных товаров их владельцев мог освободить лишь императорский приказ [21, с. 270].

С 3-го месяца обо всех иностранных торговых и «пиратских» кораблях, заходящих во вьетнамские порты, следовало немедленно подавать доклад в столицу на императорское имя, минуя провинциальные власти [21, с. 315].

Ужесточение надзора над внешней торговлей должно было привести к подорожанию и количественному сокращению ввозимых товаров, ибо доля скрываемых от налогообложения и контрабандных грузов в общем объеме импорта была во Вьетнаме, особенно на Юге, очень велика. Это существенно задевало

интересы вьетнамских перекупщиков, прежде всего зядиньских.

Налаживался финансовый учет. В 12-м месяце 1812 г. во всех провинциях империи было приказано ежегодно в 10-м месяце подавать сведения о количестве торговых налогов [21, с. 175]. Упорядочение финансовой отчетности сделало возможным получение представления о количестве имеющихся денежных средств и накопленных запасах зерна на большей части территории империи, чего ранее тщетно добивался Тхе то. В 8-м месяце 1812 г. ведомство финансов сообщило, что во всех провинциях, кроме Зядини, на складах находится 1 203 532 куана денег и 180 222 ланга серебра, а также 6 847 687 фыонгов очищенного риса [21, с. 195].

В административной политике верховной власти боролись две тенденции — «реалистическая» и «традиционалистская», однако последние постепенно брала верх. Так, сбором налогов на низшем уровне, как это определялось выработанными в конце 1812 г. правилами, продолжали ведать представители местной верхушки, состоящей из деревенских помещиков и частично городского торгово-ремесленного самоуправления: кай хюен, ки хюен, кай тонг, фо тонг, кай тхуок, ки тхуок [21, с. 175]. Что же касается провинциальных сборщиков податей, то в этом вопросе, по-видимому, была сделана уступка «традиционалистам» [21, с. 19] и частные лица были заменены провинциальными чиновниками и «секретарями» высших разрядов [21, с. 175] (см. с. 226 данной работы).

К первой тенденции можно отнести и освобождение на территории от границы Нгеана до Биньхоа в 8-м месяце 1812 г. кай хюенов, ки хюенов, кай тонгов и фо тонгов, во 2-м месяце 1813 г. — «секретарей» (лай) и мелких служащих (ле зитей) от подушных налогов и повинностей [21, с. 162, 181—182]. Со второй тенденцией было связано усиление на той же территории позиций чи хюенов с 1815 г., когда им начали платить государственное жалованье [21, с. 236], назначение лауреатов экзаменационных конкурсов на должности чи фу и чи хюенов [21, с. 230], в Академию [21, с. 233], Конг ши виен [21, с. 230].

В административной сфере была реализована часть программы Нгуен Ван Тханя, который в 12-м месяце 1812 г. предложил назначать в шесть столичных ведомств «стажеров» Академии и Конг ши виен, а также прослуживших длительный срок чи хюенов и чи фу [21, с. 176, 216, 234]. В то же время идея Тханя о ежегодном подведении итогов работы чиновников для проведения чисток не была осуществлена императором [21, с. 176]. По-видимому, Тхе то опасался неоправданных репрессий, связанных с формализацией данной процедуры, которая к тому же должна была отнимать массу времени. Не было осуществлено и другое предложение Нгуен Ван Тханя — о пересмотре земельных реестров в связи с многочисленными тяжбами [21, с. 176]. Значительная часть этих судебных процессов возникала в результате захвата крестьянских земель помещиками, которых

Тхе то не хотел «обижать». Не случайно Нгуен Ван Тхань просил также ускорить разбор судебных дел, ежегодно посылая для этой цели специальных уполномоченных [21, с. 176].

Итак, очевидно, «традиционалистские» предложения Нгуен Ван Тханя не были приняты.

Однако в отношении системы комплектования государственного аппарата верховная власть уже разделяла некоторые его идеи. Это проявилось во вступлении с 1813 г. экзаменационной системы в новую фазу ее эволюции. Теперь уже конкурсы не ограничивались одним Севером, но охватывали всю территорию империи. Объяснялось это, по-видимому, тем, что, уступив слогам старых служилых феодалов бывшего Дангнгоая и «прикрыв» часть из них проведением экзаменационного конкурса в 1807 г. к новой династии, Тхе то вынужден был «подтянуть» чиновные кадры Центра и Крайнего Юга до уровня северян. Ведь традиционно чиновники, рекрутирующиеся из числа победителей на конкурсных экзаменах, считались обладателями более высокого социального статуса, чем те, кто не имел лауреатского звания. А поскольку традиция как результат постепенной унификации внутривластной линии на всей территории страны постепенно занимала все большее место в общеполитическом курсе фусуанского правительства, то подобную дискриминацию чиновников Центра и Крайнего Юга император допустить не мог. Это был уже вопрос политический, ибо интересы тех, кто привел Тхе то к власти, ущемлялись в пользу их бывших противников. При этом первых император продолжал считать костяком своей социальной базы, тогда как к последним не переставал относиться с определенным подозрением.

В связи с этим начиная с 1813 г. от уступок требованиям бактханьских «традиционалистов» правительство при реализации своей кадрово-административной политики вынуждено было перейти к регулярным конкурсным испытаниям.

О проведении экзаменационных конкурсов, намеченных на 1813 г. уже не только на Севере, но и по всей стране, было объявлено в 5-м месяце 1812 г. [21, с. 152].

Для верховной власти этот всевьетнамский конкурс был одной из возможностей проверить то, насколько пропорционально смогут поставлять чиновные кадры посредством экзаменационной системы Север, Центр и Крайний Юг.

На Севере, так же как и по всей стране, к участию в конкурсах были допущены все те, «кто постиг литературную науку». В это число включались и солдаты, несущие службу в армии, и ли зити (секретари, служащие в учреждениях). Первых проверяли «на образованность» районные чиновники, вторых — их непосредственное начальство. Доказавших свою «осведомленность» в литературе разрешалось освобождать от службы на три месяца, а затем давать возможность подготовиться к экзаменам дома.

Служившие в столице проходили проверку «на образован-

ность» в военном столичном ведомстве, те, кто служил вне столицы,— проверялись местными чиновниками. Секретари (ли зити) проходили первичную экзаменовку у своего непосредственного начальства. В результате определялось, кто из претендентов достаточно подготовлен, чтобы получить освобождение от службы на три месяца [21, с. 152].

Те лауреаты прошлого конкурса, которые сдали три тура и получили звание шинь до, могли, пользуясь этим званием, сдавать экзамены на льготных основаниях. «Ученики» (хаук ши), выдержавшие на предшествующих испытаниях два тура, освобождались от трудовых работ на три года, а выдержавшие один тур — на два года [21, с. 152].

Налицо было стремление верховной власти несколько ограничить участие претендентов (и соответственно число лауреатов) в экзаменационных конкурсах, проводимых в Бактхани. В связи с этим там была ликвидирована половина «экзаменационных городков» (два из четырех — в Хайзыонге и Киньбаке), а «экзаменационный городок» Шонтая был перенесен в Тханглаунг. Теперь население «внутренних» провинций Хайзыонг и Нижний Шоннам, а также жители «внешнего» Иенкуанга сдавали экзамены в Верхнем Шоннаме, а жители «внутренних» провинций — Киньбак и Шонтай и «внешних» провинций — Тхайнгуен, Лангшон, Хынгхоа, Туиенкуанг и Каобанг экзаменовались в Тханглаунге (фу Хоайдык).

Если ранее абитуриентам долинных районов, поставлявших основную массу лауреатов, надо было ходить лишь из Нижнего Шоннама в Верхний Шоннам и из фу Хоайдык в Шонтай, то теперь перемещения приняли повсеместный характер: из Хайзыонга и Нижнего Шоннама в Верхний Шоннам, из Киньбака и Шонтая — в Тханглаунг.

После всех этих административных изменений резко снизилось число лауреатов лишь в Тханглаунге. После проведенных в 10-м месяце 1813 г. провинциальных конкурсных испытаний звание хьонг конг там получили лишь 16 человек. В то же время в Верхнем Шоннаме число лауреатов даже увеличилось до 28 человек.

В Нгеане и Тханьхоа никаких изменений в территориальных подразделениях экзаменационной конкурсной системы не было. Численность лауреатов в Нгеане возросла с 8 в 1807 г. [20, с. 354] до 12 человек [20, с. 184], в Тханьхоа — увеличилась более чем в 4 раза — с 2 в 1807 г. [20, с. 354] до 9 человек [21, с. 184].

Таким образом, несмотря на частые восстания, наводнения и голод в 1806—1812 гг., изменения в территориальном размещении «экзаменационных городков», несомненно, затруднявшие доступ соискателей на экзамены, количество лауреатов на территории Севера в 1813 г. увеличилось по сравнению с конкурсами 1807 г.

В «старых» районах бывшего Дангчаунга (т. е. в Центре)

проведение экзаменационных конкурсов было начато в 7-м месяце 1813 г.

Указом от 5-го месяца 1812 г. о проведении в 1813 г. конкурсных экзаменов по всей стране предполагалось создать в Центре два экзаменационных городка: в столичном Куангдыке и в Биньдине. Затем было решено объединить всех соискателей «ученого звания» на экзаменах в Куангдыке [21, с. 152]. Возможно, власти хотели ограничить приток претендентов на чиновничьи должности из бывших тайшонских районов. Если такова была цель правительства, то оно своего добилось: в этом объединенном конкурсе в Куангдыке испытание выдержало лишь 9 человек.

В Зядини первые экзаменационные конкурсы мирного времени были, как и в старых районах Дангчаунга, проведены в 7-м месяце 1813 г. После этих испытаний во Вьетнаме прибавилось еще 8 лауреатов [21, с. 193].

Возрастание численности чиновничества и усиление его социальной значимости сопровождалось развитием корпоративной «чиновничьей» идеологии с ее идеалом воссоздания «совершенного» государства эпохи древности, в котором полностью отсутствуют частновладельческие отношения.

Это привело на третьем этапе периода общего подъема социального развития вьетнамского общества к появлению определенных «традиционалистских» настроений уже не только в Бактхани, но и среди высших гражданских правительственных чиновников, ближайших советников Тхе то, до того поддерживавших политику своего монарха.

Пока это были отдельные предложения и, по-видимому, эпизодические высказывания, но они отражали закономерный общий процесс эволюции взглядов, характерных для основной массы чиновничества, включая куанов Центра и столицы. Ведь носители этих взглядов изначально не были «традиционалистами». Напротив, они принадлежали к таким людям, которые одновременно с подачей консервативных предложений активно и решительно боролись с лидером «традиционалистов» Нгуен Ван Тханем, настаивали на вынесении ему наказания по «делу» его сына [21, с. 320] и никогда раньше не поддерживали политических концепций Тханя.

К числу таких лиц, например, относился гражданский чиновник Фам Данг Хынг, включенный в аппарат зядиньского государства Нгуен Фук Аня еще в 1796 г. [19, с. 236] и длительное время служивший советником в армии [19, с. 240]. В 7-м месяце 1816 г., в разгар процесса над Нгуен Ван Тханем, этот старый зядиньский чиновник, являющийся управляющим ведомством обрядов, просил учредить общинные амбары для периодического накопления и последующей бесплатной раздачи или дешевой продажи риса членам общины в периоды неурожая. По существу, предлагалось усилить механизм внутриобщинного регулирования социально-экономических процессов в деревне с

целью торможения имущественной и классовой дифференциации общины.

Император решительно выступил против осуществления консервативных проектов, исходящих теперь уже от его недавних союзников в борьбе с вождями активных «традиционалистов». Указывая на утопичность и бесперспективность воссоздания системы коллективной деревенской взаимопомощи в условиях «разложения» общинной администрации, ее социальной трансформации, связанной прежде всего с частичным захватом помещиками сферы распоряжения экономическими ресурсами общины (что было вызвано в конечном счете прогрессирующим упадком общинной земельной собственности и одновременным ростом и укреплением частного феодального землевладения), Тхе то настаивал на невмешательстве государства в дела общины и отказе от восстановления ее архаичных распределительных структур.

В итоге идея Фам Данг Хынга о создании общинных рисовых амбаров «взаимопомощи» была в 1816 г. отвергнута императором, не желавшим реставрации консервативных социальных тенденций: «Мы все основательно рассчитали, создание общинных амбаров воистину трудно осуществить, [если] люди, охраняющие склады, не будут хорошими людьми, то будет нанесен ущерб народу. Не лучше ли старательно расширить запасы основных (государственных. — *А. Р.*) налоговых поступлений и во время голода бесплатно раздавать и ссужать в долг (рис. — *А. Р.*), это — тоже хорошее средство» [21, с. 298].

Идея учреждения общинных зернохранилищ, содержимое которых должно было распределяться между общинниками в случае голода, возникла вновь и была реализована лишь во время правления императора Тхань то, стремившегося возродить общину в качестве полноценного социально-экономического организма с максимальным расширением соответствующей формы земельной собственности, уравнительным производством, распределением и потреблением в рамках общинных структур. Однако даже значительные усилия, предпринятые на этом пути государственными властями в конце 20-х годов и в 30-е годы, не дали существенных результатов и резервные зерновые склады в общине впоследствии просуществовали недолго. Создание общинных амбаров «взаимопомощи» шло вразрез с основным направлением развития социально-экономических процессов вьетнамского общества и потому не выдержало испытания временем.

Появление консервативных проектов в среде сторонников Тхе то, активно помогавших ему в борьбе с лидерами «традиционалистов», явно встревожило императора, который хорошо понимал, что осуществление начинаний такого рода, как, например, создание общинных складов «взаимопомощи», либо безусловно провалится при сохранении социально-экономической структуры общества, либо потребует восстановления в

очень значительных размерах общинной земельной собственности и соответственно коренной перестройки всего социума в сторону архаизации. Последнего больше всего и опасался Тхе то. Недаром, по сообщению феодальных историков, в беседах с тем же Фам Данг Хынгом император неоднократно указывал на вредность для страны конфискации частных земель и введения уравнительного землевладения: «В прежние времена разделяли земли [поровну] и определяли владения, [Мы] считаем это хорошим делом. Однако полагаем, что если предоставляли землю бездельникам, то они в любом случае все равно не прилагали усердия к работе и затем продавали ее (землю.— А. Р.) другим людям. [Если] в настоящее время пожелаем запретить захват [земель] и отберем [частные земли], чтобы разделить их поровну, то лишь усилим беспокойство в народе и только. Мы тщательно все обдумали и в конце концов [решили] не делать этого» [21, с. 299].

Необходимо помнить, что разногласие по вопросу о конфискации частных земель было одним из фундаментальных противоречий между «реалистами» и Тхе то, с одной стороны, и северными «традиционалистами» и Нгуен Ван Тханем — с другой. В связи с этим не случайным представляется то обстоятельство, что император еще раз подверг критике идею уравнительного землевладения как раз тогда, когда некоторые из северных «традиционалистов» были уже осуждены [21, с. 197], а процесс над Нгуен Ван Тханем и его сыном решительно набирал силу. Тем самым сторонники консервативных воззрений из окружения Тхе то получали серьезное предупреждение, подкрепленное наглядным примером расправы с противниками «реалистического» политического курса, а Нгуен Ван Тханю выносился настоящий смертный приговор: через девять месяцев Тхань должен был принять яд и тот же самый Фам Данг Хынг советовал похоронить его как простолюдина [21, с. 321].

Следует отметить также, что император указывал не только на отрицательные последствия конфискации частных полей и разделов земли в современный ему период, но и полагал, что подобные «хорошие дела» были недолговечны и в прежние времена, ибо куплю-продажу полей прекратить было нельзя и тогда. Этим ставилось под сомнение совершенство общественного устройства и в «доброе старое время».

Таким образом, на третьем этапе периода общего подъема социального развития вьетнамского общества верховная власть не только уделяла большое внимание теоретическому оправданию проводимого «реалистического» курса, но и эффективно сдерживала всяческие проявления «традиционализма» в лагере своих сторонников, а также активно подавляла непримиримых противников. В ходе острой политической борьбы был в определенной мере развенчан идеал «совершенного государства» прежних времен. «Реалистическая» направленность политического курса не только пассивно сохранялась, но и активно от-

ставалась лагерем «реалистов», к которому прямо примыкал сам император.

С сохранением курса на «реализм», поддержанием «дангчангских» норм в общественных и экономических отношениях связано и дальнейшее рассмотрение Тхе то нгуеновского «доме-на» как наиболее важной части империи: «В Фусуане образованных людей — во множестве, обычаи и нравы — добрые. [Наши] августейшие предки построили здесь столицу государства Юга. В Зядини земли плодородные, не прошло и ста лет с того времени, как [наши] августейшие предки обосновались здесь, а войска тут уже мощные, имущества в изобилии. Мы использовали это место для нападения на Тайшонов и неоднократно со-ста людьми побеждали десять тысяч. Через несколько сотен лет она (Зядинь.— *А. Р.*) станет такой богатой и мощной, что [богатство и сила] ее будут неисчерпаемы» [21, с. 317]. Восхваления старых нгуеновских земель и любимой Зядини сопровожда-лись почти кощунственным сравнением лишь семь лет назад присоединенного «варварского» Хатиена с колыбелью традици-онной вьетнамской культуры — Бактханью [21, с. 317].

Из оценок, даваемых Тхе то различным частям своего госу-дарства, следовало, что в первую очередь для него были важны «богатство и сила», а не «культура и традиция». Однако для обеспечения развития «богатства и силы» в Зядини, которой император предсказывал столь высокий экономический подъем, требовалось, чтобы ее интересы, а именно интересы помещика и купца было кому защищать. Естественно, это могли сделать только носители «реалистического» направления в политике. Но таковыми были преимущественно уроженцы самой Зядини. По-этому следовало прежде всего обеспечить пропорциональное по сравнению с Севером включение южан в управленческую струк-туру страны.

Однако даже в тяжелых экономических и социально-полити-ческих условиях Север доказал, что именно он является важней-шим поставщиком «образованных» гражданских кадров для государственного аппарата и, следовательно, вскоре должен восстановить свои позиции как в местном, так и в центральном государственном аппарате.

Было совершенно ясно, что Центр и Зядинь безнадежно ус-тупают Северу в поставке «ученых» кадров. В общем, Юг отста-вал от Севера в численности лауреатов более чем в 3,5 раза. Для того чтобы сохранить за южанами господствующие пози-ции в управленческой структуре империи, необходимо было от-крыть какой-то новый путь для проникновения южан в чинов-ничье сословие, минуя конкурсные экзамены. Метод, которым пользовались до этих пор, то есть серия единичных император-ских указов, уже более не годился, вернее был недостаточен, так как действенность его ограничивалась сроком жизни самого Тхе то, который был уже стар. Его наследник вполне мог отка-заться от социальной политики отца (что он впоследствии и сде-

лал). В связи с этим должен был быть создан постоянно функционирующий механизм автоматического включения южан в органы власти, не только не нуждающийся в каждом случае в личном вмешательстве, но и не зависящий от личной воли императора. Так получала логическое обоснование и формировалась идея создания наследственного сословия южан, реализованная вскоре в выделение сословия «бангкокцев», потомки которых «вечно» имели право на занятие чиновничьей должности.

Учреждение группы лиц с «вечными» наследственными титулами из числа потомков «бангкокцев», хранителей традиций «реализма», должно было способствовать превращению «временных» установлений эпохи правления под девизом Зялаунг в постоянные, «вечные». Этим Тхе то хотел поддержать социальный статус южан, к чему он стремился, по его собственному признанию, на всем протяжении своего правления [21, с. 318]. Поскольку наследником в это время был объявлен человек, не сочувствующий политике своего отца, позицию которого в острой политической борьбе необходимо было учитывать, то Тхе то объяснял тот факт, что формирование родового дворянства было начато именно в 4-м месяце 1817 г., а не раньше, не необходимостью навечно закрепить привилегии обособленной группы «антитрадиционалистов»-южан, а тем обстоятельством, что «прежде не было времени» [21, с. 318].

В конце третьего этапа периода прогрессивного развития вьетнамского общества в начале XIX в. было принято решение о юридическом оформлении сословия родового дворянства из числа «бангкокцев» и их наследников, которые должны были быть зарегистрированы в соответствующих списках. Основная же работа в этой сфере была осуществлена уже после самоубийства Нгуен Ван Тханя и казни Нгуен Ван Тхюена и Ле Зюи Хоана [21, с. 321, 327—328].

Начало формирования сословия наследственной родовой знати — «бангкокцев»

Поощрение «бангкокцев», особенно существенное для Зядини, продолжалось в начале и в середине третьего этапа периода прогрессивного развития вьетнамского общества в начале XIX в. Правда, оно не было таким интенсивным, как раньше, ибо Тхе то был занят важными государственными делами, сложнейшими из которых являлись разгром активных бактханьских и фусуаньских «традиционалистов», а также предотвращение восстания официального главы рода Ле — Ле Зюи Хоана. Предоставляя «бангкокцам» легкую и хорошо оплачиваемую работу, большей частью синекуры, Тхе то часто назначал своих старых сподвижников на хлебные посты комендатов богатых портовых городов, а поскольку такие города чаще всего находились в Зядини, то одновременно отправлял их служить поближе к родному дому

[21, с. 211]. Однако это не вело к существенному повышению социального статуса этой группы южан и, что самое главное, не закрепляло за ними значительной роли в управлении государством.

Уже после объявления принца Хиеу наследником, но еще до вынужденного «самоубийства» Нгуен Ван Тханя и казни Нгуен Ван Тхюена и Ле Зюи Хоана, т. е. в самый разгар политического кризиса в столице, правитель сделал ставку на «бангкокцев», как на людей наиболее преданных и интересам династии и выработанному в зядинский период политическому курсу, а также связанных с правителем узами личной верности. «Бангкокцы» были теми людьми, кто должен был наиболее преданно встать на защиту династических интересов Нгуенов, удержать трон за их родом, а также воспрепятствовать повороту империи к «традиционализму» в случае изменения политического курса при преемнике Тхе то. Не случайно «бангкокцы» в период правления «традиционалиста» Нгуен Тхань то рассматривались правительством в Хюэ как одна из самых опасных оппозиционных групп.

Руководствуясь этими соображениями, Тхе то решился на беспрецедентный политический акт не только в истории Вьетнама, но и в истории всех стран Дальнего Востока, исключая Японию. Используя уже имеющуюся тенденцию развития феодального вьетнамского общества в сторону сословного, император решил закрепить наследственные привилегии средних феодалов из числа верных ему южан и в 4-м месяце 1817 г. пришел к мысли об образовании привилегированного сословия, члены которого впервые в истории Вьетнама обладали с определенного уровня правом передачи титулов знатности, обеспечивающих чиновничий ранг и связанные с ним должностные и материальные привилегии без обязательной службы и без понижения в каждом поколении. Было оформлено «дворянское» сословие «бангкокцев» и их потомков, удостоенных права вечно пользоваться своими привилегиями, независимо от службы и от воли монарха.

Свое твердое намерение осуществить эту важнейшую социальную реформу Тхе то высказал в конце 4-го месяца 1817 г. Фам Данг Хынгун: «Мы помним о конг тханах (заслуженных деятелях) Бангкока, хотим учредить наследование титула для их потомков, дабы они вместе со страной предавались радости. Тех, кто имеет талант, проверим и используем [на службе], а тем, кто не имеет способностей, предоставим возможность из поколения в поколение пользоваться наследственными титулами, дабы [они] соблюдали долг верности» [21, с. 318].

Говоря о соблюдении долга «верности», Тхе то официально заявил о «верности» будущим императорам династии Нгуенов, своим преемникам, однако в силу социального характера выделенной группы эта «верность» должна была в первую очередь быть верностью тем принципам, на основе которых и во имя ко-

торых действовали предки новой наследственной знати, то есть верностью принципам политики «реализма».

Следует отметить, что именно на этапе разгрома «традиционалистов» Тхе то решил максимально расширить ту группу, на которую распространялись привилегии «бангкокцев». Фактически она перестала быть объединением лиц, непосредственно уезжавших вместе с Нгуен Анем в Бангкок, а превратилась в слой людей, имевших наибольшие заслуги в войне с Тайшонами. Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствуют слова самого Тхе то, обращенные к Фам Данг Хынгун: «Нгуен Ван Чыонг и Ха Хи Ван (вьетнамская транскрипция имени китайского вождя из „Общества Земли и Неба“) — оба имеют большие заслуги перед государством. И хотя [они] не имели заслуг держания поводьев [нашего коня] и не следовали [за нами в Бангкок], все же повелеваем, дабы прославить, внести их в списки конг тханов Бангкока» [21, с. 318]. Таким образом, термину «бангкокцы» было придано расширительное значение.

Необходимо особо подчеркнуть, что середину 1817 г. сам Тхе то считал определенным рубежом своего времени. Именно тогда, как он полагал, «правила и основы» были «временно установлены» [21, с. 318]. Есть все основания связать это с окончательным определением наследника и близящимся разгромом фусуанских консерваторов, устранением Ле Зюи Хоана и учреждением сословия наследственной родовой знати.

ОФОРМЛЕНИЕ СБАЛАНСИРОВАННОЙ ОБЩЕИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ (1817—1819)

Причины провозглашения наследником «традиционалиста». Династийные и государственные интересы при выборе наследника

Позиции новой династии в завоеванном силой оружия восточном феодальном государстве в принципе нельзя назвать прочными. Это объясняется, во-первых, наличием достаточного количества действительных или мнимых «законных» претендентов на место правителя, занятое «узурпатором», во-вторых, одним из фундаментальных принципов рассмотрения власти в традиционном восточном обществе — с точки зрения ее временной длительности, которая в известной мере сама по себе является критерием и надежности, и устойчивости, и легитимности правления.

Будучи знакомым с опытом вьетнамской и китайской истории, а также исходя из собственной практики борьбы за власть и отстаивания этой власти в конфликте со сторонниками Ле и «традиционалистами», Тхе то не мог не понимать, что новая династия при прочих равных условиях наиболее уязвима либо в период царствования ее основоположника, либо в момент передачи правления его наследнику. В связи с этим первый император Нгуенов стремился, насколько это было возможно, не создавать почву для обострения социальных конфликтов и резко оппозиционных настроений, пытался заблаговременно предотвращать антиправительственные и антидинастийные выступления, а в случае невозможности избежать открытых столкновений быстро и своевременно ликвидировать их наиболее эффективными средствами.

В определенной степени именно осознание неустойчивости положения основателя новой династии ускорило разрыв правителя с «традиционалистской» администрацией, своей неумелой деятельностью поставившей Север на грань катастрофы. Возможно, будучи наследником «законных» государей, Тхе то и мог бы жестокими методами подавить социальные возмущения, «загнать» конфликты «внутрь» и в ожидании, пока они основательно не подточат господствующие общественные отношения, предоставить преемникам пожинать плоды своих «решительных» действий. Именно так впоследствии и поступил его сын — император Тхань то.

Однако Нгуен Фук Ань позволить себе этого не мог, ибо любой более или менее острый социальный конфликт, в который были вовлечены значительные слои и массы населения, грозил ему немедленной потерей власти, а стране — сменой династии, и, чтобы не допустить этого, первый император из дома Нгуенов усиливал в проводимых по его приказу социально-экономических и социально-политических мероприятиях «реалистическую» тенденцию, столь необходимую для вывода вьетнамского общества из кризиса. В итоге общество окрепло. Укрепились и власть Тхе то, опирающаяся на перспективные социальные слои. В то же время была подорвана база оппозиции, что проявилось в поражении сторонников Ле и «традиционалистов».

Однако если вследствие умелой и дальновидной политики вьетнамского правительства к началу второй половины 10-х годов XIX в. непосредственной угрозы правлению лично Тхе то уже не существовало, то относительно прочности власти его преемника имелись серьезные сомнения. Это со всей очевидностью проявилось во время конфликта правителя с Нгуен Ван Тханем. Согласись Тхе то на его требования провозглашения наследником малолетнего Ми Дьонга, и его преемник становился марионеткой в руках Тханя. Не исключена была и узурпация власти, сопровождающаяся сменой династии. О том, что Тхе то прекрасно отдавал себе в этом отчет, свидетельствуют собственные слова правителя: «Он (Нгуен Ван Тхань.— *А. Р.*) хочет поставить у власти малолетнего императора, дабы легко подчинить его себе и в будущем иметь возможность свободно брать за горло и похлопывать по спине. Разве я темный невежа и не сумею решить, что нужно делать, а чего — нельзя, торопливо последую его словам и не выберу для Государства (нужного.— *А. Р.*) человека!» [21, с. 267].

В сложившейся кризисной ситуации правитель сделал немедленный выбор преемника в пользу того из своих потомков, который был наиболее способен удержать трон за родом Нгуенов, — в пользу старшего из оставшихся в живых сыновей — волевого и энергичного принца Хиеу. На состоявшейся в 3-м месяце 1816 г. большой императорской аудиенции Тхе то заявил: «Отец передает трон сыну — это постоянный принцип, действующий с давних времен и поныне. С эпохи Хань и эпохи Тан мало людей не следовали ему. Однако имеются люди, которые говорят о «преимущественном наследовании внуков», воистину я не понимаю этого положения» [21, с. 278]. Затем вьетнамский император, желая показать, к чему приводит передача престола внуку в обход сыновей, сослался на пример Чжу Юань-чжана, который, поддавшись на увещания своего советника, провозгласил преемником внука Чжу Юнь-вэня, отстранив от наследования сына Янь-вана (Чжу Ди): «В конце концов произошло бедствие» [21, с. 278]. Этот исторический экскурс имел целью еще раз подтвердить не только абсолютное право, но и обязанность восточного монарха назначать наследника исключительно

по собственному усмотрению, не слушая ничьих уговоров, ибо «никто лучше отца не знает своих сыновей (потомков)» [21, с. 278]. Поэтому, если бы Чжу Юань-чжан принял решение на основании только лишь своего личного мнения, которое не могло быть неверным, и объявил наследником Янь-вана, то «скажи он одно слово, кто бы осмелился его послушаться! В этом случае разве произошла бы смута?» [21, с. 278].

Естественно, вся эта сентенция была направлена в первую очередь против Нгуен Ван Тханя, не только пытавшегося влиять на выбор правителем преемника, но и обсуждавшего с высшими чиновниками вопрос о провозглашении наследником сына покойного принца Каня, т. е. «устраивавшего смуту». В высказывании Тхе то можно также усмотреть стремление еще раз принципиально подтвердить непререкаемость высшей воли восточного государя в вопросе выбора преемника, ибо, несмотря на отсутствие фиксированного права примотенитуры, обычай предусматривал желательность назначения наследником старшего сына, а в случае смерти последнего при жизни правителя — перехода власти к его сыну (ср. требование оппозиционного чиновничества и родовой знати Дангчаунга, а также восставших народных масс на первом этапе тайшонского движения сместить «незаконного» тюа и возвести на трон сына покойного старшего принца Тьюнга — Зьюнга, который впоследствии действительно был объявлен правителем — «главным новым выонгом») [18, с. 230].

Психология феодального восточного деспота в еще большей степени, чем мировоззрение абсолютного европейского монарха с его известной формулой «государство — это я», заставляло Тхе то неразрывно связывать будущность страны и судьбу его потомков, интересы его рода. В связи с этим первостепенное значение имел выбор наследника, который в отличие от европейской практики, по мнению Тхе то, не мог быть ограничен правом первородства, но должен был всецело зависеть от личной воли правителя, не внимающего ничьим советам.

Важнейшей задачей «правильного» выбора наследника, особенно при приходе к власти новой династии, являлась передача правления такому преемнику, который прежде всего в силу своих личных качеств мог предотвратить, а если требовалось, то и подавить антиправительственные выступления и «смуты». Превалирующая, самодовлеющая значимость, которая придавалась выполнению этой функции, оттесняла на задний план все остальные достоинства и недостатки будущего правителя, его идеологические и политические взгляды и в конечном счете являлась причиной того, что к управлению страной был допущен «традиционалист».

Вряд ли Тхе то намеренно передавал бразды правления Вьетнамом «традиционалисту» и рассчитывал при этом, что его преемник приступит к последовательной реализации архаических установок в экономической и социальной сферах. Ведь это

бы в корне противоречило тому политическому направлению, которого придерживался он сам. Скорее всего император просто не подозревал, что впоследствии дело обернется таким образом; при жизни Тхе то принц Хиеу никогда не примыкал к крайним «традиционалистам». Напротив, он всегда был резко враждебен партии Нгуен Ван Тханя, противопоставлявшей ему своего кандидата в наследники. Возможно, именно эта позиция принца Хиеу в разворачивающейся в середине 10-х годов XIX в. политической борьбе во Вьетнаме вселила в Тхе то уверенность в том, что разделяющий взгляды умеренных «традиционалистов» наследник впоследствии ограничится восстановлением «классических» установок в сфере идеологии и главным образом ритуала. Без этого, кстати сказать, Тхе то не мыслил себе не только правителя страны мирного времени, но и правителя Вьетнама вообще.

В этой связи уместно проследить ту идеологическую эволюцию в сторону «традиционализма», которую претерпели взгляды принца Каня после объявления его наследником престола.

Вернувшись из Франции в 1789 г., принц еще некоторое время находился под «европейским» влиянием, оказываемым на него Пинье де Безном, Шенье и Ванье [19, с. 98]. Однако в связи с провозглашением Каня наследником престола в 3-м месяце 1793 г. Нгуен Фук Ань приставил к нему 16 чиновников-учителей из Хан лам виен (Академии) и Куок ты зяма (Высшего учебного заведения для детей чиновников и знати). Эти учителя, в числе которых находились Чинь Хоай Дык и Ле Куанг Динь, обязаны были ежедневно «разъяснять» наследнику содержание классических книг и записывать все сказанное принцем в процессе обучения, а затем ежемесячно подавать записи высказываний Каня на просмотр Нгуен Фук Аню [19, с. 166]. После пяти с половиной лет такого обучения, несмотря на то, что Пинье де Безн также допускался к наследнику и даже сопровождал его в военных походах [19, с. 184], принц Кань не только вышел из-под влияния европейцев, но и открыто встал на сторону знаменитого Нго Тонг Тю, обрушившегося с нападениями на буддийских монахов, что было воспринято епископом, как выступление против „ложных“ религий вообще, включая и христианство [19, с. 289].

Таким образом, за сравнительно небольшой срок классического обучения «европеец» Кань не только воспринял традицию в сфере идеологии, но и поддержал скрытую борьбу со своим бывшим наставником. Характерно, что эта позиция Нго Тонг Тю и принца Каня была одобрена самим Нгуен Фук Анем [19, с. 289].

Пример первого наследного принца убеждает в том, что Тхе то считал необходимым посадить на вьетнамский трон человека, имеющего хорошее конфуцианское образование. Возможно, что необходимость перевоспитать Каня, заставить его изжить свой прежний «европеизм», вынудила Тхе то придавать этому

воспитанию слишком большое значение, что сказалось на остальных его сыновьях. В итоге наставником принца Хиеу с 14-летнего возраста стал, так же как и у Каня, управляющий ведомством обрядов [20, с. 225]. В таком духе, несмотря на смены учителей, продолжалось воспитание принца в течение 11 лет. Таким образом, к 1816 г., когда 24-летний Хиеу стал вторым человеком в государстве, его мировоззрение было вполне сформировано книжниками-«традиционалистами».

Возможно, Тхе то как-то и пытался «уравновесить» влияние книжников и именно с этим его намерением связано поручение в 1805 г. двум офицерам, еще недавно, очевидно, принимавшим участие в боевых действиях, наряду с двумя чиновниками Академии присматривать за принцем [20, с. 225]. Однако если Хиеу что-то и воспринял от них, то в первую очередь это были воинственность и экспансивность, впоследствии дорого обошедшиеся вьетнамскому государству.

В то же время следует отметить, что, несмотря на явное стремление редакторов хроники представить будущего императора (в период правления которого значительная часть этой хроники и составлялась [19, с. 9]) в образе умного и добродетельного юноши, факты говорят о том, что Тхе то отнюдь не всегда был доволен своим сыном и иногда лично задавал ему «трепку» [20, с. 225].

К этому следует добавить, что правитель назначил принца Хиеу своим наследником далеко не сразу после смерти Каня и захвата власти в стране. Даже когда Хиеу было 14 с половиной лет и высшие чиновники обратились к Тхе то с просьбой выбрать преемника, тот под предлогом малолетства детей и внуков отказался: «...наследный принц — будущий правитель государства, в нем — законное продолжение [династии]. В настоящее время наши дети и внуки еще малы, мы поручили учителям обучать и формировать их таланты и добродетели, впоследствии выберем того, кто наиболее добродетелен, и назначим [наследником], поздно не будет» [20, с. 250]. После этой безрезультатной просьбы вопрос о наследнике не обсуждался императором в течение 11 лет. Логично предположить, что если бы Тхе то был полностью удовлетворен деловыми качествами и политическими взглядами принца Хиеу, то объявил бы своего взрослого сына преемником значительно раньше. Возможно, если бы обстановка при дворе не была такой напряженной и вопрос о дальнейшей судьбе династии не был бы так остро поставлен лидером крайних «традиционалистов», то император и в 1816 г. не стал бы торопиться с провозглашением своим преемником принца Хиеу. Может быть, выждав еще некоторое время, дождавшись возмужания остальных сыновей, он остановил бы свой выбор на ком-нибудь из них. Здесь мы, правда, можем лишь предполагать, тем более что нам совершенно неизвестны политические взгляды братьев принца Хиеу. Все они играли совершенно ничтожную роль при дворе во время правления Нгуен

Тхань то, но это не значит, что среди них не было выдающихся личностей, отсутствовали энергичные и способные к управленческой деятельности люди. Видимо, никто из принцев более чем Хиеу не удовлетворял тому первому требованию, которое предъявил к своему наследнику Тхе то: быть способным удерживать за родом Нгуенов власть над Вьетнамом. По-видимому, только участие принца Хиеу в заговоре и переход в ряды оппозиции могли заставить Тхе то, подобно некоторым другим монархам (например, Петру I), лишить старшего сына престола в пользу одного из младших сыновей.

О том, что Тхе то в полной мере не полагался на своего наследника как на продолжателя избранной им политической линии, свидетельствуют те меры, которые принял император для сохранения после своей смерти проводимого около 20 лет «реалистического» курса. Эти мероприятия были направлены как на временное поддержание избранного политического направления, так и на создание долгосрочных, по замыслу Тхе то, постоянных факторов, имеющих целью из поколения в поколение влиять на проводимую вьетнамскими правителями внутреннюю политику.

Временному сохранению «реалистического» направления в политике после смерти Тхе то должно было способствовать то, что в последние три года его правления были физически уничтожены, посажены в тюрьму, отправлены в ссылки и разжалованы основные активные крайние «традиционалисты», а за лидерами «реалистов», напротив, в это же время были закреплены высшие командные посты. Ле Тят, например, официально был признан генерал-губернатором Бактхани, а Ле Ван Зюет имел колоссальный авторитет, ибо был наиболее доверенным лицом Тхе то, к которому тот обращался в самых трудных ситуациях. Именно Зюет наряду с Фан Данг Хынгом принимал завещание из рук умирающего императора [21, с. 398].

Как оказалось впоследствии, эти меры Тхе то были очень эффективны, ибо, побоявшись не только физически уничтожить своих основных политических противников, но и лишить их власти, предоставленной отцом, Тхань то вынужден был ждать их естественной смерти и не мог, таким образом, в течение более чем половины своего царствования проводить «традиционалистский» политический курс на значительной части территории своей страны.

**Выработка общевьетнамской компромиссной
«сбалансированной» внутренней политики
в 1817—1819 гг.**

Общеимперская компромиссная политика формировалась в конце 10-х годов XIX в. под воздействием многих факторов, одним из которых был успех политического курса, проводимого

«реалистами» в 1817—1819 гг. в различных частях страны, особенно в окончательно покончившей с кризисом Бактхани.

В 3-м месяце 1818 г. чиновники бактханьского краевого управления сообщали, что на провинциальных складах много риса и мало денег. В связи с этим они просили императора разрешить им взимать с населения всю задолженность по поземельным налогам за 1817 г. не рисом, а деньгами. Кроме того, частично в денежной форме предлагалось собирать и летние поземельные налоги 1818 г.: с Верхнего Шоннама и Нижнего Шоннама, Хайзюнга, Иенкуанга и Тхайнгуиена — на 50%, с Киньбака и Шонтая — на 40%. В итоге было позволено вносить налоги деньгами из расчета 1 куан за 1 хок [21, с. 347]. Так как замена зерна деньгами не имела целью облегчить положение налогоплательщиков, то можно с достаточным основанием предположить, что государственная стоимость риса в принципе соответствовала рыночной (для того, чтобы заинтересовать налогоплательщиков вносить вместо зерна деньги, казна в сложившейся ситуации должна была бы установить несколько более высокие, чем рыночные, государственные цены на рис, однако этим можно пренебречь). Следовательно, рис на рынках Бактхани стоил в это время 1 куан или даже немногим менее. Это была невысокая цена.

По-видимому, риса в конце 10-х годов в Бактхани хватало и голода не было. В связи с этим коммутация ренты-налога с общинных земель и налога с частных полей имела очень большое значение. Она была прямо связана с резким повышением роли рынка, на котором закупалась значительная часть необходимых казне товаров, с наймом ремесленников, выполняющих государственные заказы за плату. Нужда в деньгах возникала у казны и в связи с необходимостью закупки у купцов и горнозаводчиков металла, необходимого для изготовления монеты. Кроме того, бактханьские власти должны были реализовывать указание фусуанского правительства об изъятии у населения старых тайшонских денег и постепенной замене их новыми.

Потребность в ценных металлах, необходимых преимущественно для внешнеторговых операций, заставляла администрацию Крайнего Севера продолжать «выкачивание» серебра из всех возможных источников. В связи с этим в 6-м месяце 1818 г. с населения Туенкуанга, Хынгхоа, Каобанга, Лангшона и тех уездов Шонтая, которые вносили подати в провинциальные управы Туенкуанга и Хынгхоа, было приказано взимать летние поземельные налоги за текущий год полностью серебром [21, с. 353]. В 9-м месяце 1819 г. власти распорядились впредь взимать поземельные летние и зимние налоги в трех тяу Иенкуанга (Ваннинь, Тиениен и Вандон) наполовину — серебром, наполовину — монетой [21, с. 389].

В Бактхани в отличие от всей остальной территории империи увеличивалось количество ценных медных монет, которые поступали туда в обмен на изготовленные ремесленниками Монет-

ного двора цинковые деньги. Размеры ввозимой массы медных монет были очень значительны. Так, только в 3-м месяце 1818 г. из столичного казначейства в Тханглаунг поступило 120 000 куанов медных монет, шедших, в основном, на оплату скупаемого у купцов и шахтовладельцев цинка, который в обратном направлении шел в Фусуан в виде монеты [21, с. 348].

Экономическое положение в Бактхани в конце 10-х годов было удовлетворительным. Полностью отменять взимание налогов необходимости не было. Снижение податей производилось только в чрезвычайных обстоятельствах, например, во время неурожая конца 1817 г., при наводнении 11-го месяца 1819 г., когда из общей численности облагаемых налогами земель были исключены затопленные водой поля, — на 50% поземельных налогов [21, с. 335]. Тогда же власти отсрочили сбор 30% летних налогов за текущий год [21, с. 394]. Что же касается недоимок, то их взимание откладывалось в 1-м месяце 1818 г. лишь в 42 деревнях «внутренних» провинций, где беглые крестьяне недавно вернулись на прежнее место жительства [21, с. 342], и в 6-м месяце 1818 г. в тех районах Киньбака и Лангшона, откуда мигрировали нунги и другие горные народности [21, с. 353].

Росла роль Нижнего Шоннама как житницы Бактхани и всего Севера. Император высоко оценивал значение этой провинции: «Солдаты и имущество — все исходит оттуда, по сравнению с другими провинциями эта — более важная» [21, с. 366].

Улучшившееся экономическое положение в Бактхани дало возможность начать крупномасштабные строительные работы в Тханглаунге. В 1-м месяце 1819 г. здесь трудилось 5300 солдат, получивших за свою деятельность 35 тыс. куанов денег и 35 тыс. фыонгов очищенного риса [21, с. 366]. В 3-м месяце того же года почти в три раза большее войско продолжило строительные работы в столице Крайнего Севера. Через два месяца каждому из солдат было предоставлено по 10 куанов денег, а чиновники удостоились пятимесячного жалованья [21, с. 372, 379]. В связи с крайней занятостью бактханьские войска были освобождены в 1819 г. от несения службы в Фусуане [21, с. 366].

Привлечение к строительным работам в Тханглаунге столь значительных воинских контингентов стало возможным после почти полного прекращения антиправительственных выступлений. Большинство повстанческих вождей на данном этапе было либо выдано властям местным населением, либо, вынужденное сложившимися обстоятельствами, по собственному почину сложило оружие и сдалось властям. Так, в 8-м месяце 1818 г. жители Верхнего Шоннама выследили предводителя восставших Доан Тяна и совместно с правительственными войсками захватили его, за что удостоились унтер-офицерских должностей и денежных наград [21, с. 357]. В 3-м месяце 1819 г. шонтайский помещик взял в плен самозванца, объявившего себя представителем императорского рода Ле и претендовавшего на власть.

Самозванец был казнен, а помещик получил 200 куанов денег [21, с. 374]. Наконец, в начале 1819 г. сдался правительственной администрации вождь Тиен, ранее поднявший восстание в хайзыонгском Тханьмиене [29, с. 280].

В конце 1818 г. в Бактхани произошло восстание представителей элитарных чиновничьих родов, члены которых не только служили новой власти, но и занимали довольно высокие посты в нгуеновской администрации. Один из повстанческих вождей был сыном обладателя титула хау [29, с. 278] и братом жены лидера шонтайского восстания 1808 г. [29, с. 212]. Другой вождь, по сообщению Фан Тхук Чыка, вплоть до конца 1818 г. сам неоднократно сражался против повстанцев под началом сводного брата великого вьетнамского поэта Нгуен Зу [29, с. 257], назначенного в середине 1815 г. на должность тхам чи ведомства обрядов [21, с. 251]. При подавлении восстаний он проявил такую жестокость, которая заставила даже киньбакских чиновников, широко применявших репрессии при проведении карательных операций, посадить его в тюрьму. Бежав от туда, он примкнул к другим оппозиционным представителям северной элиты, среди которых был сын «героя» борьбы с Тайшонами, оказавшего существенную поддержку Тхе то при захвате войсками южан Севера в 1802 г. [29, с. 76, 278]. За участие в восстании сына сам «герой», несмотря на свои заслуги, был брошен в темницу [29, с. 278]. Восстание не было массовым и не имело серьезных последствий. Возможно, именно для его подавления двинулся в начале 1819 г. в качестве кинь лыюка в Киньбак Ле Тят, жестокими репрессиями в отношении разложившегося офицерства установивший железную дисциплину в гарнизоне крепости Миньонг [21, с. 374].

К середине 1819 г. в Бактхани не было уже ни одного антиправительственного выступления. В связи с этим в 8-м месяце 1819 г. было решено в спокойной и стабилизировавшейся обстановке впервые провести на Крайнем Севере большую «проверку [списков тягловых] и добор [солдат]». Однако в 11-м месяце 1819 г. произошло наводнение, и намеченное мероприятие было отложено [21, с. 394].

На протяжении четвертого этапа из Бактхани шел вывоз больших партий продовольствия в провинции Центра. Так, во 2-м месяце 1818 г. оттуда в Куангбинь было перевезено 30 тыс. фыонгов очищенного риса [21, с. 346].

В 7-м месяце 1817 г. на Крайнем Севере, как и в Центре, было начато крупное строительство больших кораблей, потребовавшее немалых материальных затрат. На сооружение каждого из 29 судов казна выделяла по 200 куанов денег [21, с. 325]. Закладывалась база для превращения Бактхани в «вывозящий» край.

В горнорудном деле сохранялся «реалистический» курс: заброшенные частными предпринимателями содовые карьеры и цинковые рудники освобождались от налогов, но не передава-

лись «экономическим» чиновникам [21, с. 365]. Власти были согласны ждать новых «заявок» предпринимателей, но не переходили к архаичным методам промышленной деятельности.

Уменьшались доходы частных лиц, связанных с работой «на казну». Так, в 12-м месяце 1818 г. была в два раза сокращена доля налоговых поступлений от иностранных торговых кораблей, получаемая людьми, исполняющими функции налоговых сборщиков на иностранных таможнях Бактхани. Соответственно увеличивалась та часть доходов, которая предоставлялась в качестве жалованья военным и гражданским чиновникам, родовой знати, включая некоторых представителей семей Ле и Чинь, а также императорским наложницам [21, с. 364—365]. Однако частные лица на иностранных таможнях не были заменены государственными чиновниками, чему способствовала крепость позиций реалистов в администрации края.

Официально назначенный в 1-м месяце 1818 г. генерал-губернатором Бактхани Ле Тят был вызван в 4-м месяце 1819 г. в Фусуан для отчета [21, с. 375; 29, с. 281]. После этого Тхе то разрешил ему в течение почти полугода гостить в доме старой матери. Однако за три месяца до своей смерти, желая закрепить позиции «реалистов» на Крайнем Севере, император приказал Ле Тяту срочно вернуться в Бактхань [21, с. 375; 29, с. 281]. Власть генерал-губернатора и сформированного «реалистами» государственного аппарата была там столь прочна, что в течение следующих шести лет, вплоть до смерти бывшего тайшона, император Тхань то фактически так и не смог подчинить себе Крайний Север.

Иной была ситуация в Тханьхоа и Нгеане, где преступные чиновники-казнокрады, неспособные администраторы и военачальники не смогли преодолеть кризиса, вызванного плохим управлением и обостренного частыми стихийными бедствиями, последствия которых местные власти почти не пытались смягчить.

Так, после того как в 7-м месяце 1817 г. в Нгеане произошло землетрясение, поземельные налоги в 11-м месяце того же года были снижены там всего лишь на 10%. В это же время в Тханьхоа и Тханьбине вследствие неурожая, имевшего место и в Нгеане, власти сократили земельные подати на 30% (в Бактхани — на 50%) [21, с. 335].

Вслед за тем в этих провинциях начался голод и вспыхнули восстания. Не рассчитывая на местные воинские силы и способности губернаторов, Тхе то направил из Фусуана во главе с назначенным в качестве кинь лыюка Нгеана и Тханьхоа Тон Тхат Бинем почти трехтысячную армию столичных солдат [21, с. 337]. Прибыв в Нгеан, Бинь в 1-м месяце 1818 г. силами своих войск и с помощью провинциального гарнизона под командованием губернатора Хоанг Виет Тоана провел карательную операцию против повстанцев, однако успеха не добился. Восставшим удалось скрыться от преследования боевых слонов, методично «прочесывающих» местность. Опасаясь углубляться

в горные леса, Бинь и Тоан обратились к императору с просьбой разрешить им расквартировать войска на занятых позициях и ожидать, пока их противники «сами сдадутся» [21, с. 344]. В ответ Тхе то потребовал решительных действий. Полагая, что из тысяч восставших сложат оружие лишь одиночки, а остальные будут использовать любую возможность для нападения из своих «укрытий», император приказал обоим военачальникам разработать план разгрома «мятежников» непосредственно на их горных базах. Для этого он считал необходимым найти опытных проводников, хорошо знающих местность, и с их помощью организовать карательную экспедицию в центральную часть горных районов. Осуществление операции возлагалось на столичных солдат, ибо провинциальные войска были ненадежны. Итогом экспедиции должен был быть полный разгром и уничтожение повстанцев: «Приложить все силы к тому, чтобы стереть их начисто с лица земли» [21, с. 344].

Однако Бинь и Тоан не сделали ничего во исполнение императорского приказа. В результате восстания охватили еще более широкую территорию и в 3-м месяце 1818 г. вспыхнули в уездах Донгтхань и Кюиньлыу. Посланные для подавления этих выступлений солдаты провинциального гарнизона были разбиты и только столичные войска смогли заставить восставших отступить [21, с. 347]. Но Тон Тхат Бинь не стал их преследовать, а укрылся в крепости Тиенли. Сознывая мощь боевых сил восставших и бесперспективность продолжения военных действий разрозненными отрядами, Тхе то приказал собрать всех столичных солдат в одно место и, предварительно выяснив местонахождение противника, разгромить его «в едином сражении» [21, с. 347]. Однако практически осуществить это было невозможно. Повстанцы, естественно, уклонялись от генерального сражения и совершали нападения мелкими группами. В результате этой изматывающей силы правительственных войск тактики время тянулось, а надежды на успех не было. Среди не привыкших к горному нгеанскому климату столичных солдат начались болезни. Вскоре император был вынужден отозвать войска из крепостей и фортов в долины и разместить их в провинциальном центре, где больных стали лечить. Губернатор Нгеана Хоанг Виет Тоан, как не справившийся со своими обязанностями, был отозван в столицу, а его место занял военачальник Нгуен Ван Нанг [21, с. 347].

Смена администрации и уход столичных солдат из горных районов снизили уровень напряженности в провинции. Осознав, что за ними более не будут «охотиться», повстанцы не только прекратили нападения на зону долин, но и стали постепенно складывать оружие. Таким образом, Тхе то был неправ, настаивая на непрерывном наступлении, и в конце 3-го месяца 1818 г. властям сдалось и было захвачено 170 повстанцев, чего ранее в хрониках не отмечалось. Несмотря на то что в среде чиновников раздавались призывы «миловать всех», император, крайне раз-

драженный стойким сопротивлением восставших, приказал освободить от наказания только тех, кто сдался добровольно. Над захваченными в плен должен был совершиться строгий суд [21, с. 348].

Добровольные сдачи в плен прекратились, и повстанцы закрепились на своих горных базах до тех пор, пока ухудшение экономического положения в провинции, связанное с новой волной стихийных бедствий, вновь не расширило масштабы антиправительственного движения.

В том же, 5-м месяце 1818 г., когда столичные войска в связи с относительным спокойствием в провинции и повальными болезнями личного состава покидали Нгеан [21, с. 349], там произошло наводнение. Однако местные чиновники, стремясь выслужиться перед импортером, просили у него разрешения собрать налоги в полном объеме. На это Тхе то ответил, что в провинции два года подряд (1816—1817) были неурожай, эпидемия, а затем в 1818 г. — наводнение, в связи с чем следует снизить летние налоги на 30% [21, с. 350].

Столь скромные «милости» не намного облегчили положение нгеанцев. Недовольство в Нгеане росло и грозило принять крайние формы.

В это время восстания вспыхнули и в соседних провинциях. В 6-м месяце 1818 г. произошло небольшое антиправительственное выступление в до того тихом уезде Тханьтьонг, довольно быстро подавленное феодальными дружинами двух помещиков, получивших за это унтер-офицерские должности и денежные награды [21, с. 352]. Со второй половины 1818 г. усилилась напряженность в Тханьхоа. В 7-м месяце 1818 г. повстанцы столь решительно действовали рядом с административным центром округа Тиньзя, что его военный управляющий, опасаясь поражения, вынужден был вместе с гарнизоном укрыться за стенами города. Впоследствии он оправдывал свои действия болезнью, но это не спасло его от позора, суда и понижения в должности [21, с. 355].

В 11-м месяце 1818 г. в Тханьхоа произошло наводнение и там были снижены поземельные налоги [21, с. 362]. Почти одновременно вспыхнуло восстание в нгеанском уезде Хьонгшон. И хотя оно было подавлено помещичьей дружиной, предводитель которой стал унтер-офицером и получил 100 куанов [21, с. 363], правительство было сильно напугано возобновлением волнений в этой провинции.

Дабы решительно покончить с антиправительственными выступлениями в Нгеане и Тханьхоа—Тханьбине, Тхе то направил в этот район Ле Ван Зюета [21, с. 367]. Сам факт отправки Зюета свидетельствовал об экстраординарности положения в этих провинциях, ибо простых дел император своему любимцу не поручал.

В официальных указах, адресованных чиновникам и населению провинций, сообщалось, что причины восстаний — голод и

бегство крестьян. В связи с этим Ле Ван Зюету предписывалось: вернуть беглецов на прежние места жительства, выявить несправедливые обвинения невиновных, избавить подчинившихся от смертной казни, привлечь на сторону властей «раскаявшихся» повстанцев, «обласкать» народ, облегчить страдания крестьян и т. д. Большую часть возникающих вопросов Зюет имел право решать по своему усмотрению и лишь о «больших делах» должен был докладывать в Фусуан. В числе сопровождавших полководца-евнуха чиновников наряду с военачальниками имелись и гражданские должностные лица, среди которых были и те, кто ранее высказывались за помилование всех попавших в руки властей повстанцев, независимо от того, сдались ли они добровольно, либо были захвачены с оружием в руках [21, с. 367—368].

Приехав в Нгеан, Ле Ван Зюет наряду с мирными средствами «умиротворения» повстанцев широко использовал и военные методы подавления и репрессий по отношению к непокорным «мятежникам». В то время как сам Зюет и «распространял авторитет императорского двора» и «выявлял страдания народа», его военные чиновники и солдаты хватали и казнили, «строго надзирая за соблюдением порядка» [21, с. 371]. Однако наиболее значительные успехи были достигнуты путем переговоров с горскими князьями, под контролем которых находились основные районы восстаний. По данным Фан Тхук Чыка, Ле Ван Зюет привлек часть местных феодалов на сторону фусуанского правительства путем присвоения соответствующих титулов и почетных должностей, а затем использовал их в борьбе против повстанческих вождей, большое количество которых и было уничтожено князьями [29, с. 279—280]. Оставшиеся без предводителей, отряды рядовых повстанцев стали «распадаться», а сами восставшие «приходили к воротам военных лагерей и сдавались» [21, с. 371]. Среди подчинившихся Зюету были и представители «знатных» родов, составлявших традиционную чиновную элиту Нгеана. Некоторые из них получали высокие должностные назначения и направлялись в Фусуан [29, с. 279].

После «умиротворения» Нгеана Ле Ван Зюет решил закрепить достигнутые «успехи». В связи с этим он обратился во 2-м месяце 1819 г. к императору с докладом, в котором просил сменить чиновников этой провинции, отменить налоги и повинности. Тхе то одобрил это предложение, простил налоги за 1819 г. и недоимку за все прошлые годы. Кроме того, в Нгеане были отложены все несрочные работы. Большое значение имела также замена старой администрации. Прежний губернатор был направлен в армию, вице-губернатор — в столицу. Одну из двух высших должностей в провинциальной управе получил отличавшийся «гуманностью» Ле Ба Фам. Стабилизацию положения в Нгеане мог лишь несколько замедлить отказ Тхе то отменить добор беглых солдат и набор ремесленников на государственные работы [21, с. 371].

В конце 3-го месяца 1819 г. Ле Ван Зюет покинул Нгеан и приехал в Тханьхоа. Там он добился отмены недоимок как в Тханьхоа, так и в Тханьбине с 1818 г., а также настоял на освобождении беглых от подушных налогов и повинностей [21, с. 375].

В 4-м дополнительном месяце ситуация в Нгеане, Тханьхоа и Тханьбине нормализовалась настолько, что был отдан приказ отменить там постоянное подушное обложение и составить списки реально существующих тягловых [21, с. 376—377].

Вскоре сложили оружие и сдались многие знаменитые повстанческие вожди из числа родовой горской знати, такие, как Куать Тат Тхук, Нгуен Динь Зя, Динь Тхе Дой. Ле Ван Зюет предложил включить их боевые отряды в число официальных войск, дать возможность «искупить вину» и использовать в военных операциях против других «мятежников», коль скоро такие появятся. Тхе то похвалил Зюета, помиловал сдавшихся вождей и предоставил более чем десяти недавним «мятежникам» почетные должности [21, с. 377—378]. По-видимому, они давали право и на военную власть.

К началу 5-го месяца 1819 г. ситуация в Нгеане, Тханьхоа и Тханьбине полностью нормализовалась. В результате эффективного проведения Ле Ван Зюетом «реалистического» политического курса возникший здесь кризис был преодолен.

На последнем этапе периода прогрессивного социального развития вьетнамского общества в начале XIX в. в Нгеане продолжалась отмена промысловых налогов маслом [21, с. 333] и деревом [21, с. 363]. В Тханьхоа местным ремесленникам вместо дорогих «императорских» циновок было разрешено вносить налоги плетенками, рассчитанными на менее привилегированного и более широкого потребителя. Потеря в стоимости «изысканных» циновок компенсировалась их количеством [21, с. 338].

Об усилении консервативных тенденций в организации добычи и поставок казне ценных продуктов, являющихся предметом государственного экспорта, таких, например, как корица, свидетельствует передача контроля за деятельностью и за взиманием налогов с «коричных» дворов в Тханьхоа мыонгскому феодалу Ха Конг Тхаю, получившему в 8-м месяце 1808 г. медную печать, удостоверяющую его официальные полномочия «главнокомандующего» (тхонг линь) «верхних районов» этой провинции [21, с. 356].

Масштабы кораблестроительства были в двух северных провинциях Центра меньшими, чем в Бактхани и в старых нгуеновских районах. В Нгеане в 7-м месяце 1817 г. провинциальным властям был отдан приказ построить 10 судов, на изготовление каждого из которых казна выделяла по 200 куанов денег [21, с. 325]. В Тханьхоа в конце 10-х годов XIX в. строительство казенных кораблей вообще не велось. По-видимому, эти скромные масштабы государственного кораблестроения можно в определенной мере объяснить отсутствием необходимости в новых

судах: во время кризиса второй половины 1817 — начала 1819 г. из Нгеана и Тханьхоа в столицу ничего не вывозилось [21, с. 325—400].

После стабилизации положения в Нгеане постоянным губернатором этой провинции был назначен бывший «протектор» Кампучии [21, с. 330], губернатор Виньтхани [21, с. 357] и Нижнего Шоннама [21, с. 248] Нгуен Ван Суан, а первым вице-губернатором стал бывший заместитель главного посла, ездивший в Китай в 1817 г. [21, с. 313—314] Нгуен Хюи Чинь [21, с. 378]. По-видимому, им пришлось принимать непосредственное участие в составлении реестров реально существующих в провинции тягловых, хотя главным ответственным за проведение этого важнейшего мероприятия считался Ле Ван Зюет. Он-то и сообщил в 5-м месяце в Фусуан о том, что в результате замены списков постоянного подушного обложения переписью действительных налогоплательщиков количество тягловых в Нгеане сократилось на 20 тыс. человек (со 130 тыс. до 110 тыс.). Это должно было привести к уменьшению налоговых поступлений в казну и к снижению объема трудовых работ, выполняемых населением провинции, на 15,4% по сравнению с прежним уровнем. Сокращение уровня государственно-феодальной эксплуатации шло в русле политики реализма.

Такое сокращение численности тягловых в Нгеане в определенной мере было следствием кризиса второй половины 1817 — начала 1819 г., когда, по признанию феодальных историков, «много крестьян бежало» [21, с. 379]. Однако в то же время столь значительное уменьшение количества зарегистрированных налогоплательщиков в новых списках общины нельзя не связать с давлением, оказываемым помещиками на общинный совет и деревенскую администрацию. Добиваясь в результате этого давления «изъятия» своих зависимых и наемных работников из податных реестров, помещики, как отмечалось, увеличивали объем частнофеодальной эксплуатации за счет эксплуатации государственной.

Усиление консервативных тенденций в общеимперской социальной политике и смена «либерального» отношения верховной власти к помещику на более ригористичное проявились в том, что если в 1807 г. император хотя и «был недоволен» уменьшением численности реальных тягловых в Бактхани на 28% по сравнению с количеством налогоплательщиков, зафиксированных в списках постоянного подушного обложения, но не отдал приказа о проведении более «тщательной» повторной проверки, то в 1819 г. его позиция в этом вопросе была принципиально иной. Теперь Тхе то не мог примириться с «потерей» почти в 4 раза меньшего количества тягловых (20 тыс. в 1819 г. и 75 601 в 1807 г.) и почти в 2 раза меньшим сокращением государственно-феодальной эксплуатации (15,4 и 28%) [20, с. 358; 21, с. 379].

Причину падения численности налогоплательщиков Тхе то

видел в том, что «население избегает тяжелого и стремится к легкому, а чиновники и секретари бессильны выполнить распоряжение (императора.— А. Р.)» [21, с. 379]. В связи с этим Ле Ван Зюету был отдан приказ «заставить» «бессильных чиновников и секретарей» действовать более активно и тщательной регистрацией всех уклоняющихся от внесения в списки тягловых оправдать доверие императора [21, с. 379].

У Зюета был в этом деле богатый опыт, приобретенный в значительно более сложных для деятельности государственных чиновников условиях крупнопомещичьей Зядини. Хотя сам он находился в Тханьхоа, повторная регистрация тягловых в Нгеане, безусловно, проводилась под его бдительным оком. Однако, несмотря на это, в результате поиска уклоняющихся от внесения в подушные реестры численность реальных налогоплательщиков в этой провинции так и не достигла уровня, зафиксированного в постоянном подушном обложении, хотя и увеличилась по сравнению с размерами переписи от 5-го месяца 1819 г. По данным, представленным ведомством финансов в 12-м месяце 1819 г., в Нгеане насчитывалось 115 400 тягловых [21, с. 397], то есть на 14 600 тягловых (11,2%) меньше, чем в списках постоянного обложения (130 тыс. тягловых), и на 5400 тягловых (5%) больше, чем в реестрах, составленных в 5-м месяце 1819 г.

Таким образом, после некоторого сопротивления верховной власти пришлось смириться с сокращением общего объема государственно-феодальной эксплуатации в Нгеане. Усилия, принятые императором, Ле Ван Зюетом и местными чиновниками, пытавшимися воспрепятствовать падению уровня тяглового гнета, дали весьма скромные результаты, ибо государственные власти, по-видимому, вынуждены были считаться с частными феодалами и частично уступали им свою «долю» в эксплуатации крестьянства.

В Тханьхоа составлением новых списков тягловых занимался непосредственно Ле Ван Зюет [21, с. 379]. В 7-м месяце 1819 г. он фактически сместил с должности губернатора-казнокрада Чан Конг Лая, обвинив его в потворстве вымогательствам денег его подчиненными у местного населения. Было отдано запоздалое приказание с позором доставить Лая в столицу и предать суду. Губернатором Тханьхоа император назначил связанного с ним «внешним» (по женской линии) родством сына Нгуен Ван Чыонга [21, с. 386], которого впоследствии предполагалось ввести в сословие «бангкокцев» [21, с. 378]. Таким образом, управлять «родиной» императорского рода было поручено представителю нового дворянства, олицетворяющего интересы прогрессивных феодальных слоев.

В конце 8-го месяца 1819 г. Ле Ван Зюет направил императору доклад с просьбой разрешить ему приехать в столицу. Однако Тхе то отклонил эту просьбу, заявив, что составление новых реестров тягловых в Нгеане и Тханьхоа еще не закончено, а кроме Зюета «никто не может это сделать». Предполагалось,

что регистрация повинностнообязанных в обеих провинциях будет завершена в течение нескольких дней или недель, после чего император вызовет своего любимца в Фусуан [21, с. 389]. Повидимому, новые реестры были готовы в 9-м месяце, ибо именно тогда Зюету было приказано вернуться ко двору [21, с. 391]. По сведениям, представленным ведомством финансов в 12-м месяце 1819 г., в Тханьхоа было зафиксировано 40 300 тягловых, в Тханьбине — 9100 тягловых [21, с. 397].

Представ в 9-м месяце 1819 г. перед Тхе то на аудиенции, Ле Ван Зюет попросил его отдать распоряжение пересмотреть и исправить поземельные реестры в Нгеане и Тханьхоа «в соответствии с желанием населения» [21, с. 391]. Эти реестры «в недавнее время» были пополнены землями, ранее «укрывааемыми» от налогообложения, что значительно увеличило падающие на сельских жителей подати. Император ответил, что ему «ничего не жалко, если это полезно народу» [21, с. 391], и поземельная государственно-феодалная эксплуатация крестьянства в Нгеане и Тханьхоа должна была быть значительно сокращена. Одновременно должна была быть увеличена частнофеодалная эксплуатация, которой подвергали своих зависимых, наемных работников и арендаторов помещики на ранее «укрываемых», а теперь просто освобожденных от налогов землях.

Таким образом, в конце 10-х годов XIX в. в Нгеане и Тханьхоа шло постоянное снижение государственно-феодалной эксплуатации крестьянства, от чего выигрывали в основном помещики, получавшие дополнительные возможности для усиления частнофеодалного гнета.

В Зядини, напротив, шел процесс постепенного усиления государственно-феодалной эксплуатации. Увеличение общего объема этого типа эксплуатации производилось не за счет повышения нормы индивидуального подушного налогообложения и удлинения сроков привлечения тягловых к трудовым повинностям (они остались прежними), а путем значительного расширения круга налогоплательщиков и повинностнообязанных, часть из которых была северными переселенцами. Это достигалось при помощи регистрации все новых и новых тягловых в государственных реестрах. Если в 4-м месяце 1814 г. численность налогоплательщиков в четырех зядиньских провинциях (Фиенан, Биенхоа, Виньтхань и Диньтыонг) и двух дао (Лонгсуиен и Киензянг) составляла всего лишь 51 977 человек [21, с. 221], то к 12-му месяцу 1819 г. [возможно на год раньше — по результатам «проверки (списков.— А. Р.) и добора (солдат.— А. Р.)» от 10-го месяца 1818 г.] их количество в тех же четырех провинциях возросло до 95 600 человек, а в Хатиене достигло 1500 тягловых [21, с. 396—397]. Таким образом, за неполных шесть лет число налогоплательщиков увеличилось почти в два раза.

Это должно было привести к некоторому сокращению уровня частнофеодалной эксплуатации, которую помещикам во из-

бежание кризисных явлений и социальных возмущений следовало уменьшить ровно настолько, насколько увеличивался налоговый и повинностный гнет. Но, по-видимому, такое сокращение производилось отнюдь не всегда. Несмотря на то что значительная доля новых тягловых образовывалась за счет переселенцев с Севера и помещичьи крестьяне лишь частично охватывались государственно-феодальной эксплуатацией, однако частные феодалы с большим трудом отказывались даже от небольшого снижения прежнего уровня эксплуатации. В результате общий объем и степень эксплуатации каждого зависимого крестьянина, наемного работника и краткосрочного арендатора несколько увеличились. В итоге в Зядини появились признаки кризисных явлений, ранее не наблюдаемых на Крайнем Юге.

Возникло бегство крестьян, прежде совершенно неизвестное. При этом уход жителей из своих деревень часто не был связан с какими-то чрезвычайными обстоятельствами: стихийными бедствиями, неурожаем и т. д. Так, в 7-м месяце 1817 г. власти вынуждены были освободить на год от подушных налогов и трудовых работ беглых из 14 деревень провинции Виньтхань. Провинциальным чиновникам был отдан приказ принять меры к возвращению «скитающихся» крестьян [21, с. 328]. Стихийные бедствия, например наводнения (которых, кстати, в Зядини до тех пор тоже не было, ибо техника защиты полей соблюдалась более тщательно), усиливали масштабы бегства. Когда в 6-м месяце 1818 г. река Киенданг залила пахотные земли в Диньтыонге, им был причинен такой ущерб, что уход крестьян принял значительные размеры, в связи с чем император приказал провинциальным, окружным и уездным чиновникам лично выезжать «на места», запретив посылать вместо себя «секретарей». Впредь так следовало поступать всегда [21, с. 351].

Однако массового голода и крупных социальных возмущений, принимающих форму вооруженных восстаний, в Зядини в это время не было. Разрешалась даже продажа небольших партий государственного риса в голодающую Кампучию: 10 тыс. хоков неочищенного риса в 8-м месяце 1817 г. [21, с. 330], 5 тыс. хоков — в 8-м месяце 1818 г. [21, с. 356].

Отнюдь не были также обращены в положение тягловых и все «внесписочные» («нгоай тить»). В 7-м месяце 1818 г. из «внесписочных» стали формировать наемные войска «длительной» службы. В отличие от «списочных» («ной тить») эти войска не менялись «по очередям», так как зачисленные в них лица не были административно оформлены в рамках фискальных общин. Сформированные из «внесписочных» части представляли собой действительно постоянное войско. Из «внесписочных» четырех провинций в постоянные войска краевого центра было приказано нанять 1500—1800 солдат, объединенных в три ве по 500—600 человек в каждом. Постоянный гарнизон каждой из четырех зядиньских провинций состоял из одного ко, также насчитывающего 500—600 «внесписочных». Всего в Зядини в 7-м

месяце 1818 г. должно было быть нанято в постоянные войска 3500—4200 «внесписочных», официализирующих путем военной службы свое положение и получающих освобождение от различных повинностей [21, с. 328]. В 11-м месяце 1817 г. приехавшему в Зядинь Чан Ван Туану было поручено дополнительно нанять «внесписочных» в четыре ве Баотхань [21, с. 335]. Наемными «внесписочными» пополнялись и старые провинциальные войска, в частях которых не хватало личного состава [21, с. 328]. Военнослужащие, родившиеся севернее Биенхоа, демобилизовались [21, с. 336]. Таким образом, значительная доля зядиньского войска, его постоянная часть, была наемной и состояла из «внесписочных», среди которых, по-видимому, были и пришлые северяне-переселенцы.

В 10-м месяце 1818 г. в Зядини наряду с некоторыми провинциями старых нгуеновских земель были проведены очередные «проверка (списков. — А. Р.) и добор (солдат. — А. Р.)» [21, с. 361]. По-видимому, результаты этой «проверки» и зафиксировали почти двойной рост численности зядиньских тягловых, сведения о которых имелись в общеимперской переписи земель и налогоплательщиков, поданной ведомством финансов в 12-м месяце 1819 г. императору [21, с. 396—397].

Усиление государственно-феодальной эксплуатации дало возможность мобилизовать значительные людские и материальные ресурсы для проведения земельных и ремонтно-строительных работ. В связи с этим в 11-м месяце 1817 г. губернатору Виньтхани был отдан приказ набрать 1500 вьетнамцев и зядиньских кхмеров для расширения русла реки Танкхе [21, с. 335]. Работы велись в течение месяца, после чего новой реке дали название по имени виньтханьского губернатора Нгуен Ван Тхюи — Тхюиха [21, с. 335]. В 1-м месяце 1819 г. в той же провинции Виньтхань производилось строительство крепостей Тантяу и Тьеншай, а в Тяудоке — нового форта Тяузынг [21, с. 367]. В том же месяце в Фиенане власти собрали 10 тыс. местных жителей, приказав им прокладывать новый четырехкилометровый канал близ Сайгона, а в Диньтыонге было отдано распоряжение мобилизовать 9000 крестьян для рытья шестикилометрового канала, соединяющего реки Митхо и Вунгку. Как и при расширении русла реки Танкхе, лицам, занятым на земляных работах в Фиенане и Диньтыонге, ежемесячно выдавались рис и деньги. Сооружение канала в последней из двух провинций потребовало нескольких месяцев, в первой — заняло меньше времени. Канал в Фиенане получил название Антхонг, в Диньтыонге — Баодинь [21, с. 367, 369—370].

Совершенно не сравнимыми с перечисленными выше по масштабам затрат материальных ресурсов и использования людского труда были работы, начатые в Зядини в самом конце данного периода — в 9-м месяце 1819 г., когда 5 тыс. вьетнамцев, 500 зядиньских кхмеров и 5 тыс. жителей Кампучии приступили к строительству восьмидесятишестикилометрового ка-

нала, соединяющего реку Тяудок с Хатиеном. В конце 6-го месяца 1817 г. Тхе то отдал приказ зядиньским чиновникам в случае приезда в краевой центр кампучийского короля объяснить Анг Тяну «выгоды рытья реки Тяудок» [21, с. 324]. В 7-м месяце того же года император сообщил прибывшему в Фусуан кампучийскому послу, что «вскоре [начнется] рытье реки Тяудок для соединения с Хатиеном». По мнению Тхе то, новый канал должен был принести пользу сельскому хозяйству и торговле Кампучии, о чем он просил довести до сведения Анг Тяна [21, с. 325]. Реализация этого грандиозного замысла потребовала больших финансовых средств. Кроме расходов на материалы, укрепляющие берега канала, вьетнамцам и зядиньским кхмерам ежемесячно выдавали 6 куанов денег и 1 фыонг очищенного риса, жителям Кампучии — на 1,5 куана меньше [21, с. 390]. Строительство канала Тяудок—Хатиен, названного Виньте, заняло очень много времени: основные работы производились уже вне рамок исследуемого периода — в начале 20-х годов XIX в. Именно тогда, т. е. в первые годы правления императора Тхань то, среди работающих на строительстве крестьян вспыхнула эпидемия, распространившаяся по территории всего Вьетнама и унесшая жизни четвертой части населения империи. Там же началось кхмерское восстание, чуть не положившее конец власти Анг Тяна в Кампучии. Это дает представление о том, сколь тяжелыми для вьетнамских и кхмерских крестьян Зядини и Кампучии были «строительные» повинности, ставшие причиной острого социального и политического конфликта.

Изнурительные трудовые работы не остановили продвижения зядиньских вьетнамцев на земли, занятые кхмерским населением. К 4-му месяцу 1819 г. вьетнамские переселенцы-колонисты начали переходить линию, отделяющую их территорию от зоны проживания кхмеров, и поднимать целинные земли, превращая их в культивируемые поля, вне пределов дао (округ на границе «освоенной» и «неосвоенной» местности) Туиенуи.

Значительное увеличение обрабатываемого земельного фонда за счет освоения целины укрепляло экономические и социальные позиции помещиков. Государственная администрация и система фиска не успевали распространиться на вновь освоенные земли, где вследствие этого господствовали власть частного феодала и используемый им тип эксплуатации.

Для налоговой политики властей в Зядини в конце 10-х годов XIX в. наиболее характерно стремление собрать значительную часть податей техническими культурами. Во 2-м месяце 1818 г. указывалось, что все обладатели «горных» и «травяных» полей должны вносить в казну определенное количество джута в соответствии с величиной своих земельных владений: каждый налоговый хок неочищенного риса необходимо было сопровождать одним каном (604,5 г) джута, за что из подушной денежной ставки вычиталось 30 донгов. С крестьян, обрабатывающих казенные земли дон диен, взималось 3 кана джута при умень-

шении подушного налога на 1 тиен 30 донгов [21, с. 345]. Джут необходим был казне прежде всего для изготовления канатов кораблей, основное строительство которых, правда, на этом этапе велось в Центре и в Бактхани, а не в Зядини [21, с. 325].

Замена подушных налогов джутом отнюдь не свидетельствовала о том, что зядиньская казна потеряла интерес к деньгам. Даже в горных районах, где обитали малые народы, налоги «местными предметами» охотно заменялись денежным взносом [21, с. 324].

Покупались промысловые монополии. В 11-м месяце 1817 г. две деревни в Киензянге обязались ежегодно вносить в казну по 500 куанов денег. За это их жители приобретали исключительное право отстрела птиц, из оперения которых изготовлялись веера. Натуральные налоги перьями платились также в установленном количестве [21, с. 335].

Несмотря на то что в 1-м месяце 1818 г. в Зядини было вновь запрещено курение опиума [21, с. 343], активной борьбы с опиумокурильнями и притонами в это время не велось.

Однако доходы частных лиц от некоторых видов деятельности, связанных с выполнением казенных поручений в Зядини, как и в Бактхани, сокращались. Так, после 12-го месяца 1818 г., как и у бактханьских, в два раза уменьшилось «жалованье» зядиньских таможенников от доходов с иностранных кораблей. Выиграли же родовая знать, императорские наложницы и чиновники [21, с. 364—365]. При этом сокращение доходов таможенников происходило на фоне общего постепенного уменьшения объема внешнеторгового оборота, что также отражалось на их оплате.

Каковы же были причины падения уровня торговли в Зядини?

Следует отметить, что проводящиеся в конце 10-х — начале 20-х гг. трудоемкие строительные работы преследовали как военные, так и экономические цели. Созданная вблизи кампучийских границ и недалеко от территории Сиам сеть водных каналов облегчала и ускоряла переброску войск из центральных районов Зядини, где они размещались постоянно, к западным пределам края, откуда значительные контингенты пехоты на кораблях и по суше могли быстро достичь Пномпеня, а морской флот имел возможность постоянно создавать угрозу Бангкоку.

Постройка тех же каналов способствовала развитию внутренней и в особенности внешней торговли. Наиболее важным было соединение прямой и широкой водной артерии реки Тяудок с Хатиеном. При этом старый Хэцзянь (китайское название Хатиена) превращался в один из основных зядиньских торговых центров и прочно связывался со всей остальной территорией края. Зядиньские власти стремились укрепить традиционно широкие внешнеторговые связи Хатиена. В связи с этим принимались конкретные меры для облегчения доступа и уст-

ранения препятствий торговой деятельности иностранного купечества на крайнем западе Зядини. В 10-м месяце 1817 г., например, чиновники Хатиена организовали морскую карательную экспедицию против малайских и яванских пиратов, создавших базы на островах, расположенных близ побережья провинции, и совершающих оттуда постоянные нападения на купеческие корабли. В результате этой операции множество пиратов было захвачено и в колодках доставлено в столицу, где их предали казни [21, с. 334]. В 6-м месяце 1818 г. в связи с постоянными нападениями пиратов на остров Фукуок, расположенный близ Хатиена, зядинским чиновникам было приказано направить на этот остров войска, которым поручался захват «морских разбойников» [21, с. 352].

Увеличению притока иностранного купечества в Зядинь должно было содействовать и одобрение императором просьбы короля Анг Тяна о свободном пропуске торговцев из Пномпеня в населенные кхмерами районы Крайнего Юга [21, с. 356].

Улучшению условий торговли иностранцев в Зядини помогало, бесспорно, и предоставление европейским купцам из Макао и с Запада возможности вносить портовые налоги и налоги с оборота любым видом платежных средств: иностранным серебром, вьетнамским серебром, деньгами. Разрешалось также вносить всю сумму налогов и полностью серебром и полностью деньгами, либо наполовину серебром, наполовину деньгами [21, с. 352—353].

Однако в то же время в конце 10-х годов XIX в. фусуанское правительство приняло очень серьезные меры, во-первых, для переориентации на столичную провинцию Тхуанхоа и на Куангнам хотя бы части основного потока иностранных торговых кораблей, ранее направлявшихся преимущественно в Зядинь, во-вторых, для значительного увеличения доходов от налогов с иностранных торговых кораблей вообще и в особенности с купеческих судов, прибывающих на Крайний Юг.

В целях перемещения центров внешней торговли из Зядини в старые нгуеновские районы Центра в 10-м месяце 1818 г. на Крайнем Юге с купеческих кораблей, прибывших из Макао и с Запада, было приказано взимать на 66% ($\frac{2}{3}$) более высокие торговые налоги, чем с тех же кораблей в случае их приезда в столичный порт Тхуанан и в куангнамский порт Дананг [21, с. 362].

Для увеличения государственных доходов от внешней торговли в Зядини власти не только существенно повысили в 10-м месяце 1818 г. налоги на иностранные суда из Макао и с Запада [21, с. 362], но и установили в 6-м месяце 1819 г. должности чиновников ки фу, ты хюен и ты тяу, которые должны были специально заниматься делами иностранных купцов, приезжающих на Крайний Юг [21, с. 382].

Увеличение пошлин и усиление чиновничьего надзора, сопровождающегося порой почти открытым грабежом и разорением

иностранным купечеству, отнюдь не способствовали притоку заморских кораблей в Зядинь и явились в последующие годы правления под девизом Миньмень существенными факторами постепенного сокращения внешнеторгового оборота на Крайнем Юге Вьетнама.

На протяжении большей части четвертого этапа периода прогрессивного социального развития вьетнамского общества в начале XIX в. выезд вьетнамских торговых кораблей почти из всех провинций Зядини за границу был запрещен [21, с. 300, 382]. Исключение составляли купеческие суда Хатиена, который при таком ограничении быстро бы разорился. В связи с этим очень велика была не только роль торговли, но и «информационная» роль бывшего города-государства, в течение довольно длительного времени являвшегося основным поставщиком (кроме контрабандистов) объективных неофициальных сведений о положении в зарубежных государствах. Хатиен был чрезвычайно необходимой зядиньскому купечеству «дверью в Азию», в которую можно было не только войти, но, что самое главное, из которой возможен был выход. По-видимому, на хатиенские торговые суда длительное время распространялся статус иностранных купеческих кораблей. Именно этим, очевидно, следует объяснить последовавший в 6-м месяце 1818 г., т. е. почти через 9 лет после включения Хатиена в империю Нгуенов, запрет сямским и хатиенским кораблям «тайно» закупать и вывозить из Вьетнама медь в слитках [21, с. 352].

Лишь в середине 1819 г. всем зядиньским купцам наряду с торговцами из старых нгуеновских районов (южнее Нгеана) было разрешено при условии уплаты налогов ездить в Сингапур [21, с. 382]. Это должно было способствовать усилению внешне-торговой активности зядиньского купечества, которое вновь обрело возможность самостоятельно экспортировать высоко ценные европейцами товары вьетнамского Крайнего Юга и получать значительные прибыли от их реализации.

На четвертом этапе периода прогрессивного социального развития вьетнамского общества в начале XIX в. в Зядини не было талантливых управляющих из числа «реалистов». Генерал-губернатором вплоть до смерти в 9-м месяце 1819 г. официально считался Нгуен Хоанг Дык. Однако в последнее время своего «правления» он постоянно болел, был отпущен в отпуск и умер у себя дома [21, с. 390—391]. Пока же Дык здравствовал, он совершил крупнейшую политическую бестактность, которая чуть было не испортила взаимоотношения между вьетнамским императором и кампучийским королем. Ошибка Дыка состояла в том, что он пригласил в Зядинь и долго держал в Сайгоне двух кхмерских вельмож, чем «вызвал подозрение» у Анг Тяна. Это «подозрение» значительно окрепло, когда кхмеры отказались возвращаться к своему королю. Не зная выхода из сложившейся ситуации, генерал-губернатор сообщил обо всем императору. Тхе то действовал быстро и решительно. Он преж-

де всего оштрафовал Дыка удержанием жалованья, затем успокоил Анг Тяна и наконец отослал кхмерских сановников на родину [21, с. 356]. Это произошло в 9-м месяце 1818 г. — за год до смерти Дыка. По-видимому, страх и позор, связанные с конфликтом с Анг Тяном, так на него подействовали, что укоротили жизнь.

Довольно пассивен был и заместитель генерал-губернатора — умеренный «традиционалист» Чинь Хоай Дык, который посвящал значительную часть своего времени сбору материала для знаменитого «Описания Зядини». С момента назначения Чинь Хоай Дыка вице-генерал-губернатором в 11-м месяце 1816 г. в источниках ничего не сообщается о его деятельности, хотя он был одним из высших администраторов Зядини [21, с. 305—400]. Наиболее активным на Крайнем Юге был назначенный в 11-м месяце 1817 г. управляющий зядиньским отделом юстиции Чан Ван Туан [21, с. 334], также «умеренный традиционалист» и автор хроники, повествующей о начальном периоде правления династии Нгуенов [32].

Туан формировал наемные войска из «внесписочных» [21, с. 335], был «протектором» Кампучии [21, с. 363], затем вновь управлял зядиньским отделом юстиции [21, с. 390].

Если в отношении способных чиновников на Крайнем Юге в конце 10-х годов XIX в. существовал дефицит, то во взяточниках и казнокрадах там недостатка не было. Из наиболее громких дел этого времени можно упомянуть о казни во 2-м месяце 1819 г. всей высшей администрации Виньтхани, состоящей из губернатора и начальников налогового и судебного управлений [21, с. 371]. По сообщению феодальных историков, эти трое чиновников, среди которых был и «герой» войны с тайшонами Лыу Фюок Тьонг, награбили в Виньтхани несколько десятков тысяч куанов [21, с. 314].

После смерти Нгуен Хоанг Дыка генерал-губернатором Зядини в 9-м месяце 1819 г., по сведениям, приводимым официальными феодальными историками, снова стал Нгуен Ван Нян [21, с. 391], большую часть своей чиновничьей карьеры прослуживший в администрации Крайнего Юга. Правда, Фан Тхук Чык сообщает, что генерал-губернатором был назначен Ле Ван Зюет [29, с. 282], но официальная хроника многочисленными фактами опровергает это утверждение [21, с. 398; 22, с. 68]. По-видимому, Фан Тхук Чык ошибается, хотя его замечание чрезвычайно интересно и заслуживает отдельного рассмотрения, которое не может быть приведено в рамках данной работы.

По-видимому, кадровая политика Тхе то во второй половине 10-х годов XIX в., заключавшаяся в формировании высшей администрации Бактхани из «реалистов», в то время как в Зядинь в качестве управляющих направлялись умеренные «традиционалисты» и люди нейтральных позиций, являлась необходимым условием проведения общеимперской компромиссной «сбалансированной» внутренней политики.

В старых районах бывшего Дангчаунга на четвертом этапе периода прогрессивного социального развития вьетнамского общества в начале XIX в. экономическое положение почти все время было удовлетворительным. Правда, в некоторые провинции эпизодически завозился рис, причем не из Зядини, а из Бактхани, как это было во 2-м месяце 1818 г. при транспортировке отсюда 30 тыс. хоков неочищенного риса в Куангбинь [21, с. 346]. С середины 1817 г. в течение почти двух лет лишь в чамском Тхуантхане в 6-м месяце 1818 г. были снижены поземельные налоги [21, с. 352].

Определенное ухудшение ситуации наметилось лишь во второй четверти 1819 г., когда вследствие засухи власти вынуждены были снизить в Куангнаме налоги на 80%, а в Куангнгае — на 50% [21, с. 375]. Однако в Куангнаме цена на рис не упала, в связи с чем в 12-м месяце там было продано по сниженным ценам 30 тыс. хоков неочищенного риса [21, с. 398]. Тогда же в Куангнаме, Куангчи и Куангбине появились беглые, которых провинциальным чиновникам было приказано вернуть на прежние места проживания. В этих провинциях откладывался «добор» в армию местного населения вместо бежавших солдат [21, с. 398].

Следует отметить, что в самом начале куангнамской и куангнгайской засухи в Куангнгае началось строительство заградительной стены, протянувшейся от границ с Куангнамом до пределов Биньдиня. Эта стена, расположенная в предгорьях и проходящая вдоль горных районов, имела целью защитить долины от набегов «варваров». В 115 крепостях, расположенных на протяжении почти 19 км, было размещено 1150 солдат: по 10 солдат в каждой крепости. Гарнизоны крепостей ежемесячно снабжались рисом [21, с. 375].

Строительные работы по сооружению заградительной стены и крепостей в Куангнгае потребовали больших затрат материальных ресурсов и людского труда, что привело к ухудшению продовольственной ситуации не только в этой, но и в соседних провинциях.

Огромные средства продолжали тратиться на столичные постройки. Во 2-м месяце 1818 г. к возведению кирпичных фу-суанских стен, укрепленных 24 башнями, наряду с солдатами были вновь привлечены ремесленники (тхо) [21, с. 345]. В 7-м месяце того же года завершилось строительство передней (южной) и правой стен, после чего 14 тыс. солдат получили 140 тыс. куанов и были отпущены «на отдых». Управляющим и ремесленникам власти предоставили одежду и денежное жалованье в соответствии с их социальным и профессиональным статусом [21, с. 354]. В 3-м месяце 1819 г. к вновь собранным для строительства задней (северной) столичной стены войскам был обращен императорский указ. Тхе то призывал солдат к экономии строительных материалов и клеймил позором «бесчестных секретарей», разворовавших государственное имущество. Огром-

ное количество управляющих чиновников и надзирателей должны были следить за соблюдением правил строительных работ и не допускать воровства [21, с. 372]. По окончании в 5-м месяце 1819 г. сооружения задней (северной) городской стены солдаты получили 143 тыс. куанов, а чиновники — пятимесячное жалование [21, с. 379]. Таким образом, за неполных два года на одно лишь жалование солдатам, занимающимся возведением столичных стен, было израсходовано почти 300 тыс. куанов. Кроме того, значительные средства выделялись на оплату ремесленников и чиновников.

Строительные работы в столице отнюдь не ограничивались сооружением городских стен. Были построены поминальные храмы духов моря [21, с. 350], два больших новых склада [21, с. 380], башня, с которой оглашались императорские указы [21, с. 380]. Ремонтировались здания шести основных столичных ведомств [21, с. 344], храмы родителей Конфуция [21, с. 351] и предка — основателя династии Нгуенов [21, с. 370], усыпальница старшего сына Тхе то — принца Каня [21, с. 373], дворцы Хоангнян [21, с. 379], Тхайхоа, Кантянь, Чунгхоа, Куангминь, Чиньминь [21, с. 380]. При этом затраты средств на оплату труда ремесленников, занимающихся ремонтом зданий, порой были довольно значительны. Так, во 2-м месяце 1819 г. солдатам и ремесленникам, занимающимся ремонтом храма предка — основателя династии Нгуенов, было выдано 5 тыс. куанов, а чиновники получили месячное жалование [21, с. 370].

Высокой ремесленной квалификации требовал ремонт предметов культа. Такая работа производилась в различных храмах предков, включенных в государственный культ [21, с. 370], в храме предка — основателя династии Нгуенов [21, с. 389] и в храме предков рода Ле [21, с. 392]. Обладаящие большими профессиональными навыками ремесленники изготавливали золотые императорские печати [21, с. 339] и серебряные печати наследного принца [21, с. 361].

В старых районах бывшего Дангчаунга строительные работы, естественно, не имели таких масштабов, как в столице: в Куангнаме была построена школа [21, с. 346], в Биньдине — новый склад [21, с. 365].

Значительные размеры приняла лишь кораблестроительная программа. В соответствии с распоряжением властей, отданным в 7-м месяце 1817 г., в Биньдине и Куангнаме должно было быть построено по 10 кораблей, в Куангбине, Куангнгае, Фуеине, Биньхоа и Биньтхуане — по 5 кораблей. Всего, таким образом, предполагалось пополнить флот центральных провинций 45 судами. На строительство каждого из таких кораблей казна выделяла по 200 куанов [21, с. 324].

Усиление консервативных тенденций в социальной политике верховной власти на последнем этапе периода прогрессивного общественного развития вьетнамского общества в начале XIX в. привело к тому, что ремесленников вновь стали активно привле-

кать к государственным отработкам, нарушая, по-видимому, их право откупаться от этих обременительных повинностей, уплачивая «ремесленный налог». При этом если в первой половине данного временного этапа ремесленников четко отделяли от солдат и, в определенном смысле приравнивая к «управляющим», жаловали им одежду и деньги наравне с чиновниками [21, с. 354], то во второй половине они либо вообще не выделялись из состава армии [21, с. 379], либо получали «награды» вместе с рядовыми военнослужащими [21, с. 370].

В то же время существовали некоторые категории ремесленников, статус которых, очевидно, был довольно высок. По-видимому, это были члены полувойсковых ремесленных образований, работающих в основном для нужд казны. Так, глава цеха (дой) изготовителей железа (шинь тхьет) в Куангнаме занимал офицерскую должность кай дой и обладал высшим подрангом 6-го ранга. Почти столь же высокими должностями и рангами обладали и другие старосты куангнамского цеха железных дел мастеров [21, с. 391].

На протяжении четвертого этапа периода прогрессивного социального развития вьетнамского общества государственные органы произвольно создавали нужные им «цеха» (в 11-м месяце 1819 г. в Куангнгае из числа «внесписочных» был образован «цех» сборщиков женьшеня, в который власти включили 50 человек [21, с. 395]), но в то же время освобождали членов содового «цеха» в Биньдине от повинностей, заменяя их службой в армии [21, с. 382], а куангнгайскому цеху лесорубов устанавливали награды для стимулирования поставок ценных пород деревьев (железного, красного и т. д.) [21, с. 388].

Хотя к концу 10-х годов консервативные тенденции в государственной политике по отношению к ремеслу и промыслам в определенной мере набирали силу, но не победили окончательно. В принципе возможность ремесленников откупаться и освобождаться иными способами от участия в трудовых отработках не была ликвидирована.

Политика государственной власти в отношении торговли в старых районах Дангчаунга в конце 10-х годов, так же как и в Зядини, характеризовалась, во-первых, стремлением создать для нее благоприятные «технические» условия, во-вторых, получить максимальную прибыль от торгового налога.

Были ослаблены запреты частным лицам участвовать во внешней торговле. По указу от 6-го месяца 1819 г. владельцы частных кораблей южнее Нгеана могли с условием уплаты налогов ездить торговать в Сингапур: с кораблей шириной в средней части до 3 м 60 см за каждые 40 см ширины брали по 20 куанов, а с тех судов, ширина которых превышала 4 м, за каждые 40 см вносили по 30 куанов [21, с. 382]. Это был огромный шаг вперед по пути либерализации внешнеторговой частнопредпринимательской деятельности, активно способствующей первоначальному накоплению.

В целях улучшения судоходства вдоль всей береговой линии страны был отдан приказ о составлении морской лоции побережья от Хатиена до Иенкуанга [21, с. 324]. Налаживание и укрепление постоянных контактов между Севером и Югом служило «технологической» основой создания всевьетнамского рынка.

В то же время в 10-м месяце 1818 г. было введено значительно повышенное налогообложение торговых кораблей, приезжающих из Макао и с Запада, по сравнению с китайскими гуандунскими судами, в то время как ранее налоговые ставки не различались. Отныне при заходе в столичный порт Тхуанаи и в куангнамский порт Дананг владельцы этих кораблей шириной от 2 м 80 см до 5 м 20 см платили по 60 куанов за каждые 40 см ширины своих кораблей, а с кораблей шириной от 5 м 60 см до 10 м налог увеличивался до 96 куанов за каждые 40 см ширины судна [21, с. 362].

Это существенно ударило по интересам европейского купечества и снизило его приток в центральные районы Вьетнама, хотя в налоговом отношении эти районы были поставлены в привилегированное положение, так как в Зядини подати выросли еще больше. Особенно неблагоприятные последствия сулила вьетнамской экономике валютно-денежная государственная политика. В 3-м месяце 1818 г. из Фусуана было вывезено 120 тыс. медных куанов в Бактхань, где ценную медь обменивали на дешевый цинк [21, с. 348]. В то же время в 12-м месяце 1817 г. во всех провинциях южнее Нгеана было приказано ввести в обращение и активно употреблять цинковую монету. С 1-го месяца 1818 г. должна была начаться замена медной монеты, собираемой сначала в провинциальных хранилищах, а затем в столичном казначействе, на цинковую [21, с. 339].

Однако сборщики податей испытывали недоверие к цинковым деньгам. «Секретари» Куангнама, например, настойчиво требовали, чтобы крестьяне платили необходимую сумму наполовину цинковыми деньгами, наполовину серебром [21, с. 351].

В 6-м месяце 1818 г. в Куангнаме, Куангнгае, Биньдине, Фуиене и Биенхоа была проведена «проверка (списков тягловых.— *А. Р.*) и добор (солдат.— *А. Р.*)» [21, с. 352], а в 12-м месяце 1819 г. ведомство финансов подало сведения о количестве тягловых и обрабатываемом земельном фонде (табл. 5).

Таким образом, в 1819 г. во Вьетнаме, без учета отсутствующих данных по провинции Верхний Шоннам, официально насчитывалось 610 600 тягловых, а также общинных и частных земель, измеряемых в мау,— 3 659 000, в шо — 27 160, в кхоань — 1090 [21, с. 396—397].

В 7-м месяце 1817 г. были в значительной степени пересмотрены прежние правила наказания общинных старост (са чыонгов) и лиц, «укрываемых» от внесения в списки тягловых за фальсификацию подушных реестров. Новая система наказаний отличалась от старой, установленной в 1807 г., во-первых,

**Количество тягловых и величина обрабатываемого
земельного фонда во Вьетнаме в конце 10-х годов XIX в.
(1819 г.) ***

Провинция	Численность тягловых, человек	Размер обрабатываемого земельного фонда
Куангдык	34 000	74 000 мау
Куангбинь	13 500	36 100 мау
Куангчи	17 200	56 500 мау
Куангнам	36 900	137 100 мау
Куангнгай	15 400	60 000 мау
Биньдинь	33 300	85 900 мау
Фуиен	5 000	46 900 мау
Биньхоа	5 000	12 800 мау
Биньтхуан	9 200	{ 2 600 шо и 1 090 кхоань
Фиенан	28 200	4 800 шо
Биенхоа	10 600	2 800 шо
Диньтыонг	19 800	7 000 шо
Виньтхань	37 000	9 900 шо
Хатиен	1 500	60 шо
Нгеан	115 400	413 500 мау
Тханьхоа	40 300	323 200 мау
Тханьбинь	9 100	120 800 мау
Хоайдык	5 100	5 300 мау
Хайзыонг	23 900	535 500 мау
Киньбак	43 900	595 500 мау
Нижний Шоннам	38 700	515 300 мау
Шонтай	35 400	478 800 мау
Хынгхоа	6 300	11 300 мау
Туиенкуанг	3 800	31 400 мау
Иенкуанг	2 100	17 900 мау
Лангшон	5 300	6 700 мау
Каобанг	8 000	36 600 мау
Тхайнгуиен	6 700	57 900 мау

* Источник: [21, с. 396—397].

уменьшением различий в наградах за доносы на «имущих» и «неимущих», «укрываемых» от внесения в списки тягловых (теперь за выдачу «имущего» доносчик получал 10 куанов вместо 30 куанов, в то время как награда за донос на «неимущего» осталась прежней — 5 куанов, только лишь в случае записи «укрываемого» в реестровые списки «как умершего» награда доносчику повышалась до 15 куанов); во-вторых, наказанием «укрываемых» только в тех случаях, когда они были в сговоре со старостами (теперь «укрываемому», знающему, что его «укрывают», давали 90 палок, а в том случае, если он знал, что его вносят в списки «как умершего», наказание увеличивалось до 100 палок и 3 лет каторжной тюрьмы; не знавший о фальсификации освобождался от наказания; что же касается прежних правил, то в них ничего не говорилось об учете осведомленности «укрываемого» при определении его наказания, по-видимому, он наказывался в любом случае в зависимости от своего имуществен-

ного состояния), в-третьих, взиманием со старост всей суммы «недоданных» казне налогов, в том случае, если он присваивал налоговую ставку себе; в-четвертых, зависимостью наград и наказаний доносчиков от того, какой процент «укрываемых» сообщен ими верно; в-пятых, различием меры наказаний старост в том случае, когда укрываемый внесен в списки «как беглый» и «как умерший» (в обоих случаях наказание довольно суровое).

О последнем отличии двух правил наказаний следует сказать подробнее. В правилах 1807 г. отсутствует различие мер наказаний старост за регистрацию «укрываемых», в реестровых списках «как беглых» и «как умерших». В то же время в правилах 1817 г. ничего не сообщается о различии степени наказания старост за сокрытие «имущих» и «неимущих». Правда, после дифференциации наказаний за регистрацию «укрываемых» «как беглых» и «как умерших» законодатель скупно добавляет: «остальное — по-прежнему». Можно предположить, что это означает сохранение различий в наказаниях за «укрывательство» «имущих» и «неимущих». Однако при этом встает вопрос: какие меры наказания применялись начиная с 1817 г. к старостам в подобных случаях? По правилам 1807 г. за «укрывание» одного «имущего» старосте полагалось 60 палок и штраф в размере 30 куанов в пользу доносчика, а за «укрывание» одного «неимущего» — 10 плетей. По правилам 1817 г. за регистрацию одного «укрываемого» «как беглого» старосте полагалось 70 палок, а за регистрацию «как умершего» — каторжная тюрьма. Нетрудно заметить, что мера наказания за регистрацию «укрываемого» «как беглого» сравнима лишь с мерой наказания за «укрывательство» «имущего».

Можно предположить, что законодатель обращал внимание только на «укрывательство» «имущих», лишь в отношении их дифференцируя наказания за ложную регистрацию «как беглых» и «как умерших». «Неимущие» почти совсем перестали занимать внимание властей и хотя награда доносчикам в размере 5 куанов оставалась, а старосте в случае «укрывательства» продолжали давать 10 плетей за человека, но при развитии законодательства о беглых «неимущие» уже в расчет не принимаются. Из этого следует, что, строго следя за регистрацией «имущих», которые и сами довольно редко от нее уклонялись, власти махнули рукой на «неимущих», предоставив им «укрываться» в хозяйствах помещиков. Но все это лишь предположения. На деле же указ 1817 г. имеет в виду двойную дифференциацию «укрываемых»: в том случае, если речь идет о награде доносчикам, сохраняется деление на «имущих» и «неимущих»; тогда же, когда говорится о наказании старост за «сокрытие», «укрываемые» подразделяются на «укрываемых» «как беглых» и «как умерших».

Анализ указа заставляет признать правильным такое заключение, ибо только оно согласуется с текстом без допущения каких-либо предположений.

В итоге следует признать, что закон 1817 г. значительно серьезнее ударил по помещику, чем аналогичное постановление 1807 г., ибо теперь общинные власти, опасаясь суровых наказаний за «укрывательство» (только за одного «укрываемого» — 70 палок либо каторжная тюрьма), должны были требовать от помещиков внесения в списки их зависимых крестьян, арендаторов и батраков, которые составляли основной объект эксплуатации богатых землевладельцев. И все-таки, хотя власти и заставили помещика поделиться с казной частью своих доходов от эксплуатации зависимых (теперь он вынужден был сократить эту эксплуатацию на величину подушных налогов и государственного тягла), однако до решительной борьбы с частным землевладельцем, как это осуществлялось при Тхань то, дело, конечно же, не дошло.

В 1-м месяце 1818 г. все чиновничество страны стало получать рисовое и денежное жалованье в соответствии со своими рангами. При этом разница в оплате самых высших и самых низших была весьма существенной и различалась приблизительно в 35 раз: чиновник высшего подранга 1-го ранга ежегодно получал 600 куанов денег и 600 фыонгов очищенного риса, а также 70 куанов на одежду, в то время как чиновник низшего подранга 9-го ранга получал ежегодно 16 куанов денег, 16 фыонгов очищенного риса и 4 куана на одежду [21, с. 341]. Этим указом, распространявшимся не на какую-либо одну область, а на всю страну, были навсегда похоронены мечты «традиционалистов» о наделении чиновников условным феодальным земельным жалованьем. Все чиновники в стране были отделены от условного землевладения, наделены денежным и натуральным жалованьем, превышающим (особенно у высших рангов) прожиточный минимум и превращены в еще одно сословие — сословие платных служащих.

В том же, 1-м месяце 1818 г. значительно упростилось движение на «секретарские» должности, получаемые без конкурсных экзаменов, — тхы ки, кай ан, кау ке, кай хоп и тху хоп. При этом упор делался не на «беспорочное» исполнение обязанностей в течение трех лет их нахождения «вне штата», а на талант и способности. Разрешалось игнорировать старые социальные запреты некоторым категориям населения на занятие мест писцов и «секретарей» [21, с. 342—343].

Новым общественным противоречием внутри господствующего класса на четвертом этапе периода общего подъема социального развития Вьетнама явилось параллельное создание и укрепление наследственного сословия «бангкокцев», с одной стороны, и расширение масштабов функционирования конкурсной системы — с другой.

Окончательное формирование сословия наследственной знати

Исследователь, изучающий социальную историю Вьетнама конца 10-х годов XIX в., не может не вынести из анализа фактов ощущения того, как торопился Тхе то накануне своей смерти организовать верные его роду и его делу семьи «бангкокцев» в наследственное сословие. Это не помешало ему детально и основательно разработать статусное положение «бангкокцев».

В течение последних двух с половиной лет правления Тхе го была выработана сама система наследования новых титулов, дающих право на чиновничий ранг, определен персональный состав получателей этих титулов, проведены некоторые мероприятия по дальнейшему возвышению и упрочению положения «бангкокцев» и их наследников (браки с принцессами императорского рода).

Система присвоения различным категориям «бангкокцев» новых титулов и передачи этих титулов по наследству была введена в 7-м месяце 1817 г. и заключалась в следующем. Все «бангкокцы» делились в соответствии со своими заслугами на семь категорий — на две категории больше, чем подразделялись умершие «бангкокцы» в 1-м месяце 1807 г. [20, с. 318—321]. Попавшим в каждую из этих семи категорий присваивался определенный титул, дающий право на соответствующий ранг (табл. 6).

Таблица 6

Титулы и ранги «бангкокцев» по категориям *

Номер категории	Титул	Ранг
I	Кхинь са до уи	Низший подранг 2-го ранга
II	Киеу ки до уи	Низший подранг 3-го ранга
V	Ну до уи	Низший подранг 4-го ранга
V	Фи ки уи	Низший подранг 5-го ранга
V	Ан ки уи	Низший подранг 6-го ранга
VI	Фунг ан уи	Низший подранг 7-го ранга
VII	Тхья ан уи	Низший подранг 8-го ранга

* Источник: [21, с. 327].

Таблица 7 отражает процесс передачи по наследству титула в каждом поколении для каждой категории «бангкокцев».

Таким образом, без понижения передавались, во-первых, титулы, переходящие от отца к сыну в первом поколении «бангкокцев», во-вторых, титул ан ки уи первых пяти категорий «бангкокцев». Это означает, что через пять поколений (на шестое) все потомки «бангкокцев» первых пяти категорий уравнивались в своем положении и должны были, если не служили и

не получили за службу более высоких рангов, стать обладателями низшего подранга 6-го ранга, который навечно передавался всем следующим поколениям. Имея этот ранг, они могли без всяких экзаменов поступить в Тхи тхы виен или в Конг ши виен, стать начальниками долинных уездов (чи хюен) или начальниками горных уездов (чи тяу) [20, с. 182], либо превратиться в дой чыонгов дворцовой стражи, гвардии, столичных и привилегированных войск [20, с. 184].

Таблица 7

Передача «бангкокцами» титулов по поколениям *

Степень поколения	Категория						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
I	Кхинь са до уи	Киеу ки до уи	Ки до уи	Фи ки уи	Ан ки уи	Фунг ан уи	Тхыа ан уи
II	Кхинь са до уи	Киеу ки до уи	Ки до уи	Фи ки уи	Ан ки уи	не передается по наследству	
III	Киеу до уи	Ки до уи	Фи ки уи	Ан ки уи	без понижения		
IV	Ки до уи	Фи ки уи	Ан ки уи	без понижения			
V	Фи ки уи	Ан ки уи	без понижения				
VI	Ан ки уи	без понижения					

* Источник: [21, с. 327].

Следует отметить, что новая знать пользовалась в сфере наследования даже большими привилегиями, чем потомки таких, например, аристократов, которыми являлись братья императора, ибо через пять неслуживших поколений те теряли все титулы и превращались в простолюдинов.

Получателями этих привилегированных титулов являлись старшие сыновья и старшие внуки «бангкокцев», так что в данном случае в отличие от наследования императорского титула строго соблюдалось право примогенитуры, исторически для Вьетнама более перспективное. В случае отсутствия наследников мужского пола в главной ветви родительский титул (с понижением или без) передавался боковым ветвям [21, с. 327].

Совершенно очевидно, что Тхе то стремился не только реально сформировать новое привилегированное сословие, но и стимулировать его членов нести государственную службу, в основном военную, хотя в принципе можно было и не служить. В связи с этим сразу же после введения новой системы титулов и установления порядка наследования этих титулов, но еще до определения персонального состава сословия был отдан приказ немедленно после присвоения титулов выдать удостоившимся

этой милости месячное жалование и одежду. Всем тем, у кого служебный чиновничий ранг был выше чиновничьего ранга, соответствовавшего их новому титулу, выдавать жалование и предоставлять прочие материальные блага в соответствии со служебным рангом. В то же время строго приказывалось носить на одежде различные знаки ранга, соответствующего сословному титулу, «дабы была четко видна (императорская.— *А. Р.*) милость» [21, с. 327]. Таким образом, в социально-психологической сфере сословный титул ставился выше служебного положения «бангкокцев», даже если по своему реальному положению в государственном аппарате и армии они занимали более высокое место, чем то, на которое им давал право их титул. По-видимому, дело уже не ограничивалось тем, что принадлежность к привилегированному сословию давала право на принадлежность к сословию управляющему и командующему. Начали вызревать некоторые элементы независимости первого сословия от второго. Был сделан хотя и начальный, но очень важный шаг к сословному государству.

Что касается возможности пользоваться сословными привилегиями и не служить, то, по определению Тхе то, бесталанные наследники «бангкокцев» (а степень своей талантливости каждый определял сам) имели такое право. И хотя сословие «бангкокцев» и их потомков было создано именно для того, чтобы его члены сумели легче продвинуться по служебной лестнице, минуя конкурсные экзамены, можно предположить, что, если бы преемник Тхе то поддержал установление своего отца, во Вьетнаме появилось бы немало дворянских неслужилых родов.

По-видимому, Тхе то предназначал «бангкокцев» для военной карьеры, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что всем обладателям наследственных титулов от 18 лет и старше было приказано упражняться в стрельбе из лука и верховой езде на лошади, для чего новые дворяне должны были быть прикомандированы к пяти военным зиням и нести там службу в ожидании приказа об их назначении на должность [21, с. 327].

Определение категорий «бангкокцев», в зависимости от которых их потомкам предоставлялись наследственные титулы, осуществлялось, как у всякого дворянства, не только «по выслуге лет» и по чину, но и в соответствии с тем, каковы были их реальные успехи на службе. Об этом свидетельствует указание императора двум ведомствам — кадров и обрядов: «Хотя заслуги подданных (т. е. „бангкокцев“.— *А. Р.*) одинаковы, однако работу они выполняли по-разному. Например, Нгуен Ван Нян, генерал-губернатор (лыу чан) тхани Зядинь, снабжая войска продовольствием, усиливал мощь императорской армии, Нгуен Хоанг Дык не покорился врагу, не пошел по скользкому пути предательства, а последовал за Нами в трудное время; его заслуги намного больше, чем у обычных людей. Что же касается Тонг Виет Фьюка, то хотя заслуги у него и большие, однако он два раза терял войска, неправильно (говорить.—

А. Р.), что у него не было ошибок. Поэтому сыну Виет Фыока не следует предоставлять наследственный титул такого же разряда, как и другим подданным („бангкокцев“)» [21, с. 328].

Ведомства кадров и обрядов точно исполнили это указание императора. Когда вскоре, в начале 9-го месяца 1817 г., было произведено присвоение наследственных титулов детям первой группы «бангкокцев», значительную часть которых составляли не умершие, а живые и реально действующие высшие чиновники вьетнамской империи, то сыну Во Тая (самого выдающегося героя нгуеновского «возрождения») Во Кханю был присвоен высший титул кхинь са до уи; сыну Тон тхат Хоя — Тон тхат Чиню, сыну Нгуен Хоанг Дыка — Нгуен Хоанг Тоану, сыну Нгуен Ван Няна — Нгуен Ван Дыку, приемному сыну Ле Ван Зюета — Ле Ван Иену, сыну Нгуен Дык Суиена — Нгуен Дык Тхиену, сыну Май Дык Нги — Май Дык Нью и сыну Нгуен Ван Кхиема — Нгуен Тхыонг Туану были присвоены вторые по степени титулы — киеу ки до уи, а сыну Тонг Виет Фыка — Тонг Виет Чи — третий по степени титул — ки до уи [21, с. 329, 330]. Таким образом, из 9 сыновей — получателей привилегированных титулов четыре человека приобрели эти титулы при жизни их отцов, занимавших очень высокое место в административной иерархии. Все удостоившиеся титулов были детьми высших военных, а не гражданских чиновников, что ярко свидетельствует о четкой социальной направленности всего мероприятия — возвысить именно военных, а не гражданских «бангкокцев»; последних было, впрочем, вообще довольно мало.

Одновременно поощрений удостоились и дети других старых зядинцев — сподвижников Тхе то. Так, сын старого зядиньского чиновника лыу тху Нгуен Дык Тхиня — Нгуен Дык Лаунг получил должность ве уи (но не титул, так как он не был сыном «бангкокца») с разрешением пользоваться соответствующим должностному чиновному рангом точно так же, как им пользуются армейские офицеры [21, с. 330]. Однако подобная практика не получила широкого распространения. В последние годы своего правления Тхе то целенаправленно присваивал привилегированные титулы и соответствующие им чиновные ранги в основном детям «бангкокцев», поставив задачу именно из них создать силу, которая станет опорой династии и воспрепятствует возвращению к «традиционализму» при его преемнике.

За несколько дней до начала тяжелой болезни и за полтора месяца до смерти Тхе то приказал произвести массовое присвоение привилегированных титулов детям и внукам «бангкокцев». Теперь милости были удостоены дети «бангкокцев» более низкой категории. Титулы получили 5 ки до уи и 16 фи ки уи [21, с. 392—393]. Все они были потомками военных чиновников, сыновей гражданских лиц среди них не было ни одного [20, с. 320].

К концу 1819 г. сословие первого во вьетнамской истории наследственного дворянства насчитывало уже 30 семейств. Но

оно, конечно же, не должно было ограничиться этим числом. Это ясно уже из того, что в конце 12-го месяца 1818 г. два высших государственных чиновника (один — военный — Нгуен Ван Нян, другой — гражданский — Фам Данг Хынг) представили на рассмотрение императора списки «бангкокцев», их старших сыновей и старших внуков общей численностью более 300 человек [21, с. 365]. Император тщательно просмотрел эти списки, распределил получателей рангов по категориям, всех достойных приказал внести в специальную книгу и распорядился ждать повторного рассмотрения, после чего новая знать должна была получить титулы и начать пользоваться своими привилегиями [21, с. 365]. То, что 5 ки до уи и 16 фи ки уи были лишь первой группой из окончательно утвержденного списка (пусть даже не насчитывающего после ряда проверок общей численности в 300 человек, а несколько уменьшенного), доказывается хотя бы тем, что еще никто из потомков «бангкокцев» не получил титула ан ки уи, последнего, дающего право на наследственное дворянство, и, очевидно, самого массового из наследственных титулов (титулы фунг ан уи и тхья ан уи в рассматриваемом плане нас не интересуют, ибо не передаются по наследству).

Таким образом, наследственное дворянство должны были получить не 30 семей «бангкокцев», а значительно большее (возможно, в 10 раз) число старых сподвижников Тхе то.

Формирование сословия наследственной знати, состоящей преимущественно из феодальных землевладельцев, должно было стать долгосрочным фактором, направленным на постоянную корректировку внутривластической линии, проводимой будущими вьетнамскими правителями, в сторону «реализма».

Полное юридическое оформление этого сословия явилось важнейшим социально-политическим мероприятием четвертого и последнего этапа общего подъема социального развития вьетнамского общества в начале XIX в.

Смерть помешала императору осуществить это важнейшее мероприятие в задуманных масштабах. Что же касается его преемника, то он не собирался укреплять тот социальный слой, который по своей природе не мог не мешать проведению намеченного им внутривластического курса. В то же время Тхань то в течение длительного времени не осмеливался посягать на сословие, учрежденное его отцом, хотя и не мог не видеть в «бангкокцах» своих потенциальных противников. Очень существенным в этой связи было то, что перед смертью Тхе то укрепил новое привилегированное сословие браками отдельных его представителей с принцессами царствующего рода. В 3-м месяце 1818 г. сыну Нгуен Хоанг Дыка была дана в жены принцесса Нгаук Суиен, сыну Май Дык Нги — принцесса Нгаук Нгоан, сыну Нгуен Дык Суиена — принцесса Нгаук Нга [21, с. 346—347].

Позднее Тхе то выдал принцессу Нгаук Чан замуж за сына луу тху Нгуен Дык Тхиня, который не происходил из семьи

«бангкокца», но был отпрыском заслуженного старого, рано умершего зядиньского чиновника.

Так развивался в последние месяцы правления Тхе то процесс сознательного и намеренного укрепления императором той социальной базы, на которой впоследствии, уже после его смерти, могла строиться политика «реализма».

Только отчетливо сознавая ту настойчивость, с которой деспотическая власть в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока препятствовала образованию привилегированных социальных слоев, особенно наследственных, можно понять, во-первых, чего стоило Тхе то решиться на этот важнейший и беспрецедентный политический шаг, а во-вторых, какое важное значение он придавал мерам, направленным на сохранение его политического курса после его смерти. Менялся моральный климат в стране, ограничивалась власть императора.

Несмотря на то что дальнейшая судьба привилегированного дворянского сословия «бангкокцев» выходит за хронологические рамки нашего исследования, надо сказать, что даже в таком урезанном виде (30 семейств из 300) реализация идеи Тхе то немало способствовала созданию мощной оппозиции изменившемуся внутривластному курсу при императоре Тхань то, особенно на Юге.

Получив для ряда своих уроженцев привилегированное положение в обществе, Юг стал обладать не только экономической и военной мощью, но и мощью социальной, с которой императору Тхань то не так просто было бороться. Недаром он не сразу отважился на репрессии против «бангкокцев» и наследников их дворянского достоинства, недаром медлил с бракоразводными процессами, роднившими потомков «бангкокцев» с царствующим родом.

И не вина Тхе то в том, что «бангкокцы» и их наследники не сумели предотвратить поворота внутривластного курса при императоре Тхань то в сторону «традиционализма». Новый дворянский слой был еще мал и слаб. Непривычны и необычны были полученные им социальные гарантии, не было никаких привилегий, отличных от привилегий чиновничества. В связи с этим новое сословие не могло успешно бороться с занявшим доминирующие позиции в период правления Тхань то мощным и многочисленным слоем традиционного чиновничества, из которого вышли основные деятели 30-х и 40-х годов. Однако новое сословие отчасти стало социальной опорой оппозиции «реалистов» Юга в 20-е—середине 30-х годов XIX в. Следует отметить также, что в 8-м месяце 1817 г. были предоставлены титулы «именных конгов» (по названию провинций и округов) дяде императора Тон тхат Тхангу, семи младшим сыновьям Тхе то и двум его внукам [21, с. 329]. Если это мероприятие и не имело целью ограничить доминирование принца Хиеу, то должно было упрочить положение главных членов семьи и сделать их менее беззащитными перед будущим монархом. Принцам были

выданы серебряные книги, серебряные и «охранные» (куан фаунг) печати. Отныне они имели право, пользуясь этими печатями и прикладывая их к соответствующим распоряжениям, отдавать приказы. Новое название получили их доклады императору — «бам», а также резиденции, где они обитали, — «фу» [21, с. 329].

Некоторые из новоиспеченных конгов были столь малы, что возникали опасения злоупотреблений предоставленными им правами со стороны окружающей малолетних принцев челяди. В связи с этим император приказал ведомству кадров отобрать достойных людей на должности хранителей печатей, принадлежащих родовой императорской знати. Самим принцам был отдан приказ вручать свои приказы только доверенным и проверенным людям, а не передавать «кому попало» [21, с. 329].

Однако опасения насчет братьев будущего императора были напрасны. Впоследствии никто из принцев не принимал участия в политической жизни. Они имели собственные резиденции, довольно большой штат слуг, грабили купцов, заставляя продавать товары по заниженным ценам, совершали насилия над столичными жителями и позволяли себе многие другие «шалости», нередко опасные для жизни горожан. В политическом плане над всеми ими довлела мрачная фигура Тхань то, воля которого была законом для всего рода. Никто из членов императорской семьи на протяжении следующих 20 лет не смел ни в малейшей мере перечить этому деспоту.

Второй общевьетнамский провинциальный экзаменационный конкурс и его значение.

Усиление «традиционалистских» черт во внутренней политике

Второй общевьетнамский конкурс, проведенный в 1819 г., ровно через шесть лет после первого, свидетельствовал о начале периодичности в деятельности системы, пока еще работавшей в урезанном виде, ибо столичные и дворцовые испытания отсутствовали.

Итоги провинциальных экзаменов показали, что северяне по-прежнему наиболее активно и успешно добивались звания лауреатов.

На Севере конкурсы проводились в Бактхани в 10-м месяце 1819 г. (так же, как и раньше, в двух экзаменационных городках) и в Нгеане и Тханьхоа в 3-м месяце того же года [21, с. 373, 391—392].

Количество лауреатов на Севере в результате испытаний 1819 г. выросло по сравнению с 1813 г. в целом почти на одну треть: в Тханглаунге — 23, в Нижнем Шоннаме — 30, в Нгеане — 14, в Тханьхоа — 16; в итоге всего — 83, в то время как в 1813 г. было 64 лауреата. В числе этих лауреатов были такие

известные впоследствии высшие чиновники-«традиционалисты», как Нгуен Конг Чы, Фан Ба Дат, Ха Зун Фиен.

Отбор победителей экзаменационных конкурсов на Севере к концу 10-х годов XIX в. стал уже столь значительным, что северные чиновники вскоре должны были серьезно потеснить южан в сфере управления. Сколь ни старался Тхе то самими различными методами создать северянам противовес в столь важной области, какой являлось администрирование, после начала периодического функционирования конкурсной системы северные «книжники» вновь обрели привычный для них и традиционный для вьетнамского общества в целом путь проникновения в государственный аппарат, что в 20—40-е годы превратило их во влиятельную социальную силу.

Однако и у Центра были потенциальные возможности наращивать производство «ученых» кадров. Об этом свидетельствуют результаты конкурса 1819 г., показавшие, что в «старых» районах бывшего Дангчаунга количество лауреатов увеличилось почти в два раза. На экзаменах, проходивших в 7-м месяце 1819 г. в Куангнаме, было удостоено звания хыонг конг 17 человек [21, с. 38], в то время как в 1813 г. было только 9 лауреатов. Впоследствии из числа лауреатов Центра 1819 г. вышли такие выдающиеся государственные деятели, как Чыонг Данг Кюэ, первый советник императора Тхань то, и фактический правитель страны при безвольном Хиен то. Лауреаты Центра, превратившись затем в чиновников-«традиционалистов», стали важной и значительной частью той социальной базы, опираясь на которую Тхань то проводил свой консервативный политический курс, где традиции Дангчаунга всегда и во всем преобладали над традициями Дангчаунга.

Более активно чем ранее включился в поставку лауреатов и Крайний Юг (Зядинь), где число получивших звание хыонг конг росло стремительнее, чем в Центре: в 7-м месяце 1819 г. — 19 лауреатов по сравнению с 8 лауреатами в 1813 г.

Однако абсолютная численность лауреатов на Крайнем Юге и в Центре даже в совокупности не достигала половины того, что давал административному аппарату Север.

Следует сказать также о том, что зядиньские конкурсы трудно считать полноценными экзаменационными испытаниями, ибо председатели экзаменационных комиссий вместе с контролерами часто нарушали порядок и правила установленной процедуры, а соискатели фактически покупали свои оценки и соответственно чиновничьи должности.

В качестве примера того, как проходил в конце 10-х годов XIX в. на Крайнем Юге отбор кандидатов на чиновничьи должности, можно указать на ход зядиньского конкурса 1819 г., на котором председательствовал первый заместитель управляющего ведомством кадров Нго Ви, а контролером являлся начальник провинциального налогового ведомства Фуиена Чан Ван Дай.

Уже на первом туре экзаменационного конкурса зядинские ученики, заявив, что предложенная им тема трудна, «произвели волнение» в отгороженном от внешнего мира «экзаменационном городке» и решили его покинуть. Уход абитуриентов мог нанести серьезный удар по престижу приемной чиновничьей комиссии, показав ее бессилие и неумение справиться с порученным делом. Поэтому председатель и экзаменатор приложили все силы к тому, чтобы урегулировать конфликт. Однако «волнение» претендентов улеглось только тогда, когда Нго Ви и Чан Ван Дай заменили экзаменационную тему. Эта слабость могла не только опозорить чиновников, но и навлечь на них служебное взыскание. Но этим дело не ограничилось.

По окончании экзаменационных конкурсов в административный центр Зядини были также поданы обвинительные доклады с сообщениями о том, что среди лауреатов трех туров зядинского конкурса есть люди, которые сдавали экзамены, скрытно пользуясь недозволенными средствами: книгами и шпаргалками. Были также и такие, кто пользовался услугами наемных «заместителей». Кроме того, секретари и стража показали, что сами главные экзаменаторы, Нго Ви и Чан Ван Дай, распределив между собой сочинения, исправляли в них ошибки.

Но и этим не исчерпывались противозаконные действия чиновников «экзаменационного городка». После окончания экзаменов Нго Ви и Чан Ван Дай совместно с подчиненными им чиновниками — судьей Ле Тяном, чиновником просвещения Као Хюи Зиеу и экзаменатором Ву Ханем играли в азартные игры [21, с. 385]. Обо всем этом управляющие Зядинью сообщили императору. Тот передал доклад на рассмотрение высших сановников императорского двора. Решение динь тханов, характеризую нравы той эпохи, представляет интерес как образец потворства коррупции и взяточничеству, царящим среди чиновничества, ответственного за проведение экзаменационных конкурсов в Зядини. Основная масса виновных чиновников была оставлена на своих местах, получив в качестве наказания лишь определенное количество палок, соответствующее величине их проступка, что не считалось ни позорным, ни тяжелым наказанием. Сменен был лишь один чиновник просвещения Као Хюи Зиеу, к которому предъявили повышенные требования в силу идеологического характера исполняемой им должности.

К абитуриентам-нарушителям, напротив, отнеслись очень строго: виновные в том, что тайно проносили в экзаменационный городок книги и шпаргалки, ссылались на каторжные работы, а те, кто нанимал вместо себя абитуриентов, и их наемные «заместители» отправлялись служить в армию [21, с. 385].

Все изложенное выше дает возможность заключить, что отношения купли-продажи, столь развитые в Зядини в начале XIX в., распространились тут и на сферу конкурсных экзаменов. Появились наемные «соискатели», удовлетворяющие спрос богатых невежд, стремящихся получить диплом лауреата и право

на занятие чиновничьей должности. Покупались не только наемные грамотеи, но и чиновники, присланные центральным правительством. В итоге известная часть зядинцев, получающих чиновничьи должности по итогам конкурсов 10-х годов XIX в., по-видимому, отнюдь не была глубоко знакома с «книжной премудростью» и соответственно не была пропитана «традиционалистскими» идеями. Будучи представителями богатых землевладельческих и торгово-предпринимательских кругов, они и впоследствии не стали опорой Тхань то. Административная власть нужна была им для того, чтобы защищать завоевания эпохи Тхе то. В связи с этим нельзя говорить о том, что увеличение численности лауреатов из Зядини в конце XIX в. всецело способствовало укреплению «традиционализма» в стране, как это можно относить к лицам, выдержавшим испытания на Севере и, в значительной части, в Центре. Напротив, часть лауреатов-зядинцев и после получения чиновничьего места продолжала придерживаться «реалистической» ориентации, что делало их противниками политики Тхань то. Впрочем, среди зядинцев, выдвинувшихся в результате конкурса 1819 г., были и такие, которые стали в один ряд с виднейшими чиновниками-«традиционалистами» эпохи Тхань то. К таким можно отнести будущего «покорителя», повстанческой Зядини и Кампучии Чыонг Минь Зянга, специализировавшегося на знакомых ему проблемах Крайнего Юга страны.

Удвоение числа зядинских лауреатов в 1819 г. свидетельствует скорее об увеличении носителей «реализма», а не «традиционализма», поступающих путем отбора конкурсной системой в административный аппарат с Крайнего Юга.

О том, что Тхе то всеми средствами стремился усилить в чиновничьем аппарате «реалистов», свидетельствует не только образование сословия «бангкокцев». С этой же целью Нгуен Фук Ань вплоть до самой своей смерти отказывался организовать столичные экзаменационные конкурсы, которые первоначально были назначены на 1808 г. Поступок императора вполне объясним. Ведь если на региональных конкурсах абитуранты с Севера, Юга и из Центра конкурировали между собой раздельно, то на столичных испытаниях они бы столкнулись лицом к лицу. В этой ситуации нетрудно определить, кто бы из них в массе своей стал победителем и занял высшие чиновничьи должности. Не случайно, по-видимому, одним из первых мероприятий нового императора стало введение столичных, а затем и дворцовых экзаменационных конкурсов. Функционирование полной системы экзаменационных конкурсов стало в руках правительства Тхань то мощным орудием для подготовки кадров с целью наступления «традиционализма» во всех социальных сферах.

Если появление значительного количества лиц, успешно выдержавших провинциальные конкурсные испытания 1813 и 1819 гг., должно было сказаться позднее, после назначения их в управленческий аппарат, а это произошло в основном в 20-х го-

дах XIX в., то передача части чиновничьих должностей лауреатам конкурсов в Бактхани и в Тхань—Нге 1813 г. в определенной степени повлияла на направление государственной политики при существующем «реалистическом» курсе уже во второй половине 10-х годов. В характере государственной деятельности верховной власти в 1817—1819 гг. в связи с этим проявились и усилились «традиционалистские» черты.

В известной мере развитию «традиционализма» во внутренней политике в это время, по-видимому, способствовало и привлечение к управлению Хиеу, провозглашенного наследником престола. Начиная с 7-го месяца 1816 г. Тхе то постепенно начинает возлагать на наследника выполнение некоторых функций, связанных с осуществлением верховной власти. Внешне это выражается в том, что отныне наследный принц почти постоянно заменяет императора на торжественных церемониях, связанных с религией и государственным культом. Хотя мы и не располагаем точными данными о постоянном участии Хиеу и его окружения, состоящего из пока еще «пассивных» «традиционалистов», в выработке и реализации внутривластного курса на этом последнем этапе периода общего подъема общественного развития вьетнамского общества, однако на некоторое время в моменты болезни старого императора и незадолго до его смерти наследнику вручалась фактически верховная власть в стране: ему разрешалось принимать окончательное решение по всем военным и гражданским вопросам, лишь впоследствии ставя в известность Тхе то.

Следует отметить, что именно в такие моменты осуществлялись наиболее «традиционалистские» мероприятия правительства. К таким мероприятиям следует отнести, например, пересмотр прежних правил присвоения «титлов» куан виен ты (сын чиновника) детям мужского пола чиновников различных рангов и учреждение новых, общих для всей страны. До 1819 г. во Вьетнаме действовали две системы подобных правил, различные для чиновников, родившихся в Бактхани, и для тех, кто жил на бывшей территории Дангчаунга (в отношении Нгеана, Тханьхоа и Тханьбиня вопрос не совсем ясен, но поскольку до конца 10-х годов там продолжало оставаться постоянное подушное обложение, в котором были зафиксированы дангнгайские правила, то, вероятно, там действовали бактханские нормы, хотя для государства это было неважно, ибо в любом случае объем подушных налогов и тягла не менялся).

Правила наделения «титулами» куан виен ты, родившихся на территории бывшего Дангчаунга, были определены в момент учреждения здесь общих законоположений о «проверке» (списков) и наборе (солдат) в 7-м месяце 1808 г. В соответствии с этими правилами все дети мужского пола военных и гражданских чиновников — «бангкокцев» с 1-го по 9-й ранг и чиновников с 1-го по 4-й ранг получали «титул» куан виен ты. При этом все дети чиновников — «бангкокцев» и обычных чиновников с

1-го по 3-й ранг удостоивались освобождения от подушных налогов, а также от трудовых работ и военной службы, что же касается детей чиновников 4-го ранга, то им можно было только не служить в армии и не выполнять трудовую повинность, а налоги с них брали на общих основаниях [20, с. 386]. Правила присвоения «титулов» куан виен ты жителям — бактханьцам были, вероятно, официально определены при замене постоянного подушного обложения на Севере регулярными переписями тягловых во 2-м месяце 1807 г. (во всяком случае, среди переписываемых категорий населения именно тогда появляется категория куан виен ты [20, с. 327]) и отличались от изложенных выше главным образом тем, что в добавление к детям чиновников четырех первых рангов «титулы» куан виен ты получали еще и сыновья чиновников пятого, шестого и седьмого ранга [21, с. 394], которые тоже освобождались от военной и трудовой повинности.

Фактически этот порядок являлся восстановлением дангнгайской нормы привилегий служилого чиновничества. Таким образом, обычные чиновничьи семьи (к которым не следует причислять «бангкокцев», сразу же выделяемых Тхе то в специфическую группу) Бактхани получали явные преимущества в сфере освобождения от военных и трудовых обязанностей. При этом в совокупности по отношению к общему количеству чиновников эти преимущества были очень велики, ибо слой куанов, охватывающий пятый-седьмой ранги, был несравненно более массовым, чем слой, представленный первым — четвертым рангами. Объяснение этого факта, по-видимому, может быть двояким. Во-первых, необходимо учитывать, что ликвидация постоянного подушного обложения в 1807 г. и учреждение привилегий местному чиновничеству в Бактхани производились в разгар деятельности традиционалистской администрации, возглавляемой Нгуен Ван Тханем, который считал служилых куанов главным компонентом социальной базы нового вьетнамского государства и настаивал на предоставлении им все больших благ.

Во-вторых, Тхе то пошел на предоставление северным чиновникам больших привилегий, чем южным, в связи с тем, что южной династии необходима была если не поддержка, то хотя бы лояльность служилых бактханьских родов, которую выгоднее всего было просто купить. Однако эта мера воспринималась императором исключительно как временная: при установлении правил предоставления объема привилегий местному чиновничеству бывшего Дангчаунга не оговаривалось, что эти правила распространяются лишь на ограниченную территорию [20, с. 386] и, следовательно, формально они были действительны в масштабах всей страны и в любой момент могли быть введены там в действие. Что же касается установления нормы освобождения от тягла коренного чиновничества Севера, то в этом случае специально указывалось, что они применяются к «родившимся в Бактхани» [21, с. 394].

Следовательно, наложение этих двух законодательных установлений давало возможность рассматривать правила, действующие в отношении «родившихся» в Бактхани, как ограниченные в пространстве и не вполне законные, а потому — временные. Из этого, естественно, вытекало, что впоследствии унификация привилегий сыновьям чиновников произойдет по нормам, установленным для уроженцев территории бывшего Дангчаунга, а «сверхнормальные» привилегии бактханьским куанам будут полностью упразднены.

Однако принц Хиеу, получивший верховную власть на время болезни Тхе то, поступил иначе. По правилам, определенным в 11-м месяце 1819 г. и ликвидировавшим различия привилегий сыновьям чиновников, нормы освобождения детей куанов первых трех рангов остались прежними, а для следующего ранга были даже сокращены: теперь сыновья чиновников 4-го ранга освобождались лишь от трудовых работ и военной службы, но не от уплаты подушного налога. Кроме того, от общественных и военных повинностей освобождался один из сыновей чиновников 5-го ранга и высшего подранга 6-го ранга. Сыновьям бактханьских куанов 5—7-го рангов, получившим привилегии до 1819 г., разрешалось пользоваться ими на прежних основаниях, а в отношении тех, кому они должны были предоставляться начиная с 1819 г., приказывалось руководствоваться новыми правилами [21, с. 394].

Таким образом, в результате введения новых правил, с одной стороны, несколько уменьшались привилегии детям чиновников 4-го ранга (на величину подушного налога), а также были лишены освобождения от трудовых и воинских повинностей, во-первых, дети бактханьских куанов 2-го подранга 6-го ранга и обоих подрангов 7-го ранга, во-вторых, по-видимому, все сыновья, кроме одного, бактханьских чиновников 5-го ранга и 1-го подранга 6-го ранга, с другой стороны, были предоставлены ранее отсутствующие привилегии проживающим на территории бывшего Дангчаунга старшим сыновьям куанов 5-го ранга и 1-го подранга 6-го ранга (освобождение от всех повинностей).

Произведенная в 1819 г. унификация привилегий сыновьям чиновников свидетельствует о значительном отходе от ориентации на дангчаунгские нормы, о том, что бактханьские правила, хотя и не были воспроизведены в полном объеме в масштабах всей страны, однако оказали существенное влияние на выработку окончательных (на данный период) установок отношения верховной власти к чиновничеству вообще.

Характер унификации показал, что будущий император собирается расширять привилегии чиновничества в целом, даже временно ущемляя отдельные его региональные группы. О том, что ущемление это носит временный характер и предоставление привилегий чиновничеству в целом на этом не прекратится, а будет постепенно приближаться к бактханьской норме, говорило прежде всего принципиальное отступление от правил 1808 г.,

формально предназначавшихся прежде для будущего всей страны. А это, в свою очередь, указывало на то, что наследный принц, превратившись в правителя, намерен опираться в целом на служилое чиновничество — одну из основных составляющих социальной базы восточной деспотии, одновременно оказывая, исходя из традиционных представлений о столице как центре вселенной, определенное предпочтение куанам Центра.

В то же время компромиссный характер унификации, а не проведение ее целиком и полностью по бактханским нормам или с незначительными отступлениями от них, к чему впоследствии приблизилась работа администрации Тхань то, еще раз подтверждает в целом и реалистическую направленность деятельности правительства в конце 10-х годов XIX в., хотя эта направленность и получила в данное время известную модификацию по сравнению с предшествующими этапами рассматриваемого периода, частично — в связи с необходимостью выработки общеимперского политического курса, учитывающего все социальные особенности различных регионов страны, в том числе и Севера, частично — по причине усиления феодального чиновничества.

Нельзя недооценивать ту значительную роль в сохранении реалистического курса, которую играли в это время сам Тхе то и сформированное им правительство. В этой связи следует отметить, что принца Хиеу, по-видимому, даже после формального получения свободы действий серьезно сдерживало присутствие хотя и больного, но живого императора, а также назначенных им высших чиновников. Об этом свидетельствует то, что после смерти Тхе то и обновления правительства направленность курса центральной власти очень быстро приобрела резко консервативный характер.

Появление «традиционалистских» черт в общеимперской политике на последнем этапе периода общего подъема социального развития Вьетнама в начале XIX в. связано, во-первых, с влиянием бактханских установок, которые нельзя было не учитывать при выработке норм, общих для всего Вьетнама («нормальные» для Севера, эти установки, будучи распространены за рамки Бактхани, даже в смягченном виде несли в себе консервативный «заряд», с которым вынуждено было примириться центральное правительство при включении их в свой общевьетнамский политический курс), во-вторых, с тем, что за определенный промежуток времени, отмечавшийся активной деятельностью по восстановлению государственного аппарата, значительно изменился состав верхнего и среднего феодальных слоев, в которые вошло значительное количество дипломированного чиновничества, определенная часть которого была северянами, потомками леских чиновников, лауреатов, носителями традиций Ле—Чинь. Восстанавливаемый гражданский аппарат был объективно необходим феодальному Вьетнаму. Объективным было и определенное усиление «традиционализма». Необходимо

отметить, что почти до самого конца 10-х годов (возможно, кроме последних месяцев 1819 г.) мы не находим во Вьетнаме субъективных факторов, влияющих на усиление «традиционализма» в общегосударственной политике. Все изменилось, когда в 1820 г. к власти пришел император Тхань то.

В период 1802—1817 гг. носители традиций Ле—Чинь не смели поднять головы при дворе, а отдельные «традиционалистские» отклонения чиновников-южан исправлял сам Тхе то. Однако с провозглашением принца Хиеу наследником ситуация изменилась и в окружении будущего императора появилось довольно много лиц, с трудом скрывавших свои «традиционалистские» симпатии. Часть из них вошла в круг динь тханов, что тоже в самом конце этапа повлияло на появление определенного количества решений в «традиционалистском» духе, основой которого являлась антипомещичья направленность. Хотя этих решений пока было немного, но силы «традиционалистов» в окружении наследного принца понемногу росли. То, насколько они выросли с 1817 по 1820 г., стало видно не в рамках этого этапа, а после смерти Тхе то, когда первый же доклад, поданный Нгуен Данг Туаном, содержал мощный импульс, направленный против помещичьего самоуправления, и был с полной определенностью поддержан новым императором. О том, сколь стремительно и прочно рос «традиционализм» в столице, свидетельствует также и быстрая его победа в Фусуане с воцарением нового императора. (По существу, никто здесь не оказал сопротивления резкому изменению внутривластного курса.)

В то же время в Зядини и даже в Бактхани «реалисты» еще долго сопротивлялись Центру, и если для подчинения Крайнего Севера Тхань то пришлось ждать смерти Ле Тята, то Крайний Юг, где частные землевладельцы защищали свои права силой оружия, он сумел сломить только в конце своего правления и лишь всей вооруженной мощью империи, истощив и обескровив страну, лишив государство поддержки помещиков и поставив его тем самым перед тяжелым и затяжным кризисом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Империя Нгуенов, возникшая в начале XIX в. в результате вооруженной победы феодалов Крайнего Юга над государством Тайшонов, во главе которого стояла династия феодализировавшихся вождей победившего крестьянского восстания, явилась первым и единственным целостным государственным позднефеодальным образованием в территориальных границах современного Вьетнама. Она родилась в итоге ожесточенной борьбы двух феодальных группировок, опиравшихся на различные социальные слои общества: с одной стороны, крупные помещики и богатое купечество Крайнего Юга, с другой — общинное крестьянство и чиновничество Севера и Центра.

Военная победа Нгуенов над государством династии Тайшонов явилась прежде всего следствием экономического превосходства частнофеодальных отношений, в недрах которых уже зарождались элементы предкапитализма, над государственно-феодальными и общинными отношениями. Более прогрессивные общественные отношения в Зядини позволили Нгуен Фук Аню накопить на Крайнем Юге значительный экономический потенциал, давший возможность перейти от сезонных военных кампаний, в которых искусных в военном деле и мужественных тайшонов сломить было нельзя, к непрерывной войне, в ходе которой основные противники южных феодалов в Кюиньоне были взяты измором.

На этом последнем этапе противоборства двух династий в результате чрезвычайного обострения военной борьбы, носящей ярко выраженные социальные черты, произошло возрождение народного, крестьянского характера кюиньонского войска, а противоречия обеих сторон снова приобрели формы антагонистических противоречий эксплуататоров—феодалов и эксплуатируемого крестьянства.

Уже в ходе войны с тайшонами в среде правящего класса государства Нгуенов образовались два противоборствующих лагеря, один из которых ориентировался на признание важности учета во внутригосударственной политике тех существенных изменений, которые преобразили вьетнамское общество на позднефеодальном этапе его развития, в то время как другой отстаивал возвращение к архаическим нормам государственного феодализма, моделью для которого служили социальные и политические установки «классической» древности, а на вьетнамской почве — преобразования периода правления под девизом Хонг дык во второй половине XV в. Первая партия в силу стремления разрешать насущные проблемы общества в соответ-

ствии с потребностями передовых социальных слоев условно называется нами партией «реалистов», в то время как вторая, исходящая из ориентации на традиционные архаические модели решения важнейших общественных вопросов, определяется как партия «традиционалистов».

Различное отношение этих двух фракций внутри господствующего феодального класса к изменениям, происходящим в позднефеодальном обществе, определили и разницу их социально-экономических и социально-политических установок. Если «реалисты» в проводимой ими политике отстаивали существенную экономическую роль частнофеодального землевладения, частной торговли и частного предпринимательства, настаивали на признании социальной значимости помещиков, купцов и предпринимателей, передавали им определенную часть деревенского и городского управления, то «традиционалисты», ориентируясь на возрождение общинного землевладения, боролись за максимальное проникновение чиновника как в административно-территориальное управление, так и в экономическую деятельность.

Противоборство этих двух партий и воздействие, оказанное ими на выработку конкретной внутривластной линии, существенно повлияли на ход социально-экономических и, в наибольшей степени, социально-политических процессов во вьетнамском обществе в период правления Нгуен Фука Аня (Нгуен Тхе то) после его победы над тайшонами (1802—1819 гг.).

Этот период совпадает с периодом прогрессивного социально-политического развития Вьетнама.

История этого периода может быть подразделена на четыре этапа: 1802—1806 гг.; 1806—1812 гг.; 1812—1817 гг.; 1817—1819 гг. (каждый из этапов начинается с середины года). В рамках каждого из этапов в различных районах страны — Крайний Север (Бактхань), Нгеан—Тханьхоа, старые районы Дангчаунга, Крайний Юг — проводилась более или менее различная социально-политическая линия. При этом степень этого различия определялась тем, какая политическая партия («реалисты» или «традиционалисты») стояла в это время у руля правления в тех или иных частях государства.

На первом этапе периода, в 1802—1806 гг., стоящие у власти на Крайнем Севере «традиционалисты» пытались реализовать консервативную социальную программу, основными чертами которой были восстановление общинного землевладения, являющегося экономической базой феодального чиновничества, ограничение экономических и социальных позиций помещиков, снижение их роли в сфере управления. Последовательное проведение этой политики привело к резкому обострению социальных конфликтов и вызвало вооруженные выступления против «традиционалистской» администрации. На Крайнем Юге, где управляли «реалисты», власти проводили попытку активного поощрения помещиков, торговцев, ремесленников и различного рода

предпринимателей, в отношении которых было частично или полностью на несколько лет отменено взимание налогов. Стимулирование торговли рисом превратило Зядинь в житницу всей страны и создало условия для гигантского по своим масштабам строительства в столице. С ним было связано усиление государственно-феодальной эксплуатации в старых районах бывшего Дангчаунга и отчасти в Нгеане-Тханьхоа, подчиненных непосредственно фусуанскому правительству. Исключительное значение имело в это время признание верховной властью важности в сфере управления роли официализованных выборных или признанных государством частных лиц, а также «секретарей», занимающих административные должности, минуя отбор по результатам экзаменационных конкурсов, и составляющих так называемый «неупорядоченный» класс.

На втором этапе, в 1806—1812 гг., правление «традиционалистов», вызвавшее массовые восстания, возглавленные представителями «знатных» родов, поставило власть Нгуенов в Бактхани под угрозу. Военный кризис сочетался с экономическим. Лишь чрезвычайное напряжение военных усилий дало возможность «традиционалистам» предотвратить приход к власти одной из старых династий. Очевидный провал консервативных начинаний повлек за собой отзыв в столицу лидеров «традиционалистов» и назначение на высшие административные посты «реалистов», начавших снижение уровня государственно-феодальной эксплуатации, что способствовало процессу стабилизации положения на Крайнем Севере. В Зядини после отмены налогов было сохранено чрезвычайно льготное, уменьшенное в несколько десятков раз по сравнению с общеимперской нормой налогообложение частных земель, в преобладающей части принадлежащих крупным помещикам. Купечество получило возможность откупаться от казенных перевозок. Значительными привилегиями пользовались зядиньцы из числа старых сподвижников правителя, помогавшие ему в борьбе с тайшонами в 80-х годах XVIII в., так называемые «бангкокцы» (лица, сопровождавшие Нгуен Фук Аня во время его бегства в Бангкок). Одновременно наблюдалась «самоизоляция» зядиньцев в рамках Крайнего Юга, нежелание их включаться в высшие уровни сферы управления, особенно в столице, что было вызвано предпочтением сферы экономики и отсутствием практики подготовки к экзаменационным конкурсам. В связи с конфликтом в Кампучии происходит некоторое повышение уровня государственно-феодальной эксплуатации. В старых районах Дангчаунга прежний уровень государственно-феодальной эксплуатации был снижен, но отработки различных повинностнообязанных социальных слоев, в том числе и ремесленников, продолжались. На строительных работах в столице в широких масштабах использовались солдаты. В Нгеане и Тханьхоа были подавлены восстания, вспыхнувшие в пограничных с Бактханью районах.

На третьем этапе периода прогрессивного социально-полити-

ческого развития вьетнамского общества, в 1812—1817 гг., на Крайнем Севере «реалисты», изменив курс экономической и социальной политики, проводимой предшествовавшей администрацией, введя режим экономии и применяя военные методы, добились резкого сокращения масштабов антиправительственных выступлений и нормализовали положение. В это же время начали ощущаться признаки дестабилизации в Нгеане и Тханьхоа. В Зядини продолжение кампучийского конфликта потребовало увеличения общего объема налогов и повинностей, прежде всего — военных, что было достигнуто за счет значительного роста численности тягловых, определенную часть которых составили переселенцы с Севера. В старых районах Дангчаунга уровень государственно-феодальной эксплуатации увеличен не был. В столице между двумя партиями шла острая политическая борьба, закончившаяся физическим уничтожением лидеров «традиционалистов». Победа «реалистов» в масштабах всей страны сделала возможной выработку общеимперской сбалансированной социальной политики на основе норм, более близких к «южной» модели развития. В то же время общевьетнамский экзаменационный конкурс продемонстрировал ведущую роль северян в сфере поставки управленческих кадров. Одновременно наследником императора был провозглашен сторонник консервативной политической линии. В этой ситуации для ослабления позиций «традиционализма» и закрепления «реалистического» курса в будущем было начато формирование наследственного сословия «бангкокцев», представленных большей частью потомками зядинских помещиков, из числа которых должен был, минуя экзаменационные конкурсы, постоянно пополняться управленческий аппарат.

На четвертом, заключительном этапе важнейшего в истории позднефеодального вьетнамского общества периода, в 1817—1819 гг., в наиболее полной мере проводилась общеимперская сбалансированная социальная политика, близкая к «южной» модели. В Бактхани эта политика, осуществляемая «реалистами», привела к полной стабилизации ситуации и прекращению восстаний. В Нгеане и Тханьхоа в результате проводимого местной администрацией курса на усиление государственно-феодальной эксплуатации вспыхнули вооруженные выступления, быстро подавленные одним из лидеров «реалистов». Последовавшая за этим серия эффективных экономических и социальных мероприятий способствовала нормализации положения. В Зядини распространение на Крайний Юг общеимперских норм вызвало значительный рост государственно-феодальной эксплуатации за счет увеличения численности тягловых и привлечения к трудовым повинностям огромных масс населения, представленных в значительной степени переселенцами с Севера. Однако за помещиками продолжали сохраняться большие налоговые льготы, ликвидированные лишь в 1836 г. Значительно пополнилось сословие «бангкокцев», которое становилось ре-

альной политической силой, способной влиять на выработку и реализацию внутренней политики. В старых районах Дангчаунга государственная социальная политика не претерпела существенных изменений, ибо именно ее нормы и стереотипы были взяты в качестве эталонов общеимперского внутривластного курса, проводимого правительством «реалистов» в масштабах всей страны.

Однако победа «реализма» не была ни полной, ни окончательной. Общеимперский экзаменационный конкурс 1819 г. вновь свидетельствовал о ведущей роли северян в деле формирования чиновничьего корпуса. На Севере сохранялась социально-экономическая база «традиционализма» — общинное землевладение. В столице вокруг наследника престола образовался круг умеренных и пассивных «традиционалистов», не рисковавших открыто конфликтовать с правительством «реалистов», но ожидавших перехода власти к своему покровителю, под защитой и при поддержке которого они могли на практике реализовать свои политические идеалы. Смена монархов привела к изменению политических установок, направляемых из Фусуана (Хюэ), но для распространения их на территорию всей страны «традиционалистам» пришлось выдержать борьбу и на Крайнем Севере (в Бактхани) и в особенности на Крайнем Юге (в Зядини). Даже к концу 30-х годов «реалисты» не были полностью ликвидированы. Социальный и экономический кризисы, к которым привело правление «традиционалистов», вызвали частичное возрождение политики «реализма» в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в., не получившее дальнейшего развития вследствие начала французской агрессии, сопротивление которой было сильно ослаблено предшествующей деятельностью «традиционалистов».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Британское владычество в Индии.— Т. 9*.
2. Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
3. Маркс К. Капитал.— Т. 23, 24, 25.
4. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Т. 46.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
6. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Т. 7.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20.
8. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Т. 21.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
10. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3.
11. Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство.— Т. 4.
12. Ленин В. И. Пробуждение Азии.— Т. 23.
13. Ленин В. И. Крепостное хозяйство в деревне.— Т. 25.
14. Ленин В. И. О государстве.— Т. 39.
15. Ленин В. И. Государство и революция.— Т. 33.
16. Ленин В. И. Статистика и социология.— Т. 33.
17. Đại Nam chính biên liệt truyện Nhà Tây sơn. Sài Gòn 1970.
18. Đại Nam thực lục. Tiền biên tập I. Hà Nội, 1962.
19. Đại Nam thực lục. Chính biên tập II. Hà Nội, 1962.
20. Đại Nam thực lục. Chính biên tập III. Hà Nội, 1963.
21. Đại Nam thực lục. Chính biên tập IV. Hà Nội, 1963.
22. Đại Nam thực lục. Chính biên tập V. Hà Nội, 1963.
23. Đại Nam thực lục. Chính biên tập VI. Hà Nội, 1963.
- 23a. Đại Nam thực lục. Chính biên tập VII. Hà Nội, 1964.
- 23b. Đại Nam thực lục. Chính biên tập VIII. Hà Nội, 1964.
- 23в. Đại Nam thực lục. Chính biên tập IX. Hà Nội, 1964.
- 23г. Đại Nam thực lục. Chính biên tập XVIII. Hà Nội, 1967.
24. Khâm định Đại Nam hội điển sự lệ—переводы, относящиеся к Bộ Hộ и Bộ Công; перевод на вьетнамский язык находится в Институте истории КОИ СРВ.
25. Lê Quý Đôn. Toàn tập, Tập I. Phủ biên tạp lục. Hà Nội, 1977.
26. Mục lục châu bản triều Nguyễn tập thứ I. Triều Gia Long. Viện Đại học Huế, 1960.
27. Những tài liệu tham khảo về văn, sử trong Minh đồ sử. Библиотека Института истории КОИ СРВ.
28. Ngô Cao Lãng. Lịch triều tạp kỷ tập II. Hà Nội, 1975.
29. Phan Thúc Trục. Quốc sử di biên tập thượng. Phủ quốc vụ Khanh đặc thánh văn hóa xuất bản, 1973.
30. Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí. Tập I. 1972. Tập II. Hạ thượng — 1975.
31. Tiền Nguyễn loạt yếu phở (thuộc về Tiền biên).
32. Trần Văn Tuấn. Nguyễn triều long hưng sự tích. Triều Nguyễn hưng đê nghiệp.
33. Trịnh Hoài Đức. Gia đình thành thông chí tập hạ. Nhà văn hóa, 1972.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

34. Việt sử thông giám cương mục. Chính biên tập XVIII. Hà Nội, 1960.
35. Việt sử thông giám cương mục Chính biên tập XIX. Hà Nội, 1960.
36. Việt sử thông giám cương mục. Chính biên tập XX. Hà Nội, 1960.
37. Crowfurd J. Journal of an Embassy from the Governor-General of India to the Courts of Siam and Cochinchina. vol. I, II, L., 1830.
38. Exposé statistique du Tonkin, Cochinchina, Kambodga, Laos et Lactho.—L., 1811.
39. Finlayson G. Mission to Siam and Hue the capital of Cochinchina in the years 1821—1822. L., 1826.
40. Nouvelles lettres édifiantes des mission de la Chine et des Indes Orientales. T. V—VIII. P., 1820.
41. Philastre P. F. L. Le code Annamite. P. 1909.
42. Алаев Л. Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII вв. М., 1964.
43. Ашрафян К. З. Феодализм в Индии. Особенности и этапы развития. М., 1977.
44. Бакшт И. Д. Аграрные отношения (общие черты) во Вьетнаме в I половине XIX в.—Новая история Вьетнама, с. 240—256.
45. Бакшт И. Д. Крестьянские восстания во Вьетнаме в I половине XIX в.—Новая история Вьетнама, с. 230—239.
46. Бокищанин А. А. О социальной базе войны Цзиннань.—История и культура Китая. М., 1974.
47. Бокищанин А. А. Императорский Китай в начале XV в. (внутренняя политика). М., 1976.
48. Боровкова Л. А. Восстание Красных войск в Китае. М., 1971.
49. Васильев Л. С. Традиция и проблемы социального прогресса в истории Китая.—Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
50. Ву Минь Жанг. Канд. дис. М., 1985.
51. Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ.—Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
52. Деоник Д. В. Вьетнам.—БИЭ. М., 1968.
53. Деоник Д. В. Вьетнам в период развития феодальных отношений.—История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968.
54. Деоник Д. В. Вьетнам в новое время (1660—1858).—Учебник для вузов. История стран Азии и Африки в новое время. М., 1971.
55. Деоник Д. В. Феодальный Вьетнам в середине XVII—первой четверти XVIII в.—Новая история Вьетнама, с. 16—78, 96—115.
56. Деоник Д. В. Социальное устройство вьетнамского общества в первой половине 19 века.—Новая история Вьетнама, с. 187—199.
57. Илюшечкин В. П. Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. М., 1971.
58. Козлова М. Г. Бирма накануне английского завоевания (Общественный и государственный строй). М., 1962.
- 58а. Лапина З. Г. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970.
59. Мазырин В. М. Город в первой половине XIX в. во Вьетнаме.—Новая история Вьетнама, с. 328—334.
60. Мазырин В. М., Мхитарян С. А. Внешняя торговля во Вьетнаме в первой половине XIX века.—Новая история Вьетнама, с. 321—328.
61. Мурашева Г. Ф. Вьетнамо-китайские отношения в XVII—XIX вв. М., 1973.
62. Мурашева Г. Ф. Государственное устройство Вьетнама в первой половине XIX века.—Новая история Вьетнама, М., 1973, с. 199—204.
63. Мурашева Г. Ф. Внешняя политика Вьетнама в первой половине XIX века.—Новая история Вьетнама, с. 335—375.
64. Мухлинов А. И. Вьетнамская сельская община (X в.—первая половина XIX в.).—Востоочноазиатский этнографический сборник. М., 1961.
65. Мхитарян С. А. Горнорудные промыслы в I половине XIX в.—Новая история Вьетнама, с. 295—306.
66. Мхитарян С. А. Ремесло в I половине XIX в.—Новая история Вьетнама, с. 306—316.

67. Мхитарян С. А. Внутренняя торговля во Вьетнаме в 1 половине XIX в.— Новая история Вьетнама, с. 316—321.
68. Непомнин О. Е. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. М., 1966.
69. Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975.
70. Новая история Вьетнама. М., 1980.
71. Огнетов И. А. Восстание Тайшонов во Вьетнаме (1771—1802 гг.). М., 1960.
72. Огнетов И. А. Вьетнам в эпоху Тайшонов.— Новая история Вьетнама. с. 116—186.
73. Огнетов И. А. Крестьянские восстания 1730—1770 гг.— Новая история Вьетнама, с. 78—96.
74. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
75. Ребрикова Н. В. Таиланд. Социально-экономическая история XIII—XVIII вв. М., 1977.
76. Рябинин А. Л. Система ответственности чиновников государственного аппарата во Вьетнаме в первой половине XIX в.— Актуальные проблемы современного востоковедения. М., 1975.
77. Рябинин А. Л. Феодальное чиновничество во Вьетнаме в первой половине 19 века. — Новая история Вьетнама, с. 204—206.
78. Рябинин А. Л. Внутриполитическое положение страны в первой половине XIX века.— Новая история Вьетнама, с. 206—230.
79. Рябинин А. Л. Основные категории земель и государственная аграрная политика во Вьетнаме в начале XIX века.— Новая история Вьетнама, с. 256—294.
80. Симоновская Л. В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в. М., 1966.
81. Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае. М., 1974.
82. Чешков М. А. Особенности формирования вьетнамской буржуазии. М., 1968.
83. Чешков М. А. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.
84. Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесла и торговля в XVI—XVIII). М., 1965.
85. Bùi Xuân Đình. Huong ước—khoán ước làng xã.—NCLS, 1982, số 4 (205).
86. Bùi Xuân Đình. Trở lại vấn đề «lão quyền» trong xã hội người Việt cổ truyền.—NCLS, 1983, số 2 (209).
87. Đào Duy Anh. Đất nước Việt Nam qua các đời. Hà nội, 1964.
88. Đào Duy Anh. Văn hóa sử cương. Xuất bản bốn phương, 1951.
89. Đặng Ngọc Chính. Về việc nghiên cứu thủy quân Tây sơn.— Tây Sơn—Nguyễn Huệ. Nghĩa Bình, 1978.
90. Đặng Phương Nghi. Triều đại Quang Trung dưới mặt các nhà truyền giáo Tây phương. Sử địa N 13; 1969; c. 143—182.
91. Hồ Nganh—Đình Văn Tuấn—Nguyễn Thế Triết. Lược khảo về võ thuật Tây sơn.— Tây sơn Nguyễn Huệ. Nghĩa Bình, 1978.
92. Hoa Bằng. Triều Gia long—một dịp có thể đưa nước nhà lên vũ đài thế giới. Tri tân N 50, tr. 2 (506)—3 (507).
93. Hồ Hữu Phước. Trong lịch sử Việt Nam, khi nào ruộng tư chiếm ưu thế.— NCLS, 1964, số 69.
94. Lê Đình Châu. Cuộc đời oanh liệt của Tả quân Lê Văn Duyệt. Sài-gòn, 1956.
95. Lê Kim Ngân. Một số vấn đề về chế độ sở hữu làng xã nửa đầu thế kỷ XIX.—Nông thôn Việt nam trong lịch sử. Tập I. Hà Nội. 1977, c. 78—96.
96. Lê Kim Ngân. Một số vấn đề tâm lý làng xã.—Nông thôn Việt nam trong lịch sử. Tập II. Hà Nội, 1978, c. 358—393.
97. Lê Trọng Khánh. Về những con đường hành quân của Nguyễn Huệ.—Tây sơn Nguyễn Huệ. Nghĩa Bình, 1978.
98. Lịch sử Việt Nam. Tập I. Hà Nội, 1971.
99. Lịch sử chế độ phong kiến Việt nam. Tập III. Từ đầu thế kỷ XVI đến giữa thế kỷ XIX. Hà Nội, 1965.
100. Lê Văn Lan. Ảnh hưởng của nông thôn đối với các thành thị phong kiến

- ở Việt Nam.—Nông thôn Việt nam trong lịch sử. Tập I. Hà Nội, 1977, c. 190—211.
101. Minh Tranh. Phong trào nông dân thế kỷ XVIII và khởi nghĩa Tây sơn. Hà Nội, 1968.
 102. Nguyễn Bách Khoa. Tâm lý và tư tưởng Nguyễn Công Trứ. Hà Nội. — Việt nam, 1951.
 103. Nguyễn Duy Hinh. Khởi nghĩa Tây sơn với tỉnh Nghĩa Bình. — Tây sơn Nguyễn Huệ. Nghĩa Bình, 1978.
 104. Nguyễn Đăng Chi. Quan hệ giữa nhà nước và làng xã ở Việt nam trước cách mạng.—Nông thôn Việt Nam trong lịch sử. Tập II. Hà Nội, 1978, c. 53—73.
 105. Nguyễn Đức Du. Gia đình và gia phả. Sử địa N 25, 1974, c. 126—156.
 106. Nguyễn Đức Nghinh. Mấy vấn đề về tình hình sở hữu ruộng đất của một số thôn xã thuộc huyện Từ Liêm (cuối thế kỷ XVIII đầu thế kỷ XIX)—Nông thôn Việt nam trong lịch sử. Tập I. Hà Nội, 1977, c. 96—135.
 - 106a. Về tái sản xuất của một số chức dịch trong làng xã thuộc huyện Từ Liêm vào cuối thế kỷ XVIII—đầu XIX.—NCLS, 1975, số. 165.
 - 106b. Nguyễn Đức Nghinh. Vấn đề ruộng đất trong phong trào nông dân Tây sơn — Nguyễn Huệ. Nghĩa Bình, 1978.
 107. Nguyễn Đức Nghinh. Lệ làng và nho sĩ.—Nông thôn Việt Nam trong lịch sử. Tập II, Hà Nội, 1978, c. 147—161.
 108. Nguyễn Lộc. Văn học Việt Nam nửa cuối thế kỷ XVIII nửa đầu thế kỷ XIX. Tập II, 1978.
 109. Nguyễn Phan Quang. Một số quan điểm xuyên tạc: Phong trào Tây sơn trên báo miền Nam thời Mỹ ngụy. — Tây sơn Nguyễn Huệ. Nghĩa Bình, 1978, c. 202—221.
 110. Nguyễn Phan Quang. Đặng Huy Vậu. Tình hình đấu tranh giai cấp ở thời Gia long. — NCLS, 1965, tháng 9.
 111. Nguyễn Phan Quang. Đặng Huy Vậu. Tìm hiểu chế độ lao dịch và binh dịch dưới triều Gia long. — NCLS, 1965, tháng 10.
 112. Nguyễn Phúc Ưng Trinh và Nguyễn Phúc Bửu. Duong Tùng Thiên vương. Huế—Sài-gòn, 1970.
 113. Nguyễn Phương. Ai đã thống nhất Việt Nam: Nguyễn Huệ hay Nguyễn Anh? — Đại học số 35—36, 1963, tháng 10—12.
 114. Nguyễn Thế Anh. Kinh tế và xã hội Việt Nam dưới các vua triều Nguyễn Sài-gon, 1968.
 115. Nguyễn Triều. Nguyễn Văn Nhân (1752—1822). Tri tân, N 52, 1942.
 116. Nguyễn Triều. Lê Văn Duyệt (1763—1832). Tri tân, N 101, 102, 103, 106, 107.
 117. Nguyễn Triều. Tiền quân Nguyễn Văn Thành (1757—1817). Tri Tân, N 28, 1941, tr. 19 (601)—20 (604).
 118. Nguyễn Triều. Hầu quân Lê Chất. Tri tân N 56, 57, 58.
 119. Nguyễn Văn Tố. Vua Gia-long đối với dân Bắc thành. Tri tân N 50.
 120. Phạm Văn Sơn. Văn học Nam hà. Sài-gòn, 1972.
 121. Phạm Văn Sơn. Việt sử tân biên, q. IV. Sài-gon, 1961.
 122. Phạm Văn Sơn. Những diềm đặc biệt về Nguyễn Huệ. Sử địa N 13, 1969, c. 101—113.
 123. Phạm Văn Kính. Thủ công nghiệp và làng xã Việt Nam.—Nông thôn Việt nam trong lịch sử. Tập I. Hà Nội, 1977, c. 212—213.
 124. Phạm Việt Tuyển. Một vài ý kiến về sự nghiệp Gia long. Đại học N 8, 1959, tháng 7, c. 58—78.
 125. Phan Huy Lê. Một số trận quyết chiến lược trong lịch sử dân tộc. Hà Nội, 1978.
 126. Phan Huy Lê. Di tích thành Hoàng đế.—Tây sơn Nguyễn Huệ. Nghĩa Bình, 1978.
 127. Phan Huy Lê. Phong trào nông dân Tây sơn và cuộc đấu tranh chống ngoại xâm bảo vệ độc lập dân tộc cuối thế kỷ XVIII.—NCLS, 1978, N 6 (XI—XII).
 128. Phan Huy Lê. Tình hình khai mở dưới triều Nguyễn.—NCLS, 1963, tháng 11.

129. Phan Huy Lê. Chế độ ruộng đất và kinh tế nông nghiệp thời Lê sơ. Hà Nội, 1959.
130. Phan Kế Bính. Việt Nam phong tục. Sài-gòn, 1970.
131. Phan Khoang. Xã hội Việt Nam trước đây có phải là phong kiến không? Sử địa N 6, 1967.
132. Phan Thị Tan, Hà Văn Tân: Vài nhân xét về ruộng đất tư hữu ở Việt nam thời Lý Trần. — NCLS, 1963.
133. Phạm Việt Tuyên Gia-long. Đại học, 1956, tháng 3.
134. Tạ Chí Đại Trường. Lịch sử nội chiến ở Việt Nam từ 1771—1802. Sài-gòn, 1973.
135. Tạ Chí Đại Trường. Dân Đại Việt ở cuối thế kỷ XVIII.—Sử địa N 9—10, 1968, c. 59—73.
136. Thanh Thế Vi. Ngoại thương Việt Nam hồi thế kỷ XVII, XVIII và XIX. Hà Nội, 1961.
137. Tô Nam, Nguyễn Đình Diệm. Nguyên nhân vụ án Tiền quân Thành. Sử địa N 22, 1971, c. 91—129.
138. Trần Kinh Hòa. Làng Minh hương và phố Thanh hà thuộc tỉnh Thừa-thiên. Đại học, N 3 (21), 1961, tháng 7, c. 96—121.
139. Trần Trọng Kim. Việt Nam sử lược, q. X, II. Sai-gon, 1971.
140. Trần Văn Giàu. Sự phát triển của tư tưởng ở Việt Nam từ thế kỷ XIX đến cách mạng tháng tam. Tập I. Hệ ý thức phong kiến và sự thất bại của nó trước các nhiệm vụ lịch sử. Hà Nội, 1973.
141. Trương Hữu Quỳnh. Một số nét lớn về tình hình ruộng đất và nông nghiệp Tây sơn.—NCLS, 1978, N 6 (tháng 11—12), c. 76—95.
142. Trương Hữu Quỳnh. Chế độ ruộng đất ở Việt Nam thế kỷ XI—XVIII. Tập I. Thế kỷ XI—XV. Hà Nội, 1982.
143. Văn Tân. Cách mạng Tây sơn. Hà Nội, 1958.
144. Văn Tân. Nguyễn Huệ, con người và sự nghiệp. Hà Nội, 1967.
145. Vũ Huy Phúc. Tổ chức quản lý xã thôn chức năng và tính chất. — Nông thôn Việt Nam trong lịch sử. Tập II, c. 17—52, Hà Nội, 1978.
146. Vũ Huy Phúc. Chế độ ruộng đất đầu nửa thế kỷ 19. Hà Nội, 1979.
147. Vũ Huy Phúc. Các loại đồn điền và sự hình thành xã thôn ở miền nam đầu thế kỷ XIX.—Nông thôn Việt nam trong lịch sử. Tập I. Hà Nội, 1977, c. 136—159.
148. Vũ Minh Giang. Tây sơn thượng đạo, căn cứ đầu tiên của cuộc khởi nghĩa. — Tây sơn Nguyễn Huệ. Nghĩa Bình, 1978.
149. Vũ Minh Giang. Nguyễn Việt. Nguyễn Mạnh Hùng. Quân thủy trong lịch sử chống ngoại xâm. Hà Nội, 1983.
150. Bissachère P. de la. Relation sur le Tonkin et la Cochinchine (1807). P., Champion 1920.
151. Boudet P. La conquête de la Cochinchine, par les Nguyễn et la rôle des émigrés chinois. BEFEO, Hanoi, 1943, t. 42, c. 116—132.
152. Boudet P. Les archives des empereurs d'Annam et l'histoire Annamite.—BAVH. Hanoi XXIX, 1942, № 3, Juillet—Septembre.
153. Boudillon A. Le régime de la propriété foncière en Indochine. P., 1985.
- 153a. Boudillon A. La réforme de la propriété en Indochine. Hanoi, 1927.
154. Le Bulletin des Amis du Vieux Hué 1914—1923 (далее — BAVH), Hanoi, 1925.
155. Cadière L. Les Français au service de Gia—long. BAVH. Hanoi, 1926, № 4, octobre — décembre.
156. Cadière L. Le tombeau de Gia long. Hanoi, 1923.
157. Cadière L. Document relatifs à l'époque de Gai-long. BEFEO, 1912, t. 12.
158. Cadière L. Le tombeau de De Forcant. Ha noi, BAVH, Hanoi, 1928, c. 59—77.
159. Cadière L. Les Grand figures de l'Empire d'Annam. Nguyễn Suyên. BAVH, Hanoi, 1926, t. 14, c. 255—280.
160. Cadière L. et Pelliot P. Première études sur les sources annamites de l'histoire de l'Annam BEFEO, Hanoi, 1904, t. 4.
161. Cadière R. P. Géographie historique de Quang bình. BEFEO, Hanoi, 1902, № 1.

162. *Cadière L.* et Orbach B. Le sacrifice du Nam Giao.— BAVH, Hanoi, 1915, avril — juin, c. 79—166.
163. *Cadière R. P.* Les lieux historiques du Quang Binh. BEFEO, Hanoi, 1903, t. III, № 2, avril — juin, c. 164—205.
164. *Chaigneau Jean-Baptiste.* La memoire sur la Cochinchine. BAVH. Hanoi, 1923. avril — juin, c. 253—283; 1926, t. 14, c. 1—50.
165. *Cordier H.* La correspondance générale de la Cochinchine (1785—1791). Leide 1906—1907.
166. *Cosserat H.* Un descendant du colonel Olivier. Ha noi. BAVH, 1923, avril — juin.
167. *Cosserat H.* Notes bibliographique sur les Francais du service de Gia long. BAVH, Hanoi, 1917, juillet — septembre, c. 165—206.
168. *Deloustal R.* La justice dans l'ancien Annam. BEFEO, Hanoi, 1923, t. 22.
169. *Gautier M.* Les Francais au Tonkin 1787—1883. P., 1884.
170. *Gautier M.* Gia-long. P., 1932.
171. *Gautier M.* Minh-mang. P., 1935.
172. *Gouron P.* L'utilisation du sol en Indochine francaise. P., 1940.
173. *Guerif R.* Essai sur le régimes de la terre en Indochine. Lyon, 1928.
174. *Huard P.* et Durand M. Connaissance du Vietnam.— BEFEO, Hanoi, 1954.
175. *Le Thanh Khoi.* Le Viet nam. Histoire et civilisation. P., 1955.
176. *Maybon Ch. B.* Lectures sur l'histoire moderne et contemporaine du pays d'Annam de 1428 à 1926. Extreme — Orient, 1930.
177. *Maybon Ch. B.* Histoire moderne du pays d'Annam (1592—1820). Etude sur les premier rapports des europeens et des annamites et sur l'établissement de la dinastie annamite des Nguyen. P., 1920.
178. *Maybon Ch. B.* Les relations sur le Tonkin et la Cochinchine de M. de le Bis-sachère. P., 1920.
179. *Philastre P. F. L.* La code annamite. Tome 1. P., 1909.
180. *Robequain Ch.* L'Indochine francaise. P., 1925.
181. *Schreiner A.* Les institutions annamites en Basse — Cochinchine, avant le conquête française. T. I—III. Saigon, 1900—1902.
182. *Schreiner A.* Annam Etudes numismatique. P., 1905.
183. *Silvestre P.-J.* Considerations sur l'étude du droit annamite. Saigon, 1922.
184. *Sogny L.* Les associés de gauche et de droite au culte de The Mieu.— BAVH, Hanoi, 1914, c. 121—144.
185. *Taboulet G.* La geste Francaise en Indochine. P., 1955.
186. *Woodside A. B.* A Comparative Study of Nguyen and Ch'ing Civil Gouvernment in the First Half of the Nineteenth Century. Cambridge, Massachu-
setts, 1971.

Список сокращений

BAVH — Bulletin des Amis du Vieux Hue.
 BEFEO — Bulletin d'Ecole Francaise d'Extrême Oriente.
 NCLS — *Nghiên cứu lịch sử.*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАЗВАНИЙ И ПОНЯТИЙ

- Азия 8, 402
- Анкхе**, плоскогорье в Кюньоне (см. Бинькхе) 94
- Аннинь**, поле для торжественных церемоний в Фусуане 107
- Антхонг**, канал в Фиенане 398
- Ароматная река** 13, 24, 39, 62—64
- Африка** 8
- Бадой**, крепость в Тханьхоа (см. Тамдиеп) 116
- Бадон**, местность в Куангбине 82, 83
- Бак 60**, залив (Тонкинский залив) 259, 290
- Баккан**, крепость в Тхайнгуиене 166
- Бакнинь** (см. Киньбак) 118, 139
- Бактхань** (см. Крайний Север) 6, 12, 33, 123, 128, 129, 135, 138—149, 151—154, 156, 157, 159, 160, 162—165, 168—173, 177—179, 183, 185, 186, 198, 212, 214, 215, 234—236, 241, 243, 246—249, 251, 253—259, 262—265, 268—270, 273—275, 277, 279—295, 297—300, 302—305, 308, 309, 311, 316, 318, 320, 321, 323—326, 328, 330, 331, 333, 337—339, 341—346, 349, 350—359, 361, 363, 368, 372, 373, 376, 385—389, 393, 400, 403, 404, 407, 417, 421, 422, 424, 425, 428—430
- Бакха** (см. Север) 26, 37, 38, 67, 82, 84, 86, 87, 93, 96, 102—110, 112—115, 119, 120, 122, 124, 125, 127—131, 133—135, 137—139, 152, 158, 160, 169, 243, 249, 250
- Бангкок** 180, 378, 379, 400, 428
- Баодинь**, канал в Диньтхонге 398
- Баолок**, уезд в Киньбаке 565
- Басак**, кхмерская область на Крайнем Юге 175
- Батьданг**, река в Бактхани 165
- Биенхоа** (см. Чанбиен) 305, 308, 396, 398, 407
- Биеншон**, порт на острове в Тханьхоа 75, 82, 168
- Биньдье** провинция (см. Кюньон²) 20—22, 25—28, 40, 54, 55, 66, 87, 101, 104, 109, 139, 183—185, 197, 228, 232, 310—312, 314, 316, 363, 364, 373, 404, 405, 407
- Бинькханг¹**, округ в провинции Бинькханг 10, 12, 13, 69, 232
- Бинькханг²**, провинция (см. Биньхоа) 12, 14, 17, 22, 56, 98, 178
- Бинькхе**, плоскогорье в Кюньоне (см. Анкхе) 94
- Биньго**, деревня в Киньбаке 168
- Биньтхань**, равнина в Кюньоне 31
- Биньтхуан¹**, округ в начале XVIII в. 232
- Биньтхуан²**, провинция 9, 10, 12, 17, 22, 27, 28, 56, 98, 174, 175, 178, 185, 186, 211, 227, 310, 311, 363, 364, 405
- Биньхоа** (см. Бинькханг²) 175, 185, 311, 312, 314, 324, 363, 364, 370, 405
- Биньшон**, уезд в Кюньоне 94
- Битке**, гора в Кюньоне 90
- Бове**, деревня в Тханьхоа 125, 171
- Ботинь** 98
- Бутшон**, крепость в уезде Кимбанг в Верхнем Шоннаме 343
- Вандон¹**, уезд в Иенкуанге 123, 166, 386
- Вандон²**, таможня в Кюньоне 239
- Ванкуан**, местность в Куангнаме 60
- Ваннинь**, уезд в Иенкуанге 123, 132, 165, 386
- Вансуан**, столичная община в Фусуане 183
- Ваншон**, местность в Кюньоне 32, 42, 51, 52, 59, 62
- Ваунгньи**, комплекс торгово-ремесленных поселений в Дангчаунге в начале XVIII в. 232
- Верхний Тайшон**, местность в Кюньоне 20
- Верхний Шоннам** 118, 139, 141, 211, 251, 252, 256, 257, 265—267, 270, 272, 286, 289, 290, 291, 293, 299, 304, 339, 341—343, 346, 372, 386, 387, 407
- Виньлок**, уезд в Тханьхоа 353
- Виньте**, канал соединяющий р. Тяудок (Хаузянг) с Хатиеном 399
- Виньтхань** (см. Виньчан) 308, 394, 396, 397, 403
- Виньчан** (см. Виньтхань) 101, 308

Вихоанг, провинциальный центр Нижнего Шоннама 293
Внешнее Тханьхоа (см. Тханьбинь) 116, 146—149
Внешний Ботинь 159
Внутреннее Тханьхоа (см. Тханьхоа) 146, 147, 149
Воняй, уезд в Тхайнгуиене 166, 167
Восточная Азия 5
Вунку, река в Диньтыонге 398
Вунгтау, порт Фиенане (Фиенчане) 29
Вьентьян, княжество 74, 76, 354
Вьетнам 3—6, 8, 9, 37, 68, 99, 102, 104, 106, 108, 118, 123, 131, 132, 136, 157, 171, 176, 185, 202, 215, 226, 235, 252, 253, 304, 305, 309, 313, 321, 323, 337, 354, 373, 378, 382, 383, 385, 399, 402, 407, 410, 411—413, 421, 424—427

Гуандун 106, 109, 132, 290, 315, 351, 369
Гуанси 106, 109, 132, 290

Дайвьет (см. Вьетнам) 65, 118
Дайколюй (см. Колюй), порт в Куангнаме 12, 57
Дайман, горный уезд в Туиенкуанге 295
Дайнай, форт в Ботине 115
Дай Нам (см. Вьетнам) 6, 7, 157, 159, 203, 281, 282, 299, 341
Дайтьиен, порт в Куангнаме 14, 57, 72
Дальний Восток 378, 416
Дамтхюи, местность в Кюиньбоне 51, 58, 72, 89, 90
Дананг, порт в Куангнаме 14, 366, 401, 407
Дангнгоай, княжество в XVII—XVIII вв. в северной половине современной территории Вьетнама 65, 77, 113, 119, 120, 129, 131, 137, 138, 192, 240, 249, 250, 251, 259, 261, 264, 344, 352, 349, 371, 418
Дангчаунг, княжество в XVII—XVIII вв. в южной половине современной территории Вьетнама 6, 29, 39, 60, 61, 77, 93, 95, 99, 101, 106, 108, 109, 113, 115, 120, 122, 126, 128, 131, 137, 146, 189, 191, 192, 226, 240, 249, 251, 297, 304, 311, 312, 314, 318, 319, 337, 354, 363—365, 372, 373, 404—406, 418, 421—423, 427—430

Дат, остров в Кюиньбоне 50
Даумау, гора в Куангбине 85
Деованг, крепость в Тхайнгуиене 166
Диенбан, округ в Куангнаме в XVIII в. 66, 232

Диньбанг, деревня в округе Тхуанан в Киньбаке 118, 267, 344
Диньтыонг (см. Чандинь) 308, 396—398
Доанхунг, округ в Шонтае 268
Док, гора в Кюиньбоне 62
Донган, торговый центр в Нгеане 14
Донгнай (см. Зядинь) 20
Донгсуан, рынок в Тханглаунге 163
Донгтхань, уезд в Нгеане 301, 354, 390
Донгхай, стена на границе Дангнгоая и Дангчаунга (см. Донгхой) 75, 99
Донгхой, стена на границе Дангнгоая и Дангчаунга (см. Донгхой) 75, 83, 85
Донгчиеу, уезд в Хайзыонге 267, 271
Донгша, крепость в Кюиньбоне (см. Шаза) 88
Дыккуанг, округ в Нгеане 354
Дыонган, уезд в Хайзыонге 345
Дыонгкай, местность в Киньбаке 344
Дыонгхао, уезд в Хайзыонге 266

Жон, порт, крепость в Куангбине (см. Тьожон) 115

Заао, бухта в Кюиньбоне 47
Зиенкхань¹, округ в провинции Бинькханг (Биньхоа) 10, 12, 13, 25, 27—29, 37, 69, 176, 185, 188, 232
Зиенкхань², город-крепость, административный центр в Бинькханге 12, 25, 96
Зиянтяу, округ в Нгеане 116, 301
Зиенфук, уезд в Куангнаме 313
Зиньчам, местность в Куангбине 83
Зуеннинь, округ в начале XVIII в. (см. Зиенкхань¹) 232
Зынгун, местность в Кюиньбоне 32, 35
Зыонгсуан, община около Фусуана² 186
Зябинь, уезд в округе Тхуанан в Киньбаке 168, 268
Зядинь, край (см. Крайний Юг) 6, 9, 12, 15, 17—19, 21, 22, 25—28, 30, 34, 38—40, 42, 47, 50, 52—55, 60—62, 67, 68, 80, 87, 90, 98, 99, 101, 103, 108, 112, 122, 152, 164, 173—186, 189, 192, 193, 195, 214, 215, 220, 234, 246, 249, 251, 254, 256, 263, 273, 294, 302, 304—309, 311, 314, 317, 321—323, 324, 328, 331—334, 341, 342, 352, 355, 357—364, 370, 376, 377, 395—404, 413, 418—420, 425, 426, 428—430
Зялам, уезд в округе Тхуанан в Киньбаке 344
Зянкхау, местность в Тханьбине 352

- Зянь, река на границе Дангнгоая и Дангчаунга (см. Линьзянг) 65, 74—76, 82, 84—86, 99, 115
- Зяотхюи, уезд в округе Тхиенчыонг в Нижнем Шоннаме 260
- Иендинь, уезд в Тханьхоа 353
- Иенкуанг (см. Куангиен) 139, 146, 165, 166, 280, 281, 285, 313, 341, 372, 386, 407
- Иентхе, уезд в Киньбаке 290
- Кадао, местность в Кюиньоне 20
- Кайкай, долина в Кюиньоне (см. Тхиза) 19
- Камзянг, уезд в Хайзыонге 267, 268
- Камло, местность в горах Чыонгшон 83
- Кампучия 50, 306, 308, 309, 330, 354, 357—360, 362, 394, 397—399, 403, 420, 428
- Канзо, порт в Фиенане (Фиенчане) 9, 27, 175
- Канзыонг, местность в Кюиньоне 51, 52
- Каобанг 139, 146, 288, 298, 345, 350, 372, 386
- Каобо, крепость в уезде Милыонг в Шонтае 268
- Каодой, горный район 67
- Киенданг, река в Диньтыонге 397
- Киензянг, специальный округ в Зядини 308, 361, 362, 396, 400
- Киенсыонг, округ в Нижнем Шоннаме 259, 264, 265
- Кило, река в Кюиньоне 31
- Кимбанг, уезд в Верхнем Шоннаме 266, 343
- Киньбак (см. Бакнинь) 118, 142, 166—168, 251, 252, 256, 257, 267, 268, 270, 272, 280, 285, 286, 288—290, 299, 341—344, 346, 372, 386—388
- Китай 65, 104, 106, 108, 109, 118, 132, 168, 170, 250, 289, 313, 314, 331, 345, 369, 394
- Кишон, гора в Кюиньоне 87—89
- Колюй, порт в Куангнаме (см. Дай-колюй) 21, 57, 72
- Конлон, остров у берегов Зядини (см. Пуло-Кондор) 181
- Крайний Север (см. Бактхань) 138—142, 144, 146, 160, 303, 304, 342, 352, 386—389, 425, 427—430
- Крайний Юг, край (см. Зядинь) 6, 9, 10, 13, 15, 21, 22, 26, 27, 30, 33, 34, 37, 44, 53, 64, 68, 92, 93, 95, 98, 101—103, 152, 173—179, 181, 182, 190, 194, 238, 303, 305, 306, 308, 309, 357—363, 371, 397, 401—403, 418, 420, 425—430
- Красная река 138, 146, 147, 293
- Куангбинь, провинция 65, 82—84, 87, 88, 101, 137, 184—186, 256, 299, 310, 311, 314, 317, 319, 333, 363, 364, 388, 404, 405
- Куангиен, провинция (см. Иенкуанг) 261, 342
- Куангнам, провинция 10, 14, 19, 21, 26, 38, 53, 54, 57, 58, 60—62, 66, 67, 70, 73, 90, 93, 96, 99, 100, 101, 113, 147, 184, 185, 200, 226—228, 232, 304, 310—313, 315, 317, 321, 355, 363, 364, 401, 404—407, 418
- Куангнгай¹, округ до середины 1801 г. 10, 14, 15, 19—21, 26, 53, 54, 57, 66, 70—72
- Куангнгай², провинция с середины 1801 г. 76—78, 81, 83, 84, 90, 92—94, 99—101, 184, 185, 197, 200, 269, 310—312, 315, 323, 341, 355, 363, 364, 369, 404—407
- Куангдык 83, 101, 109, 184—186, 295, 310, 315, 317, 319, 362—364, 369, 373
- Куангзянг, перевал на границе Кюиньона и Куангнгай 71
- Куангчи, провинция 101, 115, 184—186, 195, 310—312, 317, 319, 363, 364, 404
- Куде, местность в Куангнаме 14, 62
- Кумонг¹, гора, перевал в Кюиньоне 31, 32, 34, 35, 41, 44, 96
- Кумонг², порт в Кюиньоне 35—37, 41, 44, 47
- Кухуан, порт в Бинькханге (Биньхоа) 18, 25, 27, 29, 36
- Кхоайтяу, округ в Верхнем Шоннаме 265, 266, 343
- Кхотхыонг, холм около столицы Фусуан² (см. Лаунгтхо) 315
- Кюинькой, уезд в Нижнем Шоннаме 292
- Кюиньлыу, уезд в Нгеане 354, 390
- Кюиньон¹, округ до 1799 г. 10, 12, 13—20, 228, 232
- Кюиньон², провинция с 1799 г. (см. Биньдинь) 20—22, 24, 25, 28, 29, 31, 38, 41, 43, 44, 52, 53, 55, 57, 59, 66—74, 76—80, 81, 84, 86—88, 92, 94, 95, 98, 100—104, 116, 119, 197, 426
- Кюиньон³, крепость (см. Тябан) 10, 13, 15, 39, 40, 45, 46, 47, 61
- Кюиньон⁴, усиленное губернаторство с 1802 г. 197, 200, 228
- Кюиңон⁵, округ с 1802 г. 197
- Кюихоп, горный уезд в Нгеане 116
- Кюишон, гора у порта Тызунг в Куангдыке 62, 63
- Лак¹, порт в Нижнем Шоннаме 168

- Лак², река в Нижнем Шоннаме 260
Лакто, горный уезд в Тханьбинь 267, 302
Лакуа, перевал в Куангнаме 58, 60
Ламтао, округ в Шонтае 268
Лангвиен, местность в Кюиньоне 89
Лангзянг, округ в Киньбаке 167
Лангтянь, горный уезд в Тханьхоа 284
Лангшон, провинция 118, 137, 139, 142, 146, 259, 268, 285, 293, 351, 356, 372, 386, 387
Лаохыонг, гора в Кюиньоне 42
Лапкуан, местность в Кюиньоне 42
Латхай¹, крепость в Фуиене 29, 30, 36, 69
Латхай², река в Кюиньоне 31
Латшон, община в уезде Кимбанг в Верхнем Шоннаме 343
Лаунгто, холм около столицы Фусуан² (см. Кхотхыонг) 315
Лашон, уезд в Нгеане 76, 354
Лиамха, комплекс торгово-ремесленных поселений в Дангчаунге в начале XVIII в. 232
Лиесу, порт в Нижнем Шоннаме 168
Линьван, крепость в Кюиньоне 79
Линьзянг, река на границе Дангнга-ая и Дангчаунга (см. река Зянь) 65
Лонгсуиен, специальный округ в Зядини 308, 361, 362, 396
Лыкуан, местность в Кюиньоне 35, 36
Лыонгтай, уезд в Киньбаке 344
Люкган, уезд в Киньбаке 167, 344
Люкниен, крепость в Нгеане 76
Макао 401, 407
Манкхе, крепость в Куангнгае 20
Меконг, река в Зядини 362
Мин, порт, крепость в Куангнгае 71, 79
Милыонг, уезд в Шонтае 267, 268, 272, 291, 302, 344, 353
Митхо¹, город в Диньтыонге 27
Митхо², река в Диньтыонге 398
Мишон, гора на границе Куангнга-ая и Кюиньона 71
Намвьет (см. Вьетнам) 109
Намдинь, провинция (см. Нижний Шоннам) 160
Намдзыонг, уезд в Нгеане 301, 354
Намкуан, застава на границе с Китаем 118, 132, 346
Намшатъ, округ в Хайзыонге, 167, 345
Нгамдиен, местность в Киньбаке 168
Нге (см. Нгеан) 84, 129, 146, 152, 169, 177, 179, 421
Нгеан 6, 7, 28, 37, 74—76, 82, 90, 115, 116, 123, 127, 128, 138, 145—147, 149, 168, 169, 184—189, 192, 211, 224, 226, 236, 247, 251, 252, 254, 261, 270, 275, 285, 291, 300—304, 311—313, 316—318, 321, 326, 342, 345, 349, 352—358, 368, 370, 372, 389, 390—396, 402, 406, 407, 417, 421, 427—429
Нгиахынг, округ в Нижнем Шоннаме 259, 260
Нижний Шоннам, провинция 116, 118, 139, 141, 255—260, 264—267, 269, 271, 272, 280, 281, 285, 286, 290, 291, 293, 302, 341, 342, 372, 386, 387, 394, 417
Ниньхай 165
Нонгзянг, форт в Хайзыонге 286, 290
Ньи ха, река в Бактхани 293
Нятле, порт в Куангбине 85, 86
Пандуранга, чамское княжество до XVIII в. 227
Пекин 64, 109
Пномпень 306, 400, 401
Поднебесная (Вьетнам) 9, 106, 254
Пуло-Кондор, остров у берегов Зядини (см. Конлон) 181
Пять Куангов (Куангдык, Куангчи, Куангбинь, Куангнам, Куангнгай) 101, 185
Сайгон 103, 398, 402
Север (Бактхань и Нгеан-Тханьхоа) 6, 12, 37, 52, 63—65, 74, 76, 82, 83, 87, 90, 96, 100, 102—116, 119, 120, 122—138, 143—146, 148, 149, 152, 153, 155, 158—160, 165, 169—172, 176, 178, 181, 182, 187, 189, 198, 226, 241—243, 251—260, 262, 265, 269—271, 273, 275, 278, 283—285, 289—291, 295, 299, 304, 305, 339, 340, 343, 371, 372, 376, 380, 387, 388, 397, 407, 417, 418, 420, 422, 424, 426, 429, 430
Северный Вьетнам (см. Север: Бактхань и Нгеан-Тханьхоа) 118, 129, 130, 134, 137, 230, 257, 258, 261, 264
Сиам 50, 90, 176, 180, 322, 400
Сингапур 17, 322, 402, 406
CPB 8
СССР 8
Суандай, порт в Фуиене 30, 36, 57
Суанлунг, деревня в Киньбаке 118
Тайшон, местность в Кюиньоне 26
Тамай, перевал в Тхуангхоа 65
Тамдиен, крепость в Тханьхоа (см. Бадой) 116
Тамзыонг, уезд в округе Доанхунг в Шонтае 268

- Тамтхап, гора в Кюиньоне 31
Тамтхоа, местность в Нгеане 76
Тамтяу, местность в Киньбаке 344
Танан, река в Кюиньоне 79, 80
Танзай, уезд в Шонтае 289
Танкиеу, местность в Киньбаке 344
Танкуан, местность на севере Кюиньона 51, 71, 72, 89
Танкхе, река в Виньтхани (см. Тхюи-ха) 398
Тантяу, крепость в Виньтхани 398
Тапчан, поле для маневров в Зядине 28, 29
Тачатынгуен, перевал в Тхуанхоа 65
Тиёмзинь, порт в Куангнаме 14
Тиеннен, уезд в Иенкуанге 386
Тиенли, форт в Нгеане 116, 390
Тиенлы, уезд в Верхнем Шоннаме 292
Тиенминь, уезд в Хайзыонге 267
Тиенфаунг, уезд в Шонтае 168
Тиньзя, округ в Тханьхоа 391
Тонгшон, уезд в Тханьхоа 160, 352
Три перевала, местность на южной границе Фуиена 59
Туивисен, уезд в Биньдине (Кюиньоне) 299
Туиенкуанг, провинция 129, 136, 139, 146, 153, 154, 167, 231, 272, 287, 293, 295, 326, 345, 346, 347, 372, 386
Туиенуи, специальный округ в Зядине 399
Тулонг¹, шахты в Туиенкуанге 287, 293, 294, 347
Тулонг², крепость в Туиенкуанге 345
Тулонг³, община в Туиенкуанге 346, 347
Тунглоат, порт в Куангбине 83
Тунгтяу, местность на севере Кюиньона 89
Тхайбинь, округ в Нижнем Шоннаме 267
Тхайнгуен, провинция (см. Тхайнгуен) 129, 133, 136, 139, 146, 256, 268, 295, 372
Тхайнгуен, провинция (см. Тхайнгуен) 166, 167, 272, 289, 290, 295, 298, 341, 345, 348, 386
Тханглаунг, столица Севера и Бактхани 5, 65, 84, 87, 105, 114, 118, 122, 126—130, 132—134, 136—141, 143, 144, 147, 154, 157, 158, 163—167, 171, 172, 187, 261, 265—267, 269, 285—287, 290, 291, 293, 295, 324, 344, 346, 351, 372, 387, 417
Тхангхоа, округ в Куангнаме в XVIII в. 232
Тхань (см. Тханьхоа) 84, 129, 146, 151, 169, 177, 179, 421
Тханьбинь, провинция, специальный округ (см. Внешнее Тханьхоа) 169, 267, 270, 283, 284, 295, 300—303, 341, 344, 345, 352—356, 389, 391, 393, 396, 421
Тханьлам, уезд в Хайзыонге 167, 266, 267
Тханьмиен, уезд в Хайзыонге 388
Тханьтьем, община в уезде Зиенфук в Куангнаме 313
Тханьтьонг, уезд в Нгеане 76, 97, 354, 391
Тханьха¹, крепость, порт и торговый центр в Куангдыке 75, 84—86, 223, 313
Тханьха², уезд в Хайзыонге 168, 267
Тханьхоа, местность на юге Куангнгай 20, 69, 71, 73, 77, 79, 99
Тханьхоа, провинция (см. Внутреннее Тханьхоа) 6, 37, 75, 102, 105, 115, 116, 119, 123, 125, 126, 128, 134, 136, 146, 147, 149, 160, 168, 169, 171, 185, 186, 224, 251, 252, 265, 271, 272, 275, 283—285, 291, 293, 300—304, 311, 318, 321, 326, 339, 341, 342, 345, 349, 352—358, 372, 389, 391, 393—396, 417, 421, 427—429
Тханьчи, уезд в Верхнем Шоннаме 343, 344
Тхатътан, местность в Кюиньоне 25, 89, 99
Тхиендык, река в Киньбаке 285
Тхиенкуан, округ в Тханьбине 302, 352
Тхиентхи¹, уезд в Верхнем Шоннаме 168, 343
Тхиентхи², крепость, административный центр уезда Тхиентхи в округе Кхоайтяу в Верхнем Шоннаме 343
Тхиенчюнг, округ в Нижнем Шоннаме 259, 260
Тхиза, долина в Кюиньоне (см. Кайкай) 19, 31, 32, 35, 41, 44
Тхинай, порт 10, 17—18, 21, 22, 25, 31, 38, 39, 44—48, 50—53, 56, 58, 60—62, 69, 78, 99, 311
Тхосыонг, лагода в Бакнине (Киньбаке) 118
Тхошон, крепость в Нгеане 301
Тхуанан¹, округ в Киньбаке 168, 267, 268, 344
Тхуанан², порт в Куангдыке (см. Эо) 65, 366, 401, 407
Тхуантхань, провинция, образованная из чамской Пандуранги 28, 227, 363
Тхуанхоа, край, провинция 14, 15, 21, 26, 28, 38, 62, 64—67, 69, 87, 90, 93, 96, 99, 102, 113, 149, 164, 227, 304, 401

- Тхыонглай, местность в Куангбине 83
- Тхыонгфук, уезд в Верхнем Шоннаме 266
- Тхюиви, горный уезд в Хынгхоа 347
- Тхюиха, река в Виньтхани (см. Танкхе) 398
- Тьеншай, крепость в Виньтхани 398
- Тылинь, уезд в Хайзыонге 266
- Тыло, крепость в Кюиньоне 79, 80
- Тыне, крепость в Тханьбине 353
- Тьожон, крепость, порт в Хачунге (см. Жон) 74—76
- Тьюонгдык, уезд в Верхнем Шоннаме 267, 391, 392
- Тызунг, порт в Куангдыке 62—64
- Тылием, уезд в Шонтае 110—112, 272
- Тю, гора (см. Тюшон¹) в Кюиньоне 31
- Тюмай, бухта в Тхуанхоа у побережья Фусуана 63
- Тюшон¹, гора в Кюиньоне (см. Тю) 31, 53
- Тюшон², крепость в Кюиньоне 32, 35—38, 41—44, 53
- Тябан, город-крепость, административный центр Кюиньона^{1,2} (см. Кюиньон³) 10, 19, 21, 25, 31, 42, 47, 51, 68, 69, 80
- Тяндинь, уезд в Нижнем Шоннаме 259
- Тяудок¹, административный центр, местность в Зядини 360, 361, 398
- Тяудок² (Хаузянг), река в Зядини 398, 400
- Тяузянг, форт в Тяудоке 398
- Фанри, порт в Биньтхуане 29
- Фаошон, горы в Киньбаке и Хайзыонге 167
- Фаунггюе, гора в Куангнгае 79
- Фиенан (см. Фиенчан) 308, 396, 398
- Фиенчан (см. Фиенчан) 101, 308
- Фокат, местность в Тханьхоа 356
- Франция 6
- Фузунг, уезд в Верхнем Шоннаме 266, 292
- Фуиен¹, округ в начале XVIII в. 232
- Фуиен², провинция во второй половине XVIII—XIX в. 10, 12—15, 19, 22, 25, 27, 29—32, 36, 39, 56—60, 69, 70, 73, 88, 92, 93, 96, 184, 185, 187, 197, 200, 310, 311, 312, 363, 364, 405, 407, 418, 425
- Фукуок, остров в Сиамском заливе 401
- Фули, уезд в Кюиньоне 10, 19
- Фунгги, крепость в Туиенкуанге 345
- Фунгтхиен, центральный округ Бактхани (см. Хоайдык) 143, 171
- Фунгхоа, уезд в Тханьбине 352
- Фунинь, уезд в Шонтае 272
- Фусуан¹, столица государства Дангчаунг, династии Тайшонов и империи Нгуенов до 1804 г. 5, 10, 12—15, 21, 24, 25, 28, 33, 39, 40, 50, 52—57, 59—64, 67—69, 75, 77, 78, 83—88, 90, 93—95, 97—99, 102—107, 109, 113—116, 126, 128, 132, 133, 138, 139, 148, 169, 170, 172, 174, 179, 183, 337
- Фусуан², столица империи Нгуенов с 1804 г. (см. Хюэ) 163, 164, 181, 182, 186, 187, 196, 212, 227, 262, 269, 274, 277, 279, 281, 289, 291, 294, 298—301, 303, 311, 312, 314, 316, 322—325, 328, 335, 339, 351—353, 357, 358, 362, 363, 365, 376, 387, 389, 390, 392, 394, 396, 399, 407, 430
- Фусуан³, столичная община 183
- Футая, комплекс торгово-ремесленных поселений в Дангчаунге в начале XVIII в. 232
- Фухюэ, река в Кюиньоне 31
- Фучием, местность в Куангнаме 14, 57
- Фучунг, местность в Кюиньоне 32, 51
- Фушон, крепость в Кюиньоне 80
- Фыонгххай, форт в округе Тхуанан в Киньбаке 267
- Фыонггхан, уезд в Киньбаке 167, 344
- Фыонгхоанг, крепость в Иенкуанге 165
- Хабак, комплекс торгово-ремесленных поселений в Дангчаунге в начале XVIII в. 232
- Хайван, перевал на границе Тхуанхоа и Куангнама 14, 62
- Хайзыонг, провинция 139, 165, 167, 251, 252, 256—260, 262, 265—267, 271, 280, 281, 285—287, 290, 341, 342, 345, 348, 372, 386
- Халиеу, горы в Хайзыонге и Киньбаке 262
- Хангюе, местность в Кюиньоне 32
- Ханя, местность в Кюиньоне 32
- Хао, порт в Тханьхоа 116
- Хатнен, государство-город, затем — провинция Вьетнама (см. Хэцзянь) 308, 321—323, 360—362, 376, 396, 399, 400—402, 407
- Хатхань, река в Кюиньоне 31
- Хачунг¹, пограничная с Дангчаунгом провинция 74, 75, 84, 115
- Хачунг², лагуна в устье Ароматной реки 63, 301
- Хоан, местность в Кюиньоне 35—38, 42

Хоайан, уезд в Верхнем Шоннаме 291, 292

Хоайдык, центральный округ в Бактхани (см. Фунгтхиен) 143, 247, 256, 266, 372

Хоайнян (см. Кюиньон, Биньдинь) 226

Хоалок, местность в Кюиньоне 35, 36, 42

Хоаньлам, горы в Северном Вьетнаме 265, 267, 343

Хоаньшон, горы в Северном Вьетнаме 74, 82, 84, 115, 265—268, 291—293, 302

Хоатяу, комплекс торгово-ремесленных поселений в Дангчаунге в начале XVIII в. 232

Хоафаунг, уезд в Иенкуанге 165

Хойан¹, торговый центр в Куангнаме 14, 15, 57, 196, 311, 313, 340

Хойан², административный центр в Фуиене 15, 29, 30, 36, 57, 58, 59

Хойтхонг, порт в Нгеане 115, 116

Хынгхоа, провинция 37, 129, 136, 146, 153, 256, 268, 293, 295, 342, 345, 347, 372, 386

Хьонгшон, уезд в Нгеане 76, 354, 391

Хэцзянь, город-государство, затем — провинция Вьетнами (см. Хатиен) 400

Хюэ (см. Фусуан²) 186, 378, 430

Центр, территория от Чангбиена до Бактхани (см. Центральный Вьетнам) 25, 27, 36, 38, 56, 83—85, 98—100, 103, 175, 176, 180, 181, 183—190, 192—198, 200, 232, 234, 256, 294, 304, 305, 311, 317, 356, 363, 365, 371—373, 377, 388, 393, 400, 401, 418, 420, 424, 426

Центральный Вьетнам (см. Центр) 9, 116

Чавинь, специальный округ в Зядини с преобладанием кхмерского населения 175, 361

Чакхук¹, река в Куангнгае 10, 14, 15, 20, 21, 96

Чакхук², крепость в Куангнгае 70

Чамло, пруд в Киньбаке 118

Чанбиен (см. Биенхоа) 25, 27, 28, 101, 308

Чанглиет, местность в Хайзыонге 266

Чандинь, провинция (см. Диньтыонг) 101, 308

Чанзянг, специальный округ в Зядини с преобладанием кхмерского населения 175

Чаннинь, крепость в Куангбине 75, 82, 85

Чашон, порт в Куангнаме 314

Чиньлан, местность в горном уезде Тхюиви в Хынгхоа 347

Чынгха, пристань у устья Ароматной реки 63

Чьонгзянг, река в Куангнаме 58, 60

Чьонгшон, горный хребет в Центральном Вьетнаме 67, 90

Шаз, крепость в Кюиньоне (см. Донгша) 88

Шамкуан, местность в Киньбаке 344

Шанам, местность в Нгеане 90

Шахюинь, порт на юге Куангнгай 20, 71, 72

Шиеулоай, уезд в Киньбаке 272, 344

Шонам, местность в Тханьбине 284, 343, 352

Шоннам¹, провинция в первой половине XVIII в. 261

Шоннам², Верхний Шоннам и Нижний Шоннам в начале XIX в. 293, 343

Шонтай, провинция 139, 168, 251, 252, 256, 257, 267, 268, 271, 272, 288, 289, 293, 295, 299, 304, 341—343, 372, 386

Ынгтхиен, округ в Верхнем Шоннаме 266, 291, 292

Эо, порт в Тхуанхоа (Куангдыке) 14, 62, 63, 65

Юг (от южных границ с Кампучией до Нгеана) 52, 84, 87, 102, 108, 112, 119, 120, 122—124, 126—128, 131, 141, 152, 159, 170, 176, 212, 221, 241, 247, 251, 264, 275, 369, 376, 407, 416, 420

Юго-Восточная Азия 5, 6, 416

Южно-Китайское море 290

Южный Китай 346

Япония 378

- Ан (см. Чан Ван Ан) 171
 Анг Тянь 399, 401—403
 Ань (см. Нгуен Фук Ань, Нгуен Ань, Нгуен Тхе то, Тхе то) 13
- Бао¹ (см. Нгуен Ван Бао) 15, 16
 Бао² (см. Во Виет Бао) 336
 Баризи Л. 29, 42, 47, 50, 64
 Белозубый святой 258
 Безн П. де, епископ Адранский 21, 53, 383
 Би 168
 Бинь (см. Тон Тхат Бинь) 389, 390
 Биссашер П. де ля 52, 85
 Бодолая 15
 Буй Дак Туиен 12, 24
 Буй Дак Чу 12
 Буй Дык Ман 336
 Буй Тхи Суан 12, 84—86, 94
 Буй Хюи Бить 135
- Ван (см. Чинь Ван) 344
 Ван Тиен Тхе 96, 97
 Ван Тхань (см. Нгуен Ван Тхань) 329, 335, 336
 Ван Тхюен (см. Нгуен Ван Тхюен) 335, 336
 Ванье Ф. 22, 29, 50, 53, 58, 62, 383
 Виет Фыок (см. Тонг Виет Фыок) 413
 Во Ван Зунг 12, 13, 16, 19, 21, 24, 25, 29, 37, 47, 48, 50, 51, 59, 61, 65, 68, 70, 72, 79, 80, 89, 90—93, 96, 116, 123, 200
 Во Виет Бао 336
 Во-Вьонг 228, 297
 Во Зи Нгуи 46, 48
 Во Кхань 414
 Во Тань 14, 20, 21, 25, 26, 28, 30, 31, 39, 40, 45—47, 51—53, 55, 61, 62, 66—68, 71, 73, 414
 Во Тхам 118
 Во Хюи Дат 255
 Во Чинь 172, 328, 334, 340
 Ву Динь Кхань 260
 Ву Динь Люк (см. Люк) 343, 352
 Ву Зюи Нги 170
 Ву Минь Жанг 111
 Ву Суан Кан 6, 198
 Ву Хань 419
- Гао-цзун 65
- Дам, принц, 4-ый сын Тхе то (см. Хиеу, Нгуен Тхань то, Тхань то) 211, 329, 330
 Данг (см. Фам Ньи Данг) 254, 274—280, 288
 Данг Динь Хоа 292
 Данг Дык Шиеу 26, 53, 104, 106, 172, 331
 Данг Хюи Зы 255
 Данг Чан Тхьонг 33, 52, 84, 85, 96, 103, 115, 116, 127, 140, 147, 157, 170, 172, 173, 243, 273, 281, 291, 302, 324, 337, 338, 340
 Данг Чан Шиеу 352
 Дао Зюи Ты 227
 Дат (см. Ле Зюи Дат) 126
 Дием (см. Фам Ван Дием) 27, 58, 59, 69, 70
 Динь Конг Туиет 84, 85
 Динь Тхе Дой 393
 До Ван Тьонг (см. Тьонг) 332, 335
 До Тхань Нянь 34
 Доан Тянь 387
 Дык¹ (см. Нгуен Хоанг Дык) 38, 43, 61, 197, 283, 363, 402, 403
 Дык² (см. Чинь Хоай Дык) 183
- Жэнь-цзун 65, 109
- Зиеу (см. Чан Куанг Зиеу) 13, 14, 16—19, 24, 25, 27, 29, 38, 39, 40, 51, 54, 61, 62, 66, 68, 80, 84, 87, 90, 92, 100, 104, 116
 Зу (см. Ли Зя Зу) 296
 Зунг (см. Во Ван Зунг) 16—20, 24, 25, 27, 29, 38—40, 51, 54, 61, 62, 66, 68, 80, 84, 90, 92, 100, 104
 Зьонг, принц Дангчаунга 382
 Зюет (см. Ле Ван Зюет) 32, 36, 38, 46, 48, 66, 70, 73, 77, 88, 89, 108, 269, 332, 337, 358, 362, 385, 391—393, 395, 396
- Кань, наследный принц 14, 21, 28, 54, 55, 330, 382—384, 405
 Као Хюи Зиеу 254, 419
 Кат (см. Нгуен Зя Кат) 337, 338
 Кет (см. Чан Виет Кет) 24
 Конфуций 320, 405
 Куанг Тоан (см. Нгуен Куанг Тоан) 66, 87
 Куать Тат Тхук 284, 302, 393

Куок-тюа 227
Кхань (см. Нгуен Куанг Кхань) 84

Лай (см. Чан Конг Лай) 357, 395
Лаунг 259

Ле (см. Поздние Ле) 7, 65, 97, 102—108, 119, 120, 122—128, 130, 133—138, 140—144, 147, 148, 152, 160, 162, 165, 169—173, 198, 215, 243, 250, 254, 258, 273, 295, 298, 299, 301, 303, 318, 339, 351, 377, 380, 381, 387, 405, 424, 425

Ле Ба Фам 337, 338, 363, 392

Ле Ван Зюет 19, 32—38, 41—44, 46—48, 50, 51, 59, 63, 66, 67, 70—73, 75—81, 88—91, 108, 115, 116, 118, 148, 172, 184, 200, 269, 270, 309, 330, 331, 332, 335, 337, 357, 358, 362, 363, 385, 391—396, 403, 414

Ле Ван Иен 414

Ле Ван Кхой 304

Ле Ван Кюэ 88

Ле Ван Лан 8

Ле Ван Лой 20, 64, 96, 97

Ле Ван Тхань 16, 17, 19, 20

Ле Ван Фаунг 108, 118

Ле Ван Хынг 91, 170

Ле Ван Ынг 16—18, 20

Ле Виет Нгиа 357

Ле Дай Кыонг 299

Ле Доан 343, 352

Ле Динь Тьинь 87

Ле Дык Тхан 170

Ле Зань Фаунг 71

Ле Зень 352

Ле Зюи Дат 126

Ле Зюи Мат 124, 147

Ле Зюи Тхан 142

Ле Зюи Тьн 133, 134

Ле Зюи Фан 301

Ле Зюи Хоан 133, 134, 136, 171, 339, 340, 377—379

Ле Куанг Динь 383

Ле Кюи Дон 267, 291, 340

Ле Кюи Киет 267, 291, 340

Ле Кюинь 168

Ле Лой 135

Ле Ман де 109, 120, 168

Ле Тхай то 125

Ле Тхань тонг 171

Ле Тян 419

Ле Тят 19, 20, 25, 30—35, 37, 41, 43, 59, 60, 63, 65—67, 70, 72, 73, 77—79, 89, 90, 108, 115, 148, 172, 266, 267, 270, 283—285, 289—293, 295, 298—303, 333, 337, 338, 342—344, 347, 351—353, 357, 363, 385, 388, 389, 425

Ле Чунг 12—17, 19, 24

Лелябусс 47

Ли, древний императорский род 345
Ли Зя Зу 295—297, 315, 347

Ли Чыонг Хоанг 345

Лиен 290

Льу Фыок Тьонг 76, 81, 403

Люк (см. Ву Динь Люк) 343, 352

Ма Гуаньфу 60

Ма Зань Куэ 293

Ма Зоань Диен 295

Ма Тхе Ко 133, 136

Ма Ши Чать 287, 293—295, 326, 327

Май Дык Нги 414, 415

Май Дык Ньо 414

Мак¹, династия правителей Севера 135

Мак², династия правителей Хатиена 362

Мак Конг Зу 361

Мак Тхием Ты 321

Ми Дьонг 330—334, 381

Мин, китайская династия 135

Нган Ву 167

Нгаук Нга 415

Нгаук Нгоан 415

Нгаук Суиен 415

Нгаук Чан 414

Нго Ван Шо 12, 24, 94

Нго Ви 418, 419

Нго Дык Туан 82

Нго Няи Тинь 109, 300, 301, 303, 357

Нго Тонг Тю 383

Нго Тхи Няи 133, 137, 170, 171

Нгуен, династия 9, 52, 64, 87, 96, 102, 104—106, 108, 113, 119, 120, 126, 127—131, 134, 139, 142, 146, 157, 160, 169, 188, 232, 240, 241, 249, 250, 252, 260, 264, 302, 303, 318, 322, 331, 378, 380, 381, 385, 402, 405, 426, 428

Нгуен Ань (см. Нгуен Фук Ань) 18—22, 25, 27—43, 45—48, 50—67, 71—78, 81—91, 95—109, 112, 113, 118, 119, 124, 135, 137, 141, 143, 158, 180, 243, 254, 307, 379

Нгуен Ба Хуан 94

Нгуен Ван Бао 15, 16

Нгуен Ван Бинь 308

Нгуен Ван Ван 86, 106

Нгуен Ван Дием 91

Нгуен Ван Дык 414

Нгуен Ван Зань 13, 16, 62

Нгуен Ван Зяп 91, 170

Нгуен Ван Киен 85, 86

Нгуен Ван Кхием¹ 141

Нгуен Ван Кхием² 414

Нгуен Ван Ман 91

Нгуен Ван Нанг 390

Нгуен Ван Няк 10, 15, 16, 116, 169, 170, 239

Нгуен Ван Нян 33, 54, 55, 181—183,
273, 308, 309, 339, 357, 360, 403,
413—415
Нгуен Ван Суан 60, 394
Нгуен Ван Тань 41, 59, 69
Нгуен Ван Тон 69, 72, 179
Нгуен Ван Тхан 74, 75, 115, 116, 170
Нгуен Ван Тхань 15, 18—21, 27, 30—
37, 39—43, 45—47, 51, 52, 59—62,
66, 69—73, 77—80, 87—90, 96, 98,
99, 128, 138—141, 145—147, 153,
157, 158, 160, 162—165, 170—172,
179, 180, 206, 209, 210, 241, 243,
246, 248, 255, 256, 259, 261, 262,
265, 266, 269—275, 279—284, 287,
289, 291, 292, 299, 303, 309, 324—
340, 358, 362, 370, 371, 373, 375,
377, 378, 381—383, 422
Нгуен Ван Тхюен 332, 334—336, 339,
340, 377, 378
Нгуен Ван Тхюн 398
Нгуен Ван Ты 170
Нгуен Ван Хуан 10, 12, 13, 16
Нгуен Ван Хюэ 10, 70, 94, 113, 116,
132, 169, 170
Нгуен Ван Чи 62, 63
Нгуен Ван Чыонг 19, 25, 27, 29, 35,
38, 48, 51, 53, 54, 57, 58, 60, 62,
65, 74—77, 82, 83, 85, 86, 96, 99,
105, 115, 116, 141, 148, 157, 165,
183, 184, 308, 379, 395
Нгуен Виен (см. Нгуен Туан) 103,
171, 172, 336
Нгуен Данг Туан 198, 229, 234, 425
Нгуен Данг Шо 170
Нгуен Динь Дак 141
Нгуен Динь Дык 339, 352
Нгуен Динь Зя 393
Нгуен Дык Лаунг 414
Нгуен Дык Суиен 29, 30, 32—34,
36—40, 42, 46, 51, 53, 87, 96, 115,
147, 369, 414, 415
Нгуен Дык Тхиен 414
Нгуен Дык Тхинь 414, 415
Нгуен Дык Тху 42
Нгуен Дык Хау 271
Нгуен Дыонг 243
Нгуен Зу 173, 343, 388
Нгуен Зюн Хоа 333, 336
Нгуен Зя Кат 103, 172, 337, 338
Нгуен Зя Фан 170
Нгуен Ке Нюан 74, 75
Нгуен Ки Ке 324
Нгуен Конг Тхай 96
Нгуен Конг Ханг 261
Нгуен Конг Чы 160, 289, 418
Нгуен Куанг Тоан 10, 12, 13, 15, 17,
20, 21, 24, 61—65, 67, 75, 83—87,
88, 90, 94, 96, 97, 102, 105, 106,
114, 118, 123—125, 137, 169
Нгуен Куанг Тхюи 84

Нгуен Кы Чинь 198
Нгуен Минь Тяу 118
Нгуен Туан¹ (см. Нгуен Виен) 171
Нгуен Туан² 301
Нгуен Тхань то (см. Тхань то) 206,
210, 213, 238, 279, 384, 385
Нгуен Тхе то (см. Тхе то, Нгуен
Фук Ань, Нгуен Ань) 107, 119,
206, 427
Нгуен Тхнеп 94
Нгуен Тхыонг Туан 414
Нгуен Фук Ань (см. Нгуен Ань) 5,
9, 10, 12—15, 17—21, 26, 27, 31,
38, 44, 51, 52, 57, 60, 62, 65, 69—
71, 78—81, 92—94, 107, 118, 119,
250, 273, 302, 330, 339, 373, 381,
383, 420, 426, 427, 428,
Нгуен Фук Тхуан 68, 128
Нгуен Фук Тю 227
Нгуен Фук Хоанг (см. Нгуен Хоанг)
226
Нгуен Хоай Кюинь 197, 336
Нгуен Хоанг 102, 108
Нгуен Хоанг Дык 32, 35, 37, 38,
40—43, 61, 78, 108, 197, 283, 320,
352, 363, 402, 403, 413—415
Нгуен Хоанг Тоан 414
Нгуен Хыу Нги 332, 334
Нгуен Хыу Тхан 352
Нгуен Хыу Тьинь 113, 259
Нгуен Хыу Тяу 272
Нгуен Хюн Чинь 254, 394
Нгуен Хюэ 88
Нгуен Чаунг Тонг 142, 258
Нгуен Чаунг Фан 258
Нгуен Чи Хоа 103
Нгуи (см. Во Зи Нгун) 48
Нюан (см. Нгуен Ке Нюан) 75
Няк (см. Нгуен Ван Няк) 10, 239
Ням (см. Нго Тхи Ням) 170
Нян¹ (см. Фам Ван Нян) 58
Нян² (см. Нгуен Ван Нян) 181, 183

Огнетов И. А. 94

Петр I 385
Поздние Ле (см. Ле) 249, 250
Познер П. В. 252

Рама I, сиамский король 15, 90

Сиен Ван 352
Суиен (см. Нгуен Дык Суиен) 29,
32, 35, 36, 39, 40, 42, 46, 87—89

Та Ты Дай Чыонг 26, 53
Тайшон, династия 9, 10, 20, 86, 104—
107, 111, 112, 119, 120, 122—126,
128, 135, 136, 138, 143, 152, 167,
170, 172, 189, 197, 208, 241, 250,

- 258, 259, 263, 296, 298, 318, 337, 376, 379, 388, 426
- Тан, китайская династия 381
- Тиен 388
- Тинь (см. Нго Нян Тинь) 109, 300, 301
- Тоан¹ (см. Нгуен Куанг Тоан) 16, 65, 85, 115, 118
- Тоан² (см. Хоанг Виет Тоан) 302, 353, 390
- Тон Тхат Бинь 389, 390
- Тон Тхат Тханг 55, 85, 102, 416
- Тон Тхат Тьонг (см. Тьонг) 96, 147, 302, 303, 357
- Тон Тхат Хой 414
- Тон Тхат Чинь 414
- Тонг Виет Фыок 19, 20, 24, 41—46, 51, 52, 60, 66, 70, 71, 413, 414
- Тонг Виет Чи 414
- Тонг Фыок Лыонг 83, 85, 86
- Тонг Фыок Нгоан 334, 340
- Ту Бить 167, 344, 346
- Туан (см. Чан Ван Туан) 403
- Тунет (см. Динь Конг Тунет) 84
- Тхай¹ 292
- Тхай² (см. Хоанг Ван Тхай) 293
- Тхай³ (см. Ха Конг Тхай) 353
- Тхан¹ (см. Нгуен Ван Тхан) 75
- Тхан² (см. Нгуен Хыу Тхан) 352
- Тхан Ван Донг 346
- Тхань¹ (см. Ле Ван Тхань) 17—19
- Тхань² (см. Нгуен Ван Тхань) 30, 33—36, 41, 43, 44, 46, 47, 51, 59, 60, 69, 72, 73, 77, 78, 80, 89, 90, 99, 139, 140, 157, 158, 164, 273, 279—283, 287, 324—328, 331—335, 339, 340, 370, 373, 375, 381
- Тхань то (см. Нгуен Тхань то) 6, 29, 55, 101, 115, 131, 137, 139, 172, 183, 196, 198, 212—215, 224, 225, 228, 230, 233—236, 252, 253, 276, 277, 329, 330, 374, 380, 385, 389, 399, 410, 415—418, 420, 423, 425
- Тхе то (см. Нгуен Тхе то, Нгуен Ань, Нгуен Фук Ань) 7, 105, 107—110, 112—120, 123—140, 142, 143, 146—148, 149, 152—160, 165, 169—173, 175, 178, 179, 180, 183—189, 197, 200, 201, 206—215, 219, 220, 222—226, 228—231, 233, 234, 238, 240, 242, 243, 248, 249, 250—254, 257—260, 262, 269, 270, 272, 273, 275—284, 287, 289, 290, 294, 296—298, 304, 306, 314, 315, 317, 319, 320, 322—325, 327—341, 347, 352—354, 357, 360—362, 364, 370, 371, 373—385, 388—396, 399, 402—405, 411, 412, 414—416, 418, 420—425
- Тхинь (см. Нгуен Ван Тхинь) 304
- Тху (см. Нгуен Дык Тху) 42
- Тхьонг (см. Данг Чан Тхьонг) 84, 127, 170, 243, 337, 338
- Тхюен (см. Нгуен Ван Тхюен) 332—335, 339, 340
- Тхюи (см. Нгуен Куанг Тхюи) 85
- Тьеу¹ 84
- Тьеу² (см. Ты Ван Тьеу) 35, 36, 42, 52, 71, 79
- Тьинь (см. Ле Динь Тьинь) 87
- Тьонг¹ (см. До Ван Тьонг) 333, 357
- Тьонг², старший принц в Дангчаунге 382
- Ты Ван Тьеу 25, 31, 35, 36, 38, 41—43, 52, 71, 78, 79, 89, 91, 116
- Тю Ван Тиеп 30
- Тян 169
- Фам Ван Дием 19, 27, 29—31, 57—59, 69, 70, 96, 116
- Фам Ван Кинь 8
- Фам Ван Нян 58, 60, 62, 83, 85, 88, 108
- Фам Ван Хынг 10, 12, 13
- Фам Данг Хынг 334, 335, 339, 340, 373—375, 378, 379, 385, 415
- Фам Зуат 272
- Фам Ньи Данг 141, 243, 248, 254, 273—282, 284, 288, 289, 291, 326—328, 333—338
- Фан Ба Дат 418
- Фан Ван Чису 72, 89
- Фан Зыонг Хао (см. Фан Тхук Чык) 7
- Фан Зя Тхань 351
- Фан Тиен Хоанг 89
- Фан Тхук Чык (см. Фан Зыонг Хао) 7, 157—159, 161—162, 166—168, 171, 172, 257—259, 272, 281, 282, 292, 302, 338, 340, 343, 344, 352, 388, 392, 403
- Фан Хюи Ить 133, 137, 170
- Фан Хюи Ле 8
- Форсан де 22, 29, 50, 53, 58, 62
- Фыок (см. Тонг Виет Фыок) 42, 46, 52, 60, 66, 70, 71
- Ха Зуи Фиен 418
- Ха Конг Тхай 75, 136, 353, 393
- Ха Хи Ван 379
- Хай Бигь 258
- Хань, китайская династия 381
- Хи, 2-ой сын Тхе то 29, 55, 181
- Хнен то 418
- Хиеу (см. Дам) 29, 55, 115, 211, 329—331, 334, 336, 338, 362, 366, 378, 381, 383—385, 416, 421, 423—425
- Хо Конг Зиеу 16, 24, 65, 94, 97, 199, 200
- Хоа (см. Нгуен Зюн Хоа) 332

Хоан (см. Ле Сюн Хоан) 133, 171, 339
Хоанг (см. Ли Чыонг Хоанг) 345
Хоанг Ван Дием 86
Хоанг Ван Тхай 293
Хоанг Виет Тоан 69, 96, 147, 301—303, 354, 357, 389, 390
Хоанг Ким Хоан 198, 336
Хоанг Куок Бао 255
Хоанг Нгу Фук 337
Хой 313
Хуан (см. Нгуен Ван Хуан) 13
Хынг (см. Фам Данг Хынг) 335
Хюэ (см. Нгуен Ван Хюэ) 10

Цин, маньчжурская династия 106, 132, 137, 170, 196

Чак¹ (см. Чан Ван Чак) 105, 106
Чак² 165
Чан, род управляющих Куангнамом в конце XVI — начале XVII в. 227
Чан Ба Кнен 255
Чан Ван Ан 171
Чан Ван Дай 418, 419
Чан Ван Дык 222
Чан Ван Ки 16, 24, 61, 65, 94, 97
Чан Ван Туан 336, 398, 403
Чан Ван Тхай 222
Чан Ван Тхинь 303
Чан Ван Чак 104, 106, 325, 338
Чан Виет Кет 21, 24
Чан Дай Кыу 91
Чан Дык Хоа 226, 227
Чан Конг Лай 301—303, 353, 357, 395
Чан Куанг Зиеу 10, 12—17, 20, 21, 24, 25, 28, 29, 31, 37, 44, 51, 59, 61, 65, 67, 68, 70—72, 78, 79, 84, 87, 90—94, 97, 108, 116, 170, 200
Чан Нгаук Куан 304
Чан Нгаук Нгы 334, 340

Чан Хюн Хао 118
Чать (см. Ма Ши Чать) 327
Чжу Ди (см. Янь-ван) 381
Чжу Юань-чжан 331, 381, 382
Чжу Юнь-вэнь 331, 381
Чинь, династия правителей Севера 102, 111, 120, 124, 126—128, 130, 133—135, 138, 140, 141, 147, 152, 169, 170, 215, 241, 258, 263, 264, 303, 337, 339, 344, 424, 425
Чинь Бонг 259
Чинь Ван 258, 259, 266, 344, 346, 352
Чинь Зоань 261, 262
Чинь Кхай (см. Чинь Тунг) 259
Чинь Кыонг 256, 261
Чинь Тунг (см. Чинь Кхай) 259
Чинь Хоай Дык 109, 131, 172, 183, 305, 308, 332, 334, 338, 363, 383, 403
Чык (см. Фан Тхук Чык) 344
Чыонг (см. Нгуен Ван Чыонг) 48, 54, 57, 58, 60, 74, 82, 83, 85, 115, 183
Чыонг Ван Минь 347
Чыонг Данг Кюэ 6, 418
Чыонг Минь Зянг 420
Чыонг Тиен Бао (см. Чыонг Тиен Быу) 96
Чыонг Тиен Быу (см. Чыонг Тиен Бао) 273, 309, 358, 362, 363
Чыонг Хиеу 332, 334, 335, 340

Шенье Ж. Б. 22, 29, 50, 53, 58, 62, 383
Шиеу¹ (см. Данг Дык Шиеу) 105, 106, 172, 331
Шиеу² 85

Ынг (см. Ле Ван Ынг) 17—19

Янь-ван (см. Чжу Ди) 381, 382

La monographie de A. Riabinine «Naissance de l'empire des Nguyens» est consacrée à l'étude de l'histoire socio-politique du Vietnam au début du XIXe siècle.

L'introduction de l'ouvrage motive l'importance du sujet. Elle découle de la nécessité d'analyser le niveau sans précédent du développement, au début du XIXe siècle, des structures économiques et sociales qui étaient propres à la société féodale avancée du Vietnam durant l'existence de l'Etat indépendant. L'évolution accélérée du Vietnam a été la conséquence du favoritisme maximal dans les conditions du despotisme oriental et de la brusque différence entre les régions du pays de la part de la superstructure politique étatique aux tendances progressistes de développement social.

Le premier chapitre examine la lutte des féodaux de l'Extrême-Sud (Giadinh) contre l'Etat de la dynastie des Taysons qui s'est constitué grâce à la féodalisation du groupe dirigeant du mouvement paysan. A l'étape finale de la lutte, alors que la base initiale de l'insurrection, la province de Quinhon isolée du gouvernement corrompu de Phuxuan devint le centre de résistance aux hobereaux de Giadinh et qu'à la tête des masses populaires armées se trouvèrent des chefs talentueux, on a vu renaître, pour une certaine période, le caractère paysan du mouvement et le confrontation des parties a acquis une orientation de classe accentuée.

La défaite des Taysons qui se sont battus courageusement est moins le résultat de la victoire militaire de l'armée des hobereaux (car elle n'a pas gagné beaucoup de batailles), que le résultat de l'avantage du type plus avancé d'économie à la base de laquelle se trouvait l'économie féodale privée hautement marchande sur les formes plus arriérées de la production agricole.

Deux partis opposés se sont constitués au cours de la lutte contre les Taysons au sein de la classe au pouvoir de l'Etat. Le premier qui comprenait des personnes aspirant à prendre en considération les besoins des couches sociales d'avant-garde, était conventionnellement appelé parti des «réalistes», le second représenté par les partisans de l'orientation sur les modèles archaïques traditionnels des structures sociales et économiques, était défini en tant que parti des «traditionalistes». La lutte entre les «réalistes» et les «traditionalistes» pour l'influence sur la politique intérieure de l'Etat exprimait le confrontation de deux fractions de la classe féodale — des hobereaux et des fonctionnaires féodaux.

La venue au pouvoir en 1802 au Vietnam réuni par la force des armes du leader des féodaux-hobereaux de l'Extrême-Sud soutenu par les couches citadines, en premier lieu par les marchands, a créé pour le nouveau gouvernement le problème de l'élaboration et de la réalisation d'une politique sociale spécifique pour chacune des parties de l'empire, ainsi que de son unification ultérieure sur la base des étalons proches aux modèles du développement de la principauté sud-vietnamienne de Dangtrong au XVIIIe siècle.

Les quatre chapitres suivants examinent partiellement le développement social et économique et étudient en détail le développement socio-politique de la société vietnamienne à l'échelle des parties séparées du pays [Extrême-Nord (Bakthanh) Nghean—Thanhhoa, les vieilles régions de l'ancien Dangtrong, Extrême-Sud (Giadinh)] suivant les quatre étapes chronologiques: 1802—1806, 1806—1812, 1812—1817 et 1817—1819.

Le deuxième chapitre étudie l'histoire politique et sociale du Vietnam en 1802—1806. Les «traditionalistes» qui se trouvaient à cette époque au pouvoir dans l'Extrême-Nord, s'efforçaient à réaliser un programme social conservateur dont les traits essentiels étaient le rétablissement de la propriété communale de

la terre qui était la base économique des fonctionnaires féodaux, la restriction des positions économiques et sociales des hobereaux, la réduction de leur rôle dans la sphère de l'administration. L'application conséquente de cette politique a brusquement aggravé les conflits sociaux et a provoqué des insurrections armées contre l'administration «traditionaliste». Dans l'Extrême—Sud administré par les «réalistes», les autorités s'efforçaient d'encourager activement les hobereaux, les commerçants, les artisans et les entrepreneurs de toutes sortes qui étaient partiellement ou entièrement exempts d'impôts pour plusieurs années. L'encouragement du commerce du riz a transformé Giadinh en grenier de tout le pays et a créé des conditions pour une construction gigantesque par son ampleur dans la capitale. Cette construction était liée au renforcement de l'exploitation féodale d'Etat dans les vieilles régions de l'ancien Dangtrong et partiellement de Nghean—Thanhhoa directement subordonnés au gouvernement de Phuxuan. D'une importance exceptionnelle était, à cette époque, la reconnaissance, par le pouvoir suprême, de la valeur du rôle des personnes privées officialisées, élues ou reconnues par l'Etat, dans la sphère de l'administration, ainsi que des «secrétaires» occupant des fonctions administratives, en évitant la sélection d'après les résultats des concours d'examen et constituant la classe dite «dispersée».

Le troisième chapitre traite du développement social et politique du Vietnam en 1806—1812. La direction des «traditionalistes» qui a provoqué les insurrections massives dirigées par les représentants de la «noblesse» menaçait les Nguyens à Bakthanh. La crise militaire était accompagnée de la crise économique. Seuls les efforts militaires extrêmes ont permis aux «traditionalistes» d'empêcher l'une des plus vieilles dynasties de s'emparer du pouvoir. L'échec évident des initiatives conservatrices a obligé de rappeler les leaders des «traditionalistes» dans la capitale et à désigner aux postes administratifs supérieurs les «réalistes» qui ont commencé à réduire le niveau d'exploitation féodale d'Etat, ce qui a contribué à stabiliser la situation dans l'Extrême—Nord. A Giadinh, après le rétablissement des impôts, l'imposition des terres privées qui appartenaient essentiellement aux grands propriétaires fonciers, demeura extrêmement facilitée, elle était de plusieurs dizaines de fois inférieure à la norme moyenne pour l'empire. Les commerçants reçurent la possibilité de s'affranchir des transports d'Etat. Des privilèges considérables furent accordés aux vieux compagnons d'armes du régent de Giadinh, ceux qui l'aidèrent dans la lutte contre les Taysons dans les années 80 du XVIII^e siècle et appelés «hommes de Bangkok» (ceux qui étaient partis, avec le régent à Bangkok). On observait en même temps un «autoisolement» des Giadinh dans le cadre de l'Extrême—Sud, leur refus de participer au niveau le plus élevé de la sphère d'administration, dans la capitale en particulier, ce qui est dû au fait qu'ils préféraient la sphère de l'économie et n'étaient pas préparés aux concours d'examen. Vu le conflit au Kampuchea, le niveau d'exploitation féodale de l'Etat croît quelque peu. Dans les vieilles régions de Dangtrong, le niveau antécédent d'exploitation féodale d'Etat fut réduit, mais les corvées de différentes couches sociales imposées de redevances, y compris les artisans, se poursuivaient. Les soldats étaient largement utilisés pour les travaux de construction dans la capitale. Les insurrections éclatèrent à Nghean et à Thanhhoa, dans les régions frontalières avec Bakthanh, mais furent étouffées.

Le quatrième chapitre est consacré à l'analyse de l'histoire sociale et politique en 1812—1817. Dans l'Extrême—Nord, les «réalistes», après avoir modifié l'orientation de la politique économique et sociale appliquée par l'administration précédent, après avoir introduit le régime d'économie et appliquant des méthodes militaires, réussirent à réduire en flèche l'ampleur des insurrections antigouvernementales et à normaliser la situation. Des signes d'instabilité commencèrent à se manifester en même temps à Nghean et Thanhhoa. A Giadinh, la poursuite du conflit kampuchéen exigea d'accroître les impôts et les charges, militaires avant tout, ce qui fut réalisé grâce à une croissance considérable du nombre de hommes obligés aux impôts et aux corvées étatiques. Dans les vieilles régions de Dangtrong, le niveau d'exploitation féodale d'Etat ne fut pas élevé. La lutte politique aiqué entre les deux partis dans la capitale s'acheva par l'extermination physique des leaders des «traditionalistes».

La victoire des «réalistes» à l'échelle de tout le pays rendit possible l'élaboration d'une politique sociale équilibrée dans tout l'empire sur la base des normes proches au modèle «méridional» de développement. En même temps, le concours d'examen panvietnamien a démontré le rôle dirigeant des Nordiques dans la sphère de la formation des cadres gestionnaires. Un partisan de la ligne politique conservatrice fut simultanément proclamé successeur de l'empereur. C'est alors que commença à se former la classe héritière des «hommes de Bangkok» représentés dans leur majorité par les descendants des hobereaux de Giadinh qui, évitant le concours d'examen, devaient constamment compléter l'appareil administratif afin d'affaiblir, dans cette situation, les positions du «traditionalisme» et de renforcer l'orientation «réaliste» pour l'avenir.

Le cinquième chapitre analyse l'histoire sociale et politique du Vietnam en 1817—1819. C'est à cette étape que la politique sociale équilibrée pour tout l'empire, politique proche du modèle «méridional» commença à être appliquée dans la plus grande mesure. A Bakthanh, cette politique des «réalistes» a entièrement stabilisé la situation et a mis fin aux insurrections. A Nghean et à Thanhhoa, la politique d'accroissement de l'exploitation féodale d'Etat appliquée par l'administration locale a provoqué des insurrections armées rapidement réprimées par l'un des leaders des «réalistes». La série de mesures économiques et sociales efficaces qui a suivi ces événements a contribué à normaliser la situation. A Giadinh, la propagation des normes de l'empire à l'Extrême—Sud a considérablement accru l'exploitation féodale d'Etat grâce à l'augmentation du nombre des hommes obligés aux impôts et aux corvées dont une grande partie était constituée des masses de la population représentées par les émigrés du Nord. Cependant, les hobereaux continuaient de bénéficier d'énormes avantages fiscaux qui furent liquidés seulement en 1836. La classe des «hommes de Bangkok» qui devenait une force politique réelle capable d'influer sur l'élaboration et la mise en oeuvre de la politique intérieure, grandit considérablement. Dans les vieilles régions de Dangtrong, la politique sociale de l'Etat ne subit pas de grands changements car ce sont justement ses normes et stéréotypes qui furent pris comme étalon pour la politique intérieure de l'empire appliquée par le gouvernement «réaliste» à l'échelle de tout le pays. Cependant, la victoire des «réalistes» n'était ni complète, ni définitive. Le concours d'examen à l'échelle de l'empire en 1819, a une fois de plus démontré le rôle dirigeant des Nordiques dans la formation du corps des fonctionnaires. Dans le Nord, la base socio—économique du «traditionalisme» — la propriété communale de la terre, était conservée. Autour de l'héritier du trône, dans la capitale, se constitua un cercle de «traditionalistes» modérés et passifs qui ne risquaient pas d'entrer ouvertement en conflit avec le gouvernement des «réalistes» mais qui attendaient que le pouvoir passe à leur protecteur avec le soutien duquel ils pourraient pratiquement réaliser leurs idéaux politiques. Le changement des monarques a modifié les directives politiques adressées depuis Phuxuan (Hué), or pour les propager au territoire de tout le pays les «traditionalistes» durent lutter dans l'Extrême—Nord et surtout dans l'Extrême—Sud. Même vers la fin des années 30, les «réalistes» n'étaient pas entièrement liquidés. Les crises sociale et économique engendrées par l'administration des «traditionalistes» dans les années 20—30 ont fait partiellement renaître la politique du «réalisme» vers la fin des années 40 et au début des années 50 du XX siècle, mais elle n'a pas connu d'essor vu le début de l'agression française. La résistance à cette agression était fortement affaiblie par l'activité précédente des «traditionalistes».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Образование позднефеодальной империи Нгуенов	9
Сезонные войны Нгуен Фук Аня с тайшонами	9
Переход к непрерывной войне. Начало битвы за Кюиньон (вторая половина 1800 — первая половина 1801 г.)	22
Захват Нгуен Фук Анем Фусуана и распространение его власти на большую часть бывшего Дангчаунга	60
Героическая оборона тайшонами Кюиньона (вторая половина 1801 — начало 1802 г.)	68
Попытки захвата южанами Нгеана	74
Война на истребление	76
Пограничная война (конец 1801 — начало 1802 г.)	81
Конец власти Тайшонов в Кюиньоне	86
Социальная политика Нгуен Аня в «переходный» период (середина 1801 — середина 1802 г.)	95
Поход на Бакха и завоевание Нгуен Анем власти во всей стране	107
Глава II. Социальная политика вьетнамского государства в первые годы правления династии Нгуенов (1802—1806)	120
Укрепление социальной опоры режима Нгуенов на Севере	120
«Традиционалисты» в Бакхани и в столице (1802—1806)	169
Политика поощрения ремесленников, торговцев, частных предпринимателей в Зядини	173
Восстановление старых норм государственно-феодальных повинностей, социально-экономической политики и системы управления в старых районах Дангчаунга	183
Включение части представителей экономически господствующих слоев в управленческую структуру позднефеодального вьетнамского государства	200
Глава III. Две программы — две политики (1806—1812)	241
Кризис, вызванный появлением «традиционалистов» в Бакхани	241
Социальная политика в районах бывшего Дангчаунга (в Зядини и Куангнаме — Тхуанхоа)	304
Глава IV. Победа «реалистов» (середина 1812 — середина 1817 г.)	330
Борьба политических группировок в столице и разгром «традиционалистов»	330
Выравнивание экономической и социальной ситуации в масштабах всей страны. Меры по унификации внутривластного курса	341
Начало формирования сословия наследственной родовой знати — «бангкокцев»	377
Глава V. Оформление сбалансированной общеимперской политики (1817—1819)	380
Причины провозглашения наследником «традиционалиста». Династические и государственные интересы при выборе наследника	380
Выработка общевьетнамской компромиссной «сбалансированной» внутренней политики в 1817—1819 гг.	385
Окончательное формирование сословия наследственной знати	411
Второй общевьетнамский провинциальный экзаменационный конкурс и его значение. Усиление «традиционалистских» черт во внутренней политике	417
Заключение	426
Использованная литература	431
Указатель географических и административных названий и понятий	437
Указатель имен	444
Résumé	449

Алексей Леонидович Рябинин
РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ НГУЕНОВ
(социально-политическая
история Вьетнама
в начале XIX в.)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *В. Н. Кюзадзьян*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *М. В. Баст*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Н. Б. Осягина*

ИБ № 15768

Сдано в набор 07.08.87. Подписано к печати
09.02.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типограф-
ская № 2. Гарнитура литературная. Печать вы-
сокая. Усл. п. л. 28,5. Усл. кр.-отт. 28,5. Уч.-изд.
л. 32,59. Тираж 1300 экз. Зак. 976. Изд. № 6183.
Цена 5 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28